

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

СОЧИНЕНИЯ

ЕВГЕНИЙ
ЗАМЯТИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**ТРУДНОЕ
МАСТЕРСТВО**

Москва
Издательство
«Республика»
Издательство
«Дмитрий Сечин»
2011

УДК 82
ББК 84Р
3-26

Редакционно-издательский совет:

*Д. Е. Сечин, С. С. Никоненко, А. Н. Николюкин,
А. Н. Тюрин, Ж. Шерон*

Составление, подготовка текста, комментарии
С. С. Никоненко и А. Н. Тюрина

Художник

И. А. Шмелев

Замятин Е. И.

3-26

Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Трудное мастерство / Сост., подгот. текста, коммент. С. С. Никоненко, А. Н. Тюрина. — М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2011. — 559 с., 1 ил. портр.

ISBN 978-5-904962-05-0

В настоящий том Собрания сочинений Е. И. Замятина вошли материалы лекций о писательском мастерстве, с которыми он выступал перед разными аудиториями, и его записные книжки (или блокноты), охватывающие период с 1914 по 1936 год. Эти материалы отражают некоторые характерные черты тех лет, вводят читателя в творческую лабораторию писателя, помогают глубже понять мировоззренческие и прежде всего эстетические принципы его творчества. В них Е. И. Замятин предстает как тонкий знаток русской литературы.

В полном объеме приводимые тексты публикуются впервые.

ББК 84Р

© Д. Е. Сечин, 2011

© С. С. Никоненко, А. Н. Тюрин.
Составление, подготовка текста, комментарии, 2011

ISBN 978-5-904962-02-9 (т. 5)

ISBN 978-5-904962-05-0

БЛОКНОТЫ

<1-я стр. обложки. Несколько записей намеренно стерто. Прочитывается только следующее:>

Б-18-21 <7 или 4>
Пушкинская, 10, кв. 40
Серг. Як. Попов
Серг. Вл.
Зоологический, 2/4, ком. 636
В. Черниговский

<2-я стр. обложки:>
Добронравов 501-67 (Евдоким)
10 <или 9> 2-35 П. Н. Петрицкий
628-45 (645-28)
Л. В. Некраш.
[Я. П. Гребенщиков]
12 л., 19а, кв. 28
Ис. Каз. Брусиловский,
Каменноостровский, 24а, кв. 31
<П. Е.>Щеголев
653-42
<Р. В.>Иванов-Разумник
457
Чапыгин А. П.
Б. Греб[...?], 29, кв. 3

<3-я стр. обложки:>
Тихвинский пер., 9, кв. 3
Кривобоков

[Угол Садово-Триумфальной и Тверской, дом Хомякова,
кв. 37]

Большая Морская, 31/11

Видали Гассанович

Биржа 666-65 1-4

Аптекарский дом, д. 3

(Евсей Хоттейн)

Угол Малого и 5 линии, д. 68, кв. 14

Я. П. Гребенщиков

Лавров

Б. Спасская, 11, кв. 39

<Л. М.> Добронравов

Манежный пер., 7, кв. 23

624-12

<4-я стр. обложки:>

Яков 457-56

Габрилович 272-86

Шишковы

Колпинская, 14а, кв. 88

607-21

Л. А. Петров 612-36

Н. А. Ключев

С. А. Есенин

Фонтанка, 149, кв. 9

609-81

<О. Д.>Форш

Митрохин Дмитрий Исидорович

Васильевский остров, 5 л., 66

581-02

Крат. О. Серг. пр., д.10, кв. 4

А. М. Авраамов

А. П. Чапыгин

Полозова, 17, кв. 14

633-79 бис 2-3

Было общество такое: «Дыра». В той «Дыре» и Соколов вертелся. После «Дыры» — в матросы пошел, попал на Афон. Там зазвал его старец. Ночь, тишина, цикады. Постель постелил:

— Ну, теперь Богу сперва молитвы вычитаем.

И сзади Соколова шепчет — стоит, торопится: поскорей бы молитвы прочесть все уставные... А тут стук в дверь: другой монах просится.

— Ты, — г'рит, — молча, нишкни...

Ну, пустили и другого, наконец, и вот, вдвоем...

— Ты как — при лампаде любишь? Все равно? Ну, я потушу...

[Зевластый.

Завей горе веревочкой.]

[Директор у них в гимназии был: Груздев по фамилии, а звали Морковка. С бакенбардами. Учеников в строгости содержал и семейных своих также. Ученики — перед ним в струнку. Скуповат был изрядно. И пойдя мальчишка в баню, в [чистый] великий четверг, в баню за 20 копеек. Сидит себе, мылится, старается — утром это рановато было. И вдруг — с шайкой, с веником — входит человек с бакенбардами...

— Батюшки, да ведь это же наш: Морковка.

Ахнул мальчишка и, намыленный весь, бросив мочалку, вытянулся — и расшаркиваться стал директору. А директор (без регалий был) — сконфузился так, что рака испек. И подошед к гимназисту, сказал:

— А, это вы. Ну, здравствуйте.

И... руку пожал гимназисту от конфуза. Так мальчик первый раз сподобился начальническую руку пожать.

Один маляр — ревматизмом болел. Решил: одно осталось — электричеством лечиться. К докторам? Не-ет, дорого. И обмотав себя всего проволокой изрядно — маляр один конец ее, с крючком, — забросил за трамвайный провод. И заплясал же на месте: как был — убить не убило, а не помогло.]

В деревне — купец, любитель пожаров, днем ли, ночью ли — тарантас закладывался, и скакал он на пожары. Суетился — покрикивал на парня...

— Из-звощик... Мму-Ммузнецкий Кост. Корок сапеек...

Замуровали...

Выпил основательно — и надо было ему выйти в коридор. А был в комнате пустой шкаф платяной — ниша в стене с желтой дверью: точь-в-точь как входная дверь. И попал он в этот шкаф. Открыл: белая стена, видно — свежая, недавно закладена. Глухая стена. Ткнулся — глухая. И весь бледный, вернулся:

— За-замуровали... Господа, нас замуровали...

Слоеный пирог.

Выпили Яша и Ниша. Здорово. Лежали, как севрюга вареная, недвижимы — распластаны. И вот — почему-то — должно быть, потому, что выпили, и все — решили уложить недвижимых Яшу и Нишу. Стащили с кровати матрасик и прямо на сетку уложили Яшу. На него — матрасик. На матрасик — Нишу. На Нишу — одеяло. Чтоб теплее было...

— Слоеный пирог, ребята, слоеный пирог.

А ночью стонать стали Яша и Ниша.

— О-ох, о-ох!

Неловко стало обоим в слоеном пироге находиться.

Как отцу архимандриту
Блошка спать-и-не-дает:
Ум она его кусает
Целу ночь-и-напролет...

[Богородица — «Ширышая Небес».]

Сапуха́.

[Веденый (Евгений).]

У помещицы попугай был — доносчик, про девушек барыне всё доносил. Так они ему ж..у зашили: так и подох.

[«У нас на дворе — всякая *швабра* живет, одно слово: свита».

...Решили живот трижды в день кипятком мыть, чтобы не так голодно было...]

Шадринский уезд.

Алюсник — шутник
Аркаться — спорить, ругаться

Базлать — реветь, кричать
Барахольщик
Безоблыжный
Безутиху
Беспелюха — неряха, растяпа
Благодарить — подарить
Богатимый
Бровка — полочка над окном в избе
Бронь — метелка проса
Бузгать — есть торопливо, ударять
Бутун — первый весенний лук
Бухвостить — ябедничать, прививать
Бызует — (теленки бегают)

Вежливец — распорядитель на свадьбе
Верещага — яичница на сковороде
Вёшна — весенние полевые работы
Взабеду — обидно
Влеготку
Волок — большая дорога от села к селу
Воробы — станок для мотания ниток
Впритрут — вплотную
Вражной — знакомый с «врагом»
Всугонь — вслед
В уставу быть — быть распорядителем
Выкрылось — оказалось, объяснилось
Выть — еда, обед и ужин, 2 выти

Гаведно — гадко
Глызы — комья земли в зиму
Голк — отдаленный звук
Горбун — старушечья безрукавка
Гузить — медлить

Двоедан — старообрядец
Досельной — бывший прежде
Дубас — синий холщевый сарафан старушечий

Ерыкнуться – не сдержат слова
Евсяной – прожорливый
Естевой – зажиточный

Жаркой – оранжевый
Жихморозь – (эх ма!) тщедушный
Жоркой – прожорливый

Задавалистый

И(о)змолос(ш)ниться – оскоромиться
Ималки – жмурки
Исконвешной – давнишний

Калега – брюква
Калиники – зарницы
Кержак
Кичиги – (Орион)
Копыль – дощечка, к которой прикреплена прялка
Красоты – ленты в косе
Куколь – сорная трава
Кулага – кушанье из солода с мукой
Кулига – небольшое отделенное засеянное поле
Куть – часть избы от печи до передней стены

Лабет – вовлечение в невыгодное предприятие (в картах)
Лешейбойник – бездельник
Лихоматно – благим матом
Лопотина – одежда
Лопоть

Мазево
Мамошка
Межеумок – средние доски
Морговать – брезговать
Мотовило – для сматывания ниток с веретен
Мумер – помер
Мухоедан – магометанин
Мыто – расстройство желудка

Нагумажник – бумажник
Надым – сугроб, нанос

Назовь — название, имя нарицательное
Напрекосердые — наперекор
Невступно — не вполне
Немтует — объясняется знаками

Оберучь — обеими руками
Обичка — обод у сита
Ободняло — день наступил
Однозубка — плохого сорта холсты
Омег — на сырых местах ядовитая трава
Опризориться — прельститься
Осарычить — ударить
Остожье — изгородь вокруг сена
Отава — трава, после сенокоса выросшая
Охвостье — легкое зерно при веянии
Очеп — жердь, на которую вешают зыбку

Пасмо — 30 ниток на мотовиле
Пачеси — холсты из очёсного льна
Перстянки — перчатки
Повалиха — пшенная каша
Подклеть — помещение для первой ночи
Полетай — трава сорная
Прикопотки — чулки без пяток
Прокурат — шутник
Пропитал — продовольствие
Простень — наряденные и намотанные на веретено
НИТКИ

Раздеряга — семейная ссора
Раскрутка — разводка
Растокать — отсоветовать
Расчекмаривать — медленно говорить
Ровнакой — одинаковый
Рунд — межа
Рям — низменное мелколесное место

Саратул — скорняк
Скало — ручной станок мотать нитки
Сновалка — станок для наматывания пряжи
Спень — сон (напало)

Стыком — без венчанья
Стырить — спорить
Сузелень — незрелый хлеб
Суйма — большая сумма денег
Суровиться — шалить
Суслон — куча из 9 снопов

Тем бытом — тем временем
Тремелюдина — замысловатая вещь
Тробка — пробка
Трунцой — рысцой

Уноровить — угодить
Уполномочиться (хозяйством)
Уток — нитки на цевках

Харуим — херувим
Хезныть — худеть, бессилеть
Хлын — обидное, лгун
Ходиться — в гости ходить
Хребтюк — мешок с кормом для лошадей
Хрушкой — крупный

Чембары — шаровары из холста
Чомеор — черт, помрачение
Чувал — основание дымовой трубы
Чуваниться
Чуча — от «чучело»
Чучкнуть

Шабур — верхняя женская одежда
Шаланги — рабочие сани
Шашмура — чепец, наколка
Шесток — передняя часть печи
Шиликун — святочный бес

Ячник — хлеб ячменный
Ярушник — хлеб ржаной

Господь на прощенье — прощальное приветствие
Ходить по щётам — считать на счетах

Имена:

Ивойло (чопись),
Любава (любовь),
Панис (Паисий),
Селифон (Ксенофонт),
Яуста (Августа).

Река Пышма.

Криптогlossарий

Брыкаловка

Вонзить

Дербануть, дерябнуть, дербулызнуть

Ключ потерять от жопы — напиться до рвоты

Колпино — рюмка за гривенник

Накулюкаться

Набусаться, бусой; насвистаться

Первая — колом, вторая — соколом, третья — мелкой пташечкой

А ну, полешко подложим (о холоду)

Прямое сообщение — рюмка в 20 копеек

Рюмаша, рюмашка, рюмашечка

— Теленок пил?

— Пил.

— И мы выпьем (при телятине).

Турок (ликер + желток + коньяк)

Тюкнуть. Урезать. Царапнуть

— Гусь плавал?

— Плавал.

— А по воде ходил (по льду)?

— Ходил.

— Ну и мы пройдемся...

Солдат пришел в землянку, просит офицера взять его из лазарета:

— ... Да там, ваш'скорodie, чистота дюже одолевает.

Полицмейстер просил будить *за час* до пожара...

«... выслать мне наложенным платежом патентов'ную керосиновую кухню для пищеварения».

Разогрелась пушка от выстрелов.
— Хоть блины пеки, — говорят солдаты.

1. Через 20 лет будут рождены <нрзб>.
2. *Негус абиссинский.*
3. Малый мешки таскает. В субботу расчет. Получка из пяти рублей. В воскресенье — едет в фазтоне, пальто чесучовое. В понедельник почесывается:
— Дайте двугришку.
4. Еврей — портной. Сын — врач, приехал — и выходит только по ночам из дому.
5. Лева на стене нарисован — вместо ковра.
6. Мужик — *талушка.*
7. Лицеист на кухне из кастрюли etc. за etc. <нрзб> да, нет, *не осведомлен.* И горничную.
8. «Для пищеварения...»
9. За час до пожара...
10. Не кроши, детей будет много.
11. — Петька, не дрожи стол.

— Колосающее!!..

Вагон битками набит.

— Вы мне калош потеряете!

— Не давитесь. (В трамвае).

12. Деревня — как стадо белых дремливых овец.

13. ... В хижине у старца — пахло грибом трухлявым...

В сажалке плавали гуси, завертывали кренделем голову назад и чистили крылья.

Нил Столбенский — в каждой деревне, в каждом доме.

У него было два таланта: первое — прекрасно ругался по-английски и второе — великолепно бросал ножи в цель...

Земский.

В камеру ходил раз пять в месяц из имения — пешком. А имение — за 18 верст.

— Лошадей, — г'рит, — не желаю портить. Лошади — для работы.

А жена — жила верст за 30, отдельно. Тоже на свидания пешком хаживала.

Следователь — выехал на следствие. Спит на столе, больше нигде. Стол — казенный, широкий: и письмоводитель пристроился.

Обыватель стоял на крыльце, звезды считал. Бежал с поленом чиновник: за приятелем спьяну гнался. Приятель-то убежал, а обывателя треснул по ногам: не попадайся. Ну, следствие. На допросе обыватель молит:

— Уж лучше так кого-нибудь... Что ж, жив ведь я, хоть и больно. А то он-то (чиновник) силен больно, а я — сами какой видите...

Монастырь.

На низеньком лугу, пьющем воду из Волги, — странный [роз] весь ярко-белый, нездешний, неземной городок. И поют — на усладу всему миру — колокола: тихим, низким, глубоким, умиротворенным звоном, будто не здесь, наверху, а под водой, в невидимом граде, этот звон: прошел через дремотно-зеленую глубь, оттого такой тишиной, таким миром полон.

Завтра в монастыре — престол. Муравьи-богомольцы копошатся кучами на берегу. Постирушки устроили к празднику: целая вереница на веревке белого белья. И ярмарка кружится пестрым хороводом: гребешки из Ярославля, пряники кинешемские, красные с золотом, искусные баклуши из Диева Городища. Надо побаловать баб да ребятишек к празднику.

Опускается солнце. Вода — тут, ближе к валу, тяжелая, глубоко-синяя, а дальше — легкая, золотистая, светлая. И такие крендели завернула Волга, такие набросала песчаные косы, что не знаешь: вправо ли поедем, или влево, или посередине.

Одно только: видать далеко где-то золотую маковку церкви. И знаешь: приедем туда, и снова — малиновый звон, тишина, на минуту — мир, Бог и отдых.

Понадья.

Прическа скромная, на прямой рядок. Глаза — маленькие, глупые, но делают умный вид. Губы — вообще, как ж..а куриная: две сдобных пышечки одна над другой. И непременно: «шикарные» туфли, не по ноге, нога выпирает.

Солнце заходит за рощицей: вокруг него нежный розово-золотой круг, и на розовом золоте — черное кружево деревьев.

... Приехали артисты из Москвы. Из Москвы, ведь! Раскошелился Иван Иванович, купил шампанского дюжину, пошел за кулисы и стал угощать. Из Москвы, ведь!

— Да, выпейте, не отказывайтесь!

Пьет... Звонок, пора и на сцену.

— Да, выпейте, что там...

— Э, отстаньте...

— Да нет уж, я двадцать руб. загубил, нет уж, — и вышел Иван Иванович со стаканом, с бутылкой за ними на сцену. Так все и ахнули.

Крылов Н. А.

Жил с женой без прислуги (из принципа). Но покупал самую дорогую мадеру и угощал приходивших ею... из вазелиновых баночек. (Вся обстановка была такая.)

Разговор.

Она:

— ...и все, что я говорю, скучно и никому не интересно. И может быть, мне не надо и жить... — Помолчав: — А маленькие гимназистки мне написали в письме: «Икотерина».

Тряп. Белые ботинки.

Амбалы — 5 р.

[«Детская» — где по 1 р. фишка.

Два жиды — в три ряда.]

Инструмент — тхианури и тхари — вроде бутылочки бенедиктина, с длинным узким горлышком, с серебряным узором фасада. Старик-слепой.

Офицер рассказывает: «Был маленький, года 2. Сестра Оля раскричалась: стало жалко. Чтоб не кричала, накрыл ее подушкой... Задохлась. О том, что он причина — узнал только теперь. Запомнил».

[Мине кстили
У трактире-кабаке;
Окурнали
У винограднаму
Вине.

Отец крѣсный — целовальник молодой,
Мамка крѣсна — винокурова жена,
Собралася — вся негодная семья.]

— *Квас понедельникный* — не вари: мышцы в такой квас будут валиться.

...

— Ну што, аль мне тебе объяснять, почему в понедельник нельзя... Тать, сама не маленькая.

— Глупости, сварю — отличный будет квас.

— Ну, вари-вари, на свою голову... Вот если утопнет кто — ты будешь виновата.

...

— Да как же: утопника-то, ведь, понедельникным квасом отпаивают.

— Ну, вот — сваришь ты квас, будет к твоему квасу и *утопник*.

Мужик Алексей Васильич любит свободу больше всего. Выселился из Мшаги на хутор. Вырыл яму в песке — и в яме живет. Зовет себя: «Олѣшка».

Этого (трудного) у меня и голова не *сварит* (смелет).

[*Змею* поймали и стали казнить. Голову отпилили потихоньку, на куски порезали не спеша: отрежут кусок и глядят. Яму выкопали — и зарыли кусочки, сверху долго утаптывали.]

Старик *Крюков* женится на 25-летней: потому что покупает трактир. Надо же, чтоб в трактире сиделица была.

Змее если голову оттяпать, она, без головы, колесом свернется — да и покатится, просто страшно глядеть.

Пришвин велел вокруг своей избы забор сделать, а сам в город уехал. И забыл про забор. Приехал домой, по улице едет: нету его избы, из-за забора не узнал. А калиточку в заборе сделали, как щель, узенькую. И никак *Пришвин* калитки не может найти: ездит кругом и не находит.

Снимал Пришвин квартиру. Старуха и спрашивает:

— А вы не полтавский?

— Нет, а что?

— Да был у меня такой один, полтавский, вовсе — сумасшедший — вроде, и полицмейстерского избил. Так было хлопот. Вот я теперь и не пускаю полтавских.

[На кирпичной стене Страшный суд намалеван: грешники, праведники, черти хвостатые и сам Судия.

Ребенку не достать до праведников. Баба поднимает его (под мышки):

— Ну, все одно: поцелуй Боженку *в хвостик*, поцелуй — в хвостик...

Гарпунщик.

Три дня гонялись за китом, чтобы приучить его к пароходу, чтоб не боялся. На закате, на третий — решили выстрелить. За выстрел — гарпунщику причиталось 5000 целковых. Три дня о выстреле думал — а выстрелил и промазал. Кита — поминай как звали: гарпунщик — спятил].

Появился неизвестно откуда рыжий монах — и веселый же! Весельем своим исконвешную веру смутил. Все учил:

— Господа, братцы, не бойтесь: Бог грешников любит. Одного грешника спасти Ему приятней, чем десяток праведных. Выудить щуку пятифунтовую, которая корячится и в руки не дается, — куда приятней, чем карася смиренного. Верно, ведь, братцы, а?

— Заткните, пожалуйста, ваш клапан красноречия.

[У Пимена собаки не жили. Проживет с годок какая — да и сбежит или сдохнет. И был слушок: оттого у Пимена собаки не жили, что уж больно он был человек уедливый. Каждый вечер к собаке подходил:

— Ты у меня, мерзавка, гляди, ночью не смей спать. Даром что ли я тебя кормлю?

Этак же — каждый вечер... где же тут вытерпеть...]

Когда дедушка С. ездил в город, то дома к его возвращению должен был быть накрыт стол и стоять суп, горячий уж.

Чтобы вовремя этот дедов суп устроить, ставили вестовых от города до имения, и когда дедушка выезжал, вестовые предупреждали.

– Ты, брат, что-то моншерешь... (студенты).

Кувашёнок – ребенок.

[Агроном кормил мужиков сыром. Мужики говорили:
– Барин – хороший, а только – мылом угощал. Мы фунта 2 этого самого мыла приели, гаведно, а никак нельзя, [помещика] обидеть не хотели, барин больно хороший.]

«Монах» (Аркадий Ганнибал).

Одна *моща* направо, другая – налево.

– А ты листок березовый от веника от простого к пальцу приложи, он, листок-то, все и *утянет*.

[Лузга – ботва]

«Хороша дочка Аннушка, только хвалят ее мать да бабушка».

[Скробыхалы]

По Рязанской губ. *персиянин* ходил, пел персидскую песню, а обезьянка плясала:

Мюр-и-Мэрэлиз,
Пэрэвэрэнис...

Кто в Москве не бывал, тот так и думал: персидская.

Отгильдикаться

Корябать <33 л. вырвано>

Дубецкий.

Красавец, бретёр, все руки изрублены, изрезаны. Жил за границей шантажом. Однажды в Ницце встретил русского, проигравшегося дотла: ходил и думал, как бы повеситься или утопиться.

— Как? Только 200 франков? Пожалуйста, — вынул Дубецкий и дал.

Жена у него — красавица. И ей он торговал. Часто жили втроем: Дубецкий, жена и любовник. Жена с кем-нибудь ложилась в спальне, а Дубецкий — на диване в соседней комнате.

Но однажды жена завела себе любовника не за деньги. Так жена на ночь устроилась с ним в спальне — и Дубецкий ночью, не вытерпел, выломал двери, любовника убил.

Соскочить с зарубки...

...Не любил говорить о чувствах. Однажды сел рядом, вынул из кармана коробочку с брошью. Правда, брошь великолепная. Показывает, молча, хороша, мол. И так же молча прячет в карман.

Северное. Север <под этим словом рисунок>.

Изба.

Два волоковых оконца, одно *косячатое*.

Князевую обрешетку поднимали, горланили песни с горилки, не стучали в тот день: [с хозяина —] могарыч.

Охлупень с коньком (князек)

Распашные *ставни-обоконки*

Разуличье (при выезде из деревни)

Зароды хлеба

У Воймозера — *чудь зарылась в землю*, чтоб не принимать веры православной, не платить подати.

Пастух не должен с женой спать, чтоб быть негрешимым: тогда и зверь стада не тронет.

Пастух отпуск налагает: не ломать вересу в лесу. Не послушались, наломали — сами виноваты: овцу волк слопал...

Пастух не должен стричь волос и ногтей. Не должен сам себе отворять ворота.

Нищенская артель каргополов. Промысел; промышленяют даже зажиточные. Одна семья дает сани, другая — лошадь. Сани обожгут (оглобли): собирают на погорелое место.

— Нет ли у вас, добрые люди, шёрсточки с горсточку, чайку с напоечку, мучки да рыбки на рыбничок бедному человеку для пропитомства...

С сентября — в деревне все больше народу. Съезжаются бурлаки из Питера, с коробами, с гармошками, с гостинцами. Щеголи расхаживают по улицам, по окнам поглядывают, бьются девичьи сердца. А после зазимок, после Покрова — пошли *вечерины, посидки*.

Кто из парней больше выставит свечек на вечерине — тому почету больше.

Состязание.

Продолжается вечерина, пока хозяйка не затопит на заре печь, не скажет:

— Ну, девушки, пора по домам.

(Избу нанимают.)

Заплачки — предвенечное прощанье с родней — непременно в *повязке* (кокошнике). Свой редко сберегая: берут внаймы у соседей.

...Выехал за деревню, отъехал стрельбища два, слез с саней — и кнутовищем провел позади себя поперек дороги:

— Аминь, аминь.

Чтоб назад не вертаться: зааминено. (Сват едет.)

Не дал медуне доцвести, не дал ягодке повызреть, красной девушке *додевить*...

...Стал уже лежать лицом к стенке и всё на концы пальцев глядеть: *умрет скоро*...

Покойницу (девушку) обмывали, надели на палец *восковое кольцо* из восковой копеечной свечки: не дожила, бедная, до золотого.

Будешь *бить жёнку* — не будут у ней гнить печенки...

Во время родов выдвинуты все ящики, открыты сундуки.

Творило (для глины, извести).

Кострика.

Воскресение Христово, пошли *женишка* холостого, в чулочках да в порчонках...

Дай Бог *жениха* хорошего, в сапогах с калошами, не на корове, а на лошади.

Мужик говорит *без ассоциаций*: одно после другого — ни к селу ни к городу.

Был в деревянный тротуар посреди улицы вбит костыль железный. Все на него ночью спотыкались, но никому и в голову не приходило: взять да вынуть.

[Купить: 1. йод;

2. стакан;

3. [1 нрзб];

4. блокнот.

Арх.

1. 20 000 будут [1 нрзб] $\frac{1}{3}$ аванса выд.

2. Захаров, Орлов у Политехнического.]

[Ножки были такие, что мужских ботинок не находилось: дамские носил с французским каблуком с пуговичками. До того чудно.]

Толстый, пузатенький, нагнуться никак уж не мог. Палец на ноге заболел: как поглядеть, в чем дело? Сел на диван босой, взял в руки бинокль — и на ногу свою в бинокль глядит (близорук был к тому же).

Солдат пишет:

«Многоуважаемая госпожа докторша.

Благодарю Вас за Вашу лечебность, а также и всех, которые за мной в лазарете подглядывали...»

Мишка.

Учительница музыки, с ней поселился в *своей комнате*, в которой жил у родителей. Родилось *Ля*, с головной водянкой. Лежало на затылке — и пятках, изогнувшись дугой.

Учительница померла... А только было с ней Мишка собирался переехать на квартиру; закупили уж всякую кухню, сковородки... Все это Мишка разложил и развесил в своей комнатушке, перед письменным столом и на письменном столе. Думали, тронулся. Но через неделю Ля умерло. Хотя и делали ему операцию: вставили в мозг трубочку серебряную, чтобы вода-то стекала. Мишка на пятый день после смерти ее влюбился, а через месяц — был уже женат, с женой прижили еще 2-х Ля, но скоро Мишка отправил ее вместе с Лями — на житье в Полтаву. Раз приезжает, она к нему.

— Мишка, Аня приехала.

— Какая Аня?

— Да жена же твоя.

— А-а... — перевернул Мишка страницу... (Мишка — астроном, затменщик, что-то изобрел. Маленький. Плюгавый.)

Канка, клюшка — индейка

Еружетка — ротозей

— Эх ты, еружетка!

«С максимцем»

Он малый максимец (с дурью)

Пехтерь — толкач

548-27. Тихвинский пер., 9, кв. 3.

Отрезанность от мира, тишина деревни — когда падает снег.

Маринка — вся была покрыта легоньким темноватым пушком, как заморский редкостный плющ. Румянилась золотисто — как зимородок.

Хрен — редьки не слаще.

Девка, чтоб хозяйина подразнить, говорит (при нем):
— Сашка, а Сашка! Пойдем обожаться.

Ни одна блоха не плоха: все черненькие, все прыгают.

Посетители проклятые не идут, папирос не несут. Вон у Уткина — всего горы, а только одну «курочку» на балалайке знает. (Солдаты в лазарете.)

На бесптичье — и 7-1 соловей.

Много Рейну, мало вейну.

Злой начальник. Если случится, его рассердят, то его *рва-*ло потом со злости весь день.

Доктор Кульчицкий. Барин <...>
Старший врач.

[I. Предки.

— Что такое предки?

— ...Это — <нрзб> 4 колена <нрзб>

— Ах, Саркис, как ты не панимаешь? Предки — это все равно, что потомки, только савсэм наоборот...

— Нет, нет. Амбарцум, панимаешь: потомки — это когда свечки нет.

II

— Какое самое полезное животное?

— Ишак.

— Почему?

— Мало кушает, много работает. *Ибот*, когда надо.

— Какое самое вредное?

— Мулла.

— Мало работает, много ест, *ибот* нас, когда надо.

«Северный (морской) <нрзб>»

Угол <нрзб>, кв. 3

Рожновский.]

<2-я стр. обложки>

Владимир Иванович Немирович-Данченко,

Гулярная, 25/27, кв. 5

314-07

А. Н. Васин

Б. Дворянская, 21, кв. 2

Байбаков

ЦЕКУБУ

491-88

Иван Николаевич

342-75

Дмитрий Александрович

499-18

Ильинский

324-10

<3-я стр. обложки>

207-11

М. Ф.

Виктор Васильевич Крюков

524-38

Эйр

432-05

Сюжеты: Революция сквозь детское восприятие.

— Я вешу столько же, сколько Вронский: 3 пуда 13 фунтов...

...Прощается умирающий за руку:

— Ну, Матрена, прощай, — и уходит задать корму лошади.

<запись рецепта:>

3 капли йоду.

3 капли карболовой кислоты на <нрзб> водки — на три раза.
Рюмку сейчас, рюмку <нрзб>, рюмка через три дня.

Паноптикум. «Печать и революция» <нрзб> стр. 295
<4 л. вырвано>.

Объявление на Казанском вокзале:

«Остерегайтесь знакомиться с посторонними лицами,
ибо это является последствием обмана и кражи».

Изобретение смоляных радиоактивных портянок.

На Сухаревке: в Москве:

— Все вещи, все вещи по 5 коп.!

— А это сколько?

— Полтинник.

— Да как же ты говоришь — все по 5 коп.?

— Не хотите — не берите... Вещи, все вещи по 5 коп.!

Религиозный диспут.

«Представители от трех религий» — православный, католик и *мирянин*. Спор. Католический ксендз угрожает одному из выступающих, коммунисту, наказанием Божиим.

На другой день у коммуниста украли белье с веревки. Отправился в угрозыск, заявил. Там спрашивают:

— Вам за последнее время не угрожал никто?

Коммунист:

— Да.

— Кто же?

— А ксендз, на религиозном диспуте.

— Как же?

— Грозил, что за безбожие бог накажет...

Тройку назначили. А тройка эта в 250 человек.

Рынок.

Генерал торгует спичками. Бывшая княгиня — куклами. Вовó — парфюмерией. Бывший граф — красками в пакетах, заывает:

— Безвредные краски для материй!

Она вышла сперва торговать своим барахлом. Стыдно: в густой вуали. Про нее:

— Дама-гражданка с завязанной мордой!

Стала ходить в платке.

Флирт Вовó и княгини. Говорят на рынке по-английски.

Владелица галантерейного ларька, пожилая еврейка, ухаживает за Вовó. Он пристраивается.

По воскресеньям и четвергам — Предтеченский рынок, по остальным дням — Мальцевский, Кузнечный.

На рынке — свои знаменитости, счастливицы, шуты, нищие, трубадуры. По воскресеньям — на рынок идут гулять и есть: удовольствие только тогда полно, когда полон рот.

Шарманки, гитары, балалайки, гам.

Цыганки, хиромантки. За гривенник — прошедшее и будущее, говорят всё вслух, не стесняясь — самое интимное.

Буря: милиция, бег, рассыпаются пирожные, — проверка патентов.

На Вовó — толстовка, часы с цепью, перстень.

Пирожные. Свои клиенты у нее. Мясники больше всего: народ богатый.

За бывшей княгиней ухаживает старик-татарин. Ревнует ее. Княгиня перестает торговать куклами — спекулирует бриллиантами, играет в Владимирском клубе. Кончается тем, что ее нашли убитой на квартире: в рот ей был глубоко засунут платок с меткой US.

Вовó предлагает ей — познакомить с одним богатым нэпманом:

— За услугу с Вас не возьму — мне заплатит другая сторона.

Женщины всё вываливают друг другу: скучно стоять так целый день.

Вечером она читает Henri de Régnier, «Мемуары» Saint-Simon'a, Imbert de Saint-Amant, M-me de Rémusat.

Акулы-скупщики, которые покупают все у новичков за бесценок. Их помощники-«подначиватели» сбивают цену.

Вово предлагают выступить в кино: когда-то вместе с ней они танцевали в великосветском балете у Килья...

«Теперь большой спрос на бывших дам с полным образованием».

Кожа на руках и на лице огрубела, стянулась, стала сухая и шероховатая.

Анна Ивановна — уже имеет положение на рынке, берет за пирожное на копейку дороже — у ней самые лучшие. Дома — рояль, квартира, сын 12 лет, изучает языки... Она ласкова с покупателями, но ей говорят:

— О, cette crapule, cette vermine, cette charogne!

Бывшая артистка Елена Сергеевна — из фарса. Постарела, и фарса уже нет. Торгует. Смешная — болонка, суетливая. Ее обманывают часто, ей не платят. Сидит в участке за бесплатность. Дома у ней на содержании «артист» Володя — в матросской курточке, инфантильного вида, но... с лысиной. Играл «в коллективе»:

— Где?

— На Поповке, потом — в домах умалишенных.

Елена Сергеевна — спиритка. Беседует с Спинозой.

Художница — бывшая. Молодая, румяная, синие глаза. Щеки горят так, как будто ей жарко или она радуется чему-то. Продает сумочки.

— А на кой они ляд нам? Не все равно, чем нашим ребятам [нрзб] утирать?

Потом — ожерелья из ситного. Но сама же рассказала, что из ситного, и никто не покупает.

Серж. Единственный сын у матери, баловень, слабогрудый. Жил по Ниццам и Ментонам. Учился дома, закан-

чивал образование у Максима в Париже. Мать умерла, все потерял. Стал шофером (были свои авто раньше). Здоровье мешало, заболел, бросил пить ханжу, кокаин. Про себя говорил:

— Совсем я шкец с Лил. Вот бы маман взглянула!

Опустился. Потом женился на простой девице лет 18 — дельной, строгой. Торгуют с тележки. Живут в Лесном. Встают в 6 и едут на Горсткину улицу за товаром. Торгуют овощами, фруктами, яйцами, хлебом.

Вечером едут домой. Сыты, одеты. Она — неграмотная, Серж ведет запись, счет. Оба счастливы.

Деревня Лесная.

Никогда не слышали слова «Интернационал». Нечистая сила — крепка. 19-летний малый ни за что не пойдет вечером в овин один. А за 3 версты лесом за табаком сбегать — сбегает, даром что волки.

Волков — это лето уйма. Ночуют в сарае, а за стенкой воют — а ведь еще август! Утром — следы видны.

Решили *волков выгнать*. Всей деревней, с барабанами на шее (доски), с тазами, двинулись в лес... Потом в соседнюю деревню весть послали: мы-де волков перегнали в ваш лес, в Агашкино болото... А те перегонят обратно...

Шуба — терпением крыта, а воротник — енот, что лает у ворот.

В монастыре — *монашествующий пролетариат*: низшие монахи — против старших. Собрание. Протокол общего собрания рабочих коммуны. *Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа...* Старший — после визита председателя исполкома — посылает ему телеграмму: «Молю [нрзб] о вечном здоровье».

Устроили в лесу выпивку, водрузив на дубу красное знамя. Это — *уездное*. <1 л. вырван>

Купцы составили приговор: «Постановили *считать себя беднейшими крестьянами и рабочими*, о чем и доводим до сведения властей...»

Москва.

Пили в ресторане, ели блины. У Климова блины «застряли». Грибов:

— Тебе надо кесарево сечение сделать.

Тот расстегнулся — Грибов стал резать...

...Разделись у чьего-то подъезда. Милиционер:

— Что вы?

— А это нас подкинули...

Едет на извозчике пьяный и спит, вытянувшись. Тогда устраивают ему похороны. Один пошел впереди с бумажником — как с иконкой. Другие десять сзади, попарно. Медленно...

Цветной бульвар.

Девочка спрашивает (ей сказали, что идут по улице Чайковского):

— А Чайковский — он кого убил?

Сюжет:

Эмигрант-еврей, которого всю семью убили во время погрома, все-таки тоскует по России.

Сюжет:

Завхоз-художник-вор. Ему негде, некуда приложить талант. <46 л. вырвано.>

Поезд в Сибири с солдатами.

Набили морду машинисту.

— Ладно, я вам покажу!

На закруглении пустил поезд верст на 50 — и сразу тормоз; теплушки оторвались и под откос. К следующей станции привез только три теплушки.

— Ну, — говорит, — езжайте, собирайте там своих — рассыпались... <7 л. вырвано.>

Атилла

В курганах: *редко* — золото; серебро; бронза — чаще; топоры — *редко*, мечи; кольчуги; *редко* — шлемы; нашейные

гривны; браслеты; огнива; оселки; пряслицы; костяной гребень; остроги; серпы; удила; стремена; бусы.

Предки славян: *анты*. Жили в предгорьях Кавказа — вдоль Азовского и Черного морей в Галлиции, Трансильвании, Паннонии (Antium — Генуя). После вторжения аланов: Азов, анты — Русь стали зваться роксоланы (Русь+аланы). В III в. они основали «Великую Русь» на севере, а в IV — Холмскую и Кьянскую Русь.

Сильное Дакско-Готское государство, разгромленное в 101—102 гг. Траяном, было населено славянским племенем.

С III в. по Р. Х. славяне русской земли вынуждены были вести войну с *готами*, которых победили при помощи родственных племен — *гуннов*.

Под предводительством кьянского князя *Аттилы* гунны прошли через всю Европу. В Каталаунской битве (451 г.) Аттила разбил римские войска Аэция и вестготов, где пал король вестготов Теодорих. Затем Аттила вторгся в Италию, дошел до Рима (который был им пощажен) — вернулся в Паннонию, где и скончался.

При сыновьях Аттилы его монархия распалась, и из нее образовалась Польша, Чехия, Моравия, Хорватия, Сербия, Босния, Болгария и т. д.

Вначале «Русь» — имело *сословное* значение (князь, дружина и высший класс).

Боги: *Сварог* (земля), небесные явления — сварожичи; *Дажбог* (солнце и огонь); *Волос* (плодородие); *Перун*, *Стрибог* (ветер); *Хорс* (злой огонь).

Щур или чур — предок, покровитель семьи.

Задруга, велика куча, заедина.

Умыкание женщин — [нрзб].

Промыслы: земледение, охота, бортьевое пчеловодство. Предметы торговли: хлеб, меха, кожи, мед, воск. От угров — серебро и коней, от греков — *повалоки* (дорогие материи), золотые изделия, вина и фрукты; от народов балтийских —

железные изделия, янтарь, сукна, полотна; с Востока — жемчуг, камни, бусы.

Мечи; изделия из золота — славянской работы славились. Мечи вывозились в Византию.

Война. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Пленных предавали мучительной смерти.

Оружие: копье, нож, секира (сначала каменная, потом — железная), лук. (Меч — с X века.) Правильного боя славяне избегали, любили сражаться в теснинах, устраивать засады, неожиданные нападения, прибегать к разным хитростям.

Деньги. Кунны. 2¹/₂ кунных шкурки = 2¹/₂ арабским диргемам.

Арабы и хазарские евреи с VIII в. плавали по Хвалынскому морю и Волге.

«Гръстьба» — торговля.

Звероловы, бортники, бобровники, смолокуры, лыкодеры...

3

<2-я стр. обложки>

Гир. Мих. Ак.

Малая <?> 15 Блока 206-05

298-60

Перцов Виктор Осипович

Б. Якиманка 24, кв. 14

телефон 395-31

Казарновский Юрий Алексеевич

Ростов-на-Дону, Нахичевань

3-я линия, 28

...В былое время хозяин возьмет скоропостижную ягоду купит... Ежели к моменту — так сколько наживет-то?

Жалованье — самое печальное... 37 руб. в месяц...

Цыганки — с завязыванием узла. Заговор:
— Харлан-барлан, Денис-Борис, бленовой-ветровой раз-
вяжи...

— ...Тебе все завидуют *с задy и с передy*...

— ...Исполнительное желание.

На болоте — на мысе
Зайчик прóсить у лисе,
Она ему не даёт,
А он лапкой достаёт.

Милиционер допрашивает — и все время пойманному:
— Гражданин, вы лучше говорите, *пока я в полном беспри-
страстии*.

Пассажирка садится в трамвай. Кондукторше:

— Ну, какой номер?

Кондукторша — дура:

— Нечетный.

— Какой нечетный?

Кондукторша — сообразила:

— А-а! Я думала, вы гадаете — номер загадали. А это —
пятый.

Рабочий, обозлившись:

— Мы хотим, чтобы *<далее стерто>*, когда на одного пять
пар штанов будет, а вы хотите — когда *одна пара штанов на
пятерых*.

В моей милке сто пудов —
Не боится верблюдов.
От нее все верблюды
Разбежались кто куды.

Все платки я пер'носила,
Одна шаль осталася,
Всех парней я пер'любила,
Одна шваль осталася.

Сшила платье я по моде,
На подóле белый пуф.
Не садись со мною рядом,
От тебя тяжелый дух.

В нашем саде в самом заде
Есть трава помятая.
То не ветер ее смял,
А любовь проклятая.

Светел месяц как целковый,
Ясны звезды, как пятак.
Целовал я черноброву
За фальшивый четвертак.

Один вагон с песком,
С песком да глиной.
Другой вагон
С моим, да милым.

Стоит нас трое,
Стоит нас пятеро,
Да не видать
Мого страдателя.

В фотографии я снималась,
Только карточки не те.
Ноздри вышли на затылке,
А глаза на животе.

А мы с Кешкой так и смяк
Спорили по поводу,
А потом и в морду шмяк
По прямому проводу.

На митинге — оратор кончает о НЭП'е:
— Да здравствует *красная буржуазия!*

В Николаевском артиллерийском училище наряды: «жеребчатый» (?) и «выпускной».

Жеребчатый — ночью, накануне выпускного. Принимает его последний ученик. Его свита: самые главные — подлипала, капила, ловчила и кавалер. Все — в одном нижнем белье, в сапогах со шпорами, в португелях, с регалиями. Подлипала — с мылом, капила — с книжищей, ловчила — с термометром, кавалер — в дамских панталонах, кружевных, взятых напрокат у возлюбленной.

Знаменитые конюшни: Телегина, Лежнева и Вяземских.
Наездники: Вильям Кейтон и Александр Финн. «Крепыш» — орловский. «Трудовик» — высоких кровей, брал на финише.
<1 л. вырван>

Тяжелая индустрия 1918 г.: *зажигалки*.

Телеграфист на глухой станции рассказывает барышне похабные анекдоты. Она ему:

— Ах, противный, *скептик!*

Красноармеец-еврей отбил у белых сундук с казной. Больше бумажки, но несколько золотых десятков и орден Красного Знамени. Командир его спрашивает:

— Что хочешь получить? Орден или золотую десятку?

Еврей думает, долго. Спрашивает:

— А сколько орден стоит?

— Ну, полтинник...

— Так я хочу *орден — и девять с полтиной*.

— Эх, баба! *Своя в доску!* <2 л. вырвано.>

III. Ю. М. — Кемблу.

Следовательно — всегда подчеркивать.

Страшневой. ...В одиннадцать... (Взгляд на дверь, через которую вышел викарий.)

Сэры.

I. *Расписания* — на стене, в черных рамках.

II. *Тори*.

III. Выкинуть начало III акта.

IV. Выход Диди в III акте.

V. *Сэра Г. Д. Кембла* (Макинтош).

Физический труд человечество презирает, ненавидит — от века веков. Отсюда — сначала рабы-люди, потом рабы-машины. Труд, достойный человека, — только труд умственный. Когда-нибудь и настанет такое время, что вся физическая работа будет выполняться машинами, а че-

ловеку — останется интеллектуальная. В сущности, об этом времени и мечтает социализм, а все его гимны труду — это дипломатия.

(Отношение к спецам, «вождям» и т. д.)

...Тут он увидел странную картину: сарай, в сарае люди лежат кучками, друг на друге — в каждой кучке человек 5. Оказалось — больные, больше сыпнотифозные. У тифозных — температура 40—41°, и остальные, кучками прижимаясь к ним — *греются...*

Хоронили кучками же в яме. Когда зарывали, курили махорку, огонь падал на трупы, на платье. Зарыли кое-как; должно быть, воздух проходил из могилы, потому что над ней тоненько курился голубой дымок, и пахло шашлыком...

Для комедии — московские идиомы:

«Четыре сбоку — ваших нет».

«Пики козыри — пожалте бриться».

«В чем дело? Без дураков».

«Что надо».

Гаданья, приметы:

женским молоком кости трут,

тяжелые бабы *медведю* (лошади, козлу) хлеб дают: если рыкнет — девочка родится, если нет — мальчик,

берут три *ковреги*, катят по земле, смотрят, как лягут.

Заговоры:

на мыло, на соль, на хлеб, на рубашечный ворот — чтоб приверстать мужа к жене (Буслаев, I, 482),

на мед — торговым людям.

...Изда хрустит, огонь бучит, искра прынет, дым высоко идет — к погоде.

Море *дичится*, ветры сухие, дерево об дерево скрипит — мор, война.

Отреченные книги у них еще водились: Ламеховы книги, Адамов завет, <Книга Иосифа и> Асенефь, Елдад, Молад, Повесть Иаковля, <Слово> о Рахманах, Детство Христово, Сказание о Соломоне и Китоврасе, спор Тарасия-жидовина с Елевферием, Карастар или 70 имен.

Травы.

Детлевина.

Спунь трава, растет по лугам при холмах, а растет — как гречка, а цвет — как у щавелю, а растет в колено и ниже, а стволница коленьями, меж коленцами брюшки, а лист у ней, как зогзицын.

Симтарим о шести листах: первый синь, другой червлен, третий желт, четвертый багров.

Уездное.

...До того допился, что вообразил себя воробьем. Разделся донага, сел на корточки на подоконнике и стал себе вить гнездо: солома, бумага, ветки из веника... И вот картина: пришли к нему — гости, навесить...

[Брат Священник[а] поссорился с [ним] NN, и тот подложил ему свинью — попросил отслужить панихиду об усопшем Иуде. А потом сказал, что служилась панихида об Иуде Искаротском, и был день памяти Иуды из Кариот...

Мурцовка — тюря (лук, хлеб, квас).

Рассказ девушки (в вагоне). <Использовано. — Написано позднее.>

Отец (похож на хорька или муравьеда) — бывший директор фабрики. Всей семьей уехали в Киев. Ида — красивая, лет восемнадцати, обожала в Петербурге Г., писала стихи, была за революцию. В Киеве отец жил в военной гостинице, был начальником снабжения белой армии, а Ида — жила отдельно. Было тогда в Киеве три контрразведки: сухопутная, речная и военная (?). Все три враждовали, подсиживали; одна арестует, другая освободит — и наоборот; держали агентов во враждебном учреждении. Так как Ида была в Петербурге, офицеры контрразведок стали ее запугивать, ухаживая за ней в то же время. Прокурор сухопутной — Чеховский — предлагал ей начать у них «работу», иначе... Ведь она скомпрометирована — известно, что она «коммунистка».

Литературный клуб, Ида читает стихи, подходит Чеховский, целует руку.

— Ида, завтра зайдите ко мне — на допрос...

И так постоянно.

Однажды в ночном кабаке. Офицеры. Оркестр играет «Боже царя», все встают, Ида сидит. Офицер:

— Вы сейчас встанете.

— Нет.

— А я говорю...

— Нет, если бы даже играли мой гимн в кабаке — я бы не встала.

Ответ этот привел контрразведчика-офицера в такой восторг, что он хотел поцеловать Иду. Та дала ему пощечину...

Наступление красных. Эвакуация. Ида и ее семья должны были остаться. Вдруг утром к ней стук, входит лейтенант.

— Пойдемте со мной.

— Куда? Я не могу. Я должна идти к маме, она так беспокоится — стреляют...

— Вы пойдете со мной.

— Никуда я не пойду.

— Вы что же, хотите меня заставить применить насилие? Мне приказано доставить вас к Чеховскому. Берите с собой несколько вещей.

Ведут. Сажают, очень любезно, в теплушку. Там еще дамы. Эшелон № 52 — последний из Киева. Выстрелы. Горит какой-то дом, суетятся люди — последнее впечатление...

Утром, когда она уже освоилась и сидела на нарах, наверху, примеряла перед зеркалом косыночку, входит офицер.

— Кто здесь такая-то?

— Я.

— Спуститесь вниз.

Спустилась.

— Вы арестованы...

Два агента с ружьями. Она попробовала кокетливый тон. В ответ:

— Каждое ваше лишнее слово — минус для вас.

Слезла — никто не помог ей, растянула ногу, хромая, пошла. Смотрела, как выволакивали из теплушки сыпных — потом посадили ее на солому, которая шевелилась и шуршала от насекомых. Услышала, как запирали засовы, осталась одна. Страх... Слились ночи и дни: темно. Ничего, кроме кружки с водой. Едут, стоят...

Свет, открыли. На допрос. Обвинение в шпионстве в пользу большевиков.

— Вы должны были на станции Цветково встретиться с таким-то и передать ему бумаги.

Никого Ида такого не знала, о «Цветкове» даже не слышала. Офицер Михайлов — на «ты» ее, хлестнул нагайкой. Она попросила есть. Ей ответили:

— Расскажите все, тогда будете есть.

Но что же рассказать? Это были офицеры конкурирующей с Чеховским контрразведки. Упала в обморок от голоду. Подождали, пока пришла в себя — опять допрос... Так шли дни. Ее выводили «до ветру» на остановках. Она присаживалась, два солдата стояли и смотрели; публика издали смотрела...

Однажды в окошечко сверху ей кто-то бросил мятную конфету, потом — кусок хлеба с салом... Ела с жадностью — рот истрескался, было больно.

Остановка. Вывели. Ночь, костер. У костра — люди. Подвели ее к костру. На той стороне костра увидела офицера — знакомое лицо. Но так было смутно в голове, что не могла вспомнить, кто это. Офицер крикнул ей:

— Ида, вы?

— Да, я.

— Вы меня не узнаете?

Ответить не успела: конвойный оборвал офицера:

— Ваше благородие, с арестованными не полагается...

Почему-то однажды утром вывели из теплушки и перевели в вагон, полный казаков. Поручили следить за ней. Шуточки, щупка казаков. Думала уже:

— Вот сейчас... — было все равно почти...

Но тут пришел хозяин той койки, на которой она сидела. Это был старик-полковник. Казаки отошли. Полковник гладил ее, утешал:

— Не плачь, деточка. Я тебе много сделать не могу — тебя расстреляют. Но я тебе помогу, чтоб тебе было легче.

Вытащил бутылку, пил водку. Принесли шей, горячих — дал ей. Испытала счастье... Потом полковник вытащил из вещевого мешка огромную книгу — «Учение йогов», зажег огарок и начал читать.

— Вот слушай, деточка: «Все стремится к Абсолюту, и ничто не может погибнуть, не достигнув Абсолюта». Слышишь? Так что ты, деточка, не бойся: ты совсем не умрешь, умрет только часть тебя, а другая будет жить. Ты мне верь.

Заснул... Ида рядом с ним.

Ночью Ида проснулась оттого, что кто-то целует ей руку. Полутьма, огарок в углу на полке, храп. Целовал руку, стоя на коленях, Михайлов – тот самый, который ударил нагайкой.

– Слушайте, завтра вечером вас расстреляют. Я верю – я поверил вам, что вы невиновны. Я помогу вам – бегите, сейчас же...

Ида колебалась:

– Нет. Я знаю, вы хотите убить меня «при попытке к побегу».

Не пошла. [Миха<?>] Михайлов опять поцеловал руку, почувствовала слезы на руке, подумала:

«Не поверить ли? – Решила: – Нет».

Осталась.

Утром перевели опять в прежнюю теплушку. Ожидала вечера...

Кто-то стучит с другой стороны в теплушку:

– Ида! Слушайте, эта дверь у вас не открыта? Вы не можете открыть ее? Я вам помогу...

Нет, она не могла открыть...

Полоса солнца все выше по стене: солнце садится...

Крики, шум около двери, лязг запора, вскакивают в вагон, вытаскивают ее вниз... Это был ее старый друг – тот офицер, которого видела у костра. Он поскакал в Штаб, добился приказа взять ее из рук этой контрразведки. Спасена... пока.

Один из персонажей «в общем и целом».

Другой (еврей): «Одно из двух: ты согласен?»

Комедия. Сюжеты:

1. *Делегат Африки* (тропический делегат).

1. «Мы защищаем низшие расы. Тогда надо быть последовательными до конца и вступить за человекоподобных – обезьян».

Социалист (не очень умный) убежден этим. {Может быть, это «примазавшийся», который старается доказать, что он plus royaliste.} Над ним решают сыграть шутку. Появляется «делегат от Нгимби» – обезьяна – загримированный NN. Он

играет мимикой — сначала. (Его учат говорить.) Х. («примазавшийся» — дьякон, расстриженный?) решает выдать за него свою дочь, чтобы доказать свою преданность...

2. «Приезжий».

2. Z. — «ответственный». Его увидели коммунисты за таким каким-то делом, что ему крышка (пошел венчаться в церковь). Тогда он, припертый к стене, говорит:

— Это не я был.

— А кто же?

— Один мой приятель — страшно похожий на меня — вчера приехал.

— Партийный?

— Да-а! И не только, а даже так сказать...

— Да ну?

Приятель Z. (которому тот покаялся) — действительно, приезжий — предлагает ему свой костюм (все знают, что у Z. только один костюм). Z. переодевается, какие-то изменения в гриме (может быть, кила? — или сбрить усы), и приходит под видом «приезжего». Целый ряд *qui pro quo*. Жена заподозривает его в измене; целуясь с ней, он теряет усы. Подозрений все больше — требуют очной ставки Z. с «приезжим». Z. вывертывается раз, другой — но, наконец, попадает.

К «Делегату Африки».

«Делегат Африки» — влюбленный в дочь бывшего дьякона. Но он — бывший меньшевик; бывший дьякон боится его, как огня — не выносит его, он компрометирует.

Сцена влюбленных; дочь говорит:

— За тебя он не позволит мне выйти; он хочет, чтобы у него зятем был коммунист.

Тогда и начинается вся история. Жених говорит возлюбленной:

— Хорошо. Я все устрою. Я завтра уезжаю.

(Он не надеется на ее умение держать язык за зубами.) Он открывается возлюбленной только в самый последний момент — когда она в полнейшем отчаянии.

Его друг (какой?) презирает карьериста-дьякона, видит его насквозь, и он помогает «Делегату» — он внушает дьякону «передовые» идеи относительно обезьян.

Анонс.

Приехал жрец!

Североамериканская индейская знаменитость, ясно-видящий, оккультист, Палеолог, Великий Поэт, мышлитель телепатии и ясновидящий на ограниченное расстояние. Любитель всемирной публики, указатель судеб, отгадчик как звать, сколько душ, месяц и день рождения и многих других нетерпеливых тайн жизни. Даю советы и познания, кому жизнь тяжела. Принесите карточку его и почерк, а если — нет, тоже неважно. Излечиваю болезни, удуши, душевные страдания, любовное влечение, расстройство ослабления нерв, [от возбужденных нерв и злоупотребления] от пьянства и вечного запоя и всяких других наркотиков жизни. Плата в зависимости от потребностей — 1 рубль.

Суд — алименты:

Девка стоит, все время лушит семечки и рассказывает такие подробности и такими словами, что суд умирает со смеху. Свидетельница — Варвара — давала им приметы. Происходило при ней.

— Что же вы видели? Около стояли?

— Да нет, мне — к чему же? Я к печке отходила, а они на лавке.

— Так что вы не видели?

— Раз поглядела.

— Ну и что же?

— Пляжу — лежат, *склезились*.

О виновнике Варвара рассказывает, что он пришел к девке, увидел младенца и говорит:

— У! Весь в наш род! *Кулачник!*

«Так и тачает».

«После смерти мужа у меня размножился порок сердца».

Сюжет.

Рассказ. «Грибок» — или «жучок» в Петербурге истребляет дома, мебель — все становится трухлым, рушится — город пустеет. Наконец, и людей тоже: бескостные — кости съедены грибком...

Рассказ. «Марс».

Бабушка защищает внука-косомольца:

— И вообще он не безбожник; хоть по-своему, по-косому, а молится... Не пьет... Да и все они...

История со статуей Марса в помещицьем доме.

— Это кто?

— Марс.

— Да-к, что ж вы, черти? Разве можно его разбивать? Это наш самый исток.

Понесли, водрузили... <1 л. вырван>

Сюжеты (Мурман).

I. *Эпимах*. Мурманский факгорист, король, богатырь — купец Эпимах. У него захудалым приказчикам — Цимес. В революцию Цимес уехал. У Эпимаха все отобрано. Приезжает Цимес — уже комиссаром, приглашает явиться Эпимаха. Тот вскипел:

— Как? Гришка Цимес — и чтоб я к нему явился?

Не пошел. Эпимаха — за саботаж. Он вместе с женой убегает.

Цимес — ввел «раскладку» рыбной ловли. Промышленники, скрываясь в самых глухих бухтах, ловят тайком. А [Эпимах] Цимес разъезжает на катере и ловит промышленников. Отношения испортились.

На Летнем Берегу промышленники укрывают Эпимаха в избе. Его выдает один из промышленников. Облава. Эпимаху удается бежать на лодке в Норвегию. Жена, жертвуя собой, сидит на крылечке все время — чтобы думали, что Эпимах здесь. Ее убивают.

II. В Иоконге — тюрьма. Туда сажают то белые красных, то красные белых (надзиратели — философы — все время одни и те же) — власть все время меняется. После бегства Иоанникия в Иоконге — остались заключенные коммунисты. Все убежали, кроме них и надзирателей. Голод. Из Мурманска после переворота посылают за ними судно. Когда оно приходит — все уже перемерли — привозит в Мурманск только трупы. (Или: в Иоконге не знают толком о перевороте. Когда подходит судно — с [старым] названием «Колчак» или в этом роде — решают, что переворот монархический, и офицеры убивают коммунистов.)

III. На острове Кильдине (царское время) живет ссыльный эсдэк. Местные жители дивятся: каждое лето к нему приезжают женщины из Питера, и всё разные. В это лето — особенно красивая. Ссыльный упросил ее остаться на зиму. Зима, тьма. Девушка все выходила на «глядень» — и, наконец, кинулась в море.

Блат.

Ксива — письмо. Любовная *ксива*.

Блат — привилегия. «Самым большим блатом пользуются...»

«*Сидеть под двойку*» — без передач — сидит шпана, рецидивисты — в одном казенном белье.

«Крутить, крутильщики» — любовь.

Татуировка. Один с 200 рисунками.

На заднице — кошка и мышка, сделаны так, что когда голый идет, то кажется, что кошка ловит мышь.

Змея кругом всего тела: идет, и змея шевелится.

Луна, на Луне черт верхом, с вилами. С Земли лестница на Луну, по лестнице лезет поп — надпись: «И у нас революция».

...<нрзб> ни папы, ни мамы нету: чужая тетя из *жалости* родила...

«Как разводить арбузы» — тираж 45 000. ГИЗ.

«*Одно из двух*: ты пойдешь со мною...» (второго нет. Для комедии).

«*Замуж ввалилась* — как в лихую яму...»

«*Сулиха недахе* родная сестра».

Дьякон — из рабочих и крестьян.

...Он никогда не стоял — а *приблизительно* падал всегда.
<1 л. вырван>

Рожок ему вострой...

Стрелье бы ему в бока...

«Очень *нужно* живем: наготы да босоты изувешены шесты».

Манеры у него были — как бы сказать — *лошадиные, рысак-ковые*, размах.

Нужда: собаки ложки знают, спят на кулаке. Ихние щи хоть кнутом хлещи — пузыря не вскочит.

Ничего не боится — чисто ему *сто голов в плечи* ввинчено.

Хивуса, пасть, рянда, чидега, курева, замятель.

«Ты *крестивый?*»

В общем и целом — для комедии.

Дьякон из рабочих.

«А где здесь может быть и [нрзб]?»

Никогда не стоял, а приблизительно падал.

— На тебе мои пять (пальцев) на счастье, — солдат девочке, перебегающей под выстрелами улицу.

«1925 года июля... дня мы, настоящий председатель... сельсовета Чесноков Иван в лице граждан села... такого-то производили гибель посевов у граждан означенного села, причем погибшими оказались посевы у всех граждан и Сидорова Анисима, у коего кроме того и нетрудоспособный член [иметь] в виде жены 40 лет умалишенная, причем объекты обложения пропали, лошадь в лесу и отец в больнице. По осмотрении озимого и ярового клина, озимые пропали, что по чистой справедливости и подписуем».

Немец говорит:

— Я — *козел* [от] *ощущения*... У меня нынче жена *удобренная* — я ее не боюсь...

— У нас дома — ребенок *грудящий*.

Спас девку от *публичного разврата*.

Продавец бус возле Гостиного:

— Восточно-азиатские браслеты и бусы! Оригинально-замысловатые краски и рисунки! Работа священных жрецов Браммы!

Жрецы Браммы — на 25-й линии Васильевского Острова ... делают эти бусы из жеваного ситного. Научились в Исправдоме.

Облюбки чужие.

Р. Снег из двора в гробу возили.

На одном берегу
Ишак ходит,
На другом берегу
Мать ему плачет.
Конэшно, конэшно —
Она ему мать.
Она ему любит,
Она ему хочет
Об-ни-мать. <10 л. вырвано>

По деревне слух идет:
Вшей всех взяли на учет,
Стали баб учить читать,
Чтобы вшей могли считать.

Одна звездочка упала,
И другая упадет...

Не найти такой березки,
Чтобы дождь не замочил...

Красотой не заношуся —
Есть красивее меня...

Я иду, иду балеринкой,
Машу, машу рукой,
Чернобровый мой миленочек,
Возьми меня с собой...

Лебедянь 21.40
Астапово 23.35
Бог. 1.21
2.36
Козлов 3.35
4.00

Девочка:

— Папа, прочти мне стихи про человека, которому грудь
пробили мячиком.

— ?!

Оказывается:

Он грудь ему рассек мечом —
И сердце пламенное вынул...

Мальчика (или жену) обязывают говорить, что *во сне ви-
дел*. И если неподходящее — нотация (Фома Опискин).

...Дядя так был *брезглив*, что из комнаты в комнату пере-
ходил всегда с листом газетной бумаги: брался за ручки че-
рез бумагу. Однажды ему в гостях переменили шляпу. Он на-
крыл голову листом «Нового Времени», сверху надел чужую
шляпу — так и дошел домой.

Другой еврей, притворяется грузином, поет постоянно:

Люблю я климат аргентинский,
Где небо знойное так сине.

Р. Снег со двора вывозили в гробе...

Имена:

Дормидон,
Патрикей.

...В тюрьме — на нарах. Вплотную один к другому. Но-
чью кто-нибудь командует:

— На другой бок! — и все двадцать человек одновремен-
но перевертываются (иначе — нельзя).

Фамилии:

Гонобоблев,
Каргашкин. <1 л. вырван>

Р. В сумерках — зима — повели кончать их двоих — на реку. Вели человек восемь. Подвели к проруби. Первым спихнули туда товарища. Место оказалось мелкое, и чтобы утонуть — ему надо было стать на колени или сесть на корточки. Он все вставал из проруби, его били прикладами, пока не скрылся... А другой — смотрел. И наступал уже его черед.

Одет он был легко, по-охотничьи. Прекрасная на кенгуровом меху куртка с бобровым воротником. Кто-то увидел. Стали спорить: так топить — или снять куртку. Пока спорили, он ждал. И вдруг у него зачесался нос — вот как. Полез за носовым платком в карман — рука наткнулась на велоDOG — совсем и забыл о нем!

Вынул платок, вытерся, положил назад, в карман. И только тут выхватил велоDOG — шесть зарядов — четыре выпустил подряд. Увидел, как один запрокинул голову — кровь из шеи, другой схватился за щеку. Видел на бегу — как будто сам падал...

От неожиданности растерялись на полминуты. Потом — крик, стрельба, погоня. Но они были в валенках, в романовских тяжелых полушубках, а он — легкий. И были сумерки — ни одна пуля не задела. Вскочил на крутой берег. В калитку завода на берегу — работал раньше на заводе, знал все закоулки, а те, кто бежал за ним — путались, крича и стреляя...

У других ворот стояла ломовая лошадь — ломовик [курил сторонкой] пил в чайной чай. Вскочил на телегу и пошел по темной улице...

Когда вбежал домой, жена товарища спросила:

— А где же Петя? Скоро он придет? Обед стынет.

Ответил, что сейчас. Схватил уже уложенный чемодан — всегда был наготове — и помчался на вокзал.

В вагоне без документов не пускали. Подошел к вагону отопления. Проводнику:

— Пусти, ради Бога.

— Уходи — из-за вас, сволочей, попадешься...

Наконец, пустил. И тогда он зарылся под дрова. Слышал, как дозор заглянул в вагон, как сказали:

— Ну, тут нечего искать — тут отопление, — и прошли дальше...

Р. ...Ночью захватили их четырех. Связать было нечем — связали *телеграфной проволокой*.

...Знал, что каждую ночь могут придти, чтобы убить. И потому спал так: две собаки — одна внизу, другая здесь же в комнате. Револьвер-маузер и винтовка под рукой. Спал одетый. И если кто будил по делу — прежде всего хватался за маузер, потом уж спрашивал:

— Кто там?

...300 человек их было заперто в трюме. Им приказали выходить на палубу по одному. Каждому привязывали к ногам старый колосник — и за борт.

И когда через месяц водолаз спустился в воду — он увидел 300 страшно раздувшихся, с огромными животами стоячих фигур, все качались, размахивали руками, мотали головами... Водолаз задергал веревку. Когда вытащили его — он сошел уж с ума...

4

Пещеры. Лавра.

Преподобный Пимен многоболезный.

Нестор-летописец.

Моисей Угрин.

Василий и Федор (при князе Мстиславе, XI в.) — клад: серебро и золото.

Гробница Антония, основателя Пещер.

Барыня, которая считала неприличным говорить «яйца», спрашивает у торговки:

— У вас *куриные фрукты* есть?

Фамилии украинские:

Пищи-Муха,

Баший,

Пшеничка,

Лобунко Ларивон.

«Перукарь. Перукарня».

«Кровець чelовичий».

«Дитячий садок».

«Идальня вегетарианська». <5 л. вырвано>

Деревня.

*Звуки: аисты на крыше, щелканье клювом;
сверчок в сенях хаты (хата и «хатина»);
кузнечики вечером на лугу, и днем;
горлинки — с утра;
лошади фыркают — ночью на лугу.*

Музей им. Гоголя (Сорочинцы).

«М. П. Барабаш, помічник справника Миргородского повіту, забитый в Великих Сорочинцах 19 грудня 1905 року під час революційного повстання селян. Фотография передана його сыном Иосипом в 1927 року».

«Семен Микитич Лисовий, участник «Сорочинской трагедии». Никипор Микитич Лисовий...»

Мать их, бабка плачет, рассказывает о гибели Семена... Приходят в музей — поглядеть на их фотоснимки. <1 л. вырван>

Перенесение праха Гоголя из Даниловского монастыря. Ребро. Аксаков, через грудь которого проросло дерево.

— Это Гоголь? — показывает на памятник на бульваре.

— Нет, это не Гоголь. А вон там стоит Пушкин — это Гоголь...

Ярмарка в Ковалівке.

...Едет арба в гору, и там на площади, наверху, уже видно — как подсолнух — все усажено черными головами. Подъехали ближе. Торчат оглобли — как [рад] мачты радио. Слева — огромное поле подсолнухов, справа — плетень и деревья, впереди — два затихших ветряка — и толпа, толпа, распряженные кони, не перестающие махать хвостами. Плахты-«станки». Гончарный ряд: макитры, игрушки, «пивни» (ярко-желтые) «по копейці». Сапоги от 60 до 150. Чоботы 20: толстые, может быть, из слоновой кожи. Конфеты — гончарного вида — тоже «по копейці». И рядом: рычаги, топоры, кочерги. И разложенная на земле жалкая галантерея. И фотограф: усадил трех дивчин — снимает (у одной — от вчерашней ночи — еще синё под глазами, и ей хлопец кричит:

— Мария! Засмейся!)

Кусок сала в пол-ладони — 2 карбованца.
— Продается швейная машина Зингера!
— Дёгтю! Дёгтю! Подходи по 20!

Церковь в Сорочинцах.

Справа *Даниил-пророк в казацком жупане*. Слева — его жена, *Иулиания-мученица*, с лицом маркизы, с блюдом цветов, под Мурильо; вместо зонтика — крестик на правом плече.

Троица — ангелы и «лица» — в польских жупанах с разными рукавами, расшитыми золотом, а из-под них — малиновые...

40 чернецов — «40 ченців» — отсюда «сорочинцы». Монастырь — там оставили турецких полонянок — и ченці согрешили. И здесь-то был Даниил-апостол, ставленник Екатерины I, бывший полковник Миргородского полка. Знал 5 языков, учился в Варшаве, умер в 1734 г.

— Товарищ любезный, не зазначив...

Вскрытие. Запах погреба, селитры...

«Гробное надписание».

Надгробие дюка генерала Лесли (1737). На 3-х языках: польском, русском, латинском. Описание картины его смерти — как его защищал сын... Слева — смерть; в середине — герб: «Fear God Honor the King. Grip fast». Справа: «Ita cursus cons[um]mavi». — циферблат, стрелка на VII часов...

Склеп. Гроб. Череп — с черными волосами. Нога ниже колена — кость — обтянутая замшей, лосиной. Женские светлые волосы — отдельно. <1 л. вырван>

Банда Христового — 1920.

500—600 человек. Сам — лютеньский. Самому лет 30.

4 пулемета (получил от Махно). Все на конях, и тачанки для пулеметов. Лес под Лютенькою. Туда и «тікалы» из мобилизованных. Махно оставил ему 4-х своих палачей.

Начался сбор 1920 г. весной. Летом начал наступать, делать налеты. Налет: в селе, где, он знал, — отряды по борьбе с бандитизмом — (напр., в село Семереньки). Забирают скот, имущество у тех, чьи сыновья пошли в Красную Армию.

В Семереньках в 21 г. было раскулачивание: волов, коней у куркулей и раздача беднякам. На следующий день — приезжает банда Христового, окружила хату, где было собрание комнезама, поставила их на колени и начала бить прикладами. Хозяин сам вечерял за столом с семьей.

— Кто хозяин?

Хозяин (старик 60 лет):

— Я.

С ним сын 13 лет, другой сын — старший — в червоном отряде. Избили до полусмерти. Во 2-й налет, когда там собрался актив, опять — налет: батька зарубили «шаблюкою», сына 13 лет — тоже в подполье — саблей, старуху — когда она выскакивала из окна.

Зимовали — частью в лесу, в землянках, частью — в деревнях, в избах.

Весной 21 — налеты на села, на милицию, на отряды по борьбе с бандитизмом: на Попівку (где стояла около села часть его банды), даже на Миргород. Летом 21-го войска Красной Армии окружили лес и разбили банду Христовой — утек. Снова набрал, и в октябре под Лютенькою бой длился около суток. Красных ~ 100 и около 100 у Христового.

(Отряды комнезама человек по 100 в селе.)

Окопы. Во время боя пришла помога — 150 человек. «Пишлы в наступ». Он утек в лес с бандою (у него убитых — человек 25 и раненых человек 40, пленных 10).

Зима 21—22. Свою банду разбивал на группы, чтобы легче скрываться. В Семереньках [один] Христовой жил всю зиму на чердаке. Приехал отряд, поставил коней, никто и не знал, что Христовой — здесь.

Весною 22 года — опять... Наступал на Сорочинцы, обстрелял. Зажег школу... Грабил, жег тех, чьи сыны в Красной Армии... Стало больше идти в Красную Армию.

В 22-м махновец *Щур* с 300 человеками проходил здесь. За ним было выслано регулярное войско. Христовой [соединил свои] — свидание со Щуром. Договорились, что Щур пойдет на Ковалівку, а Христовой — здесь останется, чтобы ударить в тыл. Христовой оказался между двумя речками; выход из 2-х речек был загорожен отрядом в 20 кавалеристов с 2-мя пулеметами. На это заграждение и наткнулся Христовой — отступил. За Щуром же пошли регулярные войска —

целый полк кавалерии и 800 комнезамов. Христовой вернулся в лес под Лютеньками, пошел ночевать в Загрунівку. Регулярные войска, разбив Щура, вернулись на Христового. Пришли туда к утру, часов в 9, когда он умывался в клуне. Он стал отстреливаться из 2-х наганов. Был убит — живым не дался. Это — конец сентября — начало октября. Вывезли в лес и покинули.

Коваленко.

1916 — V был мобилизован в армию. С мая по 3 сентября — тогда был ранен; в Житомире лежал 1½ месяца. Поляк, грузин и украинец — одного взводу — друзья. Через 1½ месяца опять на фронт. Задумали «тикать». Выехали в Киев, вылезли на станции. Караул мог забрать их. Прапорщик подзывает:

«Ну, пропал!»

А прапорщик:

— Нельзя ли мои вещи пронести до извозчика?

Он думает:

«Пронесу — пропустят за ним как денщика».

А тут был царь в Киеве — и всех солдат — и отпускных, и дезертиров — забирали к коменданту. Начали проверять документы — им повезло:

— Кто на восток — направо, кто на запад — налево.

Ушли, сели в поезд с лошадьми. Вернулся в Гоголево, потом в Сорочинцы — на подводе (ехал мимо станového, там стоят 2 урядника. Он перевернул кокардой назад фуражку, подвязал армяк веревкой — проехал).

Дома пустил слух, что отпущен на месяц из лазарета. Никто не трогал. Потом прятался в соломе, в сене, под челнами (зимою). Урядники искали. *Один раз* лежит на печи — мать ушла, замкнула. Слышит: ворота открывают. Он — в окно: урядник и 2 полицейских. Урядник заглянул в окно, не увидел. А замка не имел права ломать, когда никого нет. Другой раз увидел (только уже войдя в хату): открывают дверь, входит урядник. Сени были «очеретяные», камышовые; он раздвинул камыш и кинулся бежать. Не увидели... Спрятался в хлеве, в сене. Пришел хозяин, стал месотку делать скоту, тут он выстал и говорит:

—...

Так до Временного правительства. Тогда он пошел в армию сам. Это уже 18-й год. Когда пришли немцы — органи-

зовал <в> 6 человек партизанский отряд — против немцев. Все были конные, с винтовками. Немцы шли на Ковалівку, 40 человек, человек 10 — кавалеристы. Они засели — 3 с одного конца моста, 3 — с другого. На мосту — паника. Осталось: пулемет, кони (6 трупов с седлами), 18 винтовок, 6 убитых — немцы прорвались на Ковалівку. Сами ушли в лес, на острова — среди болот, выгоном.

Немцы пособирали коней, хомуты, грозились, что всё заберут, если не объявят большевиков. После этого пришли из села еще 9 человек и рассказали.

Из петлюровцев (в конце 19-го) приходил сюда атаман *Шуба*, убил в Сорочинцах Малину и передвинулся на Ковалівку. А в погоню за ним из Киева — деникинцы. Деникинцы, когда ушел Шуба, вошли в Ковалівку. Партизаны (15) были в контакте с шубовцами. Случайная встреча. 3-е партизан встретилось с деникинской кавалерией. Повели расстреливать. На заходе солнца, над глубоким яром, заросшим бурьяном (саженей 20 глубиной). Коваленко только чуть ранен пулей в висок. Все попадали трое. Сверху стали в них стрелять еще для верности. Ранили Коваленко еще в ногу, но боли не чувял, не крикнул. Лежал «до самого смерку». Кровь шла, особенно из ноги. Пошел мелкий дождь. Он в одной рубахе и спидницах. Вышел из яру:

«А вдруг ждут?»

Место это хорошо знает. Обошел село — идет в одну хату — попросить хоть пиджак. Заглянул в окно: двое в погонах...

Назад. Отошел с версту — пасется конь. Сел — и поехал: искать лес, где около Романівки остальные хлопцы (из 15). *Сделал из лозинки* узду и правит. Кровь бежит по кобыле... Оставил коня под берегом. Пошел к хлопцам — они спят.

Разбудил — они кинулись бежать. Потом перевязали, одели. (Был курень.)

А утром бой — деникинцев и шубовцев. (Шуба стоял на хуторе Валок, Деникин выступил из Ковалівки.) Шуба разбит. «Дал такого чёсу». Четверо из партизан приняли участие в бою.

Коваленко лежал недели 3; выступлений не было.

На Святках они уже были в Полтаве, на службе в ГубЧК (19 год).

Лисовый.

Был на митинге, устал, пришел в сельсовет, сел за стол, положил голову на руки — и заснул. Рядом телефонный аппарат и телефонистка. Аппарат начал звонить... Пасха... колокола... сон.

Вдруг слышит, телефонистка кричит ему в ухо:

— Вставайте скорей, товарищ Лисовый! Бандиты!

Решил, что шутит — напугать хочет. Поднял голову — заснул. Она за плечо:

— Да вставайте же — бандиты!

Он вскочил и увидел: телефонистка выскакивает в окно. Тогда поверил — и то ведь не совсем. Встал, вышел на крыльцо. Видит — справа и слева двое конных вяжут коней к столбам.

«А-а, то ж наши — сводного полка... Зря будила баба».

И еще справа и слева едут конные — тоже, видать, из сводного...

И вдруг, гроыхая, выскочила на площадь тачанка — и на ней *черный флаг*. Как увидел:

«Ну, — думает, — кончено».

Руки опустились, ослаб — и даже бежать не может. Это и спасло.

Тихо, на ватных ногах, прошел мимо одного из конных (а одет он был в штатское, по счастью), к куму Панасу — в хату — да в огород. Засел там в конопле. А конопля редкая, а рубаха на нем белая.

«Ах, увидят белое». — Конники рыщут недалеко, по задам.

Тогда Лисовый пошел через болото, вброд, по грудь, потом по лугу — до реки. Когда уж был недалеко — его увидели, стали по нему стрелять. Он побежал по-заячьи. Увидел чью-то хату и возле нее челн. Подхватил на плечи челн (после пробовал — еле мог поднять) и добежал в нем до воды. Лег на него животом, греб руками — и так, под выстрелами, переправился через реку. Подплывая, сквозь кусты, увидел на другом берегу — *их*, деникинцев, в погонах. Значит, вылезть нельзя. Берег высокий — нависал. Он залез под навес, спрятал челн, лег — и заснул: такая вдруг усталость.

Христовый был взят махновцами в плен. Их посадили в клуню — ждать расстрела. Он *головой пробил* соломенную крышу в клуне и вылез, а за ним остальные. Это — ночью. Убежали.

Беда у нас...

Галина шла... через фронт. Октябрь 22-го года. Нужно было пройти около 100 верст. Ботинки стоптались. Ноги замерзали так, что она садилась, отогревала ноги, прикрыв их пальто, потом шла дальше.

Изнеможение к ночи. Видит: железнодорожная будка, огонек. Вошла. Женщина на пороге:

- Да как же вы у нас останетесь ночевать? Беда — у нас.
- Нет уж позвольте, я идти все равно не могу...
- Ну, идите...

Кухня, лампочка — прикрытая неплотно дверь в соседнюю комнату. Легла и сразу же пошла ко дну, в сон.

Вдруг: стоны из соседней комнаты. Проснулась. Хозяйка с какой-то [посудиной] бутылочкой вышла из соседней комнаты. Галина спросила ее:

- Кто это там? Что это за стоны?
- А я ж говорила вам: беда у нас. Муж мой помер, а старший сын заболел. *Черная оспа*.

Галина так и подскочила, стала одеваться. А сил нет. Подумала-подумала и легла — сейчас же заснула...

Утром проснулась — хозяйка будит, сквозь слезы спрашивает:

- Вы, часом, не портниха?
- ...Что такое? Почему — портниха?
- Может, были бы так ласкові, обмерили бы обоих — ночью помер ведь и старший... — да сшили бы им смертные рубахи.

И, может быть, еще хуже черной оспы были в дороге мужчины, этот желтый огонек в их глазах. Однажды, истомленная, попросилась к проезжавшему на телеге. Тот подвез, а за это — стал требовать... Когда доехали до постоялого, и там среди мужчин — Галина увидела старую, усатую, мужеобразную дьячиху — она кинулась к ней как к матери — к ней, единственной женщине — и разрыдалась...

6.VIII. Романовка.

...Уходил на 3—4 дня — поесть, одеться. Тиф, человек по 5 в день умирало [нрзб]... Еще можно было уходить за харчами и возвращаться. Сам Иосиф «тикал» с царского, с петлюровского, с деникинского войска. В это время — Христовый. В Миргороде задержали:

— Ты кто?

— Красноармеец, до дому за харчами.

— Тебя расстреляют в Полтаве, ты из банды Христового.
(Это — начальник комдес'а.)

Грузили в арестантский вагон в Миргороде. Попал в вагон. Ночь темная. Думает:

«Надо тикать».

Метнулся назад, его толкнули, упал — перед самым вагоном. Проскочил под вагоном — и до дому. На дороге сказали, что дома — отряды КДЗ, ищут дезертиров, убили «дида» (богатого мужика — было десятин 18). Пошел в Лубны. Там сказали, что его уже считают дезертиром — в казармах. Опять пошел домой. (Это — зима, арестован был после Нового года, пока сидел в тюрьме — уже около Масленицы.) А дома уже ряд хлопцев — человек 20, «ходят з винтовками». Отряды... ищут... Хлопцы — в лес, какие прятались по хатам. Там дали винтовку ему — ходит с винтовкой. Летом собралось уже человек 300 — с Бирок, с Романовки. За атамана — *Мандык*. Умный, сообразительный... служил в милиции (при большевиках). Почему бросил милицию? Отряд, разбивший деникинцев, пограбил селян — плахты из сундуков 35 etc. Мандык — заступился, побил их, отобрал имущество.

Мандык — до Христового. Христовый — тоже был в милиции в Зенькове. Мандык — приятный, с дядьками побалакать, не грабил. [Потап (Антоненко) — по-другому, народ его и выдал.]

Пришел Христовый, отряд Мандыка и человек 15, обезоружили отряд в Лютеньке, тогда к нему пришло еще много. К концу лета у него было уже 12 пулеметов. Когда Христовый наступал на Лютеньку, заложил снаряд в дупло и взорвал, чтоб думали, что у него — орудие.

Отряды комнезамовские, преследовавшие махновцев, спалили Лютеньку, потом Романовку, обстреливали оба села.

Наступали на Гадяч — человек до 500, а винтовок — 100, остальные с *березовыми дрючками*. Заняли Гадяч.

Разогнал отряды Христовый — и сидел в лютеньских лесах, и уже туда не подходили близко.

Потап (Антоненко) хотел поступить в милицию, но начальник милиции *Зуб* — не дал места. (Потап поставил ультиматум: «Или лес, или милиция».) Потап — ушел в лес.

Мандык не одобрял, что Потап зря много бил людей. Потап – темный шатен, высокий, упитанный, чудные голубые глаза – детские.

Зуб путался с Потапом, доставал ему патроны. Потап – бритый, с черными усами.

Христовый – небольшого росту, красивый, «русявый», шустрый. Сын торговца-щетинника. Серые глаза.

Мандык – здоровый, сухой, костистый, бритый. После был уполномоченным по борьбе с бандитизмом (после амнистии). Убил 2-х сотрудников: те его звали гулять, но один товарищ сказал ему, что те хотят его убить. Он сам убил их и с тачанкой утек в лес. Он получил письмо из-под Киева от некоего *Яцука*. Поехал к нему, по дороге его схватили и убили (*Яцук* – провокатор).

Матюха-Тюха – был тоже в милиции (уличное прозвище Гинняник). Последний из атаманов – году в 23-м. Начал весной, осенью его убили – в районе Зенькова, Шишаков, Ковалевки. Вроде Потапа.

...Трое в хате (из мандыковцев). На рассвете стук (отряд человек в 50).

– Кто?

Увидали в окно, выстрелили, убили двоих из отряда, сами повыскакивали из окон и удрали.

...Матюху схватили сонного в Семереньках. Суд, и расстреляли в Полтаве.

Схватка с отрядом: отряд человек в 200, а бандитов – человек 15. Потап взял раненого на плечи и унес болотом. Спасали болота...

...Нагнал отряд, он вскочил в воду, там были кувшинки, он весь в воду – только глаза и нос из-под листьев...

...На Федора при разверстке наложили слишком много, он и ушел, а был головой в Семереньках...

Жинки: у Потапа была девка, у Христоваго – жинка и сестра. Еще одна – была за Потаповым братом. Иные ходили в «спидницах» и «хустках», иные переодевались в мужское.

Сестра Христоваго участвовала и в боях. Жена Христоваго была ранена в руку (она была потом расстреляна в Полтаве). Сестра вышла замуж (за коммуниста!), когда сидела в *тюрьме* (коммунист в нее влюбился?).

В 21-м в октябре — амнистия.

«...Видим, что через нас народу-селян много гибнет, забирают в тюрьмы, спалили село».

К осени 21-го года из 800 осталось человек 40—50 (в это время начал работать Потап).

Мандык оставался еще после смерти Христового. Приехали из Полтавы ЧеКа, Степан [нрзб] — в лес к Мандыку (сначала — селянина с письмом к нему). Встреча в лесу отряда ЧеКи и Мандыка. Чека:

— Сдавайтесь, будете прощены и будете служить.

Он сдался. Поехал в Полтаву с своими (человек 30), с ними — Палашка, с оружием. (В это время — Потап работал, часть ушла к нему.) На дворе ЧеКа в Полтаве — начальник Линде начал беседу, любезную (обед, музыка, папиросы — граммофон за отдыхом). Все еще с оружием. Потом Линде:

— Надо, товарищи, оружие сдать.

Хлопцы:

— Нет, мы не сдамо...

Мандык сказал:

— Сдавайте.

У Мандыка оставили наган. (Большая часть думала, что идут на расстрел.) После музыки — человек 4-х взяли в тюрьму. Двоих выпустили, двое исчезли (говорили, что их отправили служить в Харьков). Один из них — Штаба, ходил с *оселедцем*, как запорожец...

У Потапа в это время — человек 20. Они сдаваться не захотели. Их потом окружили на хуторе и всех перебили.

Когда Иосиф амнистировался, приехал домой. Утром рано — приходит Потап, вынул шашку:

— Сдавай оружие.

— Я сдал.

— Ну, я тебе голову снесу...

Иосиф — в дверь и в лес...

Потом Мандык приехал из Полтавы ловить Потапа. Когда Потап увидел, крикнул:

— Вот гад Мандык иде!

Это было хуже: этот знал местность и тактику.

Это днем на хуторе, в полдень осенью, в саду. Четверть горилки. Стали отступать — к балке. Их тут окружили, начали бить из пулемета. Человек 50 из Полтавы да ковалевская милиция.

Потап пристрелил брата Семена и хотел — себя, но только ранил... Его везли по морозу нагого. Стали допрашивать, он не отвечал, его убили.

Палашка варила борщ, стирала белье. [*Палашка выдала Потапа.*]

...Во второй раз Мандык скрывался 7 месяцев. *Яцук*, до тех пор (якобы?) не амнистировавшийся, вызвал его — соединиться с ним. А сам поехал, взяв милицию, и схватили Мандыка. Убили на дороге. *Яцук* — амнистировался.

...Жинка, чи ребята водили в лес чи свиню, чи бычка...

«*Учителька*».

На селе ни доктора, ни фельдшера, она подлечивала...

Однажды девочка-прислуга кличет ее:

— *Потап* вас спрашивает.

А уж если *Потап* спрашивает — плохо дело: чаще всего тут же зарубит. Бледная — выходит. *Потап*:

— Выйдите до садочку.

— Зачем?

— А я там товарища до вас больного привёл. А чтоб вам безопасней было — так я уйду, а вы спустя к нему выйдете.

Вышла. Там — бледный, худой *Хвёдор* — ранен в грудь навылет, жалуется, что ни дышать, ни кашлять... пот... Посоветовала ему питаться получше — молоко, яйца — и лежать на солнце в лесу голым. И вот — на острове, где укрывались бандиты — *туберкулезный санаторий*. А к осени все же поправился *Хвёдор*.

«*Моментально*».

Зарубили в сенях. Ударили по шее, думали, что до смерти, а только до половины. Опосля, отвезли в больницу...

...Она переезжала к сыну в Барановку. Приехала за вещами, попросилась поесть. Только что легли — в дверь:

— Отвори.

Она:

— Не отворяй.

Дід:

— Нет уж, отворяй.

Открыла. Ей:

— Иди с нами.

Она хотела детей взять.

— Бери только грудного.

Вернулись с ней:

— Показывай сундук.

Она вошла в хату и сунулась с ребенком [в подполье] под нары. Ей кричат:

— Вылазь, — и целится из винтовки.

А на печи — 9 человек, оттуда:

— Дай пить воды.

Ткнул ее шашкой [сквозь пол] под лавку — через живот.

Она крикнула:

— Помираю, прощайте, — и стала вылезать. Потом кричит: — Подымите ребенка.

Дід схватил, положил ребенка на пол. Тогда выстрелили ей в голову, голова распалась, а он еще раз выстрелил. И оставили записку:

«Лисовіки убили цю защитницю коммунистической партии...»

Приказал записку не трогать, чтоб все могли читать. Сын боялся хоронить:

«Меня убьют».

И скоро приходит человек, говорит:

— Прохора убили, на площади лежит.

Верно: связаны руки, вокруг шеи веревка, весь изрублен.

Насчет нынешнего:

— Як жил тода — той тепер живе, як бедовал тода — тепер бедуе. Ох, лучше не жить як так жить!

Земельку дали в 15 верстах — 6 десятин.

— Почему в СОЗ не пошел?

— А годов 25 ходил по економиям, так знаю, що воне таке.

Лучше голодать, чем так...

Старик — согнутый, заросший, бровястый, руки длинные — как горилла.

— Як бы сажень земли выделили, я бы в земельку зарывся — там бы спокойнейше было.

...Там было вбито нівіску и її сына.

У них музыка была, гармошки... Пришли до дядьки в садок, две дивчины с ними... А тут налетел отряд, они: бежать, гармошку одну бросили...

...Проходят потаповские по хатам и заказывают:

— Ты готовь на двух йисты, а ты готовь на четверых...

Хата.

В сенях, закрытый деревянным щитом, вроде камина — «дымарь» — коптильня. На стене «пила». Стоит прялка-колесо, низенькие скамейки, низенький круглый — почти турецкий — столик, мешки с мукой, кадки. На балке висят для станка ткацкого основы... *на мотовиле* (поперечные нити «пидтканье»).

Учусь.

...Начало всего в Бирках на кожевенном заводе. Приехал туда за кожами красный отряд. Уже группа бандитов была в лесу. Банда пришла, началась стрельба, был убит один из продовольственного отряда. Там с ними был *Мандык*. Объяснили потом мобилизацию. Часть пошла. Мобилизованные должны были идти в лес.

[«Как был мобилизован брат».]

Сидели дома, из снопа выбирали пшеницу из жита. Приходят двое, с револьверами:

— Вам ведомо, что объявлена мобилизация вашего года?

— Да.

— Так вот, вы сегодня мусите быти в лісу.

— Хорошо, приду.

Потап говорит брату (когда те ушли):

— Надо удирать.

Забрал манатки и — в Зеньков.

...Чувствовали себя лучше всего в Бирках.

...*Потап* в больнице — тяжелораненый — в голову или куда-то еще — или без сознания — или, вернее, делал вид, что без сознания. Ничего не ел. Ему дали кусок яблока, он не взял. Его привезли в больницу часов в 7 вечера, умер на третий день.

Во время перестрелки отстреливался до конца. Начинают стрелять — он упадет; думают, убит, а он опять отстреливается.

И убежал бы, если бы не брат: Семен упал, Потап подбежал к нему — проститься. Тут его и ранили.

...*Сапожник шил сапоги* Потапу. Когда шил, пришло трое и приказали, чтобы к 5 утра сапоги были готовы. И стояли над ним с шашками. Так и показал на допросе.

[(Допрос в ЧеКа.)

...Дід лет 70.

— У вас, діду, были бандиты?

— Были.

— Шелковицу йилы?

— Йилы.

— Кони сено из стога йилы?

— Йилы.

— Сколько?

— 40.

— Да как же вы пустили к себе?

— А если бы к вам пришли 40 человек с ружьями, вы бы пустили?]

Махно был разбит под Зеньковым. Но задержал красных. Бой под Лютенюк с *Христовым*.

<Далее идет схема пути Махно после боя под Зеньковым и пути красных наперерез Махно с обозначением пунктов: Миргород, Сорочинцы, Бирки, Будища, Зеньков, Лютенюк.>

Путь Махно после боя под Зеньковым.

Путь красных наперерез Махно.

1. Идет много слонов. Несколько слонов дойдет. Хочу быть <оставлено недописанным>

2. Проснусь — когда мысль воскреснет.

3. Люби землю, ты любишь мать? Так люби...

4. Когда я потеряю веру, я стану не от мира сего.

12.VII. *Валки*.

Лука. Не хотел ни туда, ни сюда. Взяли в красные. Пришли лесовики:

— Против братьев?

(Он утек из Киева.) 40 человек. Только [нрзб]. Вошли в хату. Спросили:

— Что вам робить? Чи стрелять, чи палить, чи рубить?

Один говорит:

— Стрелять тесно. Забрать у них мамку и рубить.

Невестка свое добро прятала у людей. Дмитро был головой.

— Ты был головой?

— Был; три дня, как сменился.

Солдат повел его в хату. Говорит:

— Нет, не тот.

Отпустили. Дмитро взял Луку. Луке:

— Это твоя жинка?

— Моя.

— Веди, где скрыня ее.

Он повел. Там из скрыни взяли рушничок, связали ему руки, повели в хату. Там его зарубили (по голове, по шее — 2 раза). Молодице говорят:

— Лука твой зарубанный, давай его чоботы да картуз.

Та дала. И пошли те на двор, там ходят со свечами; там Стефан (брат) запрягал лошадь.

Мокрое... Позвала Стефана. Бледный, вошел в избу. Засветил каганец...

А у жинки был полюбовник в лесовиках. Она и позвала лесовиков. К ее батьке (в Романовку) ездило на ночь по 15 человек ночевать. Она вызвала Луку из города, сказала батьке:

— Если не вызывать его из города — голова долой.

Вызвала — будто для раздела имущества, он и пришел. Он был в Миргороде — в Красной Армии (22-й год).

Полтава.

Иосиф, Иаков, он же Борило. Ходил ночью. Как девки, приходившие на вечеринки к Палашке — выследили, что кто-то к ней ходит (спят после вечеринки на полу, «тропочка» оставлена возле печи; одна на «тропочку» вытянула ногу, на нее и споткнулся Яков. А раньше заметили девки, что утром у Палашки постель на двоих. Значит, она ночью, когда девки засыпали, пускала любовника. И в этот раз долго ретотали девки, насчет двухспалья Палашкина. Палашка им:

— Чего регочете? Спите! Время...

Они притихли — будто спят. А потом слышат: легонько в окно стучат...

Якова другая ухватила за ноги. Он молча высигнул. Только задел одну винтовкой, другую — шаблою. Тогда она поняла: «Лесовик». И уж больше не ходили к Палашке, а то ночью к ней нагрянут красные — и каждый вместе с ней...)

После того, как убил Иосиф ее мужа (Анисына) — она ему обрыдла сразу, и он замуж ее не взял. Она вышла за другого, год пожила с ним, потом она уехала в Крым — там она нашла себе третьего. Красивая была жинка. Да и Лука — гармонист, первый парень в деревне. Только *тихий*...

Колодец.

Группа *куркулей-антиколхозников*. Как только «сбор»-сход — они следят. Вот сейчас уже выносить резолюцию — вдруг загорается в деревне. Дым, набат. Все бегут — сход сорван... У пожарных — свои агенты, особенно девки. Жестоко расправляются с изменниками.

Парень из этой группы — *и девка, влюбленная в него*, — агент. Подозрение, что она на всех доносит. Тогда парень вызвал ее на свидание, на луг. Пошел туда еще с двумя, схватили ее — и бросили в *колодец*. Сами ушли. Она стала кричать — по горло в воде. Услышали, вытащили...

Любопытней всего, что потом она *все же вышла замуж за того, кто бросил ее в колодец*.

Дети.

Двое — играют. Спрашиваю:

— Ну, как, ребята, дела?

Один:

— Дуже погано.

— А что?

— Из хаты выгнали нас с батькой и с мамкой...

Другого:

— Ну, а ты как живешь?

— Я? Дуже гарно.

— Ну? Что так?

— А нас с батькой и мамкой в ихнюю хату вселили, они — *куркули*.

Фамилии:

Чечель, Емельян;

Кабан, Петро.

Адлер

Вт., пн. 20.00

Пт. 20.50

Чт., вт. 11.50

12.40

Ср. 24.00

1.00

Разд. 4.25 9.37 <или: 9.47>

Одесса 5.38 11.18

В пивной.

Рабочий — темный, заскорузлый, глаза — маленькие, голубые, с острыми зрачками. Разговор.

1. Верю ли я? Идет много слонов к далекой поляне, по пути — колючки, болота... Какие — гибнут. Но последний слон дойдет. Я хочу быть этим последним слоном...

2. Только «сейчас»? А завтра — «проснусь»? Это неважно. Важно, что эта мысль живет где-то. А проснусь я там на полянке, когда эта *мысль воскреснет*.

3. ...Только не надо быть трусом. Шире! Глубже! Во все заглядывать. Не только в пивную...

4. Верю в людей. Люби людей, люби эту маленькую землю. Помогай ей вертеться и не сойти с оси. Ты любишь мать? Так люби и то, откуда она произошла.

5. *Когда я потеряю веру, то стану не от мира сего.*

6. Ты, если не веришь, не имеешь права жить на земле.

7. Я тебя всегда найду.

Специалист по снятию колоколов. Сын попа, Мишка Покровский. Коммунист.

Снимали колокола в Угличе, в монастыре. Собралось народу несметно, просят:

— Мишка, позвони последний раз!

Мишка грянул (звонарь был замечательный — попович), звонил час — и «перевод», и полиелей, и пасхальный. Народ плакал. Потом Мишка смахнул колокола вниз...

Братья, жившие в одном доме, поссорились. Раскрасили крышу — половина зеленая, половина красная. И дом — в разные цвета...

Баня и бабы. Поссорились в колхозной бане, одна — другую кипятком. В результате — две партии, бой, раненые.

Голод на Волге.

В одной волости — ели лепешки из конского навоза.

В другом селе — распарили и съели резиновую калошу, забытую американцем.

Только что *навшую лошадь* — еще теплую — ели сырьем.

Прошгодние листья — деликатес...

Вокруг стоит *голая, черная роща*: всю кору содрали и съели.

Копыта — ...

Представленные списки американцы могли удовлетворить *на 30%*: значит, *70%* — осуждены...

Приносили в контору *руки и головы* съеденных людоедами...

На носилках — в столовую притаскивали *больных тифом*...

Голодный *зеленый* блеск глаз. Взрослые *умирают: кормят* в первую очередь детей.

Голод.

Каша из ольховой коры.

Лошади могли везти только *по 5 пудов*.

Могилы кругом города — где попало...

...Она заболела тифом. Дочь, девочка. Она сказала, взглянув на дочь, — сказала себе:

— *Я не имею права умирать*, — собрала все силы...

Голодные двинулись, ордами. *Исход из Египта*... Слухи о «хлебных» Туркестане и Ташкенте — туда. Кордоны.

Везут хлеб, добыли. Осмотр на станции, хотят отобрать мешки. Вой на платформе. *Легли на рельсы* бабы — и она, тоже везшая мешок муки для детей — легла...

Засуха. Земля трескается — *трещины в аршин* глубиной.

Пожары, поджоги. *Очереди за водой*.

Новые нищие.

О критике.

Есть критики-художники: они пишут художественно, т. е. они пишут рассказы и повести, где действующие лица — книги или авторы. Следовательно, они не критики: они — беллетристы. Настоящим критиком может быть только тот, кто пишет антихудожественно: это — наследственная привилегия критиков-публицистов.

Это — единственная порода критиков, полезная для художника: у них можно учиться, как не надо писать — это не менее важно, чем научиться, как надо писать.

Благоразумный франсовский пес Рикэ учил: «Поступок, за который тебя накормили или приласкали, — хороший поступок; поступок, за который тебя побили, — дурной посту-

пок». Чем дальше человек от Рикэ — тем ближе он к обратному правилу: «Поступок, за который тебя накормили или приласкали, — дурной поступок; поступок, за который тебя побили, — хороший поступок». Не будь критиков — как бы мы знали, какие из наших литературных поступков хорошие и какие дурные?

«Мы — вовсе не врачи: мы — боль» (Герцен).

Только дураки думают, что надо истребить гусей, чтобы взять Рим.

Деревня.

Мальчишка деревенский — другому:

— Ванька, иди домой скорее, там *шпикулянты из прочих держав* пришли.

Это были голодные с Поволжья — пришли в скопскую деревню.

Старуха всех называет: «*доченька*», «*сыночек*». Своих нет.

— *Пшона* хоть *пригоршоночку* дайте...

Бараниха Тимофеевна.

Молоко в *ночном горшке*.

Воробьи, малиновки, иволги, лягушки — целый день за окном. Целый день вокруг дома — [топот,] *сеть из щибета, чириканья, свиста...*

«*Медведь* — он все ничего-ничего. А как растревожишь его, взревет да пойдет ломать! Только держись!»

Бычок — «*Василий Красивый*».

«*Цена билету — 5 яиц*».

Баба:

— Ты думаешь, как ты *в галифях* ходишь, так мы тебе их не спустим? Спу-устим!

Слух прошел, что в соседней деревне появился «тайный агент». Так сам о себе и говорит:

– Я – тайный агент.

Ну, а когда узнали, что и весь агент-то Матрены Кривой сын – Федька Шелуха... Так и бумагу ему написали:

«Федьке Шелухе...»

В раны кладут табак, деготь, керосин, колесную мазь. Больных возят к «волшвам».

Умирают спокойно, деловито. И никто – ни умирающие, ни зрители. Старуха:

– Дай-ка, дай-ка сюда кофту-то, тут заплатка сзади. Ну, ничего: буду лежать – так на спине не видать будет.

Дочь:

– Ты бы, мамка, платок-то с собой постарее взяла.

Мать:

– Нет, ты уж мне не перечь: желаю в этом...

– *Кушай, жадобный, кушай...*

Печь с белым и теплым животом...

Плесень по телу пошла.

От нее пахло сметаной...

«Наловил комиссаров на уху» (ершей).

«Таконько вот...»

Согнутый, как гвоздь, старик: неладно хватили молотком по гвоздю – и уж так он будет всю жизнь нелепо торчать и за все цепляться.

«Ввиду недостатка топливного кризиса».

Старуха – о замужестве:

– И-и, вот ишшо – стану я *одеяло-то поганить!*

«Клавиатурное сопрано».

Дед — Михайло Сундук, сын — Сундуков, внуки — Сундочковы.

Петербург.

Приехал в Питер. Все ходил-ходил — ничего... Против Северной гостиницы остановился, ахнул и *стал пальцем окна считать*. Пересчитал, помножил в уме, сколько стекол и сколько стоит...

Докторша вылезает из трамвая, кричит кондуктору:
— Да что это вы? *Еще больные не все вылезли...*

Священник просит милостыню.

Лимонные фасады на сине-сиреневом фоне неба в июньскую ночь.

Дома из прозрачного цветного фарфора: светло-серого, бледно-зеленого.

В белую ночь — *каменная, вымощенная пустыня* — площадь Главного Штаба.

В белую ночь — *в огромных окнах Зимнего Дворца* — розовые пятна зари.

Монастырская галерея какого-то старого Гостиного Двора.

Мрачные Биронные дворцы на зачумленном острове (Тучков буян).

Отражение колонн в воде.

В сентябрьском солнечном тумане — *янтарные, прозрачные колонны* Адмиралтейства.

В гости ходили к «86-му году, к Гелиосу»: в домах, где свет был от Бельгийской станции — электричество не горело...

В Летнем Саду — «Праздник белой ночи». Ленторгсин. С <нрзб> Роза Риски — мулатка, коммунистка.

На трамвае:

— Да вы что это в самом деле — буржуй вы эдакий: *на двух ногах стоит!* На одной-то не можете?

В Петербурге многие в квартирах *отыскивали клады.*

Трамвайные столбы — пизанские башни...

«Он всегда — даже когда шел один — *шел процессией*».

«*Глубокоуважаемому Арсению Арсеньевичу.*

Портрет возлюбленной в шкафчике под замочком — чтоб никто не видел...

Типы.

Ремизов. Лицо — гармошка, которую кто-то растянул вниз и вверх; удивленные брови; клином борода, нос — длинный, вытянутый.

Судья. *Глаза — в соусе.* Выдумывает про себя истории с женщинами, шепчет их на ухо соседу.

Учитель. Боится женщин как огня. Про него рассказывают, что у него — плесень пошла по телу: жил в сырой квартире, и как на хлебе пошла плесень, и так все заплесневело, что куда уж там. Приговаривает:

— Нет уж, что уж... Да нет уж...

Букет с записочкой:

«В знак неведомых отношений».

...Назначили *ревтройку из 11 человек.*

...Он никогда не стоял, а всегда *приблизительно* падал.

— Скажите, доктор, а как вы думаете, если съесть... А бывает температура 60°? Мне рассказывали...

Доктор:

— Термометр был испорчен...

— А-а! А вот я сынишку своего — ему пять месяцев — я его, чтоб закалить — каждый день под кран в кухне... Что, хорошо это?

(Сынишка через месяц помер.)

Художественники. На островах. С полицейским пьяные. В одной руке у полицейского — бутылка, в другой — окорок: — Ты — буфет-автомат, [нрзб] — понимаешь? Опускают ему монеты за пазуху...

Белый слон, который был на самом деле...

«Подкидыш».

«Операция» — М. М. Климову («блин застрял»).

Кашира. Закрыли собор. Очередь причащающихся последний раз, как перед светопреставлением.

Отравилась, отравила детей — обыск продолжается...

Председатель комиссии напихал в карманы, в рукава...

В селе, бабы вечером:

— Пойдем к Аксинье-то?

— Пойдем.

Приходят. Сумерки. Усаживаются вокруг и воют, причитают.

Скот душат в избе. Лошадь вешают, чтобы получить страховые. Лошадь выгнали на дорогу, на хвосте записка:

«Бери, кто хочет...»

В Кашире — 15 руб. крестьянская лошадь, 50 — рысак...

В Коломне — все врачи, 150 человек, поступили в партию.

Кулаки постановили: *отслужить молебен* за папу (римского).

Портрет Ленина в лучах.

«Печать — только свободная; прочая запрещена».

(1918.) Отслужили молебен; пришли к помещику:

— Ты барин хороший, мы все знаем, а уж прости — придется тебя повесить, нельзя иначе...

Рассказ В. Н.

«Мадонна» Рафаэля да Лоретто. Ее должны были выдать Франции при Наполеоне: надули, выдали копию — торжество. В Лувре повесили. А оригинал — в одном монастыре. Позже Наполеон нашел ее там и, считая копией, подарил Жозефине Богарнэ. Жозефина вышла за Демидова (?). «Мадонна» попала в Россию. «Мадонна» у Авроры (сестра Эмили, о которой Лермонтов). Аврора — роковая женщина — 6 мужей, все умерли. Красавица, вдова. В нее влюбился Николай I и запретил ей выходить замуж. Она все же вышла за Григория Карамзина и была выслана в Сибирь. Взяла с собой обстановку одного из петербургских домов — и «Мадонну». Григорий Карамзин был взят на войну и убит. Аврора кончила жизнь в мраке и тоске, в Сибири...

В 1927-6 годах ученый [нрзб] нашел где-то в Нерчинске доску, переброшенную через канаву (с нечистотами из хлеба). На доске — какое-то изображение. Это была расколотая надвое «Мадонна».

Сюжеты.

Рассказы.

«Грибок»

Артист — вчерашний завхоз.

Приговор — доктор на голоде.

Эпимах. Иоконга.

Обезьянье войско — фантастический.

Гражданка Копейкина — убийство.

Михаил Исавыч — бывший помещик.

Налет — новогодняя встреча, открытая дверь в квартиру.

«Последний день»

Гибель «Надежды»

Покойница — старуха, получила для себя похоронное пособие.

В подвале — вроде «Потопа».

Пустыня — Сибирь. Нужно перейти безводную пустыню, чтобы спастись. Женщина среди 2—3-х. Она сходит с ума; если ее вести с собою — все погибнут. Устраивают нечто вроде суда. Приговаривают ее к расстрелу; расстреливают. Среди судей — муж и любовник.

6

«Повседневка» — картошка.

«Выдвиженка» — вобла.

...60 000

Галилей — «на деле».

— Яйца в Одессе 30 коп. десяток.

— Вранье!

— Я знаю, что вранье, но зато как дешево!

— Не видали тут недоёбанной женщины?

(Солдат сел не в тот эшелон.)

Многая лета... <17 л. вырвано>

Из газеты:

«Гражданин *Иванушкин* Георгий <Егор> Сергеевич, происходящий из Калужской губернии, Тарусского уезда, Ямской волости, деревни Андреево, меняет фамилию и имя *Иванушкин Егор* на *Фрам Генри*. Лиц, имеющих препятствия к означенной перемене, просим сообщить в Мособлгагс, Петровка 38, зд. 5».

«С женой живет отдельно ввиду ее смерти».

На эстраде: *оратор*. Короткие, выше щиколотки, брюки. Говорит гладко, спокойно. Каким-то чудом вся толпа смеется его не бог весть каким остроумам. Но если не слушать его, а только смотреть на ноги — они все время переступают, поднимаются на цыпочки, шаркают, вытягиваются — видно, что он трудится, напрягается...

История об американце, который влюбился в русскую.
«Без денег» etc.

— И она знала, что я женат!

Разговоры об этом в Electric Corporation.

И другая история — с профессором: влюбился в жену другого, они уехали в Италию, там — после развода — обвенчались. А когда он вернулся в университет — его уже уволили...

Грузинский тост:

— Выпьем за вашу мать, которой мы обязаны удовольствием видеть вас здесь...

Дети: две девочки — 3 и 6 лет — играют. Одна лежит с задраным подолом, другая «режет» ей живот щепочкой.

— Вы что это?

— Уйди, не мешай, мы играем.

— Во что?

— В аболт...

За столом, девочка 7—8 лет, придя из школы — спрашивает отца:

— Папа, а как «ёлка» пишется? *Е* с двумя точками?

— Да.

— А ё... так же пишется?

Бабка, тетка — в ужасе. Мать:

— Откуда ты это слово знаешь??

— А у нас его все мальчишки пишут...

— Я в бога.

— <нрзб>...

— А я — в Ленина.

— Кто твой отец?

— Никто...

— Бог есть, но я в него не верю...

Сход. Громада.

Дерево, огромное, несколько поменьше. Жинки, и те с рябьятами. Головины. Стоят. Сидят. Дід, с белым костылем, лег — кажется, спит. Стол, из хаты белый, скамья, Головиха в синем платье, в белом платке. Зеленая трава.

Урожай жита ~ от 15 (плохой) до 30—40 пудов с десятины, сдать надо 25 пудов с десятины.

8.15, 9.30 и 10.30
Васенко Тих. Анд.

	3,50	жита	41 п.
пшеницы	0,34	пшеницы	2,25 п.
пшеницы	0,75	овса	10 п.
		проса	2 п.
		гречки	31 п.
<нрзб> ржи	3 десятины		48 п.
пшеницы	0,25		1,35 п.
(вивса) овса	0,35		2 п.
проса			2 п.
гречки			27 п.

Хр. Е.

		жита	48 п.
		пшеницы	1,20 п.
		овса	6 п.
		проса	2,20 п.
		гречки	28 п.
жита	4,25		68 п.
пшеницы	0,13		1 п.
овса	0,23		3 п.
проса	0,25		5 п.
гречки	2,25		45 п.

«Вывоз» ~ 15 пудов с десятины, а урожай ~ 30 пудов.
Сверх того – сдать в «гамазею» etc.

- 60 пудов гречки в июне сжаты. Где ж я его возьму?
- Де ж его выкопаешь?
- Забери его весь из поля и вези его на станцию...
- На следующий год не сдам.

Из рассказов военных.

...Опасность, хождение по краю – все это потом стало нужным, как *вроде – водки*. И, главное, в деревне сидишь – ламнёшки, сыро, скука, винт, преферанс, тараканы... Так надоест – скорей бы бой.

...В бою — всегда чувствовал, как лоб между бровями почесывается: вот-вот пуля именно сюда, в лоб. А если фланговый огонь, то в висок. Сначала думал, что это только у меня такое ощущение, оказывается — нет. Однажды сидим под обстрелом с адъютантом. Смотрю — он оперся о стол и у виска держит браунинг — плашмя.

— Что это вы?

— А это — если в висок пуля попадет...

...Конечно, страшно. Но никогда пулям не кланялся. Рассуждениями на себя действовал. Когда слышишь свист пули — значит, она уже — мимо, бояться ее нечего. А потом в бою — азарт: возьмешься сам за пулемет — и не оторваться от него...

...Начинают снарядами нащупывать наш окоп — пулеметчиков. И, скажем, снаряды все время на левый фланг — а мы на правом: вот тогда — очень приятно — «не в нас». Когда убьет кого-нибудь рядом, тоже — стыдно сознаться — вроде радуешься:

— Ну, значит, в меня уж не попадет...

Однажды взорвался снаряд, командиру пулеметчиков — он стоял — *снесло осколком спину*. Он продолжал еще стоять, почувствовал — что-то неладно со спиной, *оглянулся, пощупал рукой* — попал рукой себе в открывшееся легкое, упал... и на месте же умер, от испуга, от разрыва.

Пулеметчику рядом разнесло череп — и осколками этого черепа и мозгами контузило моего соседа: все тело у него *было наштиповано косточками и мозгом*.

...И вот, когда кончится обстрел, атака, все затихнет — вот тут-то в лесу — незабываемые минуты: такая радость, так весь чувствуешь, что жив, жив, живешь! Воробьи ходят по снегу, по дороге и клюют навоз — такое наслаждение смотреть на них! Потом, когда вернешься домой, в деревню, в избу — уж не то, а вот именно сейчас же — после боя, в лесу... Ради этих минут, может быть, и идешь на все...

...Сверху, с наблюдательной вышки — весь бой виден, как на шахматной доске: как ползут черные цепи, как встали, побежали, прогнулись, залегли. Как неприятель нащупал их

огнем, вскочили — и вот бараны! — стали сбиваться в группы — видно, как собираются *гроздьями*, и шрапнель рвется уже над этими гроздьями: ведь неприятельский наблюдатель видит все так же ясно — всех их — как и я...

7

Девочку кличет мать:

— *Юпочка, Юпочка.*

— Это как же ее звать-то?

— Да вот отец *Юпитером* ее назвал.

Профессор начинает лекцию:

— В-пятых, господа-студенты... (продолжая предыдущую лекцию).

«Сундучный ряд» в старой Москве;

«Пироги из-под гитары»: вывеска гитариста, и под вывеской был пирожник — «паровые» пироги по 5 копеек пара.

Бандиты напали на двух сестер милосердия (под Москвой, в пустом госпитале). Распоротые матрасы, куча сена посреди комнаты, в матрасы пихают муку, сахар, монпансье etc. Дискуссия: убить или не убить сестер?

В ресторане, в Берлине — двое русских — хотели спросить раков. Не могли вспомнить слова:

— Ну... омаров... Omaren... Omaren...

— *Wie viel?*

Посоветовались:

— *Fünfzig.*

На них вытаращились.

— *50 омаров?!*

(Или по-немецки — вместо «раков» сказали «омаров».)

На пляже поставили два шеста с надписями:

«Для мужчин»,

«Для женщин».

Макс Волошин замазал дощечки масляной краской: они были как раз против его дачи. Жалоба исправнику на само-

управство. Исправник [— мировому судье бумажку, где было сказано:

«Известный декадент — Макс Волошин...»

и] бумажку Волошину, так и адресованную:

«Максу Волошину».

Макс ответил, что хотя он преисполнен к исправнику лучших чувств, однако не настолько, чтобы позволить называть себя уменьшительным именем Макс, и предпочел бы, чтобы его звали полным именем. Исправник обиделся и к мировому судье. Тот оставил дело без последствий.

Когда к Максy в дом заявился губернатор, и исправник узнал об этом, он оробел. Он стоял у калитки вечером и ждал, и когда Макс вышел — исправник взял его под руку и сказал:

— Ну, стоит ли ссориться из-за пустяков? Ну, если хотите, зовите меня — *просто Миша*.

Когда приехала губернаторша, исправник высылал городских дежурить при ней, когда она голая лежала на пляже.

Женя.

Ребенком — была очень красива: глаза — ресницы — рот. В 12 лет — стала женщиной (крыса) — слишком рано, и тело осталось маленьким, тонким, а лицо — большое. Это не было безобразно, потому что лицо было чудесное, но было что-то странное в этой уменьшенной женщине, что одних отталкивало, других — притягивало.

Она рано стала думать о любви. Иные боялись ее, ее странных вопросов, иные — ее тела, никто не хотел даже шутя обнять ее. Она металась.

Появился уже пожилой — смешочки, с проталинами в волосах — инженер. Влюбился в Женю. И она — не любя, одним своим маленьким телом — решила выйти за него.

Она — за границей, в Германии. Письма оттуда к подруге. Сначала все хорошо, весело. И вдруг — беременность. Муж — счастлив. Женя ни за что не хочет ребенка от нелюбимого (по-настоящему): она хочет избавиться от ребенка — пишет об этом подруге.

Это — не в России: *трудно*. Наконец, узнала, что можно — в Вене. Попытка уехать туда: муж поймал, понял все. Он решил настоять, чтобы ребенок был — он вдруг изменился: из

слуги стал господином. Она — как в тюрьме, за нею следят. Муж уверен, что она родит — и тогда все образуется.

Наконец — роды, тяжелые, двое суток. После родов она сошла с ума.

Леля.

Очень красива, масса волос, сросшиеся брови. Очутилась в Москве без комнаты. На счастье — подруга разошлась с мужем, жила одна — Леля поселилась у нее. Скоро у подруги — поклонник — потом — любовник-жених. Ей нужна была комната без свидетелей: Леля чувствовала, что она мешает, уходила гулять. Однажды подруга прямо сказала, чтобы она сегодня лучше не ночевала дома. Она вышла на улицу, долго ходила, потом пошла к [знакомому] студенту — двоюродному брату. Он, шутя, уже давно ухаживал за ней.

Ночью он ее взял... Он удивился: никак не думал, что она — девушка (слушательница драмстудии!). Женились. Год — Леля сияла, ходила одетая счастьем.

Появился ее старый поклонник. Когда он узнал, что Леля замужем — он пролил чай на скатерть и себе на колени. Он был смешон, Леля хохотала. Он понял, что его дело безнадежно. Исчез, но исчез где-то здесь, в Москве: его видели тут, там — пьяным в Кружке...

Однажды, когда мужа увезли в клинику — аппендицит — он явился к Леле. Он сказал, что сойдет с ума — или... или еще хуже, если она не будет ему принадлежать. Он говорил, качаясь на стуле — ножки подломились, стул упал. Леля хохотала. Он сидел минуту бледный.

— Так вы смеетесь? Нет? Нет?

— Нет! — еле сказала Леля.

Он вытащил порошок, всыпал в чай и выпил.

Леля сидела как статуя.

— Боже мой, как вы хороши... — он не кончил, упал.

Тогда она вскочила, подхватила его — в ужасе, в слезах. Позвала медичку из соседней комнаты. Отпаивали его — искусственная рвота и прочее. Отходили. Он лежал полумертвый. Остался до утра — к утру Леля отдалась ему — чтобы он жил; из милосердия...

Потом вернулся муж — у нее было двое. Мужу она сказала, он ответил тем, что понимает ее, но что теперь это должно прекратиться. Она обещала, но вечером опять пришел тот, другой...

Она мучилась. Однажды знакомый предложил ей понюхать эфир, чтобы забыть все. Она ухватилась за это. Нюхать надо было у этого знакомого в комнате. Нюханье кончилось тем, чем и должно было...

Потом пошли любовники без числа. Подруга видела однажды, как на вечеринке она пошла в темную кладовую — рядом — вместе с мальчиком-студентом, которого видела в первый раз. Они задержались там — подруга пошла за ней и увидела...

Она стала морфинисткой. Один молодой профессор увлекся ей и женился на ней. (Первый муж от нее ушел — не выдержал.) Профессора она довела до того, что он спился. Сама она — канула на дно. Говорили, что видели *ее на улице...*

Хозяйка *Ольга Ивановна*.

Все время:

— Ради бога!

— Больше двух стаканов я не пью. Такая у меня *порциональность*.

Осман Николаич.

«*Рушкая* девочка».

Богоментанское вероисповедание.

Приблиотекa.

Мбулатория.

— Ах, я люблю с вами обращаться.

— Виноват, пардон вам...

— В твердую почву не могу вам сказать.

[— Дети пошли у меня *кудрявые!*]

Евоняя мармотка.

«Он проявил антисемитизм против финнов».

«Обезьянам не хватает только денег, чтобы они могли любить женщин...»

(Ан. Франс)

Песня из детского сада:

Ай-ай-ай-ай-ай!
Мы в республике труда,
Ножкой топ туда-сюда,
Живем-поживаем,
Снова начинаем:
Ай-ай-ай-ай-ай! Etc.

- Как прошло заседание?
- Удобно и с точкой зрения.

«Шило на мыло меняем, крокодильские слезы проливаем».

Шоу получил письмо-предложение от известной красавицы, которая ему писала, что, вероятно, от нее — первой красавицы — и Шоу — первого ума — будет замечательное потомство, сын. А Шоу ответил:

«Боюсь, что сын может выйти умом в Вас, а внешностью в меня».

Х. хотел увидеть невесту в натуральности — без этого не соглашался. Посмотрел в щель:

- Нет, — говорит.
- Почему?
- *Глаза не нравятся.*

— Кто был создан первый? Хаос после...

— Карл раёк.<?>

Татарин: «Свет увидел...»

Лошадь — яблоками, корова — лепехами, коза — горохом.

— У нас — только для членов.

Ан.:

— Как вы поживаете?

«Язык мой — враг мой».

Птичка на ветке.

Дети — разговор:

- Ты в кого веришь — в бога или в Ленина?
- Я в бога. А ты?
- А я в Ленина.

Сюжет. Монах.

Килкас — латыш, сорокалетний, упрямый — ехал [через] по сибирской дороге. На станции — без конца стояли; увидел девушку лет 16 — красавицу. Влюбился и тотчас же решил, что на ней женится. И так упрямо и твердо сказал девушке, что она *поверила*, что должна выйти за него. Родители — против, но все же... Килкас остался жить здесь...

От этого брака — дочь: некрасивая, одни глаза — удивительные, страшные даже. Художница (голодала, но добилась своего, приехала в Петербург учиться в Академии — ВХУТЕМАС). Летом устроилась в экспедиции, отправлявшейся куда-то на Тибет.

Буддийский монастырь. Молодой лама — художник. Без всяких технических познаний — рисовал тушью, той же кисточкой, которой писал китайские иероглифы. Она увидела эти рисунки — стала учить его краскам... Он ходил за ней следом. Она немного говорила (по-монгольски? бурятски?). Объясняться было почти нельзя. Тогда они стали [тушью] *разговаривать рисунками*. Он нарисовал свою жизнь. Потом — тушью: монастырь, в нем он, монах; и ниже — другой рисунок: монах с котомкой уходит из монастыря.

Она поняла. Он ушел за нею, с экспедицией. У нее к нему — чисто материнское чувство. Учит его русской грамоте. По дороге устроила его в одном из сибирских городов на службу в Кустопроме. Он остался там, она уехала в Петербург.

Через несколько времени — от него письмо (с рисунками): он разочаровался и уходит.

(Художница — современная, советская. Не коммунистка (еще), но марксистка.)

«Отдых» (Сюжет).

В ЦИК приходит распоряжение: выбрать кандидата для отправки в Ливадийскую здравницу — от крестьян. А рабо-

чая пора, никто не хочет. На сходе решили — бобылку Яклиду, у ней все равно хозяйство — кот заплакал. Она отбойриваться — никаких: посадили ее на ночь в холодную, а с утра отправили в город. Оттуда — как она ни просилась — в Крым. Там она все две недели редела ревом, потом — отпустили. Отдохнула...

Сны:

1. Будто вечером приговорили, утром рубят мне голову. Больно, но не очень. А главное — к утру она опять вырастает, и опять ее рубят. Так каждый день. Но однажды утром узнаю: сегодня уж не голову будут рубить нам (я не один, не знаю — кто еще), а четвертуют. И тогда вот только стало страшно.

2. Будто Сологуб приговорен к повешению и устроил вечером, накануне, у себя ужин. Столы (не один) с белыми скатертями. Сам он — в форменной (с погонями) учительской тужурке, держится мужественно, но всем — жутко. Оказывается, надо ему ехать в Москву (там это все будет), и я его должен провожать. Он просит меня:

— Купите мне каких-нибудь книжечек, поинтересней — ночью читать, а то без книг...

И я понимаю...

...Она курила так же, как курица пьет: после каждого глотка дыма поднимала голову вверх...

Соловки.

Монах, рясофорный (с крыльями?) — один знал все шлюзы на островах. Заболел, его направили для лечения в санаторию — через Москву. Приехал в Москву, с путевкой Д. Др. <?>. Оттуда — в Крым, в санаторию... Там ему дали майку и трусики — и в майке (с крыльями под ней) лежал на пляже. Когда вернулся в монастырь выздоровевший — его расстригли (монахи).

Тайные любовники, нашедшие приют в старой, глубокой могиле.

Р. В контрразведке просидела в подвале 1¹/₂ года. Во дворе была давальня для винограда: цементный пол, же-

лобки. Когда расстрелы — выводили на двор (вернее — выгоняли) всех из 2-х камер. {Сидели вместе — мужчины и женщины; *предсмертный разврат.*} Женщины должны были смотреть, как расстреливали, как взбрызгивали вверх фонтаном серые мозги, потом заливали двор шлангами и чистили; мужчины раздевали трупы и потом клали их на грузовик.

11-летняя девочка. У ней видна из-под платья нижняя юбочка, и она одергивает ее. В это время в нее стреляют.

В 20°-ный мороз возили его (В.) голым, вниз головой живого. Потом у живого, на груди, жгли бумаги.

Колхоз.

Ударная бригада музыкантов выехала в колхоз. Приехала на станцию к вечеру. Громоздкая виолончель... Лошадей нет. Ждут. Топот, конные: отряд. Музыкантам:

— Не вовремя, товарищи, приехали. Тут, в колхозе, кулаки подожгли, двоих убили, завтра похороны.

Поехали на похороны, сыграли похоронный марш, уехали...

Москва. «Площадка 4-го этажа».

Дом — на центральном переулке Тверской. Парадный не запирается — и лестницей пользуются проститутки с гостями, беспризорники. На площадке 4-го этажа жил старик с женой. Спали там, подстилая газеты. Старик говорил:

— Привык... Вчера в Дорогомилове остался ночевать, в комнате, так не спал. Тут — хорошо. Привык, не засну в другом месте...

Живет — открывая двери в аптеку. — 3—4 раза в день.

Разошелся с женой, собирается взять себе другую...

Убийство внизу, труп в лифте.

— Это — «деловые» (бандиты, настоящие) грабители...

«Своих», с своей лестницы — не трогают.

Чтобы не бояться грозы, надо... есть *плесневелый хлеб*.

— Откуда творог добывается?

— Из ватрушек выковыривается, наверно...

Солдат, отчаянный, красавец, плясун Сашка. После наступления их часть отбилась, набедокурила. Капитан выстроил этот небольшой отрядик — и пошел подряд: хлясь по морде одного, хлясь — следующего, хлясь — дальше... Дошел до Сашки; тот закричал отчаянным голосом:

— Бейте, ваше благородие, но только до смерти!

— А что?

— А то, что если я жив буду — то вам живым не быть!

Капитан опешил. Отошел. Потом:

— Такой-то отдельно — пять шагов вперед...

Сашка выходит.

— Молодец, такой-то! А остальные — сволочи!

Праздник георгиевских кавалеров. Корнет, кавалер 3-х степеней, подвыпивший — явился в трусиках и <нрзб> со всеми тремя Георгиями...

Из письма коммунистки — к приятельнице:

«...Он ведет себя так, как вели бы себя мы, если б были мужчины. Каждая его минута была посвящена мне. Когда я уходила, он, проводив меня, — запирался в моей комнате.

Однажды я ушла, все в комнате у меня было разбросано, я не дала ему ключ. Он решил сделать мне сюрприз: положить без меня розы на кровать. Достал ключ, положил букет. Он не заметил, как вошла кошка, и он запер ее в моей комнате, и она *нагадила на кровать, рядом с букетом*. Вот был скандал! Он потом засыпал меня шоколадом и розами. У моего мальчика теперь все время болит живот — объедается конфет...

...Он сказал два гениальных комплимента. Я рассказывала о Натане и о его «идеальной девушке»: «идеальная девушка должна быть страшно скромна и честна». Он сказал совершенно серьезно:

— Как глупо! Неужели он не понимает, что идеальная девушка должна быть совершенно точно такая, как вы.

Я спросила, смеясь:

— Каким же образом 149 999 человек проходят мимо меня, не замечая, какое я совершенство?

Он сказал мне (оцени!):

— Вы не представляете себе, как я вырос в своих собственных глазах, что не прошел мимо вас.

Он спросил меня, удобно ли будет подарить тебе мою карточку с его надписью (конечно, восторженной). Он каждое утро оставлял у меня в комнате цветы, фрукты, шоколад с запиской:

«Миленькая, я вас очень люблю».

У нас было очень глупое объяснение, когда мы ездили кататься по Ленинградскому шоссе, и я сказала, что не выйду за него замуж. Он мне сделал предложение буквально — каждые 10 минут и даже на заседании прислал записку:

«Родная, скажите, да».

Я его сейчас еще не люблю, но честно сказала, что его отношения ко мне красят жизнь, что оно единственное, чем нас можно завоевать. Он говорил, что если я выйду за него, он посвятит *мне* всю жизнь, что *во мне* смысл его жизни (согласись, что *нам* еще никто не говорил этого). Он говорил, что никогда не хотел иметь ребенка, а теперь мечтает о 2-х Женель: одной маленькой, а другой еще меньше. Кроме этого, он целовал жакетку у моего костюма (это уже совсем наш метод). Он умолял прямо из вагона ехать в гостиницу и оттуда звонить, он жене, а я мужу, что мы не вернемся.

Я принимаю души Шарко из его нежности, конфет и цветов...

Я написала тебе это для того, чтобы потом мне не показалось, что я это *все выдумала...*»

«Повседневка» — картошка.

«Выдвиженка» — вобла.

— Яйца в Одессе — 3 коп. десяток.

— Вранье!

— Я знаю, что вранье, но зато как дешево!

— Не видали тут недоёбанной женщины?

(Солдат не сел в вагон из-за этого.)

Атилла.

Вмерзший в ледяной глыбе мамонт.

Человек, который говорит одними только жестами — мычит — без слов (от толщины? важности?).

В толпе: слепой.

NB Новеллы Франко Саккетти.

1. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым. Вып. III. Древности времен переселения народов.

2. То же. Древности скифо-сарматские. — Вып. II.

3. Грегоровиус. История города Рима в средние века. СПб., 1903.

4. [нрзб] Толь (Бартольд).

5. Иностранцев К. А. Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). — Л.: Гос. Акад. тип., 1926. — 152 с.

8

<на корешке оторванного листа:> Боженко: Пильняк и Федин.

Дым. Небо — черное, траурное и звезды сквозь.

Махно. Приплюснутый... Бритый, брови-кусты, длинные палки-волосы, высокие сапоги. Когда к нему попал в плен инженер — приглашал его работать. Во время разговоров — мимоходом суд — одного, за воровство — к смерти. Сам вышел в соседнюю комнату, выстрел. Потом:

— Уберите там эту сволочь.

Отпустил инженера, накормив его обедом. Водки предложил. Тот сначала не хотел пить. Махно налил сам чайный стакан, подал. Тому уже жутко отказаться, взял, выпил. Все похоже на «Капитанскую дочку», на Пугачева.

Банда — одеты в дамский каракулевый сак — один, другой — в бобровой шубе. Вместо седел на конях — ковры, дамский соболий палантин.

Вырывали ров, ставили туда шеренгу людей — и расстреливали из пулемета.

Профессор — специалист *по муравьям*. Знал в лицо всякого муравья и не знал ни одного человека...

Тов. ...ая, член Особого отдела. *Баба-яга*, с клюкой, завязаны зубы, уже пожилая. Показывала на приговоренных клюкой:

— Этого, этого...

В наказание ее послали в Челябинск... заведовать охранной материнства и младенчества.

Террор: из 600 000 — 22 000. Каждый...

Междуведомственные трения разрешались пулеметами. Два особых отдела: 6-й армии и общий. И конкурировали. Старались арестовать: выкрасть сотрудников друг у друга. Доходило дело до осады. Дома, занимаемые ими, почти рядом. Пулеметы у дверей. Однажды начальники двух особых отделов арестовали друг друга одновременно, оба сидели в одном подвале, обоих расстреляли.

Голод в Феодосии. Ползали голодные по улицам. Умирали. Через Феодосию везли зерно из Америки на Волгу (в Феодосии все считалось благополучным). Из мешков кукуруза просыпалась, голодные ребята ее подбирали — может быть, прорезали нарочно мешки — в ребят стреляли, иногда ранили, убивали...

Татарское кладбище. Памятники тумбочкой — и простые, острые камни: простых — толпы, это — над могилами умерших от голода. В Отузах — из 8000 умерло 5000.

Ночь синяя. Луна, минарет. Муэдзин — кричит разбитым голосом, с паузами. 2—3 женщины сходят с хоров в мечети, хоры скрипят — деревянные. А внизу — тишина: два муллы молятся, молча.

Дети.

— А я все-таки вам должен сказать, что к нам сегодня влетела птица в комнату и нагадила на подушку.

(Это мальчик Атек, входя в комнату к незнакомым людям.)

— Ты что грустный сидишь, Атек?

— Я не Атек.

— А кто же ты?

— Я — поросенок, мне нынче Лель голову отрубил...

— Мамочка, это ты меня уродила?

— Я.

— Атека тоже ты?

— Я.

— А ты нам собачку маленькую не можешь уродить?

— Я — у мамы эту грудку сосал, а ты эту.

— А если сестра еще родится, она какую же будет сосать?

— А у мамы тогда, — не задумываясь, — третья грудка вырастет. Она уж начинает расти, где пупок.

Камса.

Камса шла стадами. Рыбакам *разрешили* было ловить ее — на общетрудовых началах: фунт хлеба в день. Рыбаки отказались. Камса перла. Наконец, стала выбрасываться кучами на берег. Был голод. Граждане кинулись подбирать выброшенную. Стража стала стрелять по ним. Наконец, рыбаки сторговались, наловили уйму камсы. Надо солить. А соли, оказывается, и на $\frac{1}{4}$ не хватит. Решили поровну распределить соль между всей камсой. Распределили. Камса вся завоняла. Ночью ее вывозили возами за город и там сваливали, и там стояла удушающая вонь. А граждане говорили, что там зарыты расстрелянные.

Приплыли на катере из Одессы в Евпаторию. Заняли три номера. Барышни, гармошка (у матросов). Ночью к матросам стук в дверь.

— Кто?

— Евпаторийская контрразведка.

— Что надо?

— Товарищи, вы — с бабами там находитесь. А у нас в прифронтовой полосе постановлено, которые будут найдены, что спят с бабами, — тех арестовывать.

— У нас в Одессе таких правил нету. Идите себе домой.

— Товарищ, я — мандатный, я вскрою дверь, и если вы окажетесь — спите с бабой, то вы контрреволюционер.

Матросы выдали барышень...

В Феодосию пришла фелюга с мукой из Греции. На базаре мука была 500 000 фунт; греки хотели 150 000. Предложили властям. Власти долго торговались, давали 80, 100 тысяч. Наконец, заявили:

— Пролетариат предпочтет голодать, чем дать возможность нажиться иностранным акулам-спекулянтам.

Председатель Совета в Феодосии, когда пришли анархисты:

— Здесь буржуй — мой, и я его решать никому чужому не позволю.

На митинге религиозном о Боге — председателем выбран... клоун Владимир Дуров.

На религиозном митинге Луначарскому вышел возражать сельский священник и сказал:

— Христос воскрес?

Публика:

— Воистину воскрес!

В Киеве, после переворота, ночью стучат в дверь — с черного хода.

— Кто там?

— Главсевзапфронт.

— Что угодно?

— Дуня ваша дома?

(Горничная.)

(А. Толстой — иностранцу в Москве, показывая Василия Блаженного):

— Notre-Dame de Vassili Blajenni...

Устраивали вечер в пользу кого-то. Макс, скрипач, балерина пришли в театр. Выход — аплодисменты. За Максом — тотчас балерина, маленькая, тоненькая. Гром аплодисментов. А когда кончила танец — аплодисментов нет. За балериной — толстый скрипач. Буря, овация. Кончил — тихо. В чем дело? Загадка! И поняли, только когда вышли: весь фасад театра был увешан огромными афишами:

«Знаменитый трансформатор, 10 человек в одном!»

А афиши о вечере — три, маленькие... Пришли — за трансформатором...

...Однажды ушли *все* — в город (Киев), не взяв с собой ничего, ни денег, ни вещей. Голые, бедняки. Ночевали на станционной платформе под дождем. Странное ощущение этой вокзальной бедности — после квартиры, уюта, запасов.

— *Quelle belle cuve vous avez!*

[После] Экзамен[а] по политграмоте.

— Что такое крестное знаменье?

— Бессмысленный жест.

— Причастие?

— Антигигиеническое питание.

И т. д.

— Ну, что выдержал я?

— Да. Можете идти.

— Ну, слава Богу! — Крестится.

Перед мальчиками
Пройду пальчиками,
Перед старыми людьми
Пройду белыми грудьюми.

Месяц светит как целковый,
А луна как четвертак,
Мой-то миленький растяпа;
Сидел рядом, ушел так.

В Особом отделе — работают бывший священник, коммунистка из стародворянской фамилии, религиозная, для которой вся эта работа — религиозный подвиг.

В *Киеве* в это время — слухи относительно *обновления икон* в Сретенской церкви — на глазах у народа.

В *Киеве*, в гетманское время — Петлюра обложил город. Мобилизация студентов. Почти все не пошли; назначена сходка — и запрещена. Расстрел демонстрации студентов. Среди расстреливающих — главным образом студенты мобилизованные.

...Назвал сестру:

— Ах ты, *коэффициент*.

Та (12 лет) так обиделась, что кинулась с ножом.

...Прощалась с *братом* в субботу после *всенощной*. Уговорились: по субботам после *всенощной* — будут оба глядеть на Большую Медведицу — будто бы вместе. Брата убили: ранили в ногу и изрубили.

В *Коктебеле* — воровство лошадей и коров. Попов *замуровал корову*: выхода для нее не было, дверь заложил кирпичом, только оставил отверстие, куда подавал корм. Сам спал возле с топором.

Кубанский казак *Иван Николаич*. Взяли его в плен красные. Потом был у них в комсоставе. Влюбился — венчаться в церкви. Решил непременно повенчаться в своих кубанских красных штанах. Сшил себе штаны из красного знамени. Его за это судили. Он оправдывался:

— Я ж эмблемы со знамени снял.

Пробиралась через 5 <нрзб>. Броневи́к. Мост, который взрывают. 2¹/₂ аршина в <нрзб>.

Как украла паспорта.

«Ольга А., П. Петр. ждет на террасе<?>».

Как начать. Села на край стола, прикрыла юбкой. Авалы. Предварительно пошла в театр без документов, нарочно.

Вова. Друг с 14 лет. Потом влюблен.

— Ты меня расстреляла бы?

— Да.

Пятеро. Арестованы – трое. [Брат] (у одного – с паспортами, ленточка). Дома, сидит, ждет. Легла спать. В час – Вова: – Вставай... – и т. д.

На авто. Степь в снегу. Дрожит (она). Брат Вовы <2 нрзб>. Потом:

– И., поди сюда, – и нежно вдруг: – Прощай.
Спас.

В ЧК в Екатеринодаре. Атарбек. Дерзко ему верит. Атарбек – любителю.

Передачи – зеленое в красное.

Взята в бальном платье; платок на плечах. «<Нрзб> цыпленка». <Нрзб> несколько раз; ударил по плечу.

Красноармеец ведет, утешает:

– Ну, ничего, я на тебе женюсь.

Евангелие и роза.

Любовь к Саше. Первый раз в [нрзб] во время десанта... Как вышел к толпе, прошел...

Как однажды приказал шоферу отвезти и запереть на ключ. Телеграфирует в Харьков: «Приезжай, иначе я...» Она не приехала из-за Черубины. Он застрелился.

«Васька, прости меня ради Христа». (Лошади, пьяный.)

Душу свою за друга своего.

Мышеспособная кошка.

Она была такой, что казалось, если сделать надрез, пойдет лимонный сок.

Живоцерковец, дьякон в *галстучке*.

Две недели скрывала от отца и матери о смерти Игоря и каждый день разговаривала с ними: где Игорь, что бы ему поесть, как он теперь... и т. д. Это была мука.

Ветры: пенэн, левант, тремонтанто, гарбия.

«Мористо было».

«Шлепнуть» (на тот свет).

Горы: Иван-баба́, Алчак, Карадаг, Сюрю-кайя.

Эс-Эс.

Старый особист.

Чертов мостик.

Пассивный бандит.

«Ив. Опр». «Товарищ мамаша».

«Осень пришла. Воробьи *пасутся*».

...Ехала в скором из Киева. Висела на подножке — одной ногой, и держалась руками. Ночь. Стали топить паровоз дровами, сыплются искры. Падают на платье, жжет, а затушить нельзя, руки заняты. Вверху хохлушка вопит:

— Ой, лышенько! Ой, вниз брошусь!

Искра попала на платье, на грудь. Студент прикрыл сверху кожаной курткой.

История с Эренбургом, с утоплением Майи. Отравление ее глауберовой солью (отравилась вдвоем с Соломоном).

Ревком — творческий перевод «*Ревок*». Политбюро — «*Палибюро*».

Плакат: капитализм и пролетариат. Капитализм в виде голой жирной бабы. Мужики около. Когда им пытаются объяснить:

— Ну, а сиськи зачем у ей?

А. ...боялась грозы. Жил на квартире у ней полицейский старый. Едет — гроза. Рассказывает:

— Испугалась я — страсть. Взяла *городового на козлы*. Ну, ничего, доехала, слава Богу.

Поставили столбы на пляже с надписями:

«Для мужчин», «Для женщин».

(Дальше:

«Для коров». «Для лошадей».)

И приказ — из 29 пунктов — о купанье.

Первый пункт:

«Во время купанья все должны быть в надлежащих костюмах».

Последний:

«Полоскать в море кишки воспрещается».

Приехала губернаторша. Пошла купаться: городской в легкой форме около того места, где она купается. (Явился, когда уже влезла в воду.) Она не может вылезть.

Исправник — когда Макс замазал вывески «Для мужчин» — «Для женщин» — написал ему строгое отношение, где называл Максом Волошиным. Ответ Макса. Когда исправник увидел на веранде у Макса губернатора, он взял Макса под руку и (перед ним возбудил дело):

— Ну, что там, господин Волошин... Стоит ли нам из-за пустяков... Если хотите — зовите меня *Мишей*.

Афиша:

«Товарищи! Анархия — мать порядка. Анархия в опасности. Спасайте анархию!»

На другой день — анархистов прогнали. Новая афиша наклеена на эту:

«Танцкласс для пролетариата».

Флоренский. О мнимости — «комплексная плоскость» — Арганда, Гаусса, Коши.

Знак Δ с $+$ или $-$ меняется при *переворачивании* Δ . На одной стороне плоскости (координатной) площадь со знаком $+$; она же, перевернутая на другую сторону плоскости — будет со знаком $-$. Квадрат с площадью b имеет стороною $a = \pm\sqrt{-b}$, если этот квадрат под координатной плоскостью.

Замкнутая прямая — в римановской плоскости.

Принцип относительности доказывается *неудачей* опытов Майкельсона и Морли. Но не значит ли эта неудача, что

Земля — не движется, а стоит неподвижно? Не проще ли предположить это, чем изображать «принципы относительности», чтобы совместить неудачу опыта Майкельсона и движения Земли?

Характеристики тел движущейся системы, наблюдаемой из неподвижной, зависят от $\beta = \sqrt{1 - v^2/c^2}$, где v — скорость системы, c — скорость света. При $v = c$, $\beta = 0$; при $v > c$, $-\beta$ делается мнимой величиной. В системе движущейся длина тел по направлению движения сокращается в отношении $\beta:1$; время в отношении $1:\beta$; масса — $1:\beta$. На границе Земли и Неба длина всякого тела $= 0$, масса $= \infty$, время $= \infty$. Если же $v > c$, время протекает обратно, т. е. следствие предшествует причине. Длина и масса тел — мнимые.

Медиумические явления в школе — во время белых. Мальчишка, который наплевал в могилу татарского святого, просверлив дырочку, — и святой проклял его.

Искушения Досифея. *Буслаев* «Бесы...» (качал старушек богадельни в колыбели, [говорил] отвечал собеседницам за других).

Мать:

— Блокаду сняла.

Дочь:

— Облако сняла. — Задумчиво: — А как же дьявол...

Труба.

Цветы, собаки, ружья, птицы, ящерицы, золотые рыбки...

Охотники. Все — масоны: знакомы. Господин в воротничке и баба — о кенаре:

— Да неужто и когда линиял, пел?

— Пел.

— Да чем же это ты кормил его?..

— А ты давно это по кенарной части?

— Давно. Отец в наследство оставил 10 кенареек.

— А вот кенарь щегловый. *Даже* редкость. Кенарка щеглом крыта.

Пеночки, шуры.

Собаچه дворянство, до пятого колена, 20 медалей.

Охотники — целое войско, ружья, стволы.

Ящерицы — 300 миллионов, кенарейки — 600, 500, собаки — 3—6 червонцев, голуби — 1¹/₂ (миллиарда?).

Голубятники...

Тип.

Атлет, спортсмен, железные мускулы, работает с молодежью-комсомольцами. И видит галлюцинации: *черт*. Иногда в виде незнакомой женщины. Он — целомудрен, бережет себя для чего-то большого. Куча писем (любовных) от девушек, его учениц (по спорту). Он — музыкант, никогда не учился, но играет с 5 лет, великолепный импровизатор.

— Живем один раз. Нельзя жить так, будто сначала на-черно, а потом когда-нибудь набело.

— Жили — перед нами какой-то дом, стена. Теперь стену разрушили — и дали, огромные. Развалины, закопченные трубы — но даль.

— А я видел очерк нового дома на месте старого — уже тогда, давно.

В *Чали* (Грузия) было получено распоряжение о дошкольном воспитании. Власти поняли так, что надо отбирать всех детей. Бабий бунт. Милиционер начал отбирать *грудного*; 50 баб избили его. Баб арестовали. Собралось 800 баб, пошли в арестантское помещение, отбили.

Нэпман сидеть может не иначе, как «на луях» (Луи XIV).

Замятин — 6 час.; Чуковский — 10 час.

Сюжет. Анаша.

Во время Гражданской войны — дивизион белых, преследуемый красными. Наконец *оторвались* от противника. Ночевка в татарской (китайской) деревне. Курят *анашу* (папиросы, свернутые из листьев). Анаша через неск[олько] время оказывает действие. Двое (ротмистр и корнет или [унтер] вахмистр) идут ночью. Мостик над пропастью. Ночь. И вот *анаша* начинает действовать, сначала на одного. Он

хохочет. Другой еще трезв. Потом и он. И [видения] разговор: о жизни начерно — еще какая-то набело. Потом вверх, на звезды. О туманностях. А раньше? А после? А раньше. И видения (Анаша).

Конец: настигли красные, рубят. Чудесная *смерть-отлет* в туманности.

Деталь: поставили лошадей. Слышно: лошади храпят на дворе.

Рассказ Софьи Владимировны.

Отец — профессор. Мать — красавица, поклонники. 12-летняя хозяйка в доме. Борьба с матерью за отца. Убежала из дому, одна, 17 лет, с одной керенкой в кармане. Жила у знакомых в Черниговской губ. в имении.

Витя и Дима, братья, друзья, слегка влюбленные. Уже после революции. Наступление банд батьки Кикотя <? нрзб>. Эшелон не успел уйти. Ночью на полустанке бой. На полу в теплушке. Жена коменданта эшелона с ребенком, у ней отстрелен сустав пальца, кровь, держит ребенка. Отбились. Утро. Мертвые, и еще дергающиеся лошади, люди. Вперед ехать нельзя — только назад к Киеву. Но и там, говорят, банда разобрала путь. Комендант эшелона вдвоем с Димой едут на броневой платформе на разведку. Когда доехали до будки (можно было только до будки) машинист не успел затормозить. У Димы:

«Предали! Везут к банде...» — кидается с борта платформы с криком (коменданту):

— Спасайся!

Комендант — головой о рельсы, и мертвый. Возвращаются с трупом. Дальнейший путь — в составе теплушка с мертвым. От жены скрывают. Но вот <вошел> в вагон денщик, огорченный — говорит вслух:

— А барин-то ведь поргиться начинает.

И жена...

В Киеве, с Витей и Димой, у старушки и старика. Оба в халатах, с палочкой. Подходят красные. Витя и Дима должны уйти с отрядом белых. Как оставить Соню? Соня уговаривает их, ей будет ничего (и у ней нет ничего, кроме 10 фунтов сахара). Прощание, уходят. И только когда отряд завернул за угол, поняла — насколько одинока.

Красные. Обыски повальные. А у Сони — две шашки и револьверы ее друзей. Сообразила, когда уже прибежал пред-

седатель домкома, бледный: начался обыск. <Здесь вклинивается следующая запись: В Калуге о собаке, ошейнике Зонтика... — в котлету человечью.> Подвязала две шашки с <нрзб> револьверами на груди, накинула макинтош, легла, мертво, тупо. Стук. Встает:

— Дайте одеться. (Лежала одетая.)

Нарочно медленно ходит, стучит дверью шкапа. Вошли. Впереди матрос, с коком. Поглядел на Соню, на ее две девичьих, детских косы.

— Ну, на ребят нам время нечего терять. Как, товарищи?

Соня — перед зеркалом, видит в зеркало сзади себя бледную, исковерканную физиономию председателя домкома — дрожащие губы. Понимает: что-то ужасное. Обыскивающие уходят. Через несколько минут — еще стук. Входит председатель, шипит:

— Вы с ума сошли!

— Что?

Он показывает пальцем вниз, на пол. Соня смотрит — и видит: из-под макинтоша справа торчит конец шашки, посеребренные ножны...

Через несколько дней красные уходят. Расстрелы. ЧК уходит последней; слухи о том, что несколько самых страшных чекистов остались в городе, и их ищут.

Соня — без денег, без хлеба. Ищет работу... Профессор-врач, знал ее в детстве. Берет ее сестрой, в госпиталь. Несколько дней, все налаживается.

Однажды идет с профессором по улице. Подходит офицер, два солдата, останавливают профессора. Офицер отводит его в сторону, говорит. Соня видит: по обеим сторонам ее — два солдата, ничего не понимает. Слышит (офицер вполголоса — и громко, волнуясь, профессор):

— Да нет же, уверяю вас, с детства...

— Да, да, да, бывает, конечно.

— Но как же... Но это же...

Офицер — к Соне подходит:

— Руки вверх!

Ей стыдно. Тогда один из солдат штыком, уже коснулся ее. Подняла руки. Ощупывают.

С сумкой-то ее осторожней. Может быть — бомба.

Ее уводят. Профессор делает ей отчаянный, прощальный жест рукой.

В камере бывшего участка. Голый каменный пол, села. У часового:

— Когда же меня — отсюда?

Грубо:

— А вот выведут на двор, хлопнут — до утра недолго.

Тупость, не страшно. И мысли (сидя на полу): о собаке Динке, и какой у нее был ошейник, и рябина, перед крыльцом на даче...

Заснула. Проснулась от того, что кто-то душит. Свиристое с бритой головой, похожее на женское лицо. Это — секунда. Крикнула, успела — и мрак.

Очнулась — в каком-то кабинете, на клеенчатом диване. Сквозь туман — разговор — о ней: в камеру ночью к ней привели сбежавшую сумасшедшую. Потом:

— Ну, Поливанова, довольно притворяться!

Ее арестовали как известную чекистку Поливанову. Допрос, грубый. Показывают карточку. Действительно, очень похожа. Лед в груди. Ее рассказу не верят.

— А зачем же вы убежали из дому?

Этого она не может рассказать.

Слышит, один из офицеров говорит другому по-французски:

— ...Лучше вести — и будто она пыталась бежать, и всё...

Другой — из угла:

— ...Нет, без начальника неудобно. Лучше отвести в Лукьяновскую.

— Да нет, дело ясное.

Тогда она говорит, по-французски же:

— Я все понимаю, говорите на другом языке.

Они начинают фразу по-немецки. Она говорит:

— Я знаю и немецкий. Но я не знаю английский, говорите по-английски.

Тогда офицер в углу — хорошее лицо — вскакивает:

— Слушайте, я вам начинаю верить. Но вы же понимаете — всё против вас. Впрочем... слушай, Мишель, — шепотом, потом вслух: — У нас есть один офицер, которого <далее перескок через одну страничку> Поливанова послала на расстрел, он спасся. Вызови его.

Приходит, увидев Соню, грохнулся в обморок. Значит — конец...

В этот момент входит начальник. Передопрашивает.

— Вот что, не задерживайте нас — и себя. Сознаться. Если нет, я оставлю вас до утра здесь, вынужден буду... Тут — осетины, вы понимаете, что значит оставить вас здесь на ночь...

Соня понимает. Она говорит:

— Только тогда оставьте мне ваш браунинг, чтобы я могла... себя...

(А Поливанова была известна своим распутством.)

Начальник:

— А какие вещи при ней нашли?

Перебирает ее сумочку. Там — карточка от коменданта поезда с надписью: «Соне, милой...» и т. д. Оказывается — комендант ее знает. Спасена. Тот офицер (в углу) увозит ее к себе.

Жена его, мать. Влюбляется в Соню.

Она работает в сыпнотифозном госпитале. Буйный тифозный — хотел задушить. Красивая актриса — умоляет принять своего брата, офицера, Дементьева. [Привозят] Дима приезжает — и заболевает тифом. Витя — тяжело раненный в бедро, в хлеву, умирая, дает часы золотые, чтобы передал Соне (рассказ Димы, в бреду). [Наступает] Внезапно — красные. Канонада. Три офицера тифозных выбрасывают с 3-го этажа. Диму увозят на лафете. Спасает Дементьева. Он — огромный, не идет. Дождалась просветления, убедила идти. Катается, не сдержат его. На улице. Снаряд падает, крутится. Это — пробуждает Дементьева. Идет (останавливался). Входит во двор в ту минуту, когда где-то за углом уже слышно пение Интернационала...

9

<7 л. вырвано>

Бабушка в уборной «до Балашова».

Профессор, *специалист по муравьям*.

«Междуведомственные трения».

Дети:

1. «Собачку уродить»;
2. «Третья грудка».

Евпатория — «с бабами».

«Здесь буржуй мой».

«Дуня ваша дома?»

«*Notre-Dame de Vasilij Blajennij...*»

Штаны из знамени.

«Сов [нрзб] тв[ою?] мать».

Мышеспособная кошка?

Плакат: капитализм и пролетариат.

Городовой на козлах.

«На луях».

Маркиз де Сад был человек необычайно благообразный
и почтенный по виду.

«Избави меня, Господи, от *полного разврата*».

В Англии — *кусочек гимна* между 2-х канканов.

«*Пастухи, волхвы и ангелы*».

«Живы-здоровы будем — все порем».

Вора топили. Перекрестился — сам прыгнул.
— Слава тебе, Господи.

Мальчик, который входит, *нагнув голову*.

Список № 4.

Фома Аквинский — «*Summa totius theologiae*».

Замуровали.

Господин с *длинным носом*.

Памятник Бёрнсу.

Витрины и прочие изваяния.
Планета Маркс.
Бабы в Евпатории.
Митрофан Робеспьер.
Православный лев.
Анкета.

В родне у него было 22 монаха и два святых: Макарий Калязинский.

И когда его отец приехал в *Калязинский* монастырь, его встречали со звоном: праправнук того, чьи мощи — в монастыре.

Мальчик приходит:

— А я сейчас мертвого N. видел.

— Какого мертвого? Он жив.

— А на стенке висит.

— Да это портрет. Почему же ты думаешь, что N. — мертвый?

— А висит, не дышит, не говорит...

На кладбище — плита, на плите медная дощечка с надписью:

«Д-р Иван Николаевич Иеумнов, прием от 2 до 7».

Хоронили в 1918 г., надпись на камне некому было сделать — взяли дощечку с двери.

Мужик:

— Счастье наше куриное: кто ни поймает, тот в ж... пальцем ковыряет.

«Суцилизм».

«Нравный», «божевольный».

В Ростове врач из гуманности предлагал *отравить больных*, чем выпустить их на улицу: авось найдутся недобрые люди, подберут. <6 л. вырвано>

Деревня.

В деревне, 30 верст от Питера — одновременно — граммофон и заговоры, «закусывают» ногу от грызи.

«Кувыркинцы» финны — до сих пор совершают жертвоприношения: уходят в лес и там разрезают живого гуся.

Язычество начинает возвращаться у мордвы, на Кавказе.

Бандит Соловьев в Сибири (сибирский казак, учитель). Мужикам иногда дает награбленное. Охотится за красноармейцами.

Комиссар поехал поймать его. В избе — остановка; какой-то мужичок. Поговорили, чаю попили, угощали друг друга. Потом мужичок уходит — позвал в сенцы хозяина, что-то ему шепнул. Хозяин возвращается. Комиссару:

— А знаешь, это кто был?

— Кто?

— Соловьев.

— Что ж ты мне не сказал раньше?

— Да, скажи-ка, он [тебя] меня тут же и прирезал бы...

В Екатеринодаре. Сыпной тиф. Старосты — вывозят покойников. Одна соблазнилась (паек больше). Привезла. Сторож расставил мертвых покойников и чокается с ними.

Коллектив тигров.

Диктует: «Сволочи. Точка. Сдавайтесь. Точка». Это — воззвание.

Пыгрин — индейский петух.

Сумасшедший — *Наштабог* — начальник штаба Бога.

Дуэль — парламент деятелей или журналистов. Все знают. Зрители на заборе. Кинооператор с аппаратом. Только начали — вдруг:

— Стой! Стой!

Остановились.

— Что такое?

— Да у меня аппарат испортился. Сейчас... (Кинооператор).

175-рублевый поцелуй ручки у одной артистки.

«Пьянство имеет место, но, однако, не имеет характера буйства и, так сказать, носит «культурный характер».

Фантастический: Америка выродилась. За неимением спекулятивных материалов они торгуют городами. Пиратствуют в Китае (Одоевский).

«Записные *фешионабли*» (30-е годы). <5 л. вырвано>

Вывески.

«Дамская верхняя и нижняя портниха».

«Французский, английский, немецкий портной Иванов».

Х. жила в тихом семействе: бабушка и 2 внучки. Они жили только интересами Х. Под дверь в комнату поставили столик и 3 стула и слушали. Что ж, пусть — не жалко.

Ходил Сорокин — медик. Объяснялся в любви, заикаясь, — ни разу до конца не объяснился. Кончил, явился в мундире (шорох у столика). Получил назначение в *Копол*: 1000 руб. подъемных, если женатый, и 250 — если нет. Поэтому предлагает Х. выйти за него замуж:

— А то 750 руб. пропадут зря — все равно никому не достанутся.

Х. отказала. Тотчас открывается дверь, прибегает хозяйка:

— Что же вы делаете? Зачем вы отказали? Такой прекрасный молодой человек! Такой мундир!

Мужик:

— Дух-то от этой дамы какой [хороший]! Вот что значит пицца хорошая — не наша!

Способ, чтоб кавалеры любили: надо, чтоб девка положила кусок сахару под мышку или в другое подходящее место, поносила часа два — чтоб пропиталось душком — а потом — кавалеру в чай.

Уездное.

Язычество.

В плите были трещины, похожие на Волгу, Каму, Дон. Она старалась ставить кастрюльку всегда на *Волгу*.

Это *фантастика* какая-то!

Уездное.

Х. — на всех доносил, в конце концов — донес на себя.

Оратор-инвалид:

— За что я, спрашивается, *пропал без вести*?

«Землю целяком народу без анексий и контрибуций! Да здравствует национал!»

Закон: белить печные трубы.

Разваленный домишко, а труба новая, белая, как сахар. Лазали сами на крыши. Одна сломала руку — свалилась с крыши...

Коммунист провинциальный: шинель кавалерийская до пят, с разрезом; значки МОПР, ОДВФ, портрет Троцкого, еще что-то. <2 л. вырвано>

Бабам на младенцев стали давать по 20 аршинов полотна. И вот пошли все наперебой родить. Все — с животами. В больнице — проходу нет...

Чистота.

Чтоб дворы чистили, улицу перед домом. И вот в 8 утра выходят.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — и начинают собирать лепехи эти самые коровьи...

Купца всяко изводили — штрафами. Придут — все в магазине в порядке.

— Фартук не первой свежести, — 100 руб. штраф.

А однажды пришли уборные у него смотреть — во дворе. Пришли, поглядели, понюхали: чисто, ничего нету, ящик этот самый — сосной даже пахнет, стружкой, чище некуда. Они — ревизоры — няньку [возьми да и] спрашивать:

— А куда же вы это все, служащие, ходите — чистота-то у вас тут такая?

А нянька возьми да и брякни:

— А мы, — говорит, — на берег, вон туда, в низок бегаем. Сюда-то нам Михал Михалыч пакостить, избави Бог, не велит.

И опять Михал Михалыча оштрафовали на 300 рублей. За что же, спрашивается? За чистоту?

[Плита на могиле:

«Д-р Феноменов. Прием от 5 до 7».]

Когда пришел Мамонтов — утром, неожиданно — Великатов пошел за булками. Тут его в булочной и прихватили, и увели с собой как техника. Жена с детьми осталась. Был Великатов в Константинополе, в Париже, попал в Америку, устроился. А жена тем временем умерла, дети в детский дом попали. Великатов из Нью-Йорка пишет деверю: спрашивает, как и что, где жена, дети. Ему сообщают. Он пишет, что-де пусть посылаемые деньги передадут женщине, которая ухаживает за его детьми. И что он так ей благодарен, то кто бы она ни была — пусть приезжает к нему с детьми — он на ней женится.

А ухаживала простая сиделка в детдоме. Получила она деньги. Еще получила. Подарки получила. И вышла замуж за своего хахалю. А Великатов все пишет письма: почему ж она не едет? Вообразил ее совсем другою.

Портрет прислал свой: снимался 10 лет назад с молодой женой — бородач, вроде приказчика — а теперь бритый, молодой, как барин... <1 л. вырван>

Х. поступил в комсомольцы, чтобы попасть в ВУЗ. Со скрежетом все проделывает...

Н. засел *в кустах с аппаратом* и снял барышню голую. Потом приносит ей снимок в конверте:

— Вот вам письмо от... Просят ответ.

Та вскрыла, взглянула... — —

Шкрабам, учившимся на курсах, выдавали *коробок спичек на 5 человек*: по 7 спичек на брата. Тоже давали по кусочку мыла. Стояли в очереди [4 дня] — получили по одной иголке...

Полемика священника с комсомольцами по почте.

С Насти — «поимущественный налог», и продает ведра, подушки...

«Чисто сатана комолый».

Ударило громом — открылся колодец. Чудеса. Сад какой-то около — так будто сами видали, как ночью яблоня с прежнего места на сажень ушла — и даже на земле *следок* остался.

Антошку Измайлова и других воров под Пасху арестовали: ночью все в церкви — обворовали бы кого-нибудь обязательно. Наутро жены пошли к вора в 4 утра с передачей — и их уж всех повыпустили, идут...

Рыбы:

Голавль, белезень, язь, подуст, плотва, гольцы, мо(с)клец.

Пока мальчишка купался, сделали ему на рукавах и штанах *сухари* (узлом завязали), да еще водой смочили: час развязывал.

Обстановка:

Лампада, на увитой цветными бумажками цепочке: зеркало, рябое от мух; за зеркалом торчит пачка *выкровок*.

«Этот мой конкретный ответ для Альфы вполне исчерпывающий и сомневаться в нем Альфе, человеку не нам чета, но середняку для поспешного прогресса, образование получившему из специальной школы брехунов всемирного капитала, готовящегося и доньше задушить трудящихся в упомянутом масштабе».

Человек, несмотря на малочисленность содержащейся в нем энергии, будучи все время энергичным, может стать наравне с превосходящими его во сто крат отпрысками мировой энергии.

Купанье в священном колодце совместное — парней и баб. Разговор по этому поводу.

— А ты пойдй к угоднику главврачу.

Наперекосы.

— Ты меня *доведешь до белого колена.* (Немка.)

Делят — развешивают — хлеб по порциям.

Если у купца служат родственники, налог вдвое больше.
Поэтому купец развелся со своей женой.

Фамилия: Аршанов.

Слух, что обыск. Зарывают, прячут вещи. Окорок съела свинья — зарытый.

После прихода Мамонтова разграбили склады — соль, сахар, мануфактуру. Потом, когда пришли красные, начали вываливать в реку соль возами: вода, как в море, — стала соленая.

Судебного следователя уволили. Жена служит. А он — чистит картошку, моет горшки, топит печки. Живет на жалованье жены, терзается. Занимается оккультизмом. Мечтает отправиться к «великому посвященному» Егошкину, который может даже «*левитацию* производить на 5 аршин».

...Пришел домой, лег на кровать, снял сапоги и умер.

Татарин, видевший во сне кисель с сытѳй.

— ...Я знаю весь земной шар и еще пару уездов. (Еврей.)

В письме: «Спроси у фельдшера, какая у меня болезнь...»

В Москве — на суде (о комнате). Женщина доказывает, что гражданке X. не нужна отдельная комната, что она может жить в одной комнате с Y.:

— Я сама видела, как он вошел в ее комнату в час ночи.

— Ну, так что же?

— Так я дежурила у двери и в скважину видела, что они...

Он уверен, что яблоко падает на землю по закону механики только тогда, когда на него смотрит Ньютон (Шкловский).

«Подробности завтра» (Чехов).

Голод на фронте: лошади ели друг у друга хвосты.

Комнаты в Москве: женятся, чтобы сохранить комнату.
Человек получил сифилис: дают отдельную комнату.

Суды:

Все вываливают наружу, кто бывает, что едят (икру) и прочее.

— Ну вот, братцы, теперь *самый текущий момент* ехать нам... <8 л. вырвано>

<1-я строка стерта>

Пуп Анненкова провалился.

Снокке Ан. Кап. 26

Измайлова 582-83

Аркадий Михайлович Поливанов

4-я Тверская-Ямская, д. 14, кв. 30.

Толстые 546-08

Е. К. Валерской.

Театр Революции.

В продолжение продолженья.

Наступление явлений.

Возникающее пресмыкающееся.

Вливавшееся через оставшееся отверстие.

<2-я стр. обложки>

Звер. 2, кв. 21(19)

Зл. Уср. <нрзб>

1-я Зарайск. 8а

<Отдельные 2 листа из блокнота>

Воробьи, малиновки, иволги, лягушки — целый день за окном. Целый день вокруг дома — толчея, путаная сеть от щебета, чириканья, свиста.

[«Раньше ничего, был хороший, взятки брал».]

«Медведь — он всё ничего, ничего. А как растревожишь его, взревет — да пойдет ломать! Только держись!»

Баба визгливая выскочила:

— Ты думаешь, как ты в галифях ходишь — так мы их тебе не спустим? Спу-устим!

Слух прошел, что в соседней деревне проявился «тайный агент». Так и сам о себе говорит:

— Я — коммунист и тайный агент.

Ну, а когда узнали, что и весь агент-то Матрены Кривой сын — Федька Шелуха... Так и бумагу ему написали:

«Федьке Шелухе».

«Граждане не умеют себя вести в данном советском учреждении, располагаются на столах, и некоторые даже спят».

«Страхота Господня!»

Старуха всех называет: «Доченька», «Сыночек». Своих нет.

— Ах, ты мой дитенок приятный.

Пшона пригоршоночку.

Бараниха Тимофеевна.

Помощь — из *Черного Заханья*.

Филимон приходил к жене — дверь открывал ровно настолько, чтобы пролезть.

Молоко в *ночном горшке*.

[Нрзб] *Лечение*.

В раны кладут — табак, деготь, керосин, колесную мазь. Приходят с флегмонами. Больных возят к «волшвам».

Умирают спокойно, деловито. И никто: ни умирающий, ни кругом — не волнуются. Старуха:

— Дай-ка, дай-ка сюда, кофту-то. Тут заплатка сзади. Ну, ничего: на спине, не видать будет.

Дочь:

— Ты бы, мамка, платок-то с собой постарее взяла.

Мать:

— Нет, ты уж мне не перечь. Желая, чтобы в этом.

«Кушай, жадобный, кушай. У нас вот тоже один из пленя вернулся домой — на хлеб мягкий кэ-эк накинудся. Да как живот ему вздуло — через две недели и помер. Кушай, глубчик, кушай.

«Полтинники-то свои протри маленько».

10

Р. Что делается *по декрету*, а что — *по секрету*.

Комиссия военно-врачебная не освободила заведомо больного. Он пригласил, немного погодя, двух врачей из этой комиссии каждого к себе на дом отдельно. Каждый его осмотрел и выдал удостоверение, что он болен. Через день в комиссии он выложил перед докторами их же удостоверения. Его освободили.

...Говорыл про якысь метрыки, *наматерковал* и ушел...

Тату теперь куда ни пойдет, везде ему горилки подносят. Они вертаются до дому *пьяные*, и с нами ссорятся.

«*Архиерей*», который заведует брачным столом.

С агитационной целью устроили в селе «карнавал»: один шел в священнической ризе, другой — в генеральском мундире, третий — в помещичьем платье. Поп читал ектенью об истреблении коммунистов, помещик и генерал пели «Господи, помилуй». Зрители иронии не поняли; реплики их:

— Так им (коммунистам) и надо!

Агитатор стал рисовать для ясности картинку:

«Вот — едут, напр., сани, в них — Ленин, а кучером — Троцкий. Ленин говорит:

— Бери вправо.

А Троцкий:

— Нет, налево надо!

Спорят, напр., а впереди — канава. Ну, что ж теперь будет?»

Дядьки молчат. Потом — между собой:

— Колы вин на облигатурках так выписуе — вин щось знае...

«...Кажуть, вже Ганглия на нас иде и Амерыка...»

Спектакль в школе, музыка. *Кто-то увез музыку к себе на свадьбу* — спектакль остановился.

В дверях стоял комнезам и «выкидывал в шею» каждого, кто хотел пройти «зайцем», не уплатив... 5 фунтов ржи за билет. Получил по шее и Славка, давший рядно на занавес. Он закричал:

— Мое рядно второй день висит, а меня по шее? Давай рядно! — И полез с ножом отрезать от занавеси свое рядно.

— Так почему ж ты не большевик?

— Сердит на них.

«Прежде мы знали, что мы от Адама с Евгой, а теперь большевики говорят, что от мартышки. Обидно!»

Перед обедом пришли гурьбой и разлеглись на лужайке под черемухой в *бывшем помещичьем, вчера отобранном, саду* — с собаками и с ведром.

Когда в доме сели за стол, все в саду пошли на грядки, набрали ведро клубники и белой земляники, набили карманы...

«Велят мне вас повесить — зажмурюсь, а все-таки повешу...»

Инженер-строитель по разрушению лишних построек — должность.

Приехало начальство; баба выставила на стол сметану и миску жита. Начальник:

— Как же это есть? — (Показывает на жито).

Баба:

— А вы ж у нас *все млыны позапечаталы*, где ж мне муки взять?

Другая баба выложила на стол, вместо угощенья, продналоговый паспорт.

Х. ходил по деревне для важности с *пустым портфелем*: в каждой хате угощали. В одной так наугощали, что он заснул. Хозяева полезли в портфель... и открыли его тайну:

— От як вин нас обмануе...

Матери, кормя, *пьют самогон*; дети и мрут.

Легенда, что «нетрудящимся оставляют в доме *по кровати на человека*, по стулу и один стол», — на всю остальную мебель налог.

Z. схватил топор — стал рубить мебель.

«Столько отбирают всего, что я уж не знаю, что мое, а что не мое. Пусть уж все берут, а мы будем работать, а *нас чтобы от казны кормили...*»

«Мы добрались уже до самого неба. А что мы там увидели? *Одно пространство...*»

За младшую сестру стал свататься жених. Старшая обиделась, обозлилась:

— Ладно, я так сделаю, что он ни мне, ни тебе не будет.

И объявила, что *беременна от сестрина жениха*. Сначала жених клянется, что он — ни при чем. Свадьба расстроилась.

Пир у нового комнезама — по случаю его выборов, его победы над прежним, Плесюком. Дочь помещицы затащили на «пир», усадили, налили самогону, поставили тарелку свинины с капустой. Все были уже пьяны. Кричали:

— *Да здравствуют Рудницкие!* — (помещики). — Ура! *Да здравствует советская власть!* Ура!

...Пришли «агенты» — русский и поляк. Оба пьяные. Потребовали музыку:

— Хотим танцевать!

Коля (секретарь) убедил их, что день — будний, музыканты в поле.

— Тогда едем к Завацкому за граммофоном.

Коля — с ними. Завацкий граммофон не хотел давать, как поляк ни упрашивал по-польски. Поляк выхватил револьвер и выстрелил над ухом у Завацкого, а рукою стал бить его по шее. Тот вынес граммофон, а Коля увел «агентов». Они пошли к Коле и требуют:

— Теперь посылай за паненками. Граммофон есть, будем танцевать. Посылай за Буяльской.

Коля:

— Ну, она к вам не поедет.

Поляк:

— А револьвер на что? Выстрелим старику Буяльскому под ухом — живо нам дочку пошлет...

Назначили председателя (ЦИК'а) из другого села, из другой губ. На сходе — недовольны:

— Зачем нам дядька из чужого села?

— *Нехай иде череду пасту!*

— Нехай сяде в буду у коловорота!

Возчик — вез и ругал власть. Через месяц — опять он же, уже хвалит:

— Порядок есть.

Только одним недоволен: крестьяне, арестованные за участие в заговоре, умерли от голода в тюрьме. *Возчик*:

— За политику так нельзя наказывать, если в стране свобода. Надо расстреливать, а не так...

Слух: ездит по губернии «тройка» — *отряд* в 250 человек. Дают знать о своем приезде накануне, чтобы приготовили еду людям и фураж лошадям, и арку из еловых веток с серпом и молотом. Приезжают и требуют, чтобы отдали все винтовки, все самогонные самовары и все награбленное, казенное и панское («в отряде — все паны»). И пугают:

— Мы еще — тройка, а за нами едет пятерка, а потом уж — золотая метелочка...

Ученик, переведенный в старшую группу, — в другое помещение, просит вернуть его в младшую, а то ходить ему дальше: «Чобіт шкода» (сапог жалко).

Женщина спокойно рассказывает:

«Махновцы *немножко* пожгли меня каленым железом за то, что брат и отец были мобилизованы в Красную Армию».

Постановление комиссии о саде: «Сад производился с 1878 года N-ой и ее семьей, который продолжает свои функции по настоящее время; а посему постановили признать сад трудовым за N-ой и ее семьей, дабы поддерживать культуру сада дальнейшее время».

На суде.

Свидетельница на какой-то вопрос отвечает:

— Борони, Боже!

Председатель:

— Что такое Бог? При чем тут Бог? Нет никакого *Бога*. Он здесь не заседает!

Привели приезжих к матушке обедать: приезжие — из ЧеК'и. Один матушке и говорит:

— А вы меня *не узнаете?* Это я у вас [ценн] церковь грабил. Еще вы тогда в платочек плакали... — (отбирал ценности).

18-й год, март. На Фонтанке — *матросский клуб*. Вход по пароям. Нагрянула ЧК. Картина: стол, на нем — золото, слитками; золотые часы, кольца (награблено — теперь идет игра). Один поставил громадное серебряное блюдо. Когда все это забрали, грузили в мешки — блюдо никак не влезало. Всех в «клубе» арестовали. Были и женщины. Одна ехала на грузовике в батистовом платье, чекистка сжалась над ней, накинула на нее свою шинель. А сама:

— Хотя ведь все равно — всех их...

У махновцев нашли *мешок часов* золотых с вынутыми внутренностями: одни крышки.

18-й год. Надо было достать деньги для ПТО. Ассигновка есть, а денег в банке не дают:

— Нету.

Пошел к матросу Смирнову:

— Так и так.

— Поедем.

Приехали. Смирнов вынул маузер в Банке:

— Давай деньги.

Дали. Два миллиона.

— Ну, а теперь едем со мной.

— Куда?

— Выпьем.

Поехали на Троицкую. Подвал. Ковры на стенах. Кушанья — первый сорт. Публика — подозрительная, шепчутся...
Стало жутко:

— Ох, отнимут деньги...

Попросился домой.

— Ладно, езжай. Только дай слово, что вернешься.

Дал. Идет к двери, а сам думает:

«Вот уж, поди, целятся — сейчас выстрелят в затылок».

Нет, благополучно.

Сеня Б.

Киев, смена властей. На улицу нельзя было выйти 10 дней — только можно было в том же доме ходить из квартиры в квартиру. И Сеня за эти 10 дней женился: как же без женщины 10 дней? А выйти нельзя... Потом разошелся.

«Трактир «Красная Отрада». Чай с граммофоном, пиво, и ситро, и проч. продукты продовольствия».

Журналист Г. и его жена (бывшая княжна) *толстовствовали*. Еда у них поэтому подавалась *на газетах*, не иначе; сидели на продавленных стульях (похоже, что нарочно проби-вали эти венские стулья кулаком). Публика: старообрядцы, пьяный портной, козак Голощанов, илиодоровцы, Распутин.

Голощанов.

Кострики, ошметки.

Большекрóмный, брóсовый.

Чучкнуть, обкостылять.

Вёрхом похож на слона. Завел бесконечную музыку о старых медалях. Р. подходит, и неожиданно:

— Скажите, а почему у вас хобота нет?

Звезды на небе — лунные яйца: луна несется.

Младенцовка.

Полуночная вода. Под Крещение, на Святки, старушки со свечами идут к иорданьской проруби часов в 11 и ждут до 12. Как ударят в церкви 12 — так вода в проруби заколышется — тут ее и берут — ото всех болезней вода.

Все отношения человеческие, все результаты опыта коллективного — выражаются простыми числами, отношения простых чисел. Раньше, до сведения всех элементов к единому, отношения неорганического мира выражались *мнимыми* числами (отношения старых формул кристаллов); теперь все коллективизировано, его выражают отношением простых чисел.

Математика ∞ малых, теория предела — слишком груба. Раньше не могли даже точно выразить параболы. Мы отказались от теории ∞ малых, мы знаем способ *непосредственного* выражения кривых, точного выражения. Все дело в том, чтобы проектировать на движущуюся систему координат.

Мальчика в школе оставили после занятий. Ревет.

— Ты что же это так часто ревешь-то?

— Нет, третий раз.

— Как?

— А первый раз мамка нашего кролика зарезала, другой раз — прошлый месяц сестра померла. Да вот еще нынче.

— А-а-а!

Деревня.

«Объезжают» бабы поле: голая верхом на ухвате ночью. Собирает (с чужого поля) колосья, завязывает их, берет с собой: урожай с чужого поля должен перейти к ней.

Бабка обронила (объезжая) один пучок; этот пучок подвесили перед *челом* печи, распарили и начали колотить — и тогда всю бабку-ведьму разнесло. Еле выжила.

Другая объезжала так — ее увидел мужик — шел ночью с ружьем с охоты, хотел стрелить — ан, это его крестная. Взмолилась, землю целовала, что больше не будет.

Р. Афиша:

*«5 октября состоится лекция на тему
«Маркс и его обитатели».*

На спектакле шумят. Выходит:

— Товарищи! Здесь товарищи артисты вам представляют, а, между прочим, *в заду у вас шумят.*

Рассказывает солдат, который расстроился:

«Я ее подсаживаю в автомобиль, ну просто — по-человечески хочу помочь.

— Позвольте, — говорю, — товарищ, вам помочь.

А она:

— Поди прочь, хам!

Это я — хам! А? Я ей по-человечески, а она — хам! Ну, погоди, думаю, так твою так: когда тебя поставят...»

«И опять: в камере сидят в эту самую ночь. Я им:

— Товарищи, не угодно ли кипяточку?

Пусть, думаю, хоть чаю попьют. А один:

— Не надо нам от тебя кипятку, негодяй!

Ну не сволочи ли?»

Идут.

— Медленно идете, гражданин!

— Холодно.

Отец Варух. Живет в подвале под церковью, с матросом (был послушником), потом — после мобилизации — матрос. Раньше — в монастыре работал трудником. И вот, после всенощной (теперь уж священник) вернулся домой — в подвал — скинул рясу, в желтых красноармейских штанах...

Смотрел на *рыб в аквариуме*: мечутся день и ночь, и нет приюта, нет ни одной книжки, нельзя, негде сесть. Всю жизнь... Так и люди.

Студенты — норовят в общении поближе к плите. Спят на плите. Живут, не раздеваясь. Работают грузчиками в порту, копают картошку на Горячем Поле.

Грузчик:

— *Мука* — она существо мягкое...

У одного на плече — желвак в куриное яйцо.

— У тебя — что! У тебя — дикое мясо пошло, у меня — хуже.

Показывает: все плечо — черное.

Нач. политпросвета; лекция: «И вот египетский *царь Фараон был*. И его подданные сказали ему:

— Мы тебя обрабатывать больше не будем».

...На закате — красный снег. И будто — только чуть поджечь его — загорится.

Старушки мужского и женского пола.

Сюжет:

Врачи в деревне, на голоде, решают, кому дать американский паек. Суд. В сущности — выносят смертные приговоры. Для пайка выбирают тех, кто еще подает надежду выжить.

Когда в комнату входила жена — у него, как у зайца, прижимались уши.

Narcomptesse.

«Много не говори: каждому человеку на его веку слов вот столько-то положено; меньше говоришь — дольше жить будешь».

Денщик Отпишкин. Гипнотизер и йог Иван Пиджаков.

Поезд «Красный казак».

«Бессарабское правительство». Симуляция: ограбление поезда (мануфактурные товары). «Ограбленное» — бессарабское правительство привезло в Москву...

«В царское время печать была продажная» (Кн.).

В Ельце — было много случаев незаконного освобождения от воинской повинности. Работала по этой части красавица местная. Докторам — частью платила деньгами, частью — собой.

Начальник ЧК — высокий, косматый (нежный). Подписавши приговор (красавице), решил ехать сам. Мальчишка-чекист клянчит, чтобы позволили ему (отказали). Едут на «линейке» в тюрьму. Там вызывают ее и делопроизводителя воинского — в контору. Не говорят о приговоре, но она — что-то смутно чувствует, чего-то ждет. Атмосфера флирта, духи, муфта (она — с мягкой муфтой, которую хочется погладить — и даже не рукой, а щекой). Ей:

— Нет, нет, не беспокойтесь, ничего особенного, только регистрация подследственных. — Это ей начальник, когда она вдруг забеспокоилась.

Чувство нежности к ней — за то, что она должна пережить через полчаса.

Едут на кладбище, за город. Чуть-чуть снегу — осень, колючь, линейка тарахтит. Тех — ведут пешком. Сначала по одной дороге, линейка — медленно, улыбки. Потом пешеходная дорожка и экипажная расходятся, линейка — едет стороной, оба на линейке молчат. И снова сошлись дороги, опять рядом с теми, ее смех.

Там — могила, насыпь, глина и снег; насыпь, довольно высокая — сюда, в эту сторону, откуда пришли, и потому закрывает яму... Он слезает с линейки, берет ее за талию (браунинг в рукаве).

— Ничего, ничего, миленькая, ничего.

Ведет. Когда, еще смеясь, взошла на насыпь и увидела — — Выстрелил. Мимо. Бросилась бежать, он — за ней, стреляет в затылок, она катится в яму. Когда падает — платье поднялось — видны ноги, кружево белья, прекрасное розовое тело — еще горячее... При первом выстреле — он крикнул:

— Революция... — и кончил только при втором выстреле, когда уже попал. — Революция — локомотив истории.

Нужно было что-нибудь крикнуть.

А делопроизводителя — уже просто, грубо.

— Снимай сапоги!

Солдаты содрали сапоги. В подтапниках — бежал...

Зимой 1917 г. в Москве в особняке какого-то богатого холостяка (ванная, стены с эротикой, везде уютные уголки). В доме — учреждение, и живут некоторые главные служащие. Нашли клад: *подвал с вином*. Решали вопрос вдвоем: сдать казне или распить? Такая усталость, такая потребность в остром. Решили распить. И вот — среди темных домов, мерзлых бестрамвайных улиц — в этом доме два месяца шла ночная жизнь: закрывали ставни, приглашали знакомых и пили.

Двое приходят с женами и заявляют:

— На сегодняшнюю ночь — они нам не жены.

И жены — ведут себя как нежены...

Как в 1917 г. завоевывали Константиновское училище.

Назначены 2 комиссара — двадцатитрехлетние, журналисты, изголодавшиеся и вообще, и за эти дни особенно. Приехали. Швейцар — важно, из-за газеты:

— Их превосходительство не принимают.

— Скажите — назначенные от правительства.

Возвращается уже другой:

— Их превосходительство приказали просить.

Идут; главное — делать вид, что всё знают, а самим — смешно. Разговаривают серьезно. Получили пайки. И вот сели в санки (подали им казенную лошадь), взглянули друг на друга, расхохотались — и тут же, на извозчике, вытащили хлеб из пайка и съели: голодные.

Ходили на заседания. И уже генерал чувствует, что через них можно добиться для училища того, другого. Называют с генералом друг друга по имени-отчеству: генерал — потому что не может назвать их «товарищ», комиссары — потому что не могут назвать его «ваше превосходительство».

Заседание о штатах.

Один пишет другому записку: «Васька, что такое штаты?», — и одновременно ответ генералу: «Да, да, непременно поддержу», — и ждет, пока выговорит о штатах. И еще записку: «Васька, почему говорят о конюхах, сбруе, лошадях, рублях, а об этих самых «штатах» — ни полслова?»

Сбор продналога.

Мужики озлоблены (разверсткой). Сход — для увещания. Осень. Лампочка. Около лампочки сидит посланный из Пи-

тера для сбора. И вот если лампочку потушат — конец: убьют в темноте. Сидит около лампочки с револьвером, весь — пружина, не спускает глаз...

На митинге по выборам в Учредительное собрание.

Большевики идут под № 5. На списке выставлено 4 каких-то агитационных пункта: «Эсэры то-то — мы то-то...» Чуйка агитирует против № 5.

— Да ты гляди, какой №, список? Ну? Пятый? То-то и оно. А пунктов у них — сколько? Четыре? Ага! А пятый где — съели? То-то и оно!

Слушатель:

— И верно!

То же на митинге — о разделе земли.

Оратор — о «национализации», «муниципализации», «латифундиях». Мужики слушают, глядят под ноги, переминаются. И вдруг:

— Ну вот арбуз, например: он круглый — и земля круглая. Верно? И ежели арбуз надо ломтями всем порезать — так землю-то как же иначе?

Приняли резолюцию.

На Тверской в Москве.

— Братишка, подай, ведь годилок, одинаковый! («Того же призыва, что и вы» — хочет сказать?)

И когда подали:

— Спасибо вам за вашу сознательность.

Сын Х. ездил в школу на автомобиле. Стали его дразнить буржум. Перестал. И вот — на подножке трамвая. Кондуктор сорвал с него шапку, бросил; кто-то подхватил шапку — и был таков.

Декрет о налоге на прислугу.

Как вылавливали (летом, на даче). (Советчикам надо было выпить.)

Сидят на балконе, подходит этакой молодой человек:

— Скажите вашей кухарке, что к ней брат приехал.

Сейчас же, конечно, с балкона кричат:

— Аннушка!

Готово.

Или так: прислуга говорит:

— Да я тетка ихняя.

— А вы сколь же лет тетка?

— Да я уж никак года три...

Готово!

Навозный жучок в Туркестане — катит шарик из верблюжьего помета. Пропали верблюды — и вот гадалыщик заставляет жучка катать шарик по верблюжьим следам. Ползет жучок с шариком (песок, пустыня, луна, тени). А за ним — идет куча людей. И нашли так, в конце концов...

Москва. Никола-на-кочерыжках. Спас-на-палашах. Никола-на-капельках (построен каким-то целовальником; целовальник сливал опивки, «капельки», — в бочку, продавал, выреченное откладывал на постройку церкви).

Утро: зазвонили в Кудрине.

Чижик — Чрезвычайная Жилищная Комиссия. «Чижик пришел».

Сюжет:

Коммуна воров.

Воры — молодежь — решили, что теперь, когда все общее — нельзя уж воровать: это можно раньше было, когда были богачи. А теперь все решили поступить в партию. Одному стало скучно: просто — как выпить, как к девке пойти это — украсть нужно было. Украл — его расстреляли, воры же — «цепочки»...

Шулер.

Был набожный. Однажды не везло, бродил из города в город. Под Пасху приехал в [Саратов] уездный город. На окраине. Уже благовест к заутрене, через окна — столы с куличами, женщины с засученными еще рукавами... А он — чувствует, с голоду кишки закорючивает. Идет поп в церковь. Шулер к нему, попросил:

— С голоду помираю.

Священник дал ему двугривенный — ради праздника... И в тот вечер — шулер потерял религию. Пошел дальше — встретил рабочего; тот дал ему целковый.

На следующий день (одежда еще была в чемодане) оделся, сделал визиты, пригласили играть в карты. И там, в гостях, встретил того самого попа. С наслаждением, нещадно обыграл его в пух. Вышли вместе. Шулер и говорит ему:

— А ведь я тот самый, которому вы вчера двугривенный расщедрились — дали. А сегодня — я у вас тысячу взял.

Любовь партизан.

Взяли в плен белую сестру. Когда брали — снимать кольцо? Когда там! Отрубили вместе с пальцем. А она — перевязывала их раненых. И все были потом влюблены в нее, не могли смотреть на этот отрубленный палец. Ездила с ними.

«Блаженные острова» (Озар.)

Бывшая климатическая станция. 35 домов. В 9 верстах — слобода (Кубанская обл.). Приехала докторша с мужем и двумя девушками — дочерьми. Жили. Ночью выстрелы: бандиты... Входят. В полутьме комнаты — только свечка.

— Вы жида? Иконы есть?

— Есть.

— Знаем мы вас! Вы так теперь... Кресты есть?

— Есть. — Показывают.

— Ну, ладно. Сколько вас? Пятеро? Ну, глядите: через полчаса придем — и если вас тут больше будет — всех к стенке!

Прибежала одна молодая еврейка, красоты необычайной. Умолила: спрятали за красоту. Бандиты вернулись, нашли ее, изнасиловали. Опять ушли. Оставили сторожа. Добродушнейший разговор. Сторож рассказал об островах на соленом (лечебном) озере:

— Бриллиантов там у них, золота!

Прислали советскую охрану. Пошел слух об островах. Среди охраны разговоры:

— А не уйти ли и нам на острова?

(Скучно<?>, жарко.)

Хозяевам:

— У вас ячменя нет для наших лошадей, мы уйдем.

Ушли. Банда усилилась.

Бровинцы: атаман Брова. Они — за советскую власть, но против разверстки. Приходят ночью. Выстрелы.

— Кто?

— Бровинцы.

В слободе довольны...

Слух о том, что хотят похитить девушек. Дома не ночевали в эту ночь. Действительно, издали ночью видели, как в окнах их дома вспыхивали и потухали огоньки. Утром пошли, увидели развороченные постели. Больше ничего не тронули.

Однажды взяли докторшу в плен: раненые есть на островах. Увезли, заставили перевязать, потом вернули обратно. Тут — сестра милосердия с отрубленным пальцем (на Островах) — рассказывает докторше... Советская власть объявила амнистию бандам, которые выдадут своих главарей. На Островах подумали-подумали и убили студента, который был у них за атамана. Время жаркое: голову засолили и предоставили.

«Аграфен Петрович».

Женщина, купеческого рода. Вышла замуж по любви, против воли родителей. Муж оказался слабый, благобабообразный («возмужал — возбабел»). Увидела, что если сама не будет мужем — конец и ей, и детям. Взяла все в свои руки. А тут революция. Стала в городе учредкомом. Привыкла к мужскому костюму, кожаной куртке, к мужским делам: двигать вагоны из города в город, тысячи пудов, в купе с мужчинами. Чувствовала себя мужчиной.

И вдруг иногда засосет: дети. И возвращается домой; так странно снова стать женщиной, иметь мужа.

...Выносил смертные приговоры, а потом бился головою о стены, о дверь. И ничего, физически все креп. Считал, что может узнать, нужно ли расстр[елять]еливать человека или нет — по тому, как он войдет, как сядет, как положит руку. Первый вопрос на допросе:

— Вы что сегодня ели? — огорошивает обвиняемого.

Лёка.

Жила в квартире (1918 г.), где содержали (зимою) козу. Житья не было: выйдет, бывало, в коридор — а коза на нее, и ну бодать. Весь живот, все коленки, бывало, в синяках.

И поросенок: в комнате постукивает по полу копытцами.

Комиссар, пьяный, издал приказ: «*Всех евреев на баржу — и отправить в Ханаан*». Крик... Помощник спрашивает:
— Какой Ханаан, где?
— Никаких разговоров: на баржу!
На другой день протрезвился и отменил Ханаан.

Письмо расстрелянного:

«Маруся, родная, прощай! Прощай. Ведут».

Когда шли — старухе прохожей бросили это письмо. Бабка подняла, пошла относить. *Обошла всех*, каких знала, *Маруся* в городе — не те, так и не нашлась настоящая — его — Маруся.

Отставил ногу, выпятил грудь: *как буква Я...*

Они втроем шли под руку: было похоже *на букву Ж...*

Как муха, вынутая из варенья: ноги, крылья склеены, жужжит — жалобно...

Февральская революция.

Солдат, которого поставили на часы к пушке у Думы и забыли сменить: *двое суток* стоял. Народ его кормил.

Бабы на углу Литейного и Невского с гречневой кашей: давали из горшочка каждому по ложке. *Матросы* на грузовиках с караваем хлеба: резали *хлеб* тесаками и раздавали.

В казарме еще идет ученье. Вольноопределяющийся прибегает и хватает командира за локоть. Тот ошалел: что за дерзость! А вольноопределяющийся:

— Солдаты сюда идут. Бегите!

Тот даже не скомандовал — убежал. Солдаты так и остались стоять. А он — в казарме учебной команды, где — знал — не убьют. И сквозь толпу пробирался, умолял:

— Ради Христа! Ради Христа! (Раньше — всегда с матом.)

Другой залез под диван. Третий спрятался в вещевом складе. Его нашли — и снаружи вольноопределяющийся слышит только совершенно свиной визг.

Другой вольноопределяющийся штыком наперевес рвется в соседнюю комнату:

— Пусти! Я его должен! Я должен! — и весь трясется.

Этот *вольноопределяющийся* — студент-политехник, а другой — офицер, которого он хочет заколоть — студент-технолог.

На улице: уже наставили штыки в живот офицеру. М. отвел, молча, штыки и показал, молча, на *три золотых нашивки* на рукаве: трижды ранен. Ушли...

Какому-то эскадрону под Царским не посылали довольствия — и они сами стали доставать фураж по деревням. *Лесная жизнь*. На путях стоит цистерна со спиртом, отцепленная от шедшего в Петербург поезда. Развели — и стали цедить. *Напоили лошадей*. Пьяные лошади...

В гости ходили к 86-му году, к Гелиосу: в домах, где было бельгийское, электричества не было, ходили туда, где было.

Мозги переваривают мысли. *Слова — не больше*, чем переваренные мысли — мозговые *экскременты*.

Деревня.

Весна. Солнце. *Лица у девок* от солнца загорают, золотуют. На губах у них зреет малина.

На площади *возы* подняли оглобли — *как руки*.

Частушки

Мой муж комиссар,
А я — комиссарша:
Надо всеми он старшой,
А я его старше.

Пошла плясать,
Только пол хрестит.
Наше дело молодое —
Нас и Бог простит.

Ты моя краля-кравецька,
Да выходи на крылецько,
Огонь у нас, у вас угас:
Увидят, заругают нас.

Сегодня теплая погода,
Отпотели рамочки,
Весна пришла, моёва нету,
Дорогого Ванечки.

Раскака ж это погода:
Дождь идет и снег падет.
Нежли ж моя кудриночка
Сегодня не придет?

Мне девчонке было худо,
Когда цветок лапти обул,
Я стояла побледневши,
Кол меня смеялись в гул.

Плянь-ка, душенька, на небо.
Кто в нас прав, кто виноват,
А по-хорошему гуляли —
Про нас всяко говорят.

Настоишься, настоишься
У моих холодных ног
И напросишься прощенья,
А тебя не простит Бог.

Мы с кудриночной супольи,
Между ног больша река,
Много славушки приняла
От его — от дурака.

Завивала б я кудёрышки —
Боюсь, маменька, вас;
Ах, за этие кудёрки
Любят мальчики гораз!

Справь-ка, миленький, галошки
На мои скореньки ножки,
Еще гейшу на меху —
Чтоб посмеяться пастуху.

Я девчонка мала-мала,
За народом не видать,
Песнь пою, пою — притопну,
Чтобы всем было слышать.

Меня Валюша провожал,
Гармонь за пазухой держал,
Он заиграл, пошел один,
Пойдем, подружка, поглядим.

— Куда, милый мой, идешь?
— Дорогая — в гости.
— Милый мой, возьми меня!
— Дорогая — после...

Слезы льются через блюдце,
Не могу я цаю пить.

Пейзаж.

Луна, как медный конек на гребне избяной крыши. Черными треугольниками в небе крыши сеновалов, безоконных, спящих — спящая улица. Жук тянет свой бусовой канат невысоко над травой. Над лилово-серой пыльной дорогой низко шныряют летучие мыши — будто кто ими перебрасывается с одной стороны дороги на другую.

Молодой бычок — *«Василий Красивый»*.

Надпись на фотографии:

*«Глубокоуважаемому Арсентию Арсентьевичу
от Ал. Воробьева».*

Баба гонит борова, боров от нее под вагоны, баба за ним:
— Ах ты, водяник кривой, вот я тебя ужó, ты куда это?
Я тебе что вчера сказала?

Разговаривает с ним, как с равным.

Филимон Петров — явился на собрание сельское:

— Ну, *выбирайте мне секретаря* таперь.
— Как секретаря? А председателем кто же будет?
— Я, конечно, я на селе — самый бедный.

Избрали...

Явился Филимон Петров к Аннушке: сапоги ему к зиме понадобились. Аннушка туда-сюда, разговаривать. А он ей:

— Не смей со мной разговаривать!

Она еще пуще. Тогда Филимон Петров:

— *Лишаю тебя голоса на три дня*. Три дня чтоб ни слова у меня не смела, чтоб голосу твоего не слышал никто!

...Уланы какие-то с фронта сюда заехали — когда все с фронта тронулись. В этих краях наших разгружались уланы. Ну, все имущество их полковое разделили честно-благородно; иным по 6 шинелей досталось. Все у крестьян выменяли. Оружие — так, даром, дарили: винтовки, там, пулеметов — четыре...

...Ростом больно высок был — так пришлось его на колени поставить, когда расстреливали...

Коровий праздник. Коровы, не выгнанные вовремя, ревут благим матом. Потом ведут (после коров) — лошадей, овец, коз — по чинам — кропят святой водой на выгоны...

Тень от облака бежит по полям...

Звуки.

Днем, когда солнце, немые стада алюминиевых облаков — над скошенными лугами только одно: сухой травяной треск кузнечиков да рыба плеснет в реке. А вдаль — из двух половин: верхняя — белая, низ — юбка — красная — баба гребет сено.

Вечером. Писк ласточек, по дворам — жиканье молока в подойники, отбиванье кос.

На заре. Петухи, рог пастуха, мык коровий, в церкви — благовест: сорокоуст.

— Эй! — С того берега лодку *рыкают!* — Давай!

Названия сел: Капицна Гора. Келбуй. Романда. Уйта. Зааран. Лелья. Миндюкино озеро.

Баба:

«Сердце переболело!»

«Таконько вот».

Когда началась стрельба — все бежать.

«Даже оболочку какую потеплее и то не взяла, взяла сдурю да спеху одни варежки, на зиму изготовлены были. Весь скот, все оставили: на волю Божью».

«Те-то под окнами ходили, всё выслушивали. Так уж мы шепотком стали все: окна-то, сам знашь, низеньки-таконьки...»

Свясло (для снопов).

Пелёт (в овине — пристрочка низенькая).

Овины — как старые русские терема.

Солнце заходит, на земле уж почти, осветило красным одни стволы яблонь, а шатры лиственные — темные; как красные столбы — а меж ними — темные со сводами туннели.

Мост железнодорожный — кружевным горбом.

«Ну, нынче какой улов! Только и наловил комиссаров пяток на уху...» — (комиссары — ерши).

Рыбачий поселок *Сопятка*. Снасти — «руси» («Пять русей нынче поставил») или «курмы».

«Раньше-то, бывало, хоть плохонький, да свой».

Печь — с белым теплым животом.

«Земля? А пускай она хоть провалится! Я и на *кочках* проживу».

...Прижал ее к груди — будто воробьеныша в кулаке держит, и сердце крохотное — колотится изо всех сил — рука слышит.

«С Христом были все *трудящие, как то: волхвы, пастухи и ангелы*».

— Мам, дай яблочка! Поди, купи яблочка!

— Все маленькие давно уж спят, а ты... Чего выдумал!

— Маленькие яблоки спят — а большие не спят. Ты купи большое!

...Выскочили на веранду дачи дети с крошечной кухней, начали стряпать.

...Зажали рукою фонтан, вода брызнула на голову доктору, смыла у него прядь волос на голове — оказывается, огромная лысина, прикрытая сбоку волосами — длинная этакая, мокрая полоса водяная повисла до самой шеи...

Из старой книги:

«Никакой ребенок не бывал того достоин: в самых малых принцевых летах чистосердечные и чувствительные изрядства проникали сквозь густоту детских органов».

Игры: бириби и каваньоль.

Экипаж: визави.

В театре: «Видеть соседнюю игру им советуют, потом ворчат некоторые веселые стишки».

«Иная, притворяясь пройти пельте<?> из балету, старалась выказать ногу и еще нечто больше, чтобы тем вознаградить гнусное расположение ее бюста».

«Все выражения самые существенные не возымели бы описать столь сильных прелестей».

...Подошел к Неве — и увидел: *сфинксы* стоят, повернувшись к нему [спиной] *задом*.

Птицы *Халевры* финитные.

Когда к земле вечером склоняется солнце — они [заслоня] кропят землю росой, а когда утром встает солнце — они крыльями заслоняют от него землю[, чтобы] и сжигают себе крылья, заслоняя землю. Падают сожженные красные перья вниз. И у всякой птицы, какая знает солнечный восход, есть перья из крыльев *Халевры*.

Петр Иваныч.

Работал на заводе в столярной. Потом зачитал божественное и объявил однажды, что *вознесется на небо*. Пошел слух. На Преполовенье — крестный ход. Народу — сила. И впереди попов, инок — Петр Иваныч в белой ниже колен рубахе. Взлез на крышу заводских сараев (внизу у стены куча уголь-

ного мусора). Замахал руками в белом, как крыльями, подпрыгнул — и вниз, в угольный мусор. Вылез оттуда — черт чертом. Взялись его бить:

— Не возносись, сукин сын, не возносись! Не морочь людей!

Деревня.

Мужик пашет. Проведет борозду — и на свежую разрытую землю — стаей грачи: клюют червяков. Все время — за пахарем; садятся ему на плечо, на соху...

Разлив. Деревни отрезаны. В избе — на четверть воды; утонул ребенок.

Деревни: Холуй, Мстеры (около Клязьмы).

Мужик, когда говорит с господами, все называет *уменьшительно*.

В хлебе до осени кормятся и жиреют куропатки, тетерева, дупеля.

Р. Спектакль — приезжая труппа. *Афиша:*
«Билеты — от 2-х до 5 яиц».

«Жить стало узко...»

«Редактор у нас завелся. Статьи в редакцию пишет».

Похороны — «без церемоний».

Он *прибóльшился*.

Я стояла в череду
Получать картошку.
Рядом баба родила
Мальчика Антошку...

На улице стали с человека шубу снимать ночью. Он орет. А ему:

— Молчи, такой-сякой! Вон со *святых* ризы *сдирали*, они и то молчали. А ты лучше их, что ли?

На балете «Дочь фараона» — лев, подстреленный, падает. Статист заболел, взяли из театральных рабочих мужичка. На репетиции мужичок-лев упал ничего, как надо. А на спектакле поставили гору, падать ему с горы. Поглядел — высоко! И перед тем, как падать... правой лапой перекрестился *православный лев*.

Ленин болен.

Работницы завода собрали митинг и постановили: отслужить *молебен* о его выздоровлении.

Комиссар.

...Поправил натянутые туго штаны и сапоги, вышел на платформу, и чтобы не испортить тугости — старался идти на прямых ногах, а через рельсы переступал *особенно копытно*.

Поднял в каждую руку по 2 пуда и каждой рукой 25 раз перекрестился. Остановил плечом 7-сильную машину. И *этого* поставили на колени...

Сон (С):

Лестница, но без ступеней, гладкая наклонная плоскость: по ней взойдешь два шага — и скатываешься вниз...

Р. «*Всё жилоты* растаскали, ничего почти не осталось, дрянь...» («жилоты» — из Жилищного Отдела).

Р. Книжное распределение.

Мертвый дом, мерзлый. Все служащие больны, и только одна еще ходит в вязаных перчатках, с красным носиком, в платке, чихает, кашляет. Зала, груды книг.

— Пришли от пекарей за книгами.

— Ага... Ну, выдать им все книги на букву Г

И получают: Гоголь, Герус, Гёте, Гейне, Гобино...

Орден перестальтиков:

«Открытие мощей» — ежегодно 4 марта. Свои шпионы, штрафы, кружка для пожертвований. Многоспальная кровать у студента «Утки». Взлом кружки. С кружкой по ресторанам: за ними — шпионы (хотят примазаться к пропою). Пропиты «штрафы», являются, забирают вещи — пропивают...

Р. «Самостирка».

Р. «Спать в вагоне» (в вагоне — «69»).

Р. ...Пятеро ворвались, ограбили, повесили женщину. Случайно ее спасли от петли. И вот, еще с выпученными глазами и с *полосой на шее* (через $1/2$ часа) она явилась получать карточки на хлеб...

Р. *Темная комната.*

Одна свечка. Допрос «с ужином». В крепости. Постепенно <3 нрзб>.

— Хлеб? Хорошо...

— Топят? Хорошо...

Военком с рыжей бородой:

— Я к вам хорошо отношусь... А если прикажут — расстреляю.

Водопроводчик:

— Я против власти никогда не шел. Против царя не шел, и теперь не иду. Оттого мне и хорошо.

Передал письмо.

Двери запирались только для начальства. Часовые, «на стреме» — один. Открыты и женские камеры, ходили к ним в гости.

Прогулки «в кругу» и «в углах».

Свидание «всех со всеми».

Для старосты и Библии — открыты все двери, весь день. С женского отделения передают через Библию новости, письма.

Речь на толстовском юбилее: «Мы с ним немножко разошлись...»

Комиссия в венерическое отделение пришла. Одна из лежавших там женщин — вдруг, присмотревшись к одному из членов комиссии:

— А ты, Манька, как сюда попала?

Любовные дела:

В Крестах в камере — жена и муж вместе. «За пайку хлеба» женщины дают. Темный коридор; надзиратели и надзирательницы — играют «в жмурки».

Девушка является к доктору и требует свидетельство, что она *никакой венерической болезнью не болела*. Песни пела, в спектаклях выступала. (Ей надо было выйти замуж — жених потребовал удостоверение.)

Ликвидация неграмотности в тюрьме. Рассказ, как застали en flagrant délit. Один спрашивает:

— А как туда пройти?

Следователь превращается в заключенного. И наоборот: Лева — сидел и строчил доносы (сидел за преступление по должности). Потом назначен был следователем.

«Семашка» — вошь.

...Они уходили с песнями. Все слышали...

Приговор об отсидке — адресован: «Жене расстрелянного такого-то...»

Засада.

Пришла молочница и заявила в милицию, что — налетчики, всех хватают...

Еврей.

Энергичный. Инженер. Был за границей.

«Все люди — промышленники. Писатели, литераторы — промышленники».

«Все люди — негодяи».

«Трудовой буржуй» и «просто буржуй».

В тюрьме понемногу начинают спекулировать в камере. Он борется, но потом сам идет по этому пути — попадает. Кто-то в театре упрекнул его, что на допросах он выдает. Не пошел на прогулку, дождался, когда ушел сожитель — и повесился.

— Что это там в уборной *артисты* собрались?

Сторож:

— А просто так — собрались и друг на *дружку* внимание *обращают...*

Прожектёр пишет о:

1. подъеме тяжестей водяным способом — согласно закону удельного веса;

2. согревании воды, жилищ и хотя бы небольших участков земли <с> помощью вогнутых зеркал;

3. смородиной, которая растет во множестве на берегах реки Лежи (в 6 верстах от Сухоны), наделить огороды крестьян северной полосы, а также сделать посевы в лесах;

4. «точно так же и разведение различных полезных пород грибов на местах, где они сами освоились, или перенести грибницу в места, близкие к жилью человека»;

5. о «морских млекопитающих» — нерпы, тюлени;

6. разведение орешины — дают большой приток <окончания нет>.

11

<9 л. вырвано> <Рукой Л. Н.Замятиной> ...деревянный сундук, окованный «морозным» железом.

Квартальный в полицейском.

Бо' — храни.

Игра была такая. У сарая росла *старая липа*. Влезали на крышу сарая и скатывались вниз. Внизу крыши никаких перегородок не было, и оттого неминуемо было — либо упасть с крыши на землю, либо перепрыгнуть шага на два на липу. Ну и прыгали всегда, хоть и страшно. А потом, когда набегаются — она слезает в бадью *колодца*, и ее опускают вниз. *Колодец* такой глубокий, что и летом иногда там вода замерзала. Спускают вниз, все становится холоднее. И уж совсем внизу, когда бадья коснется воды, и весь <колодец> обратится в одно крохотное окошечко света где-то внизу — она дергает за веревку, и ее поднимают.

Любили ходить к *Пал Антонычу* — за подсолнухами и маковыми головками. Пал Антоныч припадает на левую ногу и говорит:

— Ох-ти, мне нога-то снёт, нога-то снёт.

Он стал гордым с тех пор, как побывал в Москве. Гордится, что его дочь стала носить шляпку — настоящая ба-рышня. Дети знают его слабость к лести и всегда начинают с этого:

— Ах, какая у вас хорошая лавка, как много товару.

Мишка терпеть не может целоваться. Когда поцелуют его, вытирает губы и говорит:

— *Терпеть не могу*, когда девки *целуют*.

Перед обедом читают молитву, молятся, а ребята толкают друг друга и смешат. Один раз довели Мишку до слез. Сказали ему:

— Мишка, а, Мишка, твой-то *Михаил Архангел* (его ангел) ведь девка. Гляди — рубашка на нем какая, длинная, девичья.

Бедняга плакал.

Однажды Мишка повалил на себя шкап с посудой и целый день просидел в каретнике под старыми санями. Искали-искали. Сестра нашла.

— *Есть охота*, — говорит, — да боюсь. Там мамка с топором, дедка с пистолетом — убьют.

Уверила его, что не убьют. Пошел спать. Принесли ему потихоньку в постель поесть.

Когда уже очень донимала мать, уходили все трое к *Федору Взуебену*, знакомому мужичку, и жили у него по неделям. А со всеми проезжавшими мимо мужиками наказывали захватить к матери и докладывать, что живы-здоровы и живут у Федора.

Фамилии.

Адамия, Иван Николаевич;

Бурьян, Петр Христофорович;

Гаврилица С. Ц.

Гарабурда, Людвиг Феликсович;

Дорда, Василий Емельянович;

Журба, Николай;

Задюжко, Константин;
Ижицкий;
Колодяжный, Александр;
Крахмальный, Николай Павлович;
Крысинский, Ромуальд Августович;
Могилка, Данил Федорович;
Пастушок, Сидор Иванович;
Погода, Виктор Францевич;
Пупырников, Изяслав;
Символ, Иван Авраамович;
Солодуха, Александр Демидыч;
Трухлый;
Тюхляев, Сергей Борисыч;
Умников, Павел Николаевич;
Цецко, Михаил Осипович;
Шонков, Федор Михайлович.

«Гаук, или Непреборимая Верность».
«Повесть о Георге, английском милорде».

Терпленья нету.

Лягушка — кричала не своим голосом, попалась горластая.
— Фунтов в 30 лягушка.
— Куда в 30, куда пуд весь.

Приходили по вечерам к озеру слушать лягву-чудище. Скоро поняли, что и не лягушка это вовсе; где ж видано, чтобы лягушку на версту слышно было. Черт это, чертяка водяной. Раньше потешались криком, теперь бояться стали. Не пускали ребятишек слушать, как черт песни поет. А нашлись люди, решили сельчан от черта избавить, изловить его да закрестить до смерти. И в полночь ходили чертоловы к озеру, и в полдень, и на заре, и в воскресенье после обедни — нет, не удавалось черта поющего поймать. Квакал себе на заре да квакал. Один чертолов Семка Псалтырь — доловился. Читал он псалтырь по упокойникам — дорогу перебивал черничкам. Ну, прочитал раз, угостили хорошенько, выпил, осмелел.

— Пойду черта поющего изловлю, что в сам'деле такое?

Пошел с вершей в руках ловить. Вот тут где-то поет, вот сейчас. Зачерпнет — ничего. А черт уж подальше отскочил,

вправо, и опять совсем близенько турлу-турлу-турлу. Семка Псалтырь за ним. Манит-манит его черт, да в омут и заманил. Ухнул Семка, и поминай, как звали.

Муж полоснул бабу свою ножом. Ахнула — и свалилась. Полежала в пыли, подобрали добрые люди, в больницу свезли. Да на грех из больницы и доктор, и фельдшер на свадьбу уехали в город. Что тут делать! Повезли бабу домой, назад. А муж — как увидал — везут, таки совсем взбеленился. Топор взял в руки, поперек. Перекрестился — да как хватит бабу топором по шее. Так голова и отвалилась у бабы, и затрепыхалась баба, как курица безголовая.

Умер покойник, лежит в гробу. Стали гроб на погост тащить — не идет с места. Двое мужиков здоровых, пыхтят — а гроб ни с места. Что тут делать? Позвали еще двух — не могли стащить.

Старичок поселился в лесу. Шалашик построил, колодец вырыл. А на дне в колодце — огонек горит, опять потухнет. Чудеса, дивуются благочестивые, крестятся, от колодца отходят, старцу деньги кладут.

В лесу — огромное дупло — дуб: десяток ребят влезает; светятся гнилушки.

Лютует шаромыжник.

На колокольне часы отбивают.

Книгочей.

Капитан седобородый танцевать любил до страсти. И хорошо танцевал. А вот перестали дамы с ним танцевать. Как? Что? Почему? А потому... что всех дам он занимал разговором одним и тем же:

— Знаете ли, гм, да мне доктор прописал танцевать... Пицца не выходит, знаете, геморрой что ли — не знаю. А попляшешь — оно и лучше.

Коник, сергибус, будылки, кудла, трощать.

В деревне — страх пожаров, четверговая свечка и прочее.

Деревня — купанье в озере.

И стволы сосен еще хранили касанья лап золотого паука — золотели, были прозрачные, янтарные.

Разговор.

Дождь пошел. Потом перестал. Потом *обратно* пошел.

Военное.

Прапорщик после вечерней молитвы поучение произносит о вреде пьянства. Один из слушателей напоминает:

— Да, ваш'бродь, очень нехорошо. Как вот, мы вас-то в Нижнем ташшили? Сеном нос оттирали?

Купец.

Пьяный рассказывает, как был в Венеции:

— П-пним-маешь, А-адриатическое море, ну, и сижу я, и сзади — кто-то по плечу: хлоп. «Иван, — г'рит, — Семеныч, друг, ты? Здра-аствуй». Пни-маешь, это на Адриатическом море: с-сижу я, и вот...

Купец говорит:

— Н-ну, девочек пригласили... Так только, для запаха, не больше...

— Соус, — говорит, — такой вострый, что язык от него в трубочку свернулся...

Купец (пьяный):

— М-меня отец, покойник, учил: «Ты, — грит, — как пьян ни напился, а ты — деньги в долг не давай...» Вот сейчас у меня тут вот лежит — а не дам.

— С-сукин сын, — (другой говорит).

— А-а, так?

...

— Мы с тобой воспитанья не возвышенного, на дуэль ты меня не вызовешь, чего нам с тобой колошматиться...

— Т-ты, бр'т, на армянке никогда не женись: у армянок — у них с 30 годов в носы рост идет, нос растёт — итак, бр'т ты мой, вырастет и крючком загнется... И не узнаешь, какой и был...

Нос — как старичок, усевшийся в кресле...

Деревня.

В церкви, в сводах заделаны кувшины для звуку.

Ихий, их дети.

Болящий Степан.

Болящая мать Федора. 46 лет лежит, мочится по капельке через 10 минут; глаза живые, быстрые. Муж и няня. Любовь. Сын няни: *Ее* друг.

Овин — (для сушки зерна) — яма, в ней печь; наверху выслана обмазанными глиной прутьями. На прутья сыплются снопы.

Одонья, ометы (умёты) хлеба.

Прясло.

Курица *грудастая*.

Прошел слух — поселилось у озера «чудо поганое».

В чистый четверг погрызли от обеда корки на ночь, — чтобы встретиться всем на том свете: если хоть один будет из семьи праведник, так все попадут в рай.

Слово: барахло (ворохи?).

Колотырка (баба).

Муругий, взгальный, запсотила.

Почтальон Андрей Иванович сказал, когда на Пасху весной пошел снежок — грязь, распутица:

— Вот теперь уж, должно быть, во всех Европах истинная весна, время, в которое рождаются почки и травоядные животные.

Сторож, везший жену в больницу, рассказывал:

— Вижу, уж совсем она лежит *без признаков*.

Деревня.

Дед Роман — кланяется по-старинному, уперев руки в бедра, всем станом.

Овин — внизу теплицы, в углу темный подлаз.

Пали к нам слухи.

Изунять, бучило.

Нáлито?

...Осень. Улетели скворцы. Перестали стадо гонять; в сенях сечкой рубят *капусту*.

Фельдшер употребляет иностранные слова:

— А если не можете сами приехать, то пришлите какого-нибудь секунданта.

[Васькин, урядник, на обеде провозглашает тост:

— И за ваше отродье.]

Нужно посмотреть на тень: если тени нет — то «он» — черт.

...В новой нестираной, каляной рубахе.

«Черти Богу молятся».

Каждый раз, когда он брал ее, она ощущала ужас и сладость умирания, смерти.

Писатель (он) — может писать только тогда, когда уверовал в то, что пишет, — в эту явную (для него) ложь, выдумку. Писатель должен приучить себя верить в любую ложь (если он хочет писать), в чудовищную ложь, в нелепость. Иначе нельзя писать. И вот это переходит в жизнь: меньше верить, меньше обманывать себя.

И чем сильнее талант, тем сильнее, ядовитее правдоподобность самообмана.

Бахила, студь, раструсной, разверный*	Могарыч
Бра́ный (скатерть)	Навряд
Ввечеру	Напропалую
Ве́ретьё	Невдога́д
Верея	Объярь, объяренный (вол- нистый)
Взашей	Опричь
Вполсыта	Орясина
Вполпьяна	Офе́ни
Впусте	Очунуться (очупнуться)
Гнетить (разделить, разво- дить)	Плотить (протину)
Гоношить	Покамест (Покаместов — фамилия)
Докуда	Полеть
Дюжеть	Полпива
Же́ребий	Потатчик, потачка
Запошивка	Раструсной
Застить	Разверный
За́стреха	Рта́читься, арта́читься
Затуркали, зага́кали	Ряхнуться, рехнуться
Зернь	Сажалка
Ка́рла (карлик)	Саламата
Клянчить	Серпянка
Корна́ть, окорнать	Снитейный (щи из снет- ко́в)
Кудель	Стыдь
[Кудель]	Тавлей (шешечница)
Ле́жмя	Тэлепень
Лемёх	Хаять
Мережа́	

Клюканов.

Два парня — Клюканов и Богомоллов, искали Бога. Пошли в лес, Богородице молились, звали, чтобы показалась. Нет. На икону наплевали: ничего. Изрубили, сожгли: ничего. Пробовали черта вызывать, ставили черту свечку — ничего.

И решил Клюканов:

— Бог есть, но только отвернулся он от мира, и мир — это [же] *не* настоящее теперь, не Божье, нет Божьего образа, безобразное.

* Запись расположена нами в алфавитном порядке (*сост.*).

Богомоллов стал изучать природу, а Клюканов открыл кабак. Изба, при избе пристройка грязенькая <слово вписано Е. И. Замятиным> и кабак. Бедным остался Клюканов: 2 ведра водки продаст, 3-е — пьяницам. Соберет забулдыг каких — и спаивает: пейте. Сначала немножко, разлакомить, а потом — просят, а он навоз заставляет есть:

— Съешь, что собака нагадила, — тогда дам.

И едят: вино даром получают.

Клюканов радовался, что правят плохо: чем хуже — тем лучше, тем ясней, что в мире нет образа Божьего.

А Богомоллов искал какую-то руду, глину фарфоровую, разбогател. Дом построил в 9 окон, светлый.

Была Голубчиха, барыня прогоревшая — после крепостного права. Так ей Богомоллов платил по 200 рублей в месяц, просто так, чтобы непозорно свой век доживала.

Богомоллов поехал в город, остригся, надел городское платье. Все ничего, ходил, но против гостиницы «Националь» остановился, ахнул и стал пальцем окна считать. Пересчитал, помножил в уме, сколько стекол и сколько стоит.

Баснописец *Крылов*.

Старая барыня. При ней не смели упоминать об отмене крепостного права. Бутурлина. Задавала тон всей Москве. 12 горничных — все в белых чулках и бесшумных туфлях. Водили барыню под руки; носили за ней собачку, платочек, нюхательную соль. О гостях докладывали: внук генерала такого-то, двоюродный брат графа такого-то.

Мельник — изобрел мех: *дует на крылья ветрянки*, когда ветру нет.

Докторша влезает в трамвай — еще не все влезли — кондуктор трогает — она кричит:

— Да, что это вы! *Еще больные* не все сели...

Брат Х. прислал ей письмо без марки и в конце письма приписал:

«Извини, пожалуйста, я марку, ей-богу, наклеил, но она в дороге отклеилась».

Сынишка адвоката говорит посетителям:
— Отца дома нет, ушел к снаряду (патрону).

Х. мыла лицо в ванне. Открыла глаза, тьма. (Это электричество потухло.) Х. думала, что ослепла, испугалась.

Пришли мужики барыню громить, барыня чай пьет. Мужики ей ласково:

— Уж ты лучше с самоваром своим в другую комнату уйди, не ушибить бы тебя как, борони Бог.

[Солдат говорит другому:

— Да мне с ним и говорить-то противно: морда этакая интеллигентная...

Серафим Саровский был строг. Собака помещицы напакостила на паперти: потребовал собаку убить.

Обскакать (обложить). <Нрзб> одно.]

Америка. Society of vice suppression навешивает фиговые листки на статую в Нью-Йорке. Metropolitan Museum.

Появляются «immoral pictures» в журналах. Общество заявляет протест — и журналы вынуждены снабжать репродукции статуй балетными юбочками (есть особое клише).

В книге стихов Addison («Abyss») нашли immoral passage, решили книгу изъять из библиотек и школ. На суде спрашивали женщину:

— Можете ли вы читать, не краснея, этот отрывок?

Водевильная труппа путешествовала из города в город. В труппе были артист и артистка, жили невенчаные. В одном из городов, особенно моральном, от них потребовали, чтобы они повенчались. И повенчали.

Тамбовское поле. Кому не случалось идти бескрайним тамбовским полем? Ширь, удаль, размах, и самоё солнце затерялось, и так заливается какой-то жаворонок малюсенький, и далеко, на самом краю, сияют кресты: там — город, такой же, должно быть, широкий и вольный город постро-

ил себе тамбовский люд. А прийти в город — все оборванное, облупленное, грязное, и посреди города в луже свинья.

Дымник в черной (курной) избе: курная изба выше обыкновенной, чтобы дым под потолком высоко ходил. В потолке — окошко и задвижка, и от окошка — деревянная труба-дымник.

Солдат на улице говорит:

— Да, что ж, мы народ темный, как, говорится, *эти самые индусы*, а вы белую гвардию устроили.

За запыленным, грязным окном, в мягкой темноте горит и курится лампадка: молится сморщенная, вся светленькая и чистенькая старушка.

Снег.

...Идет все сильнее. Наступает белая стена, и за ней ничего нет. Нет ничего: стена.

...Змея, белая, извиваясь, катится поперек дороги.

...Фонари в снежном воздухе: налитые светом, водяные, расплывающиеся цветы.

Мальчик-уродец, с согнутыми, высохшими ногами. А глаза у него такие, будто втягивает ими тебя и запирает в стеклянную клетку в своем мозгу. И ясно: через 100 лет прийти к нему — он так же посмотрит и узнает.

Средство от бессонницы — засыпать держа палочку сургуча в руке.

Ребенка *запекают* в печи от собачьей старости.

«Комната у интеллигентной дамы; ход сквозь хозяйку».

Присягу принял не пить.

«А ангел-то тебя на левой скрыжали и запишет».

(Перепев.)

— Ай, за пощуп-то деньги берешь? — (говорит баба).

— А ну-ка, дай я тебя, вот, задаром пощупаю? Дашься без армяка-то, ай нет? — (говорит торговец).

Пестрота, расписные, лубочные, веселые пятна, пьяные к вечеру. Распаялись, как раки, — и бормочут, затихают, наорались за день. Идешь мимо деревьев: темно — и вдруг корни шевелятся... И не корни это, а пьяненький Андриян прикурнул. Поглядел, нагнулся:

— Господи, батюшка — и не Андриян как будто, и не нашенский, чей-то чужак. А и Андриян — тоже кубыть.

Деревня.

Ночью муж приходит на постель к жене. Никаких стеснений, все это дело самое обыкновенное и естественное. Мальчонка глядит во все.

На Волге говорят:

— Купаться-то купайся, да гляди, тут народ какой: *заглядишь — самого утащат.*

К «Полуденнице».

В тот самый год, как хлеба́ дождь залил, в «мокрый год» — приехал в Куймань...

...Все счет ведут — от праздника до праздника, от холерного года до голодного.

Ярмарка.

Облака пыли. Пыльный, как будто посоловелый, пьяный слегка, свет солнца.

Чумазые лица пьяных.

Красный товар (ситца и пр.).

Продажа картин: «Страшный Суд», «Ад», «Старец с медведем».

Лопаты, колеса, кадушки, учебники. И пироги с морковью.

Все выходят, глазают, щупают, не покупают.

Лесной пожар в горах, ночью.

Шершавость в природе.

На сем месте тело погребено,
В 1371 г. земле оно предано,
Магнуса Шведского короля,
Который святое крещенье восприя,
При крещении Григорием наречен.
В Швеции он в 1336 г. рожден.
В 1336 он на престол был возведен.
Велику силу имея и оною ополчен,
Двоекратно на Россию воевал,
По прекращению войны клятву давал,
Но преступив клятву, пока вооружился,
Тогда — в свирепых водах погрузился,
В Ладожском озере войско его осталось
И вооруженного флота знаков не оказалось,
Сам он на корабельной доске носился,
Три дня и три ночи Богом хранимый
От потопления был избавлен,
Волнами к берегу сего монастыря управлен,
Иноками взят и в обитель внесен,
Православным крещением просвещен,
Потом вместо царския диадимы
Облечен в монахи, удостоился схимы,
Пожив три дня, здесь скончался,
Быв в короне и схимой увенчался.

<Рисунок: череп с костями>

<далее рукой Е. И. Замятина> *Разговор солдата и...*

- Дождь шел все, а теперь — обратно. Можно гулять идти.
- Что «обратно»?
- Ну, стало быть — нейдет уж...

Из города-столицы идем.

Господин Х. *так храпел* во сне, что ему комнату никто сдавать не хотел, и жениться не мог. Застрелился.

Пьяный доктор бил себя в грудь и кричал:

— Хочу в Россию! Люблю Толстого, хочу в Россию! *У меня геморрой — и я поеду в Россию!*

(Из-за геморроя сесть не мог.)

Когда я рассказываю детям волшебные сказки — они слушают с удовольствием. Но еще с бóльшим — когда я расска-

зываю о их дне. И поправляют меня — очень оживленно. Так и читатели, им нужен *быт*, сегодняшнее.

Не было папирос, негде достать. И папиросами заменились деньги. Играли. Один кричит:

— Иду углом на папиросу и пол-окурка мазу!

Инженер — толстый, флегма, гиппопотам. *Женился* так.

У знакомых была гувернантка. Ходил, присматривался, по целым вечерам молчал, глядел. Однажды пришел — хозяев нет дома. Она — сидит в гостиной одна, шьет. На столе — «Нива» с приложениями. Стал смотреть, перевертывать. Взял «Парижские моды»:

— Как вам нравится это платье?

Она:

— Ничего.

Перевернул еще страницу.

— А это — нравится?

— Да, это лучше.

— А... вы хотите быть моей женой?

— ?

Вынул часы:

— Сейчас три. Через полчаса я вернусь. Вы тогда приготовьте ответ.

Через полчаса она стала его невестой.

В Хабаровске священнику пришлось ночевать в публичном доме: больше нигде не было места.

К М.

«Я нарочно, сейчас же, в вагоне пишу, чтобы не лгать, чтобы не было никаких рефлексов.

Какая мука была ехать сейчас среди зелени — она вот только сегодня, сейчас вся вылезла. Пахло грибами, весной, еще чем-то. Ехать и сознавать, что вся эта весенняя молодость — должна пройти мимо... А ведь вот — каждая капля этого дождя весеннего могла бы, могла бы быть счастьем. Бог мой, попасть под дождь, промокнуть, смеяться, ощущать это особое чувство милой и веселой жалости — как же не жаль: дождь, все мокрое. Блестят глаза — и смех... Неужели этого никогда не будет? Я исхожу все-таки всё из того же, из гип-

ноза. Чтобы было — пусть это будет и гипноз — нужно мне уйти чуть подальше от смерти, чем теперь».

Психическая зараза.

Заразительность аффективных состояний: заразительны собственные мышечные движения, сопровождающие всякую эмоцию. Заразительность самопожертвования, милосердия, страха, паники, любопытства. «В самом количестве людей, составляющих толпу, есть мощное влияние, волнующее страсти и заставляющее подражать своему соседу». Временами в толпе исчезает сознательная личность, преобладание личности бессознательной, направление чувств и идей в одну сторону. Личность уже не принадлежит себе, она превращается в автомат, управляемый чужой волей.

Толпа все время находится в состоянии *выжидательного внимания*, которое облегчает возможность внушения: первое же, ясно сформулированное внушение, в силу заразительности — передается всем.

В Абиссинии — преимущественно гражданский брак. Церковный — лишь для соединения в будущей жизни. По закону полагается допускать венчание лишь после предварительного 4-летнего сожительства.

На незаконных детей смотрят снисходительно: у дочери Менелика была дочь от простого абиссинца, и Менелик, не стесняясь, но наоборот, с гордостью — показывал ее посетителям.

Для девушки ребенок — никакого позора. Гражданский брак — при особом судье. Развод очень легок, если ребенок остается у матери.

Ан.

— ...Ваш билет?

— У меня месячный...

— Дайте дострадать за веру православную...

<далее рукой Л. Н. Замятиной> Сюжеты:

1. Беженка с 3 детьми: со всеми не убежать, 2-х бросает в колодезь.

2. Солдат оставил дома молодую жену. Пишет с войны брату, чтобы он занялся ею, а то все равно с кем-нибудь спутается. А так, по крайности, из избы сору не вынесет.

«В случае своей собственности, всегда окажусь образованным хозяином».

Молитва.

Избави меня, Господи, от полного разума.

На иконе, на свитке в руках у святого — была реклама швейных машин Зингера.

Выражения:

Эх ты, голова два уха!

Ни тилизнуть.

Раструсной малый.

Головокружение в ногах.

Ах ты, аргутанг этакой!

Ну, спи, не дудукай...

Мокрая, хрида-хридой.

Р. Мальчик в неурожайный год деда спрашивает:

— А что если бы нам научиться, как медведь, всю зиму лапу сосать?

Примета: много грибов в лесу — быть войне.

На Пасху — поп с дьяконом на колокольню влезли, стали звонить, а псаломщику внизу плясать велели.

Породы комаров на севере: ктырь, корамора.

Шурка — птица зеленая с желтым горлышком, острым носиком.

Желна — порода дятла.

Желтопуз — змейка.

Он всем *накапал в мозги*, что он генерал, а правда — даже и статским не был...

Дура петая.

Вполсвиста.

Если женщина вас полюбила — она делает вам любезность, одолжение, бóльшее, чем если бы дала денег взаймы,

а между тем, если она дала вам денег — это не дает вам никаких прав на нее, дает только обязанности. Если же дала больше, чем денег — это дает права на нее. Ну, не смешно ли?

Страхи.

...Приготовил себе горячую ванну: иначе не уснуть. Налил ванну, закрыл, вышел в соседнюю комнату за мохнатым полотенцем. И услышал: в ванне что-то плеснуло, как [птица] рыба. Или будто уж *кто-то* опередил его, сел и пока играет себе. Побежал. Никого в ванне не было, но на гладкой поверхности еще ясно были видны круги — от удара чьей-то рукой. Волосы зашевелились. Долго сидел, смотрел упорно на воду, не было ничего. Но только вышел в другую комнату — снова плеск, тот же, но громче, озорной...

Часы — невидимые, *лишние* тикают в доме перед смертью.

...Утром проснулись с матерью. Глядь: кувшин, полный воды, качается вправо и влево, почти до полу, но не проливается. Так и обмерли. Мать говорит:

— Наверно, Мише плохо.

И правда...

Сюжет.

Глушь. Станция. Жена со скуки играет в карты, а муж — карт не может терпеть. Ежедневно собирались у *Н. Шестеро* играли, а муж оставался вдвоем у печки с семидесятилетней старухой. Печка потухала, старуха дремала... Всегда вдвоем и вдвоем. Кончил тем, что влюбился в старуху. Опомнился только тогда, когда однажды нагнул ее целовать — и увидел, что она спит...

Юж^ать.

«Не южи, не южи».

— Я-то? Все пью... кроме воды.

«Курице просо снится».

...Огромный, толстый — с лицом бэби...

Перестал бриться, чтобы не видеть своей физиономии в зеркале.

«Загнать в бутылку».

Малафей Иванович.

Американка (рассказ).

Гонконг. 2 американки-гетеры в роскошном особняке. Старый почтенный китаец (сын в банке — очень горд этим) — которому платят деньги. «Друзья» и гости, tea party, выбирает сама. В 12 гости, остаются только... Танцы. Огромный камин, тяжелые брусья меди, полена, шкура белого медведя перед, обжигавшего себе то пятку, то голову. Ночные прогулки в авто по Ботаническому саду. Луна, светящиеся жучки, огромные цветы. Для отдыха — на гору на носилках. «Тренерша» — из старых гетер. Бой-мальчик. Днем зной.

— 3-3-3, — гудят жучки.

Офицеры возвращаются домой к утру, работали. В 6 ложились спать — до 9—10, потом обед в grillroom'е отеля и к 12, после «банки» вина — к американкам. Кают-компания «сплавалась». «Аврал». Комичный капитан тоже влюбился трагически.

Тишина, цветной свет, запыленный, орган. На окнах — гербы (<здесь нарисован значок>, олени, щиты, белки, парус). Каплица внизу. Пахнет как в киевских пещерах. Чьи-то (стертые надписи) могилы. Гробница обезглавленного во время Реформации мученика (безголовая фигура), дракон. Снаружи — головы (Данте?) львино-английские.

Англия.

Закон: сечь альфонсов. И секут.

Нравственность и 5 strokes в неделю на ребенка по новому закону.

В Newcastle'е нет докторов-венерологов. Нет в больницах венерических отделений.

— Таких болезней у нас не должно быть, и мы считаем — их нет.

Девушка говорит поклоннику, который зашел далеко:

— O, no, I am innocent.

Вообще, невинность не ценится. Большая часть деревенских женщин — выходит замуж не девушками.

Внебрачные дети — довольно частое явление. Но зато нет в Англии случаев самоубийств девушек из-за потери невинности или внебрачного ребенка.

К обеду подали печеные яблоки на сладкое. Я спросил в шутку:

— На каком дереве у вас яблоки растут?

Не поняла и стала серьезно разъяснять.

Гимн между 2-х канканов (кусочек гимна).

Все наоборот: право и лево, свист в театре, свой шар в лузу.

Чистые пороги и дверные ручки.

Армия спасения. Вечером, часов в 8, полная тьма, дождь моросит. На углу под дождем толпа горланит какой-то псалом. Тут же [2 сидят] двое спорят о Lord Christ — с трубками в зубах.

Эдинбург.

Шпили и башни в тумане, все далекое — не то воспоминание, не то сказка. Замок на утесе посреди города. Солнце как-то всегда за утесом (садится), и замок на фоне ярко-оранжевого неба угольно-черный, резкие черные углы и ступеньки, и зубцы на ярком небе.

Скотчи на плаце, а внизу — солдаты в тесном междуствии учатся стрелять. Мать пришла, тайком от часового бросает Джиму лепешки и зовет его:

— Джим, Джим!

High streets.

Узкие переулочки — панорамы и — восточное.

Надписи: «Little Jack close», «Big Jack close».

Старые дома, лестнички вверх. Шотландские мальчишки-гиды, однотонно сообщающие о казни Марии Стюарт и прочих вещах.

Прекрасная тюрьма.

Красота. *Петрушка* на Princess Street. «Royal Judy...» Герой, бьющий всех палкой. Полицейский, скотч рыжий, негр, женщина. Под конец — скотч <бьет> его. Доктор прибегает. Собака на сцене. Ловец бабочки.

Марсельеза.

Шествие Лорд-мэра в Лондоне.

Ставили в Лондоне (Stage Theater) «Вишневый сад». Вдруг — проектируют: [весь] все — в шубах.

— Но ведь лето же?

— Но ведь это в России.

И все горничные — в русских костюмах.

Здесь, в Stage Theater — имеют право ставить всякие пьесы, без цензуры. Театр закрытый. Здесь, напр., идут «Огни Ивановой ночи», «Саломея» Уайльда.

А вообще — всякий английский гражданин имеет право подать жалобу в суд на любую пьесу или любое произведение, если находит его не согласным с моралью. Так, ведь, было с Уайльдом.

<далее рукой Е. И. Замятина> (Из рассказа С.)

Где-то в Псковской губ. дал займы 100 руб. Через 3 года опять попал туда же. Все тот же сотский. Возвращает долг.

— А я тебя искал-искал, все приходил — отдать.

(Думает: «Вот она — честность!»)

А потом сотский, помолчал:

— *На чаек бы с вашей милости...*

Приходит домой из церкви (прислуга).

— Ну и проповедь нынче была!

— Какая?

— А про чудо, как Иисус Христос насытил *5 человек 1000 хлебами.*

— Какое ж это чудо?

— А как же? Всё съели — и ничего не осталось.

...Было страшно пожать ему руку — как бы не осталась у вас в руках — такая мягкая — из тумана, из тончайшего шелка, из...

В гости ходили «к 86-му г.», «к Гелиосу»: в домах Бельгийского общества — света не было.

Выскочили на веранду дети с игрушечной кухней, стали стряпать.

Письмо:

«Маруся, родная, прощай, прости».

Бабка пошла относить, всех Марий в городе обошла. Так и не нашлась настоящая.

Они втроем шли под руку — было похоже на живую букву Ж.

Как муха, вынутая из варенья: ноги, крылья склеены, жужжит...

Мой муж комиссар,
А я — комиссарша...
Надо всеми он старшой,
А я его старше...

Февральская революция. К роману.

Солдат, которого поставили на часы к пушке у Думы и забыли в суете сменить: двое суток стоял. Народ его кормил.

Бабы на углу Литейного и Невского с *гречневой кашей*: давали из горшка каждому по две ложки. *Матросы* на грузовиках с караваями хлеба — резали хлеб тесаками и раздавали...

В казарме еще происходит ученье. М. прибегает и хватает ротного за локоть. Тот ошалел: как смел вольноопределяющийся? А М.:

— Солдаты сюда идут — бегите!

Тот, даже не скомандовав, убежал. Солдаты остались стоять. А он (ротный) — в казарменной учебной комнате, где, знал, не убьют. И только:

— Ради Христа! Ради Христа!

Другой залез под диван. Третий спрятался в вещевом складе. Его нашли. М. только слышит снаружи совершенно свиной визг: прикололи...

Один вольноопределяющийся рвется со штыком в соседнюю комнату:

— Пусти, я его заколю! Я его должен! — И весь трясется.

Этот вольноопределяющийся — студент-политехник, и тот, которого он хочет заколоть, — тоже студент-политехник.

На улице: уже наставили штыки в живот офицеру. М. отвел, молча, штыки и показал на три золотых нашивки на рукаве — трижды ранен... Оставили в покое.

Какому-то эскадрону под Царским не посылали довольствия — и они стали доставать фураж сами по деревням. Лесная жизнь. На путях стоит цистерна со спиртом — узнали и ведрами носили к себе. Напоили лошадей — *пьяные лошади...*

Без воздуха утро: все черное и белое, никаких полутонов, углы резкие...

Карта. Показывают няньке географическую карту — ее село. Та вспоминает дядю, тетку. Потом:

— Дай тебе, господи, здоровья — все равно, как дома побывала! <1 л. вырван>

Фамилии:

товарищ Хохотай,
Яков В. Феофелатов,
Франциска Фигурилло,
Раиса Филофей,
Паюс Г. П.

У. Купец записывает *приход* в книге, всякий день начинает запись словами: «*Во имя Отца*» etc.

Р. Во время обстрела в Москве девочка записывает в дневник: «*Всю ночь над головой разрывались пушки...*»

Старик-купец до сих пор носит в кармане 70 000 рублей царскими деньгами. Весело. Приехал в деревню, играет на гармошке, поет...

Р. ...Жили полгода в развалинах сгоревшего дома, с ними старик-нищий. По воскресеньям он *уступал им своих клиентов* — и мать ходила побираться. По воскресеньям — пир.

– Теленочек Божий! Ромашечка моя!

А в сердцах:

– Статуй бесчувственный! Идол.

Сюжет:

Приехавшему из местечка еврею (наслышался о НЭП'е) – сдали в аренду трамвайный вагон. Что из этого вышло.

Сюжет:

Анархист, русский уезжает из... в Америку. Притворяется французским крестьянином, который едет к невесте в Америку, дурачком. Нет сил иногда... В казарме ползает по полу, чтоб не увидали его в окно.

Воры: «берданочники» (трамвайники), «голубятники», «кизушники» (квартиры) и «кустари» (неорганизованные квартирники).

Девочка молится:

– Хлеб наш *насушенный* даждь как днесь... А почему не гренки? Почему «хлеб насушенный»? Это же гренки?

Потом:

– Богородица-дево, радуйся... Да ведь я уж радовалась сегодня – чего ж еще?

Р. Красноармейцы стояли в *женском монастыре*. Все монашки, кроме старух, которых уже никто не брал, по-выходили замуж. Одна, самая красивая, дочь купца – за военкома.

Пошли какие-то разговоры, на собрании комиссару ставят на вид, а он:

– Моя жена докажет!

Через некоторое время жена – раскрыла заговор в городе, *захвативший и ее отца*.

Солдату внушили, что *Бог – буржуй*. Сорвал с себя серебряный крест и растоптал (суть в доказательствах товарищей, что Бог – буржуй: «Работает? Нет: сказано в Писании: «Почил от дел своих» etc.).

Разговор в трамвае:

— Сам видел: унесла жидовка из Зимнего 200 пудов серебра.

Топили вора в Неве. Шла мимо старушка, узнала, что вор перекрестился и сам в Неву прыгнул:

— Перекрестился? Ну, слава Тебе, Господи! Раскаялся, хорошую кончину принял... Слава Тебе, Господи...

В Тосно солдат зарезал стрелочницу. Поймали. Проезжий эшелон судил.

— Ты зачем кровь пролил? — и решили его расстрелять.

Тот молит:

— Простите! Жена, дети...

Попросил, чтоб письмо дали жене написать. Дали.

«Дорогая наша супруга Дарья Павловна. Доживаем мы на этом свете свой последний час, как мы осуждены народным судом к расстрелу.

Прощайте.

При сем прилагаю 25 руб.».

Перекрестился, в него выстрелили, свалился. Лежал на боку.

На рынке — облава. Спасаются по трубам и лестницам.

Сапожник.

Теперь — купил часы: «500 лет часам!»

Покупает картины. *Коллекционер...*

Сумасшедший:

Сидел в концерте рядом с гимназисткой. Все как будто ничего, а вдруг — в середине, встает, сделал шиш и шишом обвел всех — первый ряд, второй ряд...

«Когда желание исполнено — возникает желание желаний...» (*«Анна Каренина»*).

Дочь-дочушка.

Голова расскочилась.

Загвазданный.

Хомутаться.

На руку ёрзок.
Нёхаться.

Села:
Иловый,
Б. Хомуец,
Замиртынье,
Голожохово,
Курапово.

Беспортошный.

Солдат-колдун жил с бабой. Что-то поперек ему баба сделала — захотел силу показать. Наговорил пряник, чтоб баба без юбки ходила — дал бабе съесть. А баба домой пришла и дала мальчишке — съел мальчонка и не может портков выносить... Уж старик стал — все ходит в рубахе, в армяке. Летом жарко, армяк скинет, неловко в одной рубахе, потешаются над ним, горится, а ничего сделать не может. Как попробует портки надеть — припадок...

Ехали под вечер с дровами из лесу вдвоем: мужик с работником. Дождь, ни зги — заехали в деревню в избу, на краю. Баба открыла — лежит на печи, рожает.

— Ой, касатики, сбегайте за повитухой!

Страсть, темень, а надо идти. Пошел работник. Разыскал бабку, укуталась, ведет ее под руку. И вдруг в теми — пропала бабка, только слышит работник:

— Буль-буль-буль...

Зажег спичку: колодец... Прибежал в избу один, а баба уже родила, младенец на кухонном столе лежит.

— Ну, хозяин, уронил я бабку...

Скорее запрягать. Рукавицы забыли на столе. Вернулись в избу, а на столе котище — младенца грызет (баба-то без памяти). Сапожную колодку — в кота, а попал младенцу в голову: младенца убил.

На рассвете выехали. Через версту мужики с косами догнали, избили, повели...

Подслушанный рассказ:

Как он, еще мальчиком сестренку *подушкой придушил* (поручили, «чтобы она не плакала у тебя»). И с тех-то пор — всю жизнь...

Наталья Ал. *Чижикова*, вековуша — о браке:
— И-и, вот ишшо: одеяло-то поганить!

У бабы женская болезнь. Она взяла лекарство, которое мужику дано было, а мужик тоже «низом болел» — и лечилась...

«Воспретить *наружное употребление лаптей* и портянок...»

В вагон нельзя было сесть. Положили на носилки — как будто больного — и внесли. Посторонились, потеснились. Тронулся поезд — и встал больной.

...Опустила ресницы — и как туча надела: все — темно, серо.

— Я одно знаю: до своей смерти — я доживу.

На стене у него висел *портрет возлюбленной* в таком вроде *шкафчике* под замочком: отопрет, посмотрит — опять запрет, чтоб другие на нее не смели смотреть.

[Сидел в [ночи?]

В зависимости.

— Как вам прикажете *девочку*: *с разговором* или без разговору?

У него болезнь такая — *толстокровие*: толстеет и толстеет...

Гейне.

Англичанин любит свободу, как свою законную жену, и если обращается с ней не особенно нежно, то умеет при случае защитить ее как мужчина.

Француз любит свободу, как свою невесту, он дерется за нее насмерть, он делает для нее тысячу глупостей.

Немец же любит свободу, как свою старую бабушку.

За Бёрне ходили шпионы, и он говорил:

— Я согласен составлять донесения о себе правительству вдвое дешевле, чем эта бестия, которая постоянно шляется за мною. Может быть, я мог бы даже жить тем, что был бы своим собственным шпионом.

О «прописании человечеству радикального лечения»:

«Если им и удастся на короткое время избавить человечество от страшнейших мук, то это делается в ущерб последним следам красоты, до тех пор остававшейся у больного. Гадкий, как вылечившийся филистер, встанет он с постели и в отвратительном больничном платье — пепельно-сером костюме равенства — станет прозябать со дня на день. Вся проходившая из поколения в поколение безмятежность, вся сладость, все благоухание цветов, вся поэзия — будут вычеркнуты из жизни, и от всего этого останется только Раумфурдов суп полезности».

Ученый медведь.

Вожак приговаривает:

— Ну-ка, Мишенька, поклонись честным господам да покажи свою науку, чему пономарь тебя в школе учил, каким разумом наградил. Ну, как красные девицы белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся?

(Мишка трет лапой себе морду, другой вертит перед рылом.)

— А как баба Ерофевна блины на масляной печь собиралась, блинов не напекла, только сослепу руки сожгла да от дров угорела?

(Мишка лижет себе лапу, мотает головой и охает.)

— А ну, Михаил Иваныч, представьте, как поп Мартын к заутрене не спеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается, и как поп Мартын от заутрени домой гонит, так что его и попадья не догонит? Как бабы на барскую работу не спеша бредут и как с барской работы домой идут...

В келье старица лежит,
Перед ней слуга стоит,
Таки речи говорит:
— Уж ты, старица, встань,
Святая душа, встань,
Скоморохи вот идут,
Всяки игры несут.

Срежу с березы три пруточка,
Сделаю три гудочка,
Четвертую балалайку,
Стану в балалайку играти,

Стану я старого будити:
— Встань, мой старый, пробудися,
Вот тебе помой — умойся,
Вот тебе онучи — утрися,
Вот тебе лопата — помолися,
Вот тебе камень — утопися.

Сюжеты.

Король Альбуин принудил свою жену Розамунду, дочь короля гепидов — Кунимунда (убитого Альбуином), во время пира — выпить из черепа ее отца (черепа обходил круговую). Розамунда, ценою своей любви, подкупила убийцу, который убил сонного Альбуина.

Олаф Тригвессон, норвежский король — насильственно обращал в христианство. Когда один из подвластных ему князей не захотел — велел привязать его к бревну и впихнуть ему в горло змею, которая изгрызла ему внутренности.

— А где будут мои предки? — спросил князь Радбард<?>.

— В аду.

— Ну, тогда я не буду креститься: я предпочту отправиться в ад к предкам, чем быть в раю с презренными монахами.

Датчане явились на Пасху ко двору императора Людовика XII, крестились и получили белую одежду. Их было слишком много и приготовленных одежд не хватало. Людовик приказал изготовить наскоро одежды из простынь. Один князь, получив такую одежду, закричал:

— Я уж тут *девять раз крестился* и всякий раз получал прекрасное белое платье. А этот мешок не годится для воина. И если б мне не совестно было идти голым — я бы запустил тебе в голову этой тряпкой вместе с твоим Христом...

Древнегерманские стихи — с рифмой в начале.

Саги: бургундский цикл — Гунтер, Брунгильда, Зигфрид; остготский — Эрманрих и Дитрих Бернский; датско-норманский — *король Аттель* и Гудруна;

ютландский — о Беовульфе;
ломбардский — короли и герои Ротер, Оттон I.

Штрафы: если погладил у женщины кисть руки — 15 шиллингов или коров; если руку выше локтя — 35 шиллингов или коров; если грудь — 45 шиллингов или коров.

О женщинах.

Одна маленькая похвала женщины для меня дороже целого дифирамба со стороны мужчины (М. Горький).

Женщина — источник великого зла (Сократ).

Магомет говорит, что женщины не попадут в рай. Он был уверен, что рай не был бы раем, если бы всякий встретил там свою жену (Гейне).

Женщина обещает всего одним способом сделать нас счастливыми и 30 000 способов сделать несчастными (Гейне).

Ядовитые змеи — как женщины: чем старше — тем безопаснее (Брэм).

Живя с женщиной, нельзя выехать на одном только почтении да уважении. Женщине прежде всего кровать нужна (А. Чехов).

Женщина — это ось, вокруг которой движется зло (Золя).

Самая трудная война, которую я вел, — была с супругой моей Олимпией (Филипп Македонский).

Без женщин мужчина сравнялся бы с богами (Цицерон).

У чужой жены — никогда не бывает мигрени (Аминадо).

Еще вопрос, воскреснут ли женщины в день Страшного суда, ибо можно опасаться, чтобы они нас не искушали даже перед лицом Господа (Бл. Августин).

Женщины — самые красивые из птиц на земле (Мюссе).

Низкорослый, узкоплечий, широкобедрый пол мог называть прекрасным только отуманенный половым побуждением рассудок мужчины: вся красота женщины и кроется в этом побуждении <Шопенгауэр>.

Переписываться с красивой женщиной — так же глупо, как переписываться с страсбургским паштетом (Гейне).

Счастье мужчины выражается в словах «я хочу», счастье женщины — в словах «он хочет» (Ницше).

Женщины либо ни о чем не думают, либо думают о посторонних вещах (Дюма-фис).

Женщина — единственное незаконченное творение Бога, который предоставил мужчине завершить Его дело (Дюма-фис). <9 л. вырвано>

Украина.

Звуки:

Аисты на крышах. Щелканье клювами.

Сверчок в сенях хаты. (Хата и «хатина»).

Кузнечики вечером на лугу.

Горлинки с утра.

Лошади фыркают ночью на лугу.

Шовинизм.

Новые слова. Экзамены. Уход интеллигентов. Украинская писательница.

Куркули.

Как сход — так «пожар»: сход сорван.

Церковность etc.

Письмо: «С безбожным приветом».

«Катехизис безбожника».

«Значит, боги есть, если их прогоняют...»

Восстания etc.

Из деревни в деревню — сигналы крыльями ветрянок. Колокольный звон.

Дети.

Когда Мишку целуют, он вытирается:

– Терпеть не могу, когда девки целуют...

Девчонка:

– А в морду хошь?

– ...Еще жалеет меня! Не хочу!

Махновцы.

Женщина спокойно рассказывает: «Махновцы немного пожгли меня каленым железом за то, что братья были в Красной Армии».

Милый разговор.

«Велят мне вас повесить – зажмурюсь, а все-таки повешу».

«Что делается по декрету, а что – по секрету...»

Старушка:

«У нас индивидуальное хозяйство...»

«*Архиерей*» – заведующий брачным столом.

Закон: белить печные трубы.

Кулак:

Японец и мужики.

Церкви – [нрзб] завод. Церкви пусты. Это наиболее забытые, заброшенные уголки. Там нет [нрзб].

12

<2-я стр. обложки: левая колонка>

Дворецкий говорил:

– Помните, что метла существует не только для того, чтобы поднимать пыль.

От формалистов пахнет формалином (запах анатомического театра).

Исследование и следствие.

Поглупел на одну истину.

30.XII. Щербаков
Абрам Иононович Дыховичный
276-70.
Остоженка, 1-й Обыденский, 5, кв. 5.

Ольга Матвеевна Лурье
367-15.

Максим Юльевич
станция Манино.
служебный 450-88.
домашний 450-89.

Э. Б. Хатерман [360-67].
504-29.
Мясницкая ул. 15, кв. 23

<3-я стр. обложки >
Сухум.
Драндовское шоссе, кв. Арчила Хуциева.
Тамара Г. Демурова.

Тифлис,
Пасанаурский пер., № 12

Полонский. На литературном фронте.

Н. Осинский, «Правда», 1922, № 25.

В. Переверзев. «Печать и революция», 1923, кн. 4.

Е. Замятин! Художник слова <на корешке вырванного листа>.

Казенин. Материализм культуры.

Блат.
Новичка встречают в камере возгласом:
— Дунька, ставь самовар, — и начинается потеха...

Пошел к бабам в гоп на росстанную...

Стрельнул *по ширме*, но неудачно...

Нажил «*колеса*» из хрома, на ранту.

В камере играют в домино «без интереса»: проигравшим «забивают козлов».

...Подняли койки. Серая парусина коек заклеила стены камеры. Отделенный крикнул из коридора:

— Завод, выходи на работу!

В камере остались одни «*филоны*».

Шниффер (специалист по кассам).

«*Велосипед*»: спящему между пальцев ног засовывают бумажки и поджигают их.

Картежная игра — в «буру».

Арестант, который не хочет выйти на волю — пересидел срок.

Игра в «*овсянку*» (бьют по рукам).

«*Грач, понт*» (мелкота).

Дурак, из-за шмары готов *скурвиться*.

Хорошего фрайера зафаловала.

Лягаш! Ссучился!

По *наклепу*.

Лох — новенький.

Помыть (обчистить).

Мишка.

Те, кто раньше ютились в Хитровке, ютятся в пустом вагоне на запасном пути. Топили вагон подбивкой, которую

тащили с букв соседних вагонов. Смазчики приходили и колотили железными прутьями. А иногда в сильные морозы эти же смазчики приносили угля и куски хлеба...

...Спали, спорили, пели, играли в карты, нюхали «марафет».

«*Батя*» — 12-летний, всеми уважаемый вор-рецидивист. Кокаинист, пьяница, распутник. Глаза с расширенными зрачками: уже нанюхался. Вынимает порошок, вставляет в ноздрю мундштук от папиросы — и втягивает... Он — с голодного Поволжья. Сегодня сорвал каракулеву шапку с раззевавшегося пассажира — достал «марафету»...

И — Мишка. Тоже мальчик. Робкий. Боится воров и «*лягавых*». Он сбежал из приюта (скучно было). Лепит из глины людей, животных. Любил говорить о своей работе — особенно ночью. Все мечтал, что поедет в Крым, вылепит там голую бабу выше себя ростом, продаст за три червонца, а потом будет жить и лепить мелкие вещи — по полтиннику.

Swap.

Вещество.

— А я тебе вот какое вещество скажу.

«*Куманьки*».

Яблоки: воргулек, питим, оранка (с ветки не сорвешь), бабушкино.

От засухи: духовное лицо в воде выкупать. Бабы поймали дьячка Афанасия (длинный — как георгиевский) и выкупали его в сажалке — как он ни отбивался.

Троекуровский монастырь.

Игуменья Херувима — бывшая «сборщица» — стала опять женщина легкая. У нее — сын, живет у фруктовщика Егора Иваныча.

Агния, 23 лет, «заболела». Мечется, как в огне. Оказывается (когда доктор всех выслал из комнаты) — «он» ее бросил.

С женой развелся, но все еще любит. Привозит в город с собой женщин, по главной улице.

Доктор, коммунист 18 года. Заболел: цирроз печени. К нему стали ходить изековские монашки. Выздоровел, икону повесил, лампаду зажег...

Спиртовая история.

Доктор выписал 25 ведер спирту, по ордеру военкома: «Для удовлетворения потребности пулеметов и для чистки машинок». Везли с 12 конвойными, погрузили к доктору на ледник, поставили часового. И зажил доктор роскошно: лучший из реквизированных фаэтонов, лошадь. Потому что Подк. и другие к нему постоянно <приходили> с ордерами — на бутылку, на две. А доктор доливал водой. Пока не кончился спирт. Тогда устроили у доктора обыск, отобрали вещи. Затем письмо от начальника политотдела — явиться немедленно к нему на квартиру. Явился. Там — трое...

— В преферанс играете?

— Играю.

— Садитесь.

Сел. Закуска, чай — на отобранной у него скатерти, варенье — его, ложки — его... На третий день выиграл и с собою домой унес сестрины платки и еще кой-что...

Три протопопа: все сами устраивают себе *проводы* — и опять возвращаются.

Помещица сделала заявление, что дети прижиты ею *от кучера* Степана, — нарочно — чтобы избавить детей от позора быть дворянскими детьми. Дети поступили в ВУЗ'ы.

Поила детей из самовара, в который подсыпала *бразу*, чтобы спокойнее спали дети.

Хотел освободиться от призыва. А парень — косяя сажень. Доктор освободил его по 1-й статье: *идиотизм*. Согласился.

Мощи вскрыли. Картон, под ним вата, под ватой — пергаментная кожа... Слухи, что по ночам ходит святитель кругом монастыря...

Стефан Бол. сидит на пчельнике в кресле. Выводит цыплят под мышкой. Воробьев вытаскивает из-за пазухи. Сослан был в село Телепнёво.

В 12 дня пришли, *записались*. А в 4 — перед самым закрытием — прибежали, ругаются.

— Желаем *расписаться* обратно.

— Можно...

«Бюджет».

«Цындра».

Срезь. Срезёк.

Донос о том, что у учительницы — сифилис<?>. Вызывают на освидетельствование.

...Пошел краткий предосенний дождь. Некрашенные *вороты* намокли и *потемнели*...

Небо облачное. Солнце мигает — *петухи перекликаются* — разговор между ними на своем петушином языке.

Корёць

Окомéлок (веника)

Кострика

Гундосый

Стёжка

Груша — «глива»

Яблоко — «мирончик»

Дуни — девки в чунях

Паханое под пар поле. Виден широкий — с косыми линиями — след ободьев трактора. Проволока гудит. Солнце прилегло на край, лучи прохладные, и под этими лучами вспаханная земля — совсем *рыжая*.

Монастырь.

Гостиница монастырская разоренная, один скелет. Еще висит балкон. Напротив — кирпичный щебень от другого здания. Между церковью и кельей игуменьи — молотят рожь крестьяне. Шум, шутки, веселье...

Послушница Поля. Груды прут упруго, глаза веселые, бойкие, черные.

— Жить трудно. На всё добыть надо — на одежду-обузу, на прокорм. А занятия какие ж? Кружева плетем, шьем, ковры — тоже...

Как келья опустеет, умрет монашка, переселяется в келью кто-нибудь из села, предварительно сжегши свою избу (чтоб оказаться бездомным). Так мир постепенно прорастает в монастырь.

4 часа, вечерня. Черные фигуры бегут в церковь. Одна — согнутая, с клюшкой, как Серафим Саровский.

Пещера, где почиёт «батюшка». Серебряная рака. Монашка открыла покров, ловко пододвинула тарелочку для «даров».

Бабушке Улите 107 лет. В 100 лет ослепла. Год лежит. Руки мумийные. Чистая холщовая сорочка, легкий детский запах от бабки. Сдвинула с слепых глаз платок вверх — мухи облепили ее веки — она не чувствует. Один глаз распух.

— А это встала я помолиться — только у меня теперь и отрады — а мошकारа какая-то и ужалила... Да, вот другим-то Господь дает — поболеют да и преставятся — а я все живу... Дочке у меня 78 лет... Пошли вам, Господи, скорости, спорости, смиренства во всех делах ваших...

В домах на притолоках *накоплены кресты* четверговой свечой.

На ярмарке:

— *Квас* не ручной — *механический!* Побожиться не грех!

— Паша, не будь сукиным сыном, будь человеком, а я тебе пригожуся... — (Пьяный — трезвому.)

Баба несет поросенка в мешке, а чтоб он так не визжал, [гладит] чешет ему за ухом через мешок.

Дама рассказывает сон:

— Вижу, — г'рит, — вроде белого, ростом с человека, чуть поменьше. И будто Миша подходит, отколупнул с краю кусочек и ест. А наутро все в точности так и есть: гляжу — у Миши *скарлатина*...

В Сочи вывеска:

«Портной *Т. Голубчик*».

В списке постояльцев фамилия: А. Г. *Лимонад*.

Охотничьи рассказы:

Один уж совсем заврался.

— Медведина здоровый, на задние лапы встал и прет. А мой сосед из одного ствола — раз, из другого — раз, промазал из двух в пяти шагах. Так медведь поглядел на него, *плюнул* ему в физиономию и назад пошел...

От четырех до *пятёх* часов.

Сапожная мастерская «*Венера*».

Грузинские

Чемо генацвале

Чэмо кáрго — my dear

Патара дао

Ме шен михвархар — I love

Сагамо швидобисад — good evening

Дылам швидобисад — добрый день

Хо — yes

Ара — по

Ме минда гáкоцо

Ребенок — другому:

— А ты *диванову* ногу ел?

Не бухгалтер, а прямо *вождь* (М. Кольцов).

Бараниха:

— Ничего! Живы-здоровы будем, все порем, — (утешает).

Немец:

— Боюсь домой поздно вернуться: моя жена нынче *не* удобренная.

— Я — можно сказать, отпущенный козел. — (Козел отпущения).

Фамилии: Чугурин

Мисс, Юрий Юрьевич

Ветер, Андрей Иванович, флигель-адъютант

Секторин
Сережечкин
Подчуг Ной Ноевич
Морисон Дюверко, «лирический артист»
Дюжева-Храпихина, Татьяна Тимофеевна
Мурзалимов
Мулюкин
Муровкин
Незым
Ошуркин
Ордуханов
Олохов
Павильонов
Передбогов
госпожа *Фон-Моль*

Хохол — в вагоне, на Украине:
— Мистность какая замечательная, приятная! Недаром
здесь была *Полтавская битва*.

В Алуште — 1919 — при белых однажды в июльский вечер
была получена телеграмма:

«Одесская обсерватория уведомляет, что завтра в 12 дня
наступит *катастрофическое повышение температуры*, кото-
рое может дойти до того даже, что вода в море закипит. Пред-
лагается запастись пресной водой и к указанному часу по
возможности загнать в погреба всю живность, а также спа-
саться в погребах и людям».

И пошло писать...

{Роман скоропалительно кончается... «Добродетельные»
женщины — гибнут.}

В 6 часов все ходили за почтой. На почте в тот вечер было
наклеено объявление.

Все было возможно: офицеры грабили...

NB. *Бред*:

Будто насквозь продета *известковая палка* — через все
тело.

Ленты колышутся.

Будто лицо стало маленькое — с орех. Испугалась, ощу-
па-ла: да, так. Попросила зеркало: нет, как всегда. Лицо, как лицо...

Фамилия: *Морцинкер*.

На стеклянном входе в ресторан надпись:

«Вход в антре».

«Креслых дел мастер».

Сюжет:

Русская Федра. Деревня, мачеха, сын — она его любит. Отец умирает, разыгрывается роман между мачехой и пасынком.

<Этот сюжет, вероятно, записан в темноте; 1 строка нрзб>.

Ж[нрзб].

Спал на [нрзб].

Бабушкин [нрзб] под этот же [нрзб].

Плюкин имел 2 детей. [нрзб].

Семочкин дает на главное 700 руб.

Ж. решил пере[нрзб] на [нрзб] в «беспроцентный кредит».

Плюкин пошел к казначею. Казначей прогнал.

Потом пришел [Плюк?] Ж.

Ж. вечером пошел к Плюкину.

Плюкин обедал — салфетки.

У Ж. — башлык.

Двести чертей [нрзб].

«[Нрзб].Х.» полк (цвета околышей: белый, синий, красный, черный).

В [нрзб] церкви обедня [нрзб] «Чернявый». Купец Туркин.

«Честь [нрзб]». Капитан Богданов.

Война. Артиллерийский обстрел; г[нрзб].

Кашляет. Говорит о себе:

— Да некогда было, так запустила, что там, в легких, *прямо* *мышы завелись*.

Зимнее утро: березы, каждая веточка будто в стеклянном футлярчике.

Она говорит:

— Не вмешивайтесь в кофейник. — (В разливанье кофе).

— Он упал передо мной *плашмя на колени*.

— А знаете ли вы, что есть такие не в высоких чинах угодники Иоанн и Спиридон (12 икон), которые в гору пошли только потому, что в этот день Екатерина I ухлопала мужа. Отслужили им молебен, а потом написали акафист — вошло в моду. То есть ихняя жизнь очень от нас зависит, от людишек...

Р. (1918).

Запеканку на сковородке резали на четыре части, и он (самому стыдно было) брал себе ту часть, где (он знал) есть на сковородке вмятина — там застрял лишний крохотный кусочек.

Р. (*к роману*).

...Сказали, пусть поставят им спектакль. И дети, у которых мать сидела в тюрьме, ставили им спектакль. Даже весело им было: обещали за это мать освободить. После спектакля С. сидела у окна, все глядела на дорогу, по которой мать [могла] *должна была* приехать. Все нету. Уже стемнело: нету...

После спектакля *гости* улеглись спать, кто где. Трое залезло в их огромный бельевой шкаф в коридоре и расположились на полках...

Деревенский парень, гармонист. Играет кадрили — сыграл первую фигуру и только разошлись на 2-й — он перестает, гармонь в сторону:

— Целуй меня, девки, каждая по разу — тогда стану играть. Целуют.

Фамилии:

Беззубиков, Василий

Бибичков

Блябликов

Бордюг, Иван Кириллович

Бот, Иван Яковлевич

Буб, Федор Антонович
Дамдун
Ефатов
Какаулин
Наугольный
Почечуев
Самоцвет, штабс-капитан
Самылкин
Сапелкин
Сегодняк, Владимир Николаевич
Сентюрин
Скок, Натан Павлович
Скропышов
Сливкер
Столпаков
Стрепулин
Стрикулист А. Ф.
Сцепуро
Сюцян
Тарабакин
[Тарантаев]
Тетяев, Михаил Михайлович
Тиран
Трандафилов
Триполитов
[Туголин]
Турыгин
Тутолмин
Тюлелаев
Тюрюков
Тыквин
Устюкин
Фанталов
Фарафонтов
Фаянс
Фертик, Ида Григорьевна (зубной врач)
Чепчиков
Чечик
Чефранов
Чиморин
Чмырев

Штро Г. Г.
Шубаев
Шугрин
Шуеников
Шурыгин
Щепников
Щёлкин
Элефант, Антон Петрович, биржевой маклер
Эфиоров
Юматов
Юрга
Юстус
Юферов

Сразу *полдень* навалился на землю.

...Вся в красных лохмотьях и лентах — *как шаман* — *вста-
ла заря*.

...Целую неделю стояли жара и сухмень. По утрам *заря* вста-
вала неприкрытая ни единым лоскутком облака, нагая и наглая.

...*Шина лопнула! Проклятая буржуазия.*

(К комедии.)

— Нет, нет, нет! Я ничего не слышу! — (Заткнула уши).

Он:

— Тогда придется пойти к нему.

Она (все еще с заткнутыми ушами):

— Что? Пойти к нему?

К комедии.

— $2 \times 2 = 4$, — как сказал Фридрих Энгельс...
как сказал Маркс...
как сказал Зиновьев...

Мальчик:

— А я сегодня *вокзальные деньги* видел...

— Какие вокзальные?

— А Николаевский вокзал знаешь? Ну, так — Николаевские
вокзальные...

У коммуниста начал болеть живот, очень плохо. А бабушка, которая ему каждый день завтрак давала, говорит:

— Мой грех, мой грех... Я когда яйца тебе варю, так дважды «Отчу» читаю, чтоб во смятку сварить, а тебе это на вред идет — «Отча»-то...

Рѣпин — Рёпин.

...Сидят *смертники*. Китаец приходит к ним в камеру и продает *шпору*:

— Кто хочет жпору? Кому жпора дешев?

С дикой яростью свирели
Провожу я параллели
Жизни гнусные своей...

Фельдшерница таскала из больницы вату — хотела пальто сделать. Сшила. Вышла — дождь. И домой не дошла; на улице свалилась, еле прохожие на извозчика усадили: вата была *гигроскопическая*, и от дождя пальто стало весом пуда в три.

Ш. вез *гречневую крупу* в набрюшнике — стеганом (крупою). Сидел в одноместном кресле II класса с подлокотниками. И вдруг — надо встать — не может: перед ним колени пассажира, а вверх — крупа сыпалась вниз, зацепила за подлокотники и держит.

...Выпил стакан, другой, третий. Буфетчик говорит:

— Да что ж вы, гражданин, так, без закуски? Вы бы хоть вот булочку взяли.

Гражданин взял булочку, выпил еще, потом только закусил булочку — и упал. Поднимается — и буфетчику, с упреком:

— Вот она сволочь — булочка-то ваша!

Митрополитпросвет.

В трамвае едет пьяный мастеровой. Напротив — нэпман, очень щеголеватый. Рабочий пристально глядит на нэпмана. Потом:

— Ах, красавчик ты мой! Ну, и хорош! Одни сапожки чего стоят... Эх, ты милый... — Пауза. — А погоди, уж и бить же мы

будем вашего брата, сволочей! Прямо... в плюшку вас всех... так вашу так!

Пауза. Нэпману хуже всех. В трамвае ждут. Пьяный встает, покачивается, к нэпману. Ну — сейчас в морду даст.

— Ну, мне выходить сейчас... Так уж я тебя напоследок... Может, и никогда в жизни уж больше тебя не увижу — так дай я напоследок тебя расцелую... милый ты мой!

Нагибается, чмокает нэпмана раз, другой, третий... Весь вагон умирает со смеху...

Яков Григорьевич.

Он, кланяясь, показывается в двери — лицо почти горизонтально...

— Посмотрите печку — прислуга ушла.

Смотрит, докладывает:

— *Собственно говоря*, ближайшее полено почти рассосалось или, точнее сказать... — Немного погодя: — Яков Григорьевич, не пора ли закрывать?

Яков Григорьевич:

— *Собственно говоря*, по-моему — вид злокаженный.

Он о самых простых вещах говорил очень мудрено.

...С голоду на 2-й день стал сосать ремень от пояса.

«Со стороны припеку» (вместо сбоку припеку)...

«Мы так тоскаем, так тоскаем по России».

«В бандитах сын *служит*».

[*Черные толстые очки на носу — оглобли за уши — не очки — упряжь.*]

Родить *ежа против шерсти*...

Лев-мужчина, брюнет и палка с пятью серебряными вензелями.

Бывший.

Тонкий, сухой старичок, серебряные волосы. Чистенький. Был в ссылке, теперь — учитель музыки.

— Я прихожу — и они говорят: «Учитель музыки». Это я — учитель? *Imaginez-vous?* Там было ужасно... *Sauvez-vous ces vishi* везде... *partout*... Вот теперь после всего — вдруг нос у меня стал красный... *C'est affreux*.

Приходит в гости, обедает, ложится спать, его укрывают теплым пальто. Потом встает и начинает играть Шопена, Листа — играет чудесно. Потом ест кисель, опять ложится спать, снова играет. На нем — куртка, пестрая, коричневая:

— Это мне Шереметева сшила из теплой юбки [*сшила*] — *passez-moi le mot*...

{12 георгиевских кавалеров, 2 сестры [нрзб].}

В империалистическую войну мобилизовали и отчислили в *трофейную комиссию*: художник. Баржа трофейной комиссии — агитационная. Ездили по водным путям (баржа текла, сыро), произносились речи, опрашивали героев войны, В. делал их портреты, А. опрашивал их о подвигах — записывал. Начальник экспедиции — генерал Селиванов, большой любитель молоденьких барышень и дам. Где-нибудь вечер в полку трофейной комиссии, продает билеты такая молоденькая, генерал прилип, не отходит. А потом мигает пальцем В-му:

— Портретик с нее — пожалуйста...

Тот, нижний чин:

— Слушаю, ваше высокопревосходительство!

Делает портретик, который потом подносится даме. А генерал — пальцем А-ву:

— Стишок, молодой человек — [вот] для этой дамы.

— Слушаю, ваше...

Однажды — по Волге, буксирует полупассажирский казенный пароход. На нем — *Муза* — дочь предводителя дворянства с женихом, красавица: генерал, как увидел — прилип. Призывает В-го:

— Чтоб до Казани — стишок был готов.

В., художник — рот разинул:

— Осмелюсь доложить, ваше...

— Что-о? Мал-чаать!

Делать нечего... А с А-ым В. был в ссоре (из-за Музы?)...

Но что же генерал:

— Глаза и руки — только мне и осталось...

Генерала перешиб капитан Ш.: он действовал с Музой решительно — как в бою. И скоро В-го зовут к капитану: он сидит, обняв Музу, перед ними вино. Капитан:

— Ну, рисуй нас так для трофейной комиссии...

А В. влюблен в Музу...

[Капитан] Военский начальник:

— Разве это поэзия? Вот мне слуга его высокопревосходительства *звездочку на небе показал...*

В Тамбовской губ., в Кирсановском уезде антоновцы разбитые спасались *скифским способом*: они ушли на речку, держались под водой, дыша через тростник. Преследовавшие прошли, не поняв, куда ж они пропали.

«Коробочка» — возродился сам собой «вагенбург»: антоновцы составляли в каре повозки и защищались.

Лошадей кормили только *овсом*, больше не было ничего. А от одного овса — у них получился понос ужасный. И вот шли карьером от Варшавы, и весь путь был...

[*Расстреливали проворовавшегося солдата*. Он, было, на колени... Расстреливавший крикнул:

— Как стоишь, когда с тобой командир говорит? Революционной дисциплины не знаешь?

Тот забыл страх, вытянулся. Тогда Криворучко выстрелил в висок ему из штуцера...

В извозчичьей чайной — объявление:

«Граждан, которые берут меньше двух порций чаю, просят *не разуваться*».]

Сюжеты:

1. Двое (коммунистов) расходятся. Уходит она, он любит еще. Делят имущество — она укладывается.

— Возьми еще простыню, тебе нужнее...

Доходит до любимых книг — и только здесь начинается ссора: книг не хочет уступить ни один.

2. *Шпион.*

Человек прячет от других то, что ему дороже всего (письмо?). Другие это увидели, думают, что он — шпион. Тайна открыта, человек от стыда — —

[3. Грузчик.

Женщина, красавица, образованная — из бывших, замужем за интеллигентным коммунистом. Он чем-то (тело) не удовлетворяет ее. Встретилась с коммунистом — грубым, четырехугольным, бывшим грузчиком-ломовиком. Муж уехал в командировку. Она сходится с грузчиком, он живет в ее комнате, он околдован зелеными глазами. А она — когда страсть сыта — смотрит на него и —:

— Как ты груб... Зачем ты носишь...

Он — необразован, нелеп.

— Уйди: ты говоришь... ты не знаешь, какие смешные, непозволительные вещи ты говоришь. Тебе надо учиться...

В грузчике — все время борьба: любовь — и ненависть, оскорбленное самолюбие — и поклонение.

Муж вернулся из командировки. [Застал. Волей-неволей]. Она уходит к грузчику. Продолжается все то же. Грузчик, чтобы вылечиться от нее — женится. Она возвращается к мужу(?). Грузчик застаёт ее(?). Потом проткнул ей глаз, изрезал, изуродовал лицо, грудь. И теперь живет с ней. Суд...]

Лошадь.

Сын уходит в партизаны. Отец хвалит, мать жалеет. Но... сын хочет взять с собой лошадь. Ночью отец убивает сына.

«Примите наше широкое русское мерси!»

Эпизод из войны с чехословаками.

Урал, станция Шалы. Гора, лесок, площадь, железнодорожная станция. Отряд выступает; «для духу» — оркестр провожает их версты две. Оркестр ушел. Командир:

— Вперед — шаго-ом... — и «марш» сказать не успел, как откуда-то: та-та-та...

Большая часть бросилась бежать, осталась только кучка балтийских матросов, поставили [за вагонами] пулемет, кричат своим:

— Стой, стой!

Куда там! Все побросали: и обезьян (заплечные вещевые мешки), и винтовки.

Ушли горой. [А на станции уже паника.] Добежали до следующего железнодорожного разъезда, требуют поезда.

Начальник станции отказал:

— Продовольственный поезд навстречу идет.

Пешком пошли. А уже ночь. Черноморские матросы остались, с револьверами:

— Давай поезд! Ты с белогвардейцами! Никакого продовольственного нет, врешь.

Взяли поезд, поехали, разогнали (едут, слышна пальба). Через 5—6 верст — налетели на продовольственный. Это — между двумя горами, поезд — по высокой насыпи. Свалился вниз, смешались люди, мука, консервы, лошади... Горит.

Это зарево увидали издали те, кто шел пешком...

— Ну, взяли белые Шалу и разъезд... Прибавь шаг.

Крутили-крутили ночью в лесу, нашли сестру милосердия...

Под утро — какая-то деревня, видны коновязи. Должно быть — белые. Бросают жребий, кому идти узнавать. Уговорились: если наши — дойдет и махнет платком. Если нет — нет...

Состряпали себе из палок вроде как бы винтовки, легли цепью. Разведчик дошел, видим издаля — разговаривает, а платком не машет.

— Белые! Попробуем нахрапом — на ура!

Крикнули:

— Ура! — И с палками на них...

Оказалось — разведчик от радости, что свои, забыл о сигнале. Бродили всю ночь, и с другой стороны пришли к той же Шале...

Горели вагоны. Единственное спасение было — проскользнуть под горящими вагонами — впереди жарили из пулемета...

Сюжет для рассказа: (Южум)

1905 год. Завод. Прокламацию приносит шпик к заводскому приставу. Тот приказывает — не дослушав доклада:

— Поставить засаду и задерживать всех, кто придет в это помещение, где была прокламация.

А прокламация была в заводской уборной. И вот — задерживают всех...

Северные идиомы:

«Одежду на себя *класть* хорошую нельзя — пропадет...»

«Ты что это на стол *полагаешь*? На полку надо...»

Посудина начала *кланяться* (килевая качка).

Старик на пристани (показывает на парня-комсомольца, заигрывающего с девками):

— А потому что я за Таней, и Таня за мной, сорок лет живем, а этот — норовит как бы сорвать да в кусты.

Фельдшер:

— Мягкий шанкр в 8 дней, будьте спокойны!

— Вижу, выходит что-й-то такое *обозначительное*.

«Видхідник чоловічий» (отхожее место для мужчин).

Мастерская «Сам-труд» («Сам тружусь»).

Немка:

— *Боже ты мое!*

Хозяин боится, чтобы гости не засиделись. Все выглядывает в окно:

— Ах, ночь-то, ночь-то какая! Вот в такую погоду ехать приятно! А? (Священная деревня).

На почте.

Дама оборачивается, за спиной у нее стоит еврей, смотрит через плечо, как она пишет. Дама сердится. Он:

— И что вы думаете, очень мне интересно читать, что вы своего дядю благодарите за присланные деньги?

Про *Каблукова*:

— Иду я мимо губернаторского дома, гляжу — на термометре 11. Ах, думаю, опоздал: ведь у меня лекция в 10!

— ...Вот пробирка, и вот — видите — в пробирке беленькое чернеется...

— Вы возьмите пробирку, — говорит по телефону, — и хорошенько взболтайте, пока жидкость... — болтает телефонной трубкой. — Не слышите? Да я же говорю: вот так — взболтать, — опять трубкой...

Анекдоты:

Сара идет к зубному врачу, надевает шикарное *dessous*.

— Что ты? Зачем? Ведь ты же к дантисту идешь?

— А разве ж я знаю? А может быть, он нахал?

Актер Х... пришел в булочную... Портрет.

— Это — Филиппов?

— Нет...

— То же — булочник?

Зубной врач и актер.

— Видели?

— Простым глазом — нет, в бинокль — видел.

Половина обезьян в Зоологическом саду...

— А мы знаем, кто ты...

В детдоме — портреты.

«Местами» (любит Сара? Абрама?).

Сюжет:

Вождь, который посылает на смерть других, потому что он не имеет права жертвовать собой; его совесть...

Сюжет:

Человек, для которого мир — чертеж, — и человек, для которого мир — чувство, красота.

Сюжет:

Отправляется экспедиция в полярные страны (на Маточкин Шар). Экспедиция Пушторга. Там [есть] построена радиостанция, нужно привезти радиотелеграфистов. Наняли одного, другой — не находится. Наконец, пришел — жалкий, заваливающий.

Прибыли на место. Первый радиотелеграфист скоро умер. Второй — единственная связь станции с миром, и он чувствует себя владыкой. Из жалкого он становится наглым. Он берет себе лучшую пищу. Он заставляет жить с ним жену начальника экспедиции. Все его ненавидят. Составляют против него заговор. Но убить его — быть отрезанными от мира.

Весна. Ждут парохода. И когда вдали показывается пароход, радиотелеграфиста убивают — жестоко, зверски.

Сюжет:

Ребенок вырос в годы революции. Он хочет идти в пионеры, не верит в бога. Семья живет по-старинному, крепко. Он уходит из дому — беспризорный — «дайте копеечку!».

— Вы думаете, я буду жить в вашем детдоме? Черта-с два! Убегает отсюда. Путешествия. Это — анархист.

— Нас скитается 35 000.

(«Вечерняя Красная Газета, № 92, 3.IV.1928).

Сюжет:

Он и она — идут ночью. Идиллические разговоры.

— Руки вверх!

С него снимают шубу, часы, деньги. Ее — не тронули. После этого он возненавидел ее.

Сюжет:

Привезли женщину на медицинский пункт. Акушерка уехала за десять верст на роды, доктор болен. Милиционер не хочет принять больную:

— Нету никого, бестолочь! Не я же тебе рожать помогать буду!

Мужик все же оставляет бабу. Начинаются схватки. Милиционер (небритый, в щетине) все уговаривает ее «подождать», «потерпеть хоть немного». Как же тут потерпишь? Баба рожает. Милиционер, засучив рукава, принимает ребенка.

В.[Каменский] читает лекцию «как надо жить» и ломает на голове доску. Иллюстрация, как надо жить.

Бывший князь Х. Во время войны из Пажеского пошел в уланы. В октябре полк перешел на сторону большевиков. Тогда был особый *полковой патриотизм*: офицеры не бросали полка ни при каких условиях. Так Х. оказался в Красной Армии. Красив, особенно — руки: женщины влюблялись в его руки. Одевался поплотше, чтобы не выделяться — и выделялся еще больше. Началась чистка комсостава. Х-у некуда было деваться, кроме армии; ничего другого, кроме лошадей, ремонта, строя — не знал. Стал думать, как бы уцелеть. Ему предлагали записаться в партию. Страшно: при опросе вспомнят, что он — бывший князь. А между тем, с полком — уже красным — сроднился, уже пропитался всем. Однажды получает бумагу из штаба — явиться.

«Ну — конец: вышибут...»

Нет: назначили ремонтером.

Рассуждения о необходимости «обновить кровь»: нужно улучшать человеческую породу так же, как лошадиную; ему — князю — нужно жениться на самой простой...

Поехал в Полтавскую губ. на ремонт и там в деревне выбрал себе девку. Не по любви — нет, а с целью «обновить», хладнокровно. По руководствам: [«Об улучшении породы»] «Коннозаводство» и «Евгеника»...

[«В полной мере на <бобах?>».]

Для прилику.

«Навались — у кого деньги завелись!»

«Ветеринар труда» (инвалид труда).

...Х. согривался тем, что клал *кота на живот*.

...Назвал человека в американских очках циферблатом.
Скандал:

— Да нет, я его назвал циферблатом *условно*.

...Когда он *говорил о любимых предметах* — он говорил в нос и нараспев.

Совслужащий (еврей) — подделывается под демократический вид: на нем ситцевая короткая рубашка горохом и сверху — моднейший пиджачок на одну пуговицу — тесный на животе (пиджачок от прежних времен).

Нос у него выскочил, как инородное тело, как нарыв, как сук.

Неприемлющий.

Богатый помещик. Все потерял. С начала революции — после октябрьской — он не выходит из своей квартиры никуда — вот уж десять лет.

Жена и две дочери служат, содержат его. Они встают рано, уходят на службу, он спит — ему оставлен завтрак.

Встает, бреется, одевается, завтракает. Раскладывает пасьянс, поет.

Приходят со службы. Обед. Он:

— Ах, опять сегодня паюсная икра. Неужели нет свежей?

Его боятся, ему служат. Он никогда ни одним словом — о теперешнем. Читает не дальше Андреева, газет — в доме нету, он запретил. После обеда — сон. Потом чай. Гости, винт.

Его дед поссорился с женой и 1½ года не выходил из кабинета — вышел, потому что дом загорелся.

...Развелась с мужем. Тяжесть, напряженность... Кто-то пришел. *Спор о Пушкине*. Она спорит все горячее, голос звенит — как будто это вопрос жизни. И вдруг — слезы, из-за Пушкина. Нет, не из-за Пушкина.

Женщина сделала аборт. *Няня-сиделка* держала за руку, кругом — доктора, боль, стыд. Эта няня — одна женщина, и так нужна, так близка эта ее рука — как будто это была сейчас мать...

У моей тетки на *полном вожделинии* состоит...

Юбочка коротенькая — *выше критики*...

Милицейский:

— Меня тут все знают, уважают. Начальника всех театров знаете? Кудрявцев, ну да. Так от него у меня даже письменное удостоверение есть. Да как же, понимаете. Пришел сюда этот Кудрявцев пьяный-распьяный, мне прямо в морду плюнул, а я его даже в участок не отправил. Так он мне тут же письменное удостоверение дал, что меня уважает...

Чай пьет до того, что *пар из-за голенища* идет...

Дама — все слова говорит с мягким знаком: «Первый разь», «Леськов», «позьнакомиться»...

Сюжет:

Нос.

Америка. У парня ужасный, изумительный нос. Безработица. Его увидел случайно кинорежиссер:

— Какой типаж!

Нос делает ему карьеру. Богат и славен... Встреча с девушкой, любовь. Но она — соглашается выйти замуж только тогда, когда он операцией исправит нос. К доктору.

— Да, это очень легко.

Но контракт с кинофирмой на 5 лет. Фирма подает в суд. Суд присуждает его... к носу: нельзя, контракт.

В сельской школе.

— Ну, Благовещение. Ну, архангел сказал это деве Марии, а она — что?

— А она... взялась за живот и говорит: «Желанный ты мой, брыкается-то как...»

— Как Богородицу звали?

— Марья Акимовна...

Пьяный идет по Михайловской к Невскому и расстроено бормочет — все одно и то же:

— Вот... речка... вот песочек... камушки...

В тюрьме.

Арестант выиграл золотой и 5 рублей 40 копеек серебром. Обыск. Арестант проглотил деньги.

— А на другой день так все 15.40 и выложил... вот черт!

Женщина, когда ее просят рассказать о ком-нибудь, рассказывает только одно: *в каком платье кто был.*

...Она лежала, крепко обняв. Вдруг рука ее вздрогнула, потом стала другая — *мягкая*, и он понял, что она заснула...

Соха: *обжи* (оглобли).

Прапорщик произносит *речь о вреде пьянства*. Один из солдат:

— Да, вашбродь, верно, очень нехорошо. Помните, как мы вас, вашбродь, в Нижнем-то *таши*ли? Нос сеном оттирали — *насилу* оттерли, помните?

Мужик:

— *Объявилась икона*, в ключе плавает, а на иконе *язык писан*.

— Как так: язык?

— А так: язык с небес. Ну, чего выпялился? У тебя язык есть, а это с небес язык.

— Да какая же это икона?

— А такая икона. Сам разумей, к чему...

К рассказу «*Последний день*».

Крымская жара. Днем — цикады и кузнечики, ночью — сверчки-хроматичики, звонко — за версту.

В комнате ложился в постель голый — сейчас же все тело мокрое, липли мухи.

Подул ветер — «астрахан» — сирокко — еще суше, пыль.

Море не освежало, вода не чувствовалась.

Тень от акаций показалась жиже, чем вечером. Оказывается, и в самом деле: листья акаций под солнцем, днем, свертывались.

Вечером вернулся, от каменной стены дома пышет: камень — накален, как печка. Подумал:

«А может быть, и правда? Черт его знает...» <1 л. вырван>

«...лучшем случае согнет, в худшем — сорвет вниз. Но эти петухи, сколько известно, способны пропеть даже кукареку» (Гейне).

«*Поступок, за который вас побили* — дурной поступок. Поступок, за который приласкали или накормили — хороший поступок» («Мысли Рике». А. Франс).

Кучерские дети...

Господин с таким *длинным носом*, что в телескоп никогда не видел Луну, а — свой нос.

Список № 4.

— А где 5-й пункт?

Православный лев.

Оппонент неожиданно обнаружил свое православие.

Маленький мальчик нагибается, как большой.

Родителей нету.

Сирано: «Путешествие на Луну и Солнце». —

1. измерение носов;
2. суд птиц над человеком — за то, что он человек;
3. объяснение, почему нет пустоты в природе (полет мухи).

Портрет Екатерины II, а соскребли — под ним оказался Пугачев.

«Тайная вечеря» — Леонардо. Ее заслоняют всегда задницы английских туристок. *Критика* есть такая задница» (А. Блок. «Дневники»). «...Они нас похваляют и поругивают, но тем пьют нашу художническую кровь. Они жиреют, мы спиваемся...» (Там же).

«Или в ноги, или — в зубы».

Смельчак кричит из-под дивана:

— Я хозяин в своем доме, где хочу, там и буду.

Самоеды, когда их оставили ночевать в городской комнате — легли спать в самом уютном месте: *под кроватью*.

Знаменитый пример *Энгельса* — о невозможности объяснить экономически изменения гласных в верхненемецком языке.

Ф.

Все вещи — *весла, сапоги* — для него живые. Им нужен отдых. Поэтому он всегда несколько раз в день переодевал сапоги, носил их лет по десять. Бросить сапоги — все равно что пристрелить старого пса. Веслом работает в одну сторону, потом перевернет в другую:

— Ему приятно разогнуться.

Х. ходил в *клозет* всегда с *зеркалом*.

Попал на *Гавайские острова*. Там есть кратер, куда можно спуститься и увидеть лаву в 2—3 саженьях. Спустился и ночевал там. С одной стороны — как лед, с другой — поджаривает...

Сюжет:

Ничтожный человек, с которым ничего никогда не случилось. Вдруг серьезно заболел и умирает — с гордостью: наконец сделал что-то серьезное, все его уважают.

В дождь, верхами, отряд. Сапоги завязаны туго под коленками, но скоро они все-таки полны водой — они начинают сами слезать — *вода начинает снимать сапоги...*

Поэт.

«...23 тетради стихов. Посылаю на образец.

.....
И приятно так кататься
Из забора да во двор,
Но нельзя всегда ручаться
За стоячий свой упор...

.....
И бывает лишь разрушен
Инвентарь и власти строй...

Я хочу служить или Природе, или Государству. Поэтому прошу Госиздат телеграфировать мне, согласны ли оказать пенсионную поддержку, или же я вынужден буду жениться...»

Из кавказских газет.

«...Был сделан опыт излечения кретинизма. Кретину была привита обезьянья железа, и в результате получился сознательный гражданин и неплохой красноармеец...»

В Средние века Ансельм, увлекаясь Платоном, учил, что понятия существуют вне нашего ума — *extra animum* — существуют реально и независимо от предметов видимого мира. Он учил, что *universalia sunt realia* — и этот (совершенно идеалистический) взгляд называл *реализмом*.

«Теперь лечить не будут, а будут отыскивать причину болезни и ее истреблять, и это называется *профилактика*».

«Здесь очень в *пондан...*»

«А у меня — опускная лампа с блокнотом».

«Я люблю смотреть оперу, когда знаю ее *бюджет*» (сюжет).

Х. пришел к приятелю. Его дома нет: дети: девочка лет 8 и мальчик лет 10. Мальчик стал занимать разговором. Девочка:

— Папа с мамой поссорились...

Мальчик, — чтобы замять неудобный разговор:

— А у нас в школе гигиену проходят.

— Гигиену?

— Да. Скажите, у вас *сифилис* был?

— ?

— Ну, это, положим, в старшей группе об этом проходят.

Сюжет.

«Женщина». «Десять».

На (маяке) радио- и климатологической станции. Начальник, девять служащих — и одна женщина, жена начальника. (Они — новобрачные: она не хотела отпустить его одного.) Смена может попасть к ним только через год — раз в год пароход. Все живут дружно, по-товарищески; начальник делит все работы и беды с подчиненными. Через полгода они являются к нему — и заявляют, что постановили: *жена должна быть их общая*. Начальник сначала думал, что они шутят (постановление объявил весельчак и шутник). Но они заявляют:

— Какие там шутки! Ты сам пойми — ты же коммунист. Работаем вместе, едим одно — а женщина только у тебя. Надо по-товарищески...

Он, было, вынул револьвер...

— Стой ты! Ну, убьешь одного — а мы все остальные все равно ее...

Разговор начальника с женою; он предлагает ей... Она уговаривает его согласиться и выдать ее: она хочет жить, жить. Начальник заявляет, что согласен. Бросают жребий. Шутник утешает начальника, что и он, наравне со всеми... И вот — первая ночь. Она возвращается... веселая; муж не спрашивает ее ни о чем. Вторая ночь — с другим. А затем опять являются все, просят к себе начальника; он не хочет выйти к ним,

не хочет говорить с ними. Они срывают дверь с крючка — и тут же «шутник» говорит:

— Прости нас. Понимаешь, мы не знали, какая она. Вот я был с ней ночь — и ее не тронул; и вот он — тоже. Понимаешь — нельзя. Уж бери ее ты, а мы как-нибудь обойдемся. Давай опять по-старому, дружно жить...

Сюжет.

«Деляга».

Студент, скрывший свое происхождение, на 4-м курсе открыт и вычищен из ВУЗ'а. Он едет в провинцию, на родину, где не был уже лет 10; получает новый вид на жительство и с ним поступает на завод рабочим. Чтобы раз навсегда отбиться от анкет, заявляет, что он — неграмотный. Работает — хорошо. Начинается на заводе ликвидация неграмотности. Студенту уже надоела жизнь без перспектив. Он поступает на курсы «ликвидации» — и проявляет необычайные таланты: грамоте научается очень быстро (как ему трудно было учиться читать и, особенно, писать). Его выдвигают на рабфак — и вот он уже рабфаковец и снова — в ВУЗ'е, в другом, конечно. Коммунист, его земляк; встреча с ним; у студента — все время страх, что тот его откроет. К счастью его — коммунист умирает.

(Рассказ Гран.)

В Одессе, в «Лондонской» — *кутили*. В погребе было 175 бутылок «рислинга № 2», выпили все, перешли на «люнель». Поили коридорных. Горничная сажала наседок и разводила цыплят. *Поили цыплят и котят. Пьяные котята...* Один соскочил с балкона на дерево и там орал диким голосом.

— Спасите его!

Бросились вниз. Под деревом собралась толпа...

Китаец-грузчик (в Шанхае?).

Перерыв между работами, разносчики риса — в листьях. Грузчик быстро проглотил рис. Затем взял сверток, там — ящичек, в ящичке — прекрасная, тонкого фарфора чашка. Вынул ее, вытер *шелком*, купил у разносчика чаю и медленно пьет. Выпил, опять уложил...

Строили (Гр.) театр.

Калориферы для здания, части для театрального реостата, ручки, и это — актеры воровали по ночам... <1 л. вырван>

*Деревня. Из рассказов Я. Гуревича-Крюковского.
Разгузыпился!*

Позвольте вам замолчать!

Дай пыхнуть разок... (папироску).

Побег кирпичной вязи.

Кто чем работает: ты горбом, а он горлом...

Свинёныш ты!

Супрядки.

На Святках — игрища молодежи. Так парни там даже до-гола раздеваются — будто, значит, индейцы они — и девок стращают...

Смирная девка — ото всех дикарьком ходит...

У него в семье сокрушение сделалось: жена ушла.

Живи-живи, да чтобы не топнуть?

Про между них косня пошла...

С ней развелся и с другой соткнулся.

— *На колдовство*, — говорит, — в скорости объявят большой налог...

Одежды: *частоборка*, *лентик* расшитый, *капризик* со сборками... «Жымпир».

«Ах ты, горе луково!»

Народу — как вшей в гребешке!

Попили из ключа холодёночки да и все...

Изба, изобка.

Это не женщина, а бонба...

А он говорит:

– *Я-де психический.*

«Семеро одну соломинку поднимают».

«Рот на все пуговицы расстегнут».

Жалоба:

«У нас который застаршива ион сартелю аброщатца очин паршиво потсебе гнет малый молодой ямуба толком все доказат а ни гав гав как придетца сам научиники прет вот людямта и паткавыриваит».

Утрешник, вечерешник.

Сочинение:

«Джон Сю услышавши о найденнии золота и притом повстречавши с *бывшим отцом...*»

«Гинриета увидивши свою плавыющею сестру стала просить нарот на помощь...»

В волки лезут, а хвост собачий...

О глупости.

Дураки самосевом рождаются (Горький).

От легкой жизни люди глупеют скоро (Горький).

Чем пустее голова человеческая, тем менее она ощущает жажды наполняться, и это единственное исключение из общего правила (Достоевский).

Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе (Прутков).

Всякая человеческая голова подобна желудку: одна переваривает входящую в оную пищу, другая от нее засоряется (Прутков).

...С умом людей боятся
И терпят при себе охотней дураков.

(Крылов)

В лесу дураков — тот менее дурак, кто не выделяется. Заметный же дурак всегда целой головой выше своих собратьев (Лашков Вл.).

Без дураков было бы на свете скучно (Лермонтов).

Блажен... кому ни в чем до самой смерти не помешала голова (Д. Минаев).

Бессильны разума вериги
Над этой крепкой головой.

(Д. Минаев)

В природе на умы большая нынче скупость.

(Д. Минаев)

Думать своим умом — это такая смелость, до которой и теперь не всякий охотник (Писарев).

Если бы всякий дурак желал понимать все, что он сам говорит, то многим дуракам пришлось бы обречь себя на вечное безмолвие (Писарев).

Голова, вследствие потенциального присыхания мозгов от ненужности их употребления, переходит в зачаточное состояние (Щедрин).

Лучше от дураков погибнуть, чем принять от них похвалу (Чехов).

Только целоваться бегать далеко (кобыла).

Фокстрот.

Отец избил кавалера дочери, тот — в суд. Защитник просит оправдать, потому что отец — глухой и музыки не слышал, а только глядел.

Du hast einen Isolator?

Запонки на умывальнике...

Доху.

Лука-«пока». Илья-«и я».

«И быстро-быстро с ней живет...»

Процесс о том, кому должен быть отдан ребенок после развода. Аналогия с автоматом для шоколадок – гривенник (со стороны мужа). Реплика жены:

— А как можно доказать, что гривенник именно?

<I>

Не целуй меня взасос —
Я не Богородица,
От меня Иисус Христос
Все равно не родится.

Пошла гулять
В розовой жакетке,
Всяка шваль, всяка дрянь
Лезет под микетки.

Мой муж комиссар,
А я комиссарша,
Надо всеми он старшой,
А я его старше.

Ах, кудри мои,
Погодите виться,
А ты, гуля дорогой,
Подожди жениться.

Запру церковь я ключами,
Чтобы гулю не венчали...
Завлек миленький речами,
Я не стала спать ночами.

II

На всех кольца — на мне перстни,
Все гуляют, а мне не с кем,
Разуханчика просила:
«Брось любить — я некрасива».

Не личиком, не убором —
Понравился разговором.

«Извини меня потом,
Что писала к'рандашом.
Ручки не было, пера —
Я расстроена была».

От Дуни Соболевой.

II—III

На горе стоит дуб,
Под горою репка.
Милый стоит три копейки —
Сорок рублей девка.

II

Разрешите поплясать,
Разрешите топнуть —
Да нюжли ж в вашем доме
Перерубы лопнуть?

У Женюши<?> в калидоре
Галошами хлопыли,
Я Женичку не любила,
Шоколад я лопыла.

III

Завлекали меня три,
Завлекали пятеро —
Не найтить уж мне такого
Прежнего страдателя.

Шила кисет — не дошила,
На улицу поспешила.
Сшила кисет — рубь двадцать стал,
А он, паршивый, ходить не стал.
Шила я кисет в амбаре —
Все труды мои пропали.

Играй, гуля, эту игру —
Разрыв сердца я получу,
Играй, гуля, погромчей,
Мне подыгрывай ловчей.
Играй, гуль, а я спою
[Под гармошечку твою.]
Под гармошку, под твою.

Собирались тучи в кучу,
А я думала — гроза.
Без любви прожить можно,
А я думала — нельзя.

Сидит кошка на окне
С белыми котятами.
Коли был бы ты умней,
Не гулял с девчатами.

Два платочка на придмете,
Один себе, другой — Пете.
Два платочка при запасе,
Один себе — другой Васе.

Что-й-то скучно, невесело —
Не дождуся вечера,
Не дождусь я той субботы,
Когда гуль придет с работы.

Сколько мне предлог ни было,
Ни с одним гулять не мило:
Ты, подружка, сама знаешь,
Кто не мил — любить не станешь.

По деревне слух идет...

Сшила платье я по моде...

Мой муж комиссар...

Не гуляла — была бела,
Стала гулять — почернела.

Не гуляла — была в честь,
Стала гулять — славу несть.

Играй, играй, балалайка,
А ты — сохни, негодяйка.

На мне платя́я серая,
По мне Ва́ся стра́дая,
Ну, ка́кая ни на е́сть —
Я не стану́ сама лезть.

Что-й-то свет не горит —
Зна́ть, керо́син не налит.
Ко мне ми́лый не подходит —
Ему́ ма́ть не велит.

Да́йте, да́йте мне пройтиться
По полу краше́нному.
Да́йте, да́йте стака́н е́ду (яду?)
Сердцу́ раздраже́нному.

13

Мурман. Июль 1927.

Гремяч — падун, водопад.

Пьяный рыбак:

— Я — что ж, я тут рос, камням молился... А вы только да́йте мне ва́шу нау́чность...

«Оно».

Мужик, Липачёнков — у него, давно уж, жену молнией убило — рассказывает про это постояльцу каждое утро:

— Да... Она — тут, а молния — трах... Вот оно что! А теперь вот — на... Сам... Вот оно что! Еще вечером — туды-суды, а утром... Эх! Вот оно что! Там — обед, ли штаны — никак! Вот оно что!

Трос и якорь *храбр*<нрзб>.

«Ляп» — которым глушат рыбу.

«Выводка» — отлив.

«Сёгоды» (в этом году).

«Погудало» — румпель.

...Задул, запел полуночник. Пропали комары, оленям стоялось спокойно. И *облака* — спасали сверху, потом спус-

тились книзу, к самым камням, понеслись видной для глаза кисеей, обвивались круг ног.

...Утки — против солнца — как черные головни.

Граниты, валуны, поросшие плесеневого цвета лишаями и лишаями седыми — обточенные, обглоданные тысячу веков назад льдами — круглые, без единого острого угла — круглые какой-то мудрой круглостью — такая мудрость бывает у стариков, у которых жизнью обточило все острое...

Одна *каменная гряда* — серая с зелеными пятнами мхов; потом синий треугольник океана; и в бледно-голубом небе врезалась другая гряда — темнее, туманней, прозрачней; и за ней видны уже почти черные купола третьей, самой дальней гряды...

Вдруг после жаркого дня — *моряна*. Все сереет, сжимается. Холодно. Мужчины в зимних шапках. Девчонка по-вчешнему выбежала в одном платье — и назад, ждет почту. Низкое небо, свет — хоть и целые сутки — чуть сочтется, чуть моросит.

К вечеру вдруг утихло, разъяснило. На мосту стоят и смотрят.

— В чем дело?

— Селедка играет.

Все — старые и малые — глядят, ждут. Потом выезжают на лов, продают селедку ведрами.

Наутро — жарко. Пахнет дымом, топят печи — пахнет печеной селедкой...

Ветер — *шалоник* (шалльной, порывистый) ZW.

Шлюпка на боте — «пашка».

Луда — камень. Пал ветер свежий, и на луде *россыпь* водная — бьет вверх, все разбивает. Если ёлу не управить — разобьет.

Обибень пошел (волна).

Пал ветер со снегом. Спустили тóпсель, потом кливер. Взяли рифы...

Фамилии:
Цыбин Илья
Чугин
Пономарев
Гоман
Синяков
Шестром.

Деньги (при белых) «Моржовки».

Цыбин:
— *Материалов нету...*

Кумжа — в водопаде. Серая с красными яркими крапинками. И камни — серые с красными крапинками — как будто обрызнутые кровью...

«*Оброни кливер!*»

Парус ходит по мачте на деревянных кольцах.

Сюжет:
Маяк.

Маяк на острове. Смотритель и два помощника. Семьи. Все живут в одном (или в двух) доме. Есть сарай, баня. Завозят сюда припасов осенью на всю зиму; придут, чтобы сменить — только весной.

Одиночество. Пустыня. (Может быть — *телефон?*) Там где-то далеко — революция. Ждут смены. В конце марта, к ночи — огни, подходит пароход со сменой. Но — шторм; пытаются высадить смену — не могут — уходят. Маячные, не выдержав, на другой день отправляются в боте — погибают.

Сюжет:
«*Нигерия*».

Мурман. Война. В гавани — пароходы французские, итальянские, английские. Склады снарядов. Там: барак, в 20 шагах — кузница; в 20 шагах — склад.

Слухи о шпионах... Ночью 19 февраля — загорелись одновременно — дровяной склад на железнодорожной станции (рядом нефть) — и «Нигерия». На «Нигерии» загорелось в

выходном тамбуре кубрика, неизвестно отчего. Там спали 60 человек грузчиков и несколько матросов-англичан из команды (один негр).

Мороз 30°; туман — ничего не видно; тьма. Не видно даже зарева.

Ледокол № 6 подошел к «Нигерии», стал тушить. Проснулись в кубрике, двое выскочили — в том числе негр. Кричит непонятное, рухнул — мертвый, сжегся. Крики из кубрика — сделать ничего нельзя.

На соседних судах паника, все — на разных языках... Паника на берегу, в бараке грузчиков: знают, что в складах — снаряды; если взорвет — никому не уйти живым. И в одном белье бегут в Колу — в мороз...

Отвели «Нигерию» на рейд — так что другие суда на рейде даже и не знали. Люди в кубрике кричали, горели — сделать ничего нельзя — отвели, поставили в стороне, ждали, пока сгорит...

Сюжет:

Пища.

Эскимосы на острове (недалеко от Южного полюса). Рыба к берегу — за ней дичь тянется, все сыты. Ушла рыба — за ней дичь — голод. Так — месяц. Семья... Старик, *дед*, предлагает, чтобы убили и съели его. Съели. Затем мать дает на пищу своего грудного, чтобы спасти остальных.

Сюжет:

«Дорка».

«Дорка» — новый карбас, хозяин давно копил деньги, купил. Ведут на буксире на боте... Вдруг — шторм. Возле рифы — гонит. Порывом шалоник нагнал «Дорку» на бот, двинул... Еще раз... Риск погибнуть — надо рубить канат. Со слезами хозяин рубит — «Дорку» уносит... (Использовано — [«Наводнение»] «Ёла».)

...Пошли на ёле. Шторм, опрокинуло — не успели обронить парусов. Все верхом на киле. Так их носило двое суток. Август — ночи холодные. Один наутро сидел, вцепившись, мертвый... [Одн] Идет ёла другая. Кричат, машут ей. Прошла мимо: побоялась погоды, чтоб не разбило. Другая — спасла...

Мальчик с *блет* ходит в море.

...Перевернуло. Спали в кубрике. Рулевого смыло, а остальные — *отсиделись в кубрике* — вместо потолка — пол.

Олени переправляются, подняв белый хвостик — видна ж...

Олени — *урчат*, когда их гладят. меховые — *плюшевые рога*.

Погоняют шестом — *хореем*.

Сюжет:

Краска.

Англичане и белые ушли. После англичан остались *кантины* — военные лавки. После ухода крестьяне принялись растаскивать. И вот: жестяные ящики — вроде тех, в каких у лавочника была охра. Откупорили: да, так и есть — краска, только не охра, а потемнее, вроде мумии — коричневая. А у Сидора как раз новый забор возле дома — стоит некрашенный, глаза намозолил.

Спор, ссора из-за краски. Уступили Сидору. Он взял ящик, развел краску (маслом?), стал мазать. Черт знает что выходит! Вот тебе и англичане хваленые: сволочь народ.

Подошел фельдшер, понюхал краску и начал хохотать:

— Что дал за краску?

— Что, что... Ну, сапоги ихние...

— Дурья голова! Да ты знаешь, что это? *Какао*.

Сюжет:

Фельдшер.

Фельдшер Вяткин. Неплохой человек. «Общественник». Веселый. Гармонист. (Подвязана часто нижняя губа — перевязка идет за уши: на нижней губе вёреды вскакивали.) Вид озабоченный и довольный.

Война: он — патриот, плакал [у Зимнего]. Потом: возмущался Распутиным. Плакал от Февральской революции. Восторгался Керенским и Милюковым; ругал большевиков; за войну — до конца. Октябрь; он ругал извергов, врагов родины, организовывал самооборону, «Комитет спасения». Однажды ночью пришли красные; он притих. Через день пришел в больницу; через неделю — он убеждал всех[, что]:

— Большевики, вот это да! Это вам не Керенский!

Слухи о Деникине. Взятие местечка белыми. Обыватели — зажиточные — торжествуют. Фельдшера захватило — он уже с ним, он ругает большевиков, осквернивших свободу. Через недели две — опять красные. Фельдшер призадумался:

«Нет. Народ все-таки с ними, а я с народом. И белые — что они делали! Что делали: хуже красных! А из-за чего? Из-за эгоизма собственности...»

Он — с большевиками... Он ругает тупых людей, не понимающих этого.

И рядом с фельдшером проходят другие: убежденный эсэр, убежденный монархист-купец, убежденный коммунист...

Волоковая Губа.

Деда говорят, что раньше какой-то морской червь напал на деревянные посудины и проедал их; нельзя было идти дальше Волоковой — стали волоком перетаскивать посудины из [ок] Губы в океан.

Я слыхала на базаре,
Что ребята дешевы, —
Пятачок стоит пучок,
Самые хорошие...

Сюжет:

Селедка.

Зима, перед Рождеством. Поехали на оленях за дровами в Колу. Около Палой Губы — крутизна. Профессор и доктор слезли. А лопарь-возница ударил хореем, олени помчали. Кережи шли так быстро, что не успевали скатываться по склону. По пути заехали отдохнуть и погреться в заезжую избу. Огромная открытая печь-камин, отверстие в стене для дыма. Затопили. Через полчаса входит здоровый, плечистый помор, садится к огню.

— Откуда? Что?

— Селедку везу.

Гм... Какая же теперь селедка? Озадачил. Обогрелись, сошлись поближе, спросили его прямо, какая же такая селедка.

— А вот, хотите поглядеть?

Вышли, подводит к кережам — там девушка, вся закутанная. Вернулись, и рассказал историю свою.

Был в Норвегии, встретился с норвежкой, сошелся с ней.

— Да только скупа очень: все норвила корову купить и меня молоком отпаивать. А я больше молоко от бешеной коровы люблю... Ну, я сбежал от нее. Приехал в Александровск, к купцу Ушакову. Приютил. Два вечера я у него просидел. А у него две приказчицы молоденькие. Одна понравилась мне — мочи нет. Я им всё песни пел: «Хотите за меня замуж?» — говорю. «Хочу», — говорит. Ну, вот и увез. От хозяина тайком.

Сюжет:

Мавр.

Приехал новый почтовый чиновник с женой. Заметили: уходил на службу — запирали ее дома. Ревновал ко всем. Наконец придумал: перевелся смотрителем на маяк, на острове. Там прожили лет 7—8. Потом революция. Он поехал в Александровск — вызвали. Долго думал: оставить жену на острове или взять с собой? Решил взять. Приехали. Пошел по начальству — каждый день. На третий день жена сбежала — с хозяином-коммунистом — в доме, где они жили.

Приручил двух диких гусей. Полетают и возвращаются домой.

Сюжет:

Рак-отшельник.

Реалистом встретил помещика Голубцова в Красноуфимске: молодой еще, красивый, но почему-то внезапно бросил Петербург, где служил в гусарах — и жил один в имении, собирал бабочек. Тогда жалел Голубцова — теперь понял его. (Сначала решил поехать на год-два на Север — остался на 20 лет.)

Жена — красавица, он — молодой доцент-зоолог. Мохнатые рачьи руки, рыжие усы, очки. Жена вдруг начала увлекаться музыкантом. Тогда он принял предложение — поехать в Соловки на биостанцию.

Настоятель Иоанникий из вологодских мужичков. Здесь же в монастыре учился в школе, потом сам был учителем, потом — настоятелем. Не мог носить наперсного креста: крест серебряный был ему тяжел, носил крест картонный, обкле-

енный серебряной бумагой. Послушников набирали как рекрутов — так много было желающих: доктор осматривал и выбирал поздоровее. Из них профессор подбирал [сотр] служителей для биостанции.

Затем перевели в Александровск. Жил на станции один с женой, прозектор и двое-трое рабочих. Летом наезжало много.

Ездил с женой в В<нрзб>, в Германию. Купил жене пианино. Выписывал ей платья беспошлинно из Парижа.

Однажды получил отпуск на Кавказ — увидел Военно-Грузинскую <дорогу>, всякие горы — и был разочарован:

— Что ж, мягкие осадочные породы, а у нас — первозданные граниты. Твердые...

Он и его сотрудики — община, монастырь.

— Если бы мы жили в городе — не уцелели бы.

В городе — клуб, карты, пьянство, сплетни. А здесь — работа.

— Есть явление, называемое в зоологии — биоценоз: то, что те или иные особи уживаются в определенном месте, зависят не только от природных условий, но также и от других организмов, населяющих данную область — от того, насколько можно ужиться с этими организмами.

Ходит в накидке серо-зеленой с капюшоном. Когда холодно, накидывает капюшон и становится похож на монаха, на схимника в куколе.

Аквариум. Актинии — нежно-розовые, голубоватые, похожие на какие-то миниатюрные тропические пальмы, а стволы на женское тело. Живут, приросши к одному месту. Размножение: мужские особи выпускают сперму, а женские — яйца. Иногда втягивают свои щупальца-листья и становятся похожи... на асцидии — пурпурные, похожие на травяной огурец с двумя отверстиями. Регрессивный ход развития: из рыбовидной личинки с хорошо, сравнительно, развитой нервной системой, получается асцидия — так: личинка опускается на дно и присасывается к камню; ей уже не надо двигаться — атрофируются органы зрения, слуха и нервная система, остаются только [органы] отверстия для питания и испражнения. Философия профессора по этому поводу.

Рак-отшельник. Скорлупа у него слишком тонкая и чувствительная. Поэтому он отыскивает себе раковину, залезает в нее и живет в ней, никогда не выходя из нее. Снаружи только клешни, глаза, лоб — большой и умный.

Так и он.

Война. Сначала — ничего. Потом заняли станцию моряки. Солдаты резали свинцовые трубы, ведущие воду в аквариум: как будто резали его. Когда решили занять и его квартиру, а ему предложили уехать — он уж был рад.

Два почти года — 16—17 — прожил в Петербурге. Перед революцией в июне — вернулся.

Разгром... Вскоре — большевики ненадолго, и потом англичане, французы, сербы. В один день пришли сначала итальянцы — их отвозил. Французы — вежливо, деликатно; их угостил. Вечером — английский адмирал. Вошел, не поздоровался, ничего; сказал:

— Здесь буду я; здесь — штаб; здесь — солдаты.

Но профессор так посмотрел на него, что он не вернулся.

В это время вскоре собирались эвакуировать Архангельск. Профессор стал получать из Архангельска любезные письма от разных полковников и генералов — всем хотелось после эвакуации поселиться на станции. Один прислал свою карточку со всем семейством...

Опять большевики. Однажды пришел красноармейский отряд, попросил ключи от станции. Профессор пошел, открыл, стал показывать музей. Интересовались, расспрашивали. Профессор радовался. На другой день повел туда же комсостав.

— Вот, извольте видеть, треска... — начал по привычке, уже почти не глядел.

И вдруг — банки с треской нет. Оказывается, вчера красноармейцы во время осмотра умудрились утащить банку — треска хранилась в спирту.

Эпоха военного коммунизма была для профессора самой приятной: деньги были отменены, он ездил в Мурманск, высматривал подходящие снасти, бочки, тросы, шлюпки, моторный бот — просил, ему давали. Смет никаких не было.

Когда начался НЭП — тут уж другое. Придет, попросит. А ему в ответ:

— Вы в Наркомпросе?

— Да.

— А я в Морведе. Обращайтесь по своему ведомству.

Покровителем науки оказалось... ГПУ: сметы большие у них. Они давали свое судно, и профессор производил четыре раза в год рейсы для исследования Гольфштрема.

Гольфштрем. Мурманская ветвь. Диаграммы температурные. Скорость: промеры только до $73\frac{1}{2}^{\circ}$ <северной широты> — а дальше не знаем. Гольфштрем (мурманская ветвь) иной год проходит ближе к берегу, иной — дальше, от этого зависит улов рыбы.

Аквариум не отеплен: на зиму приходится всех обитателей выпускать — каждый раз трагедия. Жена утешает. И каждый раз в квартире профессора остается кто-нибудь в банке на зиму.

Первое время, когда поселился здесь, не мог спать из-за ночного солнца. И все сбивался, задремлет (часы испортились, починить негде), вскочит, зайдет, будит заведующего хозяйством — оказывается, еще половина второго ночи...

Ночь. 12. После шторма начинает на востоке чуть-чуть расчищаться. Солнечный пожар: солнце уже идет вверх. И в квартире профессора две девушки-ассистентки поют романсы...

[Для «Ёлы»:

Мурманск.

После покупки ёлы вечер в Мурманске — небывало жарко: лесной пожар — легкий дымок, горел торф — уж раз начал — не перестанет. Ожидание грозы.

В начале шторма — Цыбин радовался:

— Ничего! Моя ёла — выдержит!

На ловле сельди он пел, был как пьяный — все думал о своей ёле. Его спросил Фомич:

— Что с тобой?

Кругом кольцами крутились морские звери, смешно сопели...]

Несколько китов-касаток окружили шлюпку. Они, играя, разевали пасти, как будто хотели проглотить шлюпку. В пасти с шумом лилась вода, они ныряли, выпускали из воды фонтаны, водяную пыль и пар. Издали, поэтому, сперва их приняли за подлодку, и эти фонтаны — за выстрелы.

Радиоповесть.

Отправляется пароход, везет смену на радиостанцию — метеорологическую станцию на Маточкин Шар. Два метеоролога: муж — начальник экспедиции, и его жена — тоже метеоролог; старший радист; геофизик; смотритель. Нужен еще

один радист. Никак не могут найти. Наконец, приходит — замухрыш, серый, жалкий. Все-таки взяли — разбираться уж некогда. В пути этот радист унижен, услужлив.

Пароход забрал (по прибытии) весь прежний состав — больше года никто не живет. Пароход приходит раз в год, в августе. Устроились. Жизнь — как на корабле: кают-компания, по звонку встают; вахты.

Готовятся к охоте, составляются артели (охота на песцов). Первые ссоры из-за дележа еще не убитой добычи. Начинают делать «настилки» (капканы из толстых досок, «путь» из острых колышков, приманка, бревно, которым придавливают песка). Второй радист не умеет, ничего не выходит, над ним смеются — смеется женщина-метеоролог.

Ставят настилки верстах в 10 от жилья. Работают в валенках и шерстяных варежках — иначе песок учует человеческий запах.

Однажды 2-й радист нашел гнездо живого песка с щенятами, пошел, сказал всем. Пошли смотреть. Оказывается, самка съела всех 15 щенят: от них пахло человеком.

— Не вынесла твоего запаха, — смеялись над радистом.

Собаки — вторая группа действующих лиц — параллельная. Собака Интеллигент — вялая, в обычное время трусливая, но в беге — впереди, вожак. Собака Мишка-лекарь вылизывает гноящийся глаз другой собаке, очищает языком рану. Среди собак — у людей свои фавориты, среди людей — у собак свои фавориты. Одна из собак похожа на 2-го радиста (быть может — Интеллигент. Разговор:

— Ну, нет: наш Интеллигент — смотрите, всех ведет, а этот паршак... так на всю жизнь и останется паршаком).

Собачий роман.

Зима. Северные сияния. Тьма давит. У нескольких — упадок духа. Опустились больше всего интеллигенты: перестали бриться, чистить зубы. Служитель — бывший матрос — подтянут, чист.

Разговоры о цинге. У кого-то припухли десны — пугаются. Начинают по радио запрашивать рецепты. Радио становится все важнее. Любовная переписка по радио.

Не хватает женщин: только одна, и она любит мужа, все смотрят на нее. Матрос, шутя, сделал «деревянную Машу». У ней — всё как следует. Когда метеорологические супруги уходят к себе — «Машу» сажают за стол, начинают разгова-

ривать с ней, острить перед ней. Зависть, обида — как при соперничестве перед настоящей. Затем, шутя, сначала бросают жребий, с кем она идет спать. Потом это делается уже всерьез, ссоры — из-за «деревянной Маши». Смеются над 2-м радистом. Он по-собачьи, злобно скалит зубы, но молчит.

Заболел 1-й радист, работает один 2-й. Страх цинги. 2-й радист сосал кровь из уха собаки — своего фаворита. Метеоролог [рас] вырастил лук в коробе, куда он собирал спитый чай. (Земли нет. Камень, снег, мерзлота.)

Куры сохнут. «Козьи девочки»: одна вскочила на кухонную плиту, обожгла ноги, потом простудилась и умерла. Утром пришли, видят: сестра ее положила голову к ней на живот, и в голос кричат.

Стонет 1-й радист. Рецепты по радио: «Давать шампанское...»

Северное сияние. Первые проблески зари: алая полоска в небе. Вышли наружу, кто-то взял снег в горсть — снег красный, как кровь, испугался — бросил.

2-й радист работает один. Отношение к нему несколько меняется, женщина один раз пожалела его:

— Не устали ли вы?

Телеграмма с... от инженера к брату: «Умираю...»

Брат в Самаре. Телеграммы ответной из Самары все нет. Все ждут. Прибегает 2-й радист:

— Есть!

— Что?

— Телеграмма от начальника поста: инженер скончался...

...На другой день — телеграмма от брата из Самары.

Умер 1-й радист. Остался один — 2-й. Он вдруг чувствует себя — единственным. Он — единственная связь с материком, с землей, с солнцем, с цветами — куда стремятся все. Через него — любовная переписка. Сначала он показывает свою власть, шутя, затем — становится тираном. Он совершенно меняется — и все меняются по отношению к нему. Иные перед ним заискивают, другие не скрывают своей ненависти к нему, он начинает мстить им. Метеоролог заболевает, нужен рецепт, радист отказывается дать. Жена метеоролога грозит ему — радист смеется:

— Ну, что ж, потом — буду отвечать, а пока — он умрет.

Ночью метеорологу все хуже. Жена прибегает к радисту, он заставляет ее отдаться ему — тогда он запрашивает рецепт.

Он пугает ее, что скажет все мужу и заставляет жить с собой и дальше. Наконец она не выдерживает, сама признается мужу. Отношения между мужем и женой, ненависть мужа к радисту. Когда он однажды схватил радиста и стал душить, остальные отняли:

— Как же мы останемся? Ведь пароход раньше августа не придет.

Весна. Безумное солнце. Цветы — огромные, без запаха, растут не по дням, а по часам. Еще позавчера был снег, а сегодня из-под снега — цветы... Роза у метеоролога «сошла с ума» от солнца: ростки, ветки — как их ни режь... (Может быть, как раз здесь — история радиста с женой метеоролога. Или здесь — метеоролог не выдерживает и опять берет жену.)

Радист заставляет подписать всех благодарностью ему. Он жиреет: ему приносят дань — гусей. Гуси ленивые, большие — они линяют (июль), собаки ловят и едят их — собаки тоже жиреют...

Издательство радиста над своими подданными достигает апогея. Кто-то не выдержал и крикнул ему:

— Хам!

Радист приказывает запереть его в подвал — его запирают...

Наконец — август. Однажды на горизонте увидели дымок: пароход. Но пароход — норвежский... Разочарование.

[Приехал] Когда опять дымок, и разобрали в бинокль, что это *наш* пароход — на радиста кинулись, убили его, разорвали в клочья.

Медвежонок Сережка. Вырос. Все сосал. Станет на задние лапы, обнимет передними, ухватит за пуговицу и сосет — и человеку нельзя пошевелиться: медвежонок начинает злобно ворчать. Если отпихнуть его — кидается.

У Интеллигента был коготь на лапе — палец — вроде пестушиного. Сережка иногда подходил, хватал этот палец и начинал сосать — Интеллигент покорно стоял...

Корова стельная отелилась. Никто не знал, как поить теленка. Потом он подрос и стал отсасывать все молоко. Собрание: проголосовали — убить бычка. Наутро привязали его и вышли с винтовками, стали стрелять. Промах. Бычок оторвался и убежал в горы. Все пошли с ружьями: охота на быч-

ка. Застрелили. Ели телятину (сперва пили свежую кровь — пили всегда, когда убивали дичину — пили, чтобы не заболеть цингой).

Январь — теплый, приятный месяц.

Кривой столетний самоед Хатанзей. Уходил спать на снег, к собакам: в чуме ему жарко, душно. Жена у него слепая. Шутит:

— У нас на двоих — один глаз.

Другой глаз ему выбило патроном, гильзой во время охоты на белого медведя. Он вынул из глаза гильзу, все-таки побежал за медведем и добил его.

Шоколад — меновая единица. Играли в карты на шоколаде.

Осенний песец — «крестовик».

Лемминги — полярные мыши, белые, бесхвостые, с длинной шерстью. След от них на снегу — цепочка, пунктир. Собаки едят леммингов.

Телеграмма — радио:

«Самара, Саратовская, 118, инженеру Филимонову поехал на север заглушить [совет] совесть [рагайзагру...] развивающийся туберкулез зпт здесь населения цинга тяжелой форме туберкулез любезно соединился цингой лежу пластом как осина заживо разлагаюсь начиная десен тчк лучший врач мне климат соответствующая пища этого нет тчк смена через пять месяцев раньше невозможно тчк пня случае моей смерти октябре меуправление передо... подробности моей тещи тчк простите особенно тата что не бывало тчк буря качнула брат нас сильная один ты как скала вынес крепись тебя дети тчк шли ответ подробной телеграммой здесь радио иной связи нет зпт пиши как живешь хорошо ли как служишь отвечай не жалей червонца все-таки [запаснет жизнь] застанет живым в запасе жизнь вздесь одной стороны угли стороны угрюмый омытый океан сталное кругом тундра мертво тчк живите счастливо целую Александр»

Самоедский словарь

Мясо — гонза
Лед — салобо
Снег — сыре
Метель — помзе
Снег-крупa — сантай
Нож — хор
Водка — чарка
Топор — тыпке
Начальник — еру
Невеста — мелу
3 — нягар
5 — самлянг
10 — ю
20 — сириго
Губы — паха
Море — ям
Голова — неда
Ноги — н'э
Руки — уда
Рот — ня
Язык — нями
Хорошо — саво

Чум — мя
Хлеб — нянь
Вода — и
Новая Земля — Едый-я
Пароход — ту-нгано
Промышленность — ханина
Гора — хой
Залив — яга
1 — одой
2 — сиде
Плохо — выво
Собака — ванюко
Нарта — хан
Медведь — хебеде
Песец — ного
Олень — ты
Морж —
Лодка — ланно
Жена — не
Муж — хасуо
Нерпа — няк

Северный словарь.

Каткая (улица).

Неторопко.

«Олешки» (саночки).

Луночки тюленьи — в январе.

Откуй (сторожит у луночки). Одинокий медведь-казак.

Беяк — желтый, как канарейка.

Морской заяц посвистывает, глаза человечьи, голова человечья.

Тюленя пуля не берет, если стрелять в лоб — пуля сплющится и только. Надо стрелять или спереди точно между клыков, или сзади в низ затылка.

Стрелебная лодка, шитая из легких досок — для охоты на зверя (тюленя etc.). Очень легкая; ее переносят по льду.

...Увидел в воде здорового старого [тюленя] моржа. Выстрелил; попал в клык — только ранил. [Тюлень] Морж погнался за лодкой. Стал перезаряжать однозарядку — ремингтон, а патроны запасные — от другого ружья, не лезут... Погрёб к берегу, да разве от [тюленя] моржа утребешь? Выскочил на припай — морж следом, ткнулся клыками в лед. Схватил гарпун, ткнул ему в спину с маху. [Тюлень] Морж так и выбросился сразу на лед; тут добил его ножом...

Собаки мчали... Вдруг свернули в сторону с пути, взвыли, припустили вовсю. Он понял: где-то в этой стороне *медведь* — собаки почуяли, все забыли, теперь их не удержать — покуда они не затравят медведя. Все это — в миг, а в следующий — санки уже неслись вниз, в ямину, по крутому откосу — там внизу сидел медведь, мотая головой. Собаки рванули, охотник вылетел, снег... и лежит: где? на этом — на том свете? Чем-то придавлен. Огляделся: собаки рвут медведя, он отбивается, а охотник — [под] за спиной у медведя, придавлен этой спиной. Он схватил нож, перерезал горло медведю...

Запряжка — штук 10—11 собак.

У самоедов — *оленья верста*: 5 верст.

«Тюр» — шест для погоняния оленей.

Оленьи бега.

У кооператива — местного клуба — собрались самоеды. Двое — богач и бедняк — заспорили: чьи олени быстрее. У одного запряжка в 5 быков (у богатого), у другого — 4. Заклад: богач — полтора рубля; у бедного — ничего, кроме запряжки. Стали; богатый ткнул — олени его помчали, закурило снегом. Бедный еще стоит со своими, досасывает папиросу. Его тычут:

— Ты, что же — спятил? Струсил?

— Ницево. Сейчас побегу.

Докурил — погнал оленей — на бегу плюхнулся в сани... Через полчала — он вернулся, слез, закурил — а богатого еще нету. Приехал только минут через 10. Вынул полтора рубля, заплатил...

Самоеды режут оленя: наставил нож в шею — где последний позвонок, ткнул легонько, не глядя — олень пал на ко-

лени. Тогда перерезал глотку, вынул дыхательное горло, обрезал и перевязал артерии — чтобы не вышла кровь. Потом еще живому — располосовал брюхо, кулаками расправил. Вырезал печенку. Другие ножами откромсали длинные тонкие, дымящиеся на морозе, гонты оленины, обмакнули их в кровь и, держа конец в зубах, быстро отхватывали кусочки у самых губ, глотали...

Унесло на льдине... Чтобы не замерзнуть — сажали одного, а остальные, взявшись за руки, плясали кругом... Был с ними старик Хатанзей: ему не давали заснуть, брали его за руки и заставляли плясать...

Хатанзей — 100 лет. На вид, так, лет 50. Пьет...

Однажды собаки тоже понесли его на медведя. Он выстрелил из саней. Ружье — старое, казенную часть оторвало, гильзу от патрона всадило ему в глаз. Хатанзей вылез из саней, подбежал к медведю, добил его ножом. Потом уж вытащил гильзу из глазницы. Когда вернулся, пустая глазница у него была заложена оленьей шерстью... Медвежью шкуру привез...

Задул восточный ветер, все сильнее (на Новой Земле). Человек вышел на охоту. Вдруг дунуло — свалило человека наземь. Он встал. Опять дунуло — сбило с ног. Карбаса поднимало на воздух и переносило с места на место. Крышу с избы сорвало и унесло неизвестно куда. В воздухе — мелкие гальки, мох... Человек вынул нож, воткнул в гальку и, держась за нож, пополз против ветра. Так подвигался...

...Приехал *какой-то барин*. Самоедам:

— Ну, ведите меня на тот край — к Карскому морю.

Сторговались. А на барине какие-то сапожки — всё крючки, гвоздики. Я ему:

— Ты бы лучше пимы надел.

А он:

— Чудак! Я в этих сапогах по Альпийским горам ходил.

Что — ваши новоземельские!

Ну, ладно, пошли. Через сколько надо время мы остановились, чай вскипятили. Он хлебнул:

— Ну, нечего сидеть: подём дальше. Или уж вы устали?

Ну, пошли... Только к вечеру — уж он сам заговаривает:

— А не остановиться ли нам — примус не разжечь ли?

— Нет, — говорим, — еще не время...

Потом уж он напрямки:

— Ну, ребята, не могу больше, давайте отдохнем...

[Поглядели] Так дошли кое-как. А на обратном пути — уж он совсем сдал:

— Не могу, — говорит, — идти. Вы меня оставьте, идите...

Глядь, а у него из сапог-то его пальцы торчат, а молчит.

Дали ему пимы запасные. Пошел он так еще с час:

— Нет, — говорит, — не могу, как хотите, — и лег.

Стали с ним говорить. До того договорились, что стал я его нехорошими словами ругать. Он лежит. Я ему:

— У нас в этаких делах копчик дерут... Да!

— Какой копчик?

А я вынул копчик ременный да и начал его охаживать.

Он вскочил, затрясся...

— Да ты знаешь, кто я?

— А это, — говорю, — все равно: кто ты ни есть — подохнешь. Окромья того, мы договорились с тобой — тебя взад-вперед доставить и деньги получили. Мы тебе деньги возвращать не желаем.

Ну, сморщился, а пошел. Дошли все-таки. А только опоздали: пароход ушел уж. Ну, думаем, придется денег половину все-таки отдавать. А он:

— Ну, ребята, прибавлю вам, сколько спросите, а только сейчас же берите оленей, гоните в ... губу, скажите на пароходе, чтобы сюда шел.

Я ему:

— Да ты что, [одурел] тронулся, видно, на ходу-то? Что-бы пароход за одним дураком сюда стал гонять?

Тут он опять затрясся:

— Ты что сказал? А? Да ты знаешь, кто я?

— Кто-кто... Ну, говори!

— Я, — говорит, — великий князь...

Уж забыл — Михайлыч какой-то. Тут мы, по правде, струхнули. А он деньги сует — и опять смирный стал: потому если мы не поедем — знает, сидеть ему тут долго. Ну, послали: и что же? Ведь и правда — вернулся за ним пароход-то...

Север (из книги А. Никифорова «Просто о севере»).

Святой Нос: малый маяк; две мачты радио; каменная гряда с конечным камнем Воронухой. Здесь сталкивается океанское и беломорское течение — постоянная толчея.

Иоконга — хорошенькое становище: крохотная деревушка, спрятавшаяся в бухточке.

Туман. Вдруг, вполчаса, насел белый, молочный туман — ни солнца, ничего.

...Сей год *хороший зарёб* был на Зимнем Берегу — в Койде, в Моржовце... Там — трудовые зверобойные *артели*; взнос: человеческая живая сила. Осенью — на Канину Землю за навагой.

Ленинский уголок — на палубе, в корме. Бюст, полки, книги, газеты. Доклад о внутреннем положении: индустриализация; бюджет; культпоходы; соревнование<?> фабрик<?>; оппозиция.

«*Сторож*»:

Когда уходят, изба не запирается на замок; просто, к дверям избы притыкается палка — «сторож».

Земля.

Земли мало на Пинеге, Мезени, в Олони: много камней, надо их выбирать.

— Кругом *тайбола* да лес; на угорьях да по щельгам корчем лес, потом пашем.

Сводят лес: обрубают внизу кору, дерево сохнет, опадает хвоя; потом валят лес, оставляют гнить; потом корчуют.

— *Инде* скота много, а у нас ничово.

На Мезени едят тресковый *суп без ложки*: макают хлеб в суп, потом — в рот, ловятся в супе рукой куски рыбы; вымакали весь суп, а рыба еще есть — подливают холодной воды... Кашу, кисель — едят ложкой. Ножей и вилок в обиходе нет.

Рыба — «*сырком*»: полежит в засоле дня два, и едят, подают к чаю.

Одежда.

Мужская: обувь — бахилы; дома тюки с чулками (вроде туфель).

Женская: левойники — штофные, шелковые — из-под платков; рубашки белые с расшитыми рукавами из-под сарафана; чулки с замечательными узорами; по праздникам — бусы, в ушах — «пьясы», серьги.

Края простынь на кроватях, полотенца — вышиты зверями etc. на «*пялах*» (это — в Заонежье, в Олонье<?>).

Спят чаще всего так: бросят на пол кафтан или оленью шкуру, на нее — подушку и, почти не раздеваясь, ложатся. Кровать, с голыми досками, стоит так.

Танцы: ланцы, яблочко, сено, прялицы-кокорлицы.

Шишки (шишок) — черти. Если в чистый четверг подойти к дверям церкви и перевернуть свечку огнем вниз — можно увидеть «шишков»: они пляшут — радуются страданиям Христа.

Как блохи и тараканы — «шишки» боятся персидского порошка.

Ходят к бабе, у которой уехал муж...

На Мезени праздничные игры зовутся «*метищем*». Девки-«повязочницы»: голубые, лиловые, красные, желтые, оранжевые — всех цветов шелковые сарафаны, пояса, узорчатые шали, белые — ослепительные — рукава рубашек из-под парчовых шубеек, отороченных мехом, ленты, латы, листы, бусы, янтари, «пёрлышки»...

И вдруг, начиная с краю, закланялись все эти девушки — гостю, приезжому.

Метище: девушки ходят взад-вперед парами и поют «Ваня — разудала голова», «Долина-долинушка, раздолье широкое, гулянье веселое». Долго ходят так, пока при повороте пара девушек не станет спинами друг к другу — это так, что могут подойти парни. Потом такая же прогулка с парнями.

Городские — побывавшие в городе — парни уже в тройках, иногда в воротничках и манжетах. Они бойкотируют

одетых в прекрасные костюмы «повязочниц», не подходят к ним на метищах (самый большой позор!) — и старые костюмы вымирают.

Смешное слово — неприличное слово (в Архангельской губ.).

Баба спрашивает у работника:

— У вас какие *гашники* носят в деревне?

— Какие, веревочные.

— Ну, лённые. А то был у меня работник, у него гашник лубяной — так все брюхо намозолил.

Мезенской *танец* «козел» — эротический танец.

«Пахомушка» в Заонежье — игра, пародия свадебно-семейных отношений.

Восход, болотисто-оранжево-желтое небо и красный угол, откуда вот-вот брызнет солнце.

Тайбола — топь, болотистый лес. Через него — единственный путь: гати. Бревенчатые, старые. Комары...

Тараканий дождь в избе: с потолка.

— Что ж их бить? Они невредные.

Карты.

Крести. Туз — казенный дом;

король — друг спешит к тебе;

дама без масти — ни к чему;

валет — хлопоты;

десятка — бедность;

девятка — приятный разговор;

восьмерка — разговор;

шестерка — дорога с казенным домом.

Вини. Туз — страх;

король — письмо от близкого;

дама — ссора и слезы;

десятка — болезнь;

девятка — сборы в дорогу;
восьмерка — разговор;
семерка — неожиданное счастье;
шестерка — поздняя дорога.

Черви. Туз — дальний путь;
король — неожиданная встреча;
дама — сплетни;
валет — веселая компания;
десятка — исполнение желания;
девятка — любовное письмо;
восьмерка — дальняя дорога;
семерка — перемена жизни;
шестерка — исполнение желания.

Буби. Туз — письмо;
король — свидание с молодым человеком;
дама — неожиданное любовное свидание;
валет — благополучные вести;
десятка — денежный интерес;
девятка — денежный разговор;
восьмерка — интерес;
семерка — <нрзб> бубнового короля;
шестерка — скорая дорога.

Олонецкая прялка — «лопаска», вся расписная. Большая доска, к которой привязывается кудель, и внизу загибается шейка, на которую садится пряжа.

«На *Новой Земле* лишнего ничего нет, кроме уток, а этих — как комаров. Утки очень смирные, мы их имали руками».

«В *Алжире* арапы, ходят в одежде непривычной, и по-русски говорить не могут».

На *погостах* Архангельской губ. на могилах не кресты, а *столбы* с двускатной крышей, вверху под которой — крест или иконка.

Заговор (на пропажу скота):

«Стрелили наш скот, малой живот, тридцать святых ангелов. Пойдут ангелы круг нашего скота, малого живота, секут и колют своими ангельски скипетры волков и волчиц,

медведей и медведиц, росомах и росомашиц по щекам, по глазам, по нехтям, по всем жилам, сердечным составам. И еще секут ангелы своими скипетры уретиков, уретиц, колдунов, колдуниц, старцев и стариц, заугольников и заугольниц, заворотников и заворотниц, никто бы не подумал и не помыслил на наш скот, малый живот, на всякую четвероножную скотину, отныне и до веку казался бы наш скот, малый живот, в чистом поле — в темном лесу пеньем, колбдьем, каменьем<?>, великим<?> кустом тем лютым зверям. Аминь».

У меня, у красной девушки,
Был по разуму сердечный друг.
Он сушил меня, пересушил.
Суше ветра, засуше вихоря,
Суше травоньки кошеной.
Я сама, девушка, на грех ступлю —
Своего дружка поиссушу,
Я ни зельем, ни кореньями
Да от сердечка горячими слезами.
Не достанься, мой любезный друг,
Не достанься ни тебе, ни мне,
Да лучше матушке сырой земле...

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и звали его Карапуз...» — это начало *сказки* «О Парамоне, сукином сыне и о Котельной Голове».

Болезни: грыжа, родимец, чахота, ураз, исполох, «тоска», икота (это не обычная икота, а род истерии).

Заговор:

.....
Говорю-уговариваю
Раба божия Авдотья
Рабу божью Прокопью
На уполóх, на перепóлах,
На исполох
На всяк час,
На всяк день,
По утренней зари,
По вечерней зари,
На новую месяцю,
На скрою месяцю
И на исходе месяци.

.....
Летит птица вольна — птица невольна
Зажигать-запалить города с городами,
Съединять сердца со сердцами.
Зажги-запали у раба божья Ивана
Ретиво сердце, горячу кровь,
Чтобы не мог без рабы божьей Марьи
Ни пить, и ни есть, и ни думу думать.
Так же бы раба божья Марья
Казала бы рабу божью Ивану
Белей свету белого,
Милей роду-племени.

Утюг.

Когда наступает полярная ночь — все заперты в клетке, в избе, в камере. И как в камере — начинаются ненависти и ссоры. Все надоедают друг другу, как только кто-нибудь раскроет рот — другой уже знает, что он сейчас услышит — уже сказанное вчера, позавчера. Из-под *интеллигентности*, *лобка* — вылезает хам. С полярной тоски — запивают никогда не пившие. Со скуки *играют в утюг* — так.

Ночь. К потолку на крючке подвешен утюг на длинной бечеве — так, чтоб, раскачиваясь, утюг хватал во все четыре угла комнаты. По углам становятся играющие, тушат свет — один держит в руках утюг. Потом откачнет его в угол — так, чтобы попасть в кого-нибудь. А тот должен, в темноте, оттолкнуть его рукою в другой угол. Ну, случается, прошибут голову, выбьют зубы.

Или — вместо «утюга» — играют в «кукушку»...

Скука: осточертевает, как откашливается X., как барабанит пальцами по столу Y. За это барабаненье — однажды его — трах в ухо!

Последняя ночь.

На Маточкином Шаре была *женщина-метеоролог*, одна на всей станции. Из интеллигентов — был только фельдшер. И вот начались пристаивания к женщине. Дошло до того, что она выходила на вахту с кольцом. Потом и это перестало помогать. Фельдшер — застенчивый, хороший человек — робко

влюблен. Она — чтобы гарантировать себя — просит фельдшера фиктивно жениться на ней. Фельдшер соглашается. *Запись в ЗАГС'е в Архангельске по радио.* Потом объявляют всем о браке, она переселяется в комнату к фельдшеру. Спят вместе. Он выдержал, не тронул, но к концу года — тронулся. *Последняя ночь перед приходом парохода.*

Север.

По радио, утром: музыка, команда утренней гимнастики — зарядка.

«Маточкин Шар» (Карское море) сообщал, что в проливе 3 балла льда; горизонт серый. С ледокола «Ленин» спрашивали...

...Собак заливало, они отряхивались, сыпля дождем от своих шуб...

«Рации» — радиостанции. Позывные: СССР — R, Англия — G, Норвегия — Z. QRN — «Готовы ли вы?» Ответ: «Pse» = «please».

Писк разрядника.

Муха — чудо.

Дом: три окна, дверь и еще окно; сарайчик; камни возле.

Керосинно-калильная лампа — вместо солнца. Полочка: трёпаные, насквозь пропитанные, промасленные книги. Выбеленные стены; гитара висит.

...Уезжали нарты, оставшиеся собаки громко лаяли вслед...

Нарядное небо с северным сиянием.

...Бело-голубой снег. Торчат колья — странный заборчик из десяти кольев в снегу, от них резкий гребешок тени, бревно наклонено от забора — вниз, в снег. Это — капкан, «пасть» — для песцов.

Матюха (23 г.). Партизаны.

Женщины играли большую роль. На ярмарку на Полтавщине ехали из Опошны 40 подвод с сапогами. Остановили, требуют по 12 с подводы — всего 600 пар взяли. Я знал трех агентов — трех женщин. Стук в окно:

— Есть кто?

Нет. С ней... и потом гульба...

...Ставили себе вопрос:

«Как можно убивать человека, когда я ему жизни не давал?»

Большинство считало, что если гад — то можно убить.

...Женщины способны на работу агентшами?

...Мы спим в хатах — 36 человек. Один «возился» с агентшей — был на страже. 50 человек милиции...

Попадали в банду больше «люди, напитанные военным коммунизмом». А я был малый — такой характер был. Мог достать на баштане среди бела дня... Голова в скольких местах пробита... Любил оружие. Потому и пошел. Брат был головой сельрады — когда объявили продразверстку, он пошел в лес — отказался (идейные мотивы).

Атаман был Матюха. Был в Красной Армии, 12 ран, 2 ордена Красного Знамени. Тип анархиста: «Что вижу — все мое». Был вором (принципиальным?). Когда «раскуркуливали» в 22 году — местные на этом заработали, построили дома, а у него — ничего, когда вернулся. Он и пошел.

...Уводят кабанов (это начало), пишут куркулям записки: «Столько-то денег, а то будешь сожжен». И поджигают.

...Матюха хорошо пел. Музыкант он был — гармонист. Матюха был жесток невероятно, *любил убитого*: убьет и долго сидит над ним, отрежет ухо, палец, нос... Убил 2-х своих за непослушание.

Внешний лозунг — «против НЭП'а», но фактически — уголовное дело.

С каждым днем банда росла (начало 23 г. весной), выросла до 100 человек. Пулеметов не было — одни винтовки. Патроны: посылали людей в Кавердину Балку. Там был хороший слесарь, который имел связь с одним командиром Красной Армии в Полтаве. Он обещал достать 12 ящиков патронов. Но нужно золотом 500 руб. [Обложил].

Пошли в Загрунивку к попу вдовому. Месяц, красиво, тишина, кое-где собаки... У него молодой сын с женой. Бо-

гатый собственный дом. Постучали — 3 раза — потом открыли. Поп с сыном — электрический фонарь у окон. Разбили окна. Они побросали топоры, оба стали просить, чтоб их не били. Потом:

— Дайте мне богу помолиться.

Наганы в рот наставили etc... Загнали в подполье. Жена сына лежит в спальне, некоторые ее изнасиловали, она даже не кричала... А сын с отцом в подполье в другой хате... Ходят по хате, один бренчит на гитаре, другой завел граммофон, светятся все лампы, бьют посуду... На улице часовые. Шкаф — посуда, за посудой — мешок с медью старинной. Агент говорил, что у него есть золото. Спрашивали:

— Где ваше золото?

— Нет.

Жену:

— Где золото?

Она:

— Нет.

Опять — искать, поднимают пол etc. Она (жена) все лежит. Тогда кто-то решил согнать ее с кровати. Распоролли подушки... Прогнали ее в другую хату. Она там села. Тогда подняли кровать (в виде ящика) — и там: шелк, шали, браслеты и стеклянная банка с золотом, завернутая в вату. Забрали, пошли. Там было на 300 руб. Агент поехал, привез только 2 ящика, сказал, что остальные — потом, через 2 недели. Потом он удрал. Как?

У Матюхи было 4 жинки, в разных селах — все законные.

«Крестьянская молодежь любит нахальность».

Все его любили. Довольно высокий, чернявый чуб носил, щеточку-усы. Голос очень громкий. Одна из жен сказала однажды, что агент этот — дома; она добежала до лесу — 12 верст. Сели на коней, ночью приехали. Жена агента плакала и мать, его привязали к лошади, повели к Пселу, там всадили 12 пуль. Дома нашли золото — сам признался, показал, клялся быть верным слугой...

Комендант Полтавского ГПУ — тов. Живодер, бывший бандит Христового. Он гонялся за бандой на автомобиле, с конницей. Бандиты дня по 3 не ели... В Семереньках загнал в болото — пешком — коней уже забрали. Отбились — дали 12 залпов. Но знали бандиты тайные дорожки по болотам, нам 3 версты — им 8. Все-таки догнали те на конях. Засели на

Грунь-Тушани в тростнике, те стали переправляться. Матюха выстрелил, попал в рот Живодеру — убил.

Сделали 40 верст в эту ночь, скрылись в большом лесу около Лютеньки — там было 2 избы лесников.

А в банде было 2 шпиона. Они всегда старались идти в разведку и все передавали. Заметили мы, что все время открывалось местопребывание. Оба были весельчаки — «вроде клоунов», их очень любили, доставали водку...

Пробыли в лесу недолго. Решили удрать, распустить банду, разойтись. Надо достать документы. Сделали налет на Панасскую сельраду днем. Кто идет в сельраду — всех пускаем, а назад — никого. Звоним в Сорочинцы:

— Банда в Панасе — высылайте, — это для потехи.

Забрали бланки для паспортов, сделали себе документы. Остановка за деньги. [Но раньше] Одновременно — решили ликвидировать шпионов. Пошли в Будищи — у одного крестьянина богатого нашли червонцев 200. Богатый этот старался, чтобы его не раскулачили, поэтому он подлизывался к милиции...

В банде был один, его брат, пошел к куркулю красть — его поймали и засадили. Брат и решил отомстить. Стучится, баба отвечает:

— Никого. А кто тут?

Мы отвечаем:

— Милиция.

Тогда старик с сыном вышел из клуни, с дробовиком, пригласил в хату. Тогда вышел прятавшийся брат вора, [он] убили из наганов его и сына. И при обыске случайно нашли в сундуке у жинки 200 червонцев.

Потом — в Зеньков — ночью. Там было милиции человек 100, а нас было 86 человек. Часть на конях, часть на подводах, часть пешком. Послали разведчика переодетого. В 12 ночи вступили туда. Начали стрельбу. Паника. Вскочили в учреждение, там достали массу денег. Мне — 50 червонцев; у Матюхи была специальная торбочка, полная денег. Все кончили в полчаса, не было убитых ни с той, ни с другой стороны.

Только выехали из Зенькова — залпы, пулеметы... Побросали коней, подводы поехали по одному направлению (извозчики — сельяне), а сами — в другую сторону пешком, с деньгами. Те палят по подводам, а мы из сосняка... Это —

ночь, под осень. А мы дошли до Будищ, там взяли подводы, пошли в Романовку.

Через несколько дней — слухи о больших отрядах, наступающих кругом. Видим — конец приходит, и решили распустить банду. Но перед тем устроить прощальный пир, деньги были. Те же двое (шпиков) были наряжены достать еды, вина, привезти баб. И под вечер, на лугу, возле копны сена, близ Романовки пировали. Музыка, гопак, веселье отчаяния. Шпиков спрашивают:

— Ну, что не разыскали провокаторов?

Те:

— Нет. Да какие там провокаторы, когда завтра с утра — все в разные стороны...

Ночевка в Романовке — после пирушки. В одной большой хате и клунях — 36 человек, с Матюхой; в двух других — 20. В это время из 100 осталось уже 56 — разбежалась часть, кто почему. Было, напр., два брата — саратовские немцы — колонисты: они всё считали свои деньги — положили себе сколько-то накопить, и когда накопили — ушли.

Ночью отряд окружил избу, где было 36. Те завалили окна мешками с мукой, из-за мешков отстреливались до утра, потом — сдались. А остальные 20 успели уйти... «Агент» послал отряд за ними по ложному следу. [Утром] К ночи на другой день они вернулись в Романовку — и здесь узнали, что всех увезли в Полтаву, кроме двоих, которые сейчас же были выпущены. Это и были два шпики. Их нашли и убили.

Потом сдались и эти 20. Все сидели в тюрьме. П. Н. — «секретарь» — 2¹/₂ года. Процесс, до 400 свидетелей. 12 человек было расстреляно.

...Было у них знамя с надписью: «Долой НЭП! Да здравствует погром!»

В городок — въезжает на тарантасе приезжий. Слышит: колокола звонят вовсю. Спрашивает возницу:

— В чем дело?

— А это мы *бандитов чествуем*.

— Как так?

— А зеленые они. Грабили — житья не было. Ну, воевали с ими, а потом предложили им сдаться. Они пришли и сдались — так чествуем их. Спектакль нынче для них в театре играют...

Ник. Вас. Успенский (брат Глеба).

«... Несколько лет назад он явился к нам, — рассказывает попадья — его теща — в Ефремовском уезде. — Пришел бо-сиком, поселился, жил с нами как родной. А потом обесчестил мою дочь — «назло вам» — как он сам мне сказал.

— За что же назло?

— А сам не знаю. Просто, захотелось вам сделать гадость.

Затем он на ней женился, быстро свел ее в гроб, а девочку — ее дочь — взял с собой и ушел от нас. Жил он потом тем, что потешал купцов, мещан и мужиков игрой на гармошке, всяким шутовством; девочку свою заставлял плясать и говорить для потехи всякую похабщину. Иногда — «для забавы» брал ее, как щенка, за шиворот и бросал в реку или пруд.

— Вот сейчас вы увидите образец, как воспитывать детей надо... — и в воду ее.

Тургенев, чтоб спасти его, целое именье ему подарил. А он именье бросил, изругал Тургенева последними словами и опять ушел шататься. А кончил тем, что зарезался на Кузнецком Мосту бритвой среди бела дня. Глеб Успенский очень ценил его и иногда просил:

— Помоги-ка мне, напиши тут мужицкий разговор — ты гораздо лучше сделаешь это, чем я...»

Кличка: «Машка-вырвиглаз».

«Пошла душенька в рай и ножками завияляла».

«Кончил дело — и лапти кверху».

«Залез под холстину» (помер).

При охоте на барсука, охотники кричат:

— Куси его зеленого.

«Он проявил антисемитизм против финнов».

Евонная *мармотка*.

«Юпочка» — девочка.

«С женой живет отдельно ввиду ее смерти».

«Гражданин Иванушкин Егор Сергеевич, происходящий из Калужской губ. Тарусского уезда, деревни Андреево, меняет фамилию и имя на *Фрам Генри*».

Польский говор:

- Цо то есть?
- Почекай, почекай!
- Нех их дябли везьмо!
- Я шляхтич, а не лайдак.
- Як пана Бога кохам.
- Быдло. Хлоп.
- Прóшу до нашей компаньи.
- Не видзел.
- Вы мувите, что быть не мóгло.
- Я ná то скажу вам...
- Ктура годзина?
- Я ниц не мувем против.
- Бардзо мило!
- То бендзе найлепше!
- Може. Нех. На гóнор.
- Я жартую (шучу).
- До видзенья.
- Пфе! А пфе!
- Я пшиехал.
- Так есть!
- Ровно есть то глупо, як...
- Ниц ту нема дивнего.
- Чья ж то вина?
- Можна. Ни можна.
- Ни мам в себе.
- Ни вем.
- Кажды з вас.
- Хочь бы. От.
- Слово.
- Я могл был. Ни могое.
- Не тилько... але
- Революцийны...
- Бесцеремониально!
- Нипотржебно.
- Зно́ву. Приватнэ.
- Глуповство.

- Идзь.
- Ясно, як дзень.
- А ниц ни бендзе?
- Для чэго?
- Ни. Никто.

(Дикий).

Два часовых. Табак etc...

Поп – бутылка...

На Кавказском фронте (империалистическая война): зима, лежит замерзший изнасилованный ребенок, дальше – мать, отец...

На перевале – батальон замерзших аскеров: как живые, только глаза белые, рачьи.

«Мышеспособная кошка».

«На луях сижу». <2 л. вырвано>

На площади завода – 150 километров рельсовых путей.

Соцгород – на 100 000 жителей (строится).

Завод начал постройки в мае 1930 г., живет уже более 100 000 человек.

ВУЗ – металлургический институт (переведен из Томска). *Техникум. Фабзавуч.* Во всех учится 5000 человек.

Ленинский рудник: в 1931 году пустит 3 новые шахты; в 1932-м – 22 новые.

Население за год: в 1930 г. – 30 000, теперь – 80 000 (на Ленинском руднике).

В Кемерове электроцентраль на миллион киловатт. Паровая, на угле (на угольных отбросах).

Винковский завод; завод комбайнов.

Редкое помешательство <вырезка из газеты:>

Петропавловск-Акмолинский, 3. В Петропавловск доставлен из села Мариинского, Петропавловского уезда, бывший земский начальник Товун, начавший вести дикий образ жизни. Товун покинул село Мариинское, где жил, и поселился в кустах на берегу реки, питаясь рыбой, падалью, кошками, собаками, причем употреблял пищу в сыром виде. Зимой Товун жил в яме, вырытой им недалеко от села, и пытался кормиться даже трупами с кладбища.

Товуна несколько раз арестовывали, но вскоре освобождали, так как он убедительно просил не мешать ему жить так, как ему хочется. Медицинское освидетельствование, произведенное в Петропавловске, установило, что у Товуна редкий вид помешательства, заслуживающий специального изучения. С этой целью Товун отправляется в Томск.

Для перевода:

1. Уездное — 4 листа

Алатырь

2. На куличках — 5 листов

3. Том рассказов:

Рассказ о самом главном;

Пещера;

Мамай;

Ёла;

Икс;

Чурыгин;

Дракон;

Мученики науки;

Двенадцатиминутная драма.

Сюжеты для рассказов:

1. *Одна* (женщина на метеорологической станции).

2. *Нос* (Америка. Актер с ужасным носом: «типаж», карьера etc. Влюблен. Невеста соглашается только в том случае, если исправят нос жениху. А у него договор с кинофирмой. Суд. Американский суд приговорил его... к носу).

3. *Рассказ об Аракчееве*.

4. *«Грибок»*.

5. *Приговор* (доктор на голоде).

6. *Обезьянье войско* (фантастический).

7. «Михаил Исавыч».

8. *Последний день* (Крым; слухи о том, что вода в море закипит etc.).

9. «Гибель «Надежды» (север; судно «Надежда»).

10. «Покойница» (похоронное пособие).

11. «Подвал» (тема «Потопа»).

12. «Двойник» (две квартиры у одного человека etc.).

13. «Пустыня» (Сибирь; нужно перейти безводную пустыню, чтобы спастись от белых. Женщина среди 2–3-х. Сходит с ума. Осложнение: муж и любовник).

14. *Вагон* (трамвайный; в аренду).

15. *Любовь* (идут вдвоем; ночь; напали, его раздели, ее — не тронули. Он возненавидел: шубу сняли!).

16. *Акушер* (село, медпункт. Никого. Милиционер уговаривает бабу:

— Да погоди же ты! Да потерпи немного!

Потом засучивает рукава и принимает роды).

Председатель сельсовета едет венчаться в ЗАГС на тракторе.

На Казанском вокзале поймали человека с чемоданом — в чемодане сукно и ситец. Человек стал доказывать, что это не его собственность, а это он украл: если собственность, он — спекулянт, высылка в Сибирь, а если он вор — ему только месяц отсидки. *Юридическая конструкция...*

(Новый мир, IV, 1931. Статья В. Е. Львова.)

Уравнение Дирака.

Поль Дирак, английский молодой ученый в 1928 г. составил «мировое уравнение», охватывающее весь физический распорядок вселенной — «от атома до Млечного пути». Две версии решений, отличающиеся тем, что в одну из них энергия и масса электрона входят с +, а в другую — с —. Минус-энергия!

Электрон с энергией и массой = 0, «существует в бездеятельности» — на нулевом уровне энергии. Полный выход электронов из мировой деятельности, полная их *ненаблюдаемость* (невидимость).

Но если «ноль энергии» — это бездеятельность, то отрицательная энергия — уже *деятельность*. Некий физически деятельный мир *по ту сторону* поля массы-энергии.

Основной закон природы: все тела, на которые не действуют посторонние силы, стремятся к уровню наименьшей энергии. Вселенная представляла бы кладбище отрицательных электронов — «группов», плотно спрессованных на «дне» мира — если бы не какой-то импульс, какой-то толчок. Какой?

Закон Паули: на одном уровне в одно и то же время не может находиться больше одного электрона. Если основной массив вселенной представляет собой раскинутый в полном оцепенении «ковёр» отрицательного электричества, то электроны, вытолкнутые оттуда законом Паули в сферу бытия, должны оставить в массиве дыры, воспринимаемые опытом, по закону контрастности, как частицы + электричества (протоны). Таким образом, каждому электрону, функционирующему на активной авансцене мира, соответствует своя *тень*, отбрасываемая им на закулисную «стену» вселенной (где энергия ниже ноля).

Таким образом — положительного электричества... не существует!

Перенос минус-электронов из отрицательной «подпочвы» мира возможен (на основании закона сохранения энергии), *подъем* этих минус-электронов возможен только *при условии* количественной компенсации этого подъема одновременным падением + электрона (или + электронов) с высшего уровня на низший. Но подъем — электрона — это «прыжок», огромный подъем, для осуществления которого требуется одновременно ряд падений + электронов. Т. е. появление «заграничных» электронов в поле зрения физического эксперимента — явление, весьма редкое и ничего общего не имеющее с умеренными переходами электронов из одного уровня на другой — с переходами, составляющими сущность явлений световых, электрических, магнитных и т. д. Эти чрезвычайно редкие и количественно огромные разряды энергии (падения электронов) составляют суть радиоактивных явлений. В этих явлениях скорость «бета-частиц» — очень большая и подходит к разряду тех скоростей, которыми должны обладать электроны, поднятые из «— мира». «Ядра» атомные, высвобождение (самопроизвольное) «из недр ядер» запасов внутриатомной энергии — так трактовалось до Дирака радиоактивное явление. После Дирака ясно: «ядер» — нет, «ядро» — фикция, «тень»; β -частицы — это элект-

роны, сорвавшиеся с «отрицательного» уровня вселенной — вестники из «минус-мира».

Возможно — обратное явление: выход из строя отдельных активных, + электронов путем *глубокого* падения их через ноль — каждого в свою «дыру» на отрицательные уровни энергии. Одновременно — вылет в + мир электронов, движущихся с еще более огромными скоростями и заряженных еще большей энергией, чем β -частицы. Эти «сверхбыстрые» электроны — «космические лучи» (смертельные!).

14

Лебедянь, 1931.

Церковь.

Служба под Успенье. Пусто, гулко. На клиросе — монаш-ки (бывшие), в белых косынках; одна — с бородавкой — поет почти басом. На левом — унылый одинокий голос девочки: — Подай, Господи.

Священник служит *двумя* голосами (дьякона нет): дьяконским басовитым, потом — священническим, тенорком.

Посреди церкви — аналой с иконой, подсвечник, тонюсенькие свечки...

Староста — ободранный, но в каких-то уцелевших щегольских штиблетах: лакированных с серым верхом...

Сторож — «Николай Балабон».

Подгорная церковь — сушилка. У входа — красный флаг.

Попы — на принудиловке (8 минут езды), в каменоломне.

Совхоз: овес — себестоимостью 2.60, а сдают по 80 коп. пуд. Провоз до ссыпного пункта — 90 коп., и все-таки даже без доставки...

В казаках из 1000 едоков в колхозе 110. Остальные не идут, на них давят, берут коров — не идут.

В Вязове: на сход приезжает оратор, начинает насчет колхоза — мужики молчат.

— Да что вы, немые, что ли?

Молчат. Оратор начинает разговор о другом — о больнице — сразу ожили, заговорили. Оратор незаметно переходит на колхозы — мужики опять немеют... Тактика! «Парламентская...»

Колхозники неохотно берут новую землю и охотно отказываются от земли. Происходит *уменьшение* душнадела, *обезземеление* крестьянства («все равно — излишки все сдавать»). Это выгодно для совхозов при дальнейшем развитии: получится рабочая сила, которой сейчас не хватает.

Сергей Маров, похожий на Саваофа, с белейшей бородой. 80 лет — пасет телят (тут же, на Зеленой улице). Разговаривает о Льве Толстом: свидетель его смерти, бывший буфетчик в Астапове. Сын в Ташкенте сидит 6 месяцев без допроса...

Базар: помидоры, яблоки — бель, шелковка, боровинка; телеги с огурцами; красный перец; сливы и тёрн; масло комками в капустных листьях; грибы — боровики, подберезники, «печерицы», масленки; куры, цыплята...

Единоличник, рабочий в совхозе: (сезонник, «подрабатывает»). Весной в счет зарплаты выпросил денег, посеял. А потом, напуганный «твёрдыми заданиями», просит сельсовет взять у него посев — весь, бесплатно (вывезти по заданию пришлось бы больше — когда-то он валял валенки). Те кобенятся, он выставил им ведро...

Священник из бывших офицеров: военная выправка, служит — командует батальоном (ангелов). Неопытному дьякону — сердится в алтаре:

— Налево кругом — в царские врата (кругом престола) — марш!

По-официальному любезен с дамами: [после] на исповеди рассказал фривольный анекдот, после исповеди поцеловал ручку — скандал в церкви...

Он, конечно, «старой» церкви, не «живец». В церкви — на клиросе монашки, выгнанные из Троекурова (одна, старая, толстая, с бородавкой — поет басом). Однажды священник явился к службе чуть-чуть подстриженный; монашки увидели, зашептались и — забастовали:

— Не будем служить с красным попом, — ушли с клироса.

Дипломатические переговоры, одна из «верных» прихожанок поручилась за него перед монашками. Их революционное выступление закончилось, странная пауза среди всеобщей — тоже, запели «Ныне отпускающе...».

Священник «идейный» из инженеров, нашедший математические доказательства существования бога...

Странник Ларивон («вечный жид»).

В юности учился в хасидской школе, уже там задумался о Христе. К его родителям в городе ходила швея, побывавшая в Оптине. Ее рассказы совсем закружили голову поэтическому юноше — он решил скрыться от своих и перейти в православие. Ушел вечером. Прятался два дня где-то в овине. Полиция — по заявлению родителей — его искала: не нашла. На тройке бешеных помещичьих лошадей (его судьбой заинтересовались) его мчали в Троекурово, там окрестили. Он [ста] пожил у помещицы... Помещица в него влюбилась — ее атаки. Он [ушел от нее] по доброте, из жалости (она грозила, что убьет себя, плакала) взял ее...

Наутро — в отчаянии: что же это он сделал? И когда она уже налила ему стакан кофе, он вышел на минуту — и через сад — ушел.

Стал странником. Часто кружил около Троекурова: все боялся, не сделала ли она чего над собой. Его признали: «божий странник». Лезли к нему с вопросами: продать дом или не продать, отберут большевики или не отберут, грех на службу к ним идти или не грех... Он отделялся неопределенностями.

Когда отбирали церковные ценности, он был в церкви, он не выдержал, он крикнул:

— Вспомните! Вспомните!

Один хотел его взять, но товарищ сказал ему:

— Не трожь — видишь, из жидов он.

Все-таки его позвали в... и дали ему «волчий билет»: проходное свидетельство, с правом в каждом местечке оставаться не более 3-х суток и с обязательством не удаляться из района такого-то уезда.

И он ходит — вечный жид. Ходит так уже 3—4 года. Летом и зимой в коричневом верблюжьем балахоне — не то рся,

не то пальто; мешочек за спиной; шапка черная суконная — вроде того, что носил Лев Толстой; патлы черных смоляных с сединой волос. И нет полагающейся страннической палки: он не боится собак, он умеет умирять их — глазами...

Коммунист влюблен в мешаночку. Очаровательное тело. Она требует венчания в церкви; коллизия; он, наконец, соглашается. *Тайное* венчание; находится провокатор (шафер), который выдает. Коммуниста исключают из партии. Через несколько лет — он разошелся с женой — снова в партии.

Базар:

— Ты что, ай на том свете родился? — Торговка (женщина?) сидит, курит. Разве раньше — это мыслимо?

Торговка с белой курицей (огорченно):

— А я курочку — дурочке дала подержать. Ко мне, понимаешь, [дру] дурочка зашла года два назад, да так и прижилась. Хорошая дурочка. Я ей и дала подержать: думаю — подержит она, так бог пошлет — дороже продам. Московская одна подошла — четыре с четвертью давала, а я четыре с половиной просила, ну она и ушла. Вот тебе и дурочка помогла.

— Так умной дурочка, может, и помогла бы, а дура дурочка не поможет.

— Все вы нынчи такие пошли — нехристи [без].

А рядом — двое разговаривают о выступлении Литвинова...

Старуха в очках — с «волной» взбитой шерстью.

Милиционер и милиционерочка в коричневых чулочках и туфельках, курносенькая, розовенькая — нежно перешептываются...

— А ты спроси тамбовскую бабочку, тебе всякий покажет...

Совхоз «Агроном».

На зеленом пустыре — с десятков «скорых» зданий: Канада... Людей почти не видать: все на обширном пространстве совхоза. Нужно до 1200 рабочих — налицо 300—400. Затеяли фруктовый сад (в 2400 десятин!!): на время уборки (счи-

тают человек по 5 на десятину) потребуется целая армия. Сейчас (года 2—3 назад посаженный) сад-молодняк тянется версты на 2.

Малинник и земляничник. Есть проект — уборку малины производить косилкой: все скосить, отряхнуть ягоды — и снова сажать.

На территории совхоза: барак (нары; девка моет пол; стол посередине; электрические лампочки; чисто); столовая (земляной пол; столы; стенгазета — «ношение галстуков»); через переход — огромная кухня; 2 палатки для сезонников — человек на 40 — нары, солома; два дома — с комнатами и квартирами служащих; «медпункт» — сени; конюшни; сарай-столярная; авторемонтная мастерская-кузница; колодец (не работает — воду берут в бочках за 10 верст).

Рабочие зарабатывают от 1.50 до 4 рублей. Встают (звонки) в 4^{1/2} утра, завтрак, идут на работу; в 11 — обед, с 2 — на работу, в 7 — ужин. Десятичасовой день. Кормят хорошо: утром — кулеш; обед — суп с мясом (100 граммов) и каша; ужин — 2 блюда.

Колхозник-старик А. М., 70 лет. Вдвоем с женой — изба, зеленый выгон, иконы. 3 сыновей-коммунистов в Москве, но на них — надел. Один из сыновей здесь раскулачивал; (в отместку) отца заставили работать вовсю, за всех: ездил в ночное, в дождь; сторожит колхозный склад (возле школы на выгоне). До того замотался, устал, что иной раз вернется домой, брякнется на кровать — и ревет. Так как в прошлом году он был единоличником, то в этом году (из прошлогоднего урожая) должен сдать: 20 пудов семенных и еще — 45 пудов.

Красивая Мечь: загнутая дугой лента реки; правый берег все повышается — ¹/₄ версты — это уже гора, река внизу, берег этот кудрявится лесом. Село на том берегу — Тютчево; церковь вдали, в деревьях.

На этом берегу — маленький колхоз (из 12 дворов) — выселенцы из Вологова. Веселый колхозник Алексей Федорович. Изба: молодая жена; корзинка-зыбка с мальчиком. Как только вошли «сезонники» («московские») — в дверях девки (красивые), мальчишки, 2—3 парня: собрались смотреть на гостей.

Алексей Федорович:

— Когда с отцом жили — кроме козы, никого не было, а теперь живу — век бы так жить. — Но вместе с тем: — Когда, конечно, человеку руки назад свяжут — неприятно жить. Вот если бы руки развязать да тут бы жить — помирать не надо!

Председатель колхоза — молодой, безусый малый; все его хвалят, довольны.

— А ведь в прошлом году его ведь чуть было не раскулачили. А он — с 7 годов до 17 босиком в *пастухах* бегал — *сирота*. Ну, потом иголки, нитки бабам продавал, чтобы не голодать, это верно. И вот ведь, что десять годов в драных портках бегал пастухом, голодал — это забыли, а что потом цельные штаны себе заработал — это вспомнили. Ну, мы его всем селом — заступили — отстояли...

Алексей Федорович:

— Фа-акт! На большой палец! На ять!

Миасс.

Урал. Весь изрыт шахтами — и ни одной не видно: все в *домах*, ход в подполье — и шахта. Роят золото.

Случай: соседи; один сделал боковой штрек и попал на штрек соседа. Жены ждут-пождут: нету их. Спустились: оба — мертвые, встретились под землей, подрались — кирками: готово...

Платиновая история.

Швед, имел небольшую платиновую фабрику — платина, иридий. Скопил около 100 кг. Революция. Он зарыл все это в леску (...50 шагов от такого<-то> дерева прямо на север, 20 — направо etc...). Уехал за границу. Там разорился. Когда вернулся — пошел искать. Ужас: леска и след простыл — прошли тут и чехи, и Колчак, и красные. Швед с ума сошел. Предлагал $\frac{3}{4}$ тем, кто откопает — рыло все село...

Из протокола XVI съезда, статья Рыклина, Известия, № 194, 16.VII.1930.

Из *стенограммы Ярославского* о чистке — характеристики: «Четкая политическая установка, морально здоров, партийную линию проводит, но есть уклон в сторону кулака и пьет до потери сознания».

«Политически выдержан, идеологически неустойчив».

«В Макеевке работники одной столовой внесли в договор на соцсоревнование пункт: «Обязуемся не бить посуду и не плевать в лицо посетителям...»

Дети, двое, играют.

– Ну, как живете?

Один:

– Дуже погано.

– А что?

– Батьку и всех нас с хаты выгнали.

Другому:

– Ну, а ты как?

– Дуже гарно.

– Ну-у, что такое?

– А мы с мамкой и батькой в их хату вьихали.

Крестьянина спрашивают:

– Ну, что, как с жирами? Рису у вас где можно достать?

Ответ:

– В музее, в Миргороде...

Дети.

Один:

– Твой отец кто?

– Учитель. А твой?

Молчание. Потом:

– Никто. – И уходит.

1-й:

– Нет, постой, так нельзя. Я тебе сказал, кто мой отец, а <ты> мне нет. Как так «никто»?

– Ну да, никто. Он в Сибирь сослан.

«Клерамбо». Ромен Роллан.

«Хотя бы вы были тысячу раз правы [когда] относительно искреннего заблуждения, но если вы прибегнете к силе, чтобы раздавить его – вы совершите гнуснейшее из преступлений против самого разума. Потому что заблуждение так же право, как истина. Истина в том, чтобы всегда искать ее...

Преследовать того, кто хочет, но не может – быть может, никогда не сумеет найти для человеческого преуспеяния менее бесчеловечные пути – значит сделать из него мученика.

Ваша дорога — лучшая, единственная, хорошая, говорите вы? Следуйте ей и позвольте мне следовать своей дорогой: или вы боитесь, что я прав?»

Несуществующее дитя.

Супруги. В те годы, когда давали «приданое» на детей — решили фиктивно родить ребенка. По соглашению с предкомом — записали его в свои документы, получили «приданое». «Дитя» — Немо — росло. Потом супруги решили развестись. При разводе их спрашивают:

— Кому останется мальчик?

— Какой мальчик? Ах, да...

И мальчик растет, отравляет жизнь. Пробуют «умертвить» его. Это не удается. Уже надо вести его в школу...

15

<2-я стр. обложки>

Гражданин Кривошеенков из деревни Нижние Уссохи — *Нибелунгов* (5.VIII.1936, Известия).

Гражданин Мишин, проживающий в г. Брянске, признан умершим (Брянская Нотариальная Контора, 3.VIII.1936, Известия).

Профессия: утопленник, 600 франков в месяц. Для практики Общества спасения утопающих. Конечно — русский безработный.

<3-я страница обложки>

Роман «Сашки-милиционера».

Воспоминания Фигнер.

Книги:

Фолкнер. «Вопль и ярость».

Берлин.

Воскресенье. На дворе — *нищий*, поет: в белом воротничке, сверху видно — прекрасный пробор, начищенные сапоги...

На углу — босой.

Много молодых, хорошо одетых парней, просят милостыню.

Приближение Рождества.

«Серебряное» и «золотое» воскресенье.

На дворе утром однажды выросла куча елок. На улицах — тоже. Елки, освещенные на площадях.

В «серебряное» воскресенье — ларьки с товарами на улицах. На Alexanderplatz. В этот день торгуют магазины, но фабрики и учреждения не работают: толпы народа на тротуарах, у Тица, у Вертгейма, иллюминированные снаружи здания универмагов.

Wedding — кварталы по пути. Новые дома, выстроенные на займы. Чистота — такая же, как и на главных улицах, только меньше света. Те же Тицы, Вертгеймы, Саламандры. Но — здесь все магазины (за исключением Тица, напр.) — все маленькие магазины пусты: буквально нигде ни одного человека, все — в центр, в Weston.

...Пивная. У стойки — час уже стоит багровый немец, с неподвижным лицом, за третьим бокалом. Какой-то в русском картузе только смотрит, не пьет. Невеселы. Играет русский оркестр, в русских рубашках...

Neue Welt (Neue Köln).

Две огромные (Народный Дом) залы.

Дым, крик — ровный, общий. Какие-то «баварские» дешевые декорации. Деревянные непокрытые столики — нет места. В зале — тысячи три. На сцене — оркестр, баварский танец, кончающийся тем, что кавалер садится верхом на даму...

Разносят январское пиво (Bockbier), Kranzwürstchen <исправлено из: Kranzwürstkalb> и... редьку, декоративно нарезанную веером («редечная» машина на глазах у публики чистит одна за другой редьки и режет их).

У многих на головах крошечные смешные бумажные шапочки, картузы, цилиндрики. Солидный в коричневом костюме господин в меховом картузе. Девушки (все некрасивые — как в массе, в простонародье — некрасивы немки!) визжат; в обнимку; вот одну несет на руках кавалер — еще одну...

На сцене — фейерверк; потом — темно, прожектор — и наивно, на веревочке цеппелин тянут...

Сигарный дым, гам, смех... Обалдеваешь.

В соседнем таком же зале — танцы, пенье. И еще маленькие залы, тоже полные.

Аттракционы: «желоб», качели, проба дыхания, тир. Wahrdichter — около него сидит, ждет правды, подпершись, толстый лысый человек...

В вестибюле — панно: шеренга-батальон *козлов* на задних ногах (Воск — козел). И два огромных козла — с бокалами пива на другом.

С десяток собственных авто перед рестораном.

И... сколько безработных в зале?

Техника комфорта.

Звоните снизу, жужжанье — означающее, что дверь открыта. Везде пылесосы. Топят основательно. Licht на лестнице — кнопки-тушилки в пепельницах.

Фотомонтаж.

Только дайте фотографии — можно сделать что угодно. Фотограф, получивший отказ от невесты и имевший ее фотографии, сделал из них монтажи, изображавшие отца с дочерью, и разослал их. Новый жених дочери получил тоже. Сделано было так, что даже эксперты потом разошлись во мнениях. Брак расстроился, девушка покончила с собой.

Сюжет:

Слепой, попавший в Берлин — все преломляется в нем по-своему, потому что он не видит.

Безработный...

Проститутка...

Нищий...

Жонглер — работает по 9 часов в день. Добился — держит 3 шара в руке один на другом.

Дрессировщик обезьян <нрзб>, гипнотизер, гипнотизирует своих обезьян, они у него делаются удивительными жонглерами, жонглируют даже при потушенном свете (жонглер-человек завидует обезьянам, потому что без света не может).

Профессия: продавец старых бутылок из-под шампанского — кризис в его профессии.

В молочном магазине, в витрине — *корова*: вертит шейей, шевелит ушами, закрывает и открывает глаза, жует жвачку, обмахивается хвостом, ее доят, льется струями... конденсированное молоко...

В кабаре острóта: «Летом 1932 <года> *Тиц* покупает «парламент»...»

У русских-полупролетариев *прислуга* — жена довольно большого чиновника, получающего 500 марок в месяц: ей нужны в месяц еще 50 марок, и вот она приходит, моет пол, стряпает... А хозяйка — студентка Берлинского университета, муж — тоже, зарабатывают вдвоем 300 марок.

Чехи вместо «крепко спать» — «твердо спать» <tvrdě spát>.

В *Москве*:

«Мадам-барышня!»

«Доктор — доктор, настоящий доктор по женским болезням. Обратите, дамы, внимание — пупки зашиваю, пистоны вставляю!»

Письмо подписано: «С *безбожным* приветом...» «Катехизис безбожника».

Мальчик советский боится идти в сад ночью:

— А черт там!

— Да ведь ты ж говорил — чертей нету?

— Ну да, нету, а, может быть, какой-нибудь один и остался!

— Значит, боги есть, если их прогоняют! (Мальчик.)

Рига.

Национальный праздник, пестрые (желтого много!) солдаты, шагающие частым маршем. Процессия — цеха со знаменами, перевязи через плечо из лент. Трубочисты — все в цилиндрах: в этой «профодежде» — в цилиндрах — они ходят и на работу...

У Гитлера в программе:

1. кастрировать всех евреев;
2. если девушка-немка соединяется с евреем — они подлежат жестокому наказанию...

Университет в Берлине.

Драки между студентами. Гитлер с коммунистами перед университетом в сквере. Университет закрывают...

Студенческие корпорации (анонсы в вестибюле университета: Teutonia, Baltika, Borussia, Saxonia etc.).

Во дворе — памятник павшим студентам, венки.

Фуксы-девицы.

На студенческих торжествах надевают форму, ужасные сапоги. В наказание провинившуюся заставляют ежедневно навещать старую деву, которая когда-то была членом корпорации.

Аудитория, где читал Гегель, Моммзен (их бюсты)... Больше 300 аудиторий.

Теологический факультет, откуда выходят раввины и пасторы — и те, и другие...

Университет в бывшем дворце Фридриха-Вильгельма.

Студенческая читальня: человек 400 — все с газетами разных направлений, шуршат... Молчание.

Торговка паутиной — для кино. Кризис: стали делать искусственную паутину. Но она не подошла — опять перешли к естественной.

Прага.

Похоже на Эдинбург.

Неровно, беспорядочно, весело. Уже нет берлинского ранжира, перейти улицу труднее...

«*Батя*» — крупными буквами, всюду...

В парках — низенькие [навесы] навесики на траве: *приюты для воробьев...*

«*Улица алхимиков*» — игрушечные домики, коммерческое предприятие: обитательница показывает его за деньги, продает открытки. Домик — комната + кухня (и где алхимик варил философский камень) — похож на наши провинциальные.

«*Знаки*» на домах: «У трех лебедей» (ресторан), два сердца, змеи, аисты, три страуса etc.

Studená voda v umyvadle, jest pitná — «*Пейте сырую воду!*»

Около ворот вывеска: «Позор ауто!»

Фотограф перед съемкой: «Позор!»

Солдатам — команда: «Позор!» — «Смирно!»

«*Черствый хлеб*» — свежий хлеб по-чешски.

«*Рыхлый влак*» — скорый поезд.

Запомянуть — забыть.

УХмеля — 12 сортов сосисок.

Пивная Флека — в старом монастыре. Своды, старинные кованые из железа фонари. Длинная, узкая пивная зала — в монастырской галерее. Войдешь — как в пивную бочку: запах. Пиво и соленый миндаль. Поют за соседним столом — наполовину по-чешски, наполовину по-русски. Пиво — «проточное» с завода — прямо в бочки и в глотки. В 11 часов ночи обходят — дают сколько угодно кружек последний раз. В 1 час закрывают. И тогда — гофмановское: собираются какие-то нищие, горбуны, хромые: им раздают бесплатно остатки, опивки...

Град.

Дворец — замок Валленштейна. Замечательный портик-крыльцо, колоннада. В какой-то холодной кладовой — конь Валленштейна, чучело — и на стенке портрет Валленштейна.

«Татинек» — Масарик. Старик в куртке, в коричневых высоких сапогах, в узких спортивных штанах. За ним — всегда [его] агент охраны, а он старается как-нибудь удрать от него. Однажды в лесу, в полях, удрал так, свита забегала, ищут, спрашивают у крестьян в поле:

— Не видали, тут не проходил старичок такой худощавый?

— Нет.

А когда он подошел, крестьяне ему:

— Беги, старичок, скорей — тебя ищут...

Когда он вернулся после революции — все высыпали встречать. Больные в больницах вылезали из окон по трубам...

Бывшие легионеры — всюду: они в привилегированном положении.

Общее.

Если бы *азроплан откуда-нибудь из стратосфер* падал вниз в течение двух месяцев, через два месяца — конец, то на третий — на четвертый день падения пассажиры бы уже привыкли, дамы стали бы мазать губы, мужчины — бриться... Так и весь мир теперь: *привык падать, привык к катастрофе...*

Черное солнце: когда восходит, от него все темнеет, наливается черным...

В эмиграции — два наиболее ходовых автора: на первом месте Елена Молоховец, на втором — Пушкин...

В ресторане эмигрант — офицер бывший — кельнером. Как будто кельнером и родился. Никогда и раньше не читал книг, и теперь не читает. В свободные свои дни приходит в свой ресторан, сидит, пьет пиво.

Париж.

— Заходите, пожалуйста. У нас всегда бывают шоферы, артисты, полковники...

Инженер Дима Усов — химик, поет цыганский романс «Твои глаза зеленые» и играет на гитаре.

Половой — sexuel.

Ресторан «Бар». Когда Митя поет — притушены огни,
зажигаются цветные лампочки под потолком.

Недаром сердца наши бьются
При звоне наполненных чар,
И звонкие песни несутся
Во славу ахтырских гусар.

Теперь на чужбине далекой
Заветы мы дедов блюдем,
И в память <...>
Мы звонкие песни поем.

Эх, две гитары.

Мы только призраки...
Как вдаль уходит караван...

Французская православная церковь. Французского подряд-
чика посвятили в дьяконá...

Первая *митра* митрополита была сшита из *бального лифа*.

Скит монашеский русский... *под Реймсом*.

Изобретатели русские.

Изобретатель рекламы на *облаках* — русский, пьяница.

Дуниковский — «алхимик».

Махонин, изобрел *essence* для авто и аэропланов, по-
лучил огромные деньги, занят теперь изобретением аэро-
плана.

Визитные карточки монпарнасцев:

«Давид Тарноградский. Моннет».

«Yvonne Madoux. Blonde».

Кофе на автомобиле. *Кофе* — на *велосипеде*. И даже — в
Париже — монахини «сестры» в своих ушастых чепчиках —
на велосипедах...

Рассказ X. (Cagnes).

Война. Солдаты в брезентовых сапогах в Карпатах, в снегу. На ночь вырывали яму в снегу, костер: к утру низ сапог сторел, бёрцы отморожены — в тыл посылать надо. В полку 3 батальона с ружьями, один — без; на винтовку по 3 патрона; в виде особой милости, приказом Великого Князя Николая Николаевича, после взятия одной деревни:

— Выдать по 9 патронов на человека...

Жили только австрийскими патронами. По уговору — приходили только — целыми ротами: идет впереди один со свечкой (чтоб не стреляли), за ним — лента людей...

В Виннице — маршевые роты: по 40 000 в полку. Кормить нечем. Посылали вагоны за крупой в Россию, кое-как добывали сами. Тут же, в Виннице, [началась], застала революция. X. не знал, что делать: никогда политикой не занимался, в 905-м купил «программу партий», но одного в их полку за такую программку арестовали — и X. свою сжег в печке.

Комитеты. Его приглашают на заседание в уверенности, что он не явится. А он решил пойти, и когда пришел — комитетчики побледнели, вскочили:

— Ну, арестовать пришел...

Потом выбрали его председателем комитета.

Митинги. Стал говорить — «сам не знаю как, не помню что». Солдаты любили.

Похороны 6 разбившихся в Виннице летчиков. Вдруг прискакал вестовой:

— Скорей! Там — бунт в городе...

Под городом в овраге нашли три разложившихся трупа. Какая-то баба пустила слух, что это — «повешенные офицерами, один жид да два русских...». Толпа требует коменданта на расправу. X. уговорил вызвать сперва врача, чтобы решил, действительно ли повешенные. Врач «Яша» — робкий, растерялся. От него требуют, чтобы прежде всего определил, где еврей, где русские. А как определить? Этот вопрос наудачу решил X. Затем представителей от толпы увел за собой — расследовать архивы военного суда.

На другой день — похороны «жертв революции». Впереди раввин, несут «еврея»; затем — попы, несут двух русских. Вдруг впереди — толпа, выдергивают колья, разбирают камни. X. (на лошади, вороной, *хвост с красным бантом*). X. подскакал:

— В чем дело?

— Да как же: жида впереди несут... Жидов, вот, бить хотим...

Еле уговорил их...

Ездил по селам, организовывал там комитеты. Из села Калины несколько раз приходили депутаты. Наконец, поехал туда. Слез с экипажа — посыпались камни:

— Бей его! — Еле успел вскочить и уехать.

Наутро — опять депутаты из Калины:

— То недоразумение было. Просим приехать.

Не поехал. Уехал с фронта домой (был в это время «губернским комиссаром» — попросту, губернатором).

Из дому, позже, в Харьков. Два расстрела при большевиках.

Первый. Бандитизм в Харькове. Х. предложил свои услуги по ликвидации. Согласились. Он распустил всю милицию, всех ночных сторожей, организовал патрули из добровольцев. Дело пошло лучше. Но была среди добровольцев одна женщина, бывшая сестра милосердия, получившая на фронте Георгия. Ночью она арестовала, вместо бандита, помощника коменданта города — с этого дело и пошло. Потом в каком-то сарайчике напротив штаба добровольческой охраны нашли оружие и станцию беспроволочного телеграфа. Х. арестовали — и к расстрелу.

Вывели, поставили. Стена, деревянный заборчик — весь обрызган мозгами, кусками мяса, крови... Спрашивают:

— Деньги есть?

— Есть.

— Сколько?

— 50 000.

— Давай.

— Не могу. Они — дома. Пойдемте — дам.

Пошли. Полез в отдушник.

— Надо топор — стену разрубить.

— Иди, неси топор...

Х. пошел — через черный ход — и ау...

Второй раз. Он был заведующим всеобучем. Офицер — из зависти, что слушатели курсов ходили на лекции не его, а Х. — донес на него. Арестовали, приговорили. Повели в ЧК. Но конвоиры не знали, где ЧК, тогда Х. повел их в концентрационный лагерь, которым заведовал Саенко. А Саенко

раньше был околоточным исправником и работал в сыском, и Х-у разыскивал украденное одеяло, разыскал и получил 500 руб. Знакомый! Уж лучше к нему...

Компания: вся судебная палата, мальчик-реалист (занимался пиротехникой – порох...) и начальник Х-а. Заключенные начали жаловаться однажды на качество пищи. Саенко в ответ:

– А-а, такие-сякие! Когда мы на фабриках за целковый в день...

– Какая там фабрика, когда вы околоточным были! – реплика Х.

Результат:

– В подвал его.

В подвале – один распят, руки прибиты гвоздями к полу; другой – так же, на стене... Поставили к стенке, дуло – к виску... Выстрел.

«Жив я – или уже?..»

Жив! Выстрелил другой, сзади, из другого маузера... И так – еще раз...

На другой день перевели в тюрьму. Там, в первый же вечер в камере подходит надзиратель с ключом – и тихо Х-у:

– Ваше высокородие...

Тот думает: «Провокация!» и:

– Я вас не знаю.

– Как же не знаете? Да я ж у вас унтер-офицером был... – называет фамилию. – Я вас завтра в политическое отделение переведу...

Утром очутился наверху, в «политической» камере. Там оказались все, кто был с ним в концентрационном лагере. И народу все прибывает...

Однажды приходит надзиратель:

– Такой-то! С вещами – на волю!

Видно в окно, как он идет по двору с вещами, затем – у сарайчика его останавливают – с ним [комендант,] низенького роста латыш.

– Клади вещи!

Кладет.

– Нагнись! Голову нагни!

Тот не хочет. Латыш прыгает, хочет схватить и пригнуть его голову... Потом целится в него из револьвера снизу – осечка, вторая... Тогда конвоир стреляет из винтовки – тот падает...

Когда назавтра вызвали «на волю» следующего, он крикнул:

— Расстрелян! — и сел на койку.

Надзиратель:

— А-а, расстрелян! — и ушел.

Так спаслось несколько.

Однажды надзиратель вошел, прямо — к X-у:

— С вещами — на волю!

Сказать «расстрелян» было уже нельзя, стал медленно собирать вещи... Надзиратель обругал:

— Не копайся! Живей! Ну?

В коридоре X. спрашивает его:

— Ну, скажи по правде: расстреливать ведь? Я не боюсь, мне только бы жене дать знать...

— Да нет, ваше'скородие: на волю. Только скорей, скорей...

Пришли в канцелярию. Там на него напустился — грубо, матерно — начальник. X. пригляделся: да он же был у него в полку прапорщиком! Но виду не подал — заметил, бывший прапорщик что-то говорил глазами... Начальник протягивает бумажку — мандат на освобождение, на чужое имя, которое звучит похоже...

Скорее — во двор, к воротам. У ворот — часовой. Отвел протянутую ему руку с мандатом:

— Комендантом приказано — никого не выпускать.

Это был самый жуткий момент за все время. X. вернулся в канцелярию — к начальнику. Начальник вышел с ним сам во двор, накинулся на часового — тот поколебался, поглядел исподлобья, отступил в сторону...

Дóма. X. вымылся, взял ванну. Сел, распаренный, красный — пить чай в столовой — и сам не верит: неужели? Уцелел?

Прибегает сын, гимназист, с улицы, бледный: дом окружен — солдаты — обыск... X. схватил зачем-то недоеденную булку — и на чердак. Там был спрятан когда-то револьвер и несколько обойм. Нашел их — и решил: не сдастся, все равно... Устроил баррикаду, засел. Позиция удобная: вниз идет узенькая винтовая лестница, патронов порядочно, можно брать «их» по одному...

Лежал так долго. Тихо. Голуби-туртурели ворковали... Вдруг заметил: жует булку, удивился, но продолжал жевать.

Съел. Еще через полчаса или час — шаги: идут наверх, сюда. Он слышит голос своей жены, потом чей-то:

— Веди, веди, говорят тебе, а не то...

Он взвел на feu, ждал: сейчас... На последней площадке шедший впереди остановился, плюнул:

— А ну их к... В подвале два часа копались, теперь тут еще... Пойдем, ребята, домой...

Ушли. Х. — сейчас же вниз, во двор — через дыру в заборе во двор епархиального училища, потом на кладбище — и в лес... Там прожил несколько дней. Так спасся.

Монте-Карло.

В коробке из гор. Цвета: море — синь с белыми барашками (как завитая женщина); дома — чесучовые; красные крыши; черная зелень гор.

Такое же чесучовое казино, на берегу — длинное, как министерство — или какой-то музей. Музей и есть... Идешь мимо главного входа — и в другой какой-то вход как будто в подвал: там стоит гидроплан. «Парк» кругом. Кактусы. Один выбросил стрелку — вернее, мачту высотой [в] сажени в полторы, а наверху — как будто сидит зеленый попугай, опустив хвост: цветок. «После цветения этот кактус умрет...» Олеандры, пальмы...

Скамейки кругом казино — красные: чтобы не видно было крови на них — если стреляются? Впрочем, со стороны набережной скамейки цвета моря, лазурно-синие.

В городе, недалеко от казино — «ненастоящий» полицейский офицер, с пестренькими, веселенькими аксельбантами, пестренькими эполетами, в белых перчатках, с животиком...

Казино. Прилавок для première fois — документы — билеты. У дам документов не спрашивают, если они с кавалером. И — фойе. Тишина. В креслах — одинокие фигуры, с листками («системы», записи) в руках, сидят — «работают». Вот седой старик в очках — вид английского министра. Дама — курит, не переставая...

И — святилище. Тишина. Лакеи в белых чулках, внимательно приглядывающиеся к посетителям. Столы рулеток и trente-et-quarante. За каждым столом — 6 крупье, все в черном, как фигуранты похоронных процессий. Тарелка рулетки с какими-то медными ромбовидными шипами (зачем?). Шарик...

— Rien ne va plus!

И непременно кто-нибудь норовит поставить в самую последнюю секунду ..

Человек, игрок – сутулый, весь исполосованный морщинами, с бородой – иссохшие, невероятно костлявые руки. Седые старики и старички. Стриженная дама с проседью, курит – вид курсистки. Девушка в красном, с моноклем. Человек с моноклем, загорелый до чугунности, лицо открывателя полюсов. У всех – листки в руках, записывают вышедшие номера. Иные «мажут» по мелочам: две-три ставки по 10 франков. И никакого «звона золота» – фишки шуршат, тишина... Воздух как будто выкачан наполовину из этих зал, трудно дышать, лица – как будто спокойные – горят. Чувствуется глубоко упрятанная, затянутая в корсеты, жилеты лихорадка.

Рядом с фойе – читальня, потом буфет. Направо и налево – уборные – королевские! Это самое роскошное во всем казино...

Касса для размена денег на фишки.

Красные и синие авто от Ниццы – длинные, комфортабельные. По дороге: Кап-д'Ай, Вильфранш. Где-то по пути – полуразбитый автобус: accident. Едут мимо...

В другом месте пробита, смята решетка над морем, над пропастью. Очевидно, тоже какой-нибудь вчерашний accident. Едут мимо...

Тулон – Марсель.

Земля, грядки – цвета беж – почти белые по сравнению с нашей землей. Домá – все тоже беж, с зелеными ставнями. На дворах – пальмы, стоят спокойно, как бузина. Под них льют помои...

Белград.

Эмигранты называют друг друга: «Ваше превосходительство...» Делят будущие должности. Попечитель уч^{ебного} окр^{уга}, б^{ывшего} Кавк^{азского}, «назначен» в Ташкент: обиделся насмерть! Ссора из-за этого...

Монте-Карло.

Рулетка. Крупье сменяются каждые два часа. Второй час – он уже устает, получается некоторая машинальность в его работе, серийность, система. *Игра на дюжинах:* [надо] он ставил на 1-ю дюжину и на первые 4 номера дюжины – по 5 франков: выигрывал от 50 до 200 франков в день.

Гораздо менее закономерно — в *trente-et-quarante*. Показали старичка, который каждый день уносил по 6—10 тысяч в *trente-et-quarante*. Художник, безденежный, сам не играл: он только изучал систему, записал до 200 000 случаев и вывел формулу, по которой при «оборотном капитале» в 6000 франков в месяц можно заработать не менее 120 000.

История Синегубова.

Щуплый, маленький, серенький — художник. Приехал из Москвы в Париж (о Париже давно, упорно мечтал). Жил здесь в мансарде, питался сухими макаронами — толлок их и запивал чаем. И все-таки был счастлив: Париж!

Но безденежье полное, нечем платить даже и за эту мансарду. Картины не продаются (художник он плохой). На Корсике оказался его московский знакомый — бывший артист Таирова, теперь — ксендз. Пригласил его к себе на Корсику. Синегубов в восторге: Корсика! Через некоторое время пишет оттуда отчаянное письмо: «ксендз» заставил его быть служкой, пономарем. Синегубов с раннего утра благовестит в церкви, прислуживает на мессе, убирает у «ксендза» дом, пасет и доит его коз. Главное несчастье — козы: он ненавидит их, ненавидит доенье, ненавидит козлиный запах, вдобавок — козел вечно бодает его...

Дальше — больше: «ксендз» заставил его причаститься — и тем самым Синегубов стал католиком. И еще хуже: однажды ксендз повел его в гости к корсиканскому крестьянину, познакомил его с дочерью этого крестьянина, тот просидел с нею вечер, другой, а по корсиканским обычаям — он после этого уже считается женихом... Он должен жениться на этой дебелой корсиканке. А он хочет вернуться в Москву — и поневоле становится «невозвращенцем». Живет, пишет портреты местного мэра, комиссара, богатых крестьян...

Ницца.

Expulsé.

За кражу или повторное пьянство — высылают (русских). Трехдневный срок... Он исчезает с квартиры, хозяйка его забирает все имущество — остается в чем есть, гол как сокол. И начинается странная, нелегальная жизнь. Живет подачками, «франч<иш?>ками», которые сейчас же пропиваются. Наконец — поймали. Посадили. Вышел из тюрьмы — старается

опять напиться, чтобы свалиться на улице — чтобы подобрали и опять в тюрьму: там ему живется хорошо, всегда сыт — работает при кухне...

Потом, наконец, высылают в Италию. В Италии — оденут в новое платье на казенный счет, накормят — и с жандармами ночью в подходящее место на французскую границу, поставят на тропинку, толкнут:

— Иди!

И на другой день expulsé — снова появился у заведующего столовой при *petite église russe* в Ницце...

Монастырь в *Ментоне*: в церкви, на стенах мраморные дощечки с надписями: «*Merci*», «*Merci*». Эти адресованы Мадонне, под каждым «*Merci*» подпись. Это — исцеленные от ревматизма или жена, к которой вернулся бросивший ее муж, etc. Картины по стенам: дилижанс, с верхушки летит вниз человек, дата внизу; корабль, погибающий в море, и еще, и еще корабль; бык, преследующий девочку etc...

Gattières, Carros, Le Bros... Горные, похожие на аулы, местечки без канализации, вонь... Прекрасные, старинные двери. Хоть два раза или раз в день — но сюда ходит автобус из Ниццы.

И по дороге из *Carros*, похожего на средневековый замок на остром зеленом холме — по дороге из *Carros* идет *русская девушка!*

Около *Reiga-Sava* ы строятся пороховые склады, проводится военная дорога. Строит это... *инженер Субботин!*

Большая дача и имение *Юденича*.

— А откуда ж у него деньги?

— Как откуда? Сам же деньги печатал, менял у союзников. Ну, себе и оставил... У него тут еще два имени на юге...

Нижний.

Революция. Студенты и офицеры у власти. Уголовные, их — 25 человек, их арестовало трое. Они заперты в школе. Взбунтовались. Боялись (городской голова) зайти и спросить, почему бунтуют. А дело просто: забыли дать им туда воды, двое суток не пили.

Венчание, свадьба — для русских во Франции — дело серьезное, требующее адвоката. Адвокат нужен, чтобы выру-

читать «метрики», вернее — установить их судебным порядком, с показаниями свидетелей etc. За это нужно заплатить суду 700 франков да адвокату. А потому официальный брак здесь среди русских вывелся: живут так.

Венчанье (французское).

Хор поет «Ave Maria», орган. Жених (рыбак) в смокинге, невеста в белом. Сидят на мягких креслах (повернутых дражными, рогожными спинками к публике). Становятся на колени с удобством — на особые стульчики [со] с подушечками. Собрался смотреть весь поселок...

Праздник. Всюду шелканье шаров: играют в «буль», молодые и старые. Везут детей в колясочках. Вечером — трубач трубит. Это значит — сегодня работает кино, сеанс...

Сети. Надевает их на себя, на тело — прежде чем сесть в лодку... Женщины днем на берегу тянут их... Вытягивают из моря — с берега: две партии, одна один конец, другая — другой; переносные лямки.

Беженские приключения.

Ростов, декабрь. Деньги — «колокольчики» и «донские». Поезда, поезда, все прибывают. Харьков уже занят. На улице — норд-ост, бумажки, пыль. Комнат нет. Наконец, у какого-то железнодорожного служащего Х. находит себе угол за 200 рублей в час. В одном углу — супружеская пара — ночью едят мандарины и целуются, днем — ругаются; в другом углу — прапорщик; под печкой — Х.

... Однажды пошел по улице за двумя красивыми женщинами, они оглянулись. Вошли в дом рядом с казначейством — и уже улыбаются сверху из окон. Он крикнул с тротуара:

— Извините, нет ли у вас комнаты?

— Есть.

... Сошлись на 15 000 в месяц. Две хорошеньких вдовы. И оказалось, тут же живут еще две офицерских семьи: пехотный — жена-казачка и казачий — жена, отбитая у пехотного.

Близко Новый год. Слухи, что под Новый год сделают нападение зеленые. Приказ караулу казначейства — быть

начеку и в случае чего помогать. Пехотный офицер ухаживает за своей бывшей женой.

Встреча Нового года. Подпили — и дамы тоже. Пехотный офицер с бывшей женой ушли в соседнюю темную комнату, слышно — целуются. Новая жена, казачка, горячая — подстерегла их, когда они выходили, и начала лупить палкой обоих. Дикий женский визг. Караульный офицер в казначействе услышал (а тоже — навеселе) и решил:

«Зеленые!»

С солдатами — туда, спасти женщин. Вбежали: темная комната, лампу в драке разбили, женщина кричит:

— Спасите!

Офицер:

— Пли!

Стрельба. Х. и другие залезли под стол. В это время пробило 12: Новый год встретили под столом...

Все больше народу. Слышны пушки. Начинают бежать за границу. Х. отказывается. Однажды пошел проводить дам — постоять с ними в очереди за пароходными билетами. Сам не заметил за разговором, как дошел до окошка. Спросили документы, дали билет, взял на всякий случай...

Паника, посадка на пароходы. Море. Флот в 200 судов прибыл в Варну, в Константинополь. Турки, греки — прожженные — растерялись от вида этих еле одетых, дрожащих, голодных, обовшивевших людей. Потом стали брать кольца, камни — в обмен на хлеб.

Один из пароходов взял баржу на буксир, в барже — больше женщины и дети. Баржу в пути оторвало, она носилась несколько дней. Выбросило на камни у Зонгулдака. Прибой. Турки зацепили канат за скалу, перебросили потом на баржу — и по канату перетягивали пассажиров с баржи. Молодая красивая женщина с ребенком — [вся] кожа на ладонях содрана: в барже руки примерзали, когда она держалась во время качки. Этими руками с голым мясом — цепляется за катер...

В Константинополь — не пустили: на острова. Принкипо — «английский», соседние — «американский», «французский» и «итальянский». На Принкипо — отправили «аристократию». Х. — на вилле с актрисой и генералом. Счастливы — но ненадолго: им отвели «верх» — одна большая комната, окно разбито, на полу намело снега. Актриса плачет. Обстановка — один огромный гардероб. Х. предлагает актрисе спать там. Она

в ужасе: в гардеробе? но если закрыть дверцы — там как в могиле. Ей принесли садовую скамейку, стряхнули снег, легла. Х. положил на бок гардероб, залег, закрыл дверцу — тепло...

Х. встретил знакомую — жена гвардейского офицера. Роман. Уговариваются — бежать в Константинополь. «Бежать» — потому что англичане отпускали туда редко, иногда ездили туда без «отпуска», тайком, как гимназисты, залезшие в кочегарку или в машину. Дама взяла два бриллианта у Х., чтобы продать их в Константинополе.

— А завтра приеду с деньгами, дадим машинистам и поселимся в Константинополе, я там пока и квартиру присмотрю...

Прошло завтра, и послезавтра, и еще. Ее нет. Х. поехал в Константинополь, но где же там найти? Стал толкать<ся> в русском консульстве, потом зашел, спросил, где такая-то, не знают ли.

— Как же, знаем! Она у нас взяла визу на Италию.

Потом узнал, что она в Риме, выписала туда мужа и открыла ресторан.

Пока Х. ездил в Константинополь, сосед, офицер Паренаго — выкрал у него из корзинки все деньги. Вернулся: осталось 5 лир. Надо искать работу...

В Земском союзе дали наряд в угольные копи, в Зонгулдак. Барак, нары, кукуруза и фасоль, раненые ноги мешают работать. Через 2 недели уехал на Принкипо. Где жить? Увидел заброшенный, заваленный навозом домишко. Хозяин — бывший австрийский офицер — с русского сначала ничего не хотел брать, потом — за 3 лиры в месяц.

Х. начал столярничать. Ничего, пошло (выпиливал лобзиком игрушки, художник их раскрашивал). Знакомые харьковские студенты, куколь-яснопольские, голодные, без гроша, без квартиры. Пригласил их жить у себя — и работать. Они прожили полгода, так ничему и не научились, пошли служить к американцам — переводчиками.

Заболел тропической лихорадкой. Госпиталь. Вышел оттуда — желтый, скелет, без гроша. Изобрел сандалии со сгибающейся деревянной подошвой. Компания для изготовления сандалий: Х., еще офицер гвардии и его жена. Наделали, надо идти в Константинополь по улице и выкрикивать. Учились кричать на пустыре, но когда попали на улицу — ни Х., ни его компаньон не могут кричать: стыдно. Х. нес сандалии в портфеле, кричала жена компаньона...

Предложили новую работу: к американцу богатому, одинокому, на которого по временам «находило». Платит бешено. Согласился. По-английски — ни слова. Несколько суток — все шло хорошо. Ночь — чувствует, кто-то душит его. Оказывается, на американца «нашло». С тех пор боялся спать по ночам, извелся. [Опять] Однажды заснул — американец опять душит. Бросил, ушел.

Графиня Z. узнала, что он был у сумасшедшего американца, и умолила его пойти жить с ее мужем, русским.

— Он немного тронулся на религии, но тихий.

Двое ребят, они понравились X-у, он согласился.

Граф изобрел какую-то лупу, она, недостроенная, стояла у берега, ее разбило. Он разыскивал винты. Бинобль затянуло волной под камень, и чтобы взять его оттуда, нужно было поднять камень. Граф был очень силен, попробовал, но не вышло. X. поднатужился, поднял — граф зауважал, и это спасло X. Граф, оказывается, прежде всего принял принцип «непротивления злу», но понял его по-своему: это значит, что если хочется сделать злое — не противься. Поэтому он иногда нещадно бил детей, бил приставленных к нему для призора за ним. X-а не тронул, боялся.

Жизнь с графом. Тот читал Библию. Вдруг иногда будит среди ночи, в 3—4 часа, зовет, начинает толкование Библии или религиозный спор. Он страшно возбужден, с него градом льет пот...

Нянька больна, X. готовит обеды, ухаживает за детьми. А ночью будит его граф и тащит к Библии. X. решил... лечить его.

— Вот в Евангелии сказано — можно верой сдвинуть гору. Вы можете?

— Могу, — подумав, отвечает граф.

— Ну, гору мне <не> надо, а вот пусть у меня завтра будет 10 лир — хочу послать [на] матери в Россию.

Граф молится ночь, наутро спрашивает:

— Нету 10 лир?

— Нету.

Тогда граф решает, что к деньгам Бог не может иметь отношение, а лучше он, граф, исцелит раненые ноги X-а. Заставит X-а молиться вместе, вслух (молитва).

Не помогает.

— Мы стояли не так, надо носки ровно, в линию, вот по этой щели в полу. Ну, начнем...

Х. решил в конце концов свести графа с ума совсем, чтоб можно было отправить его в сумасшедший дом. Он устроил графу светопреставление.

Луна в тот месяц, действительно, была над Принкипо и Босфором — небывалая, красная, жуткая — «кровавая». Х. нашел это место графу в Апокалипсисе. По соседству жил трубач, Х. подговорил его ночью затрубить — «труба архангела». Граф выскочил из дому в одном белье — и в море...

Тут и в самом деле началось светопреставление: революция в Турции, красные флаги. Начали избивать русских беженцев. Сели на пароход и поплыли во Францию — Марсель, Париж. И наконец: куроводство около Ниццы...

Париж.

Парикмахер покрывает дамам *волосы светящимся составом* разного оттенка: блондинкам — розоватым, брюнеткам — красным. В театре тухнет свет — и волосы у женщин светятся, красный ореол кругом волос...

«Куполь».

6 утра — ночь под Новый год. В большом зале — полно, гуденье, гам. Некоторые в бумажных колпачках, картузиках. Надувает кто-то громадную резиновую колбасу, она пищит. В «баре» — Кики. Ей за сорок. В лиловом шелковом платье — под которым ничего. Отпускает словечки, вот легла животом на высокий бар-стул и «плывет»... Опять села. Рядом с ней на высоком стуле, обнимая ее — Ш. Риппол<?>, что-то шепчет ей на ухо. Она вдруг обозлилась на слишком зашумевших «буржуа» в большом зале, открыла туда дверь, вынула груди, высунула в дверь, показала туда же один голый зад, подняв платье... Бармены философски смотрят на все...

Эвакуация.

...Жили в *Кисловодске* у священника. У него три дочери — две курсистки, два сына-студента. На балконе около самовара — всегда компания студенческой молодежи, веселье, споры, песни. Уже слухи о наступлении большевиков, о предстоящей эвакуации. Х. заведывал подвижным составом, он искренно обещал взять семью хозяев с собой, заранее условился с каким-то госпитальным вагоном, чтобы их взять туда. И вот настала эта минута — суматоха, бестолочь. Нигде нет

лазаретного вагона: сам Х. где-то еле добыл для себя и жены место. Вернулся к хозяевам за вещами. Какой стыд в душе: обманул — хоть и не виноват. Девушка-курсистка стояла в передней, когда он уходил, и только молча смотрела на него, ничего не сказала, но это запомнилось на всю жизнь. Она скоро умерла от сыпняка.

Ессендуки.

Толпы беженцев. Разговоры прислуги о «Еремеевской ночи». Однажды, закрывши плотно окна, сидели, играли в карты. Подходит знакомый, вызывает:

— Выйдите на балкон.

Вышел: слышит где-то вдали пронзительный крик, за ним еще, еще. Уже кричат целые кварталы, бьют в медные тазы для варенья, потом один-два-три выстрела — и все понемногу затихает, опадает. Это — устроили «звуковую сигнализацию», значит — где-то налет... Так Ессендуки выли по ночам две недели...

Реквизиции теплого белья, обуви.

Прислуга Аннушка понесла узел «реквизитору», о котором ходили самые страшные слухи. Перед ним стоит очередь, трепещут. Пришла Аннушка. Пригляделась: у него мизинца одного нет.

— Петенька, ты тут что это?

Реквизитор Петька взглянул — узнал Аннушку: частенько, бывало, сиживал у нее на кухне. Аннушка:

— Ах, ты срамник! Как же это тебе не стыдно — таким делом заниматься?

В Ессендуках в казенной гостинице в коридоре идешь мимо, и на дверях вывешены надписи: «Князь такой-то», «Граф такой-то»... Все «Владимировичи» там жили... И там же жил Ге — анархист, примчавшийся в Россию из Америки, как только узнал о революции. Его назначили (большевики) комендантом Ессендуков. Интеллигент, мягкий. А жена — генеральская дочь, красивая молодая женщина (только что родился первый ребенок). И эта генеральская дочь — ярая коммунистка, запанибрата с солдатами, служит в ЧК, известна жестокостью. Ге защищал, при нем никого в казенной гостинице не тронула. Потом его перевели в Кисловодск — секретарем коллегии ЧК.

Артамонов.

Гимназист 7-го класса, объявил себя большевиком, сшил ярко-красную черкеску, набрал отряд, «бронированный поезд» с 2 пулеметами — ездил и облагал данью население. Поезд пришел в Ессентуки, стоит на вокзале — все ходят «смотреть на артамоновский поезд». Возле вагона — он сам и его помощник, маленький еврей в штанах гармоникой, с 2-мя револьверами за поясом, вид опереточного злодея. Он и на самом деле — бывший опереточный провинциальный баритон. Артамонов потом решил поднять восстание против советской власти; его однажды нашли со штыком, воткнутым в спину и с надписью:

«Так революция карает изменников».

Сюжет.

У. — розовенький, как поросенок, с оттопыренными ушами. Важно носит впереди себя брюшко. Получил в России представительство Farbenfabrik AG, заключил контракт, заработал куртаж 10 миллионов франков. Был в Москве едва ли не единственным гражданином, имевшим свою машину, особнячок etc. Ездил по делам за границу, привозил оттуда костюмы себе, подарки дамам...

Влюбился в Москве в Лизу. Она уже считалась его невестой, когда ему пришлось уехать по делам в Берлин. В Москве в это время арестован его брат, служащие: вернуться туда ему нельзя, а Лиза — там. Переписка с Лизой — тайная. Он делает все, чтобы Лиза выехала, но ее не выпускают. Тогда он пускает в ход последнее средство: он находит молодого немца, инженера-химика, который, за крупную сумму, соглашается поехать в Москву, жениться фиктивно на Лизе и привезти ее за границу. Этот инженер едет туда на службу от Farbenfabrik AG. У. оплачивает его службу и пребывание там. Инженер разыскал Лизу — знакомство — брак... Расчетливый немец, он старался откладывать из денег, выплачивавшихся ему У.-ом на жизнь. Он жил с Лизой в одной комнате, но договор выполнял честно: брак оставался фиктивным, хотя они спали в одной комнате. Лиза оскорблена как женщина: немец — как деревянный! Однажды попросил ее (как все же жену) заштопать носки, она бросила их ему в лицо.

А в Берлине у немца — невеста: она страдает от разлуки и от ревности — она посвящена во все...

И, наконец, известие: Лизу, несмотря на ее выход замуж за немца, все же не выпускают...

Так проходит 1½ года. И за это время Y. встретил блондинку с черными глазами, с острыми грудями — черногорку, смертельно и внезапно влюбился в нее. Они всюду ездят вместе (Y. полгода проводит в Европе, полгода в Америке, он — на всех фешенебельных курортах...).

И — неожиданно появляется Лиза... Y., из чувства долга, женится на ней, но любовь к черногорке продолжается — уже тайная. Драма...

(Y. ездит на своей машине Rolls Royce по Champs Élysées; в машине — радио, он пускает его в ход на Champs Élysées, чтобы все смотрели на него...)

Он входит в ресторан как король; протягивает пальто и шляпу, не глядя, их сейчас же подхватывают...).

В Киеве, во время обстрелов, бесчисленной перемены властей...

Квартира — наверху в доме, обращенная одной стороной прямо к Днепру (сад спускается по обрыву вниз, к Подолу). Из-за Днепра идут все обстрелы. Уже установился обычай, что стрельба начинается с 6 утра — до утра, до 6, все спят «спокойно» — одетые, обутые. Как начинается обстрел — бегут в погреб, сидят там весь день.

К X-ам ходила приживалка, пани Бентковская, почти слепая старуха, которую приводил швейцар. Всегда — накрашенная, нарумяненная, она сидела на сундучке в передней: глаза от света у ней болели. В погребе она чувствовала себя прекрасно... Сидела — и, не переставая, сплетничала.

Для детей обстрелы — наслаждение: не идти в гимназию, вся жизнь — особенная...

Мэри была влюблена в гимназиста из соседней квартиры. Когда начался обстрел, она не пошла вниз, чтобы показать перед ним свою храбрость:

— Кончу чистить зубы, тогда приду...

Тр-рах! — снарядом смело галерейку под окнами дома, под ванной, где она чистила зубы. Она, с ртом, полным мела, помчалась вниз, в погреб...

Взрослые сидели там, со скуки играли в покер. Пани Бентковская лежала, совсем больная. Столяр Василий метром вымерял ее и тут же сколачивал из каких-то досок для нее гроб:

— Только не обузь, голубчик, пожалуйста... — стонала пани Бентковская...

Париж.

Gallerie Lafayette.

В 7 часов мгновенно закрывается, продавщицы спешат. На одетые в дамские платья манекены торопливо накидывают чехлы — *белые саваны с капюшонами...* И вот уж пусто — и стоят только эти *фигуры в саванах...*

Rue Mouffetard.

Узенькая улочка. Странные вывески: ключ — слесарная, кисть с громадным золотым шаром — парикмахерская. Мясная — темно-коричневый домик, с золочеными рельефными быками и овцами на фасаде. Лавки — желтые груды бананов, мяса, масла, колбасы...

Церковь Сент-Этьен, с круглой башенкой, присосшей только к одному углу. Площадь Горы Св.-Женевьевы — с источником посередине...

Профессия содержателей публичных домов — очень почетная. Они для получения разрешения подвергаются очень строгой анкете: о их прошлом, о их нравственности(!), нет ли и не было ли судимости.

Есть один из сенаторов (делегат провинции), содержащий публичный дом...

Впрочем — так же было в Риме...

Генерал Вейган, когда кто-то (в Женеве) поздравил его как «победителя над Красной армией», объяснил, как было дело: поляки неудержимо отступали, а русские догоняли их... чтобы сдать, но никак не могли догнать. «Победа» Вейгана была только в том, что он остановил отступавших поляков на линии Вислы — и тогда русские стали подходить батальонами, [подни] бросая оружие и поднимая руки...

Газеты в Лондоне.

700 акров канадских лесов вырубают еженедельно, чтобы можно было выпустить воскресный номер лондонской газеты в 3—4 миллиона экз.

Специальные поезда для развозки выпусков таких газет, как «Times», «Daily Mail».

...Теккерей писал о студенте Pendennis, прогуливавшемся по Флит-стрит: «Смотри, эта машина имеет своих послов, своих курьеров всюду, своих офицеров, своих людей в кабинете государственных деятелей. Вот у этой газеты один агент сейчас покупает Мадрид, в то время как другой осматривает картофель Ковент-гарденский...»

Львы в Трафальгар-сквере на памятнике: сытые, хорошо пообедавшие и переваривающие этот обед. «Львиный» только костюм. Это и есть *британский нынешний лев*. «Don't disturb my digestion!» Вот секрет британского пацифизма.

Сэр Бойль.

Корректнейший. Живет то в Лондоне, то в Париже. Пригласил Год. к себе. Любезен. За обедом усадил рядом со своей женой. Год. чувствует, что он (экзотика!) понравился его леди Бойль...

После обеда сэр Бойль приглашает гостя к себе в кабинет. Там неожиданно показывает ему... коллекцию порнографических открыток и посвящает в то, что в Париже у него есть *une amie*. Ему страшно хочется сейчас поехать к ней, но... неловко перед женой. Вот если бы Год. был так мил и остался с его женой на время его поездки — потому что ведь сам Год. видит, что леди Бойль заинтересована им — тогда всё устроилось бы к обоюдному удовольствию...

Год. отказался. Бойль взбешен...

Берлин.

Как произошла революция 1918 года (9 ноября).

Подготовка в крайне левом фланге шла давно. Работали коммунисты — с помощью от Москвы. Уже произошла революция, и была объявлена республика во Франкфурте — 4 ноября, 5-го — в Киле, 8-го — в Мюнхене...

В Берлине эсдеки — Ледебур, Эберт, Носке, Шейдеман — совещались: что делать? Одни были за то, чтобы выступить через 2 недели, другие через неделю, Шейдеман предлагал — через 3 дня...

Утром 9-го совещались в Рейхстаге все утро — ничего не решили.

— Отложим до после обеда!

Пошли обедать в ресторан Рейхстага. Обед — тогдашний, «военного времени»: суп с овсянкой, это еще было на редкость хорошо...

Только начали суп — вызывают Шейдемана: депутация 30 000 рабочих от АЕГ. Он идет в библиотеку, открывает окно на площадь: там — море народа. Депутация докладывает, что положение — на волоске; Либкнехт — в зале (напротив) с балкона только что провозгласил советскую социалистическую республику... Тогда Шейдеман подошел к балюстраде окна — и провозгласил демократическую республику...

Затем вернулся в ресторан... — и стал спокойно доедать суп.

Носке и Эберт спрашивают, что случилось?

Шейдеман:

— Случилось! Я провозгласил демократическую республику...

Носке даже ложкой по столу хватил:

— Как вы смели пойти на такое самоуправство — без *конституанты* определить форму будущего германского государства?

Париж.

Halles.

Ночь. Ненужная, затерявшаяся среди уличных фонарей, луна... После часу, когда кончаются метро и трамваи, — внезапно, в течение 10 минут улицы на Châtelet меняют лицо. По трамвайной линии, пыхтя, идет локомотив и тянет вагоны — товарные, полные корзин. Подъезжают, останавливаются, загромождают улицы, [берут их как солдаты] заполняют их как внезапно вторгшиеся в город победители — огромные грузовики. Тротуары, мостовая вдоль тротуаров, перекрестки — всё вдруг оказывается застроенным бесконечными траншеями: мешки с картофелем, орехами, бобами, стручьями...

Еще час — и все улицы и улочки, окружающие Halles, [оказываются] проходы между отдельными корпусами рынка — всё завалено. Здесь, снаружи — зеленые [сугробы] траншеи капусты, коралловые [траншеи] — моркови, белые сугробы особой брюквы, нежно-розовые острова редиски... В ящиках-клетках Джаффа — как канарейки — желтые апельсины; [здоровые,] румяные, пышущие здоровьем, соком персики и абрикосы — в открытых ящиках; в похожих на колыбели корзинах — как дети — черешни; и маленькие корзиночки с красной смородиной, крыжовником, малиной; и покрывающий все бензины — запах свежей земляники...

Еще дальше — и сквозь розовые облака земляничных дыханий — пробивается благоуханная вонь сыров. Они — в почете: они не лежат на улице, они уже в складе, видны сквозь легкую клетку стен. И в почете — *мяса*: бесконечный склад, в котором разделяют туши, туши, туши... Подъезжают грузовики — и оттуда на плечах мясники несут в склад новые туши...

А напротив мясных складов, и кругом: на тротуарах и в отдельных складах — цветы, цветы — радуга, сейчас, ночью ее краски пока еще приглушены, они не кричат, они шепчут, они берегут голос к утру...

Торговки овощами и цветами, здоровенные, бокастые, в широких юбках, собранных в мельчайшие складки; садовники в очках — больше всё старики почтенного, ученого вида; посредники в узких юрких пиджачках. И грузчики, мясники — огромные, краснорожие, мускулистые — как атлеты, как палачи: они непременно в чем-то вроде спортивных белых рубашек, без пиджаков, в засаленных, окровавленных халатах поверх.

Компания мясников — человек десять — ужинает в кафе «Le Chien qui fume». Маленькое бистро; стойка расписана изображениями собак с трубками во рту; узор — портрет курящей собаки — на стене; на другой — рукописное готическое меню — тоже с курящей собакой... Цены — вдвое дороже, чем в Латинском квартале: для иностранцев. Наверху — комнаты для «господ», где (до кризиса) ужинали и танцевали американцы и прочие туристы. Блюда: луковый с сыром суп, вареная требуха. Хорошее вино...

Мясники разошлись — требуют еще и еще вина. В рубашках — с голой грудью (на груди — шерсть), с голыми руками; белые рубашки по-декольте оторочены красным. Едят и рассказывают веселые истории. Вчера председателю какой-то общины мясников девица поднесла на празднике цветы:

— А что [ему] мне делать с цветами? — спрашивает председатель и возвращает их барышне...

Вспоминают:

— В прошлом году, помнишь, мы здесь здорово жрали, а все-таки остатки нашего ростбифа можно было увезти на тачке...

Они говорят на странном, непарижском языке — слышны слова и обороты XV века, времен Франсуа Вийона...

В «Курящей собаке» — выставка типов: каждую минуту заходят, опрокидывают у стойки стакан вина, или рому, или кофе — и сейчас же убегают — работать. Молодой подозрительно апаш-

ского вида парень с немытым лицом; старик в голубой блузе с очками на лбу, шея повязана желтым платком; [знакомый] журналист — только что из газетной типографии, без воротничка, с выпачканными краской руками и шеей...

Над прилавком — вывеска:

*«Чтобы сохранить дружбу с нашими посетителями,
мы никому не даем в кредит...»*

Монмартр (выставка у Лафайета — перед Рождеством).

Перед открытым окном — в люльке висит маляр, остановился с кистью в руке — заболтался с горничной в окне. С кисти капнуло на матрону внизу — она устремилась к полицейскому (у полицейского — свирепый, утюговый подбородок).

Девушка-бонна везет в коляске ребенка.

Мальчишка, крутя резиновым ртом, выкрикивает:

— «Intransigent!»

Каштанщик (лицо — одни усы и брови) — в дыму своей жаровни.

Точильщик ножей, искры...

Мальчик-посыльный зазевался на искры — собака тянет у него из поставленной наземь корзинки сосиску...

14 июля.

Rue de Saint-Sauveur: коротенькая, узенькая улочка, накрытая небом, как потолком... Флажки, фонари. На улице танцуют — толпа, реuple. Танцуют две старухи лет по 60 — с темпераментом, сияя. Двое мальчишек, один 7–8 лет, другой лет 13, танцуют, как педерасты. Две девушки — как лесбийки...

В другом месте — группа подвыпивших иностранцев — англичане, русские — заводят посреди улицы круг фарандолы, увлекая французов.

«Парижский мужичок», женат на француженке. Устроился: обойщик, у него рабочие — русские и французы. Говорит по-французски:

— Доне-муа ле сизо...

Дочь, девочка Anne-Marie. Мать зовет ее с улицы:

— Marie! Marie!

А отец вторит:

– Маруська! Маруська!
Дети только по-французски, он с ними – по-русски. Они его не понимают...

Американка.

Уехала на Ривьеру, бросив мужа, потому что у собачки Bobby – туберкулез. Заказывает платье:

– Красное? Нет, нет! Бобби не нравится этот цвет, смотрите, как лает.

Опасная женщина М.

Другая, Х., чуть не выдала ей своего друга. М. заинтересовалась, но вдруг торопливо, без надобности стала мыть руки – *расспрашивала, повернувшись спиной к Х.* И Х. все поняла: эта спина выдала М.

Манекены.

Тяжелая работа. Девушка переделалась 5 раз подряд, в 6-й нервы не выдержали – разорвала платье в клочки...

Директорá – педерасты.

Разъезд манекенш: шикарное авто увозят их к содержателям. Наутро эти мужчины уже с женами – покупать платье...

Во время работы манекенши не имеют права пользоваться лифтами магазина.

Беженец, разошелся с женой во время войны. Потом – Галлиполи, заграница...

Однажды в Париже пошел на *выставку Пикассо* – и там к нему подходит *жена*: она – тоже в эмиграции:

– Я замужем, за немецким художником...

Амстердам.

Ночь. На площади, кругом церкви – красные витрины. В витринах – освещенные красным – полуодетые женщины, как манекены в магазинах. Но это не манекены и не магазины, а *публичные дома*.

Генерал У.

У него любовница, цыганка Маша. Приходила в его кабинет, садилась на письменный стол. И когда его не

было, писала на деловых бумагах, приготовленных для его резолюций:

«Обнимаю тебя. Твоя Маша».

У интендант-полковника не хватило сена для лошадей. Генерал приказал посадить полковника на крышу дома, поставить ему туда *ведро воды и вязанку сена*:

— Ешь, такой-сякой, сено!

И так продержал его двое суток...

Биография Сима.

Бойсаутом-гимназистом 4-го класса попал в отряд генерала К. До этого — мирнейшая жизнь в волжском городке, гимназистка, «кругосветки» по Свияге (которая течет в другом направлении, чем Волга) и Волге... И вдруг — ночные походы, разведки, выстрелы...

Его городок был взят красными. Потом [война] отряд К. взял город обратно через два дня. Вернулась мирная жизнь. Сима — снова в гимназии. И на первой же неделе — завоеватель, герой *получил двойку!*

Город — снова у красных. Сима простился с родителями, с братьями — на два дня и ушел с отрядом К. И вот, вместо 2 дней — уже 17 лет...

Ледяной поход через Сибирь. С запада — насаждают красные. С флангов — партизаны. И в тылу — эсэры уже сдают города красным (Иркутск). Целые недели питались «болтушкой»: в котелке растоплен снег — и по три ложки муки на человека. Иногда — счастье: в деревне доставали мороженных пельменей и щей. На стоянке — отрубали «кусочек щей» — пельмени — пир... И снова — бои, сыпняк. Самоубийства невыдержавших...

25 000-й отряд пробился. Генерал К. при переходе по льду Кана — отморозил ноги (лед, а боковые притоки — горячие, пар; ночью подмерзает сверху — и ночью сквозь тонкую корку — в воду, а потом по морозу). *Генерал, с начинающейся гангреной*, все же показывался отряду: его из госпиталя несли на лошадь, сажали, и он часами ехал...

Затем — служба в китайских войсках: сражался под Чжан Цзо-линем — против У Пэй-фу.

Гири. Ужасный квартал публичных домов — вернее, глиняных мазанок. Женщины там — от 7-летних девочек до древних старух. Все — на *откуп* у *акционерных компаний* (так же,

как и *рикши*, выдерживающие свою работу не больше 2–3 лет). Тут же, в квартале, на улице, и доктор, и уличные рестораны, запах масла, грязь, невероятные язвы нищих...

Китай – Монголия, дацаны – Шанхай...

Австралия.

Работа на фермах. В шахте. На медеплавильном заводе. Золотоискательство (компания: бывший владивостокский *городской голова*, 17-летний *Сима* и русский беглый *каторжник*). (Каторжник не выдержал, обокрал: остальные два компаньона выстрелами прогнали его.)

В лесу – на службе у железнодорожной компании. В палатке – зимы нет. Заочно кончает школу. Каждый год – месячный отпуск, билет I класса и аванс за месяц: путешествие по Австралии. Знакомство с чернокожими туземцами (которые презирают белых – за то, что те работают:

– Зачем работать? В лесу места много, плодов много, кенгуру много).

Пища: черные попугаи – столетние, варить надо сутки; кенгуру; *змеи с соусом из муравьев*... Чернокожие – антропофаги. Когда приходят в город, полиция заставляет их надевать *штаны и юбки*; как только вышли из города – штаны и юбки долой и идут...

Член английского трейд-юниона...

Работа на Гвинее: надзиратель за туземцами в шахте. Надо подгонять их ударами кнута: не хватило духу – ушел...

Кругом света на пароходе; Цейлон.

И наконец – Париж, уже кое с какими деньгами. Кончил коммерческий институт и поступил на фабрику Убигана. «Пудренное» отделение, где спасаются только тем, что пьют каждый час $\frac{1}{2}$ литра молока.

Snake.

В Австралии – хорошо: если вы пришли в город без денег, вы идете в полицию и там получаете чеки на 1 фунт мяса, 1 фунт хлеба, сливочное масло, сахар и чай. Остаться в городе можете только 24 часа: должны идти дальше и искать работу на фермах. Снова получаете съестные «чеки», если работы не нашли – и идете дальше.

Сима шел с 4-мя другими. На одной ферме сначала сказали – работы нет. Путники зажгли костер, сварили еду – и запели. Русские песни так понравились фермеру, что он сказал:

— Одного из вас, который помоложе — оставлю.

Это был Сима, остальные пошли дальше.

Сима по-английски еще понимал плохо. Фермер ему что-то лопотал:

— Snake, snake, — хлопал по плечу — уложил спать в сарае, куда притащена была койка: утром разбудит — пойдут корчевать деревья. Snake.

Сима заснул как убитый. Ночью проснулся от ощущения: какие-то глаза смотрят на него. Что за чушь! Закрылся с головой одеялом — не выдержал, открылся: опять глаза! Он зажег лампочку — и обмер: сверху глядела на него, обвинившая вокруг жерди под крышей, огромная змея! Сима — кровать в охапку — и побежал ночевать в курятник, который был предохранен от змей (насыпано битое стекло кругом).

Утром фермер нашел его в курятнике — и помирал со смеху. Объяснил, что змей — удав, ручной. Он посвистел — удав подполз к нему и стал ласкаться, фермер дал ему кусок сахару. Фермер держал удава вместо кошки: удав гипнотизировал крыс и мышей, они сами шли к нему в пасть. Потом Сима поселился в сарае и не раз видел ночью, как загипнотизированная крыса, с писком, медленно, но неотвратно приближалась к пасти...

Однажды удав съел нескольких цыплят, и фермер убил его топором.

Как я вышла замуж.

15-летняя красавица-девочка. Кругом нее — вьются. Как яблоко — еле держится на ветке... Мать решает выдать ее за «солидного человека» (или девичья влюбленность в «опытного»).

Харьков.

Крым — уже эвакуирован. Жених — за границей или пробует бежать из Севастополя. В Крыму в это время — расстрелы (работают еще военные «особые отделы»). Нина поймана со спутниками, ранена. Выпущена до суда, но каждый день должна являться — расписываться (под надзором). Все это — в Симферополе.

Встреча с липовым коммунистом, бывшим полицмейстером, который знал ее еще девочкой. Он кормит ее в комстоловой: иначе умерла бы с голоду.

Встреча с Ахметом. У него — шкуна в Ялте, отправляющаяся в Константинополь. Отдала ему бриллиантовые серьги, чтоб он взял ее с собой. Он дал ей турецкий паспорт. На-

чала готовиться к побегу. Дала коммунисту-полицмейстеру меха, платья на продажу.

Утром накануне побега на рассвете — стук в окно, бледное лицо солдата от полицмейстера: он ночью арестован, нашли платья Нины, он сказал, чьи. Каждую минуту могут арестовать...

Спешно уложила чемодан — и к турку. Тот предложил до отъезда прожить сутки у его приятеля Гасана, который должен был подвезти их до Ялты.

Гасан — красивый. Жена — желтый, обтянутый кожей череп, казанская татарка, съеденная лихорадкой. Ревнует мужа.

Выехали на Севастополь — Ялту в старом «форде». Шофер поставил рядом с собой бутылку и все прикладывается... Горная дорога, метель — вот-вот сорвутся...

Ночевка в горах, у татар. Вечером спутники Нины напились, «ухаживанье». Ушла в соседнюю комнату. Татарка-хозяйка предупредила, что ночью собираются «повеселиться» с Ниной — спрятала ее у себя.

Утром в Севастополе. Турок нашел в порту свою другую шкуру, которую у него несколько месяцев назад украли в Одессе — и решил, что он не уедет, пока не добьется возвращения себе этой шкуны. А в Севастополе Нина была арестована, ее все знали... Живет, не выходя на улицу. Является какой-то почтенный человек, предлагает золотые деньги, если она возьмет его с собой в компанию — бежать: кто их везет? Нина сказала турку, [тот в д] тому ясно, что это — провокация. Переселил ее на другую квартиру и решил просить помощи у Гасана.

С Гасаном они вместе учились в Константинополе в военном училище. И Гасан теперь — коммунист, и не только: прислан для ревизии работы особых отделов... Гасан сказал, что Нина — жена его другого приятеля-турка, едет к мужу в Константинополь. Гасан согласился помочь, тем более, что паспорт турецкий у Нины — в порядке. Он заявил, что Нина — его секретарша. И в самом деле решил использовать ее, диктовал ей письма. Через ее руки проходят секретные документы (число расстрелянных, требования на выдачу коньяку, кокаина для «исполнителей», которые уже не в силах...). Гасан везет ее с собой в Ялту — там <она> и работает с ним «секретаршей».

Торжественная встреча ему по приезде в Ялту. Ужин. Брейгель: горбатые, хромые, уроды... Вино. Ухаживание...

Через несколько дней — Гасан показывает Нине ее карточку:

— Вы?

— Я...

Объясняет, что должен был бы ее расстрелять, но он — мусульманин, араб, закон гостеприимства... Пусть она уходит сейчас же, но если попадется ему или другим — ей конец...

Бродит по Ялте. Встретила знакомого инженера, открылась. Тот поселил ее на пустой даче (у себя боялся), приказал не показываться на улицу, сказал, что будет носить иногда или посылать ей пищу с мальчиком. И вот — зима на пустой даче — одна, иногда по 2—3 дня без еды.

Наконец приехал из Севастополя Ахмет со своей второй шкуной. Инженер узнал о приходе шкуны (событие: порт — пустой) и направил его к Нине.

Ахмет рассказал, как осложнилось за это время дело: первое — примчалась сюда его ревнивая жена, и второе — Гасан тоже тайно едет в Константинополь, а оттуда в Индию с партийными поручениями, и едет на первой его, моторной, шкуне, которая все время ждала в Ялте.

На старой яхте отодрали доски потолка под шатровой крышей каюты. Там — рухлядь. Туда залезла Нина — и снова забили досками. День ясный, почти весенний, полный штиль. Эту яхту берет на буксир первая шкуна, где едет Гасан. Нина слышит под своей головой разговоры Ахмета, и его жены, и других — о ней. Ахмету удалось настоять, чтобы его жена не ехала: дал ей бутылку вина, еды, просил отвезти «Нине», дал адрес (а Нина здесь)...

Наконец вышли в море, в район, охраняемый французскими военными судами. И здесь — *coup de théâtre*: оторвали доски, выпустили Нину...

Она подошла к борту. Гасан ее увидел. В ярости. Кричит, чтобы разбили буксир, забыв обо всем, о том, что капитан шкуны — турок, не коммунист, и что на шкуне — несколько человек белых. Скандал. От него требуют объяснений, что это значит. Очная ставка с Ниной (буксируемую шкуну подтянули к моторной). Так как однажды он спас ей жизнь, отпустив ее, Нина не выдала его (или потребовала от капитана и пассажиров, чтобы его не тронули). У него нашли чемодан с долларами...

И они дальше едут вместе с Гасаном...

В Константинополе — как раз смутное время: союзники, греки, Кемаль. Нина без вещей, без денег (никого не про-

пускают). Ночь в отеле-притоне. Затем — на полу в комнате у каких-то русских.

И, наконец, встреча с женихом. (Или: офицер, который стал ей «окончательным защитником», приютил у себя на ночь...)

Клюге и вся александровская биостанция. Энтузиасты...
Сотрудники, сотрудницы.

Постановка Рейнгардта «Сон в летнюю ночь» в садах Boboli во Флоренции (комитет «Maggio Musicale»).

Постановка J. Coreau «Mystère de St.-Olive» в монастыре de Santa Croce (флорентийский тенет XVI в.).

Названия ветров в Онежском крае:

Сиверик	
Подсиверный	Меженец
Запад	+ Сток
Шалоник	Зимняк
Полдён	

Атлантида.

За 20 000 лет до Р. Х. появилось племя кроманьонов в Ледниковой Европе (едва населенной неандертальцами) — «одно из физически и духовно высших племен, какие когда-либо видел мир» (A. Keith. Ancient Types of Man). Это — по Бискайскому заливу, в Пиренеях, в Дордони.

Баски говорят на языке, не похожем ни на один язык Европы, Африки, Азии, но похожем на языки древнеамериканских племен.

Пещерные росписи кроманьонов — «galop volant» зверей: Портетские лани, Альтамирский бизон, Фон-де-Гомский пещерный медведь на дыбах (J. de Morgan. L'Humanité préhistorique; Breuil. Font-de-Gaume; Altamira).

«Позднехристианский писатель» Арнобий.

В царствование Льва Великого ~ умер 103 лет *Симеон Столпник*. Он стягивал тело пальмовыми веревками, так что они врезались в тело, раны, и в них черви... Симеон не захо-

тел видеться с пришедшей навестить его матью — «дабы отсечь мирскую похоть» (какая сила похоти!). Столпников было столько, что Византийская империя признала их особым сословием *solumnarii*... <нижняя и верхняя части листа оторваны>.

В «Атилле».

«*Время шло, как растет трава, как течет вода*».

«*О, Атилла! Когда же наконец вернешься ты, любезный филантроп, с четырьмя сотнями тысяч всадников и подожжешь эту прекрасную Францию, страну подметок и подтяжек!*»

«*O, Attila! Quand enfin reviendras-tu, cher philanthrope, avec tes quatre milliers de cavaliers pour incendier cette France la douce, le pays des semelles et des bretelles!*»

«*Хынове*»

«Слово о полку Игореве» — хунны (Соболевский доказал, что это были гунны — «хунские стрелы»).

ALLARD Paul. Les Esclaves chrétiens. [— 6-e éd. — Paris: J. Gabalda, 1914. — 484 pp.*

ALLARD [Paul]. Sidoine Apollinaire (431—484).

BARDY Gust[ave]. Saint-Athanase (296—373).

BAUDRILLART André. Paulin de Nola (353—431).

BAUNARD Mgr <Louis>. Théodulfe, évêque d'Orléans [et abbé de Fleury-sur-Loire. — Paris: C. Douniol, 1860.]

BROGLIE [Jak Victor Albert], duc. — L'Église et l'Empire Romain au IVe siècle. — [6 vols.] — 3-e partie.

Éd. Guillaume BUDÉ. La vie de Porphyre.

BURRY. The History of the latter Roman empire [from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). In 2 vols. —]I vol. — London: MacMillan, 1889.]

CAHUN Léon. Introduction à l'histoire de l'Asie; [Turcs et Mongols des origines à 1405. — Paris: A. Colin et Cie, 1896. — 519 pp.]

DURUY Victor. Histoire des Romains [et des peuples soumis à leur domination. — 7 vols. — Paris: Hachette, 1879—1885; 1888—1904, 1907;] illustrée.

* <Записи расположены нами в алфавитном порядке> (сост.).

GUIZOT [François-Pierre-Guillaume]. Hist[oire] de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire Romain. [— 4 vols. — Paris: Didier, 1876.]

HARZFELD [Adolphe. Saint-Augustin. [— 4-e éd. — Paris: Le Coffre, 1898.]

JULLIAN C[amille]. Les origines de la monarchie française.

KURTH Godefroid[-Joseph-François]. L'Église aux tournants de l'histoire.

[KURTH Godefroid-Joseph-François]. Qu'est-ce que le Moyen Âge.

MOURRET [Fernand]. Hist[oire] génér[ale] de l'Église. — 1-er vol.; 2-e vol.; 3-e vol.

RÉGNIER [Adolphe]. [Saint-]Léon le Grand (V siècle). [— Paris: J. Gabalda, 1910.]

RÉGNIER A[dolphe]. [Saint-]Martin (316—397). — Paris: J. Gabalda, 1907. — 207 pp.

L'Abbé ROCHET. Jean Chrysostome.

THIERRY Amédée. Récits de l'histoire Romaine au V siècle.

VACANDARD [Elphège-Florent]. Victrice (Saint-évêque IV—V siècles).

КЛАВДИАН. Поэмы («Консулат Гонория», «Инвектива] против Руфина», «Гигантомахия»). — Изд. Garnier. [CLAUDIAMUS, CLAUDIUS]

КУЛАНЖ, Фюстель де.

МОСХ Иоанн. [Иоанн] Малала. «Хроника» или «Хронограф»; Житие Симеона Столпника и Симеона Юродивого (бунт, голод).

ЭВАГРАЙ. Historia Ecclesiastica. [EUAGROS, EVAGRE le SCHOLASTIQUE.]

Histoire ecclésiastique.] <3 л. вырвано; 1 л. добавлен>

* * *

DURUY Vict[or]. Histoir[e] de[s] Romains [et des peuples soumis à leur domination. — 7 vols. — Paris: Hachette, 1879—1885; 1888—1904, 1907;] illustrée.

THIERRY Amédée. Récits de l'histoire Romaine au V siècle.

GUIZOT [François-Pierre-Guillaume]. Hist[oire] de la civilisation en France depuis la chute de l'Emp[ire] Romain. [— 4 vols. — Paris: Didier, 1876.]

MOURRET [Fernand]. Hist[oire] génér[ale] de l'Église. — 1-er vol.; 2-e vol.; 3-e vol.

ALLARD Paul. Les Esclaves chrétiens. [— 6-e éd. — Paris: J. Gabalda, 1914. — 484 pp.]

BROGLIE, duc. — L'Église et l'Empire Romain au IV siècle. — [6 vols.] — 3-e partie.

KURTH Godefroid[-Joseph-François]. L'Église aux tournants de l'histoire.

[KURTH Godefroid-Joseph-François]. Qu'est-ce que le Moyen Âge.

L'Abbé ROCHET. Jean Chrysostome.

BAUNARD Louis. Théodufle, évêque d'Orléans [et abbé de Fleury-sur-Loire. — Paris: C. Douniol, 1860.]

BARDY. Gust[ave]. Saint-Athanase (296—373).

HARZFELD [Adolphe. Saint-]Augustin. [— 4-e éd. — Paris: Le Coffre, 1898.]

RÉGNIER [Adolphe]. [Saint-]Léon le Grand (V siècle). [— Paris: J. Gabalda, 1910.]

RÉGNIER A[dolphe]. [Saint-]Martin (316—397). — Paris: J. Gabalda, 1907. — 207 pp.

BAUDRILLART André. Paulin de Nola (353—431).

ALLARD [Paul]. [Saint-]Sidoine Apollinaire (431—484).

VACANDARD [Elphège-Florent]. Victrice (Saint-évêque IV—V siècles).

Éd[itée par?] Guill[aume] BUDÉ. La vie de Porphyre.

BURRY. The History of the latter Roman empire [from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). In 2 vols. —]I vol. — London: MacMillan, 1889.]

КЛАВДИАН. Поэмы («Консулат Гнорория», «[Инвектива] против Руфина», «Гигантомахия»). — Изд. Garnier.

ЭВАГРАЙ. Historia Ecclesiastica.

МОСХ Иоанн. [Иоанн] Малала. «Хроника» или «Хронограф».

..... Житие Симеона Столпника и

..... Симеона Юродивого (бунт, голод).

САНУН Léon. Introduction à l'hist[oire] de l'Asie; [Turcs et Mongols des origines à 1405. — Paris: A. Colin et Cie, 1896. — 519 pp.]

JULLIAN C[amille]. Les origines de la monarchie française.

КУЛАНЖ, Фюстель де.

<Отдельные листки>

Сюжеты.

«Шпион».

В окопах под Петербургом. Как будто не рабочий, пришел неизвестно откуда. Прячет... (письмо?) etc...

«Лошадь».

В Сибири сын уходит в партизаны. Отец хвалит, мать плачет. Но сын должен увезти с собой лошадь. Ночью отец убивает его.

«Ночь любви». Он и она, ночью. Любовное объяснение. Вдруг:

– Руки вверх!

С него сняли шубу, деньги, часы. С нее – ничего. Возненавидел ее...

Милиционер-акушер.

Бабе:

– Потерпи, подожди немного...

[*«Князь» (ремонтёр) «улучшает породу».*]

«Налет» (новогодняя встреча, открытая дверь в квартиру).

«В подвале» («Потоп»).

«Двойник» (донос на себя).

«Пустыня» (Сибирь, 3-е – муж и любовник, женщина сошла с ума, суд).

<3 листа из тетради>

Сюжеты.

Рассказ об *Аракчееве*.

«Грибок».

«Приговор» — доктор на голоде.

«Эпимах».

«Иоконга».

«Обезьянье войско» — фантастический.

«Гражданка Копейкина» — убийство.

«Михаил Исавыч».

«Налет» (новогодняя встреча, открытая дверь в квартиру).

«Последний день».

«Гибель «Надежды».

«Покойница» (похоронное пособие).

«В подвале» (Киев, во время Петлюры или немцев — нечто вроде «Потопа»).

«Двойник» (две квартиры у одного человека, раздвоение, донос на себя).

«Пустыня» (Сибирь, нужно перейти безводную степь, чтобы спастись. Женщина среди 2—3-х. Она сходит с ума... Суд; приговор: расстрелять. Осложнение: муж и любовник).

«Одна» (женщина на метеорологической станции).

(Казачи) поймали 2-х женщин, приговорили: срубить головы. Одну взяли на поруки офицеры. Другую — повели. Она просит, плачет: рубашку хоть не снимать, стыдно. Подумали: нет, жалко, рубаха от крови пропадет. Повели за околицу голой, там *срубили голову*.

В бога перестал верить. А вошел убивать — увидел икону, к стенке ее повернул, потом — за дело...

Приехавшему из местечка еврею (наслышался о НЭП'е) сдали в аренду трамвайный вагон. Что из этого вышло.

Он и она, идут ночью. Напали грабители, раздели его, а ее не тронули. Он после этого возненавидел ее.

Милиционер-акушер. (Небритый, уговаривает сначала бабу:
— Да подожди же ты! Да потерпи еще!
Потом засучил рукава...)

Нос (балерина; «типаж» — карьера, а он влюблен; девушка согласна, когда он исправит нос; а у него договор с кинофабрикой, суд. Суд присуждает его... к носу: нельзя контракт...).

Сюжеты.

1. *Лошадь.*

2. [*Любовь и шуба.*]

3. *Акушер* (милиционер).

4. *Наконец!* (Человек сделал важное дело — умирает. Ничтожный. Доволен: все его уважают.)

[5. *Часы.*]

6. *Шпион.*

7. *Страстная пятница* (сало не стали есть, а убили).

8. *Суд* (на голоде — паек присуждают).

9. *Трое* (муж — жена — любовь. Пустыня в Сибири).

10. *Последний пикник* (расстрел красавицы в Ельце).

11. *Клад.* (Нашли подвал с винами. 2 месяца.)

12. *Тетка* (Прислуга.
— Сколько лет тетке?).

13. *Новая жизнь* (коммуна воров).
14. *Счастливые острова* (банда на Соленых озерах).
15. *Талант* (студент бывший учиться на заводе грамоте).

Балеты.

1. *Блоха*.
2. *Сожжение*.
3. *Ярмарка* (лягушка-черт) – куны (*Петрушка*).
4. Солдат в аду и в раю.
5. Золоченые лбы.
6. [Монастырь] Инок Эразм.

7. *Суженый* (Светлана) (святочные игры и гаданья, «суженый в зеркале», который затем и похищает девушку, которую хотели выдать за купца-старика).

8. *Разин*.

9. *Органчик*.

<1 лист из тетради>

Сюжеты.

I. Рассказы.

«Грибок».

Артист – вор-завхоз.

Приговор – доктор на голоде.

Эпимах.

Иоконга.

Обезьянье войско – фантастический.

Гражданка Копейкина – убийство.

Михаил Исавыч – бывший помещик.

Налет – новогодняя встреча, открытая дверь в квартиру.

Последний день.

Гибель «Надежды».

Покойница – получила для себя похоронное пособие.

В подвале – Киев, во время Петлюры (или немцев) – красные и белые вместе – нечто вроде «Потопа».

Врач [Х. занимает] – Х. занимает две квартиры – раздвоение – донес сам на себя.

Пустыня (Суд) – Сибирь. Нужно перейти безводную степь, чтобы спастись. Женщина среди 2–3-х. Она сходит с ума. Если ее вести с собою – все погибнут. Устраивают суд, приговаривают ее к расстрелу. Расстреливают. Осложнение: муж и любовник.

II. *Драмы и комедии.*

Х. хочет жениться на дочери. Близорукий. Теряет пенсне и делает предложение матери.

«Одна» (женщина на метеорологической станции).

Власть (на метеорологической станции – радиотелеграмма).

<1 л. из тетради>

№ 27.

9–10. *Краска* (какао).

- 11–12. *Фельдшер* (энтузиаст всех правительств).
 17–27. *Рак-отшельник* (Ключи).
 45–47. *Великий князь* (и самоеды).
 61–62. III+I ч.
 63–80. *Матюха* (бандит).
 92. *Покойная Нина Куракина* (похоронное пособие).
 Любовь (его раздели, ее – нет...).
 Акушер (милиционер).
 Трактор (председатель едет венчаться).
 93. *Сукно* (украд – или собственное?).

№ 28.

3. Антирелигиозный карнавал.
 4. Спектакль (владелец занавеси).
 5. «От Адама с Евгой...».
 6. Угощение комиссара мукой («млыны позапечаталы»).
 7. Портфель (пустой – «Як вин нас обманул»).
 8. Извозчик – о смертной казни(?).
 – «Тройка» (из 250 человек).
 9. «Бог не заседает здесь» (на суде).
 10. Матросский клуб – 18 год.
 – «Мешок часов» (у махновцев).
 25. Расстрел солдата в Тосно (18 г.).
 Облава на рынке.
 Сапожник-коллекционер, нувориш.
 Сумасшедший в концерте.
 26. Постой красноармейцев в женском монастыре.
 – «Бог-буржуй».
 – Топят вора в Неве.
 28. В развалинах дома, с нищим.
 29. Февраль (Солдат на часах. Бабы с кашей).
 30. *Февральская революция* в казарме (слон?).

Глюк, Конти, Артуа, Король. Карамзин.

Ссора с Lang. Vestris выхватывает шпагу. И вечером Vestris приходит в театр, его арестовывают и в тюрьму.

Веселая тюрьма. Обеды etc. (65).

Подарок от профессора Артуа – *разрешение на охоту*. Замена счетом от прачки, арест etc. (172).

Vestris et Mlle Heinel. Конфликт, закончившийся *их браком*. Ревность аристократическая (179).

«*Восстание в Опере*» (215 etc.).

Заседание парламента в Лондоне, отложенное по требованию Lord Nugent. Бунт публики (цены!), гнилые яблоки... И — публика все же покорена!

Открытый на сцене трап и падение.

Карамзин о Vestris'e: «L'âme dans les jambes» (230—233).

Vestris-fils отказывается танцевать по просьбе королевы Марии-Антуанетты (253). Тюрьма — «*принудительные работы*», как в СССР. Скандал в театре (свистки etc) — победа Vestris'a.

«*Amours des Dieux*»...

ЛЕКЦИИ ПО ТЕХНИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

ОЧЕРК НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<Конспект лекции>

1. Гора, чиновница и Наполеон.

2. *Диалектический* метод развития литературы (Адам. Общественный строй).

3. *Реалисты* — Горький, Куприн, Чехов, Короленко, Арцыбашев, Чириков, Телешов («Знание», «Земля»).

Окуров. Поручик Ромашов. Варька.

Могло произойти.

Зеркала, направленные на землю. Чехов — вершина.

4. Некуда как будто идти. Но *от поездов* — к *азропланам*.
Отделение от земли: *символисты*. Тело — а теперь начало противоположное, революционное телу: дух.

5. *Символисты* — Сологуб, Гиппиус, Белый, Блок, Брюсов, Бальмонт, Вяч. Иванов, Андреев, Чулков.

Вражда к земле, быту.

Андреев (Некто в сером, Человек, Жена, Гости, друзья).

Сологуб (Альдонса и Дульцинея, которой нет на земле).

Блок (Незнакомка, Прекрасная Дама).

Дульцинея, Прекрасная Дама — символически судьба *достижения* на земле. *Облака*.

6. У реалистов — то, что было, *могло быть*.

У символистов — то, чего не было, *не может быть* на земле.

Зеркало — и *рентгеновский аппарат*.

Скелет жизни. Нет юмора, бодрости.

7. *Трудность* тем — усовершенствование приемов.

Чувства, вызывающиеся музыкой. Музыка слова.

Ех.:* Бальмонт.

Заслуга символистов. Овладение стихией.

* Сокращение от фр. *exemple* — пример, например (*сост.*).

8. *Диалектический* путь: явление — затем враждебное — и примиряющее. Реалисты — символисты сделали свое — новореалисты.

Поэты: Клюев, Ахматова, Гумилев, Городецкий.

Прозаики: Белый, Сологуб, Ремизов, Бунин, <Сергеев-> Ценский, Пришвин, Алексей Толстой, Шмелев, Тренев. Легче и труднее говорить.

Почему подробнее.

9. Символисты видели скелет. *Ученый*, изобретатель рентгеновских лучей и *студент I курса*.

Новореалисты пили сладкую горечь Гиппиус, Блока, но это было — *предохранительной прививкой. Облака*.

10. *Смех*, юмор — как у реалистов.

Сологуб — Передонов — *злой, убивающий смех*.

Ремизов — Ионыч (штаны, в корзинке). *Страдальческий смех*.

Пришвин — Голубое знамя (окно за 10 рублей). *Жизнерадостный* Никандров — шпик.

З<ахолустные> офицеры; у попа была... *Кошмарный, жуткий*.

Юмор — *сходство* с прежними реалистами и отличие от символистов.

Смех — *знак победы, силы*.

Новореалисты — более здоровое литературное поколение.

Символисты имели мужество уйти, новореалисты вернуться к жизни.

11. Вернувшись к жизни, новореалисты изображают иначе.

Микроскоп. Кусочек вашей кожи.

Неправдоподобность кожи под микроскопом. Что же настоящее, реальное?

Кажущаяся неправдоподобность — *открывает истинную сущность*.

Реалисты — кажущуюся реальность; новореалисты — подлинную.

12. Вот почему у новореалистов — *преувеличенность*, уродливость.

Сологуб — Передонов. Недотыкомка.

Белый. «Петербург». Кубическая карета Аполлона Аполлоновича.

Вы подошли к *горе*. Вы поднимаетесь. Вам прекрасно видно гору: камень, куст, по кусту ползет червь. Вам видно прекрасно — и все-таки, когда вы стоите так на горе, — вы не видите ее, вы не можете почувствовать ее размеров, не можете определить ее очертаний. И только издали, отъехавши на десяток верст, когда уже далеко будут камень, куст и червяк, все подробности горы, — только издали вы увидите самую гору.

Громадные события последних лет — мировая война, русская революция — та же самая гора. Пока мы видим только куст, червяка, камень, а гору увидим, только *отъехавши на десяток лет*. И только тогда может появиться подлинная художественная литература о мировой войне и революции. То, что художники слова пытаются сказать об этом сейчас, — непременно будет... в ту или другую сторону, однобоко... современник неизбежно попадает в положение одной *чиновницы времен 1812 года*, которая проклинала Наполеона не за что-нибудь другое, а за то, что во время Бородинского сражения случайной пулей была убита ее прекрасная корова.

Вот почему, когда я буду говорить с вами о новейшей русской *художественной* литературе, я оставляю в стороне литературу последней минуты, я оставляю в стороне попытки сейчас ответить на рёв бури за этими стенами. Эти попытки войдут в историю революции, но в историю искусства *они не войдут*.

Чтобы перейти к тому, что я называю новейшей русской литературой, позвольте мне начать с *Адама*.

Тот период, о котором я хочу говорить с вами, — *начинается Чеховым* и кончается литературой предреволюционной эпохи: за время революции литература ничего не создала — или мы не знаем.

Это *не случайно*:

1. этот период представляет собою логически замыкающийся цельный цикл, как вы увидите дальше, и

2. этот период ограничен одинаковыми вехами: *тенденциозной литературой*.

Помните, как в Библии рассказывается предание о появлении первого человека? Было создано сперва тело, затем —

появился дух, *противоположность телу*, и наконец, из соединения двух противоположностей — возник человек.

Это — тот же самый путь, которым развивается общественный организм.

Ех.: капитализм — парламентски-демократическая свобода личности, свободная конкуренция в экономике, но экономическое порабощение одного класса другим. Противоположность: социалистический строй — государственное ограничение личности, государственное регулирование экономики, но экономическое закрепощение. Следующей стадией развития общества будет, может быть, в далеком будущем такой строй, когда не будет необходимости в принудительной власти государства. Вот тот путь, о котором вам, вероятно, приходилось читать, и который именуется диалектическим путем развития. Мы попробуем проследить этот путь в развитии новейшей *русской литературы*.

В конце XIX и в начале XX века самодержцами русской литературы были бытовики, *реалисты*: Горький, Куприн, Чехов, Бунин и позже — Арцыбашев, Чириков, Телешов, Никандров, Тренев, Сургучев («Слово») и другие, печатавшиеся в «Знании» и «Земле». У этих писателей все — телесно, все — на земле, все — из жизни. Горьковский городок *Окуров* — мы найдем, быть может, не только на земле, но и на географической карте. Купринский поручик *Ромашов* — из «Поединка» — под другой фамилией, быть может, служил в одном полку с Куприным. Чеховская девчонка *Варька* в великолепном рассказе «Спать хочется» укачивала целые ночи напролет господского младенца — и наконец не стерпела и задушила его — это действительно происшедший случай, и об этом случае рассказывает еще Достоевский в «Дневнике писателя».

Вам, конечно, ясно: я не хочу сказать, что все, описанное в книгах писателей этого периода, происходило и на самом деле. *Но все это могло произойти* в действительной жизни.

Писатели этого времени — великолепные *зеркала*. Их зеркала направлены на землю, и их искусство в том, чтобы в маленьком осколке зеркала — в книге, в повести, в рассказе — отразить наиболее правильно и наиболее яркий кусок земли.

Подлинных, самых типичных, наиболее художественно значительных, здесь два имени: *Чехов* и *Бунин*.

Горький — одна из крупнейших фигур этой группы — стал реалистом, в сущности, только в последние годы. Жизнь, как она есть, в подлинности и реальности — дана у него только в последних рассказах — в «Ералаше». Раньше — *прикрашенные* — может быть, и очень красивые — но не живые, не настоящие, а *романтизированные босяки*; раньше — *тенденциозный период*.

Чехов первый поставил лозунг *чистой литературы*, чистого, *неприкладного* искусства.

«Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им. ... я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык — считаю предрассудком. Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь...»

У реалистов, по крайней мере, у старших — есть религия и есть Бог. Эта *религия — земная*, и этот *Бог — человек*. Замечательное *совпадение* Горького и Чехова.

«Человек — вот правда. В этом все начала и все концы. Все в человеке и все для человека. Существует только человек».

«Человек должен сознавать себя выше львов, тигров, выше всего существующего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудом. Мы — высшие существа, и если бы познали в самом деле всю силу человеческого гения — мы стали бы как боги».

Нет мистицизма.

В творчестве Чехова искусство изображения быта, изображения земли — достигло вершины. Уже *дальше*, как будто, *некуда и идти*.

Но дальше случилось то же самое, что около этого же времени случилось в области техники. Техника железнодорожного сообщения достигла высокой степени, *поезда* стали ходить 150—200 верст в час. Но человечеству оказалось этого мало — оно поднялось от земли и стало летать на *аэропланах* по воздуху. Пусть первые аэропланы были неуклюжи, пусть кувыркались на землю — но это была *революция* в развитии способов передвижения. Это был шаг вперед.

В начале XX века — русская литература очень решительно *отделилась от земли*: появились так называемые *символи-*

сты. Вспомните то, что я раньше говорил о диалектическом методе развития, и вспомните этот самый грубый пример относительно *Адама*. Сперва развивалось тело, земля, быт, развилось до конца. Теперь начинает развиваться дух, начинает развиваться начало противоположное, революционное по отношению к телесности, земле.

* * *

Начало — еще в Чехове. Затем — Андреев.

Символисты — Федор Сологуб, Андрей Белый, Гиппиус, Блок, Брюсов, Бальмонт, Андреев, Чулков, Вячеслав Иванов, Минский, Волошин — определенно враждебны земле, быту.

«Какой быт? Нет никакого быта. Завязаны все завязки, и развязаны все развязки. Есть только одна вечная трагедия — Любовь и Смерть — и только она одна одевается в разные одежды».

«Быть с людьми — какое бремя».

НВ. Сначала Андреев (Некто, Человек).

У Сологуба в его романе «Навыи чары» и в целом ряде других его вещей всегда рядом два типа, два образа: *Альдонса и Дульцинея*; *Альдонса* — бабища румяная и дебелая, это — грубая земля, ненавистная писателю; и *Дульцинея* — прекрасная и нежная, это — воздух, мечта, которой Сологуб живет, и которой нет на земле.

Стихи Александра Блока — целые тома его стихов — об одном: о *Незнакомке*, о *Прекрасной Даме*, о *Снежной Деве*. И это, в сущности, то же самое, что *Дульцинея* Сологуба. Блок ищет свою Прекрасную Даму по всей земле и, кажется — уже вот нашел. Но приподнимает покрывало — оказывается, не Она, не Прекрасная Дама. Прекрасной Дамы Блока *не найти на земле*.

И у Сологуба, и у Блока речь идет, конечно, не только о женщине — *Дульцинее* и о женщине — *Прекрасной Даме*: разочарования в *Дульцинее*, невозможность найти Прекрасную Даму — иносказательно, символически изображают собою вообще *судьбу всякого достижения*, всякого идеала на земле. Кто видал высокие горы — знает: издали — на вершине горы *облака* и розовые, и золотые, красоты неописанной, а на вершину, в самые облака, влезешь — туман и больше ничего.

НВ. Итак, на земле — символисты не находят разрешения вопросов, разрешения трагедии и ищут его в надземных

пространствах. Отсюда у них — *религиозность*. Но, естественно, их Бог уже *не человек*, а высшее существо. У одних этот Бог со знаком +: Ормузд, Христос; у других со знаком —: Ариман, Люцифер, Дьявол (Сологуб, Волошин).

Мистика. Мостик к романтике.

О писателях-реалистах я говорил, что у них — все было на земле или *могло быть*. *Символисты* взяли предметом своего творчества то, чего нет на земле, то, *чего не может быть* на земле. О писателях-реалистах я говорил, что у них в руках — *зеркало*; о писателях-символистах можно сказать, что у них в руках — *рентгеновский аппарат*. Кто во время войны бывал в *лазаретах*, тому случалось видеть: раненого ставят перед натянутым полотном, освещают рентгеновскими лучами, чудодейственные лучи проходят сквозь тело — и на полотне появляется человеческий скелет, и где-нибудь между ребер темное пятнышко — пуля. Так и символисты в своих произведениях смотрели сквозь телесную жизнь — и видели *скелет жизни*, символ жизни — и одновременно символ смерти. У кого глаза устроены так, что он всегда видит скелет — тому невесело. Оттого у писателей-символистов мы не находим уже той ... *бодрости*, юмора, какие есть у Горького, Чехова, Куприна. Нет у символистов того активного отрицания жизни *во имя борьбы с нею, во имя создания лучшей жизни на земле: символисты не верят в счастье на земле*.

То, что избрали предметом своего творчества символисты, как вы видите, гораздо труднее изобразить, чем просто, не мудрствуя лукаво, какой-нибудь захолустный городок Окуров, или поручика Ромашова, или няньку Варьку, которая укачивает ребенка и валится с ног — спать хочет. Вот эта *трудность тем*, трудность изображаемого — заставила писателей-символистов искать новых способов изображения, заставила их гораздо больше работать над внешностью, над формой произведений, чем это приходилось писателям-реалистам. Вы хорошо знаете по себе — самые сложные *чувства вызывает в нас музыка* — такие чувства, что иной раз никакими словами их не опишешь. Как раз о таких сложных чувствах приходилось писать и символистам, и никакого другого способа у них не было, как изображать чувства, вызываемые музыкой — посредством *музыки слов*. Словами стали пользоваться как музыкой, слова стали настраивать как музыкальный инструмент.

Вот послушайте стихи Сологуба — Бальмонта — ...

В этом изощрении формы произведений, в усовершенствовании мастерства, самой техники писательства — громаднейшая и основная *заслуга символистов*. У прежних писателей — у Пушкина, у Лермонтова, у Тютчева — можно отыскать следы таких же приемов. Но прежние писатели пользовались этими способами изображения случайно, стихийно. Писатели-символисты *овладели стихией*, они создали науку музыки слова.

* * *

Теперь я еще раз возвращу ваше внимание к тому, что я называю диалектическим путем развития. Вспомните: вот какое-нибудь *явление*, оно развивается до крайних пределов, использует все свои возможности, создает высшее, что может, — и останавливается.

Тогда возникает *противоположная, враждебная сила*, тоже развертывается до конца — дальше идти некуда — останавливается. И тут из двух враждебных явлений рождается *третье*, пользуясь результатами, достигнутыми первыми двумя явлениями, как-то их примиряет, и жизнь человеческого общества или искусства получает возможность двигаться дальше, *все вперед, все к новому*.

* * *

Символисты сделали свое дело в развитии литературы — и на смену им во втором десятилетии XX века пришли *новореалисты*, принявшие в наследство черты как прежних реалистов, так и черты символистов.

К этому литературному течению относятся из поэтов: Клюев, Есенин, Городецкий, Ахматова, Гумилев, Зенкевич, Мандельштам; из прозаиков: Андрей Белый, ногами стоящий еще где-то на платформе символизма, но головою уже вросший в новореализм; в отдельных вещах — Федор Сологуб, Алексей Ремизов, Иван Новиков, Сергеев-Ценский, Михаил Пришвин, Алексей Толстой, Шмелев, Тренев. К этому же течению принадлежу и я, и потому мне *и легче, и труднее* будет говорить о нем. Как на последнем литературном течении, еще молодом, еще не исчерпавшем себя до конца и уже завоевавшем признание критиков — я остановлюсь на новореалистах подробнее.

Помните — о символистах я говорил: у них — рентгеновский прибор, их глаза устроены так, что сквозь материальное тело жизни они видят ее скелет. И вот — представьте себе *ученого*, который только что открыл эти самые рентгеновские лучи: открытие должно так поразить его, что он целые годы — посмотрит на человека и увидит скелет, а мускулов, тела, цвета лица — он не в состоянии будет заметить.

Или вот: *студент-медик I курса* только что начал работать в анатомическом театре — резать мертвецов. Первые месяцы ему всюду будут мерещиться отрезанные руки и ноги с ободранной кожей, с сеткой синих жил — и будет мерещиться запах анатомического театра. А потом — глядь, уж привык, вернулся домой из анатомического театра — с аппетитом пообедает.

И этот ученый, изобретатель рентгеновских лучей, привыкнет со временем, и при взгляде на женщину — увидит не только скелет, а, пожалуй, и то, что скелет украшен золотыми волосами, синими глазами.

Так случилось и с писателями-новореалистами. Они выросли, несомненно, под влиянием символистов. Они питались *сладкой горечью Гиппиус и Блока*. Но эта горечь не убила их для земли, для тела, как убила символистов: эта горечь была для них только *предохранительной прививкой*.

Вы помните пример: *облака* на вершине высокой горы. Писатели-реалисты принимали облака так, как они видели: розовые, золотые — или грозовые, черные. Писатели-символисты имели мужество взобраться на вершину и убедиться, что нет ни розовых, ни золотых, а только один туман, слякоть. Писатели-новореалисты были на вершине вместе с символистами и видели, что облака — туман. Но, спустившись с горы — они имели мужество сказать: «Пусть туман, а все-таки розовые и золотые, все-таки красота. Пусть туман — все-таки весело».

И вот в произведениях писателей-новореалистов мы снова находим *действенное, активное* отрицание жизни — во имя борьбы за лучшую жизнь. Мы слышим *смех, юмор* — Гоголя, Горького, Чехова. У каждого из новореалистов этот смех — разный, свой, но у каждого он слышен.

Вот преподаватель гимназии *Передонов* из сологубовского романа «Мелкий бес»: чтобы напакостить квартирной хозяйке — всякий раз, как остается один в комнате, с остервенением оплевывает и пачкает стены. Это злой, убивающий смех.

У *Ремизова* — *Ионыч* в рассказе «Жизнь бессмертная» — пьяный — мальчишки украли штаны — в багажной корзине переживает всю жизнь... Это смех человека, умеющего смеяться от нестерпимой боли и сквозь нестерпимую боль.

Или безалаберный помещик Мишука из романа Алексея Толстого — бросает все свои дела и едет в Египет — пришло ему в голову непременно преподнести дядюшке египетскую мумию. Это смех человека, в котором жив еще озорной мальчик, любитель смешных картинок.

* * *

Или в последнем рассказе *Пришвина* купец повествует, как он уезжал теперь из Питера: «Ну, что ж, все слава Богу: билет в руках, за 10 рублей солдат мне окно в вагоне вышиб — влез, все слава Богу...» Это — смех человека, еще не потерявшего жизнерадостность.

Или у четвертого автора: офицеры в офицерском собрании, в захолустной дыре, пьют и поют: «У попа была собака...» Это смех — жуткий, кошмарный.

Юмор, смех — свойство живого, здорового человека, имеющего мужество и силу жить. В этом свойстве — *радость прежних реалистов и новореалистов* — и отличие новореалистов от писателей-символистов: у символистов вы увидите улыбку — презрительную улыбку по адресу презренной земли, но никогда не услышите у них смеха.

Вы смеетесь над своим противником: это знак, что противник вам уже не страшен, что вы чувствуете себя сильнее его, это уже — *знак победы*. Мы слышим смех в произведениях новореалистов, и это говорит нам, что они как-то одолели, переварили вечного врага — жизнь. Это говорит, что мы имеем дело с литературным поколением более здоровым и сильным, чем символисты. Реалисты жили в жизни; символисты имели мужество *уйти от жизни*; новореалисты имели *мужество вернуться к жизни*.

Но они вернулись к жизни, может быть, слишком знающими, слишком мудрыми. И оттого у большинства из них — *нет религии*. Есть *два способа преодолеть трагедию жизни*: религия или ирония. Новореалисты избрали второй способ. Они не верят ни в Бога, ни в человека.

* * *

Но, вернувшись к жизни, новореалисты стали *изображать* ее *иначе*, чем это делали реалисты. И чтобы дать понятие об этой разнице, я сначала приведу вам пример.

Не приходилось ли вам рассматривать в *микроскоп* маленький кусочек своей собственной кожи? *Если придется*, то, вероятно, первый момент вам *будет жутко* — во всяком случае, вам, слушательницы: вместо вашей розовой, нежной и гладкой кожи — вы увидите какие-то расселины, громаднейшие бугры, ямы; из ямы тянется что-то толщиной в молодую липку — волос; рядом здоровенная глыба земли — пылинка...

То, что увидите, будет очень мало похоже на привычный вид человеческой кожи и покажется *неправдоподобным*, кошмарным. Теперь задайте себе вопрос: что же есть более настоящее, что же есть более реальное — вот эта ли гладкая, розовая кожа — или эта, с буграми и расселинами? Подумавши, мы должны будем сказать: *настоящее, реальнее* — вот эта самая *неправдоподобная* кожа, какую мы видим через микроскоп.

Вы понимаете теперь, что кажущаяся с первого взгляда неправдоподобность, кошмарность — открывает собой истинную сущность вещи, ее реальность больше, чем правдоподобность. Недаром же *Достоевский*, кажется, в романе «Бесы», сказал: «Настоящая правда — всегда неправдоподобна».

Так вот: *реалисты* изображали *кажущуюся, видимую простым* глазом *реальность*; *новореалисты* чаще всего изображают *иную, подлинную реальность*, скрытую за поверхностью жизни так, как подлинное строение человеческой кожи скрыто от невооруженного глаза.

* * *

Вот почему в произведениях новореалистов изображение мира и людей часто поражает *преувеличенностью, уродливостью, фантастикой*. Тот самый *Передонов*, о котором я

упомянул раньше — оплевывающий и пачкающий стены своей комнаты, — это преувеличение, это, пожалуй, неправдоподобно, но это передает обывательский, мелочно-злой характер Передонова лучше, чем страницы реалистического, точного описания его характера. Передонову всюду мерещится какая-то нечисть, *серенькое что-то — не то клубок пыли*, не то чертячий щенок. Это серенькое всюду за ним гоняется, сторожит, — и Передонов все время чувствует сзади эту нечисть, отрешивается. Никакой такой штуки на самом деле и быть не могло, это неправдоподобно, но это сделано автором, чтобы дать читателю настроение человека, живущего в вечной атмосфере сплетен, подглядывания, подслушивания, пересудов прежнего русского уездного города. И это достигает цели.

Или вот еще пример — в романе *Андрея Белого «Петербург»*. Тут и главное действующее лицо — недоброй памяти обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев — в романе он называется сенатор Аполлон Аполлонович. Так вот, у Аполлона Аполлоновича *каре́та* какой-то особенной *геометрической формы*. Формы правильного куба, и такая же геометрическая, кубическая у него комната. На самом деле, конечно, у Победоносцева — и карета самой обыкновенной формы, и комната — обыкновенная. Но этим подчеркиванием, в сущности, неправдоподобной кубичности — автор дает правильное и навсегда запоминающееся впечатление необычайной канцелярской точности, аккуратности, буквенности Победоносцева.

Или из третьего автора. Надо описать двойственный, двуличный характер адвоката *Семена Семеныча Моргунова*. Автор делает это так: «Семен Семеныч моргал глазами постоянно: морг, морг — совестился глаз своих. Да что глаза: он и весь подмаргивал. Как пойдет по улице да начнет на левую ногу припадать — как есть весь, всем своим существом подмаргивает». Тут опять автор пользуется приемом преувеличения: конечно, *весь*, всем телом — адвокат не подмаргивал. Но впечатление идущего по улице и прихрамывающего адвоката было именно такое: весь подмаргивает. И передавая это свое впечатление, автор, не говоря ни единого слова о двуличности Моргунова — сразу рисует человека прехитрого, себе на уме.

Когда я вам читал последний отрывок — обратили ли вы внимание, что автор, пользуясь сравнением, нигде *не говорит «как», «словно», «как будто», а прямо*: «Семен Семеныч и весь подмаргивал. Как пойдет по улице — всем своим существом подмаргивает».

Прежний реалист непременно сказал бы осторожно: «Семен Семеныч *как будто* весь подмаргивал». Новореалист совершенно покоряется впечатлению, совершенно *верит* в то, что Семен Семеныч весь подмаргивал. Новореалисту это уже не кажется, для него это *не «как будто», а реальность*. И вот этой верой во впечатление — автор заражает читателя. Образ становится смелей, дерзче, выпуклей. Эта манера писания называется *импрессионизмом*, от французского *impression*, впечатление. Прием этот для новореалистов очень характерен.

Чтобы запечатлеть его в вашей памяти — я приведу еще несколько *примеров*. Вот три строчки из стихотворения:

Вдали лежала мать больна,
Над ней склонялась все печальней
Ее сиделка — тишина.

Реалист сказал бы... Новореалист совершенно верит своему впечатлению, что тишина — сиделка, и напечатлевает смелый и яркий образ.

Или вот еще образец из повести *Сергеева-Ценского «Лесная топь»*: «Ходило кругом лесное и развешивало занавески из речного тумана над далью и перекатывало эту даль сюда вплотную».

Впечатление сумерек, когда даль все больше скрывается за туманом, когда горизонт все суживается, мир стенами подступает все ближе — автор передает так: «даль перетаскивало сюда, вплотную». Никаких «казалось», никаких «как будто» — и это только сильнее убеждает, навязывает неправдоподобный как будто образ.

Вспомните теперь, что говорилось раньше об изображении жизни *символистами*. У них — действующие лица: *Некто в сером*, Человек с прописной буквы... Или у Сологуба, у которого много написано в духе символистов — у Сологуба в

романе «Навыи чары» какие-то неопределенные, неясные *«тихие мальчики»* в школе профессора Триродова. Или у Блока: *Прекрасная Дама*, Незнакомка, Снежная Дева. Тут всюду — намеренная неясность и смутность изображения, намеренная неопределенность места действия, намеренное прикрытие туманом действующих лиц.

У новореалистов — действие происходит в Петербурге; или в бурковском доме на Таврической улице (в «Крестовых сестрах» Ремизова); или в городе Алатыре, в городе Крутогорске. Действующие лица: преподаватель гимназии Передонов у Сологуба; сенатор Аполлон Аполлонович у Белого; чиновник Маракулин — у Ремизова и т. д.

У новореалистов, в противоположность символистам, действующие лица — *преувеличенно — выпуклы*, скульптурны; краски — *преувеличенно — режущие ярки*. Вот вам наудачу 2—3 примера:

В стихотворении Городецкого «*Яга*» описываются 3 брата:

...Как первый — черноокий, а щеки-то — заря...

Второй — голубоглазый, а волосы — ни зги...

А третий — желто-рыжий, солома и кумач...

Или в стихотворении Ахматовой: «Небо ярче синего фаянса».

Или вот два отрывка из той же повести Сергеева-Ценского «Лесная топь» (стр. 176).

* * *

Жизнь больших городов похожа на *жизнь фабрик*: она обезличивает, делает людей какими-то одинаковыми, штампованными, машинными. И вот, в стремлении дать возможно более яркие образы — многие из новореалистов обратились от большого города — *в глушь, в провинцию*, в деревню, на окраины.

Все действие сологубовского романа «Мелкий бес» происходит в уездной глуши. Большая часть необычайных происшествий, чудес и анекдотов, творящихся с героями *Ремизова*, случилась в *захолустьях*.

Алексей Толстой избирает своей специальностью изображение жизни российских степных дикарей-помещиков.

У Бунина — целые томы посвящены деревне.

В стихах поэта *Н. Клюева* — олонецкие скиты, старообрядцы, скитники, старцы, избяная, ржавая Русь.

Тут новореалисты находят не только быт — но быт сконцентрированный, устоявшийся веками, крепчайший, 90-градусный.

* * *

Скажу короче: *материал для творчества у новореалистов* тот же, что у реалистов: жизнь, земля, камень — всё, имеющее меру и вес. Но, пользуясь этим материалом, новореалисты изображают главным образом то, что пытались изобразить символисты, *дают обобщения, символы.*

Леонид Андреев называет действующих лиц в «Жизни Человека» — Человек, Жена Человека, Друзья Человека, Враги Человека — для того чтобы раскинуть перед читателем широкий горизонт, чтобы заставить читателя задуматься о человеческой жизни вообще.

Теперь возьмите новореалиста Ремизова. Вот у него в «Крестовых сестрах» — бурковский дом. Из окна глядит вниз чиновник Маракулин, и внизу на дворе катается, поддыхает *кошка Мурка*: кошку Мурку кто-то обкормил хлебными шариками с толченым стеклом. Визжит и катается кошка Мурка — и Маракулину весь свет не мил, и пусть ничего бы не было, ни вот этого дома, ни электрического фонаря — только бы не визжала кошка Мурка. Речь о Маракулине и Мурке. Но так это написано, что мысль читателя сразу переходит на всю Россию, обкормленную толченым стеклом и извивающуюся в муках, на весь мир, подыхающий от плодов старой культуры.

Вы видите еще одну особенность новореалистов: они заставляют читателя приходить к *обобщающим выводам, к символам, изображая совершенно реальные частности.*

* * *

Теперь относительно *языка*, относительно искусства слова у новореалистов.

Ко времени появления новореалистов — *жизнь* усложнилась, стала быстрее, *лихорадочней, американизировалась* — в особенности это касается больших городов, культурных центров, для которых больше всего и пишут писатели. В соответствии с этим новым характером жизни — новореалис-

ты научились писать *сжатей, короче*, отрывистей, чем это было у реалистов. Научились в 10 строках сказать то, что говорилось на целой странице. Научились содержание романавтискивать в рамки повести, рассказа. Учителем в этом отношении был Чехов, давший убедительные образцы сжатости письма.

О краткости — я буду говорить кратко и напомним отрывок уже цитированного стиха Городецкого «Яга». Три брата:

...Как первый — черноокий, а щеки-то — заря...

Второй — голубоглазый, а волосы — ни зги...

А третий — желто-рыжий, солома и кумач...

(Объяснение.)

С целью той же самой экономии слов и с целью живее передать впечатление движения жизни — новореалисты избегают давать отдельные описания места действия или героев. Новореалисты не рассказывают, а *показывают*, так что и к произведениям их больше подходило бы название не рассказы, а *показы*. *Теория сказа*. Ну, вот вам пример.

Два действующих лица: *Иван Иваныч*, высокий, уж старый и седой — и *Марья Петровна*, коротенькая, маленького роста. Писатель-реалист прежней школы — так бы и начал: *Иван Иваныч* был такой-то и такой-то, а *Марья Петровна* такая-то.

Новореалист дает описание внешности героев каким-нибудь *действием* их: «*Иван Иваныч* надевал пальто. Кряхтел, суставы скрипели, руки уж плохо слушались. Попросил *Марью Петровну* помочь. И чтобы *Марья Петровна* достала, *Ивану Иванычу* пришлось, как всегда, подогнуться...» Описания наружности героев тут не дано, но оно *ясно чувствуется между слов*.

Помните еще: описание характера *адвоката Семена Семеновича Моргунова*: «*Семен Семеныч* моргал постоянно: морг, морг — будто совестился глаз своих. Да что глаза: он и весь подмаргивал. Как пойдет по улице да начнет на левую ногу припадать — как есть весь, всем своим существом подмаргивает». Тут ни слова о хитрости, составляющей сущность характера *Моргунова* — тут дано действие, и в действии сразу, кратко — весь *Моргунов*, как живой.

Немного раньше я говорил вам, что новореалисты в поисках за ярким, красочным бытом пошли *в глушь, в деревню*. Это наложило особый отпечаток на язык многих из них. Язык новореалиста обогатился *чисто народными выражениями и оборотами*, местными словами, которые в литературе русской были дотоле неизвестны. В этом отношении особенно много сделал *Ремизов*. Из поэтов-новореалистов, много работавших над своим запасом слов, упомяну *Городецкого, Алексея Толстого, Клюева, Есенина*.

Когда мы разбирали *символистов*, упоминалось, что им, ввиду особой трудности их тем, пришлось *технику пользования словом* разработать до совершенства и в том числе применить музыку слова. Этот способ изобразительности от символистов унаследовали и новореалисты. Нечего и говорить, что музыку слова мы найдем в *стихах новореалистов*. Гораздо интересней, что ту же самую музыку слова, особенную настройку слов, заранее обдуманый подбор их, чтобы создать известное впечатление, мы найдем и в романах, и в рассказах некоторых новореалистов.

Техника музыкального построения слов — *слишком сложна*, чтобы говорить о ней сейчас, а я просто дам вам понятие несколькими *примерами*.

Все в том же самом, уже упоминавшемся романе А. Белого «Петербург», один из героев, некий Александр Иваныч, проживает на чердаке. И вот однажды ночью — он в бреду, и в бреду ему кажется, что к нему по деревянной лестнице поднимается статуя Петра Великого — *Медный всадник*. Автор изображает это приблизительно так: «Перила скрипели. Громыхали по дереву шпоры Петра. И в черепе Александра Иваныча все быстрее вращались красные круги. И Александр Иваныч узрел: шпоры, и раструбы сюртука Петрова, и страшные руки...» Вы слышите: здесь все время звуки *'ра, 'ро, 'ру, 'ры*. Специально подобраны грохочущие слова, и этими словами особенно ярко передано впечатление медной статуи, с грохотом шагающей по деревянной лестнице.

Или вот из другого автора: «*На Михайлов день снег повалил*. Как хлынули белые хлопья — так и утихло все. Тихим

колобком белым лай собачий плывет. Молча молятся за людей старицы-сосны в клобуках белых...» Тут вы слышите повторение звуков *хл*, *кл*. Этим дается впечатление хлопьев, падающих, кружащихся хлопьев снега.

* * *

Я сказал все, что хотел сказать о реалистах, символистах и новореалистах, представляющих новейшие течения русской литературы. Вкратце я повторю свои выводы.

Развитие литературы шло *диалектическим путем*: развивалось явление, затем — его противоположность, и наконец — сочетание двух противоположных явлений.

У реалистов — земля, быт, то, что бывает, то, что может быть на земле.

Они — зеркало земли.

У них — земная религия, человекобожие.

В противоположность реалистам, изображавшим тело жизни, быта, — развилось течение *символистов*. Символисты давали в своих произведениях *широкие, обобщающие символы жизни*, то, что я называл *скелетом жизни*. *Способ изображения у символистов был тоже — скелетный, бесплотный. Трудность тем* заставила символистов до высокой степени развить *технику слова*. Для них типичен религиозный мистицизм.

Из сочетания противоположных течений реалистов и символистов возникло течение *новореалистов*, течение *антирелигиозное*. Трагедия жизни — ирония. Новореалисты вернулись к изображению жизни, плоти, быта. Но, пользуясь материалом таким же, как реалисты, то есть бытом, писатели-новореалисты применяют этот материал главным образом для изображения *той же стороны жизни, как и символисты*. *Типичные черты новореалистов*:

кажущаяся неправдоподобность действующих лиц и событий, раскрывающая подлинную реальность (вспомните пример: человеческая кожа сквозь микроскоп);

передача образов и настроений одним каким-нибудь особенно характерным впечатлением, то есть пользование приемом импрессионизма;

определенность и резкая, часто *преувеличенная яркость красок*;

*быт деревни, глуши, широкие отвлеченные обобщения —
путем изображения бытовых мелочей;
сжатость языка;
показывание, а не рассказывание;
пользование народными, местными говорами;
пользование музыкой слова.*

* * *

Обзор новейших течений литературы был бы не полон, если бы я не сказал ничего о так называемых *футуристах*, от латинского *futurum* — *будущники*.

Футуристы — течение еще позднее возникшее, чем новореалисты. Это — несомненно поросль от писателей-символистов.

От символистов — футуристы взяли идею, что слово — само по себе, отдельно взятое, и даже не только слово — *отдельный звук*, отдельная согласная или гласная вызывают в человеке некоторое представление. *Идея эта имеет основания* — и в правильном ее применении у символистов дала богатые результаты. *Но футуристы* развили эту идею *до крайних пределов*, до нелепости. Они рассуждали так: если слова и звуки сами по себе вызывают представления — нет надобности заботиться о том, чтобы слова были связаны какой-то общностью, *нет надобности и в логической связи*, другими словами: нет никакой надобности в *содержании* — слова стоят сами за себя и произведут впечатление. Произведения, создаваемые на основании этой теории, то есть *простой набор музыкально-звучащих слов и звуков*, годились бы для людей, если бы они были лишены мыслительного аппарата и *были бы снабжены только ушами*, да и, пожалуй, ушами подлиннее обычных человеческих.

До каких пределов доходили футуристы в своем пристрастии к крайним выводам, вы увидите из такого случая. На одном литературном вечере футуристов выходит поэт, говорит заглавие: «Поэма молчания». Затем стоит несколько минут, не говоря ни слова и сложивши вот так руки, — и уходит. Вот и вся поэма.

В дальнейшем футуристы немножко *излечились от своих крайностей* и стали создавать произведения более удобопонятные. У них можно отметить *три особенности*, кроме упомянутого уже пристрастия к звуковой стороне:

это усиленное пользование приемом кратких, мгновенных впечатлений, которые я называл выше *импрессионизмом*; погоня за *необычностью слов и тем* во что бы то ни стало; и, наконец,

выбор тем преимущественно *из жизни большого города* с его лихорадочным движением и мельканием.

Если футуристам удастся еще больше освободиться от своих детских болезней и сосредоточить *внимание* на одной черте — *на изображении городской жизни*, то, может быть, в будущем тем же самым *диалектическим путем из сочетания новореалистов и футуристов* получится новое жизнеспособное литературное течение. Пока что футуристы представляют собой только *литературный курьез*.

Из всей группы футуристов выделился серьезный и талантливый поэт — *Маяковский*. И чтобы вы имели представление о футуризме в лучшем значении этого слова, я прочту вам одно стихотворение Маяковского, где вы найдете все типические черты: импрессионизм, доведенный до крайних пределов; необычность образов и усиленное пользование музыкой слова.

* * *

Мне осталось только *несколько слов*. Я хочу сказать, что я *не настаиваю* на том, что я *безусловно правильно* разделил писателей по направлениям и *безусловно правильно* описал каждое из направлений. *Твердо установленных* положений относительно новейшей литературы еще нет. *Критики еще спорят*. Я изложил *свои мнения*. Если они расходятся с другими — что же: я предпочитаю *ошибаться по-своему*, чем быть правым по-чужому.

Мне вспоминается одна индийская сказочка. Слепыми предложили ощупать *слона* и потом рассказать, на что он похож по их мнению. Один ощупал ухо и сказал, что слон похож на лопух; другой пощупал ногу — и сказал, что слон похож на столб — только мягкий; третий пощупал хобот — и сказал, что слон похож на колбасу. Это *участь большинства литературных критиков*: слишком большое явление представляет собой литература, чтобы охватить ее сразу.

Быть может, и мне не удалось дать вам представление обо всем, о целом слоне: судить не мне. Если вышло так, то виноват не я, а *виновата русская литература*, ее сложность, ее широта, ее богатый расцвет.

Четверг, 5.IX.1918-го старого стиля.

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Искусство *большое* и искусство *малое*. Художественное творчество и художественное ремесло.

Ех.: Соната Бетховена — написать и сыграть...

Художник-творец должен знать *технику* соответствующего художественного ремесла.

Ех.: Этой технике можно научить. Постановка голоса.

Idem, что научить *любить, влюбляться*. Необходимость влюбления.

Ех.: «Фома Гордеев». Андрей Болконский. Барыба.

Творческий процесс — мучительно-радостный, как влюбленность и как материнство.

Ех.: Гейне, «Всякая книга... 9 месяцев».

Аналогия с материнством: мы создаем *живых людей* из себя. Жизнь — материал, не больше, чем камень.

Ех.: Репин. Растрелли.

Почему мало материалов о психологии творчества? Работа в *подсознании*. Аналогия с *гипнозом*. Воду в вино. Если бы писателей гипнотизировать...

Трудность — самогипноз. *Наркотики*. *Мучительность*.

Ех.: Чехов (стр. 6 лекций), Мопассан, Флобер (стр. 7).

«Сгущение мысли». Вдохновение — естественное «сгущение».

Творчество во сне.

Ех.: Пушкин, Гамсун.

Ех.: Холодная пуговица — *гильотина*.

Творчество во сне — не логическим путем, а путем *ассоциаций*. Надо развивать способность к ассоциациям.

Ех.: Леонид Андреев — паутина.

Вдохновение. Неожиданность.

В хирургии есть подразделение на *большую хирургию* и *малую*: большая — это искусство делать операции, и хорошим хирургом может быть только человек, имеющий к этому талант; малая — это ремесло, и научиться делать перевязки, вскрывать нарывы может всякий.

Астрономия — тоже разделяется на большую и малую: малая — это та часть прикладной астрономии, которая нужна, например, для того чтобы определить положение корабля в море, проверить хронометр по солнцу и т. д.

То же самое подразделение я вижу и в искусстве. Есть *большое искусство и малое искусство*, есть художественное *творчество* и есть художественное *ремесло*. Написать «Чайльд-Гарольда» мог только Байрон; перевести «Чайльд-Гарольда» может всякий, прослушавший курс... Написать «Лунную сонату» мог только Бетховен; сыграть ее на рояле — и неплохо — могут очень многие. *Написать* «Чайльд-Гарольда» и «Лунную сонату» — это художественное *творчество*, это — область *большого искусства*; *перевести* «Чайльд-Гарольда» или *сыграть* «Лунную сонату» — это область художественного ремесла, малого искусства. И совершенно ясно, что если можно *научить малому искусству*, художественному ремеслу, то научить большому искусству, художественному творчеству нельзя: *нельзя научить писать «Чайльд-Гарольдов» и «Лунные сонаты»*.

Вот отчего я с самого же начала отрекаюсь от *вывешенного заглавия* моего курса. Научить писать рассказы или повести *нельзя*.

Чем же мы будем тогда заниматься? — спросите вы. — Не лучше ли разойтись *по домам*?

Я отвечаю: нет. Нам все-таки есть, чем заниматься.

Малое искусство, художественное ремесло — непременно *входит* в качестве составной части в большое. *Бетховен*, чтобы написать «Лунную сонату», должен был узнать сперва законы мелодии, гармонии, контрапункта, то есть изучить музыкальную технику и технику композиции, относящуюся к области художественного ремесла. И *Байрон*, чтобы написать «Чайльд-Гарольда», должен был изучить технику стихосложения. Точно так же и тому, кто хочет посвятить себя творческой деятельности в области художественной прозы, нужно сперва изучить *технику художественной прозы*.

Искусство развивается, подчиняясь *диалектическому* методу, о котором я говорил прошлый раз. Искусство работает *пирамидально*: в основе новых достижений положено использование всего, накопленного там, внизу, в основании пирамиды. Революций здесь не бывает, больше, чем где-нибудь, — здесь *эволюция*. И нам надо знать то, что в области техники художественного слова сделано до нас. *Это не значит*, что вы должны идти по старым путям: *вы должны вносить свое*. Художественное произведение только тогда и ценно, когда оно *оригинально* и по содержанию, и по форме. Но

для того, чтобы прыгнуть вверх, надо оттолкнуться от земли, надо, чтобы была земля.

Никаких законов, как надо писать, нет и не может быть: всякий должен писать *по-своему*. Я могу только рассказать, как я пишу, как пишут вообще: могу сказать, *не как надо* писать, а *как не надо* писать.

Итак, *главным предметом наших работ будет техника художественной прозы. Тем, у кого есть способность к творчеству, это поможет скорее вылупиться из скорлупы; тем, у кого нет — эти занятия могут быть только любопытны, могут дать некоторые сведения в области анатомии произведений художественного слова. Полезно для критических работ. Те, у кого есть голос, нуждаются в правильной «постановке» голоса, как называют это певцы. Это — вторая задача. Но тех, у кого нет голоса, разумеется, нельзя научить петь.*

Если бы я стал *обещать* вам всерьез, что научу вас писать повести и рассказы, это звучало бы так же нелепо, как если б я обещал научить вас искусству *любить, влюбляться*, потому что это — тоже искусство, и для этого тоже требуется талант.

Я *не случайно* взял это сравнение: для художника *творить* какой-нибудь образ *значит быть влюбленным* в него. Гоголь непременно был влюблен — и не только в героического Тараса Бульбу, но и в Чичикова, в Хлестакова, в лакея Петрушку. Достоевский был влюблен в Карамазовых — во всех: и в отца, и в обоих братьев. Горький в «Фоме Гордееве»... фигура старика Маякина: он должен был выйти *типом отрицательным*: это — купец. Я помню отлично: когда я писал «Уездное», я был влюблен в Барыбу, в Чеботариху — *как они ни уродливы, ни безобразны*. Но есть — может быть — красота в безобразии, в уродливости. *Гармония Скрябина*, в сущности, уродлива: она сплошь состоит из диссонансов — и тем не менее она прекрасна. Совпадение с *Блоком*...

Об этом я говорю не для того, чтобы доказать всю *ту аксиому*, что творчеству научить нельзя, а *для того чтобы описать вам этот процесс творчества* — поскольку это возможно и поскольку это знакомо мне по собственному опыту.

Совершенно так же, как и влюбленность, — это одновременно *радостный* и *мучительный* процесс. Еще ближе, быть может, другая аналогия: с *материнством*. Недаром же у Гейне в его «Gedanken» есть такой афоризм: «Всякая книга должна

иметь свой естественный рост, как дитя. Честная женщина не рождает своего ребенка до истечения 9 месяцев».

Эта аналогия самая естественная: потому что ведь и *писатель, как женщина-мать, создает живых* людей, которые страдают и радуются, насмеваются и смешат. И так же, как мать своего ребенка, писатель своих людей *создает из себя*, питает их собою — какой-то нематериальной субстанцией, заключенной в его существе.

У нас *немного материала* для того, чтобы получить понятие о самом процессе творчества. Писатели редко говорят об этом. Да это и понятно: творческий процесс проходит главным образом в таинственной области *подсознания*. Сознание, *ratio*, логическое мышление, играет второстепенную, *подчиненную* роль.

В момент творческой работы писатель находится в состоянии *загипнотизированного*: сознание загипнотизированного воспринимает и разрабатывает лишь те впечатления, материал для которых дает гипнотизер. Вы можете *щипать, колоть* загипнотизированного субъекта, дать ему понюхать нашатырный спирт — он ничего не почувствует. Но подходит гипнотизер, дает выпить глоток воды и говорит: «*Это шампанское*» — и у загипнотизированного в сознании появляются сразу все *ассоциации, вкусовые и эмоциональные*, связанные с шампанским: он говорит, что ему весело, описывает вкус шампанского и т. д. Словом, у него является *творчество*. Но чуть только сознание загипнотизированного *выйдет из-под воли гипнотизера* — творчеству конец: *из воды* человек уже не в состоянии создать *вина*, человек уже не в состоянии сотворить этого *чуда в Кане Галилейской*.

Мне не раз приходило в голову, что, вероятно, *под гипнозом писатель писал бы* в 10 раз быстрее и легче. К сожалению, опытов в этом направлении не производилось. Вся трудность творческой работы в том, что *писателю приходится совмещать в себе* и гипнотизера, и гипнотизируемого, приходится гипнотизировать себя самого, самому усыплять свое сознание, а для этого, конечно, нужна *очень сильная воля* и очень живая *фантазия*. Недаром же многие писатели, как известно, прибегают во время работы к *наркотикам*, для того чтобы усыпить работу сознания и оживить работу подсознания, фантазии. *Пушбышевский* не мог писать иначе, как имея перед собой коньяк; *Гюисманс*, да и не он один, пользовался

для этой цели опиум, морфием. *Андреев* во время работы пил крепчайший чай. *Ремизов*, когда пишет, пьет кофе и курит. Я без папиросы не могу написать и страницы.

Все это, повторяю, для того чтобы *усыпить работу сознания*, подчинить ее подсознанию. *Попытка анализировать творческий процесс* неминуемо приводит к тому, что на первый план выступает сознание, *загипнотизированный просыпается*, творческая работа останавливается, а стало быть, и анализу конец. Это не раз я испробовал на *собственном опыте*. Вот чем объясняется, что у писателей мы так мало находим указаний на то, как проходит творческий процесс. Мы находим только *неопределенные указания* на то, что писать трудно, или радостно, или мучительно.

Чехов в письме к Л. Гуревич: «Пишу медленно, с длинными антрактами. Пишу и переделываю — и часто, не кончив, бросаю». В другом письме: «Пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю». В последний период он уже не писал, а как <бы> шутя говорил про себя — «*рисовал*» (красные чернила).

Мы знаем, что представляют из себя *рукописи Толстого, Пушкина*: сколько исправлений и вариантов — и, стало быть, сколько творческих мук.

Мопассан. «Сильна как смерть». Во 2-й части романа чуть ли не каждая фраза менялась и перестраивалась. Заключительная фраза — 5 вариантов! Это писалось уже в период, когда у Мопассана сказывалась его болезнь все больше. Явно чувствуется именно то явление, о котором я говорил: автор не в состоянии загипнотизировать себя, свое сознание; сознание анализирует каждое слово, пересматривает, перекраивает.

Флобер. «Саламбо». «Чтобы книга потела правдой, нужно быть по уши набитым предметом. А дальше начнется пытка фразы, мучение ассонанса, терзания периода». «Я только что закончил 1-ю главу и вот не нахожу в ней ничего хорошего, я отчаиваюсь из-за этого дни и ночи. Чем больше я приобретаю опыта в своем искусстве, тем большим терзанием это искусство становится для меня: воображение не развивается, а требования вкуса все увеличиваются. Я полагаю, что немногие люди выстрадали из-за литературы столько, сколько я». «Что за собачий сюжет! Трудность в том, чтобы отыскать верную ноту. Это достигается *путем крайнего сгущения мысли, достигнутого естественно или усилием воли*, но

отнюдь не тем, чтобы просто вообразить незыблемую правду, сиречь, целую историю подробностей рельефных и правдоподобных».

Вот это самое *«крайнее сгущение мыслей»* или то, что я называл *самогипнозом*, является *необходимым и самым трудным* условием творческой работы. Иногда это состояние самогипноза, «сгущения мысли», приходит само собой, без усилия воли — и это, в сущности, представляет собою то, что именуется *вдохновением*. Но это случается *редко*. Для того чтобы писать *большую вещь*, приходится каким-то усилием воли достигать этого состояния «сгущения мысли» — и *научить этому нельзя*: это какая-то органическая способность, и ее можно только *развить* в себе еще больше, если она имеется налицо.

Моменты творческой работы очень похожи еще вот на что: на *сновидение*. Тогда сознание тоже наполовину дремлет, а подсознание и фантазия работают с необычайной яркостью.

О близости и верности этого уподобления говорит то, что, по свидетельству многих писателей, решение той или иной творческой задачи им приходило во сне. Во сне пришли в голову *Пушкину* какие-то строфы из «Цыган». *Гамсун* всегда кладет возле себя на ночной столик карандаш и бумагу, чтоб записывать то, что вдруг приходит ему в голову, когда он просыпается среди ночи. *Я сам* по себе замечал...

Мысль человека в обыкновенном состоянии работает *логическим путем*, путем силлогизмов. При творческой работе мысль, как и во сне, идет *путем ассоциаций*. В связи со словом, вещью, цветом, отвлеченным понятием, о которых идет речь в повести, романе, рассказе — у писателя возникает целый рой ассоциаций. *На долю сознания* выпадает из этих ассоциаций *выбрать наиболее подходящую*. Чем богаче способность к ассоциации, тем богаче образы автора, тем они оригинальней и неожиданней. Богатейшая способность *Гофмана* к ассоциациям делает его рассказы положительно похожими на какие-то *причудливые сны*. Недавно *Горький* читал свои воспоминания об *Андрееве* и там приводил такие слова Андреева, у которого тоже была богатая способность к ассоциациям: «Я пишу слово *«паутина»* — и мысль начинает разматываться, и мне приходит в голову учитель реального училища, который говорил тягуче, имел любовницу — девуцу из

кондитерской; эту девицу он называл Милли, а подружки на бульваре звали ее Сонька-Пузырь».

Смотрите, какая *богатая и причудливая ассоциация*, связанная с одним только словом «паутина». Творческая *мысль писателя* работает так же, как у всех людей во сне. Мы нечаянно трогаем во сне *горло холодной перламутровой пуговицей* на рукаве. В *нормальном состоянии*, когда сознание трезво работает и контролирует наши ощущения, никаких ассоциаций, никаких эмоций это прикосновение пуговицы не вызовет. Но во сне, когда сознание послушно подсознанию, прикосновение пуговицы тотчас же ассоциируется с прикосновением холодного стального ножа — и в какую-нибудь долю секунды мы увидим: *нож гильотины* — мы осуждены на казнь — в тюрьме — на двери луч света из узенького окошка, блестит замок — замок звякнул, это входит палач, сейчас поведут...

Эту способность к ассоциированию, если она вообще есть, можно и нужно развить путем упражнений. И это мы попробуем. Дальше мы увидим, что в числе художественных приемов — один из тончайших и наиболее верно достигающих цели — рассчитан на сообщения мысли читателя определенных ассоциаций, необходимых для достижения известного, задуманного автором эффекта.

О СЮЖЕТЕ И ФАБУЛЕ

О СЮЖЕТЕ

Откуда сюжет? Из жизни? Но... Ех.: Толстой — «Война и мир». Гоголь — «Вий», «Страшная месть». Гофман — «Золотой горшок». Даже в автобиографических вещах — писатели претворяют жизнь. Ех.: «Детство» Горького.

Жизнь — только камни. Ех.: Репин. Растрелли.

Писатель, который только фотографирует жизнь, *импотент*.

Из камней, из жизни — сюжет *двумя путями: индукция и дедукция*. Индукция — аналогия с *кристаллизующимся раствором*. Дедукция — *à thèse*. Ех.: Андреев — полет Уточкина. Чехов — «Чайка». Ех.: горьковская «Мать».

Нужен ли план и когда? План в самом начале — слишком обдуманый, надуманный характер.

Оживление людей. По крайней мере — главных героев. Надо видеть их, слышать тембр, жесты, как кто ест, ходит. *Idem* — если мы судим о незнакомом человеке: извне — вовнутрь. Ех.: Толстой — Болконский, Пьер.

Практически: *эскизные портреты, эскизные сцены*. Ех.: Черновики.

Затем — *быстро*, хотя бы с длиннотами, не гладко, — чтобы *выяснить фабулу*. Первый черновик.

Читать вслух:

1. чтобы исправить неблагозвучия и использовать музыку слова и

2. ритм.

Переписать:

1. чтобы правильная архитектура всей вещи и

2. правильная архитектура фраз, правильная расстановка слов.

Ех.: Черновики — «Африка». «Землемер».

Уменьше вычеркивать. Нужен:

1. зоркий глаз и

2. беспощадность.

Значение *краткости*. Закон художественной экономии, художественного коэффициента полезного действия. Не надо разжевывать: писать не для беззубых и не для кретиннов.

В живом организме — ничего лишнего.

Если хочется *ввести эпизод* — надо связать живыми нитями. Ех.: Мак-Интош.

* * *

Откуда и как родится у писателя сюжет? Из жизни? Но разве Толстой видел всех людей, которые проходят через его «Войну и мир» — Болконского, Пьера, Наташу, Ростовых? Разве он видел Наполеона, умершего за десятки лет до написания «Войны и мира»? Разве Гофман видел архивариуса Линдгорста и студента Ансельма, посаженного архивариусом в стеклянный сосуд? Разве Достоевский видел Карамазовых? Разве Андрей Белый видел своего геометрического сенатора Аполлона Аполлоновича, и Липанченко, и Александра Ивановича, и всех других действующих лиц из «Петербурга»? Разумеется, нет. Все эти люди — живые люди — и Болконский, и Пьер, и Наташа, и Ростовы, и Карамазовы, и

сенатор Аполлон Аполлонович — все они рождены писателем из себя.

Правда, у того же Толстого в «Детстве» фигурируют действительно существовавшие люди; у Горького в его «Детстве» — тоже, в других его вещах — тоже часто зарисованы живые, взятые из жизни люди. Правда, такое, как будто бы — непосредственное перенесение жизни на страницы книги — мы встречаем у реалистов, особенно в произведениях автобиографического характера. Но даже и здесь — можно сказать с уверенностью — события и лица изображены не так, как они были на самом деле: действительные события и лица служили писателю только материалом. Тем более это нужно сказать о писателях-символистах и неореалистах, у которых мы часто встречаем фантастику и гротеск, то есть то, чего в действительности не бывает.

Жизнь служит для писателя только материалом. Всю форму постройки, всю ее архитектуру, всю ее красоту, весь ее дух — создает сам автор. Архитектор Браманте построил собор святого Петра в Риме из камня: но камень — только мертвый материал, жизнь в этот камень — вдохнул Браманте. Репин в своей картине «Иван Грозный» писал Иоанна с какого-то натурщика; но из этого, взятого из жизни натурщика, — он сделал Иоанна. Так и для писателя: наблюдаемые в жизни события, встречающиеся живые люди — являются не более, чем был камень для Браманте, не более, чем был натурщик для Репина. Писатель, который может только описывать жизнь, фотографировать события и людей, которых он действительно видел — это творческий импотент, и ему далеко не уйти.

Из этих камней, которые писатель берет из жизни, сюжет складывается двумя путями: индуктивным и дедуктивным.

В первом случае индукции процесс развития сюжета идет так: какое-нибудь мелкое и часто незначительное событие — или человек — почему-нибудь поражают воображение писателя, дают ему импульс. Творческая фантазия писателя в такой момент, очевидно, находится в состоянии, которое можно сравнить с состоянием кристаллизующегося раствора: в насыщенный раствор достаточно бросить последнюю щепотку соли — и весь раствор начнет отвердевать, кристалл нарастает на кристалл — создается целая прихотливая постройка

из кристаллов. Так и здесь: такой импульс играет роль последней щепотки; ассоциации — роль связующего цемента между отдельными кристаллами мысли. Углубляющая весь сюжет идея, обобщение, символ — является уже после, когда большая часть сюжета окристаллизовалась.

Другой путь — дедукция — когда автор сперва задается отвлеченной идеей и затем уже воплощает ее в образах, событиях, людях.

Как тот, так и другой путь — одинаково законны. Но второй путь, дедукции — опасней: есть шансы сбиться на схоластическую хрию.

Как на пример первого пути создания сюжета — индуктивного, укажу на факт, рассказанный Чуковским в его воспоминаниях о Л. Андрееве. Однажды Андреев прочитал в записках Уточкина: «При вечернем освещении наша тюрьма — необыкновенно прекрасна...» Отсюда — «Мои записки», кончающиеся как раз этой фразой.

Еще пример — «Чайка» Чехова. Однажды он был в Крыму вместе с художником Левитаном — на берегу моря. Над водой летали чайки. Левитан подстрелил одну из чаек и бросил наземь. Это было такое ясное зрелище — не-нужно, зря умирающей, убитой красивой птицы, что оно поразило Чехова. Из этого мелкого факта, запомнившегося Чехову — содалась пьеса «Чайка».

Иногда факт, послуживший импульсом для сюжета — совершенно выпадает из произведения. Так случилось с моей повестью «Островитяне»...

Примером дедуктивного пути создания сюжета — могут служить многие произведения символистов, — хотя бы пьеса Минского «Альма» или «Навыи чары» Сологуба, явно написанные *à thèse* — чтобы доказать преимущество Дульцинеи перед Альдонсой. Сюжет арцыбашевских «Санина», «У последней черты», горьковской «Матери» тоже явно созданы дедуктивным путем; этим путем — все проповеднического типа вещи. Как я уже говорил — этот путь опасен, и сюжеты, созданные таким путем, редко выливаются в безукоризненно-художественную форму.

Итак, теперь мы имеем представление о том, как зарождается сюжет. Но вот сюжет — в эмбриональной форме — уже есть. Что ж делать дальше? Нужен ли дальше план, схема повести или рассказа?

Решить этот вопрос в общей форме трудно. Но на основании моего опыта я скажу, что торопиться с планом не следует. Составленный в самом начале работы план — стесняет работу воображения, подсознания, ограничивает ассоциативную способность. Творчество приобретает слишком обдуманый, чтобы не сказать — надуманный характер. Я рекомендовал бы начинать с другого: с оживления людей, с оживления главных действующих лиц. Второстепенные персонажи, разумеется, могут появиться и ожить во время дальнейшей работы; но главные персонажи — всегда есть уже в самом начале. И вот надо добиться — все тем же самым приемом «сгущения мысли», о котором говорит Флобер — надо добиться, чтобы эти главные персонажи стали для вас живыми, ожили. Надо, чтобы вы видели их — видели прежде всего, видели в каждом из них всё бросающееся в глаза. Надо, чтобы вы знали, как кто ходит, улыбается, здоровается, ест. Затем вы должны слышать голос каждого, тембр этого голоса; вы должны подметить особенности в манере говорить у каждого из действующих лиц. То есть вы должны судить о своих персонажах так же, как вы судите о незнакомом человеке: вы наблюдаете его извне, и отсюда, индуктивным путем, от частных — восходите к общему. Когда вы узнаете действующих лиц снаружи — вы уже будете детально знать их и внутри; вы будете детально знать характер каждого из них; вам будет совершенно, безошибочно ясно: кто что из них может и должен сделать. Тогда и определится — и сюжет — определится окончательно и правильно. И только тогда можно набросать план. Насколько живыми становятся персонажи — ех., Толстой: Андрей Болконский, Пьер...

Практически следует, стало быть, поступать так: сперва вы делаете эскизные портреты главных действующих лиц, обдумываете — или правильной, občувствуете — все их особенности. Затем, если имеете дело с большой вещью — хорошо набросать эскизы отдельных сцен — все равно, может быть, начиная с конца. А затем — разработать план и, пользуясь эскизами, начать все писать с начала. Ех.: «Островитяне», «Землемер», черновики.

Когда вы пишете первый черновик — лучше писать быстро, по возможности не останавливаясь над отделкой деталей. Местá, затрудняющие чем-нибудь, — лучше пропускать и доделывать потом: важно дать законченную форму сюжету, фабуле. Не беда, если в первом черновике у вас будут длин-

ноты, повторения, излишние детали: это все можно убрать при дальнейшей работе.

А этой дальнейшей работы — немало. Надо твердо запомнить: всякий рассказ, роман или повесть, не считая предварительных эскизов — надо переписать по крайней мере два раза и непременно прочесть себе вслух. Читать вслух нужно:

1. чтобы использовать в рассказе, где это нужно, музыку слова;
2. чтобы исправить все неблагозвучия;
3. чтобы не было ритмических ошибок.

Обо всем этом подробней мы будем говорить дальше, когда коснемся изобразительных методов художественного слова. Но для того, чтобы добиться правильной конструкции фразы, правильной расстановки слов, точности эпитетов — недостаточно одного чтения вслух: это процесс слишком быстрый. Тут требуется переписать вещь — один раз, два, три — сколько понадобится. Ех.: «Землемер».

Во время такой переписки — выступает на сцену сокращение и вычеркивание. Уметь зачеркивать — искусство, пожалуй, еще более трудное, чем уметь писать:

1. тут надо иметь очень зоркий глаз, чтобы решить, что лишнее, что надо убрать...
2. тут нужна безжалостность к себе — величайшая безжалостность и самопожертвование: надо уметь жертвовать частностями во имя целого.

Иногда какая-нибудь деталь, какой-нибудь вставной эпизод — кажется страшно ценным и интересным, и так жаль выбросить его. Но в конце концов, когда выбросишь — всегда оказывается к лучшему. А выброшенное — всегда пригодится потом, в другой вещи. Всегда лучше не договорить, чем переговорить. У читателя, если он не рамоли — всегда достаточно острые зубы, чтобы разжевать самому то, что вы ему даете: не надо преподносить ему жвачки, пережеванного материала. Не следует писать в расчете на беззубых рамоли или на кретинов.

Повесть, рассказ — вы можете считать совершенно созревшими и законченными, когда оттуда уже нельзя будет выбросить — ни одной главы, ни одной фразы, ни одного слова. Все, что можно выбросить — надо безжалостно выбросить: пусть останется только одно яркое, одно ослепительное, одно необходимое. Ничего лишнего: только тогда вы можете сказать,

что ваше произведение создано и живет. В живом — нет ничего лишнего: все выполняет какую-нибудь необходимую жизненную функцию (за исключением *appendix'a* — червеобразного отростка — да и тот приходится вырезать). Так и в рассказе: должно быть только то, что жизненно необходимо.

Если кажется, что какой-нибудь эпизод, какой-нибудь анекдот, какое-нибудь действующее лицо — очень интересны и ценны сами по себе, нужно суметь этот эпизод или это действующее лицо связать с фабулой какими-то неразрывными, живыми нитями, а отнюдь не белыми нитками; нужно изменить фабулу так, чтобы этот эпизод или эпизодическое действующее лицо — стали необходимыми. Ех.: Мак-Интош из «Островитян».

О ФАБУЛЕ

В драме: *завязка, действие, развязка*. В романе и повести — *idem*; в рассказе — *выпадает*.

Ех.: все три элемента: «Беда» Чехова.

Ех.: одна завязка: «Егерь» Чехова.

Ех.: одна развязка: «Злоумышленник» Чехова.

Ех.: одно действие: «Пасхальная ночь» Чехова.

В драме — закон трех единств. С развитием техники — *только единство действия*. *Idem* — в художественной прозе. Единство главных *персонажей*. *Второстепенные* — могут быть эпизодическими, но это...

Фабула в прежней прозе. Шехерезада. «Декамерон». «Жиль Блаз». «Мертвые души» Гоголя.

Закон эмоциональной экономии. Утомление. Эффекты — в конец.

Интермедии. В *малых рассказах* — интермедий может и не быть.

Способы интермедий. *Эпизодические вставки*. Ех.: рассказ «О купце Воскобойникове». Рассказ Ахиллы в «Соборьянах». Портит архитектуру.

Второй прием: лирические отступления и авторские ремарки. Расхолаживание, разрушение очарования: актер, сбросивший грим. Авторские ремарки — *разжевывание*. Ех.: Чехов, 1, 221, «Муж».

Третий прием: пейзажи и обстановка. Лучше: нет ино-родного тела. Надо *связать пейзаж* с фабулой. Чехов гово-рил: «Описание природы тогда уместно... когда помогает со-общить читателю настроение». *По сходству или по контраст-ту*. Ех.: «Островитяне», 132, 133, 152, 155, 160, 161. Ех.: «Африка». Ех.: Чехов — «Спать хочется», V, 75 — обстановка. Чехов — «*Море* было большое».

Четвертый прием: *переплетающаяся фабула*. Ех.: «Ост-ровитяне». Ех.: «В сарае» Чехова.

Бедность фабулы у новых русских писателей. Форма — за счет фабулы. На Западе — Мопассан, Бурже, Конан-Дойль, Уэллс... Фабула у нас — у *бульварных писателей*. *Читаемость*.

Новый читатель будет искать фабулы... *Жизнь — так бо-гата*, а искусство не должно быть беднее жизни.

Искусственные приемы повышения интереса:

1. Фабулистическая пауза;
2. перипетии и
3. запутывание.

Ех.: «Запечатленный ангел», Лесков, III, 67. Ех.: «Север».

Повторения. ...сладким образом.

Пятнистая тьма.

Типичный...

Милиционер — ...25%.

Дома стреляют.

* * *

Для развития фабулы — в современном романе или по-вести — тот же самый психологический закон, что и в драме: завязка, действие, развязка. Для романа и повести — это яв-ляется нормальным. Впрочем, в современных романах и по-вестях последний член этой формулы — развязка — часто выпадает: занавес закрывается перед последним действием, читателю предоставляется угадывать развязку самому. Этот прием допустим только в том случае, когда все психологи-ческие данные для развязки уже выяснены, и читатель без труда может судить о ней по первым двум членам формулы.

Большой рассказ — тоже часто содержит в себе все три элемента драмы: завязку, действие и развязку. Но в расска-зах небольших, в новеллах — обычно берется только какой-нибудь один из членов этой формулы: либо одна завязка,

либо одно действие — без завязки и развязки; либо, наконец, сразу — одна развязка.

Ех. рассказа со всеми тремя элементами: «Беда» Чехова; «Сирена» Чехова, I, 14.

Ех. рассказа с одной завязкой: «Егерь» Чехова, IV, 208.

Рассказ с одной развязкой: «Злоумышленник», I,

Ех. рассказа с одним действием: «Пасхальная ночь» Чехова.

Но в большинстве случаев даже и в небольших рассказах — все три элемента.

Вы, вероятно, знаете, что в классической драме — был закон единства — единства времени, места и действия. С развитием театральной техники — эти строгие требования постепенно смягчились и, наконец, современная драматургия уже не требует того, чтобы действие происходило в течение 24-х часов и в одном и том же месте. Но закон единства действия, единства действующих лиц — остался, потому что в основе его лежат соображения не технические, а психологические.

Idem закон единства действующих лиц — сохраняет свою силу и для романа, для повести, для рассказа. Театральных технических затруднений здесь нет: вы не стеснены требованием единства времени или места, но единство действующих лиц для современного романа, повести — обязательны. Одни и те же — или, может быть, одно и то же главное действующее лицо должно проходить через все произведение. Вокруг главного лица могут вращаться и действовать сколько угодно второстепенных. Эти второстепенные по минованию надобности могут исчезать со страниц, могут быть эпизодическими, но главное лицо — или лица — остаются все время. Надо при этом отметить, что случайные, эпизодические лица — являются недостатком произведения: это нарушает его архитектурную стройность. И искусный автор всегда сумеет сделать так, чтобы эпизодические лица оказались необходимыми в фабуле, в развитии сюжета. Ех. — idem Мак-Интош в «Островитянах».

Я нарочно подчеркнул, что это требование — единства действующих лиц — является обычным в современном, в новом романе и повести. Когда художественная проза находилась еще в первоначальной стадии развития — это требование обычно не выполнялось: прозаические произведения

Средних веков, XVIII века — строились по принципу эпизодичности. Шехерезада, «Декамерон». «Жиль Блаз» Лесажа — как будто связан единым действующим лицом: но связь, в сущности, почти *id.*, как в Шехерезаде — все время одно и то же лицо рассказывает сказки.

В драме есть еще закон, который я назвал бы законом эмоциональной экономии. *Idem* — в художественной прозе. Закон этот основан на том, что у человека после сильных ощущений — получается реакция, утомление и эмоциональная восприимчивость понижается. Поэтому наиболее сильные психологические эффекты — нужно переносить в конец повести, романа, рассказа. Если такой момент дать раньше — читатель не в состоянии будет воспринять последующих, эмоционально не так напряженных моментов.

Из того же закона эмоциональной экономии — вытекает другое требование: требование интермедий. Эмоциональные подъемы в ходе произведения должны сменяться какими-нибудь роздыхами, понижениями. Нельзя все время держать читателя на *forte*: он оглохнет. Должны меняться и темп, и сила звука. Это требование относится к роману, повести и большому рассказу. Небольшие рассказы типа новелл, 2–3 страницы — могут быть восприняты читателем и в том случае, если рассказ ведется все время в очень напряженном тоне: внимание читателя еще не успеет устать. Он может воспринять рассказ без передышки, залпом.

В более крупных вещах — требование такой передышки, интермедии — осуществляется несколькими способами.

Самый простой способ, но вместе с тем наиболее грубый, наиболее примитивный — это эпизодические вставки. То есть в ход рассказа вводятся еще особые добавочные, вставные рассказы, не связанные, в сущности, или очень мало связанные с фабулой. Примеров много. Рассказ о купце Воскобойникове у Достоевского. Рассказ Ахиллы в «Соборянах» о том, как он самозванцем был. Там же — рассказ... карлика о Царе, о женитьбе. Все это достигает цели, но как я уже говорил — это портит архитектуру, стройность рассказа.

Другие приемы, чтобы дать нужную передышку вниманию читателя — это лирические отступления и авторские ремарки. Такие отступления очень часто применял Гоголь: вспомните его «Тройку». Из новых авторов мы увидим та-

кие отступления у берущих свое начало в Гоголе Ремизова и А. Белого. Но этот прием, достигая своей цели, то есть давая передышку, отвлекая на время внимание читателя от развития фабулы — опять-таки имеет недостаток: он на время позволяет проснуться читателю, производит расхолаживающее действие; ослабляет очарование. Все равно, как если бы актер среди игры снял грим, сказал несколько слов своим голосом, а затем снова...

Очень дурной прием — авторские ремарки, рассказывающие о тех ощущениях героев, которые уже показаны в действии. Это — всегда лишнее; это — то самое разжевывание. Ех. — «Муж» Чехова, I, 221.

Дальше в качестве интермедий пользуются пейзажем или описанием обстановки, в которой происходит действие. Этот прием гораздо уместней и лучше предыдущих. Цель также достигается, но при этом не вводится в рассказ никакого инородного тела; пейзаж и обстановка — могут войти в качестве жизненно необходимого элемента. Но для этого автор должен позаботиться, чтобы пейзаж или описание обстановки были органически связаны с фабулой.

Очень хорошо понимал это Чехов. В одном из писем он говорит: «Описание природы только тогда уместно и не портит дела, когда они кстати, когда они помогают сообщить читателю то или другое настроение».

Нужно, чтобы пейзаж или обстановка не были нейтральны или должны быть связаны с фабулой, с переживаниями действующих лиц, или по признаку сходства, или по признаку контраста. То есть... Тогда помимо прямой цели — дать интермедию — достигается еще и побочная: читатель вводится, подготавливается к последующим событиям. Таким образом, достигается художественная экономия.

Ех. «Агафья» Чехова, т. III, 354.

Ех. «Спать хочется» Чехова, т. V, стр. 75.

Ех. «Африка».

Ех. «Островитяне», 133, 152, 155, 160, 161; обстановка — 132.

Ех. «Весенний вечер» Бунина.

Во всяком случае, и пейзаж, и описание обстановки — должны быть сделаны кратко, в нескольких строках. Чехов: «Море было большое». Надо уметь увидеть в пейзаже и обстановке или что-то очень простое и потому не бросающееся в глаза — или оригинальный образ.

Самый трудный и сложный, но вместе с тем наиболее искусный и достигающий наибольшего эффекта прием интермедии — это прием переплетающейся фабулы. В рассказе, повести или романе — несколько главных персонажей, связанных между собою, и все время проходят параллельно 2—3 романтические интриги. Читатель устал следить за переживаниями одной пары — вы переносите его внимание к другой, к третьей. Ех. «Островитяне»: м-с Дьюли и Кембл, Кембл и Диди, Диди и О'Келли. Все связаны между собой неразрывными нитями.

«В сарае» Чехова, т. III, 53.

Чтобы покончить с фабулой, мне остается сказать еще об одном недостатке, свойственном большинству русских писателей, включая самых крупных мастеров художественного слова: это бедность фабулы, интриги в русских романах, повестях и рассказах. Особенно это относится к писателям новейшего периода, обозрению творчества которых была посвящена моя первая лекция. Богатейшая фабулистическая изобразительность была у Толстого, у Достоевского, у Лескова; из второстепенных авторов — у Болеслава Маркевича. А затем русская литература занялась усовершенствованием формы, языка, углублением психологических деталей, разработкой общественных вопросов; фабула же — была забыта. Форма и психологическая сторона в художественной прозе — развивались и ушли гораздо дальше западноевропейских образцов — но это произошло за счет обеднения фабулы. Таких мастеров фабулы и интриги, как Лесаж, Дюма, позже Мопассан, Флобер, Бурже, Конан-Дойль, Уэллс, Генрих Манн — в русской литературе теперь нет. Фабулой интересовались и фабулу культивировали у нас в последнее время писатели третьестепенные, скорее даже бульварные, вроде Вербицкой и Нагродской. Настоящие же мастера художественного слова — как-то даже пренебрежительно относились к фабулистической стороне и как будто даже считали ниже своего достоинства интересоваться фабулой. И совершенно напрасно: результатом было то, что по статическим данным библиотек — больше всего читались именно бульварные, третьестепенные писатели, вроде Вербицкой. А такие мастера и художники слова, как Бунин — стоят на полках. У Бунина — часто фабула скучна. Нельзя забывать этого неоспоримого афоризма: «Все роды литературы хороши — кроме скучной». Писателю нынешнего дня — на

фабулу придется обратить особое внимание. Прежде всего — меняется читательская аудитория. Раньше читателем был главным образом интеллигент, способный подчас удовлетвориться эстетическими ощущениями формы произведения, хотя бы развитой в ущерб фабуле. Новый читатель, более примитивный, несомненно, будет куда больше нуждаться в интересной фабуле. Кроме того, есть еще одно — психологическое — обстоятельство, которое заставляет теперь писателя обратить большее внимание на фабулу: жизнь стала так богата событиями, так неожиданна, так фантастична, что у читателя вырабатывается невольно иной масштаб ощущений, иные требования к произведениям художественного слова: произведения эти не должны уступать жизни, не должны быть беднее ее.

Из искусственных приемов повышения интереса читателя к фабуле — я обращаю ваше внимание на три приема.

Первый — это то, что я назвал бы фабулистической паузой. Обычно это бывает при наличии переплетающейся фабулы: рассказ прерывается на очень напряженном и драматическом месте — и автор обращается к развитию второй, параллельной фабулы; этим развитием и заполняется намеренная пауза. Такая пауза, естественно, усиливает нетерпение читателя узнать: чем же кончится так неожиданно прерванное изображение какого-нибудь очень драматического события? Ех. Лесков. «Запечатленный ангел», стр. 66.

Второй прием — задержание перипетий.

Третий прием — заключается в намеренном запутывании фабулы. Путем искусных намеков автор заставляет читателя придти к ложному выводу о разрешении какого-нибудь фабулистического конфликта — и затем неожиданно обрушивается на читателя действительным разрешением конфликта. Ех. «Север».

О ЯЗЫКЕ

В чем разница между поэзией и прозой? И есть ли она? Поэты-стихотворцы еще оспаривают привилегию составлять особую художественную церковь. Но для меня ясно: между поэзией и художественной прозой — нет никакой разницы. Это — одно.

В старых теориях словесности вы найдете такое разделение, но теперь оно уже утеряло свой смысл. Теперь мы не в

состоянии различить, где кончается поэзия, и где начинается художественная проза.

Внутренние изобразительные приемы в поэзии и прозе — *idem* метафоры, метонимии, синекдохи и т. д. Внешние изобразительные приемы в поэзии и в прозе — когда-то различались. Но теперь мы имеем стихи без рифм, мы имеем стихи без определенного ритма — *vers libre*. Ех. Гёте «Горные вершины». Целый ряд стихов Блока (Ех.).

С одной стороны, в новейшей художественной прозе — мы находим часто пользование определенным ритмом; с другой — в прозе мы находим пользование музыкой слова — весь арсенал новейшей поэзии: аллитерации, ассонансы, инструментовку. Стало быть, резко — по внешности — от художественной прозы отличается только стихотворение с определенным метром, то есть только один частный случай стихотворения. В остальных случаях — никакой качественной границы нет.

В новейшей теории словесности я вижу разделение всех вообще произведений художественного слова на два вида: лирика и эпос; иначе говоря: раскрытие, изображение в словах авторской личности — и изображение других, посторонних автору личностей. Лирика — это путешествие по нашей планете, по той планете, на которой живешь; эпос — путешествие на другие планеты, эпос — путешествие сквозь междупланетные, безвоздушные пространства, ибо люди, конечно же, разные планеты, отделенные друг от друга замороженным, с температурой -273° , пространством.

И вот, если уж говорить о каком-нибудь качественном различии между поэзией и художественной прозой, так его можно определить: поэзия занимается главным образом областью лирики, художественная проза — областью эпоса. И быть подлинным мастером в области художественной прозы настолько же труднее, насколько междупланетное путешествие труднее путешествия по нашей планете.

Рассказчиком, настоящим рассказчиком о себе — является, строго говоря, только лирик. Эпик же, то есть настоящий мастер художественной прозы — всегда является актером, и всякое произведение эпическое — есть игра, театр. Лирик переживает только себя; эпика — приходится переживать ощущения десятков, часто — тысяч других, чужих личностей, воплощаться в сотни и тысячи образов. «У писа-

теля, — говорит Гейне, — в то время, как он создает свое произведение, на душе так, как будто он, согласно учению Пифагора о переселении душ, вел жизнь на камне под различными видами; его вдохновение имеет все свойства воспоминания». Ясно, что писатель-эпик должен быть большим, талантливым, гениальным актером. Диапазон ролей так же, как у обыкновенных театральных актеров — у писателей часто бывает ограничен: Гоголь был комик, и когда он пытался сыграть роли трагические или благородные, это у него не вышло; и наоборот, у Тургенева, прирожденного первого любовника — никогда не выйдет комическая роль. Но вообще диапазон ролей у писателя неизмеримо обширней, чем у актера театрального; способность перевоплощения у писателя — гораздо богаче. И у некоторых авторов она достигает изумительных, непостижимых пределов: таков был Диккенс.

Итак, остановимся на этом тезисе: эпическое произведение, то есть нормальный образец художественной прозы — есть театр, игра; писатель — актер. Какой же отсюда следует практический вывод относительно языка, стиля? Вывод будет зависеть от того, какую из теорий театральной игры мы признаем для себя наиболее приемлемой.

В классическом театре, в греческом, вы знаете — была теория условной игры. То есть актеры вовсе не заботились о том, чтобы заставить зрителя забыть, что он видит не актеров, не сцену. Актеры играли в грубых, условных масках; условны были декорации. Теперешняя игра без маски, с гримом — была бы сочтена художественным преступлением, дурным тоном. Тот же тип игры сохранился по сию пору в Японии, в Китае. Условная игра рассчитана на зрителя очень примитивного, с очень свежей и острой фантазией, на зрителя, которому иллюзия не нужна. Но такой зритель для европейского театра уже умер — и потому умер в Европе такой театр, сохранившись лишь в виде шаржа, гротеска.

Создался новый театр, который старался дать зрителю иллюзию действительной жизни, заставить зрителя забыть, что он смотрит на сцену, что он видит игру, — создался театр реальной игры. И тут, как вы знаете, две школы: я бы назвал их школа внешней игры — и школа игры внутренней.

Школа внешней игры представлена у нас такими актерами, как Юрьев; такими театрами, как казенный Александрийский, московский Малый.

Школа внутренней игры — представлена Станиславским и театрами — Московским Художественным и Студиями. И вот та последняя школа, школа внутренней игры — требует от актера именно перевоплощения, вживания в изображаемое лицо, то есть как раз того, о чем я вам говорил, как о необходимом, по моему мнению, психологическом условии для работы писателя.

Эту теорию театральной игры и эту игру — игру Художественного театра — я назвал бы именно неореалистической. Если мы примем ее — вывод будет ясен: писатель должен перевоплощаться целиком в воображаемых им людей, в изображаемую среду.

Если вы пишете об уездной жизни — вы должны сами в этот момент жить уездной жизнью, среди уездных людей, мыслить по-уездному, говорить по-уездному — вы должны забыть, что есть Петербург, Москва, Европа и что вы пишете, может быть, больше всего для Петербурга и Москвы, а не для Чухломы и Алатыря. Если вы пишете о Карфагене, о Гамилькаре, о Саламбо — вы должны забыть, что вы живете в XIX веке после Р. Х., должны чувствовать и говорить, как Гамилькар. Если вы пишете о современном англичанине — вы должны думать по-английски и писать так, чтобы написанное вами по-русски имело вид художественно сделанного перевода с английского.

Вспомните, что рассказывал Чуковский об Андрееве. «Черные маски» — герцог Лоренцо; «Семь повешенных» — о террористе и т. д. Он — все время актер, он все время играл и в жизни. О Флобере мы знаем, что когда он писал «Св. Антония» — ему мерещились, его мучили все страшные дьявольские лики, какие являлись Св. Антонию. Когда он писал об отравлении Бовари — он сам чувствовал... Мопассан, создавая своего Орля — страдал от этого Орля. Словом, настоящие писатели — именно перевоплощались в своих героев.

Прошу извинения за то, что после Мопассана буду говорить о себе, но к себе и своим вещам, к своим ощущениям мне придется часто возвращаться именно потому, что мне они знакомы ближе всего, и материал — под руками. Ех. «Уездное» — Измайлов... Встречи в редакциях... Настолько мне удалось сыграть роль. И наоборот, об «Островитянах» — не помню, кто спрашивал, не перевод ли это с английского.

Стало быть, вытекающее из всего сказанного требование относительно языка в художественной прозе: язык должен быть языком изображаемой среды и эпохи. Автора совершенно не должно быть видно. Положение о том, что язык диалогов должен быть языком изображаемой среды — уже стало бесспорным. Я распространяю этот тезис на все произведение целиком: языком изображаемой среды должны быть воспроизведены и все авторские ремарки, все описания обстановки, действующих лиц, все пейзажи. Пусть, например, действующие лица в рассказе — рыбаки. Если вы, описывая голову какого-нибудь рыбака, сравните ее, скажем, с глобусом или, допустим, с головой гиппопотама — это будет ошибкой. Образ сам по себе, быть может, и хорош — но рыбаку он никогда не мог прийти в голову. Этот образ выведет читателя из ощущения изображаемой среды, а это ощущение изображаемой среды — должно все время, неизменно проходить через весь рассказ, через всю повесть. Ех. из «Африки».

Когда я говорю «язык изображаемой среды» — этим я вовсе не хочу сказать, что писать об англичанах можно только по-английски. Об эфиопах — по-эфиопски, о мужиках — по-мужицки. Разумеется, обо всех этих дикарях — мы будем писать по-русски. Если принять это слишком чистосердечно — мы дошли бы до нелепых выводов. На каком языке писать о волчихе — то, что сделал Чехов в рассказе «Белолобый»? На каком языке писать о лошади — то, что сделал Куприн в «Изумруде»? На каком языке писать о дураках, о немых? Мы рисковали бы тут дойти до «Поэмы безмолвия» Крученыха.

И вот чтобы быть правильно понятым, я должен оговориться, что когда я говорил «язык среды» — я разумел не буквальный язык среды, а художественный синтез языка среды, стилизованный язык среды. Когда пишешь о мужике — вовсе нет надобности писать «пшто», «быдто», «окромя», «апосля». И когда пишешь об англичанине, вовсе не нужно писать все время сплошь на ломаном русском языке: «моя сказал» и «моя хочет». Это — дурной тон и свидетельство художественной беспомощности автора. У опытного мастера всегда есть уменье, не коверкая грубо языка, дать художественно-синтезированное впечатление подлинного языка изображаемой среды, — будет ли это мужик, интеллигент, англичанин, эфиоп или лошадь. Надо выбирать и вкрапли-

вать в текст только типичные, красочные, редкие, оригинальные, способные обогатить язык слова среды, а отнюдь не банальные и тысячи раз использованные «што» и «апосля».

Каждой среде, эпохе, нации присущ свой строй языка, свой синтаксис, свой характер мышления, ход мыслей. Нужно усвоить себе и использовать именно это. Характерными являются не грамматические, а синтаксические уклонения в языке. Самым характерным, а вместе с тем наименее искажающим литературный язык — является расстановка слов, выбор синонимов, грубые синонимы. Вот это — синтаксис, расстановку слов — нужно изучить, почувствовать и постараться передать в рассказе или повести. Пример: богатство увеличительных. Слон — слоняка, собака — собачища... Ех. «Африка», «Островитяне», «Зеница Дева» — трудный, но удавшийся эксперимент стилизации языка: вещь написана отнюдь не по-древнеславянски, но создает иллюзию... Ех. «Весенний вечер» Бунина. Ех. из «Уездного».

Синонимы — выбор их.

Расстановка слов.

Идиомы. Русский народный язык.

Хвать, цап, хлоп, жмяк. NB. Глаголизмы.

А главное — каждой среде, эпохе, нации — присущ свой строй языка, свой синтаксис, своя особая расстановка слов, свой ход мыслей. Это все такие факторы, которые отнюдь не вводят в язык никаких грубых искажений, а вместе с тем совершенно передают дух языка той или иной среды. Вот эти-то факторы и нужно усвоить, они-то и дают возможность создать художественный синтез языка той или иной среды.

Народный язык.

1. Современный народный язык — это прежде всего язык разговорный, диалогический. А основная особенность диалогического языка — будет это народный или ненародный — это отсутствие периодов и придаточных предложений второй и третьей степени. Почти исключительно самостоятельные предложения или самостоятельные с придаточными первой степени. Следствием этого является, что в народном языке почти совершенно отсутствуют такие союзы, как «когда», «так как», «потому что». «Повадилса кувшин по воду ходить — там ему и голову сломить»... Отсутствует «который» и т. д. Часто выпадает даже и «что». «Кажется (, что)», «думаю (, что)». Это, повторяю — первое и основное.

2. Частое опускание глаголов и своеобразные отглагольные формы — «А он шапку об пол — и домой»: глагол опущен. Своеобразные формы такие, как «хватъ», «хлоп», «цап» и т. д. Необыкновенная выразительность, динамичность этих форм. Старинная форма деепричастия: «умываючись», «пугаючи», «русу косу плетучи, шелком перевиваючи». Частое пользование многократным видом глагола: «хаживал», «видывал», «бывывал», «поприплевывал».

Неопределенное наклонение: «там ему и голову сломить» — очень частая форма.

3. По отношению к существительным и прилагательным: обильное пользование уменьшительными и увеличительными формами. Особенно типичны — уменьшительно-ласкательные формы прилагательных: «порожний — порожнешенький», «высошенький», «чернешенький». Своеобразные формы увеличительных для имен существительных: «собака — собачища», «слон — слоняка».

4. Повторное употребление предлогов: «как у наших у ворот», «у околицы у самой», «из-под дуба из-под вяза»...

5. Частое пользование частицами: «да», «ведь», «то», «ну». Идет от очень древних времен: былины. Греческое δε.

6. Расстановка слов...

7. Собирательная форма в единственном и множественном числе: листьѣ (единственное), батошьѣ, вороньѣ, волосья, дядьѣ, ободьѣ, лубьѣ, зятьѣ — зятевьѣ, пузырьѣ, черепья, угольѣ, дырьѣ, донья. Народные синонимы: кликать — вместо звать, кобель — вместо пес или собака; стращать — вместо пугать.

8. Прилагательные на -ящий: зрящий, плодящий, работающий, гуляющий.

9. Склонение кратко окончанных прилагательных: Колин дом, Колиного дома, бабушкин зонт, бабушкиного зонта.

10. Приставка пре- — степень прилагательных: сладкий — пресладкий.

11. Числительные с сам: сам шест, сам пят, сам третей.

12. Местоимения: вашенский, нашенский.

13. Многократный вид глаголов: бывывал... Однократный: толкануть.

14. Повелительное наклонение — вместо условного «будь я царем» и вместо прошедшего «случись тут на грех мухе быть — и села муха...».

Писатель не только пользуется языком, но и создает его — создает законы языка, формы и его словарь. Чехов — настроение. И поэтому он должен чувствовать всю ответственность при выборе слов. Надо выбирать, как я уже говорил, такие слова, которые способны обогатить язык, такие слова, которые очистят язык, не засорят его.

Первоначальный источник и творец языка — народ.

Фольклор. Надо прислушиваться к народному говору; тут можно услышать такие неожиданные образы, такие меткие и полные юмора эпитеты, такие выразительные слова, каких городским людям, интеллигентам, воспитанными на газете и испортившим свой язык газетой — никогда не придумать. Ех.: «в груди защемило», «заиграть песню», «голова-колгушка».

О газетах, о клише.

Все эти жемчужины надо откапывать не в больших городах, а в коренной, истовой, кондовой Руси — в провинции. Но тут не надо забывать совета Пушкина, который считал самым лучшим русским языком — язык московских просвирен. Подлинный и чистый русский язык сохранился только в провинции среднерусской, и я добавлю, на Севере России — в краях Олонецких и Архангельских. Только здесь и можно учиться русскому языку, только отсюда и можно черпать такое, что действительно может обогатить литературный язык. В провинциях западной России — язык испорчен чуждым белорусским и польским влиянием; в провинциях южной России — язык испорчен теми же поляками, малороссами и евреями. Пользование этими — южными и западными — провинциализмами в диалогах действующих лиц — конечно, совершенно законно. Но вводить такие в дурном смысле слова провинциализмы — вводить их в текст, в авторские ремарки, в пейзажи — было бы грубой ошибкой. Особенно страдают этим недостатком писатели-южане, потому что нигде так не испорчен русский язык, как на юге и особенно в Одессе. Такие одессизмы часто можно встретить у А. М. Федорова. Недавно, перечитывая Чехова, я нашел у него в начале одного из его рассказов такую фразу: «Душное июньское утро. Чувствуется тоска за грозой(!)». (Рассказ написан в Таганроге.) «Когда я увидел вас входить в дверь...»

Кроме этих живых источников, которые могут обогатить язык, есть еще источники литературные. Сюда относятся прежде всего памятники эпической народной поэзии: бы-

лины, сказки, песни. Для использования этих материалов надо брать, конечно, не хрестоматии, не обработки, а первоисточники, подлинные записи — Русского Географического Общества Академии наук.

И наконец мы не сделаем ошибки, если в поисках за словесными жемчужинами поднимемся еще дальше вверх по течению к самым истокам русского языка: к памятникам древнеславянским, к изучению апокрифов, акафистов, Четьи-Миней, особенно старообрядческих. Если вы попробуете посравнить старообрядческие церковно-славянские памятники с православными — вы увидите, какая большая разница между ними — и разница не в пользу православных книг. Объясняется это тем, что при Петре Великом церковные книги и, в частности, Четьи-Миней были пересмотрены и процenzурованы, вернее — изуродованы. Было выкинуто описание целого ряда очаровательно-несообразных чудес — в угоду нарождавшемуся позитивному духу; был выкинут целый ряд любовных эпизодов, потому что подчас все эти соблазны и падения святых излагались в словах примитивно грубых и откровенных; и выкидывались просто древние крепкие слова — и заменялись более новыми.

Есть целый ряд писателей, которые прибегали к перечисленным источникам обогащения языка. Из старых писателей — совершенно исключительное богатство языка у Лескова, который пользовался источниками церковно-славянскими, с одной стороны, и фольклором, провинциализмами в хорошем смысле этого слова, с другой стороны. Затем Мельников-Печерский: этот пользовался старообрядческими печатными материалами и провинциализмами. Отличными знатоками фольклора были Толстой и Чехов; недавно я перечитывал пьесы Толстого — и меня поразило, какой богатый и подлинно народный язык, например, во «Власти тьмы», удивительно, что до сих пор никто не занимался исследованием Толстого с этой точки зрения. Из новых писателей хорошо знает фольклор Горький. Но этими своими знаниями, по крайней мере в первом и во втором периоде своего творчества, он пользовался как-то мало и недостаточно искусно; частенько речь его героев звучала фальшиво — все эти премудрые афоризмы... И только в третьем периоде творчества — Горький по-настоящему использовал все свои фольклористические богатства: «Ералаш».

Очень большой и неоспоримый знаток языка — Ремизов. У него вы найдете и пользование живым фольклором; но основная его специальность — это выкапывание драгоценностей из старых книг, особенно старообрядческих.

Из писателей младшего поколения — думаю, не без оснований, критика часто отмечала знание фольклора в том, что написано мной; отмечу, что я пользовался почти исключительно живым, подслушанным фольклором — тамбовским, костромским и северным. Хорошо знают язык также Шмелев и Тренев, хотя у последнего можно встретить подчас режущие ухо южные провинциализмы. Из поэтов — удивительный знаток и мастер языка — Николай Клюев; у него — крепкий, ...северный язык, севернорусский фольклор — и одновременно пользование старообрядческими печатными материалами, сектантскими духовными стихами.

Перечисленные авторы могут служить второисточниками для изучения языка. Но этими второисточниками нужно пользоваться только для того, чтобы войти в дух языка, полюбить язык, научиться пользоваться им. Черпать материалы из таких второисточников — не годится. Впечатление оригинального своего языка вы можете создать, конечно, только в том случае, если будете обращаться непосредственно к первоисточникам.

Здесь надо упомянуть о технических приемах при пользовании провинциализмами или старорусскими словами. Одни авторы, совершенно лишенные художественного вкуса, в изобилии уснащают рассказ провинциализмами или — еще хуже — туземными словами и к каждому слову делают примечание внизу страницы. Щеголяют словом «куга», а внизу примечание: «Куга — мелкий лед во время осеннего ледохода»; «лопоть» — а внизу примечание: «Пимы...» Совершенно очевидно, что такие примечания отвлекают внимание читателя, расхолаживают его и разрушают художественное очарование. Это абсолютно недопустимо. Но с другой стороны, недопустимо и другое: вклеивать в текст слова, смысл которых совершенно непонятен читателю. Где же выход? А выход в том, что, давая читателю слово совершенно новое и незнакомое, надо преподносить его в таком виде, чтобы читателю было понятно, если не точное значение его, то во всяком случае — смысл. Ех. из «Африки».

Если я говорю «двоединского начетчика племяш» — слово «начетчика» тотчас же ассоциируется со старообрядцами. «В лещинках меж камней...» «За тобой, безлелюхой, разве напритираешься?» Смысл слова объясняется целиком всей фразой. Иногда это оказывается почему-либо затруднительным: тогда можно прибегнуть к другому способу — рядом с малознакомым словом вы ставите объясняющее его приложение или синоним более употребительный. Ех. из «Африки»: «ягода-голубень грустная»; «поставили себе шатер — лопскую вежу»... «Север». Такими способами вы избежите того, что читатель не поймет вас — и, с другой стороны, не нарушите художественного очарования: не будет для читателя ни «жареных пимов», ни трактата о них в примечании.

До сих пор мы говорили о пользовании разными источниками для обогащения языка. Но ведь помимо этих сторонних источников у писателя есть еще один, который всего ближе к автору — это он сам. Я хочу сказать, что признаю за писателем право создавать новые слова, так называемые неологизмы. Ведь, в конце концов, несомненно: те первоисточники языка, пользование которыми признается уместным — обогащались тоже не иначе, как путем создания неологизмов. В народе часто вы можете встретить человека, который за словом в карман не лезет, с таким же талантом и чутьем к языку, как бывает музыкальный талант. И как обладающий музыкальным талантом естественно создает новые мелодии — так и обладающий лингвистическим талантом создает новые слова. И если эти новые слова оказываются меткими, выразительными — они запечатлеваются в памяти окружающих и постоянно приобретают права гражданства. Путь неологизмов — естественный путь развития и обогащения языка. И больше того: единственный путь. Разумеется, и писателю нельзя отказать в праве...

Семейный язык. Детский язык. Дети — изумительные лингвисты... «Мокрее», «мазелин», «всехный»... Они интуитивно чувствуют законы языка. Так же интуитивно, органически ощущает законы языка и народ; оттого так много удачных неологизмов создает народ.

Жизнеспособными оказываются только те неологизмы, которые соответствуют законам и духу языка, только те, которые созданы работой подсознания, а не выдуманы. Неологизмы, сделанные в лабораторной банке — всегда оказы-

ваются homunculus'ами, а не homo, и никогда долго не выживают. В большинстве случаев, когда вы встречаете настоящий хороший неологизм — вы только с трудом можете установить, что это — неологизм; всегда кажется, что как будто вы даже встречали это слово: настолько естественно оно звучит.

Ех. дурных неологизмов — Игорь Северянин. Неологизмы Маяковского. Мастера органических неологизмов — Николай Клюев, Ремизов (например, «Пятая язва»), «Скучаревая башка».

Диалогический язык.

Вопрос о разговорном языке в художественной прозе — в сущности говоря — вопрос социального порядка, как это ни парадоксально на первый взгляд. Но это так. Если мы оглянемся назад, то мы увидим: чем ближе было общество к феодальному строю, тем больше, резче различие между литературным и разговорным языком. Ех.: средневековые — латынь. Или ближе к нам: вспомните борьбу в начале XIX века за приближение русского литературного языка к разговорному, борьбу между Шишковым, председателем Академии, и Карамзиным, борьбу между «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом», где были Жуковский, Батюшков, Вяземский.

«Арзамас» тогда победил. Но повторилась вечная история: все революционеры, побеждающие старое, немедленно становятся консерваторами и охранителями «устоев». Победители становятся элементом реакционным, зедерживающим развитие. Так случилось и здесь. Разговорный язык опять ушел вперед от литературного, между литературным языком и разговорным — опять образовалась какая-то раселина. И борьба за сближение литературного и разговорного языка продолжается. Появились новые адмиралы Шишковы, которые так же рьяно защищают неприкосновенность тургеневского языка в художественной прозе, как раньше Шишков защищал язык Ломоносова и Державина, — новые Шишковы, которые не приемлют никаких неологизмов, борются против обогащения литературного языка народными оборотами и речениями. Рецензия Горнфельда об «Уездном» — против провинциализмов в авторских ремарках, пейзажах и т. д. То же о Ремизове, о Клюеве.

Я считаю это явление — сближение литературного и разговорного языка — очень жизненным; оно идет в ногу с общей исторической тенденцией к демократизации всей жизни. То же самое проникновение живого, разговорного языка в святилище художественной прозы вы увидите и на Западе у целого ряда молодых писателей. Таким языком написано «Le feu» Барбюса; таким же богатейшим, живым, полным идиом разговорного языка написаны книги О’Генри; к тому же живому языку пришли молодые итальянцы (Цукколи, Папини) — после торжественной декламации Д’Аннунцио. У новых английских писателей... — англичане вообще народ консервативный и чопорный, чем какой-нибудь, — у англичан вы тоже найдете теперь авторские ремарки, пейзажи, описание персонажей, сделанные не на типично повествовательном, а на разговорном языке, с непосредственным, личным обращением к читателю: «Вам знакомы, милая читательница...»

Словом, мой тезис таков: в современной художественной прозе — язык должен быть по возможности близок к разговорному, непринужденному, живому языку. Разговорным языком должны быть написаны не только диалоги действующих лиц — там требование разговорного языка уже стало аксиомой — не только диалоги, но и пейзажи, и описание обстановки, и описание персонажей. Разумеется, там, где речь идет о воссоздании какой-нибудь минувшей эпохи, о стилизации, допустим, такой, как житие, вроде того, что я читал вам прошлый раз — там это требование неприменимо.

Этот тезис, в сущности, логически вытекает из другого, о котором шла речь прошлый раз: если повесть, рассказ рассматривать как игру, а писателя как актера, то ясно, что писатель и вести себя должен как актер во время игры, то есть говорить; зрители должны слышать его все время, видеть его жесты, мимику. Когда я говорю «его» — я не хочу сказать — автора. Из того, что я говорил прошлый раз, вы помните, что в произведении эпического склада — автора не должно быть видно — зрители видят ведь не Качалова, а видят Гамлета, Ставрогина, Бранда, Ивана Карамазова. Так и здесь: читатели должны видеть и слышать автора в той роли, в том гриме, который нужен для воспроизведения духа изображаемой среды. Ех.: «Пятая язва» Ремизова.

Не знаю, не явилось ли у вас мысли: зачем так долго останавливаться на разговорном языке? Как будто такая про-

стая вещь: говорить мы все умеем — просто «говорить», без всяких ораторских приемов. Но в том-то и дело, что говорить мы все умеем, а записать именно так, как мы говорим, просто, текуче, динамически, живо — умеют немногие. Есть, не помню — анекдот или рассказ — о присяжном поверенном, который пришел к зубному врачу и начал рассказывать о зубной боли: «Господа присяжные заседатели!..» Так вот, большая часть писателей чувствует себя присяжными поверенными, чувствует себя ораторами, а не актерами, и пишет с ораторскими приемами. Обычный, избитый стиль повествовательной формы — это женщина в корсете. Мне приходилось встречать таких старинного светского закала женщин, которые без корсета чувствовали себя неловко: им мешало отсутствие того, что мешает — корсета. Вот такой же корсет — обычная повествовательная форма, и этот корсет пора сбросить: не изуродованные корсетом формы — гораздо красивее.

Особенностей живого разговорного языка я отчасти касался уже и прошлый раз, когда говорил о народном языке.

1. Основная особенность не ораторского, не литературного, не корсетного языка — это большая его динамичность: нет ни сложных периодов, нет придаточных предложений с многократной зависимостью; предложения — или самостоятельные, или придаточные с одинаковой зависимостью.

2. Причинные и временные придаточные предложения в разговорной речи обычно выделяются в самостоятельные. Вы не скажете: «Ввиду того, что погода была дурная, я весь день сидел дома», а скажете: «Погода была дурная — и я весь день провел дома». Вы не скажете: «После того как часы, стоящие на камине, пробили 9, мы пошли домой», а скажете: «Часы на камине пробили 9 — и мы пошли домой».

3. Причастия и деепричастия в живой разговорной речи встречаются очень редко. «Пужинав, выпив кофе и закулив сигару, я уселся читать роман» — это шаблонный, принятый язык повествовательной формы. Если вы будете держаться разговорной формы — вы должны будете сказать и написать так: «Я поужинал, выпил кофе, закурил сигару — и уселся читать роман».

4. Не годятся в разговорной речи придаточные предложения с местоимением «который». «Те, которые не умеют ненавидеть — не умеют и любить». Ближе к живому разго-

ворному языку будет сказать — и написать: «Кто не умеет ненавидеть — тот и любить не умеет».

5. Пользование частицами «ну», «вот», «то». То же самое явление, с каким мы встречались, когда говорили о народном языке; разница в том, что народному говору свойственно более частое пользование этими частицами и их больше: есть еще «де», «мол» и другие.

6. Когда слова одевают собою какое-нибудь напряженное переживание, какую-нибудь страсть — эта словесная одежда в живом разговоре никогда не бывает аккуратно застегнута на все пуговицы: она непременно небрежна, часто разорвана на клочки. В таких — драматических местах — для живой речи характерно усеченные, неполные предложения; пропуски таких элементов предложения, как подлежащее, сказуемое; разговорная речь становится лихорадочной, отрывистой. Ех.: «Алатырь», 172.

В сущности, не стоило бы и говорить о том, что в самих диалогах действующих лиц должен быть живой разговорный язык. И если я все же упоминаю об этом, то только потому, что у наших писателей, даже и современных, в диалогах очень часто можно найти корсетный, напомаженный, ораторский язык. Особенно у авторов, пишущих *à thèse*, у которых сюжет складывается дедуктивным путем, хотя бы у того же Арцыбашева, Винниченки, местами — у Горького. Ех. из «Доктора Орлова».

Кроме серого, газетного, передовичного языка — вы видите здесь еще один недостаток: это — длинный монолог. Монолог, как вы знаете, был в большом ходу в старой драме — и совершенно вышел из употребления в новой. Точно так же монологу уже нет места в новой художественной прозе. Монолог всего лучше развертывать в диалог, перемежать интермедиями.

По отношению к диалогу между действующими лицами есть еще одно требование. Чтобы выполнить его, от автора требуется большое мастерство. Но если этот прием удастся, он производит большой художественный эффект и дает огромную художественную экономию. Я говорю об индивидуализации речи каждого из действующих лиц. Каждое действующее лицо, во всяком случае — каждый из главных персонажей — должно говорить своим, индивидуальным языком. Художественная экономия достигается потому, что этот при-

ем избавляет вас от необходимости какими-то авторскими ремарками напоминать читателю о тех или иных характерных особенностях действующего лица: само действующее лицо напоминает об этом своей индивидуализированной речью. А искусство художественной экономии является одним из непрременных требований от мастера художественной прозы: чем меньше вы скажете слов и чем больше сумеете сказать этими словами — тем больше будет эффект, при прочих равных условиях — тем больше будет художественный «коэффициент полезного действия». Ех. индивидуализации диалогов — Чехов, «Степь», IV, 173–174; 113, 115 — Пантелей, 92 — Мойсей, 101 — Соломон.

Барыба — стр. 9,

Чехов, II, 176.

Кстати, стр. 176, 92 и 113 — художественная стилизация акцентов.

Чтобы закончить с вопросом о диалогическом языке, я коснусь еще одной технической детали. Как обозначать, что говорит то или иное действующее лицо, и надо ли? Ех. «Доктор Орлов», 75, 82. Когда все персонажи, как в этом романе, говорят одинаковым, безличным языком — такое обозначение, может быть, и нужно. Но если у вас язык каждого действующего лица достаточно индивидуализирован и если у вас быстрый, энергичный диалог — можно обойтись без обозначения, кто говорит: будет ясно само собой. Во всяком случае, такие ремарки, как «сказал», «заметил», «добавил», «ответил» и т. п. — все это слова, не дающие никакого образа, пустые — и потому в большинстве случаев лишние. Что они лишние — видно уже из прочитанного примера, где их без всякого ущерба для смысла можно убрать. Если уж необходимо обозначить, кто говорит, то надо одновременно это обозначение использовать для какого-то художественного образа, показать одновременно жест говорящего, его мимику, скрытые за его словами чувства. Ех. «Островитяне», гл. 1.

То, что я сказал о разговорном языке, я думаю, дает достаточно ясное представление о разнице между диалогическим языком и обычным литературным. Чем же обуславливается эта разница? Она обуславливается разницей во времени, протекающем от возникновения мысли в мозгу до проявления вовне, от момента возникновения мысли до момента ее воплощения в словах. Если вы пишете, например,

статью — времени довольно много: мысли могут укладываться в сложные предложения, периоды. Если вы говорите — времени меньше: поэтому язык разговорный — динамичней, короче литературного, в нем — частые пропуски не абсолютно необходимых элементов, недоговоренности. И наконец, если вы не высказываете вслух своих мыслей, если вы не говорите для развития эмбриона мысли в мысленные слова, вы располагаете еще меньшим, неизмеримо меньшим временем, чем в том случае, когда вы говорите. Кувшин Магомета. Если мы будем разбираться в языке мысли, мысленном языке, то ясно, что основную его особенность мы увидим в динамичности и краткости еще большей, чем это мы наблюдали в разговорном языке. Ясно, что тут уже не может быть и речи ни о каких формах сложных или придаточных предложений. Больше того: в мысленном языке, если вы попробуете прислушаться к этому языку в себе, — вы не найдете даже и простых предложений, а одни только кусочки, обрывки простых предложений. Из предложений берется только самое существенное: иногда один глагол, иногда один какой-нибудь эпитет, какое-нибудь дополнение.

Очень типично, что глагол входит в эмбриональной форме: неопределенное наклонение. Ех.: «Петербург», гл. VII, стр. 136.

Мышление идет двумя основными путями: либо путем ступенчатым — путем силлогизмов, либо путем цепным — путем ассоциаций. И тот, и другой путь в полной форме, без пропусков — только в литературной речи. Тенденция к сокращению, особенно пропуски ассоциаций — заметны уже в разговорном языке; в мысленном же языке эти сокращения и пропуски являются почти правилом: здесь от силлогизма остается обрывок одной из посылок — и вывод, конечно, в наикратчайшем виде; ассоциации — нормально пропускаются. Иной раз трудно установить их в разговорах. Русские разговоры.

Зафиксировать на бумаге эти быстробегущие, как облака, тени слов, фраз, силлогизмов — дело очень нелегкое и удастся немногим. Именно потому, что это трудно — можно допустить для передачи мысленного языка понижение динамичности на одну ступень, то есть передать мысленный язык — разговорным. Если же передавать мысленный язык в описательной, повествовательной форме — это почти всегда выходит вяло, неубедительно, это не доходит до читателя: чи-

татель невольно, бессознательно чувствует несоответствие формы с изображаемым объектом — тяжелой, пустой, повествовательной формы с легчайшим, летучим объектом — мыслью.

Безусловно, необходимым воспроизведение мысленного языка я считал бы в тех случаях, где приходится изображать мысли персонажей в какие-нибудь напряженные, катастрофические моменты.

Ех. «Ловец человеков», 6, 11, 17.

«Петербург», III, 23.

«Островитяне», 132, 162.

Ех. Ошибки у Чехова: «Степь», IV, 70, 82, 105, 112, 128, 134, 172 (!).

Если удается воспроизвести этот — мысленный — язык, это всегда производит большой художественный эффект. На первый взгляд, такое утверждение, пожалуй, покажется парадоксальным: почему эти обрывки предложений, разбросанные, как после какого-то взрыва, слова — могут произвести на читателя воздействие более сильное, чем те же мысли и образы, построенные в правильные, мерно марширующие одна за другой шеренги?

Но если вдуматься в психологическую сторону явления, дело станет ясным. Когда вы читаете вот такие, очень напряженные места, написанные обычным повествовательным языком, вам, вероятно, случалось наблюдать, что вы прокидываете целые куски фраз, целые фразы, и как-то инстинктивно оставляете одни самые нужные вехи мыслей. Когда вы применяете этот прием, о котором я говорил, и в напряженных местах пользуетесь вот этим самым «мысленным» языком — вы идете навстречу инстинктивной, естественной потребности читателя. Вы не заставляете его хотя бы полусознательно пробегать то, что все равно в таких местах выйдет из его восприятия; вы экономите внимание читателя; в меньший промежуток времени вы сообщаете ему большое количество впечатлений, то есть в конце концов — дело сводится к тому же принципу художественной экономии. Это — первое.

А второе: воспроизведя этот эмбриональный язык мысли, вы даете мыслям читателя только начальный импульс и заставляете читателя самого вот эти отдельные вехи мыслей связать промежуточными звеньями ассоциаций или нехватящих элементов силлогизма. Нанесенные на бумагу вехи оставляют читателя во власти автора, не позволяют читате-

лю уклониться в сторону; но вместе с тем пустые, незаполненные промежутки между вехами оставляют свободу для частичного творчества самого читателя. Словом, вы делаете самого читателя соучастником творческой работы, а результат личной творческой работы, а не чужой — всегда укладывается в голове ярче, резче, прочнее.

Фактура, рисунок.

На том же самом принципе совместной творческой работы автора и читателя основан ряд других технических приемов в художественной прозе — особенно в новейшей художественной прозе. Да, я сказал бы — и вообще в новом искусстве. Живопись: сравните тщательную выписанность всех деталей у академистов, у передвижников — зализанность — и новую живопись. Гоген: одни контуры, незаконченность как будто. Те же самые вехи — и то же самое предоставление зрителю своим творческим воображением восполнить недостающее между вехами. Рисунки Бориса Григорьева, Матисса, Плеза, Сюрважа.

Тем же самым методом пропущенных психологических линий незаконченного психологического рисунка, намеков — можно пользоваться и в художественной прозе. Есть целый ряд приемов такого типа.

Первый: незаконченные фразы. Это ведь часто можно заметить и на самом себе, когда думаешь о том, что страшно, о том, что дорого, о чем-нибудь совершенно захватывающем в данный момент. В таких случаях мысль часто замолкает и как-то не называет главного предмета мысли. «А что если вдруг — — ...» «Вот оно!..»

Ех. «Петербург», гл. VII, 136, 138, 139, 232.

«Островитяне», 123, 142, 145, 147, 152, 154.

«Ловец человеков», 3.

Еще чаще пользуются неоконченными фразами в диалогах. Я разумею не обычные, механически оборванные фразы — оборванные репликой другого из действующих лиц, а фразы, не законченные потому, что их с успехом может закончить читатель.

Ех. «Островитяне», 134, 136, 138, 142, 144, 146.

На *idem* принципе основан прием, который я называю приемом ложных отрицаний. В авторской ремарке вы отри-

цаете что-нибудь, явно вытекающее из всего предыдущего построения, или делаете из построения явно ложный вывод и тем самым заставляете читателя с большей энергией сделать правильный вывод, запечатлеваете этот вывод в читателе как бы после некоторого спора, а такие выводы — всегда прочнее.

Ех. «Островитяне», 128, 132, 143, 145.

«Ловец человеков», 3, 9.

К той же категории, в сущности, относятся иронические утверждения и отрицания.

«Островитяне», 135, 162.

Кроме незаконченных фраз, кроме ложных утверждений и отрицаний — есть еще один прием — прием пропущенных ассоциаций. Этот прием является особенным, выпукло иллюстрирует тот принцип, о котором говорилось — принцип совместной творческой работы автора и читателя. Прием этот заключается в том, что автор намеренно выпускает мысль, играющую в изложении центральную роль, и вместо этой мысли намеренно дает второстепенные, побочные мысли. Но эти побочные мысли выбираются не случайно, а непременно так, чтобы они путем ассоциаций неизбежно заставили читателя восполнить пропущенную центральную мысль.

Автор только намекает читателю на главную, центральную мысль. Центральная мысль дается не на страницах, не в строках, а где-то между строк. Посредством этого приема — автор создает как бы нематериализованную в словах мысль, один только дух мысли. Процесс творческий из мира трехплоскостного — переносится в мир высших измерений. Этот прием, разумеется, уместен и может произвести желаемое действие только тогда, когда автору приходится иметь дело с очень развитой и умеющей воспринимать очень тонкие штрихи аудиторией.

Ех. «Петербург», 139 («бурачок»).

«Ловец человеков», 7 (рыцарь Хэг); 9 (колясочки...); 9 (взошла наверх — окошко); 12 (лебедино-белый); 17 (оттопыренные лепестки); 18 (угольная пыль, малиновая вселенная).

Хотя бы из последнего примера мы можем сделать еще вот какой вывод: для того, чтобы навести читателя на пропущенную ассоциацию, часто приходится заставлять его вспомнить о каком-нибудь предмете или лице, о которых говорилось где-то раньше. Таким образом, мы подходим еще к од-

ному приему, близко связанному с предыдущим. Этот прием я назвал бы приемом реминисценций.

Относительно живых лиц этот прием обычно применяется автоматически. Даже у малоопытного автора — когда читатель встречается действующее лицо где-нибудь в напряженном месте рассказа — это действующее лицо уже знакомо читателю, о нем говорилось уже где-то раньше. Это требование — по отношению к живым лицам мы установили уже раньше, когда говорили о том, что по возможности не должно быть эпизодических лиц, и на нем мы не будем останавливаться.

Требование неэпизодичности, требование живой, органической связи с фабулой — мы выдвигаем, как непереносимое по отношению к более или менее важным действующим лицам рассказа. Теперь я только распространяю этот тезис и на неодушевленные, неживые объекты: если они играют более или менее важную роль в рассказе — они не должны быть эпизодическими. Читатель должен сжиться с ними во время рассказа; они должны мелькнуть перед читателем раз, и другой, и третий. Так что когда они появятся перед читателем в какой-то нужный момент напряженного действия в рассказе — эти предметы должны встать в воображении уже как знакомые, как живые — читатель должен вспомнить о них.

Ех. Чехов, «Степь», 74 и 104, IV (тополь);
«Спать хочется».

Ех. «Ловец человеков», окно Крэггсов (2, 4, 9, 15, 17). Буке Бэйли. Чайные ложечки. Зонтик. Солнце — все равно куда. Брюки мистера Крэггса.

Кроме основной цели — большой яркости и выпуклости, более резкой запечатленности в воображении читателя — приемом реминисценции достигается побочная цель, о которой говорилось уже прошлый раз — художественная экономия. Вы говорите о каком-нибудь предмете, как о знакомом, этот предмет промелькнул перед читателем на страницах где-то раньше. И если об этом предмете вам приходится, вам нужно упомянуть в какой-нибудь очень напряженный момент, вам достаточно будет уже одного-двух слов, чтобы читателю сразу же напомнить нужный образ целиком, во всей яркости. Вам не нужно будет ослаблять эту напряженность каким-нибудь описанием предмета.

Ех. — брюки Крэггса; ложечки; малиновая вселенная.

Изобразительные методы, основанные на принципе совместного творчества:

1. незаконченные фразы;
2. ложные отрицания и утверждения;
3. пропущенные ассоциации, намеки;
4. реминисценции.

Дальше: отраженное изображение.

Ех. «В сарае» Чехова.

Ех. «Три сестры» Чехова. «Его встретила дама, высокая и худощавая, с легкой проседью и с черными бровями, по-видимому, нерусская... За обедом подавали молочный суп, холодную телятину с морковью и шоколад — все это было слащаво и невкусно, но зато на столе заблестели золотые вилочки, флаконы с соей, необыкновенно вычурный судок, золотая перечница...»

Ех. «Ловец человеков».

Все это приемы импрессионистские. Полная параллель между новыми течениями живописи и художественного слова. В основе — id. принципы: совместное творчество, предоставление зрителю или читателю дополнять... Эдуар Мане, Клод Моне, Дега... После них были пуантилизм, интимизм, ташизм, лучизм, но...

Три основные черты импрессионизма в живописи:

1. только основное в рисунке — детали, зритель;
2. то, что называется *plein-air* и
3. воспроизведение мгновенных *impressions* художника.

Воспроизведение только основного — аналогичные приемы мы рассматривали последнее время. Только вехи. Путь между вехами пролагает уже читатель.

Plein-air.

Вышли рисовать из мастерской на улицу. Новые глаза. В мастерской был искусственный, изолированный свет; снаружи — он смешан с тысячью оттенков. Под зеленым деревом — все зеленоватое; под луной — фиолетовое; рядом с золотой копной соломы — золотистое. Новые глаза. И такими же новыми глазами научились смотреть на мир и художники слова. Они поняли, что почти никогда не бывает id. света. Человеческая кожа никогда не бывает «телесного» цвета: под солнцем — она глиняно-красная (Петров-Водкин); под лу-

ной — зеленоватая; под золотым осенним деревом — золотая. И оттого я считаю себя вправе сказать «малиновая вселенная»: под малиновым зонтиком — все... «Синяя улыбка». Оттого у новых писателей — как и у новых художников — острая яркость красок — Гродецкий...

Если вдуматься, то здесь больше, чем глаза: целая философия. Мир, как мое представление. Никакой *Ding an und für sich* — нет. Реалисты в живописи и в литературе знали только установленные, узаконенные, условные понятия. Они считались только с этими понятиями, а не со своими впечатлениями от вещей. Для них — избы были всегда розовые, тело — телесное; никогда не могло быть у них «огненно-красный на солнце лик» и «синяя улыбка».

Символисты расстались с *realia* и стали искать *realiora* (вспомните В.Иванова) — обратились к *Ding an und für sich*, и оттого у них краски стали отвлеченными, метафизическими, обесцветились; вспомните все отвлеченные отрицательные образы З. Гиппиус.

Неореалисты — от *realiora* нашли *realissima*... Они уверовали, что впечатление от вещи — и есть вещь.

Вот эта вера в свое впечатление — основной признак для этой группы писателей, которых я называю неореалистами. Необходимость этой веры. Гипноз.

Ех. Грнфельд, 161.

Концентрированные сравнения — и ослабленные посредством «казалось», «словно» и т. д. «Миссис Фиц-Джеральд была индюшкой». «Мистер Крэггс шествовал с пьедестала на пьедестал, на секунду привинчивался...»

Распространенные сравнения.

Ех. Чехов, «Красавицы», IV, 105.

«Север» — золото, богач...

Преувеличения.

Ех. Чехов. «Прикажут ему стоять день, ночь, год — он будет стоять» (Соцкий). «Если бы небо было ниже и меньше, а река не бежала бы так быстро, то их поскребли бы кирпичом и потеряли мочалкой». «Толпа смела было и дома, и монументы, и статуи полисменов на перекрестках...» «Воскресные джентльмены»... Id. — у Ценского.

Idem следование, подчинение своим впечатлениям во всем методе описания героев. В сущности, прежнего описания — в смысле последовательного, точного указания всех

признаков — даже теперь и нет. Такое описание теперь — просто скучно, утомляет. Почему? Потому что не соответствует действительному ходу наших восприятий, впечатлений.

Первое — мы никогда не воспринимаем человека сразу: по частям. Отсюда — раздробленное описание.

Ех. старого описания: Чехов, «Агафья», т. III.

Сравните позже — «Дама с собачкой»: «Димитрий», «не писала ъ».

Второе — сразу мы воспринимаем только какую-нибудь одну-две характерных черты, в которых — синтез всей личности.

Ех. «Ловец человеков».

Необходимость повторения этих синтетических признаков. Надо избегать утомления, напрасной траты внимания читателя. Отрицательный пример — «Степь». Положительный — «Африка», «Ловец человеков».

Я сказал: нет описания... Показ, а не рассказ. Показывание в действии. Автор переживает не когда-то, а в самый момент рассказа. Все живет, движется, действует.

Ех. Иван Иваныч и Марья Петровна.

Я боюсь, что я многое опускаю. Причина: сложность, трудность систематизировать.

Образы — смысловые и звуковые, мыслеобразы и звукообразы. Образы и эпитеты — чувственные и отвлеченные.

Синтетическое искусство.

Остается — музыка. Мечты дать это в театре.

Творчество, воплощение, восприятие — три момента. Все три — в театре — разделены. В художественном слове — соединены: автор — он же актер, зритель — наполовину автор. Художественный принцип греческих трагедий. Большие достижения — и одновременно трудность.

Недоговоренность. Пользование намеками. Метод пропущенных ассоциаций. Прием отражения изображения — Чехов, «В сарае».

Раз мы пользуемся воздействием на начальные моменты мышления читателя и даем ему самому возможность производить творческую работу. Метод реминисценций относительно действующих лиц и вещей (мелькание). Они должны быть уже знакомы, и когда встречаются в драматический момент — сразу должны вставать в представлении читателя. Это я называю оживлением вещей.

Ех. Фарфоровый мопс.

Ех. «Спать хочется» Чехова.

Риторическое отрицание.

Показ. Показываем все в действии. Мы переживаем не когда-то, задолго до рассказа, а переживаем теперь. Следствие — импрессионизм. Исключаются описания: все движется, живет, действует. Динамика. Динамические пейзажи и обстановка — достигаются связью их с действующими лицами. Описание героев в старом рассказе и в новом.

Расстановка слов.

Пунктуация.

Письмо связное и...

ИНСТРУМЕНТОВКА

«Вот туманной фатою фантазии облачается докуч<ный мир> — и за туманною фатою неясными встанет очертаниями жизнь творимая и несбыточная» — инструментовка на Т-Д (туман). Инструментовка.

Л — легкость, мягкость, прозрачность.

З, Ц, С — зной, злой. Солнце — «торопящее к убийству, распяляющее жаркую солдатскую кровь, дымом ярости застилающее воспаленные глаза...»

«Змий, царящий над вселенною,

Весь в огне, безумно злой...» Инструментовка.

«Совсем истомилась я в этом саду, где и тень деревьев пронизана лобзаниями царящего в небе чудовища», — два мотива: Т-Д — туман, томленье, духота, и С-З-Ц — зной.

Ритм пляса.

«Белая тополь, белая лебедь, красная панна. Стелют волной, золотые волнуются волосы, так в грозу колосятся колосья белойрой пшеницы», — инструментовка на Л. Звуковой характер.

«Зачерненные сажей, жутко шмыгают... сопят медведи», — инструментовка на Ч-Ж-Ш: шорох в тишине. Звукоподражание.

«Шипели полосатые черви, растекались, подползали, чтобы живьем... царя Ирода. Слышен их свист за семь верст», — инструментовка <на> Ч-З-С. Ремизов, «О безумии Иродионом».

Стр. 24 там же — ритм, ускорение.

<Текст утрачен: уголок оторван> грохочет гром, трещат нещадные стрелы, гремит преисподняя (Ремизов, «Гнев Ильи-пророка»), — инструментовка на Р и на Ч-Щ-С.

«Хлопает, бьет бич, скользят, колют копья, колотит каменная палка», — инструментовка грома на КО-КА.

«И вот забушевала неслыханная буря. Гнется гибкоствольный ветвистый дверной вяз, исцарапались двери. Гнутся ветви, еле переносят убитых на своих зеленых плечах», — инструментовка на С и на В: свист и вой. Звукоподражание.

«Верешки». «Снег». Инструментовка на С: «Снег — с неба».

Ритм: ночь — снег — с неба. Три ударных слога подряд. Замедление.

«На диване».

1. В начале — инструментовка на РЕ-ЛЕ-Е-Е-Е.

2. Падение: «глиняно-красные» и т. д. И-А-О-У-Ы (эхо).

3. Дальше — инструментовка на РЗ-РЖ-РШ.

4. «А мы на диване» и т. д. — инструментовка на Д-Т

Ритм. «Взорванная радуга» — ускорение. «Через все небо» — ускорение.

«Глаза». «Схрюпала индюшонка...» — инструментовка на ХР-КР.

«Плеткой-двухвосткой...» — ПЛ-ХЛ-ГЛ.

«Солнце — огненный пес...» — ПЕ-ПЯ-ПЫ... пыл.

«Щуплый, прыщавый, человеческий...» — на Щ-Ч.

«Хрипела и бешено, с пеной...» — ПЕ-БЕ и т. д.

«Север». «Повернуло, загудел полунощник, заплюхали пухлые волны» — инструментовка на У-ПЛ-Л и т. д. Звукоподражание.

У-О-Е-И — в начале («напружилось»).

«Гуденье ветра, поднимающееся все выше» — У-У-У; А-О; Е; И.

Контрапункт.

Рифма, аллитерация, ассонанс.

Гармония — благозвучие. И неблагозвучие.

Мелодия — ритмическое ее построение; гармоническое построение мелодии, отношение каждого из типов к ладу: изменения в силе звука.

Отсутствие ритма — есть ритм.

Лачуга и дворец.

4-е измерение.

Сюжет, как явление стилистическое.

Ритм — и расстановка слов.

* * *

Немного математики... Статика и динамика. Статика занимается исследованием законов спокойного, неживого состояния тела или точки; динамика — законов движения тела или точки. Для изучения статики — достаточно, в большинстве случаев, элементарной математики. Явления динамические — неизмеримо сложнее; для изучения явлений динамических приходится прибегать к высшей математике. Мы теперь как раз подходим к изучению динамических элементов в области художественного слова, к знакомству с динамическими изобразительными приемами.

Все виды искусства я разделил бы на две основные группы: искусства статические и искусства динамические.

Архитектура — это красота камня, каменная красота — это типично неподвижное, статическое искусство. Скульптура и живопись примыкают тоже к статическим искусствам. Все эти три вида искусства фиксируют только один определенный момент. Картина или статуя могут изображать самое стремительное падение, головокружительный лёт, но они могут запечатлеть только один малый момент этого лёта, только $d(t)$. Моменты предшествующий и последующий мы можем дополнить своей фантазией, но в распоряжении скульптора или живописца нет изобразительных средств, чтобы вылепить или нарисовать длящееся действие, последовательность моментов. Элемент времени, движения лежит вне возможностей статических видов искусства. Эти искусства вводят нас только в трехмерный мир.

Четвертое измерение — это время. И мир высших измерений, мир динамический доступен только динамическим видам искусства: музыке, танцу, слову, потому что в этих видах искусства имеется налицо элемент времени, движения.

Ритм, то есть закономерное движение является основой музыки и танца. И затем — музыка и танец заставляют нас последовательно переживать ряд сменяющихся эмоций, цельно изображенные в звуках биографии: «Жизнь Заратустры» Р. Штрауса, «Божественная поэма» Скрябина. Уже одно это слово «смена» ясно определяет наличность движения,

времени в этих видах искусства. Если в статических видах искусства мы имели $d(t)$, то здесь мы имеем последовательный ряд дифференциалов, дифференциальное уравнение, уравнение движения.

Те же самые элементы движения мы имеем в произведениях художественного слова: и здесь смена моментов, смена эмоций, уравнение движения; и здесь, как в музыке, ритм. И это дает полное основание отнести искусство художественного слова к искусствам динамическим.

Я не случайно упомянул об искусстве художественного слова в конце: искусство художественного слова есть вершина пирамиды, фокус, сосредоточивающий в себе лучи остальных видов искусства. Совершенно не противоречит это тому, что мы определили искусство художественного слова как динамическое: покой — частный случай движения, когда скорость = 0. Искусство художественного слова включает в себя элементы остальных видов, — это вершина пирамиды, фокус, сосредоточивающий в себе лучи остальных видов.

В степени развития сюжета — элемент архитектуры: огромный дворец романа, изящный коттедж новеллы, законченный архитектурный орнамент миниатюры или стихотворения. В литературе определенной эпохи — всегда отражен архитектурный стиль этой эпохи: строгая простота коринфского или ионического стиля — в классической литературе; прихотливые завитки барокко в XVIII веке; изломанная линия декаданса — в XX <веке>. (И если определить стиль как совокупность изобразительных приемов — то, конечно, сюжет является элементом стиля, а именно — архитектурным его элементом.)

Палитра красок — у художника слова не менее богата, чем у художника кисти. Жанр, пейзаж, портрет — все это так же во власти художника слова, как и во власти живописца. И живопись в слове мы совершенно отчетливо можем классифицировать по живописным школам. Взять хотя бы портреты: совершенно ясно, что Ретиф де ла Бретон — это Буше, Расин — Давид, Золя — Мейссонье, Толстой — Репин; пленэризм — у символистов и особенно у неореалистов.

* * *

О статических изобразительных приемах мы говорили раньше, когда шла речь об архитектуре слова — о постройке сюжета, о пропорциональности частей, о способах вводить

интермедии в развитие сюжета. О статических же приемах — живописных — мы говорили, в сущности, когда разбирали различные методы портретизации действующих лиц, когда говорили о простых и концентрированных сравнениях, об изобразительных приемах, основанных на совместном творчестве и т. д. — словом, о мыслеобразах. Теперь нам предстоит заняться звукообразами, областью музыки слова.

Раз мы говорим о музыке слова — естественно будет расположить анализ по музыкальным категориям: гармонии и мелодии.

Гармония трактует вопросы о благозвучии в музыке, о консонансах и диссонансах. В области художественного слова параллельные явления и приемы — это рифма, аллитерация и ассонанс.

Так как мы занимаемся художественной прозой, то на вопросе о рифме мы долго останавливаться не будем. Общее положение (с которым мы встретимся позже в вопросе о ритме): законы стиха, поскольку речь идет не о *vers libre*, и законы прозы в отношении пользования гармоническими приемами — во многом противоположны. В частности: если законным в стихе является полный консонанс, рифма — то в прозе рифма недопустима. Проза строится на диссонансе или на неполном консонансе.

Ех. «Через мгновенье вновь начинается рознь, раздор и галдень» (Щедрин).

«Он заставил себя справиться с набегавшей слабостью, заливавшей его точно набегавший прилив».

«Он вновь мечтает о том, что считает кучи золота...» Особенно — рифмы глагольные.

Рифма допустима лишь изредка, как намеренный прием, как частный случай полного ассонанса. При этом непременно рифмуемые слова — ставятся рядом, что лишает такой консонанс вида нормальной стихотворной рифмы.

Ех. «Он щелкнул как волк зубами» (Гюль, «Страшная месть»).

«Трещат нещадные тучи» (Ремизов, «Гнев Ильи-пророка»).

Ассонанс и аллитерация. Ассонанс (*sono*) — созвучие гласных в ударяемых слогах; аллитерация — повторение одних и тех же согласных. И то, и другое — в эпосе: ассонансы — часто в русском; аллитерации — особенно в германском (начальные аллитерации в песне о Гильдебранте).

Ассонансы в прозе встречаются сравнительно редко; чаще — аллитерации. Как то, так и другое — является лишь музыкальными украшениями, лишь мелодическим приемом, придающим благозвучие, а не приемом изобразительным.

Ех. аллитерации: «Кругом стали 90-летние, 100-летние старцы» (Гоголь). Часто соединение ассонанса и аллитерации: «Солнечную забуду судьбу свою, зеленые заброшу рощи» (Ремизов).

Аллитерации случайные, особенно если они состоятся из звуков трудно произносимых — являются недостатком: «Об обществе», «Из избранного народа», «Старик с включенными волосами»...

Эффектным изобразительным средством ассонансы и аллитерации становятся, когда из приемов гармонических они переходят в приемы мелодические.

Мелодия в музыкальной фразе осуществляется:

1. ритмическим ее построением;
2. построением гармонических элементов в определенной тональности и
3. последовательностью в изменении силы звука.

Вопрос о ритме мы пока отложим, а займемся двумя другими пунктами и прежде всего — вопросом о построении целых фраз в определенной тональности, тем, что в художественном слове принято называть инструментровкой.

Инструментровка целых фраз на определенные звуки или сочетания звуков — преследует уже не цели гармонические, или вернее, не столько цели гармонические, цели придания благозвучия — сколько цели изобразительные.

Всякий звук человеческого слова, всякая буква — сама по себе вызывает в человеке известные представления, создает звукообразы. Я далек от того, чтобы подобно Бальмонту приписывать каждому звуку строго определенное смысловое или цветное значение. Но если не количество, то качество есть у каждого звука.

Ех. Р — ясно говорит мне о чем-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. Л — о чем-то бледном, голубом, холодном, плавном, легком. Звук Н — о чем-то нежном, о снеге, небе, ночи. Звук Д и Т — о чем-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхлом, о вате. Звук М — о милом, мягком, о матери, о море. С А — связывается широта, даль, океан, ма-

рево, размах. С О — высокое, глубокое, море, лоно. С И — близкое, низкое, стискивающее и т. д.

И вот, построение целых фраз в определенной тональности, инструментовка на определенную букву — усиливает впечатление повторяемостью этих букв.

Простейший прием инструментовки — психологически простейший — инструментовка звукоподражательная.

Ех. Бальмонт. Ремизов. Замятин.

Инструментовка определяет настроения или состояния.

Звуковая характеристика героев. Лейтмотив. Контрапункты.

О РИТМЕ В ПРОЗЕ

Если мы оглянемся назад, в историю литератур, то мы отметим общее явление: поэзия — в виде песен, в виде стихов — появляется гораздо раньше, чем проза, поэзия — исторически предшествует прозе, проза — является всегда высшей ступенью литературы. Причина в том, что поэзия — гораздо примитивней прозы, законы ее проще, доступней. И, в частности, это касается вопроса о ритме: ритм в прозе — гораздо сложнее и труднее поддается анализу, чем ритм в стихе. Вот почему прав А. Белый, когда он говорит: «Писать яркой прозой — гораздо труднее, чем стихами... Проза — тончайшая, полнозвучнейшая из поэзий».

Мне уже не раз приходилось отмечать, что точной границы между поэзией и прозой нет. Мы <можем> провести определенную границу только между поэзией метрической и прозой: первое, что бросается в глаза, это то, что в прозе нет определенного метра; есть какой-то ритм и какие-то его законы — но нет метра. Стих тонический, то есть такой, правила которого требуют лишь одно и то же число ударений в строке и не требует одинакового числа слогов или правильного чередования долгих и кратких слогов — стих тонический уже стоит ближе к прозе. И, наконец, свободный стих — уже совершенно естественно сливается с прозой. Ех. «Горные вершины».

6-ю строку Белый рассматривает как комбинацию ямба с пестом с пустым промежутком в 1-й строке. Произвольно, искусственно... Правильней видеть здесь дактилехорейческую строку.

Таких примеров свободного, прозаического стиха можно найти много, особенно у романтиков, как Гёте, Гейне, <u>Блока. Эпитет «прозаический» — отнюдь не в осуждение: наоборот, раз мы признали вместе с Белым, что «проза — есть тончайшая, сложнейшая и полнозвучнейшая из поэзий», — то «прозаический стих» — есть показатель (для меня) высшего развития поэтического дара у автора, высшего развития музыкального слуха, уже не довольствующегося грубым, рубленным, метрическим стихом, а прибегающего к сложному, неуловимому ритму *vers libre*. Очень показательно, что *vers libre* — «прозаический стих» является на высших ступенях развития литературы; возьмите хотя бы французов.

Но если я согласен с Белым, что «проза — есть тончайшая и сложнейшая из поэзий», то я совершенно не согласен с ним в попытке его из аэроплана прозы — свободного аэроплана — сделать подобие привязного воздушного шара поэзии. В этой же статье Белый утверждает, что у лучших прозаиков размеренность прозы — составляет определенный метр — или приближается к определенному метру.

Ех. Отрывок из «Романа в письмах» Пушкина.

4-я строка под ямбаанapestическое строение подогнана искусственно: чистый анапест. А если считаться с логическим ударением, то еще естественней слово «предположения» — рассматривать как 4-й пэон с двумя краткими слогами. — Отчего не «предположенья»? Потому что автор хотел нарушить метр: чутье, музыкальный слух подсказал ему, что надо нарушить метр.

Ех. из Гоголя: «Небо почти все прочистилось...»

3-ю, 4-ю и 5-ю строки — естественней рассматривать как ямбаанapestические. То есть в действительности метр опять нарушен, и я утверждаю, намеренно.

Ех. Сологуб: «Гѡлѡдѡли| в пусты|нѣ. И сби|лись с пути.|
Нѡ в прѣдсмерт|нѡм ѡтча|янии пѡвѣ|рили сѣр|дцѣм, чтѡ
пыль|ный пѣсок| пѡд нѡгѡ|ми — зѣрно,| и чтѡ ключѣвѡ|я пѡд
нѡгѡ|ми струит|ся вѡдѡ,| и ктѡ| пѡвѣ|рил в э|тѡт ѡбмѡн| —
тѡт насы|тился пыл|ю».

6 анапестов — и стопа $\cup\cup\cup\cup$ —. Затем опять 6 анапестов и стопа $\cup\cup\cup\cup$ —. Затем пэон 1-й, затем 3 ямба, затем 3 анапеста. Зачем сводятся эти странные стопы? Намеренно, чтобы нарушить правильный метр.

Ех. «До последнего времени в нашем морском министерстве брали масштаб четверть дюйма за фут; но теперь, как длина современных судов стала очень большой, чертежи эти делают в меньшем масштабе». — Чистый анапест и только один ямб...

И отчего горьковский «Человек», написанный чистейшим ямбом (кажется), производит такое тягостное, удручающее впечатление? Ведь это есть точнейшее приближение к метру в прозе!

Ответ ясен: оттого что точный метр в прозе — есть преступление. Оттого что наличность правильного, метрированного ритма в прозе — есть не только не достоинство, но крупный недостаток. Это первый тезис относительно ритма в прозе, который надо запомнить.

Тут мы встречаемся с тем же самым явлением прямо противоположных требований относительно стиха и прозы: там рифма есть плюс, здесь — минус; там строго выдержанный метр +, здесь —; там ошибка в метре недопустима, здесь метр без ошибок — недопустим.

Практический вывод отсюда ясен: с id. тщательностью, с какой версификатор следит за правильностью метра, прозаик должен следить за тем, чтобы не было правильного метра. Не говоря уже о том, что правильный метр недопустим в целом произведении или в целых абзацах произведения — нельзя допускать метра и в частях абзаца, в целых предложениях. Особенно это правило относится к тем случаям, когда в прозе появляются метры, легко уловимые ухом.

Ех. Фраза: «Подстрекнул меня нелегкий, загляделся на красотку» (Соллогуб, «Тарангас»). Явный 3-й пэон — или два 4-стопных хорей.

Ех. «Гордость невеж началась непомерная» (Достоевский), 4-стопный дактиль.

Ех. Особенно часто метрированная проза попадается у писателей малокультурных, начинающих и, что очень типично, почти всегда в такой рубленой прозе есть и рифмы. Гастев, 76, 89. Анапесты и дактили.

Ех. Тем удивительней, что тот же недостаток мы видим у Белого. У него почти сплошь, беспросветно анапестированы целые романы. «Котик Летаев», стр. 90 («Скифы», № 1).

Точно едешь в поезде: тра-та-та́, тра-та-та́... дремлетя. И тут уж нарушения метра — редкие — действуют так, как если б сосед уколол вас булавкой.

У того же Белого в «Петербурге» эта метрированность в меньшей степени, только частями (Балика, 25, 27 — Ех.).

У Сологуба метрированности мы уже почти не находим: ритм в прозе у него есть, но метра нет (Ех. Балика, 13).

Там, где казалось бы, легким изменением фразы можно было бы соблудости ритм — автор намеренно нарушает его. В ех. на стр. 3 можно было сказать «но в предсмертном отчаянии верили сердцем» — но автор не говорит этого.

Лишь в редких случаях, когда это оправдывается содержанием, уместны и даже хороши метрированные фразы. Ех. Ремизов, «О безумии Иродиадином»: «Белая тополь, белая лебедь, красная панна...» Ех. («Лимонарь», стр. 15, 16, 17).

Из всего сказанного ясно, что метрического ритма в прозе не должно быть. Другими словами, что с количественным масштабом при анализе ритма прозы — с измерением числа слогов нельзя подойти. Явно напрашивается возможность крутого решения: что здесь надо применить качественный анализ, качественный масштаб. Какого же рода может быть этот масштаб?

Если вы попытаете произносить вслух слова с ударениями на последнем слоге — назовем их условно анапестическими — и слова с ударениями на первом слоге — назовем их дактилическими, то вы увидите, что есть потребность первые произнести быстрее, а вторые медленнее. Это естественно: при произнесении слова есть стремление поскорее найти опору в ударении. В анапестических словах — эта опора в конце — и естественна тенденция поскорее проскочить неударяемые ступени; наоборот, в словах дактилических — опора уже дана в начале, и поэтому спокойнее, медленнее произносятся неударяемые слога.

Самый психологический облик языка определяется местом ударений: французский и английский. Соответственно, есть общий психологический характер во всех метрах с ударениями в начале стопы — и есть общий характер во всех метрах с ударениями в конце стопы. Правильность ритма в прозе достигается тем, что в соответствующих по построе-

нию абзацах или фразах — применяются дактилические слова, и ритм строится из дактилей, хореев, первых пэонов и т. д. — и в соответствующих местах берутся слова анапестические, и ритм из ямбов, анапестов, пэонов 3-х и 4-х и т. д.

Хороший пример у Гоголя:

«Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто белыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкой кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями...»

Дактили и хорей.

И затем вдруг — в полной параллели с содержанием — Гоголь переходит на ямбы и анапесты:

«Когда же пойдут горами синие тучи, водяные холмы гремят, ударяясь о горы» и т. д.

В первом случае — слова: дактилические, во втором — анапестические.

Если мы прозу будем читать ритмически, под какой-то невидимый метроном, то мы встретимся с тем же явлением, какое имеем при чтении стихов, построенных тонически, то есть переменным числом слогов и с постоянным числом ударений в каждой строке: а именно там, где больше слогов между двумя соседними ударениями, мы будем читать быстрее, а где меньше — мы будем читать медленнее. То есть у нас будут в чтении, в ритме — замедления и ускорения. Ясно, что замедление получится, когда между ударениями поставлено мало неударяемых слогов, и наоборот — ускорение, когда между ударениями много неударяемых слогов.

В правильно (в ритмическом отношении) построенной прозе — мы найдем чередование ускорений и замедлений. Причем ускорения и замедления особенно резко бросающиеся в глаза — всегда бывают мотивированы, то есть имеют связь с изображаемым настроением или действием.

В предыдущем примере (из Гоголя) ускорение было достигнуто переходом из дактилехорейческого размера в ямбо-анапестический. Теперь возьмем фразу из Сологуба: «Юная дева выпила чашу воды до дна, и великой радостью осветилось ее лицо».

— 00—0—00—00—0—00—0—0000—00—0—

Еще пример: «Быстро и тонко взвыли, опрокинулись, умерли» (Сологуб).

— 00—0—000—0000—

Из «Уездного» ех.:

«Позванивают колокола веселые, идет нарядный народ
к веселой пасхальной вечерне».

U-UUU UUU-U-UU -- U-UU - U-UUUU-UU-U

«Дзынь! – высадили вверху стекло, осколки со звоном
вниз...»

- -UUUU-U-U-U-U-U-

«А он, безглазый, уж – в переулочке напротив...»

U-U-UUUU-UUU-U

Замедление.

Возьмем сразу наибольшее замедление. Такое явно бу-
дет при наличии двух ударяемых слогов рядом.

Ех. Гоголь: «Черный лес шатается до корня» etc. – 2 уда-
ряемых слога.

Ех. Гоголь: «Дитя на руках Катерины» etc. – 3 удара.

Ех. Ремизов: «Лимонарь», 50.

Переставим в гоголевской фразе: не «целый мир», а «мир
целый». Еще большее замедление. Между тем в стихе мет-
рическом такая перестановка не дает замедления. Мы мо-
жем прочитать «мир целый» U-; здесь мы нормально про-
чтем «мир целый» --. В чем причина?

Причина в том, что в стихе, закованном в метрические
латы, логическое ударение не играет ритмической роли; меж-
ду тем в прозе – логическое ударение играет существенную
роль. Над астральным телом обычного ритма – есть еще мен-
тальное тело логического ритма. Игра в мяч на пароходе...

За основу берется уже логическое ударение. Многие сло-
ва читаются – без ударения: «изламываясь между туч...» Ус-
корение еще большее.

Перестановка слов – меняет логический ритм, создает
более глубокие замедления и ускорения, соответствующие
смыслу и меняющие его. Idem пример «мир целый».

Ех. «Это милый, добрый малый». «Это малый добрый,
милый». В стихах – это не создало бы разницы; в прозе –
создает. Логическое ударение – на «малый». Если перенесем
«малый» вперед – мы получим то же явление, о котором го-
ворилось раньше – о дактилях. Тут сперва логическое ударя-
емое слово, затем два неударяемых; получается то, что я на-
звал бы «логическим дактилем». Замедление, потому что опо-
ра – логически ударяемое слово в начале, и две остальных,
неударяемых ступени – проходятся медленнее.

Значение знаков препинания — в прозе ритмическое; в стихе — нет.

Выводы:

1. в прозе не должно быть метра; если фраза становится метрической — ее надо изменить;

2. надо следить за правильностью ускорений и замедлений, за соответствием их смыслу, особенно — следить за ритмическими ударами;

3. логический смысл; расстановка слов;

4. знаки препинания.

Пьеса, построенная на диссонансах (Скрябин, ор. 74): консонанс режет слух. Натуральная гамма.

О СТИЛЕ

1. Литература — сложнейшее и совершеннейшее из искусств.

2. Литература включает в себя все искусства и все их изобразительные методы.

3. Искусство статическое и динамическое; изобразительные приемы статические и динамические.

4. Поэзия и проза; привязной шар и дирижабль.

Из всех искусств — искусство художественного слова сложнейшее, потому что оно включает в себя элементы всех видов искусства, потому что слово пользуется приемами разных родов искусства.

Деление искусств по 7 музам — конечно, устарело. Мне представляется, надо делить искусства на 2 основных вида: искусство статическое и искусство динамическое. Эту классификацию я беру из области точных наук, из области математических и механических наук.

Быть может, вы знаете, что под статикой разумеется исследование законов спокойного, неживого состояния тела или математической точки, а под динамикой — исследование законов движения тела или точки. Для изучения статики — в большинстве случаев можно ограничиться элементарной математикой; для изучения динамики приходится прибегать к сложнейшим методам высшей математики. Динамические теории теплоты, звука, ди-

намическая теория строения вещества — все это завоевания новейшей науки.

Те же самые элементы статики и динамики мы можем различать в различных родах искусства. Архитектура — это красота камня, каменная красота, типично неподвижное, статическое искусство. Скульптура, живопись примыкают сюда же, к статическим искусствам. Все эти три вида искусства фиксируют только один определенный момент. Картина или статуя могут иметь самое стремительное падение, лёт — но они в силах запечатлеть только один момент этого лёта. Моменты предшествующий и последующий — мы можем дополнить своей фантазией, но картина или статуя не имеют средства изобразить длящееся действие, последовательности моментов. Элемент времени, движения лежит вне возможностей статических видов искусства.

Другие виды искусства — искусство музыки, танца, художественного слова — имеют в своем распоряжении средства, чтобы передать движение, время. «Манфред» Чайковского, «Жизнь Заратустры» Р. Штрауса, «Божественная поэма» Скрябина — это крылья музыкальной биографии, в звуках дающие целый последовательный, длительный ряд переживаний. Основным органическим элементом музыки является ритм, то есть закономерное движение. Точно так же ритм, закономерное движение, составляет сущность танца. И наконец, элемент движения или, другими словами, времени мы находим и в произведениях художественного слова. Произведения художественного слова разворачивают перед нами целую смену картин — и уже одно это случайное слово *смена* ясно определяет элемент движения в произведениях художественного слова. А кроме того, художественное слово, в своих стихотворных образцах и в лучших образцах художественной прозы является словом ритмическим, то есть включает в себя элемент движения еще и в другом виде, в том же виде, в каком движение является в музыке. Все это дает полное основание назвать перечисленные виды искусства — динамическими.

Об искусстве художественного слова я не случайно упомянул в самом конце. Это было сделано потому, что искусство художественного слова является вершиной пирамиды, фокусом, сосредоточивающим в себе лучи всех остальных видов искусства. Искусство художественного слова я назвал

бы интегральным видом искусства. В самом деле, вы найдете элементы архитектурные, и вдобавок — в литературе определенной эпохи всегда увидите архитектурный стиль этой эпохи: в классической литературе — строгую простоту и монументальность дорического и коринфского стилей; в литературе конца XVIII века — завитки и прихотливую, богатую орнаментику барокко и т. д.

У художников слова — палитра красок не менее богатая, чем у художников кисти. Словом, не менее ярко, чем кистью, можно рисовать пейзажи и портреты. И стили литературных портретов вы можете совершенно точно классифицировать по живописным школам. Совершенно ясно, что Ретиф де ла Бретон — это галантная школа Буше; Расин — это Давид; Золя — это Мейссонье и т. д. И, может быть, еще определенной других видов искусства в художественное слово входит элемент музыкальный: вы видите в произведениях художественного слова тот же самый музыкальный ритм; рифма, ассонанс, аллитерация — то же, что гармония, консонанс в музыке; так называемая инструментовка — есть пользование законами мелодии.

* * *

Я повторяю теперь в двух словах свои тезисы:

1. надо различать два вида искусства: статическое и динамическое;
2. искусство художественного слова надо отнести к динамическим;
3. искусство художественного слова включает в себе элементы всех других видов искусства, в том числе и искусств статических, то есть архитектуры, скульптуры и живописи.

Эти положения надо было установить, чтобы точнее анализировать понятия стиля и ритма в художественном слове (и в том числе в художественном переводе).

Стиль данного произведения искусства есть совокупность всех изобразительных приемов, которыми автор пользовался при создании данного произведения.

Мы пришли уже к выводу, что художники слова пользуются изобразительными средствами как статического, так и динамического искусства. А потому при анализе стиля произведений художественного слова надо в них отделить изобразительные приемы и особенности статического искусства

от изобразительных приемов и особенностей динамического искусства, другими словами — статический стиль от динамического. И как вы увидите дальше — элементы статического стиля гораздо меньше касаются переводчика, чем элементы стиля динамического.

К статическому стилю надо прежде всего отнести архитектурную сторону в произведениях художественного слова. Данное произведение есть огромный дворец романа, или изящный коттедж новеллы, или самодовольный архитектурный орнамент — стихотворение. (Переводчику не властен тот или иной архитектурный стиль. И я бы сказал даже — нет особенной опасности, что у переводчика хватит таланта испортить архитектуру оригинала: может быть, будут испорчены детали, но общее архитектурное впечатление всегда сохранится.)

Дальше: вся словесно-красочная сторона произведения, все живописно-изобразительные его приемы, все образы и эпитеты, все то, что Гумилев любит называть «эйдолологией» — все это требует от переводчика, главным образом, точности, как я уже говорил. Точным следованием творческой воле автора, точным воспроизведением его красок и образов — обеспечивается нужный живописный эффект. Острый и чуткий к краскам глаз живописца — от переводчика не требуется: от него требуется послушный глаз копииста.

Единственное, о чем следует упомянуть особо, как о требующем особого внимания переводчика — это о необходимости следить, чтобы не было ошибок против стиля изображаемой в произведении эпохи, национальности, класса.

Ех. В романе «Тоно-Бэнге» Уэллса говорится об одном из действующих лиц: «He put on his coat and went to the waiting people». Переводчик переводит: «Он надел сюртук и вышел к ожидавшим его». Coat — и сюртук, и пиджак, это верно; но раз роман из современной английской жизни — переводчик должен знать, что сюртук в Англии теперь носят только врачи и пасторы; и англичанин утром в сюртуке — это совершенный nonsense.

Другой переводчик в пьесе Бернарда Шоу «Обращение капитана Брасбаунда» говорит о капитане маленькой торговой шхуны, что «Брасбаунд снял сюртук, Брасбаунд надел сюртук», переводя опять coat как «сюртук». Ясно, что форменного сюртука — какой бывает у морских флотских офи-

церов, капитан Брасбаунд не носит: речь идет самое большее о форменной куртке.

Еще пример. Не помню уж, в каком французском романе начала XVIII века переводчик называет героя «ловеласом»; между тем «ловелас» — произошло от «Lovelace», героя романа «Кларисса» Ричардсона, появившегося позже. Анахронизм.

Или часто случается, что при переводе с английского — переводчики заставляют хозяев обращаться к слугам по-русски, на «ты»; это ошибка против стиля национального. Такая же, как бесчисленные сантиментальные уменьшительные, которыми особенно щеголяют переводчицы (примеры я приводил в 1-й лекции).

В общем, как видите, с вопросами статического стиля в художественных переводах <дело> обстоит сравнительно благополучно. Чтобы избежать ошибок против статического стиля — от переводчика требуется только точность. Вопросы статического стиля сравнительно не сложны. Гораздо серьезнее обстоит дело с вопросами динамического стиля.

* * *

Обычный взгляд, что с элементами динамического стиля приходится считаться только в так называемой «поэзии», а не <в> «прозе». Это деление художественного слова на «поэзию» и «прозу» давно пора отбросить — так же, как наука отбросила деление материи на твердую, жидкую и газообразную. Есть только единая материя; одно и то же вещество может быть и твердым, и жидким, и газообразным, — разница только количественная. Точно так же есть только единое художественное слово; качественной разницы между художественной поэзией и художественной прозой нет.

В самом деле, элементы статического стиля, словесно-красочная сторона — в художественной поэзии и в художественной прозе — одна и та же: те же метафоры, метонимии, эпитеты. Архитектурная сторона художественной поэзии и прозы — тоже одинакова: есть драмы в стихах и драмы в прозе; стихотворения в стихах — и стихотворения в прозе. Пользование музыкой слова, то есть элементы динамического стиля — определенный ритм, пользование аллитерациями, ассонансами и т. д. — мы найдем как в художественной прозе, так и в стихах. Разница между прозой и стихами —

только количественная: художественная проза пользуется музыкой слова, динамическими изобразительными приемами в меньшей степени и реже, чем стихи. Чтобы определенно установить эту разницу, я скажу, что разница эта сводится вот к чему:

1. в художественной прозе почти не встречается пользование полной рифмой, и

2. в художественной прозе, при наличии ритма, почти никогда не бывает определенного метра. Чтобы нам яснее дальше оперировать с понятиями метра и ритма, я напомним, что подчиняющееся определенному закону чередование ударяемых и неударяемых слогов — мы называем ритмом или ладом. Комбинацию из определенного количества ударяемых и неударяемых слогов — мы называем стопой; так, комбинация из короткого и долгого слога — называется ямбом («Мой дядя самых честных правил» — — — — —); комбинация из двух кратких и одного долгого — называется анапестом («Как ныне собирается вещей Олег» — — — — —) и т. д. Наличие определенного числа стоп в стихотворной строке составляет метр; так, в 1-м примере — метр 4-стопный ямб; во 2-м примере — метр 4-стопный анапест с первым усеченным слогом и т. д. В настоящем типическом стихотворении все строки (или, по крайней мере, строфы) написаны одним метром. Такого вот повторяющегося одного и того же метра нет в художественной прозе. Но как же нам быть с *vers libre*, свободным стихом? Никто не станет отрицать, что это — стихи; и вместе с тем в них нет полных рифм, и в них нет определенного метра.

1. Ех. Стихотворение Гёте — переведенное размером подлинника.

2. Ех. Из пушкинского «Романа в письмах».

Мы видим как в 1-м, так и во 2-м примере — совершенно одно и то же: пользование гибридной, смешанной формой метра — ямбоанапестом; в обоих случаях — нет рифмы. Почему же одно мы должны назвать стихотворением, а другое — прозой. Лучшие, величайшие поэты Гёте, Гейне и Блок в большинстве случаев пользовались метрами с так называемыми пустыми промежутками или паузами, метрами неправильными. Лучшие мастера прозы писали прозой ритмической, то есть по существу теми же самыми стихами с меняющимся метром, с теми же самыми паузами: так писал Пушкин, Гоголь, Ремизов, А. Белый, Бодлер, Клодель.

3. Вот пример из Гоголя.

Вот — из «Петербурга» А. Белого:

«В десять часов он, старик, уезжал в Учреждение.

Николай Аполлонович, юноша,

Поднимался с постели чрез два часа после».

—UU—UU—UU—UU—UU

UU—UU—UU—UU

UU—UU—UU—UU—U

В первой строке — чистейший дактиль; во второй и третьей — анапест. Еще недавно в коллегии «Всемирной литературы» возник вопрос: как оплачивать переводчиков Клоделя — как переводчиков стиха или прозы? Как известно, пьесы Клоделя написаны меняющимися ритмами, но они — несомненно ритмичны; и хотя рифм в них нет — это несомненно стихи. Все это только лишняя иллюстрация к тому, что художественное слово — едино; что деление художественного слова на стихи и прозу — условно; что в художественной прозе есть ритм, хотя в большинстве случаев нет метра.

К вопросу о ритмике художественной прозы я еще вернусь. А пока займемся другими элементами динамического стиля в художественной прозе.

Кроме ритма, в музыкальном произведении мы находим гармонию — пользование созвучиями, — и мелодию — построение в определенной тональности. Оба эти средства применяются и в художественном слове.

Из гармонических приемов в художественной прозе мы встречаем ассонансы и аллитерации. Ассонансом называется неполное созвучие на данную гласную, неполная рифма; аллитерацией — созвучие согласных.

Ех. «Сеялся нежный снег» — ассонанс: сн, снег, не. Или «Солнечную забуду судьбу свою, зеленые *заброшуроци*» — ассонанс. Это из Ремизова.

Ех. А вот аллитерации — из Гоголя:

«Кругом *стали* девяностолетние, *столетние*, *старцы*».

У английских авторов аллитерацию можно встретить очень часто. Примеры дает Чуковский:

«Disappointment, discomfort, danger and decease» — Киплинг.

«If after I am free a friend of mine gave a feast» — Уайльд.

Гармонический прием полного консонанса, рифмы в прозе мы не встречаем, за редкими исключениями. В каче-

стве такого исключения, где рифма в прозе уместна — я приведу из «Страшной мести» Гоголя:

«Щелкнул как волк зубами».

В большинстве же случаев — появление рифмы в прозе — неуместно и режет слух, является уже не плюсом, как в стихе — а минусом. И этот минус, эта погрешность, против музыкального стиля в переводах встречается особенно часто.

Ех. Из рассказа «Любовь к жизни» Джека Лондона:

«Волки охотились на карабу <олений>, которые не вступали в борьбу (не сопротивлялись)».

Из романа «War in the air» Уэллса:

«Берг мог разглядывать даже стрелявших из ружей людей (немцев) на нижних галереях немецких (германских) кораблей».

Из цитированного уже рассказа «Любовь к жизни»: «Он заставил себя справиться с набегавшей слабостью, залившей его точно поднимающийся прилив».

Ех. Другие неблагозвучия. «Об обществе», «Из избранного народа», «Старик с включенными волосами».

Теперь обратимся к гармоническим приемам в художественном слове. В области гармонических приемов наиболее распространенный это так называемая инструментовка, то есть построение целой фразы или даже ряда фраз на определенную гласную или согласную, что вполне соответствует построению в определенной тональности.

Ех. Из А. Белого «Петербург»:

«Есть бесконечность в бесконечности бегущих проспектов в бесконечность бегущих пересекающихся теней. Весь Петербург — бесконечность проспекта, возведенного в энную степень».

«Лента, носимая им — была синяя лента. А затем из лаковой красной коробочки на обиталище патриотических чувств воссияли лучи бриллиантовых знаков, то есть орденский знак Александра Невского».

Ех. «Ночь. Сыпется снег ласково, тихонько шуршит, спень нагоняя. А когда и вправду уснули — тут задул безуёму, загулял без умолку в трубах, все перепутал, задымил, засыпал». Звукоподражание.

«Забелели утренники, зазябла земля, лежала неудобная, жалась: снежку бы. И на Михайлов день — снег повалил. Как хлынули белые хлопья — так и утихло все. Тихим коломом

белым лай собачий плывет. Молча молятся за людей старцы-сосны в клобуках белых». Звукоподражание.

Я не имел случая убедиться, что инструментовка встречается у английских авторов. Но я знаю, что инструментовка встречается в прозе у Бодлера и Верлена; я с уверенностью могу предсказать, что мы найдем инструментовку у Оскара Уайльда. И там, где этот прием встречается — в переводе он, конечно, должен быть воспроизведен. Это — задача не легкая, требующая музыкального уха, но вполне возможная.

«ОСТРОВИТЯНЕ»: ПРИМЕРЫ

ГЛАВА 1.

«Тот самый» — вводится читателю как знакомое лицо.

Расписания — характеристика действующего лица отраженным методом. «Завет Принудительного Спасения» — тоже. Ни одним словом викарий не описан... — внутренняя его характеристика.

Внутренняя характеристика миссис Дьюли, данная не описанием: «Она во всем рабски подчинялась мужу; это была уже стареющая женщина за 30» — а действием.

Характеристика Кембла: импрессионистская — □ башмаки. Опять — характеристика в действии. Дальше: его упрямство — в действии (вместо описательного «он был упрям»).

Даны:

1. зрительные образы для каждого из действующих лиц: золотые зубы викария. □ башмаки Кембла; рыжий; четверорукий...

2. звуковая характеристика, лейтмотивы (Кембла, О'Келли).

Намек на то, что Кембл — беден (без рубашки).

ГЛАВА 2.

Импрессионистская характеристика миссис Кембл (Дьюли): пенсне, холодный блеск хрусталя.

Опять лейтмотив Кембла.

Концентрированные сравнения: «скрипели колеса», «переваливается трактор».

Лейтмотив О'Келли: ж, ш, с.

Мимоходом: характерная черта О'Келли — небрежность (расстегнут жилет).

Намек, отраженное изображение беспокойства миссис Дьюли (ищет пенсне, стр. 124, конец).

Биография Кембла, положение его матери — показано, а не рассказано, не описано.

Нигде не сказано, что миссис Дьюли ревновала к письму, но это дано отраженно между строк, в намеках.

ГЛАВА 3.

Инструментовка блеска Джесмонда.

Импрессионизм («Воскресные джентльмены изготовлялись...»).

Прием преувеличения (и все одинаковые...).

Повторение. «Тысячи... одинаковых... отпечатанных...»

«Облака сгустились» — и раньше «облака». У читателя — ассоциация с миссис Кембл (Дьюли). Одним только «облака сгустились» — уже показано, что миссис Дьюли смотрела в переднюю, ждала Кембла. Отраженное, междустрочное изображение чувств миссис Дьюли.

Зрительный образ леди Кембл: каркас, кости. И дальше — губы.

Подготовка, сосредоточение внимания читателя на самой главной черте миссис Кембл — ее губах: «Но все молчали»... «Ничего особенного, как будто». Намек на то, что что-то особенное было. Риторическое отрицание.

Преувеличенный, импрессионистский образ: губы шевелились хвостиками — ползли прямо на него...

Звуковой образ леди Кембл: ча, че, ви, ве (*черви, червивы*).

«Голубые и розовые» — массовая характеристика.

«За кулисами в Эмпайре» и «четыре ремингтонистки» — чтобы, когда читатель дальше встретится с ними, это уже было принято как законное.

Повторение основных зрительных образов, чтобы читатель все время видел действующих лиц: золотые зубы; черви; футбольные круглые головы; рыжие вихры.

«Вероятно, простудились». Намек. Пропущенная ассоциация (последняя ночь).

«Золото волос — золото последних листьев» — намек на душевное состояние: близка осень, старость. Отраженное изображение, междустрочие.

«Свеча в руке дрожала» — отраженное изображение какого-то большого душевного волнения.

ГЛАВА 4.

Преувеличение. Импрессионистский образ: «налившись смехом — лопнул».

Зрительный образ Диди (по-мальчишечьи).

Реминисценция (Кембл увидел «тонкое мальчишечье тело») — у читателя уже ассоциируется с Диди, хотя она не названа.

Блеснуло: такая же реминисценция о пенсне, хрустале миссис Дьюли.

РАССТАНОВКА СЛОВ

«Роста он небольшого, сложен щеголевато, собою весьма недурен, руки и ногти в большой опрятности содержит» (Тургенев. «Бургомистр»).

Сравнить с вариантом: «Он небольшого роста, весьма недурен собою, содержит в большой опрятности руки и ногти». Логическое ударение перед запятой в конце предложения — вызывает большую паузу. Замедленность.

Определение после определяемого:

1. большая торжественность (близость к славянскому) и
2. большее ударение на определении.

Член предложения, поставленный в начале или в конце предложения, — особое логическое ударение на эти слова. «Чуден Днепр при тихой погоде...», «плохая им досталась доля...», «сметливость его и тонкость чутья — меня поразили».

Ясность. Не должно быть двусмысленностей.

Надо избегать стечение одинаковых падежей.

«Это писатель, признанный великим всем светом».

[«Брат соседа моего друга».]

«Дом со всех сторон сторожит сад» (Щедрин).

«Ожидание счастья свидания нынешней ночи вспыхивало в его воображении» (Толстой, «Анна Каренина»).

Тавтология. Повторение.

1. Случайное — дефект (это случилось случайно).

2. Намеренное + особенно в народном языке: сказывать сказки, криком кричит, рад радехонек.

РИФМА В ПРОЗЕ

«Через мгновенье вновь начинается рознь, раздор и галденье» (Щедрин).

РАЗМЕР В ПРОЗЕ

«Подстрекнул меня нелегкий, загляделся на красотку» (Соллогуб. «Тарантас», два 4-стопных хорей).

«Гордость невежд началась непомерная» (Достоевский, 4-стопный дактиль).

НВ. Недопустима ритмическая проза даже частично.

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

А. Белый. «Горн», 2—3, 1919.

«Противоположение поэзии прозе — — старо. Оно всеми оставлено».

Противополагали поэзию прозе: средство прозы есть точное выражение, «термин», а средство поэзии — образное сравнение неточной метафорической речи; проза стремится к понятиям, а поэзия — к образам. В действительности — мы всякую речь делим на художественную и прозаическую. И между художественной прозой и художественной поэзией — нет границы. И в прозе, и в поэзии — образы, фигуры и тропы; размеренность характеризует хорошую прозу, и у лучших прозаиков эта размеренность приближается к определенному метру (-/-/-); размеренность внутренняя — ритм или лад — характеризует хорошую прозу. Овсяннико-Куликовский говорит: «Проза и поэзия живут, развиваются, прогрессируют вместе».

Различие между прозой и поэзией — одно: присутствие определенных чередований голосовых ударений в поэзии и

отсутствие их в прозе. Но у Гюголя, у Пушкина, у Толстого чередование ударений в прозе может быть сведено к определенному метру.

Метры. Стопы. Греческая метрика.

Размеры двусложные:

1. спондей — —
2. пиррихий ∪ ∪
3. ямб ∪ —
4. хорей — ∪

Размеры трехсложные:

5. молосс — — —
6. трибрахий ∪ ∪ ∪
7. анапест ∪ ∪ —
8. амфибрахий ∪ — ∪
9. дактиль — ∪ ∪
10. кретик — ∪ —
11. бакхий ∪ — —
12. антибакхий — — ∪

Размеры четырехсложные:

13. диспондей — — — —
14. дипиррихий ∪ ∪ ∪ ∪
15. пэон первый — ∪ ∪ ∪
16. пэон второй ∪ — ∪ ∪
17. пэон третий ∪ ∪ — ∪
18. пэон четвертый — — — ∪
19. эпитрит первый ∪ — — —
20. эпитрит второй — ∪ — —
21. эпитрит третий — — ∪ —
22. эпитрит четвертый — — — ∪
23. хориямб — ∪ ∪ —
24. антиспаст ∪ — — ∪

Внешнее различие: в поэзии — есть метр, в прозе — нет. Но поэзия с прозой сливается в ритме, присущем им обоим. Ведь кроме этих одномерных размеров — могут быть размеры из комбинаций стоп разномерных, может быть пропуск стопы и т. д. Таким образом, заметная грань между метром и ритмом стирается.

У Федра в ямбах встречаются и спондеи, и анапест, и трибрахий, и пиррихий. У Сафо, Анакреона, Алкея встречаются самые сложные разномерные стопы.

Фраза из Гоголя: «Но арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович». Здесь определенный ритм есть, но нет метра, что и отличает прозу.

Противоположность метра и ритма — условность.

Приведенную фразу Белый разбивает так:

UU—|U—UU|UU—|—U|—UU|UU—U|U—UU,

то есть анапест, пэон второй, анапест, хорей, дактиль, пэон третий и пэон второй.

Вообще разрезая ритм прозаической речи на стопы, получим сочетания двухсложных стоп с трехсложными: дактилехореический метр (—UU|—U|—UU) или же ямбоанапесты (U—|UU—|U—). Приведенная строка из Гоголя — дактилехореическая.

Но арбуз немедленно исчезал — усеченный пентаметр.

После этого Афанасий Иванович — пентаметр.

Гекзаметры — комбинация дактилей и спондеев (в русском стихе — хореев). Следовательно — древний гекзаметр есть ритмизированная проза. Ритм прозы художественной есть либо дактилехорей, либо ямбоанапест, либо их чередование.

Дактиль — придает стиху величавость. Эпос. Гекзаметр.

Ямб — продукт обработки песни. Ямбы появились позже дактиля. Позже — потому что ямбы искусственной, а гекзаметр — ближе к естественной речи. Особенно искусствен русский ямб (что доказывается частым появлением, особенно вначале — анапеста).

Ритмическая проза — это усложнившаяся метрика поэзии — метры, еще не учтенные нашей метрикой. Свободный стих, *vers libre* — естественный переход к перебоям ритмической прозы. Оттого для прозы правила ритмически сложнее, и написать яркой прозой труднее, чем стихом. И оттого исторически она появляется несравненно позже поэзии.

Образцы русской прозы ковались поэтами — Пушкиным, Лермонтовым. Прозы, как таковой — нет вовсе.

Отрывок из пушкинского «Отрывки из романа в письмах»:

Письмо твое меня чрезвычайно утешило.
Оно так живо напомнило мне Петербург.

Мне казалось, я тебя слышу.
Как смешны твои вечные предположения.

У—|У—|У—|УУ—|УУ—|УУ
У—|У—|УУ—|УУ—|УУ—
УУ—|У—|УУ—|УУ—|У
(У)—|У—|УУ—|УУ—|УУ—|УУ
УУ—|УУ—|УУ—|УУ—|УУ

Ямб с анапестическими стопами; в четвертой строке — первая стопа начинается с паузы, отделенной пустым промежутком. Но законы искусственной метрики не объясняли нам присутствия пустых промежутков, употреблявшихся Гейне, Гёте и Блоком; искусственная метрика не допускала анапестических стоп в ямбах.

Вот переведенный стих Гёте размерами подлинника:

На всех вершинах
Покой.
В листве, в долинах
Ни одной
Не вздрогнет черты.
Птицы дремлют в молчании бора.
Погоди только: скоро
Уснешь и ты.

У—|У—|У
У—
У—|У—|У
УУ— анапест
У—|УУ—
—У|—УУ|—УУ|—Удактиль
УУ—|УУ—|У
У—|У—

Ямбоанапест с пустым промежутком (6-я строка).

В прозе Гоголя преобладает дактилехореический стих с дактилической стопой, <переходящей в> стопу хореическую. Оттого особая медлительность, плавность гоголевской прозы:

Небо почти все прочистилось.
 Свежий ветер чуть-чуть навевал с Днепра.
 Если бы не слышно было издали
 Стенание чайки,
 То все бы казалось
 Онемевшим.

—uu|—uu|—uu|
 —u|—uu|—uu|—u|—
 —u|—u|—u|—u|—u|—|—uu|u
 (u)|—uu|—u
 (u)|—uu|—u
 (u)—u|—uu|—u

Дактилехорей; в 1-й строке — чистый дактиль, в 3-й — хорей; в 4-й и 5-й — анакруса.

Толчки и ухабы, неправильности метра в прозе. Их трудней избежать в прозе, чем в стихе; они встречаются и у Пушкина, и у Гоголя.

Пушкин:

Бонди в отечестве своем был парикмахером,
 Потом в Пруссии солдатом.

u—|u—|u—|u—|u—|u—|u—
 u—|—u|—u|—u

Первая строка — ямб; во второй — ямб столкнут с хореем, что болезненно отмечается нашим слухом. Пауза после слова «потом» логически не мотивированна. Тут — противоречие между логическим и ритмическим перебоем. Вот ех. ухабов в прозе: «Рыжий флегматично сплюнул очередную жвачку и, потягиваясь, выругался:

— Будь я проклят, если кто-то не пронюхал жилу. У этих господ кобеля паршивая повадка. Я третьего дня видал...»

Но бывают перебои мотивированные, и это — плюс.

Иногда Гоголь подбирает слова с ударениями, падающими на первую половину слов, то есть с дактилическими и хорейскими окончаниями; тогда проза — начинает звучать величаво, медленно.

«Будет, будет все поле с отлогами и дорогами покрыто белыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою

кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями...»

Дактилохореический ритм, близкий к гекзаметру,

И затем вдруг Гоголь переходит на ямбы и анапесты: «Когда же пойдут горами синие тучи, водяные холмы гремят, ударяясь о горы».

Мотивированные, преднамеренные, ритмические удары:

Черный лес шатается до корня

Дубы трещат и молния

Изламываясь между туч

Рядом

Освещает целый мир

Страшен тогда Днепр.

—U|—U|—U|—U|—U

U—|U—|U—|UU

U—|UU—|UU—

—U

UU—|U—|U—

—U|U—|—

Или еще ех.: «Дитя, спавшее на руках Катерины, пробудилось; сама пани Катерина вскрикнула, гребцы пороняли шапки в Днепр; сам пан вздрогнул. Все вдруг пропало».

Рифма в прозе Гоголя: «Щелкнув как волк зубами...»

Аллитерации: «девяностолетнее, столетнее старье», «подбородок задрожал и заострился, изо рта выбежал...»

Ассонансы: «судьбу, свою. Будет, будет...» «Закричали перепугавшиеся игравшие на земле дети, а вслед за ними народ и все показывали со страхом пальцами на стоявшего посреди их казака» — а и о.

Писать прозой труднее, чем стихами. Плачевна проза, где жесты души не передаются фигурами речи. «Быть может, вы переживаете глубоко, но что нам до этого? Переживать глубокую музыку еще вовсе не значит передавать ее нам; для передачи сонаты еще недостаточно мысленно ее перед нами наигрывать; надо сесть за рояль и уметь двигать пальцами; а для этого нужно развитие мускулов пальцев. И чтобы стать беллетристом — сперва надо стать добросовестным мастером». Проза — тончайшая, песнозвучнейшая из поэзий.

Имажинисты. Анатолий Мариенгоф. «Кондитерская солнц» и «Магдалина». Без глаголов ех.:

Никогда за ее ресниц...
Зрочки, как в синюю... голубки.
С злобою Окаянного...
Города крови кубки
Залпом.
Небо живот в дрожь.
По крышам, как по доске кегельбана,
Туда и сюда пожаров ядро.

Клыками артиллерия
Улиц артерии
Говядину человечью в куски.

Из «Барнеби Рэдж» Диккенса: «Миссис Уорден еще глубже нырнула в протестантскую молитву и окончательно потеряла сознание всего земного.

— Марта, — начал слесарь.

— Я слышу, Уорден, — сказала жена, все еще не выплывая на поверхность».

Оттуда же (обнаружилось, что Гуг, осужденный на смерть — сын сэра Джона Честера. Когда слесарь Уорден рассказал об этом Честеру, то...): «Может быть, причиной тому было легкое облачко, набежавшее на ясное небо и затемнившее на миг яркий блеск солнца, но только сэр Джон побледнел, как мертвец». (Намеренно ложная причинность.)

Инструментовка.

Бальмонт:

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн...

Блок:

...И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

ФУТУРИЗМ

Замкнутый круг: реализм — символизм — неореализм. Мы исследовали особенности художественного зрения... Три синтетических образа: глаза-зеркало, глаза-рентген, глаза-микроскоп. Параллели с живописью.

Теперь, если перейти из области образной в область отвлеченную — мы легко можем установить параллели и связь для каждой из трех ступеней диалектической формулы — с философскими течениями.

Искусство — явление области эмоциональной; оно имеет дело с тем же миром, что и наши чувства — с миром вещей. И философская подкладка того или иного течения определяется отношением к вещи.

Реализм, как мы видели, принимал поверхность вещей, вещи — как они есть. Агностицизм материалистов. Вера в науку. Определенная связь с примитивным материализмом Фейербаха, Мошотта, Геккеля.

Символизм — уходил от поверхности вещей — к исканию души вещей. Определяется связь с кантовской «вещью в себе».

Неореализм от философов неореалистов (американских), от Лосского. Неореализм связан с релятивистской философией Эйнштейна: истинная реальность. Возврат от «вещи в себе», от бесцветного ядра вещи к ее поверхности. Но это уже не вульгарный материализм, а сознательная рабочая гипотеза, сознательный агностицизм. Художественная апелляция к эмоции, к чувствам: стало быть, мы должны иметь дело с той частью вещей, которые доступны чувству, то есть с поверхностью вещей, а не с вещью в себе — с поверхностью углубленной (микроскоп).

Футуризм в литературе и живописи — это возврат к «вещи в себе», и он доводил этот возврат до абсурда. То есть все логические построения его в большинстве случаев правильны, но это-то и сбивает с толку многие невинные умы. Но неправильна посылка, забыто то положение, о котором я говорил: что искусство — в первую голову для чувства и путем чувства. А продуктивное творчество футуризма — исключительно к разуму.

Все это относится к чистому футуризму, а не к тем его разновидностям, которые, в сущности, мало общего имели с футуризмом.

Каменский Василий — неплохой поэт-импрессионист. И только.

Маяковский — большой поэт, нашедший ряд подражателей (Шершеневич и другие).

Три основные черты:

1. импрессионизм, очень яркий;
2. образность (имажизм);
3. пользование музыкой слова;
4. урбанизм.

* * *

Так возникли имажисты — от Маяковского. Безграмотное: «имажинисты» — «воображающие о себе».

* * *

«Пальто пожаров», «Крылья зари», «Факел бунта», «Глаза вражды», «Луч чела», «Руки закатов», «Печатка уныния», «Хобот тоски», «Челюсти безумия», «Спица ненависти». Аллегории.

Ошибка имажистов: Пьетро Аретино. Один законный прием они возводят в единственный. Качественное обеднение изображения.

Два течения футуризма: эгофутуризм (петербургская группа, Северянин и Масаинов) и кубофутуристы (московская — Маяковский, Бурлюк, Каменский, Крученых, Хлебников).

Эгофутуризм — никакой философской подкладки. Весь эгофутуризм — один Северянин. Поэт — парикмахерско-безвкусный, но талантливый версификатор и неплохой лингвист. Его заслуга — неологизмы. В остальном — это просто дурного тона модерн. Анекдот о Масаинове.

Кубофутуризм — более серьезное течение. Параллель в живописи: кубизм, дивизионизм, беспредметная живопись (супрематизм). Искание вещи в себе.

Особняком стоят Маяковский и Каменский. Оба — крайние импрессионисты, оба не имеют отношения к философским теориям футуризма, оба не страдающие излишним тяготением к рационализированной поэзии: к их счастью, Бог избавил их от *ratio*, от разума; они остались поэтами.

О них — потом.

Настоящий футуризм — кубо — как уже видно из моего выступления — связан философией с символизмом: от Канта.

От символизма футуристы заимствовали идею о само-довлеющей ценности слова — ту идею, которая лежит в основе пользования музыкой слова, в основе инструментовки. Но, идя логическим путем, футуристы дошли до *reductio ad absurdum*. Они различали: если слово, независимо от своего смысла, производит впечатление на человека, то не только слово, но и части слова, звуки, отдельные гласные и согласные производят впечатление, вызывающее в человеке известную эмоцию.

Отсюда вывод: если так — нет надобности заботиться о смысле слов, нет надобности, чтобы слова были связаны каким-то обозначением, нет надобности в логической связи, нет надобности в содержании слов — звуки слов постоят сами за себя и произведут впечатление. Так создавалась теория заумного языка. Произведения, созданные на основе этой теории, то есть простой набор музыкально звучащих слов и звуков, не связанных содержанием — годился бы для людей, если бы они были лишены совершенно мыслительного аппарата и воображения и были бы снабжены одними ушами, и притом, пожалуй, подлинней человеческих. Человеку, привыкшему искать в произведениях слова не только слуховых, но и зрительных, осязательных и иных эмоций, футуристические произведения ничего не скажут.

Дыр — бул — щыр — убещур...

Поэма безмолвия.

Тарелка на доске; цилиндр; коробка спичек и т. д.

ХУДОЖНИК И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

(К «Художественной прозе»)

Может ли быть в настоящее время художественное творчество аполитичным?

Любовь и голод. Если первую из 2 категорий — конечно, да. Если вторую — нет.

Какова общественная роль писателя-художника? В идеале — он должен быть пророком.

Что такое пророк? Человек, который провидит — который смотрит куда-то вдаль, дальше теперешнего, дальше сегодняшнего. Пророк — это человек более или менее далеко-го завтра, и этим определяется общественная роль писателя-художника.

Вчера, сегодня и завтра неизменно враждебны друг другу. Это — три члена диалектической гегелевской формулы: сегодня отрицание вчера; завтра отрицание сегодня; отрицание отрицания. Вчера — тезис; сегодня — антитеза; завтра — синтез. Вчера — был царь и были рабы; сегодня — нет царя, но остались рабы; завтра — будут только цари.

Дело пророка — дело борьбы за завтра, за вечное завтра. Никакое сегодня его не удовлетворит и не должно удовлетворить. Ко всякому сегодня — он должен подходить с отрицанием. Именно в этом отрицании — залог бесконечного движения вперед. Удовлетвориться каким-нибудь сегодня — значит остановиться, обратиться в соляной столб. Это — конец.

Два психологических момента:

1. отрицание по отношению к сегодня и
2. стремление к бесконечному движению вперед.

Эти два момента и составляют то отношение к миру, которое называется романтизмом. Всякий подлинный, живой художник — непременно романтик.

Если обратиться к сегодняшнему сегодня [*несколько слов стерто*], то в моем сознании он определяется как религия. Все элементы религии налицо; есть даже и бог: этот бог — человек. Весь вопрос в том, какую стадию развития религии переживает коммунизм?

В развитии всякой религии — три стадии: пророческая, апостольская и церковная.

Христиане в катакомбах.

В стадии апостольской они проповедуют открыто — но они борются идейно, они не победили.

И, наконец, в стадии церковной — они победили в земном плане. И как всякий победитель — христиане силой, мечом, кострами, тюрьмами начинают спасать насильно. Христос обращается в Великого Инквизитора...

Роль романтика в [*несколько слов стерто*].

ЧЕХОВ

<Лекция первая>

Памятник Роберту Бёрнсу. Мы будем — как анатомы... Не удивляйтесь, если отзывы не всегда благочестивы и общеприняты...

Тот период, о котором я хочу говорить, — новейшая литература: реалисты, символисты, новореалисты и футуристы — чрезвычайно законченный и у него резкие пограничные столбы: он выходит из эпохи гражданской, тенденциозной литературы — и входит в гражданскую. Якубович, Гаршин, Каронин, Успенский, Решетников...

Образ: жидкость, сосуд.

Этот период — один из самых значительных в русской литературе, еще, быть может, недостаточно оцененный. В этот период — огромный шаг вперед сделала форма в литературе. Форма — основа. Сюжеты — одни и те же: важно — как Гейне: портной Штауб. Когда литература приобретает крикливый, тенденциозный характер — на форму уже не обращают внимания. Слащавая, сусальная, неестественная деревня у народников. Прокрустово ложе; неестественность, уродливость. Невероятно пошла и убога форма у сусальной гражданской поэзии. Но в тот период, который напоминает Чеховым — литературная форма шагнула вперед.

Чем вызван был отказ от тенденциозной, гражданской литературы? Что творилось в обществе?.. Что за эпоха? {Материалы: Эпоха — после народников, 1 марта. Эпоха «малых дел»; Эпоха, ее мрак, застой, скука, безвыходность — изображается у Чехова.} Разбиты народовольцы. Реакция. Тщетные попытки продолжать революционное движение: заговор «второго 1 марта» в 1887 году. Аресты. Проповедь культурных «малых дел». Разочарование и неудовлетворенность в интеллигенции — и вместе стремление, неопределенное стремление к неопределенному светлому будущему. Разочарование и неопределенное стремление — типичные черты романтизма. И Чехов — типичный романтик.

Романтизм — двух типов: романтизм позитивный и романтизм... мистический. Одни ищут это неопределенное будущее на земле, другие — на небе или вообще где-то, только не на земле. С романтизмом позитивным мы встретимся поз-

же у Горького и других реалистов и новореалистов; с романтизмом мистическим — у символистов. У Чехова, как у реалиста, — романтизм позитивный. Детальнее мы в этом потом разберемся.

Романтизм — из 2 элементов: отрицание — и стремление; из 2 сил: одна — +, другая — —. Как у Чехова отрицательное отношение к настоящему? Он ясно видит всю пошлость, застой, скуку, безвыходность жизни (Неведомский: 260—262).

{[Материалы: Он борется с средним, нормальным человеком, с мещанством. Он охотнее простит грех, чем мещанство. «Старость»: «Маленький, белый памятник глядел на него задумчиво, грустно и так невинно, словно под ним лежала девочка, а не распутная, разведенная жена»]}

То, что народники изображали в розовых, сусальных красках — мужик, Чехову он же виден насквозь (Неведомский: 263—265).

«Смерть чиновника», «Человек в футляре», которому кажется недозволенным все, что не запрещено. Среди интеллигенции никто не умеет работать, ложь и апатия. Доктор Чебутыкин, который любит книги — так ничего и не читал...

«Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился...».

Вторая черта романтизма — стремление, мечта. Если бы он начал проповедовать — он начал бы в противоположность Христу так: «Мое царство — от мира сего». Его романтизм — романтизм бесконечного человеческого прогресса. Врач. Через 300 лет... {Материалы: Чеховские мечтатели говорят уже не о «счастливой и справедливой» жизни, а о прекрасной или красивой. «...Все нынешнее будет казаться и угловатым, и тяжелым, и очень неудобным, и странным...» (а не «несправедливым» или «безнравственным»), — говорит Вершинин, мечтая о людях через 300 лет. Взгляд вдаль — ибо конечный идеал человечества, конечно, не сухая справедливость, приводящая к той некрасоте, безобразию, которые теперь, а красота, красивая жизнь. Критерий не морально-общественный, а эстетический.}

Толстовство, электричество и пар.

Чехов увлекался толстовством. Но затем перестал, так как «расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса». Реализм — позитивизм (символизм — мистицизм).

«Дуэль» — фон Корен.

Его романы — религия мирового прогресса, религия науки — и в этом его родство с окончательным Горьким. В «Дуэли» разговор зоолога фон Корена и дьякона (Измайлов, стр. 540). За разрешением всех «проклятых вопросов» зоолог рекомендует:

«— Обратитесь к тем немногим точным знаниям, какие у нас есть. Доверьтесь очевидности и логике фактов. Любовь должна заключаться в устранении всего того, что так или иначе вредит людям и угрожает им опасностью в настоящем и будущем.

— Значит, любовь в том, чтобы сильный побеждал слабого?

— Несомненно.

— Но ведь сильные распяли Иисуса Христа!

— В том-то и дело, что распяли его не сильные, а слабые. Человеческая культура ослабила и стремится свести к нулю борьбу за существование и подбор; отсюда быстрое размножение слабых и преобладание их над сильными. А мы, культурные, распяли Христа и продолжаем его распинать. Не лицемерьте же, а глядите ей прямо в глаза, признавайте ее разумную законность, а когда она, например, хочет уничтожить хилое, золотушное, развращенное племя, то не мешайте ей вашими пилулями и цитатами из дурно понятого Евангелия. Христос, надеюсь, заповедал нам любовь разумную, осмысленную и полезную» («Дуэль»). Если бы он начал проповедовать — первое, что он сказал бы, было: «Царство мое от мира сего».

Позитивистское, неприкрашенное, реалистическое изображение мужика — этого недавнего идола. «Убийство» (Измайлов, стр. 546), «Моя жизнь», «В враге».

«Черный монах».

Из «Черного монаха» — разговор Черного монаха с Ковриным:

«— Вечная жизнь есть, — сказал монах.

— Ты веришь в бессмертие людей?

— Да, конечно. Вас, людей, ожидает великая, блестящая будущность. И чем больше на земле таких, как ты, тем скорее осуществится это будущее... Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды — и в этом ваша высокая заслуга...

— А какая цель вечной жизни? — спросил Коврин.

— Как и всякой жизни — наслаждение. Истинное наслаждение в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания...»

Материалы: «О насилии, попирающем правду; о прекрасной жизни, которая со временем будет на земле; об оконных решетках, напоминающих каждую минуту о тупости и жестокости насильников».

«У Достоевского или у Вольтера кто-то говорит, что если б не было Бога — его выдумали бы люди. А я верю, что если нет бессмертия, то его рано или поздно изобретет великий человеческий ум».

Об отсутствии пафоса, цели в творчестве (Измайлов, стр. 540).

Подлинный романтизм сказывается в стремлении к «завтра» от «сегодня». Сегодняшнее никогда не удовлетворяет, даже если оно и положительно. Эта «завтрашность» — и у Чехова. Все люди у него делятся на два разряда: которые сегодня что-то знают, достигли, определились — кто «приставлен к чему-нибудь» («В овраге»), и которые не знают, томятся, «не приставлены ни к чему». То есть на романтиков и не романтиков. И первые Чехову — противны, вторые — милы (Чуковский, 1, 2, 6, 7, 8). Побеждают у Чехова — как и всегда бывает в жизни и как следует ожидать от знающего жизнь реалиста — побеждают люди практические, не романтики. Но их победа — сегодняшняя: люди завтрашнего, люди, служащие ферментом, бродилом жизни — это романтики, это неудовлетворенные сегодняшним, отрицатели, ищущие. {Материалы: Он положительно описывает тихих, застенчивых, мечтательных, неудовлетворенных людей, главное — неудовлетворенных: Мисаил из «Моей жизни»; помещик Брагин в «Жене»; Иванов; Астров в «Дяде Ване», учитель сло-

весности; портной Меркулов (Чуковский, 3). Чехов — романтик и любит романтиков. Они не знают, чего хотят — чего-то неопределенного (Чуковский, 6). Чехов ненавидит всех знающих (Чуковский, 6). Практически все Лопахины, все определенные — торжествуют у Чехова над неопределенными — но эта победа какая-то позорная (Чуковский, 8).}

Злейший враг Чехова, как романтика — пошлость. Материалы: 12.

Пошлость. Мать диктует письмо к дочери и зятю, диктует письмо, где она хочет излить лучшие свои чувства, послать свое благословление, сказать самое дорогое, заветное. А диктует она отставному солдату Егору, которого так определяет Чехов: «Сама пошлость, грубая, надменная, непобедимая, гордая тем, что она родилась и выросла в трактире, — сидит на табурете, раскинув широко ноги под столом, сытый, здоровый, мордастый, с красным затылком». Он пишет: «В настоящее время, как судьба Ваша через себя определила Вас на военное поприще, то мы Вам советуем заглянуть в Устав Дисциплинарных взысканий и Уголовный закон Военного ведомства, и Вы усмотрите в оном Законе цивилизацию чинов Военного ведомства».

В «Трех сестрах» Андрей, охваченный нежными чувствами, сквозь слезы говорит: «Милые мои сестры, чудные мои сестры! Маша, сестра моя...» А в тот момент растворяется окно, и выглядывает из него тоже сама пошлость — Наташа: «Кто здесь разговаривает так громко? Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormée déjà. Vous êtes un ours».

В «Моей жизни» архитектор идет под руку с дочерью, говорит с ней о звездах, о том, что даже самые маленькие из них — целые миры — и при этом указывает на небо тем самым зонтиком, которым только что избил своего сына.

Безутешная мать, у которой убили единственного ребенка. Но священник, «подняв вилку, на которой был соленый рыжик, сказал ей: «Не горюйте о младенце. Таковых есть царство небесное» («В овраге»).

Пьесы. «Иванов». Медленной походкой идет Иванов, и от его мертвого прикосновения гибнут женщины, земля глядит на него, как сирота. А он жалуется на свое переутомление, насмехается над «своей гнусной меланхолией», над игрой в Гамлета. Но он не кроток, как Обломов, Иванов в лицо

умирающей жене сказал: «Замолчи, жидовка!..» — и бросил смертный приговор.

{Материалы: Тютчев говорил, что «пошлость людская бессмертна», но сама бессмертность — она имеет способность мертвить все, к чему прикасается.

Чувствительней всего для Чехова пошлость. Она врывается в жизнь на каждом шагу и портит все (Айхенвальд, 353, 354).}

Пошлость людская бессмертна. Гамлет.

В одном из писем Чехов говорит (Материалы, 5): «Не дело психолога делать вид, что он понимает то, чего не понимает никто. Мы не будем шарлатанить и заявим прямо, что на этом свете ничего не разберешь. Всё знают и всё понимают только дураки и шарлатаны» (Из письма). Зеркало хладнокровное.

В другом письме Чехов говорит о себе: «свободный художник». Материалы, 6. Из письма Чехова к Плещееву по поводу повести «Жена»: «Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались».

Мы видим, что Чехов — романтик и позитивный романтик. Но что же нам дает право назвать его реалистом?

А во-первых, изображение по-настоящему, объективно, то, что сейчас прочитали: отсутствие тенденциозности. Почему тенденциозность — мешает реализму — искажение реального в угоду тенденции. «Розовые» мужики, конечно, не реальны; «розовые» р<еволюционеры> тоже. Подход к му-

жику — барский и народнический. К революционеру и интеллигенту — реакционный (Достоевский) и народнический. У Чехова — третий. {Материалы: Реализм, неприкрашенный, изображающий мужика («Мужики») (Неведомский, 263) и «В овраге» (Неведомский, 265).}

Во-вторых, позитивизм Чехова, отсутствие в нем мистицизма. Все, что говорилось о позитивизме выше. Ни одного фантастического рассказа (Материалы, 7) — хотя десятки святочных. Рассказ «Страхи». Как просто по-докторски (анатом, трупы) объясняет он то, что сначала показалось мистически жутким. Ночью в лесу кричала черная собака — вспоминается фаустовский пес. То дома застал гостя, который пожаловался на пропажу дорогой собаки. В час ночи вагон сам собой катился по рельсам. Встречный мужик объяснил: «На сто двадцать первой версте уклон...»

Из «Три года»:

«— Вы любите жизнь, Гаврилыч?

— Да, люблю. Я химик, мыслю химически и умру химиком».

{Материалы: О немистике. Из «В овраге». Как будто мистическая ночь. Липа спрашивает встречных во тьме:} И «В овраге». Липа:

«— А вы святые? — спросила Липа у старика.

— Нет. Мы из Фирсанова».

Лекция вторая

В первой лекции я уже упоминал, что Чехов — в отношении формы сделал очень много. В чем же именно его достижения и новшества?

Чехов писал все, «кроме стихов и доносов»... Но его значение — в трех родах:

1. новелла;
2. драма и
3. письма.

Неудачные романы. Сравнительно малоудачные большие повести: «Три года», «Степь». Но новеллы — изумительны. Мопассан.

Как писал Чехов. Первый период. Легкость. Воспоминания Короленко. «Пепельница» (Измайлов, 160). Медленность, обработка (Измайлов, 164–165).

Работа в лейкинских «Осколках», ограниченность места приучила его сжимать рассказы.

Психологически объяснить значение краткости: почему краткость значит сильное впечатление?

«Кроме романов, стихов и доносов — все виды перепробовал. И повести, и рассказы, и водевили, и пьесы», — писал сам Чехов.

«В сумерках». «Мечты». «Агафья».

«Именины» — перевоплощение в женскую душу.

Повести «Степь», «Дуэль».

«Архиерей», «Палата № 6».

{Материалы: Как писал Чехов? Вначале — необычайно быстро, шутя. «Егерь» — в купальне. Рассказ Короленко о пепельнице.

В письме к Л. Гуревич: «Пишу медленно, с длинными антрактами; пишу и переделываю, и часто, не кончив, бросаю».

В другом письме: «Пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю».

В последний период — он уже не писал, а как шутя говорил про себя — «рисовал». (Цветные чернила.)}

{Материалы: Три основные черты:

1. юмор;

2. пейзаж;

3. изображение боли (Неведомский, 255).}

Первое и главное, чего достиг Чехов, и чего до него не умели: краткость, сжатость, сгущенность. НВ. Длинноты у Тургенева, Толстого («Анна Каренина»). Значение краткости — особенно для современного городского читателя. Значение недоговоренности: творчество самого читателя.

Эта краткость воспиталась в Чехове работой в «Осколках».

Сравним рассказ из III тома «Агафья» и из V тома «Спать хочется». Материалы: 7, 8.

«Агафья». Герой Савка. Описание — точное, протокольное.

Рассказ начинается со 2-й страницы: «Помню, я лежал...»

Пейзаж.

«— А ты что насупилась, словно тетка тебя родила?»

Пейзаж (364).

«Спать хочется». Т. V, с. 75. Один из лучших рассказов. Тут уж нет описаний. Биографию Варьки и почему она в няньках — читатель узнает из сна Варьки.

Обстановку автор заставляет все время чувствовать приемом лейтмотива: зеленое пятно и тени <рисунок панталон> панталон...

Переход из сна в явь.

[Прием повторяющихся лейтмотивов в «Спать хочется». Этим опять достигается краткость. Биография героя — в действии, что сближает Чехова уже с новореалистами (тот же рассказ «Спать хочется»). Драматическая форма рассказа (показ).]

Второе: пейзажи. Пейзажи у прежних писателей: пейзажи — ради пейзажа. У Чехова — пейзаж только фон, средство, а не цель.

В одном из писем Чехов говорит: «Описания природы уместны и не портят дела лишь тогда, когда они кстати, когда помогают вам сообщить — читателю то или другое настроение». {Материалы: О пейзажах в рассказах Чехов говорит в одном из писем: «Описания природы тогда лишь уместны и не портят дела, когда они кстати, когда помогают вам сообщить читателю то или другое настроение».

Материалы: 7, 8, 9, 13.

«У Чехова природа не аксессуар, не декорация, не фон, а часть самой жизни, самого действия, основная грандиозная мелодия, в которой звуки человеческих голосов то выделяются, то исчезают, как отдельные аккорды» (Мережковский).

Т. II. «Мыслитель». Пейзаж. «Знойный полдень. В воздухе ни звуков, ни движений... Вся природа похожа на одну очень большую, забытую Богом и людьми, усадьбу».

Пейзаж: «Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой, и длинные облака, красные и лиловые, сторожили его покой, протянувшись по небу... у самого пруда в кустах, за поселком и кругом в поле заливались соловьи. Чьи-

то года считала кукушка и всё сбивалась со счета, и опять начинала. В пруду сердито, надрываясь, перекликались лягушки, и даже можно было разобрать слова: «И ты такова! И ты такова!» Какой был шум! Казалось, что все эти твари кричали и пели нарочно, чтобы никто не спал в этот весенний вечер, чтобы все, даже сердитые лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: ведь жизнь дается только один раз!»

Третье: драматическая форма рассказа, а не описание. {Материалы: Не описательная, а драматическая форма рассказа.} Рассказ, а не показ. Биография героя — в действии («Спать хочется»). Также — прием лейтмотивов. И то, и другое — одновременно дает сжатость рассказу.

Четвертое: умение начинать. Он сам не раз писал, что это — самое трудное. Начала у прежних писателей. Искусство Толстого в этой области. Чехов — шел за ним. Материалы: 9 и 10.

«Неосторожность». Начало: «Петр Петрович Стрижин, племянник полковницы Ивановой, тот самый, у которого в прошлом году украли новые калоши, вернулся с крестин ровно в 2 часа ночи».

Вот рассказ «Беда» — о купце, которого засудили за то, что был членом ревизионной комиссии. Начинается он прямо: «Директора городского банка Петра Семеныча, бухгалтера, его помощника и двух членов отправили ночью в тюрьму».

Пятой особенностью рассказов Чехова — был юмор. Материалы: 11 и 14.

Юмор, отличающий великих писателей, смех сквозь слезы. «Злоумышленник» (Чайка). «Смерть чиновника». Со сборника «Хмурые люди» — беспечный смех затихает, «чеховское настроение». Но остается юмор. Комическое — Белинский определяет, пользуясь термином Гегеля, как «противоположность между идеей и ее овеществлением». Но здесь и залог трагического. {[Материалы: Противоречие между идеей и ее овеществлением — в равной мере источник и смешного и трагического.]} Материалы: 14. Смех до слез <нрзб>. Смех <нрзб> своей разрешается в пьесе — физиологически...

За смешного человека обидно, потому что смешной — вырождение великого.

И у Чехова везде подход именно такой. Везде *но*, трагическое *но*. «Скучная история»: выдающийся ученый с европейским именем, *но*... «Бабье царство» — миллионерша, здорова, кругом богатство, лесть, *но* ей скучно жить, тоска... «Иванов» — выдающийся общественный деятель, интеллигент, умница, *но* он говорит: «...без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей...». {Материалы: Эти вечные *но* у Чехова: Алехин долго таил свое чувство от любимой женщины, и вот наконец признался — целует ее — плачет; понял, как ненужно и мелко было все то, что мешало любить — *но* поздно: через мгновение поезд унесет ее далеко.

Другой путник — уже обнял женщину, *но* ямщик в дверях.}

Поэт неудавшейся русской жизни, неудачников, стремлений этих неудачников вдаль.

Шестая особенность: боль. В рассказе «Припадок»...
Материалы: 12.

В рассказе «Припадок» говорится (про Васильева): «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант — человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще. Как хороший актер отражает в себе чужие движения и голос, так Васильев умеет отражать в своей душе чужую боль. Увидев слезы, он плачет; около больного он сам становится больным и стонет; если видит насилие, то ему кажется, что насилие совершается над ним...»

[Седьмое: ирония, скепсис человеческой разочарованности. Материалы: 13.

Ирония. На чествовании в Художественном театре чуть не рассмеялся, когда начали ему речь: «Дорогой и высокоуважаемый...» Ему вспомнилось, как Гаев в «Вишневом саде» говорит: «Дорогой, высокоуважаемый шкаф!»]

Седьмая: зачатки символизма. В «Палате № 6». {Материалы: Намеки символизма в «Палате № 6».} В «Крыжовнике». {Материалы: [«Крыжовник». Символ — крыжовен-

ное варенье, которое так <нрзб> для Чехова, но в конце концов пропадает, засахаривается.}] В «В враге». [Разговор.] Содержание. Разговор Липы со стариком (Овсяннико-Куликовский, 152).

* * *

Пьесы.

Среди нас есть математики... Статика и динамика...

Но есть ли в природе действительно статика, полное равновесие? По новейшим теориям — молекулы в вечном, невидимом для глаза движении. Изменение температур, электрический ток — мост, по которому бегут трамваи... Молекулы совершают колоссальную невидимую работу, живут, гибнут, стареются — невидимо, неслышно. Какие-то невидимые, безмолвные драмы.

Та же молекулярная жизнь — и в человеческой душе. Теперь — эпоха динамическая. Все — снаружи: внешние драмы, убийства, смерти, голодные трагедии... Но в так называемые органические эпохи — жизнь уходит внутрь. В жизни моста — революционной эпохой было, когда его строили, революционной эпохой будет — когда его будут взрывать. Органическая эпоха — теперь.

Вот эту самую молекулярную жизнь человеческой души, молекулярную форму — изображал Чехов. Эту жизнь — простым глазом не уловить, эти драмы невидимы и неслышимы. Эти драмы — не в действиях: мост, как стоял — так и стоит. Эта драма даже не в словах — она где-то за словами, она в паузах, в намеках. Это — драма не динамическая, а статическая — вернее: как будто статическая. {[Материалы: Драма в рассказах — статическая, а не динамическая.]}

Лекция третья

Самый корень слова греческий — и означает «действовать». Понятно, почему драма, пьеса строилась на действии: драма рассчитывалась на массу, на толпу зрителей, на то, чтобы воздействовать на возможно большее число зрителей. Ясно: на те способности к восприятию, которыми обладает большинство зрителей. А если мы вынесем за скобки эти общие способности... Обычная драма — расчет (верный) на

среднее, отнюдь не утонченное восприятие. Ясно: этому среднему, «заскобочному» зрителю — не видна молекулярная драма, молекулярная жизнь человеческой души, которую пытался изобразить Чехов. Этим и обуславливался неуспех — первоначальный — его пьес. {Материалы: Пьесы: Судьба чеховских пьес — судьба всяких новшеств.}

Пьесы: два водевиля и пять драм: «Иванов», «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад».

«Иванов». Сперва «Иван Иванович Иванов» попытка грубого, примитивного символизма, как у Андреева «Жизнь Человека». Алгебра и геометрия, где все трехмерно, выпукло...

По поводу «Иванова» Чехов писал: «Я хотел оригинальничать: не вывел ни одного злодея, ни одного ангела <...> никого не обвинил, никого не оправдал...»

Содержание пьесы: Иванов, говорящий о высоких материях; его жена; Саша... Иванов — романтик, Гамлет + Обломов. Проклинает «гнусную меланхолию». Отражение развала интеллигенции. Гнилой устой моста: не способен сопротивляться, бороться. В момент высшего напряжения — когда трамвай — он ломается...

[Ант. Ч. Противопоставление: Иванов и Львов; Саша.]

Элемент внешней, динамической драмы, смерть. Фабула есть.

Некоторый успех.

«Леший» — впоследствии «Дядя Ваня» — через год. Там был не Астров, а Хрущов, не врач, а помещик. В «Дяде Ване» исчезли четыре лица «Лешего»: Желтухин, не кончивший курса технолог, его сестра Юля, помещик Орловский и его сын — кутила. Здесь [есть] больше внешней драмы: будущий дядя Ваня кончает самоубийством — вместо более статической попытки убить профессора Серебрякова. Зато в «Лешем» нет основной внутренней, молекулярной, психологической драмы — драмы Сони: в «Лешем» все кончается благополучно, аккорд разрешается: Соня выходит замуж за Хрущова, нет ее безнадежной, безвыходной любви (к Серебрякову).

В «Дяде Ване» — все тоньше. Разрешения нет: пьеса кончается диссонансом. Параллель с новой музыкой: Скрябин.

Нет надобности напоминать содержание. Родство Серебрякова — «ученой воблы» с профессором из «Скучной истории»: «Скучная история» — за два месяца до «Лешего». Род-

ство Сони с Сашей. Родство Хрущова — дяди Вани с Ивановым. Романтик — дядя Ваня. Его мечты о будущем счастье человечества, символизируемые его влюбленностью в леса. Опять элемент символизма: «Мы отдохнем». Материалы: 15.

«Дядя Ваня». Героиня кладет голову на руки дяде Ване и уверяет его, что Бог сжалятся над ними, что они увидят жизнь светлую и прекрасную. «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах... Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... (Обнимает его.) Мы отдохнем!»

1. Драма статическая, настроения, а не действия; нарастания находят себе исход не в катастрофе, а остаются неразрешенными. Аналогия — Скрабин. Так было и в жизни, с интеллигенцией.

2. Отсутствие диалогов. Почти монолог. Размышления вслух.

3. Символизм.

Паузы. Звуки.

Темы жизни: реализм.

«Африка» дяди Вани — и «Москва».

Иванов — и Львов; Кулыгин — и Вершинин; Аркадина и Треплев в «Чайке». Гаев — и Лопухин. Трагизм, коллизия — не внешняя, а внутренняя, именно в этом столкновении мечтателя и трезвого, поэзии и прозы, романтики и жизни.

Юмор: «22 несчастья», Чебутыкин, Солёный.

Настроения.

Продолжатели: Андреев, Зайцев. Новый этап развития — в пьесах Сологуба, Минского, Гиппиус.

Отражение толстовства: положительный образ — люди, не умеющие побороть быт, люди, покорно приносящие себя в жертву эгоизму «ученой воблы».

Успеха «Леший» не имел. Не могли простить Чехову профессора. И только гораздо позже, в Художественном театре, был поставлен и имел успех. Через 11 лет.

«Чайка». Зарождение ее. Изм<айлов>, стр. 397.

Еще больший разрыв с прежними условностями драмы: «Начал пьесу forte, кончил pianissimo'm». [Почти нет действия, разговор.] (Прием, потом повторенный Андреевым в «Катерине Ивановне».) Типичная молекулярная драма. Изм., стр. 398.

Почти нет внешнего действия. Но молекулярная драма назревает невидимо и неслышимо: в пьесе — покушение на самоубийство, самоубийство. Это — все же еще дань старой драме: в других пьесах Чехова ничего не случается.

Треплев — «декадент», пародия.

Родство Тригорина и Чехова. Материалы: 16.

Треплев в одном месте пьесы говорит: «Я так много говорил о новых формах, а теперь чувствую, что сам мало-помалу сползаю к рутине... Описание лунного вечера длинно и изысканно. Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно».

А в XI томе Сочинений (188-я стр.) Чехова в его рассказе «Волк» — мы найдем описание лунного вечера: «На плотине, залитой лунным светом, не было ни кусочка тени; на середине ее блестело звездой горлышко от разбитой бутылки. Два колеса мельницы, наполовину спрятавшись в тени широкой ивы, глядели сердито, уныло...»

Это — мелочь, но таких мелочей в образе Тригорина — целые десятки: например, — отзыв Тригорина о начинающем писателе, который целиком можно отнести к молодости самого Чехова. Если Тригорин не Чехов — то, во всяком случае, очень ему близкий.

В «Чайке» судьба Нины Заречной символизирована в виде чайки — белой птицы, беспокойно мечущейся над водой и гибнущей от пули Треплева. В «Трех сестрах» — символ «Москва»: «В Москву, в Москву». Еще более символизма в «Вишневом саде»: самый сад, его вырубка символизирует гибель целого уклада жизни, смерть Фирса, и этот особенный, таинственный звук, «как от бадьи, упавшей в воду», дважды повторяющийся в пьесе.

Всюду — драма настроения, а не действия. Нарастающий лиризм не находит себе исхода в какой-нибудь драматической катастрофе, остается неразрешенным. То же было и с интеллигенцией в жизни.

Отсутствие диалогов: монологи или размышления вслух.

Символизм: «Чайка».

Пьеса была поставлена в Александринском театре — и провалилась. Внешняя причина провала: бенефис Левкеевой. Публика «заскобочная». Внутренняя причина: еретичество, новшества, утонченность. Неблагоприятные отзывы авторитетов. Реабилитация Художественным театром — через 2 года.

«Проживу 700 лет, а не напишу больше ни одной пьесы».

«Назовите меня последним словом, если я когда-нибудь напишу пьесу...»

«Три сестры». Здесь уже сплошь то, что мы назвали молекулярной драмой, или выражаясь принятым термином: драма психологическая. Ничего не случается: самое крупное, самое динамическое — уход полка.

Взяты не темы театрального представления — взяты темы жизни: обыкновенные, как будто незначащие разговоры; обычные, житейские дела и события.

Игра на паузах. Значение недоговоренности.

Символизм: «Москва».

Успех пьесы. Быть может, уже созрела публика, но главное — созрел автор. В новых формах сумел покорить публику. Леонид Андреев писал: «Я видел жизнь, она волновала меня, мучила, наполняла страданием и жалостью. И мне не стыдно было моих слез...»

«Вишневый сад».

Внешняя форма, глина, быт: дворянское оскудение. То, что было известно со времен Обломова, прошло через тургеневские романы.

Выродились и развалились не только помещичьи усадьбы, но и люди. Легкомыслие, безволие, неспособность к сосредоточенным переживаниям.

Любовь Андреевна. Шкафик и няня. Сын Гриша — «Петя, отчего вы так подурнели?» (Овсяннико-Куликовский, 164).

Раневская, Гаев, Трофимов — недотепы по Фирсу. Они — воплощение отрицательных добродетелей: они добры — в смысле не злы, они не глупы, не бесчувственны. Лопахин сказал: «А сколько, брат, в России людей, которые существуют неизвестно для чего». Это — лишние люди.

Раневская и Гаев — просто лишние люди, неромантики: романтиком является Трофимов. Он из «неделающих», но

зовет к новой жизни, к труду. Он жалок: «облезлый барин», постарел, вылинял, приживальщик. Но автор его любит.

Определенное отрицание прошлого, сегодняшнего (Овсяннико-Куликовский, 173).

Лопахин. Трофимов говорит ему: «Вот как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает к нему на пути, так и ты нужен». Нет прежнего, как у Глеба Успенского, изображения «гносного промышленника», «гносного хозяйственного мужика». Чехов понимал необходимость Лопахиных в процессе общественного развития; тут сказался реалист.

Лопахин — вовсе не зверь: он готов выручить Раневскую из беды, он предлагает Трофимову денег, чтобы тот мог учиться. Он уважает книгу, знание, Трофимова. Он утешает плачущую Любовь Андреевну: «Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернешь теперь. (Со слезами.) О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась какая-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь».

И все же Чехову он не мил: он — не романтик. Чехову ближе смешной, облезлый недотепа Трофимов.

Вместе с «Тремя сестрами» — «Вишневый сад» наиболее типичная для Чехова пьеса, наиболее типичная психологическая драма. Опять — полнейшее отсутствие внешнего действия, динамики. Вся драма глубоко скрыта. Вместо звука выстрелов, которые должны потрясти нервы зрителя в обыкновенной драме — зреет такой, на первый взгляд, нестрашный звук: рубят деревья, рубят вишневый сад. Но за этим...

Опять паузы, недоговоренности, намеки. В паузе — слышен странный звук «как бы от бадьи, упавшей в воду».

Символизм: «Вишневый сад».

Итоги.

1. Взята статика жизни, а не динамика, как обычно в пьесах. Начало психологической драмы. Действие происходит в глубине, под поверхностью. Улавливаются мельчайшие, молекулярные движения души, настроения. Драма настроения. Само слово в русском языке стало существовать именно со времен Чехова.

2. Внешние признаки такого рода пьес — отсутствие действия, отсутствие завязки и развязки; отсутствие внешних драматических эффектов; отсутствие обычных связных драматических диалогов.

3. Темы в чеховских пьесах — темы жизни, а не сцены.

4. Какая-то коллизия должна быть — без коллизии нет пьесы. Эта коллизия — во всех пьесах Чехова — коллизия между мечтателем, романтиком — и жизнью, между поэзией и прозой. Во всех пьесах эти противопоставления: Иванов — и Львов; Кулыгин, учитель, который говорит: «Вот имею даже Станислава второй степени» — и Вершинин; Аркадина — и Треплев; Гаев — и Лопахин.

5. Но эта коллизия — не временная, а вечная; это бесконечная трагедия, бесконечно стремящаяся вдаль романтизма. И потому, совершенно логично, коллизия в чеховских пьесах остается неразрешенной. Пьесы заканчиваются не консонансом, а диссонансом. Пьесы, если хотите, не заканчиваются.

6. Изображение настроений — не хватает слов: пользование паузами.

7. Символизм. Еще примитивный в «Иванове»; «Африка» в «Дяде Ване»; «Москва» в «Трех сестрах»; «Вишневый сад». Это вошло в жизнь.

8. Юмор.

9. Темы жизни — показывают, что он реалист: реализм пьес. Это, в частности, в «Вишневом саду» — в изображении Лопахина; неприкрашенное изображение интеллигенции — Иванов, Астров, Трофимов.

Продолжатели: Леонид Андреев — «Анфиса», «Катерина Ивановна»; Борис Зайцев — «Усадьба Лапиных». Новый этап — в пьесах Сологуба, Минского, Гиппиус. Баранцевич, Альбов, Лазаревский, Потапенко.

Нетенденциозность. «Свободный художник». Материалы: 6. Письма Чехова к Плещееву по поводу повести «Жена»: «Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрас-

судком. Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались».

1. Отсутствие тенденциозности — делает его реалистом.
2. Отсутствие мистики, таинственного и
3. Самые образы его — реальные, даже для наиболее отвлеченных представлений.

Что нового в вещах Чехова?

В отношении формы:

1. Новелла: краткость, сжатость и т. д. (Лекция 4.)
2. Импрессионизм.
3. Драматическая, а не описательная форма рассказа.
4. Пейзажи.

Со стороны содержания:

1. Юмор.
2. Боль.
3. Борьба с пошлостью.
4. Вера в человека и его будущее.
5. Романтизм. Все его герои фантазеры.
«Палата № 6». Доктор и почтмейстер.
«Черный монах». Коврин и тесть.
«Дом с мезонином». Лида и Женя.
«Моя жизнь». Архитектор и «я».

Пьесы Чехова.

Какое-то великое единство во всей природе: единство материи; единство материи и силы; единство движения и покоя.

Нет покоя: все в движении. Молекулы.

Эпохи революционные и эпохи органические.

У человека.

У моста.

Молекулярная жизнь человеческой души — драмы Чехова. Это драма не в действиях: мост как стоял — так и стоит. Это драма даже не в словах, а в паузах между слов, в намеках. Заскобочный зритель.

«Иванов».

Иванов — и Львов. Саша.

Представители пошлости: Боркин, Зинаида Савишна, Косых и гости.

«Чайка».

Аркадина и Треплев.

Тригорин и Треплев.

{[Материалы: Он борется с средним, нормальным человеком, с мещанством. Он охотнее простит грех, чем мещанство. «Старость»: «Маленький, белый памятник глядел на него задумчиво, грустно и так невинно, словно под ним лежала девочка, а не распутная, разведенная жена».]}

ИЗ НЕЗАВЕРШЁННОГО

НАБРОСКИ К РОМАНУ

1921

Шли с дамой через Марсово поле. За Троицким мостом — облака уже летние — куполом. А под ногами снежная жижа, гнусно хлюпает, засасывает ногу, и совсем не верится, что весна, и никакой радости.

Старушка остановилась перед лужей: не перешагнуть. Набрала камушков: набросает на лужу камушков — ступит, опять набросает — опять ступит...

Стоит девочка на углу, плачет — навзрыд. Беленькая, лет 9-8. Дама подходит к ней — так жалко. Погладила по головке — и ласково:

— Ты чего, миленькая, плачешь, а? Обидел кто? А?

Девочка обернулась:

— А тебе што? В морду хошь?..

«Не могу же я бросить насиженный кусок хлеба», — писал виленский гражданин.

Мужик привез себе рояль. В дверь избы не входит: не рубить же дверь? Отпилили бок у клавиатуры.

— Да ты что же это делаешь?

— А что? Там еще осталось довольно — ребятам хватит.

Попросили мужика свезти в усадьбу Х. Зима. Повез — ухмыляется. В поле остановился.

— Ну что же, скоро будет?

— Что?

— Усадьба.

— Да вот она, тут: ты валенцем копни — увидишь.

Копнула: под снегом закоптелые кирпичи.

По деревне слух идет:
Вшей всех взяли на учет,
Стали баб учить читать,
Чтобы вшей могли считать.

Труба на доме покосилась, свалилась. И вот год, другой, третий. На второй год — совсем на боку. На третий — поползла по скату крыши, и весной доползла до самого края, свесилась... (Этой трубой меряют годы.)

1. Князь Андрей Порфирьевич.

Курчавые, пушкинские — арапские — волосы; теперь — серебряные. Мягкий — кое-как — нос. И весь князь — мягкий. Ребячий смех — выкатывается из углов глаз и губ. Застенчивый в 70 лет.

Тут, в именье, дома — ходил в теплом, ватном халате, черные железные очки — на лоб. Оброс мягкими седыми кольчиками бороды и стал красив такой зимней красотой. Когда ему рассказывают что-нибудь смешное, закрывает горстями глаза и смеется в горсть, трет глаза, по-кошачьи умывается.

О том, что Соня и Петя с салазками поехали в лес за дровами, и везут на себе салазки, и пилят дрова — об этом он не знал. Вставал раньше всех в доме и садился за свой мост и за вычисления. С копилкой чертить трудно — любил работать на закате, на столе в коридоре у окна: оттуда поля, лес, розовый осколок Шеломы. Любил возиться с насосами, телефонами. Несется вдруг оттуда, из подвала — крик: вспыхнул. Случится, поругается с Дуней — не разговаривают до вечернего чая — за вечерним чаем помиряются. Или если Андрей Порфирьевич идет и умывается как кот, — и закрывая горстями глаза — извиняется.

Очки у него черные. Механик — он сделал какое-то особое приспособление, чтобы они держались на лбу <...>. Запонка — тоже особая. И воротник потому всегда отстегивается. Штанина залезала в сапог.

— Зачем галстук так всегда завязывают? Надо просто вдвое сложить вокруг шеи и в петлю.

И всегда галстук сзади пиджака болтается.

Однажды в Италии князь бродил в чесучовом костюме, вспотел. Сели в кафеине на каком-то лиловом бархатном

диване. Встал, вышел — а сбоку-то у него все лиловое, как у павлина. Не чайл, когда домой дойдет. (Любил заводить знакомства в пути. По-немецки говорил плохо.) Вот-вот опоздает на поезд. Просит вагоновожатого поскорей:

— Mein Herr — hier, — показывает на пятки (сердце в пятки).

Говорит всегда: куды-туды-сюды.

2. Лето 1914.

Жара, сушь. Сыпалась рожь. Пожары. Чуялось: завтра будет гроза. И все не было грозы.

И вдруг: война. Ясно: нельзя жить по-старому, по-английски, с теннисом, верховыми лошадьми. Лазарет для солдат внизу в зале. Сыновья в армии. Лева — только что кончивший юрист — надел малиновую форму. Сережа — дипломат. Петя — еще мальчик. Гриша из гимназии — прямо в «жеребьячье» училище. Вышел корнетом. Снялся. Важный. Петя обожает Гришу, глядит в рот, старается ему подражать. Подарил карточку: «Моему фундуку Петьке на учение».

Лева, Сережа — одно поколение; Соня, Гриша — вместе с Евдокией Семеновной — и каким-то грибочком на них Петей — другое: «махонькие», так называл их князь. Когда в угловой буфетной Василий с кучером играли в шашки — «махонькие» бегали к ним. Жили под особым покровительством Евдокии Семеновны — Дуни. «Махоньким» — больше... сладкого. У Сони с Гришей комнаты рядом. Лягут спать, и полночи всегда разговоры, летом вылезут на веранду и там...

Лазарет. Сестра милосердия — Ниночка. Братья разбегались. Братья на войне — страх за них и т. д. ... Соня в лазарете. Строго блюла порядок: чтобы в 2 — обед, чтобы после обеда все спали, чтобы в 11 тушился огонь, чтобы перевязки <...>. Вдруг, в месяц, из «махонькой» стала большой. Приехал Лева, контуженный, и с ним трое его приятелей — из «малиновых» рубашек — Доброво, Путятин, Строганов — тоже раненые. Серьезнее всех — Доброво: б дыр в правой руке от шрапнели. Забинтованные, бледные, веселые. Соне особенно мало возни было с Доброво: перевязывала искусно — руки нежные — как, может быть, глазами, паутиною ресниц.

Через месяц — морозцы, утренники. Телеграмма от Гриши: «Еду».

Соня верхом на станции встречает. Черная, блестящая, лакированная дорога, с прилипшими листьями, копыта стучат. Сердце стучит. Хорошо!

И вот веселье необычайное, звонкое, морозное, румяное. Все слегка влюблены друг в друга — но так, как будто, легко, нетрудно. Гриша — в Ниночку, трое — в Соню, Петя — в Гришу.

Шли по синему, лунному снегу гулять — до лежалого дуба в лесу. На дубу садились. Разговоры об астрономии, о человеке-змее, о звездных людях. И по чему-нибудь ссора. Возвращались уже не гурьбой, а гуськом. И за чаем — мир. Вечером — Соня играла на прабабушкиной арфе: негритянские колыбельные, английские песенки, «Моряк и принцесса». Все пели, все сочиняли стихи. Разыгрывали «Моряка и принцессу». После ужина, когда надо было спать, — тайком шли на антресоли к Дуне: Дуня делала кофе. Приходила Васильевна: утирала горсточкой рот; «доченька моя», «сыночек» — похлопывает всех по коленям, по плечу (у ней было 18 детей) — и гадала:

— 32 карты — всю правду скажут, — говорила во время гаданья особым, гадальным голосом.

Смотрели в подзорную трубу на тот берег. На луну. Лунные люди. От трубы — фокус, огонек в глазу у Доброво — как у беса глаза. Соне жутко. Дипломат Сережа с женой. «Махонькие» их боялись: очень важный <...> все с газетами. Доброво и другие нарочно собрали старых газет и жгли при них.

Встреча Нового года. Соня внизу, в зале. Елка. Перед каждым прибором — елочная свечка: надо в 12 написать на бумажке желание, сжечь на свечке, пепел съесть и запить шампанским, тогда исполнится. Довелось <...>.

Гости: англичанин Пейдж — с физиономией, похожей на чертежный ?; отец Сергей («Я теперь не отец Сергей, а Сергей Нилыч»); псаломщик; фельдшер — Василий Гаврилыч; тетушка Оболенская, в очках и в черном, с рюшами чепчике; тетушка Новомильцова. Князь и княгиня — из Петербурга.

Танцы. Князь:

— Чтоб Соня танцевала непременно. Мало, еще.

Гаданье: таз с водой; на краю налеплены бумажки с именами, и на дощечке плавает свечка — чье имя сожжет, того

сожжет любовь. Сожгло Пуятину — проплыло рядом с Доброво. Сожгло Соню. Доброво замолк.

Решили — рядиться. Вспомнили какую-то глупую песенку о турецком султানে. И вот: Султан, Евнух, Одалиска, Соня, Арапчонок — Петя. И почему-то Пуятину: непременно Папой Римским. Взял у Дуни юбку, калоши и чулки на ногах, колпак на голове.

На розвальнях — к доктору. Дочь — медичка, всегда серьезна. Гриша взялся ее расшевелить. Пошел помогать ей одеваться. И там, когда она уже оделась, и надо уходить, — она вдруг остановилась, необычайно красивая в этом костюме, с подведенными бровями. Они замолкли на секунду. Гриша прочитал что-то в ее глазах. Поцеловал, молча, ее дрожащие губы:

— Лиза, <я> люблю вас, спасите меня...

Отец Сергей плясал на розвальнях, бил в бубен до того, что пробил его.

Кончилась сумасшедшая ночь. Утро. Перевязки. Доброво — Соне:

— Нет, уж лучше не надо. Все равно.

Что? Почему? Доброво целые дни лежал. Просили петь. Рана вскрылась. Доктор, когда смотрит его, насвистывает. Ему уже знать, что это значит: Доброво — с нею почти не говорит. Однажды утром, перевязывая его, Соня спросила, почему он такой:

— Да что вы — притворяетесь? Или в самом деле не понимаете? Не понимаю.

— Да я же люблю вас, люблю, люблю. Я не хочу жить, если вы мне не скажете...

Соня села на пол и разревелась. Братья всегда внушали ей, что она курносая и черноглазая, и никто никогда в нее не влюбится, и будет игуменьей, как тетушка Х. И вдруг... Драма. На прогулке боялась идти с Доброво. Наконец однажды он улучил момент (катались с горы на салазках) — и внизу под горой, когда все были наверху, спросил ее:

— А если я скажу вам, что вы любите другого и назову его имя — вы скажете правду?

Соня была уверена, что этого он не знает, никак не может знать, и она сказала:

— Скажу.

Доброво назвал. Соня:

— Да.

Доброво, не говоря ни слова, повернулся и пошел кругом горы. Соня везла одна салазки. Солнце ей радужное — сквозь слезы:

— Ну что, опять поссорились.

День. Доброво нет. Оставил записку, что уезжает в Москву. Сумасшедший. В Москве — тот, Сонин. И они встретятся.

«А вдруг — дуэль? — И тайная радость: — Это я, я! — И сейчас же: — Ах, какая я гадкая, мерзкая», — и ночью молится...

Доброво в Москве — прискакал к тому и рассказал ему, что Соня его любит, и что она — удивительная, и что он должен... Тот растерялся.

Доброво уехал на фронт, подлечившись в Москве. И через неделю вернулся, раненный в легкое осколком.

Телеграмма из Царского. Соня: ехать или нет. Слезы. Петя и Гриша дразнят. Старик-князь погладил по голове:

— Поезжай. Ты — моя дочь. Я все понимаю.

Соня поехала. И только тут Доброво согласился на операцию. После операции его отправили в Крым. (Там и пропал.)

Веселое, влюбленное, заревое время кончилось. И никогда его больше не будет. Все разъехались.

3. Революция. (Как узнали?)

Воробьи, малиновки, иволги, лягушки целый день за окнами. Целый день вокруг дома тонкая путаная сеть от щетанья, чириканья, свиста.

Леву и Гришу солдаты любили. Оба теперь — выборные офицеры. Леву назначили начальником караула при бывшем царе. Такой обыкновенный, спокойный, серый, скучный. Показывал Леве город, книги какие-то, особенные огурцы. Всякий раз прибавлял:

— Прошу вас: очень-очень кланяйтесь вашему отцу.

Царица — держалась холодно, кивала, молчала. Леве было тяжело. Царь говорил:

— Ну что бы мне вам подарить на память — чтобы вы помнили, когда меня расстреляют.

И в годовщину контузии — с Левоу припадок...

Гриша вышел в отставку. Жил в имении, пахал. Крестьяне любили его:

— Веселый.

Уезжал иногда в город. Роман с Лизой — медичкой (она в городе).

Однажды (князь и княгиня, и Гриша в городе; Соня одна с Петей, Гришиным денщиком и Дуней) денщик прибегает испуганный:

— Мужики привалили. Орда.

Уже ходили слухи о погромах. Соня пошла к ним. И тут в первый раз (потом это всюду повторялось), в самый страшный момент — вдруг все смешно, рот — до ушей, и — мужикам со смехом:

— Ну, здравствуйте.

А те стояли, было молчали, тучно. Но тут — тоже до ушей:

— Здравствуйте, княгинька. А мы пришли... Вот кузница у вас без последствий стоит. А у нас кузнец без дела. Так нельзя ли, мол, вашу кузницу занять?

— Думаю, можно. Вот брат вскоре приедет, тогда окончательно скажет, — спокойно.

И гул:

— Ну вот, вот спасибо.

Вся история Гриши. Сиденье княгини, князя. Комиссары в доме. Однажды приехали за вещами и на фронт. Набрали в доме целую кучу платя: Гришино, Петино, княгини, Сони. В гостиной навалили на полу огромный ворох. Во время обыска — на комод «тэдди» со смешными выпученными глазами. Комиссар рассмеялся и стал другой.

Сейчас раскроют сундучок, где шелковые шарфы. Собралась прислуга в дверях, стоят молча. Соня открыла сундучок сама: чтобы зря не пропадало — стали три комиссара раздавать прислуге. Дележ. Споры, ссоры у комиссара. Прибежала сидевшая внизу, на подводах, комиссарова жена. А Соне опять — смешно: сидит в уголку, курит папиросу. Шукин (комиссар):

— Ну вот вы галдите. А она сидит себе папироску курит. Что, значит, воспитана в хорошем отношении...

Мужики:

— Что это, Софья Андреевна, никак твои юбки везут?

4. Новый комиссар Мишин.

Настоящий коммунист. Рабочий-монтер. Никогда не улыбается. Огромная голова — и так: будто одна голова прямо на тоненьких, в обмотках хаки, ножках. Такой он, если

вспомнить его, не видя. Однажды всех комиссаров вызвали в Бирюч, в город. Соня видит: вернулись оттуда — и Орехов, и все — какие-то мокрые, тихие, вежливые. Всю ночь возились. А наутро — приехали извозчики и увезли комиссаров и все их (княжеское) имущество. После них Соня, Петя, Дуня — мыли, скребли. Увезли воз грязи и сору.

Мишин всячески хочет загладить то, что сделали другие комиссары. Присылает за Соней лошадь (Соня говорила ему, что надо внести — революционный налог 50 000, а денег 800 рублей). Мишин написал записочку — налог сняли. Зашла к Мишину: он живет с отцом, седенький чистенький отец. Странно: у них — отцы.

Приехали домой: телефон. Мишин справился — благополучно ли доехали (ехали ночью, кучер — мальчишка-красноармеец; Мишин дал ему браунинг и тут же учил — впервой — как обращаться с браунингом:

— Так, вот так, отодвинуть).

Петя поддразнивал Соню:

— Тебе Мишин опять звонит.

Мишин звал (святки) на спектакль, маскарад и обед. После спектакля повел за кулисы, знакомил. Пустой, желтый, унылый зал. Керосиновые лампы. Музыка: флейта, труба, барабан. Кругом маски — жуткие. На другой день обед: комиссары и две комиссарши. Одна — с вытянутым вперед рыльцем, как у муравьеда; другая приплюснута, как будто на ней два года сидели, в розовом платье. Все — во все глаза — глядят: как ходит княжна, как пьет княжна. Потом пели «Среди долины ровныя». «Муравьед» потребовала «Интернационал» (она в сером свитере). Запели. Она вдруг подсела к Соне и ни с того, ни с сего:

— А у меня вчера мать умерла.

Соня поняла:

«У нее — мать, она — как и я».

— Ну, а как же, ведь вам же, должно быть, тут сидеть вот и петь...

И «муравьед» весь вечер ходила за Соней. И крепко жала ей руку на прощанье и что-то все хотела сказать — так и не сказала.

Еще один раз Соня встретила в Бирюче Мишина на автомобиле. Соня на розвальнях ехала домой, спускалась к Шеломе.

— Поедемте-ка на автомобиле.

— Нет, я по реке — ближе. А на автомобиле — по льду... я не знаю, опасно.

— Опасно. Я поеду.

— Не ездите, еще провалитесь.

— Я? Увидим.

— Увидите. Прощайте.

Соня поехала по льду. Через час — «ту-ту-ту» — Мишин на автомобиле. Пересадил Соню к себе. Розвальни отпустили. Приехали в деревню — в Карачуницы. В избу к мужикам. Мужики в углу — Соне:

— Ты что это? Кого привезла, а? Они арестовали тебя?

Угощали Соню яйцами, молоком, а комиссару — не-ет. Соня отдала ему свое молоко и яйца; ей дали другое. Мишин с крестьянами не умеет говорить (example).

Дома Петька опять подтрунивал над Соней:

— Твой-то Мишин. Это ведь он нарочно — на автомобиле. Перед тобою форсит.

Еще одно какое-то свидание с Мишиным. Мишин суров:

— Вы — мой классовый враг.

Соня смеется. От Мишина анкета о числе коров, свиней, кур и прочее. И в том же конверте — письмо:

«Софья Андреевна.

Я знаю: вы — мой классовый враг. И я, быть может, погибну из-за этого, но я должен уведомить вас, что я вас люблю. Я не могу. Прошу завтра доставить анкету».

Соня привезла анкету — и разговор о любви (чуть-чуть) между анкетных коров и кур. Соня:

— Вы первый из коммунистов — очень честный, и вы мне нравитесь. Но это — я не знаю — это же не любовь, вы понимаете...

И ресницы вниз, и у Мишина — сердце — вниз. Тихо:

— Ну, тогда я уеду отсюда. Я не могу. Я устроился, перевез отца. Вызывают желающих партийных на Кавказ. Я уеду. Ну, скажите мне что-нибудь на прощанье.

— Будьте чистым — таким же, и хорошим, и...

— И что?

Соня повела плечами:

— Ничего.

Через день Мишин уехал. И в тот же день Соня опять была в городе, встретила отца, и отец Мишина рассказал, что он хотел в себя из браунинга, но он вырвал. И вот опять:

— Ах, какая я мерзкая...

Деревня.

Подрядчик К-й строит дом. Водил княгиню на леса и снизу поддерживал ее под локоть — вытягивал руку все выше, и наконец:

— Извините, ваше сиясь, рука вся вышла-с.

Он же говорит:

— О, это человек. У него денег — несколько, — палец вверх, — куры не клюют.

Или:

— Все сделано-с следующим образом, как подобает.

Дуня несчастна. Толстая, грудастая баба. И все с ней несчастья, каких ни с кем не бывает. Муж-пьяница помер — вдруг начал раздуваться, никак в гроб не уложить. Ну, уложили. А он в церкви, в обедню, все пухнет и пухнет, из гроба выпирает. Что делать. Коммуниста (решительный) Щучкина позвали: взял крышку, наложил, приплюснул. Как брызнет из него, из мужика-то. Потом лошадь сбесилась: стала себе коленки грызть, пала. Дуня об землю хлопалась, выла, груди себе рвала. Потом: кобыленке молодой волк на загуменье промеж ног все обгрыз. Ну, выжила. Потом — корове ее другая рогом кишки выпустила; зарезали. Потом: изба сгорела.

Председатель волисполкома Штучкин (Щукин), раньше пуговицами в Апраксином торговал. Мужики им довольны:

— Ничего, хороший — взятки берет.

Все берут. Судьи берут...

Волисполком. Красная, кирпичная просторная изба. Телефон. Столы за балюстрадами. Пусто.

— Где председатель?

— А они тама, у себя, в канцелярии, — баба в железнодорожной тужурке.

«Тама» — три кровати, и на всех — одно: задранные на спинки кроватей подошвы валенок. Лежа:

— А, а, Софья Андреевна. Здравствуй, — лапу с кровати.

Больные. Тифы. И неизвестно что. Соня лечит вслепую. Придет в деревню; сейчас все узнают, и бегут белоголовые девчонки:

— Софья Андреевна, тебе мамка велела зайти к бабке нашей, к деду... к маленькому, маленького поглядеть...

Изба. Влево от входа — под одной крышей с избой двор, корова, поросенок. В избе — тяжелый дух, печь, горка с посудой, лавки. На лавке, возле печи (натоплена, хлеба пекут), под овчиной, старик.

— Ну что?

— Да вот с Ивана Постного (все больше с осени, с Ивана Постного) пищи не принимает.

— До ветру ходишь?

Маленький:

— На ножке у ей желвачок растет.

— Насморчек у него как прыснет — все в нос гудит.

Маленький спит в дыбе. Соня берет на ручки — пальцы коротенькие — лягушачьи лапы — поднимает их, гладит, маленький все так же спит.

Лечат больных ужасно. В раны: табак, деготь, колесную мазь, паутину, керосин. И приходят уже с флегмонами. Или везут больных к знахаркам-волшвам. Те шепчут, затыкают раны красными тряпками.

Умирают спокойно, деловито. И никто — ни умирающий, ни кругом — не волнуется. Мать умирает — делает распоряжения. Наказывает вынуть платья, выбирает, в каком хоронить.

— На этой кофте сзади заторка. Ну, ничего, не видать будет. А платье вот это вот, с горохами.

Дочь:

— Платок-то больно новый. Ты бы, мамка, себе постарее взяла.

Мать:

— Нет, ты уже мне не перечь. Желая, чтоб в этом.

Умерла. И 40 дней над избой на шесте вьется белая тряпочка. Разбивают на перекрестке ближнем глиняный горшок. Вытаскивают покойницу на кровати на улицу и носят к домам, где живут родные. Переваливается на подушках голова. Принесут к избе, и причитанье. А из окна — тетка — и причитанье в ответ... Потом сжигают перед домом кровать.

Мужики недовольны:

— Раньше, бывало, хоть веревочка, да моя. А нынче... Вот избу отбирают: лишняя, мол. А того не поймут, деревьях, что мне осенью сына женить, выделять. Где ему жить?

Выборы в Учредительное собрание.

— Да нешто мы знали. Мы все за № 6 подписались, а какой-такой шестой номер... Неграмотные мы. Выбрали Стеньку Телепневского, дали ему доверенность — ну, он нас всех, огулом, за № 6 и подписал.

— Медведь — он ничего-ничего, а потом как растревожишь его — взревет да пойдет ломать, держись.

Октябрьский праздник. Приказ: не работать. Коммунисты ходят и строго смотрят, чтоб не работали. Как ушли — мальчишку сторожить, а сами — за работу. Пасха: коммунист Тимошка в церковь не пошел. А хочется. Пришел к церкви, плошки зажигал, стрелял.

— Ты что же, сукин сын, в церковь не идешь?

Мрачно:

— Нельзя мне. Я человека расстрелял в Бирюче запрошлый год.

Съезд беспартийных в Бирючах. Как насели-насели на коммунистов. Хотели, однако, запротоколировать коммунисты, да в чрезвычайку. Куда! Такой гвалт. Баба вскочила, визгливая, руки в боки:

— Ты в галифях ходишь, думаешь тебе спуску дадим?

Мужик:

— Как какой коммунист либо красноармеец этакой, из ихних, один вечером забредет, так бывает, конечно... Пропадет — и как в воду: вошел в деревню, а не вышел. А почему, кто...

Малый длинный согнутый — будто торба к спине приросла.

— Наша команда. Вот наша команда и довела.

«Беда». О ней еще писал Олеарий.

— Почему?

— Да так, на телеги у нас моды нету.

Телега двухколесная. Сзади — выгнуты корневища, к ним «спицы» и спицы кругом. Едет старик в «беде», болтается голова с каждым шагом лошади. На спицах позади — валенки или сапоги наткнуты. Баба — амазонкой на лошади.

Зимою огня нет. Сидят с лучиной. Откопали где-то железные светцы. Девчонка сидит при лучине. Мигает, глаза ест... Девки собираются на «супрядки» при лампе (одна на деревню).

Слух прошел, что в соседней деревне появился «тайный агент». Так он и сам о себе говорит:

— Коммунист и тайный агент.

Перепугу было. Потом глядь, тайный-то агент Федька Шелуха, Матрены Кривой сын из Страшниц. Ну, тут уж по-другому. И бумагу из волости так и написали: «Федьке Шелухе...»

Оратель приехал. Оратель должен говорить перед спектаклем. Вышел, высморкался трубно.

— Ну вот, значит, товарищи, как я, стало быть, имею мандат говорить, то я должен вам сказать... — еще раз трубно. — Как мы, стало быть, собравшись в нынешний день, как таковой, то я желаю вам от всей душе самого наилучшего в текущий момент.

И речь заведующего Отделом Компроса на открытие съезда шкрабов:

— Вот, товарищи, я прибыл к вам с вокзала. Исполняя обязанности борьбы со спекуляцией, мною реквизировано 5 пудов яблок: 2 — антоновок, 1 — молдаванки и прочие — летних сортов. Вчерашнего же числа мною представлено в Комдезертир 4 преступно покинувших славные посты в рядах нашей доблестной Красной армии — при следующих обстоятельствах...

И ни слова о просвещении. Ни разу не был в школах.

Объявление в Исполкоме:

«Граждане не умеют вести себя в данном советском учреждении, разлагаются на столах, и некоторые даже спят...»

— До того пьян, что двое ведут, а третий ноги переставляет...

Тетья Луша. Старушка — маленькая, веселая, голос звонкий. Говорит — поет. Живот под фартуком. Всех ребят называет: «Доченька», «Сыночек» (своих нет). Повела в сад.

— А тая яблоня — вона курносая, на ей яблоки горазд сладкие, поспеют — ни чем хуже лимона. А у этой — ноги, видишь, нету, хромая, а плодущая, ту-ту. А эта — молдаван. А тая вон — грушовка. Как поспеет яблоч-то, так лицо у него круглое до милое. А у молдавана — красное.

— А тут «вишенье» было, да все его высекли. Все Васька мой: ходить ему, вишь, мешает.

— Горох только вырастет, станет махоньким этаким щелобком — а уж ребята...

— Ахтиньки.

— Обабки — на березовой лядиньке.

— Пшона пригоршоночку.

— Волос пястку на себе выдрали да о землю.

— Сам себе избу шил, отломиться от нас хочет, брат-то Васька.

— Бабахи из гороховой муки на снегу сострою.

— Страхота Господня.

— Крестный ход — народу-то несколько-несколько — дух вон — сколько.

Вася Маклаченков.

— Коммунисты, что же, кусают, да не гораздо. Пушай берут, мы все равно работеть не будем.

— Переделили обчеством. Остались мы на кривой меже. Только и есть — межа да разор, ну вот какой после сохи остается, сохой проедешь раз — разор. А по полосе — бороной-то и не проехать. Ну что будешь делать? Палкой делили.

— Межу разделили, а полосу хорошую — под дорогу.

— Е. (есть), нет.

— Семка Никашкин от белых вернулся. Дак мамка его уже Василию-страннику его шапку отдала: «Поминай, грит, мово Сенюшку». А он и вернулся: так этак о шапке горевала — ту-ту! А Сенька: «Что шапка. Я бы к одним стенам голым от белых вернулся».

— Все до чистечка пляшут молодые, и пальцем этак грозят, и ногу выставляют...

Свадьба. Пропой.

С закута-кута, с заднего угла,
Повыйди- выступи, княгиня молода.
Княгиня молода, Марья Михайловна,
Приди-погляди, себя покажи...

Она не выходит. Ей дают платок. Деньги. Поет:

Сдался родненький мой батюшка,
Сдалась родная моя матушка
На ихнюю золоту казну.

Стучат в ворота к крестьянину. Зима. Холодно.

Что на есть ворота-воротечки
У мово крестового батюшки.
Не зноби-кося, крестовый мой батюшка,
Открой мне окошечко ковельчато,
Открой мне ворота-воротечки.

Не дивуйтесь, не дивуйтесь, люди добрые,
Не княгиня то идет, не боярыня,
Иде сиротинушка горькая.

В баенке (около — поют подруги, ждут выхода):

Не парилася горькая сиротинушка,
А прохлаждалася,
Слезы горькие лила в мыльной баенке,
Смывая красу девичью,

Не мыхайтесь, не шатайтесь,
Дубовы столы.
Не мыхайтесь, не шатайтесь,
Браны скатерти.

Сходи, родной батюшка желанненький,
Запри широкие воротечки,
Запри косельчаты окошечки,
Не пускай чужих чуженителей,
Чужие чуженители-разорители
Разорили мою буйную головушку.

Плач по покойнику:

Моя родна матушка,
Промолви хоть единое словечушко,
Прогляни свои очи ясные
На меня, горькую сиротинушку.

Залети, родная моя матушка,
Залети светлой пташечкой в светлицу
Ко мне, ко горькой сиротинушке,
На остатнюю одну минуточку.

Пока носят покойницу от дома к дому — ребята раздают
кусками пирог, сытой поят.

Частушки:

Во садочке, во лужочке
Позавяла травушка,
Последний раз с тобой сидим,
Прощай, моя забавушка.

Интересная травинка
В полюшке метлиночка,
За чужих стрижаться бросил,
Моя ягодиночка.

Одна звездочка упала,
И другая упадет,
Мне цветочек письма пишет,
На побывочку придет.

Спасибо коммунистам:
Хлеб навеянный едим,
Щи несолны хлебаем,
Без огонечка сидим.

Своего дорогого
До вокзала провожу,
Свою буйну голову
На рельсы положу.

Не пиши, кудрина, письма
Ты на Парховский вокзал,
Пиши на Шивницкую волость,
Чтобы батюшка не знал.

Мой родняха в дезентирах
В полюшке скрывается,
Как увидит коммуниста —
Сердце разрывается.

Не найти такой березки,
Чтобы дождь не замочил,
Не найти такого [нрзб],
Чтоб никто не разлучил.

Красотой не поношуся,
Есть красивее меня.
За характер я возьмуся,
Не найдешь лучше меня.

Дорогой, не виновата,
Что не рядышком живу.
Мы один одного любим,
Только виду не даем.

Берестовые кусточки —
То свидетели мои:
Мой цветочек уговаривал —
Стояли в стороне.

Не люби, подруга, дальнего,
Цветок дальний — сухота.
Люби своего деревенского,
Увидишь навсегда.

Женись, моя зазнобушка,
Тебе добрый путь.
За любовь сошью рубашечку,
За страданья вышью грудь.

Бараниха Тимофеевна.

Егор-перевозчик в нежно-розовых лохмотьях.

Яровые. Черное Заханье. Оленино Заханье («черное» — оттого, что люди живут черные, вроде цыган). Карачуницы. Большой и Малый Храп. Пирожок. Дристовка.

Марья Васильевна. Живет в избе одна, с курицей старой. Нищая, гадалка. В малиновом повойнике под платком. Глаза — будто спит с открытыми глазами. Нос — репкою, табак нюхает. И все «гомонит-гомонит» об одном, потом перескочит на другое — и опять. И крестится все: начнет креститься и не кончит — гомонит.

— Лет-то мне да уж 80 или 90.

Палец болит, завязан:

— Степка, работник-то ваш урек меня, с глазу съел: тка-ла я, веретено наткнулось.

Гостю, уже лысому, говорит:

— Друга-то мельника я знаю, а тебя нет.

Гаданье:

— 32 карточки ложитесь, мне всю правду доложите. Для сердца — бубновое удивленье. Для дому — прибыль от виновного короля. Что случится: свадьба, интерес крестовый. Дальше дорога, письмо. Для бубновой дамы великая скука... Для сердца бубновой дамы — великий испуг.

— Ах ты, мой дитенок приятный, — попался как черт в горохе.

— Спасибо.

— Нет, детенок, за гаданье благодарить нельзя, а то не сбудется, али не знаешь.

— Ты грамотный. А я сижу, что валуй в лесу (гриб).

— Я погомоню, тебе не так скучно будет.

— А молодой ихний парешок на студента учится.

— Помяни, Господи, Иоакима и Анну, Ивана Богослова, друга Христова, Пятницу — нареченную невесту Христову, Зосиму Савватия — братьев-разбойничков...

— Посплю чутельки.

— Богу молюсь, что вокат (адвокат) за Саню.

Саня Сюсина — глухая, и все тихо делает: муж ее за это бьет смертным боем: вешаться хочет.

— Якимов-то малец, сшил ему так, что Мать Пресвятая Богородица. Ешь твою мать. Слушает, греховодный.

— Змея, от Христа проклянувшая, весь век на черевах ползает.

— Как на сход придет — так все его удобряют: бояться.

Миша-Турка. Митиха.

Никому он худого вреда не делает.

Все подхалюзники.

Лемеша надеть на плотиво.

— Младенчик такой удобный, что Христос...

Марья Васильевна — тетка Машка — грибы в лесу ломала. Мокрая вся от росы. Вдруг навстречу ей солдат:

— Здравствуй, тетка Машка.

— Что-й-то не признаю тебя, сыночек.

— Это Гриша.

Как взрыдает Марья Васильевна:

— Гришенька, батюшка.

— Ну, тетка Машка, бежать надо дальше — видишь, ружье-то. Прощай, дай тебя поцелую.

— Да мокрая я, батюшка.

Дал ей 3 рубля:

— Молись Богу, чтобы мне живу остаться.

Марья Васильевна побежала на село.

— Миряне, Гришеньку, князя молодого расстреляли. Да что же вы набат не бьете.

А мужики молчат, хмурые.

— Не наше это с тобой дело.

Носила Марья Васильевна записочку в лес Грише, пищу. Приходила в дом, в Ключи — нищая, больная будто.

— Так и тужу, так и тужу все да охаю. А сама комиссаров этих — боюсь, тошнехонько.

И когда Соня была одна, больная сбирала подаяние и приносила ей: соли, сахару, хлеба, круп... Придет к Соне вечером — начнет «гомонить», глядишь — и улыбнется та.

— Пришла я к Гришеньке в лес, как завоплю его: Гриша. Да вспомнила: нельзя. Ах, думаю, дура, ешь твою мать.

Соня одна. Князя в тюрьме. В доме — постой.

Комиссар Щукин — проходил в дверь, открывая ее ровно настолько, чтобы пролезть: не больше.

В доме был громоотвод: все думали, что это радиотелеграф. И вообще, кажется, каждую минуту думали, что вот-вот она нажмет какую-то кнопку — и все взлетит...

У одного из бывших в доме во время обыска проверяли документы. Паспорт читали-читали. Прописан в Адмиральской части. Комиссар спрашивает мрачно:

— Вы что же, значит, адмирал будете?

Однажды Соня спрашивает Колоху:

— Не скажете, ради Бога, может быть, вы что-нибудь знаете. Ведь можете же вы помочь хоть чем-нибудь...

— Да что же, я, конечно, могу... Что же сказать... Я, знаете, с ног сбился, ищу труб.

— Труп? Чей? Чей? Ради Бога!

— Труб железных надо к печке. Так вот, если дадите, я, пожалуй, помогу... А только вашу мать и расстреляют — не понимаю: что ее жалеть, ведь она — преступница.

Однажды торжественно снизу приходит красноармеец, просит «на заседание». Соня приходит. Оказывается, заседание насчет того, чтобы купить у ней хомут:

— Все равно у тебя не нынче-завтра отберут...

Ночь. В доме: Соня и Евдокия Семеновна. Прислушиваются к шорохам: а вдруг придут громить. Однажды легла спать. После бессонной ночи сразу крепко уснула. И вдруг проснулась: светло. Неужто — утро. Глянула в окно: горит деревня на другом берегу Шеломы.

— Помогите нам спектакль устроить — я освобожу вашу мать. На спектакль и приедет.

Соня — в лихорадке — репетирует, гримирует... 6 часов... 7 часов...

— Ну, что же мама?

— А она не придет. Вы неужели поверили?

Колоха — об арфе:

— А это что же — рояль разобрали, что ли?

Красноармеец с винтовкой — часовой — слушал-слушал арфу, головой помотал:

— Чисто в раю, ей-Бо.

Колоха в костюме Гриши.

Красноармейцы внизу играют во «вшиные скачки»: круг из бумаги, пускают в центр двух вшей, какая скорей до окружности добежит.

Князь освобожден в Москве, приезжал в имение тайком. Соня пешком бегала в Бирюч — разузнавать: какое настроение, не ищут ли его. Сидели в темноте. Однажды взяла браслет, продала его и купила четверть керосина в плетенке. Мужик какой-то из Бирюча подвез версты три. И потом тащила 10 верст бутыль: за уши — неловко, на спину — нет, не выходит, на голове (смешно стало). У самых Ключей на гололедице скользнула, упала, бутыль разбилась... Так горько — так горько.

Сон — не настоящий, а так — тюлевый.

Пришла, а князь зовет чай пить — а у ней ком в горле, и нельзя так идти, нельзя. Взяла, накалила на свече железную линейку докрасна, приложила к руке пониже локтя, на сгибе — такая боль. И заглушила горечь. Перевязала платком руку, вышла...

Корову кормить нечем. Поговорили-поговорили с Петей: делать нечего, надо идти по деревням побираться. Пошла к староверам — в Большой Храп. Старовер разжалобился, пошел с ней по дворам. Приходил во двор с Соней, рассказывал все: вот отец помер, мать в тюрьме, корова голодует. Соня стояла и слушала. Бабы ахали:

— Ах, тошненько. Ах, сердешная.

Валили и сено, и солому. Кормили. Спор: кому везти ее и дары. При входе старовер одобрительно:

— Здравствуйте, добрые люди.

Все бородатые, рослые. Избы двухэтажные. Иконы тисненые.

Комиссар — незаконный сын. Мать померла. Один на всем белом свете. Барыня-помещица сжалилась, поместила в школу, начала учить. Борис — способный, учиться охота. А потом барыня уехала в Париж, забыла — и Борька на улице.

Хотела помочь жена одного из братьев Сони — и тоже забыла: в Питере. И Борька остался недоучкой. Озлобился на бар страшно. И когда пришла революция: мстить, мстить... От того и был так жесток с Соней. Потом признался:

— А я думал — вы та самая, какая хотела меня в училище содержать.

И все мягчел. И как-то однажды весной, в лесу, вдруг лопнула кожаная куртка, и из лопнувшей куртки вылупился человек. Рассказал Соне всю свою неудачную жизнь. Жена — бывшая горничная, распутная, ленивая, никогда ничего не читает...

— А я книги люблю, говорить о разном... ну, понимаете... Ну вот, одним словом...

Сморщился, потер лоб. И увидела Соня: на глазах у него слезы.

Приходит раз Евдокия Семеновна вниз в зал: Соня с Петей вдвоем в огромной пустой зале, танцуют под граммофон.

— Да что вы, спятили? Мать в тюрьме.

Петя сел на скамейку, заплакал — первый раз за все время.

Сидели без сахара. Кто-то принес 5 кусочков: 3 Соне, 2 Пете. Проходит неделя: Петя подкладывает за чаем свои кусочки Соне. Не ел, сберег.

На арфе: Куперена, негритянскую колыбельную.

И новые погромы имений: громила самодемобилизующая армия. Дикая дивизия Корнилова. Однажды вечером подъезжают к дому конные. Переполох. Оказывается — из корниловских частей. Офицеры заняли дом. (Амилахвари.) Так опять уцелели от погрома.

Тикают часы сухо. Ветер. Налево (за окнами) треплется береза — в лохмотьях. В окне стекло разбито: ветер напирает на дверь — и из коридора никак не открыть двери. На полукруглой веранде, на плитках — озеро, отражается луна.

Молоко в ночном горшке.

— Как объявили волю-то... Митиха прибежала, кричит: «Так недомолотили — ушли все». За матушку я на барщину ходила.

Десятина — 60 длиннику, 40 — поперешнику.

— Рожь сжала я: снопы — солдат да солдаты обрыты стоят, вот до чего чисто...

— А куды идешь — все перекрестись да перекрестись...

Пирога — «комлол»: долбленка. Дикарская.

— Шли мальчишки. А тут эти самые телефонные струны валяются, обрезаны. Ну, подняли, стали баловаться. И прямо ему в глаз — Сеньке-то. Прибежал: кровь льется. «Мамка, — все говорит, — спать хочу». Открыли ему миговку-то, а там — все красное-красное, одна облонь белая, а то все красное. Горе-то, горе. Только молодость его наряжается, а тут...

— Приехал какой-то из города: чтобы к субботе дров к реке навозили. А мы отперлись: пахать надо. А он говорит: «Я вас сокрушу». Тут молодичка выскочила: «Как, — говорит, — ты нас сокрушишь?» Да все загалдели, он и подался.

— Тетка Олена прошлое лето померла. 130 годов. 40 лет ни мзги не видела. Один-то глазок на пожне соломинкой выколола. А другой — внучек ей ногтем ткнул — тоже вытек. Так все плакала: «Молитесь, миряне, чтобы Господь меня собрал от земли. Забыла меня смерть...» А сама сухонька, костки все наружу, а чистенькая ходила: сарафан красный, юбка синяя, а голову, как молодичка, повяжет. Я ей: «Что это ты, тетка Олена, молодичкой повязалась?» А она: «Жарко гораздо, а этак-то ветер ушеньки продувает, легче».

— Дядя Леша, 110 годов. Выйдет на улицу, станет молодых корить: «Раньше, мол, лучше жили. А вы и земли поделить не умеете. Межи ломаете...»

Шарик. Огромный лоб, прикрытый кудрями. Читает Библию:

— Вижу я: стало у нас похоже на Ветхий Завет. Верно. И Бог-то... Как он тогда велел Моисею истребить 500 сынов Вааловых...

— Малая доза, большая доза.

— В хомуту мы: шею повернуть можем, а чтоб вынуть — нет.

— А мне наплевать, что у тебя три дома, только бы моего никто не трогал.

Об отбирании скота:

— По корове на 2 едока. Ладно. Так вы посчитайте, сколько у нас в деревне едоков всего и сколько коров да тогда и отбирайте. Ну, и отперлись.

Согласия нет между мужиками. Друг дружке завидуют, друг на дружку доносят. Теперь-то перестали.

Шукин — плетью порол.

Девочки — длинные юбки и кофты, одеты совсем как взрослые: маленькие бабы.

В Пушкинском. Тригорские срубили дуб из Лукоморья и продали за два с полтиной.

Престол. С утра крестный ход: Никандр преподобный пришел, пролезть под иконой...

После обеда «ярмарка». Теперь уже только — название старое и старый гомон и гул: торгуют только бражкой. Сперва гулянье по обсаженной березками и выметенной улице. Изредка мелькает старуха в малиновом сарафане, две в гречневике: девки и молодые бабы — по-городскому в выменянных шелковых платках, газовых кофтах, иные в калошах, с зонтиками, иные в белых вязаных перчатках. Парни — в брюках (хаки) на выпуск, картузах, шляпах пролетарского вида, с тросточками.

Парни посредине улицы... их все гуще, все растет. Из конца в конец с гармошкой и «страданиями», что издали похоже на собачий лай. Потом выделяются львы-гармонисты: около каждого куча девок, пестрых, пасхальных. В каждой избе — самовар на столе, бабахи, пироги, масло, «латка» с бараниной и картошкой, яичница — и из гостей в гости, из дома в дом.

Молодая:

— Какая у тебя теперь Ньюшка. Ты об Ньюшке забудь.

— Вы тогда спасибо давайте, когда поедите.

Перед едой молодая обходит всех с чашечкой воды: плеснет на руки и каждому салфеточку вытереть руки.

Громадные лица у девок.

Скатерть самоделковая — зеленая с оранжевым.

Русская в избе — пол, чашки звенят, на комодке все ходу-ном...

— Ишь, когда ее хвалят, так нравится ей, ажно уши смеются...

А вечером — у моста. Девки приходят толстые: какая в трех, какая в четырех платьях; за кустиками скидывают одно за другим и появляются все в новых. Танцуют на мосту через Шелонь: гладко, удобно.

Мужик в пьяном виде пустил дочери (поперек сказала) заряд дрови в спину.

После Октября — передел земли, по едокам. Три брата. Старший бездетный — земли у него больше, у младшего — куча детей. У старшего отбирают землю; бодается. Кое-как, будто, уладилось. Вечером втроем пошли в баню; стал старший отказываться землю отдать — и двое младших искусали его, ляжку изгрызли и щеку.

Сход зимою в избе. Полно: на лавках, на печи, на полу. В тулупах, кафтанах. Лучина.

Рвут зубы: привязывают зуб к грядущке саней — и раз по лошади.

Угощают:

— Кушай, жадобный, кушай. У нас вот тоже недавно один из плена вернулся домой, на хлеб мягкий накинудся. Да как живот ему вздуло — через две недели и помер. Кушай, голубчик, кушай...

«Удостоверение.

Выдано гражданке села Голубово Копытолине Ухаркиной в том, что у ней нету дровней, каковые отобрал комиссар Расписаев. Последние дровни, посему я растерялась, они у меня совсем плохие. Посему я прошу вас возвратить назад, каковые находятся в Ключах. Мои дровни, я свои желаю возвратить назад. В этом и удостоверяется.

Деревенский советский член Иван Васильев и Обчественный председатель И. Забелкин».

Суд над Соней за то, что собирала хворост в бывшем своем лесу. Из публики:

— Да лес-то чей? Ейный. Ну так что же?

В деревне — сбежавшая из Питера от голода консерваторка Валентина Петровна, брат-студент.

— Ишь ты какая. Видать в ней 5 капель господской крови есть.

— Полтинники-то твои протри маленько.

В поезде. Света нет. В полумраке разговоры. В одном углу — скопские: смех, сами над собой посмеиваются, но в обиду, видать, не дадут.

— Скопской — известно. Человек — он всегда человек, а черт — он черт и есть. Скопского спрашивают: «Да ты из какой губернии-то?» А скопской уже чует и сразу обиделся: «А тебе какое дело?»

А рядом вплетается как мелодия в мелодию в фуге — другой разговор: мужик — о власти.

— Кабы землей удовлетворили всех правильно — это так. А то ведь пустые стоят земли. Сердце болит.

К рассвету — все заснули. На лавке напротив все — на лево, всех четверых смело влево, и головы друг другу на спины — как рожь пригнуло дождем.

В бутылках — холодный советский кофе. Утром, намочив полотенце, помылись кофеем. И того же холодного кофею выпили несколько глотков.

Под пальто холодно: на ноги натянуть — плечам, на плечи — ногам. И придумал: ноги в рукава засунул.

На заре на какой-то станцийке запел за окном петух — и неожиданно откликнулся под скамьей в мешке один, и там в углу другой, молоденький, и в соседнем вагоне...

Баба сидит, грудастая такая. Говорит:

— Сейчас идут — идет багаж осматривать.

Баба засуетилась. И вдруг в грудях у ней курицы как завохнут: из одной груди куриная голова высунулась и из другой тоже. Батюшки.

— Будьте спокойны. Ваши вещи совершенно пропали. Нечего вам и беспокоиться больше, ходить.

Народный театр.

Да, он должен воспитывать, как древнегреческий. Но в древнегреческом театре не только пели зрителям оды, но и нещадно смеялись над ними, если это было надо. В воспитании — две стороны; у нас же только — одна.

Литература.

...Вот отчего литература молчит: она не может говорить правду, а полуправду — не хочет, честная ее часть.

«...множество юрких авторов. ...из Народного театра... стр. 49. Вот та, кого истинный... благоговения к революции и к искусству одновременно... такого декрета. ... декретов мы, к сожалению, не читали. У бойких людей (все они бойкие — отнюдь не рабочие), взобравшихся на верхи, — еще живо старое, дворянское, презрение к народу: в искусстве для народа годится и третий сорт, лишь бы этот третий сорт был полезен для революции, которую надо завтра вынести на митинг. Тысячи городецких и трахтенбергов. Вчера эти люди устраивали коленопреклонение. «Сретение царя» — не меньше коленопреклоненно новому хозяину. Если лакеи были в духе и стиле Николая II, то они совсем не к месту в пролетарском государстве и в пролетарской литературе. И тем не менее поощряется исключительно угодническая литература, исключительно одописцы, исключительно ослы, прибегающие лягнуть мертвого льва — буржуазию. «И я его лягнул». Какая, подумаешь, храбрость, какое величие души. Вот — если ты писатель — ты посмей не ползать на брюхе перед могучим львом, посмей ему прямо взглянуть в глаза и сказать: «Да, ты юн и силен, но берегись идти по стопам вот этой мертвой, теперь беспомощной, но когда-то хищной и жадной твари».

В Китае был период, когда преследовалась письменность.

Футуристы... провалились. С ними поступили так же, как с левыми эсерами; использовали их — затем выгнали за дверь.

Имажинисты. Имажинисты напоминают мне стиль эпохи Сёра...

«Если б я не боялся смутить воздух Вашей скромности золотыми облаками почестей, я не мог бы удержаться от того, чтобы не убрать окна здания Славы теми светлыми одеждами, которыми рука похвалы украшает спину имен, даруемых молвою созвездиям превосходным» (Из послания Пьетра Аретино к герцогине Урбинской).

«Рука похвалы», «спина имен», «воздух скромности» — это как раз имажинизм.

Образ должен помогать восприятию, а не затруднять его. Художественное произведение как механизм имеет свой художественный коэффициент полезного действия, и чем выше он — тем выше художественное произведение(?). Образы, сплошь содержащие язык эпохи или среды, музыка слова — инструментовка и ритм — все должно облегчать, углублять восприятия, но отнюдь не затруднять его, утомлять читателя. Как правильно пользовался иногда образами Чехов — отвлеченных понятий, — выбирая различные материальные образы. Имажинисты просто близоруки: они без всякого чувства меры проводят систему образов в мелочах, в деталях, упуская из виду, что гораздо ценнее образы не скульптурно-орнаментные, а архитектурные. Ех. — Клюев, Блок. У Аретино: «плечи сердца», «грудь духа», «пальцы чернил».

Неужели у русской литературы впереди только великое прошлое.

Они немножечко дерут,
Зато уж в рот хмельного не берут.

Вся литература строится теперь на этом принципе.

Все.

В камере настоящий чай. И это ощущается как раньше — цветы, музыка, театры.

На улице — ветер. Несутся клочки бумаги, трамвайные билеты.

Телеграфист написал 8 фунтов стихов.

Покойники грабят прохожих за Невской Заставой; мешочников — под Обуховым.

Ангелы. Ангел пришел, свел корову.

История с чертом, родившимся от коммуниста.

Всеобщее обучение. Женщина рассказывает:

— Пришел жидок какой-то, стал рассказывать: на земле, мол, тела, и на небе тела...

...Френчи размножились чрезвычайно, галифе пузырились на каждом шагу. Все, свергнувшие иго царизма и борющиеся в первых рядах за светлое будущее, — обозначились френчами и галифе.

Сюжет: он и она знакомы заочно (по телефону, по письмам до востребования); она его знает, он ее — нет. Они встречаются, но он не знает, что это она же — телефонная она. И когда узнает — разочарован...

Человек в поезде, засунув в рот ломтину хлеба с колбасой, ругается:

— Черти, дьяволы! С голодудохнем!

Поезд стал. Баба:

— Почему поезд стоит?

— Паровоз меняют.

— Ай, батюшки, на что меняют-то? На сахар или на масло?

К роману («Колонны»).

Дом, на холме. Шелонь — осколок воды. Кукушки, жаворонки. Ширь зеленая. Белые колонны. Терраса. Библиотека: Вольтер, Рёскин. Пан <...> Жалейка — зеленек, Пан.

Лето 1914 года. Война. Жара. Лазарет для раненых. Трое сыновей (Гриша, Лева, Андрей) — на войну. Маленький Петя — дома (у стариков уже родился). Соня ухаживает за ранеными.

Революция 1917 года. Старик-князь в городе. Привалили гурьбой мужики, с гамьем, с ослопами.

— А-а-а! Давай!

Княжна вышла спокойно:

— Вам что? Землю? Да берите, пожалуйста. Только вы бы еще лучше не делили сейчас, а засеяли овес. Она под овес приготовлена. Ее надо только проторонить и... пройти.

И агрономические разговоры. Мужики увлеклись, и спокойные. Взяли землю (стоит пустая и по сей день).

Гришу в части солдаты любили. Выбрали. Октябрьская революция. Святки. Последнее веселье в доме с колоннами. Роман Сони с <...> и Гриши с медичкой — дочкой доктора.

Гриша устроил для крестьян в деревне кооператив, работал там. Старик князь радовался:

— Центрожизнь.

Кто-то советовал Грише уехать. Спросил мать.

— Вот раз ты тут работаешь, пользу приносишь, зачем?

Остался. Поехал ненадолго в Петербург. Беспокойство Оли (медичка). Гаданье.

За день до Рождества, в сумерки, приходит мужик и говорит:

— Ключи громят. Ключи в <1нрзб> верстах. Слышен гул. И видят: мимо Шелони, внизу, бегом мужики с мешками (распотрошили матрасы и в матрасы все: тарелки, картины, часы...), и везут возы... Ждали сами. Наутро пришли и сказали, что был сход — порешили на 2-й день (Рождества) идти вас громить.

Перестал работать телефон.

На 1-й день пошли к обедне в Ключи — княгиня, Соня, Петя. Мужики смущены. На паперти группы.

— Нехорошо, зря.

Поняла, что прошло пока.

Весна. Роман Гриши с Олей-медичкой. Убийство Урицкого. Петя в Петрограде. Пришел человек и таинственно, от неизвестного, предупреждение, что лучше бы Грише не возвращаться. Взялся сам отвезти письмо ему в Петроград (конечно, не ему, а через товарищей). Наутро Гриша приехал в имение. Княгиня утвердилась, что человек тот был провокатор. Только недоставало! И за что Гришу могут арестовать?

Наутро вызывают Гришу по телефону к следователю. А было дело насчет одной пропажи. Наверное, по этому делу. Поехал. И арестован. В понедельник — и в Петербурге должны были уже расстрелять.

Княгиня ничего не знала. Поехала в город сделать передачу в тюрьму Грише. Сидит у знакомого. Вдруг прибегает к нему содержатель почтовой станции:

— Гришу вели на расстрел. Он убежал. Ко мне. Я ему дал полотенце. Теперь он в овраге, в лесу. Если полотенце найдете, сожгите, оно с моей меткой.

Что делать?

Княгиня решила скорее домой. Но надо дать знать Соне — на случай. Звонит по телефону:

— Я сегодня приеду, — и в конце невзначай два слова: — Run away.

Та поняла.

Гришу вели. На рассвете. Его и четырех еще. Когда он понял, он бросился бежать. В него выстрелили из револьвера, но дали осечку. И уже издали попали — раздробили правую руку, пальцы. Он сбросил пиджак и перепрыгнул через саженную стену. Гнавшиеся не сумели. И он, в утреннем сумраке, городскими задами — к Оле.

Оля проснулась утром, у печки стоит, весь белый, Гриша. — Спаси меня.

Оля перевязала. Дала ему хлеба, мяса; роман. Отвезла в лес, в овраг (дала ему солдатское братнино платье).

А в доме, следом за княгиней — обыск. Тыкали всюду штыками — в шкафы, в муку. Княгиню заперли. Соню всюду пускали вперед: думали, Гриша будет стрелять, так чтоб в нее первую. Соня наконец спросила комиссара, производившего обыск (серый, тщедушный, тихий):

— Ну как человек — человеку скажите, почему обыск? Что с братом?

— Он убежал. И неизвестно, где. И счастье его, что убежал, его должны были расстрелять.

Надо ему помочь. Княгиня и Соня выйти из дома, конечно, не могли.

Мария Васильевна. NB. Вызвалась Поля, чухонка <...> (...) Оля дала знать Соне обо всем. Но ей в дом тоже нельзя прийти. Она приезжала в Ключи, и из Ключей прислала девчонку.

— Я приехала в Ключи за яблоками, а у вас хочу паточки купить и хотела бы сговориться с княжной.

Соня моментально в Ключи. И на телеге, под грохот, Оля все рассказала. Поля знала, что Гриша или в овраге, или у доктора на перевязке. Пошла. В овраге не нашла (он слышал, как хрустели ветви под копытами у верховых). Нашла у доктора и проводила его к одной из соседок — <...> (крестной). Там он сидел в часовне над могилой мужа хозяйки...

А рядом, за заборчиком, на мельнице, искали. Он слышал.

За одним обыском — второй обыск. И к ночи третий. Соня:

— Я больше не могу с вами ходить.

Во время обыска пришла Поля. Нарочно молча мимо княжны прошла, будто бы все время тут была.

— Что, ты же?..

— Нет.

— Слава Богу.

(Те видели ее и поняли бы, что она уходила.)

У дверей Тимоха. Свирепая рожа. Соня ходит с обыском. Тимоха оглянулся кругом, ослабил.

— Гришка-то, а?

— Что?

— Да убег! Ловкач! Из-под расстрелу!

— Да ты сам-то кто?

— Я-то? Комиссар у них какой-то. — И потом: — Ну, на тебе яблоко...

Гриша у старухи — крестной. Бегал на перевязку к доктору. Старуха нарочно все окна и двери настезь, мытье, чистка. Яблоки. Август.

Надо Гришу переправить за границу. Послать ему денег. Опять — Поля. Утром рано, с кошелочками вдвоем — за грибами, чтобы не заметили. Но пришла — она уже, когда Гришу отравили. Поля <...> нашла его в Пскове. А потом обратно — через границу.

Гришу крестная передела в женское платье, в платочек. И вдвоем с Олей он на телеге — в деревню возле Пскова. А там, у старообрядцев — переделся в мужское платье — крестьянином, и будто контрабандист, за коньяком.

Арестовали старика-князя. Княгиня хлопотала. Из Москвы со службы прислали бумагу — выслать его туда.

В ЧК — Крушинская. Сама расстреливала.

Приходят арестовать и княгиню. Соня при смерти — испанка. Княгиня умоляет оставить ее. Комиссар Яблочков. — Ему:

— Ну, хорошо. Ну, у вас мать есть?

— Есть. Но я к ней отношусь совершенно безразлично.

Сидела княгиня в тюрьме. Входит в камеру: там — крестная.

— Ах.

Расстрелы под окнами. За передачей в контору ходила — приходилось шагать через ручеек крови. Допрос (после 2-х месяцев).

— Как было бы лучше при Учредительном собрании или без?

— Поумней нас люди решали и думали над этим вопросом. На знаю, что лучше.

— Ваши отношения к германской революции?

— ... не удалась.

Приговор — «расстрелять» был смягчен за преклонностью лет. Три недели ждала расстрела. Торговка-еврейка за воровство — к ним в камеру. Пришла и сказала, что видела князя, когда везли в вагоне в Москву...

Княгиня: спина круглая, в тальме и черной шляпке — вся заштатная. Но говорит в иностранных словах о: «фотографии», «автомобиль».

В тюрьме, где княгиня сидела, — надзирательница на женском отделении — Сергеевна. Беззубая — ест моченые сухари; 16 лет в тюрьме. По утрам встанет — поет <...> себе под нос псалмы. Самовар — «горюн». Разговаривает с самоваром.

И вдруг к ней привели княгиню и Защекину (жену городского головы)! Так и обомлела. Как же их запирать-то? На ночь не запирала. Утром — водила их к себе из «горюна» чай пить:

— Только ради Христа в окошко не высовывайтесь!

Вечером княгиня и крестная приходили к ней со своим кофеем — ее угощали. А потом — в камеру; там княгиня читала Лескова, — Лескова очень полюбила Сергеевна.

Когда Сергеевна не в духах, псалмов не поет — значит опять «эта баба (Крушинская) за свое» — значит, расстрелы готовятся.

В камере в углу полукруглое окошечко, под ним стол. И оттуда видать двор, контору. Утром, часов в 5, княгиня встала на стол, видит: Яблочков, весь в черном, и трое с винтовками. Вошел в контору, вскоре вышел и какой-то знак — этукую спираль рукой:

— Ведите, — крикнул.

И увидела княгиня: выходит Защекин-старик и какой-то молодой человек (раньше видела, вышел этот молодой человек на двор, руки мыл и лицо, долго, старательно). Едва успела со стола соскочить — слышит трах-та-тах. Готово. Это Защекина и того молодого человека, который полчаса мылся...

Жена Защекина с детьми приходила, молила Крушинскую. Старуха — няня детей — пришла:

— Расстреляйте меня. Моя жизнь никому не нужна.

Ответ:

— Гражданка, нам ваша кровь не нужна...

Однажды Сергеевна приходит:

— Нынче у этой бабы-то свадьба ихняя. Там наварено, там нажарено!

Полы мыть к ней нарядила Сергеевна уголовных. И рассказывает обо всем с любопытством — хоть «энта баба», а все же — свадьба.

Военком Колоха жил у княгини. Бродяжничал, босяком был. (Вихор на лоб сползает.) Вернулся из города перед Октябрем: на одной ноге калоша, другая — босая. Так и прозвали Колоха. Сперва строгость — кричал. Соня (мать сидела в тюрьме) ходила по деревне побираться — корм для коровы: там дадут соломы кубач, там и два. Так и прокормила зиму. Идет Соня, а Колоха верхом едет:

— А, Сонька! Ну, что: опять побираться?

Другой — Алешка. Мазурик.

Могила князя. После обедни. Май — как Петровки. Шмели, пчелы. Яблони — в цвету. Оранжерея уцелела: персики цветут. Ободранные — черепа — дома. Мужики — с княгиней за руку.

— Ну как живется?

И новое кладбище. Дубы. Дуб — направо от входа, и под дубом зеленый, в цветах холмик, без креста даже. Княгиня:

— Князь очень дубы любил. У нас в гербе — дуб и медведь.

(Может быть, весь роман «Дубы» и начать: «У князей в гербе — дуб и медведь».)

— Когда князь сидел, так насекомых было много; изучил, как клопы ходят, если испугаются: боком...

Колоха допрашивал Соню, где Гриша. После 3-го обыска. Псков в это время перешел в руки красных. И вечером Колоха входит к Соне и говорит:

— Ну, чего там скрываться. Все равно, теперь Псков наш, и Гришка — наш. Завтра его в город, в тюрьму привезут.

С Соней обморок. Колоха испугался, за водой побежал. А красноармеец заплакал.

Колоха надел Гришин костюм, и все время ходит в нем. Гришин френч, Гришин английский желто-зеленый галстук. Все время мучительно было глядеть на него.

Колоха ходил причесываться к туалету Сони.

На уборной висела надпись: «Обсерватория». Там вывешивались все новейшие Сонины карикатуры, и князь водил туда гостей на выставку.

Гриша очень любил то, что он — князь, и любил расписываться. И однажды на <...> пипифаксах расписался: «Князь Тугарин», Кн. Гр. Тугарин»...

Деревья князь любил как живых. Сосны стояли слишком близко у дороги — телегами задевали их, царапали: вывел дорогу в сторону. И вот в белые, тихие ноябрьские дни — стук топора издали: крестьяне начали рубить вековые дубы и сосны. Андрей Порфирьевич, весь сморщившись и теребя голову, прибежал:

— Соня, разбой! Надо кого-то звать... надо что-нибудь...

— Оставь, папа, все равно не поможешь. Только себе плохо сделаешь.

— Да, верно...

И заперся у себя в кабинете: там топоров было не слышно. И больше уже не ходил гулять.

Осень. Янтарь берез; нежно-розовые листья кленов; серебряная осина; молочно-белые стволы; синий хрусталь неба.

Темная аллея. Зеленые тихие свечечки светляков. Самцы летают, а самки — зажигают свои любовные фонарики... Вечером (через окно) букет с светляками в комнате.

Соня всегда молилась не на стену, не на образ, а в окно — ввысь. Был образок Николая Чудотворца, подаренный старухой — женой рабочего (благодарность за корзинки с провизией).

— Души — у одного много, у другого мало. Умирать не страшно, у кого души много — воляется в Бога.

Миша Нашлехин из Заханья — явился с тремя — будто обыск делать: хлеб, мол, припрятали. Соня вышла.

— А, Миша, здравствуй! Ну как живешь? Девочка поправилась?

И Миша о... А пришел зарезать ее.

На плотине. Поросшие лозинкой берега. Зеленое зеркало. Всплеснет рыба — и опять зеркало. И сквозь поросшие мохом камни — как лысые черепа монахов — между камней, под камнями — кипит, плещется через плотину, не переставая, поет — вода.

Старик-князь с Соней шли, и Андрей Порфирьевич начал говорить о звездах, о том, что свет доходит через 10 лет, и звезды уже нет, а мы ее видим — прошлое есть — ничто не умирает... И Соня сначала не понимает — трудно — потом сразу, и уже продолжает его мысли. И залезаю, Бог знает, в какие глубины. Князь потряхнул голову:

— Эх! — И, конфузясь, говорит: — А дочка-то у меня вумная.

Англичанин, офицер субмарины. Married man. Как-то вышло, что он и Соня полюбили. Только <...> И вот в те дни, когда взяли Гришу — <...> английского посольства, и его убили...

Гриша один знал: больше никто. И в одном письме из тюрьмы написал:

«А я здесь сижу — тихо, как под водой. Хорошо».

И Соня поняла, что он <...> и было так хорошо.

Это же как-то учуял Петька. Тот подарил ему перочинный нож. Однажды приносит и неуклюже сует его Соне:

— Вот у тебя ножа нет. Возьми.

История Гриши была к счастью: помогла перенести смерть Костина. Ни на минуту одна, со своими мыслями. После этой смерти вдруг верит: он не умер, умерло тело, и в ней есть кроме тела.

Болезнь. Ночью лихорадка; болит легкое; странные сны, в которых откровение, в бреду, что-то огромное — жуткое своей огромностью и бесконечностью. И дни — август — небо — как будто тоже в жару, вечером — медь.

Вышла в село, где исполком, рано, еще затемно. Луна. Мороз. Жжет дыхание. И такая слабость, и боль...

Там — мужики — огромные, бородатые, крепкой породы. И оттого, что с морозу, смазные — и в шубах — еще огромное... Назад шла, так устала, что плакала «как дура». Задумалась о чем-то, перестала — и вдруг чувствует: слеза замерзла на кончике носа. И так вдруг смешно все, и легко...

Ночью снился Соне, и все утро толковали о нем. У себя в комнате: арфа, картины, рояль, кровать за ширмой, столик красный с инкрустациями. Положила руки на столик — и голову — и сидела-сидела. А потом: надо шить платье для спектакля — и <...> танцевать. И с каким отчаянным последним весельем танцевала.

Письмо от Костина:

«Чья-то грубая, невежественная рука внутри все разрушила, исковеркала витрины и другие изваяния великих художников, и это сделалось достоянием обыкновенного обихода профанов, не могущих ценить красоты и гения человеческой мысли. И среди этого хаоса, среди этой обстановки, как плачущая Пифия среди гробов, — я встретил Вас, и встал рядом «грозный комиссар» и хрупкая аристократка в тупом

недоумении. Помните, у Павла Петровича Вы исполнили Вашим дивным голосом несколько популярных народных песен...

Р.С. Передайте привет».

Смешно. А тут — трагедия.

Соню привезли, после назначений фрейлиной, к Марии Павловне. К ручке. Соня не поцеловала, а просто пожалала. А когда уходить — лестница высокая, перила гладкие, скользкие... Вдруг — ужас! — села на перила и жжж! — вниз...

В тюрьму привезли свадьбу: священник, жених, невеста в подвенечном платье, шафера. Произвели облаву: были сведения, что на свадьбе...

Перелистывали книгу «Образование древних народов, сочиненное Андреем Барроном». «Старший волхв Б, имеющий на голове В покрывало Г и сверх того <...> Д. приносит Меркурию А. А <...> Д. Младый заклатель Е коснулся ножом З супоросовой свиньи Ж. Бык И испустил уже дыхание, но козел К борется еще против заклателева ножа Л и упирается рогом М в каменную гору О». И потом все по буквам: «Отирая пот П». «Дайте мне <...> Р блюдец О». «Великолепный воздух Ж». И смех — освежающий, как дождь.

И еще книга. И там: «Слон на ночь закладает себе хобот в рот, дабы в оный не влетела какая ни на есть мошка. Титек слон имеет две. Нраву доброго...» И рядом: «Астроном Тихобразов скончался от чрезмерной стыдливости».

Прозвали Доброво «астроном Тихобразов».

— Однажды вечером я взглянула на ту сторону реки: все костры, костры: жгут постели умерших. Мерли от дифтерита в Ярове...

Такой небольшой мальчоночка, лет 18, по-уличному Тратата. Отец его был живодером: вешал кошек, собак, приканчивал лошадей. И Федя Тратата с измальства к этому делу привык. И теперь в тюрьме палачом. Яровенского попа Самуила Федя расстрелял. А всего (счет вел) 27 человек...

Увозили из тюрьмы трупы на телегах, на которых в другие дни привозили картошку для арестантов. И когда приезжала телега эта пустая, знали...

Тот был убит революцией в Петербурге. Отец, может быть, не умер бы, не будь революции. Не умер бы Лева. Гриша не нищенствовал бы где-то в Париже. И сама она не была бы, может быть, полуживой, каждый день скатывающейся

вниз, вниз, в яму с холмиком и веночками из цветов наверху. И все-таки Соня говорит:

— Революция нужна была. Нужно было спалить всю труху. Я видела: они уже были все неживые. Не было крови, веселья; одна скука, смертельная скука, и от скуки — нелепая, тяжелая роскошь...

В организме есть лейкоциты, которые должны погибнуть, распасться, — и то, что выделяется из их распада, вылечивает болезнь... Те, что погибли, — лейкоциты. Революция — лейкоцитов...

Осень. Стук в окно. Два приплюснутых носа в папахах.

— Кто?

— Дезертиры. Да вы не бойтесь, нам бы огоньку только.

Дали им головню (спичек нет), и видно было долго в окно, как катилась до самого лесу головня в темноте — бежали, размахивали головней...

Осенью пришли двое с винтовками.

— Мы квартирьеры.

Мандата не догадались у них спросить. Прошли по всем комнатам.

— Оружие есть?

— Нету.

— Наверное? А сторож или кто есть? А у него оружие?

Дело неладное. Те пошли к сторожу, хотели отобрать у него винтовку. Сторож не дал.

— Ну, погоди, мы скоро вернемся не вдвоем уже — тогда отдашь! — И пошли в лес.

А Соня бегом в деревню: там стояли красноармейцы. К офицеру. Тот обещался нарядить объезд в лес. Вернулась. Заперлись все в одной комнате, сидят, ждут, трясутся. Вдруг рокот шагов. Ну...

— Кто — кто там?

А оттуда:

— Это мы, из <...> солдаты. Пустите.

Объехали лес. Была перестрелка с теми — те убежали...

В начале революции жили в доме: Соня, горбун по прозвищу Германец (ходил бритый), дворецкий — толстый и трус. Уже шли погромы. И все трусили. А если Германец и дворецкий убегут — останется Соня одна с Петей. И Соня стала каждую ночь делать обходы. Стыдит всех, идет с браунингом — а у самой колени др-др-др. Стал ходить с ней и Германец со старым дуэльным пистолетом.

Тигр: «Самое <...> в мире — это люди: ведь знают же, что они созданы для нашего пропитания, а как <...>, как <...>, только бы не даваться...»

Неореализм.

Спираль — страшная, кривая, играющая какую-то особенную роль в жизни. Это так называемая органическая кривая. Внутри вся линия — это спираль. По спиральной, внутренней <...> движется звуковая волна. По спирали, а не по кругу, движется земля. По спирали движется человеческая культура. Так же. Так же, как и земля, она движется по кажущимся кругам; но в действительности эти круги не повторяются: точка каждого последнего круга — лежит на вертикали выше точек предыдущего круга. Словом, совершается то, что впервые ясно формулировал Гегель: трехчленность — логическая форма развития — те же самые три члена, что и во всяком силлогизме: тезис, антитезис, синтез.

По той же формуле совершает свой путь и литература.

Неореализм. Философская основа. Шопенгауэрианство: мир как мое представление. Соответственно, изображается не мир, а я. Изображение всегда «в себе». <...> — бесплотность, бескрасочность, символизм. Возврат философии к реализму. Лосский — философия неореалистов в англосаксонских странах. И соответствующее течение неореализма в литературе. Выражают уже не себя, а мир внешний так, как он кажется (Лосский), не стараясь изображать его таким, каким мы его знаем («вещь в себе» — или, вернее, каким хотели бы знать, ибо *Sache an für sich* мы не знаем). Отсюда два свойства, основных: возврат (но не по кругу, а по спирали) к реализму; эпический, а не лирический характер творчества, импрессионизм.

Чистого эпоса, конечно, нет. Эпос от лирики отличается тем: есть ли «я» автора явная или неявная функция в художественном произведении. Если явная — лирика; неявная — эпос. Все это обуславливает соответствующие технические приемы.

Эпос соответствует духу времени. Эпос — народная поэзия.

От Сезанна до <...> К.М. <...>

Сезанн, Милле, Курбе — кубизм, начало. За ними — Брак, Пикассо, Глез.

Кубизм: изображение не только 3-х сторон всякой вещи, не только, как мы видели ее, но как знаем. Нечто вроде чертежа с планами, разрезами. Портрет — одновременно анфас и профиль.

Ван-Гог, <...> футуризм.

Видеть мир можно не только физическими глазами, но и мышлением: отсюда упразднение перспективной треугольной призмы. Человек — ось. (В литературе перспективного клина никогда не было.)

Движение. Если бы паровозы были бездонные, то мы никогда не видели бы их движения.

«Кубизм — искусство распыляющее».

Евгений Онегин.

Онегин был сын разорительного помещика. Когда он вернулся в свой уголок, он нашел своего дядю на столе. Но очаровался деревней и остался там жить. Скоро деревня ему надоела, и он очаровался Татьяной. Татьяна была помещица. Она была крестьян, носила корсет и читала романы. Ходила по бедным и страдала тоску. Она велела ейной няньке написать ему письмо и послать с ейным внуком Онегину. Онегин ответил ей грубо. Тогда за нее заступился Ленский. Ленский во всем был наперекор Онегину, каждый день дрался с ним. Тогда Онегин пулянул в него из револьвера и убил его напролом. Татьяна вышла замуж за своего друга детства, старого генерала. Она была на примете у двора и каждый день объявлялась на балах. Ейный муж был калека. Онегин увидел его, и раз ворвался к ней на квартиру, и выразил ей свои чувства. Она ему сказала, что она теперича замужем и будет ему верна. Так окончилось признание Онегина.

Лева кончал университет. Женственный. Не любил военной службы, не представлял войны. <...> с 3-мя Георгиями. Соня не могла понять: как Лева — и на войне. Он всегда отвечал: — Ну, глупости!

Оказалось, делал чудеса: ночью переплыл на лошади реку.

Скрипач Леонидас. В парусиновом пиджаке, на резиновых каблуках (старался быть повыше), надушенный. Крейцера соната.

Анна Августовна. Мужики зовут ее: «Кустовна».

Перевоз через реку ночью. Бабы веселые.

Ключи. Мавританский зал. Портрет Кутайсовой: держит в руках письмо от жениха. Когда строил дом — знал, что построит — умрет (его попугай).

Яровня. Черное Заханье. Карачуницы. Большой Храп и Малый Храп.

Октябрь 1917.

1.

22 октября. Митинг в Народном драматическом театре; в плаще, с кудрями, в выцветшей зеленоватой шляпе, с портфелем. В зале — полусумрачно от дыханий. Маленькая белая сцена — фигуры, как в кукольном театре. О мягких туфлях.

— Умрем... или победим.

Клятва. Поднятые руки. Уверенность, что будет.

2.

23—24 октября. Появляется красногвардеец. Приказ развести мосты и начало паники. Мосты — не разведены... Ночь — тихая.

3.

25 октября. На улицах движение отрядов красногвардейцев. Разговоры в трамваях.

— Все правильно, но зачем К. евреев стягивает в Вологде, — солдат.

Солдат железнодорожного батальона:

— Мы идем за теми, кто нам даст мир. Дома не был три года, все разорено...

Въезд на Николаевский мост запружен толпой. На фонаре анархист с 2-мя черными флагами. «Аврора» — с красными. Трамваи идут обратно пустые...

Ночь. Пулеметы, винтовки. Выстрелы орудийные, холостые и боевые. Уже поздно, но во всех домах свет. Никто не ложится.

Готовятся к обыскам.

4.

26—28 октября. Все сливается в один день, летит головокружительно. Перемешиваются дни и ночи. Утром — на другой день — все так обычно. Старик с попугаем: попугай вытаскивает билетики, судьбу. Солдаты покупают яблоки.

Сходки — как студенческие — в министерствах. Обер-председатель Святого Синода. Нах<...>

Сидят дома. Телефоны. Боятся каждого звука в дверь. Страшная напряженность, ожидание.

Ночное дежурство — 6 часов утра. Звезды, темно. Штабели дров. Купец, студент, казначей г. Уфы и <...>. Рассказ о жизни в Уфе: делали запасы мясные на неделю — однажды замок сломан — а то еще бывают замки такие: навинчивается стальной футляр... И вдруг — стрельба: далекая и — близкая, браунинг сухо и громко, и куцое, кургузое туканье маленьких, барабанных. Сзади и спереди. Светает. <...> по лестницам и чердакам.

5.

29 октября. С утра — далекая пушечная канонада. Позади — близкие выстрелы, звенят стекла. Слухи, что сражение уже в Обухове.

По телефону — с Большой Спасской. Форт Шаброль:
— Ну как?

— Уже пули залетают в окна. Из одного крыла дома перебрались в другое.

Странные, новые знакомства с людьми, которых раньше никогда не знал. Приходят, забыв все предрассудки, так, просто, к друг другу. Телефоны не работают. Разъединяют.

Ночью, в час, приходит Сергей Кирилыч — после путешествия по мертвецким. Он в высоких сапогах — и весь изменился: другое лицо. И чувствуется — дрожит. Перед тем получено по телефону известие, что надо спать одетыми и перейти из верхних этажей вниз.

Ночь. На улице — могильная тишина.

6.

30 октября. Никто ничего не знает. Отрезаны от мира. Сражения нет. Тишина, изредка — голубое небо. Телефоны для частных разговоров закрыты. Слух о железнодорожной забастовке.

Приключение с братом Э. Я.: пришел домой пьяный, с чьей-то винтовкой — и на брата целится. Устроил в комнате баррикаду из шкапов, кресел и засел. Упал, придавленный шкапом.

7.

Ноябрь 1917.

1—2 ноября. Все яснее, что грозит голод и холод. Знакомая вышла из дому в платочке — чтоб быть целее.

Ночью во время дежурства к воротам пришло трое: солдат, мастеровой и кавалерист с винтовками за автомобилем. Паника. Разговор с <...>:

— Не надоело ли?

— Да, чай, их надо вдвоем связать да в Неву пустить.

Рассказ на вахте об обыске в химическом комбинате: разговор с матросом о самодержавии Вильгельма:

— Да что же, он хоть самодержавный, а о народе заботится.

Прощальный бал броневиков. Оркестр. Танцы. Можно приходить и без масок, но «рекомендуется в масках».

Декабрь 1917.

Святки. Лёт трамваев. Нет телефона. Дают электрический — <...> сидим с лампами, свечками. Выйдешь на лестницу — сойти вниз: тьма, <...> спит, тишина. Нет воды днем: наливаем в ванную и ведра, оттуда и берем. Нет лифта.

Весь день на лестнице кто-нибудь стучит: приходят в какую-нибудь квартиру и стучат, звонков нет; стук раздражает, нервирует.

Святками начались морозы крепкие. Дни — ясные, белые. Солнце в тумане, красное. Сыпал другие дни снег, метель крутила, трамваи, поезда стали. На улицах — сугробы. По тротуарам ходить нельзя. Снеговые траншеи. Ужасные ухабы, волны, на мостах, на <...>.

Февраль — март.

Мир. Демобилизация. И взят Двинск.

Появились на улицах солдаты, с ружьями, котелками, сундуками, чайниками. Веселые, ничего. Домой едут. Компанией нанимают ломовика — и на вокзал.

Дни солнечные, яркие, синие. Утром — крепкий мороз, днем — лужи, капель, весна. Все ближе наступают немцы. Все больше афиш о балах:

«Учитель бальных танцев, выучивает дешево, хорошо и скоро».

«Управляет танцами дирижер — любимец публики — Саша Верман».

«Красный бал — проводы зимы».

Теософские афиши:

«Грядущий учитель».

«Звезда Востока».

«Государственный институт оккультных знаний».

Пал Псков, Нарва. На Невском — веселая толпа, нарядные дамы. Цветочные магазины.

Офицеры, гимназисты и люди в воротничках у Летнего сада счищают снег в Фонтанку. Горы снегу. Приехали дровни со снегом, лошадь гонят на снеговую гору — лошадь не может влезть, становится на дыбы. Что-то похожее на памятник Петру.

Девушка робким голосом выкрикивает газету вечернюю. Еще светло, но уже зажжен бледный фонарь. От каждого ее выкрика — укол, боль.

По вечерам где-то стреляют. В гости ходят с ночевкой или сидят дома, в домах, в крепостях — в банках. Домовые комитеты, клубы, домовые романы. Ночное дежурство: «начальник охраны» нарочно назначал в дежурстве пары.

В трамвае сзади — два красноармейца. Один рассказывает:

«У нас на Васильевском... Пляжу: солдат на брюхе лежит, на земле — и у окошка в подвал сует что-то. Я к нему:

— Ты что тут?

А он на колени стал:

— Товарищ, прости, я раненый.

— Да ты что делаешь-то?..

— Товарищ, я раненый... Бутылки из подвала выуживаю.

Ну, у меня штык один. Кликнул я с поста недалеко товарища с винтовкой. А этот все опять свое заладил:

— Братцы, простите, я раненый.

Чудно». (Смеется.) Пауза.

Другой красноармеец:

— Ну что же вы с ним?

— Ну что же? Пристрелили, конечно. Я, говорит, раненый... Чудак.

Днем, на углу Литейного и Шпалерной выстрелы. Трах-тах-тах. Приближаются, а уж на земле лежит и только чуть

трепыхается человек: вора расстреляли красноармейцы. Позволяли дровни. Вор скорченный, вероятно — мертвый. Расправили его — чтоб уложить его можно было. Взяли вчетвером, раскачали и брякнули на дровни. Стукнулась о дерево голова вора — голова была прострелена, и был сгусток крови повыше виска — кровавая пробка. Пробка выскочила — и от удара на снег выплеснуло кровь и еще что-то... Накрыли рогожей: из-под рогожи — такие жалкие ноги в рваных опорах. Накрыли рогожей, уселись сами наверху — как ездят на тушах — и поехали.

Ночью по Каменноостровскому мчится автомобиль с кожаным верхом и слюдяными окошечками. Прокатил, стоп — высунулись винтовки и залпы. Почему, что?

Ударили сзади прикладом по шее — и сразу из ноздрей и ушей хлобыстнула кровь.

Ночью трамваи кончают ходить в 11. Стоит на остановках публика, поджидает, поглядывает:

— Нету, опоздаем уже.

— Вам тоже на Петроградскую? Пойдемте вместе.

И чтоб веселее было — отправляются по трое, по четверо. Разговоры с рабочими и солдатами. Прощаются уже как старые знакомые.

...Возвращался поздно ночью, часа в 4, один. Все окна уже погасли. Тьма и тишина. И страшно было слышать хруст снега: доходил до неба хруст.

Хлеб с соломой, похожий на заборы из навоза и глины с соломой в Тамбовской губернии: такой же коричневый, колючий. Выучились печь соленые лепешки из картофельной шелухи. Жеребятина.

Жажда вина, забыться. Как готовить водку из спирта: наливать водой, непременно горячей, кусочек цедры, кусочек сахара — и студить под проточной водой.

Идешь — идешь и вдруг: на снегу капли крови, след, кто-то шел.

Предложили присоединиться к артели: пешком идти из Питера. Каждый должен иметь по 15 фунтов сухарей. В артели человек 40.

Мимо железнодорожная плотина — сани, груженные всяким добром, и солдаты тянутся с награбленным и не доедут до Питера — в стороны, по деревням. Ведут с собой новенький автомобиль — продают встречным — за 600 рублей.

В Киеве украинско-буржуазная публика засела в погребе, спасаясь. Обнаружили у себя в подвале человека — оказался большевиком бывшим. Ночью его кто-то задушил.

Около 20 февраля — 5 марта налеты (чьи?). Вечером приходят и говорят:

— А вот сейчас разорвалась бомба.

В этот день — гудят немецкие аэро над Петербургом — и около них облачка шрапнелей. По ночам — небо искрится прожекторами. Ночи ясные, черные, звездные. Ремизов пишет сценарий к балету «Лейла».

К Алексею Михайловичу пришла В. и рассказывала: только теперь они и узнали русского человека. Арестовали. В крепости доктор велел раздеться до пояса, тыкали пальцами в грудь и говорили:

— Дама, тело-то ничего, буржуазное, крепкое.

Бил за ответ по щекам. А солдаты, сторожившие ее, тайком клали ей хлеб на парашу — знали, что голодает, и однажды принесли ей немного цветов. Тут она и узнала, какие русские.

Михаил Михайлович рассказывал о путешествии в поезде. Окна выбиты, мороз. В купе свечка, тулупы, шинели. Бутылка, огарок, карты. А рядом — сидит замерзший, мертвый. Ничего, играют в карты.

<...> решил пить гофманские капли. Надо выпарить эфир. Стал кипятить на спиртовке. Эфир испарился. Щ. на нюхался до бреда, а потом заснул.

1919—20 г.

Дети разговаривают:

— Цветы... что цветы! Вот если б на грядках росли бублики или плюшки!

— А что такое плюшки, бублики?

Мальчик объясняет и даже рисует на бумаге бублики...

— Да-а, хорошо. А все-таки картошка жареная если, много лучше.

Шествие детей 1 мая. На одном из флагов надпись:

«Смерть Колчаку».

Мальчик подходит к наставнице и спрашивает:

— А что его, Колчака, при нас убивать будут? Посмотреть можно будет?

А. семью отправил в провинцию. Сам остался, стал квартиру продавать, книги. В 12 часов звонят по телефону:

— А. умер от разрыва сердца.

На другой день, после того как остался один. Прислуга рассказывала:

«Всю ночь до 5 просидел за столом, все вздыхал и говорил:

— Ах, есть хочется...

Я не в силах был вернуться домой и пошел на Петербургскую сторону, к знакомым. Сумерки. На углу Большого и Каменноостровского — толпа. В середине — мальчик лет пяти.

— Ты чей?

— Ничей.

— А где же ты живешь?

— На улице.

— А спишь где?

— Вчера на лестнице, на дворе спал.

— Кто же у тебя есть?

— Никого. Померли.

Милиционер конный проезжает:

— Ну что там? Ага, давайте его сюда.

Сажает на седло перед собой и увозит. Но скоро соображает, что ему с ним нечего делать — и ссаживает.

Э. пришел к знакомым. Посидел 5 минут — и нет сил: встал.

— Не могу.

А в передней разрыдался как малый ребенок.

Пришел домой. Пять больших пустых комнат. На столе — шкурки, прозрачные, тараканов. В кухне посреди поладохлый мышонок: от голода. Сварил себе картошки. Вдруг скребутся в дверь. Еще. С топором:

— Кто там?

— Помогите же, ради Бога...

Сперва свирепо:

— Убирайтесь к черту, — только что сварил картошку.

И вдруг гнев сменяется жалостью — до того, что дух захватывает. Вводит к себе женщину — проститутку и отдает ей половину картошки...

В трамвае — человек в рогоже вместо штанов и в рогожных сапогах.

За Нарвской Заставой гонят огромное стадо коров. Тощие, окровавленные, из вымени кровь. Бабы ревут, бегут сзади, держат коров за хвосты. А вддали встают черные фонтаны, распускаются медленными цветами, черными: разрывы снарядов.

Старик-еврей говорит:

— Если погром — мне ничего не сделают.

— Как так?

— А вот, — вынимает, показывает порошок, стрихнин. —

Мы так решили: сперва девочки примут, потом жена, потом я...

На дорогах везут покойника. Еле-еле плетется лошадь, пошатывается. На Тучковом — упала, издохла. Лежит мертвая лошадь, сзади — на дорогах — в гробу человек мертвый.

...Темень, дождь сечет. Где-то на 15-й линии у извозчика свалилась лошадь — хоть и пустой уже ехал. Помочь некому. Кто-то пробежал мимо с поднятым воротником: дождь сечет. Извозчик со слезою молит лошадь:

— Корька, милый, ну встань, голубчик.

Как допрашивали Сергея Федоровича.

На окопные работы. Останавливают трамвай, два — с винтовками. У всех проверяют документы. Женский вой. И гонят...

Возвращались пешком с Варшавского, на Михайловском <...> хвост темных трамваев. Пустые затуманенные улицы.

— На какой мост идти? Говорят — Троицкий разведен.

— На Дворцовый.

— А если и этот тоже и опоздаем (ходить до 8 часов)?

М. А. слушала лекцию в университете. Было 6 человек. Потом стали расходиться. Она потеряла тетрадь, пока искала — замешкалась: одна. А везде — тьма. И вот — заблудилась. Огромные, пустые, черные коридоры. Куда? Какая-то колонна — наткнулась, щупает руками. Какие-то запертые двери. Наконец услышала голос чей-то...

Заседания факультетов — в полутьме, не видно лиц, не видно ни единой буквы.

Студент говорит:

— Профессор очень любезный — подарил мне собачку.

— Чем же вы ее кормить будете?

— Я ею сам кормиться буду.

— Верно, верно: мы уже ели. Сперва думали — с души сорвет, а потом — ничего. Пospорили из-за последнего кус-ка. Недурно — вроде, знаете, курицы.

...Разбирали деревянный домик на топку. Просто — рвали от стен доски и балки, не обращая ни на что внимания. Крыша уже почти висела на воздухе — все рвали. И вдруг — ух! — вниз. Придавило женщину. Она кричит еще, стонет. Но как, чем высвободить? И у кого силы? Стоят кругом. Скоро умерла. Дня три лежала тут, под бревнами. Недалеко за углом лежала мертвая лошадь на улице...

Встретил голодного Г. в трамвае. Глаза голодные:

— Жена, — говорит, — дома, совсем умирает. А я вот еще хожу.

Предложил денег займы.

— Нет, к чему? Ну, еще день... Все равно.

В приюте замерзли дети.

Сидишь, ждешь огня. И вдруг — часов в 6—8 дадут. Боже ты мой, как хорошо. В воскресенье света совсем не было. Дома черные, слепые. Вышел на Каменноостровский. Все черное: только луна. Как будто — с год тому назад город вымер весь от чумы.

Сны у всех: съестные. Видят во сне мешки с мукой, то кладовые или комнаты до потолка завалены картофелем...

Преподаватель гимназии Сараханов решил свергнуть последний фетиш: человека. Взял скелет, выварил студень из костей и позвал учеников — завтракать студнем.

В лагере принудительных работ какой-то осужденный на работы на весь срок гражданской войны — провинился. Как же увеличить ему наказание?

— Ну что нам с вами делать?

— Очень просто. Хотите, скажу?

— Ну?

— Продолжить еще гражданскую войну.

Вечер. На Невском тьма, ветер воет. И где-то на углу — старик, невидимый, играет, выводит рулады на флейте. Ему суют в руку...

1921.

Запрещение ездить с дамами и вообще «не по наряду». Едут в театр — попадают в участок.

Трамвай с 7 до 11. Улицы оживились — смертельно усталыми людьми... Какое счастье: попасть на заблудившийся трамвай.

— Но, ты, пусти одну ногу-то. Чего на двух ногах стоишь? Буржуй этакой.

11 часов. Снег, снег. Погребение. Шли по улицам с Л. На Широкой, в огромном доме, где жили — разбитые окна; этажом выше раскрытое окно. Встретили одного из этого дома:

— Грабят, — говорит, — всё: двери, рамы, паркет — на топку.

Железные дороги останавливаются: заводы закрываются, бастуют. Опять натягивается, напрягается над городом...

Бухтурма.

Река — как пружина, согнутая <...>, быстрая, синяя. Горы. Живут кержаки. Женщины — высокие, золотоволосые, синеглазые. Верстах в 15-20 — заимки. Табуны; пасут табуны пастухи-киргизы. Д. Ф. пришел на сход, спрашивает:

— Нужен вам грамотный человек?

А грамотных никого, один казначей — волосатый (парикмахера никакого), руки лохматые, грудь богатырская. Наняли за 90 рублей на всем готовом. Вел дела в волостном. Организовал суд. Собирались судить по воскресеньям. Приговоры: штрафы, поклоны миру, кутузка. Два дела.

Казначееву Каурку загонял киргиз-пастух. Казначей увидел, исполосовал плеткой киргиза. Пришел киргиз к Д. Ф. — весь синий, глаз один вытек. Суд приговорил казначея к штрафу в 500 рублей и, кроме того, подарить киргизу Каурку. Киргиз доволен.

Другое — молодой кержак изнасиловал 12-летнюю девочку-няньку. Приходит, показывает рубаху в крови. Но как установить факт? Приглашает Д. Ф.:

— Ты осмотри.

— Да я же, — говорю, — не врач...

Акушера, доктора нет.

— Ну, мы, — говорит, — баб своих заставим осмотреть.

Приговорили кержака к плетям.

Увидели у Д. Ф. золотые зубы.

— Это что же у вас в городе так с золотыми зубами и рождаются? — Никак не верят, что дантист...

Рыбы масса: щит поставят, стоит. Змеи; киргизы боятся. На барже (на Иртыше). Утром, на заре — откликанья уток, гусей, лебедей. Все розовое: небо, лебеди, вода. Спали на палубе, на тюках с шерстью. По воде — огромный змей (уж?). Киргиз подпрыгнул как кошка и повис на канате (якорном). Змей подплыл к берегу, вылез. Д. Ф. пошел, убил. Киргиз слез, разрубил змея на 3 части (голова, тело, хвост), вырыл три отдельные ямки и закопал. Спят киргизы голые; материй нет, одеваются в шкуры. Чтобы спастись от змей при ночевках в степи, вокруг себя — круг из шерстяной веревки: змеи боятся шерсти.

Камчатка. Бухта Улисса. Кто-то оставил <...> кошек и собак, и они теперь размножились и одичали. Кошки живут на деревьях; собаки внизу. Собаки охотятся стаями; вперед, их разведки, высылают маленьких: ползут в кусты, увидят, скажем, поросенка — уши прижмут и назад, к стае, а потом уже все, всей стаей...

Казнь. Шли поперек Сибирской железной дороги (в... ?) от красных в сторону <...>. Шли: Д. Ф., офицер, женщина — одна с ребенком, славненький такой. Попали в полосу боев. Чуть не расстреляли их: только тем спаслись, что споили чайник спирту. Женщина (с ребенком) сошла с ума. Не идет. Губит всех и ребенка. Собрали совещание. Приговорили — единогласно: к смертной казни, расстрелять... Потом свезли, положили в овраг.

Афиша:

«5 октября состоится лекция на тему: Маркс и его обитатели».

На спектакле шумят. Выходит:

— Товарищи, здесь товарищи артисты вам представляют, а между прочим в заду у вас шумят.

Рассказывает солдат, из тех, которые расстреливали:

— Я ее подсаживаю в автомобиль, ну, просто по-человечески хочу помочь. А она: «Поди прочь, хам». Это я — хам? Я ей по-человечески, а она — хам. Ну, погоди, думаю, так твою, когда тебя поставят...

И опять:

— В камере сидят в эту самую ночь. Я им: «Т, не угодно ли кипяточку?» Пусть, думаю, хоть чаю попьют. А одна: «Не надо нам от тебя кипяточку, негодяй». Ну, не сволочи ли?

Рассказ Горького. «Медленно идете, граждане, и «холодно». И — «как на бал».

Отец Варух. Живет в подвале под церковью — с матросом (был послушником, потом при мобилизации — матрос). Отец Варух был в красноармейцах, раньше — тоже в монастыре работал трудником. И вот после службы, вернулся домой — в подвал — скинул рясу, в желтых красноармейских штанах...

Смотрел на рыб в аквариуме: мечутся день и ночь, и нет приюта, нет книг, нельзя, негде сесть. Всю жизнь... Так и люди.

Студенты — около плиты. Спят на плите. Живут не раздеваясь. Работают грузчиками в порту, копают картошку на Горячем поле.

Грузчик:

— Мука — она существо мягкое...

У одного на плече желвак в кулак.

— У тебя во, дикое мясо пошло, а у меня хуже, — показывает, все плечо черное.

Начальник Политпросвета:

— И вот был египетский царь Иосиф. И его подчиненные сказали ему: «Мы тебя обрабатывать больше не будем».

— Где произрастают разного рода винограды.

Про войну:

— Бомба разорвется — все в крохи. Голова костромская, кишки новгородские — вали всё в одно место.

— ...Товарищи. На вновь открывшемся фронте борьбы с государственным строительством...

— ...Разрывная пуля, ежели она за что заденет, так она сразу и забыла свое действие.

— Когда доску несешь — ее всем организмом поддерживаешь. А Иван нес доску длинную — в фонарь <...> ну, и плечо долой.

— Когда бомбой ударит в проволочные ограждения — на две сажени в обе стороны просторности хватит.

— Ввиду недостатка топливного кризиса...

Сидит, курит папиросу и мечтает:

— Ах, хоть бы ранило.

И только сказал — пуля чок — в щеку навывлет. Вся морда в крови, папироска в губах, и улыбается: слава тебе, Господи.

Чистка партии. Исключили за то, что дважды замечен был в посещении церкви. Исключенный выходит, радостный:

— Слава тебе, Господи.

Рассказывает свою биографию:

— Родители эксплуатировали мою молодость.

Солдат бывший рассказывает о своем участии в революции:

— Вошли, значит, в здание — генерал. Я ему, конечно, штыком в спину.

Из старого (1919 г.).

В учреждениях замерзли чернила.

Забаррикадирован цирк Чинизелли.

Остановили трамвай, взяли рыть окопы; целый день дома ждали; думали...

1922 г. *Вино.*

31 декабря разрешили продажу вина. Возле Елисеева на Невском. Очередь — длиннейшая.

— На что? На Шаляпина? — интеллигент.

— Какое на Шаляпина? На вино.

— На вино? — остолбенев.

Подходит другой, толстяк, кубик:

— На что хвост?

— На вино.

Кубик ударяет себя по коленкам — и даже на корточки:

— На вино?

Старается втереться без очереди. Скандалы. Выходят с бутылками из магазина. Окружают, расспрашивают. Кто-то откупорил, пробует.

Первого, кто вышел из магазина, качают.

Курсистки, которые не знают даже, что такое мускат-люнель и сотерн, спрашивают опытного человека, что послаще купить.

Идет мимо трамвай, висят, останавливается. От хвоста бежит доброволец — сообщить, что продают вино. И гроздь отрываются, бегут в очередь.

С Караванной выезжают дроги с гробом. На гробу — сидит с сигаркой человек. В очереди — бабы:

— Эх, батюшка. Так и помер, не дождался.

Идет горничного вида женщина:

— Безбожники. Люди с голодудохнут, а вы за выпивкой стоите. Креста на вас нету.

— Уйди ты, сука.

Сквозь окна магазина полки, бутылки, бутылки, а выше — арка, на арке — портрет Маркса, Ленина и Троцкого.

1919 г.

Облава на рынке. Спасаются по трубам и лестницам.

Сапожник стал богачом. Покупает картины (ужасные) и коллекционирует часы, хвастаясь:

— Вот часы — 500 лет часам.

«Товарищество на паях».

Священник просит милостыню.

Музыкант-гобоист на Невском, старик.

Лошадь везла покойника — и сама свалилась дохлая.

Хорош.:

— ...Он музыки не понимал совершенно, и все мотивы делились для него на 2 сорта: Боже, царя храни — и не-Боже, царя храни... «Боже, царя» он узнавал потому, что все вставали; если не встают — значит из другого сорта.

Солдаты: щи, суп — это «пища»; второе — «порция».

— Давайте нынче, ребята, порцию в пищу положим. Скуснее будет...

Спекулянты. Продал полпуда платины, заготовленной каким-то шведским акционерным обществом для вывоза из России, но закрыли границу — платина застряла. Теперь — лесосплавная семья.

Квартира — вся завалена вещами. Несколько старинных фарфоровых часов в углу. Приходят люди — с чемоданом столового серебра, позеленевшего: было зарыто в земле. Эти покупают. На столе валяются 10-миллионные бумажки...

Материалы

Деревня.

«Материя из боку идет».

«Камушек иорданский».

Хлеб *рушать*.

На Духов день на закате *молят кукушку* — чтоб была доброй вещуньей.

Топка сарновской; запах; колосья на полу.

Девки горластые, грудастые, глазастые, головастые.

Картошку *окучивать да мотыжить*.

В головах ищут.

Во дворе — *дух парной*, теплый, хозяйственный.

До Иванова дня в деревне не зажигают огней, *вечеряют на крыльцах* при свете зари.

Бабка, близорукая, ставила самовар, вода из старого колодца. Чай пила-пила, зятя напоила, а стала самовар вытряхивать — глядь, из него *лягуха вареная* выпала.

Песни:

Хороводная.

По-за городом царевич гуляет,
Невесту себе выбирает.
Растворяйтесь, ворота,
Растворяйтесь широки.

(круг останавливается)

Выйди, выйди в городок,
Царевич-королевич,
Стань здесь, прибодришь,
Раз семнадцать первернишь,
Царевич-королевич.
Дулся, дулся, первернулся,
Царевич-королевич.
Если любишь — поцелуй,
Царевич-королевич.

* * *

Простучало, прогремело,
Сын дворянский проезжал.
Сын дворянский проезжал,
К Кате в гости заезжал.

Ну, пожалуй, милый мой,
В нову горенку со мной,
Скидавай шляпу-сюртук,
Вешай, миленький, на крюк.
Не в ту пору, не в тот час
Муж из Питера сейчас.

— Ах, и что это, Катюша,
Что за крики во дворе?
Что заплаканы глаза,
Призатерты румяна?

— Я на родину ходила,
Лежит маменька больна,
Что больна, больна, больна,
Во постелюшку слегла.
Я на родину ходила —
Сиротинушку призреть,
Сиротинушку призреть,
Воспоить и воскормить,
Воспоить и воскормить,
Чаем, водкой угостить!

* * *

Вот стучит, гремит,
Муж жену учит.
Ой люли, ой люли,
Муж жену учит.

Муж жену учил,
Ей наказывал.
Ей наказывал,
Приговаривал.

Как жена мужу
Ни корилася,
Пошла к бабушке,
Поклонилася.

Свекор-бабушка,
Отойми меня!
Отойми меня,
От лиха мужа —
От лиха-лиха.
Чем не годна я?

Свекор говорит:
— Не моя воля,
Воля мужнина,
Его больше всех.

Велю плетку свить,
Велю чаще бить,
Чтобы слушалась,
Мужу кланялась.

То же: «Свекровь-матушка».

Тут стучит-гремит,
Муж жену учит,
Он учил, учил,
Ей наказывал.

Как жена мужу
Покорилася,
На коленочки пред ним
Становилася:
— Уж ты, муж мой, муж,
Ты не бей меня,
Не жури меня.

Хороводная.

Как по травке, по муравке
Девки гуляли.
Ой люли, ой люли —
Девки гуляли.

Выходил да к ним Ванюша
С Дону казачок,
Казаченька молоденький
По кругу гулял,
По кругу гулял,
Невест выбирал.

Выбрал, выбрал казаченька
Невесту себе —
Дуняшеньку, висошеньку,
Собой хорошу.

— Дуняшенька, молоденька,
Выйди за меня!
— Пойду схожу к шабренушке
Спрошу про тебя.
Шабренушка-сударушка,
Скажи, не утай.

— Я слыхала про него,
Не хвалят его:
Он пьяница-пропойца,
Пропил все с себя.

— Казаченька молоденький,
Не йду за тебя.

.....
.....

— Я слыхала про него:
Все хвалят его.
— Казаченька молоденький,
Иду за тебя.

Свадьба.

Сговор, пропой, девишник. *Прпой* — мужики, а бабы —
проедают (булку с медом).

Начало: помолятся, потом поют:

Во горенке во новой
Стоял столик дубовый,
На ем скатерть голубой,
Стоял чайник золотой.

Как Иван, ой господин,
Ко столику подходил,
Стакан вина наливал,
Душе-Кате подносил.

Душа-Катя приняла,
Максимовна выпила,
Русу косу пропила,
Мила друга нажила,
Михалычем назвала.

Ходит с платком по горнице и пьет. Кладет платочек на плечо ей:

Песня:

Я пойду-пройду вдоль горницы,
Погуляю вдоль по новенькой,
<Нрзб> я хожу,
С молодым гуляю.

Она:

Я ко молодцу иду, иду,
Поцелую, да прочь пойду.

Старые поют свое, молодые свое. *Старые* поют:

Ты соловушек лесной,
Ты не пой рано весной,
Ты не пой-ка, не свисти,
Мое сердце, не грусти.

За двенадцать, за тринадцать
Славный город есть Москва.
Почему Москва славна?
Вся по плану строена,
Белым камнем выстлана,
Желтым песком сыпана.

В конце пропоя невеста становится на колени, все молодцы сыплют ей деньги на платок; жених — против нее.
И — песня:

Как по морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому
Плывет лебедь с лебедятами,
Идет парень с красной девицей.

Где не взялся млад-ясен сокол,
Убил-ушиб лебедушку-девушку.

Он кровь точил,
Мать сыру землю смочил,
Он перышки вдоль бережку бросал,
Мелким пухом по водице распускал.

Кому перышки собрать будет?
Брала перья, собирала
Красна девица-душа,
Милу дружку — в подушечку пушку
Любезному в изголовье высоко,
Любезному на здоровье хорошо.

(это заключительная песня *пропоя*)

В середине *сговора* жених с невестой сидят *на шубе* и им поют (*скоморашью*):

Как по первой пороше
Шел милый-хороший,
Не путем шел, не дорогой,
Чужим огородом,

Что чужим-то огородом
Зимнею порою.
Зимнею порою,
Летнюю порою,
Набирает-нажимает
В обе руки снегу.

Полно, миленький, шутить:
Мне сейчас не время —
У тятеньки гости,
У маменьки тоже.

На *сговоре* — преимущественно, молодежь; старики — только на короткое время. А на *пропое* — старики до конца.

Игры: швейка.

Отсчитывают равные партии девочек и парней. Одна партия уходит к порогу, а из другой — «палач» — берет бич (из полотенца) и загадывает. От порога идет вызванный и должен угадать, кто его назвал. Если нет — его бичом.

Монастырь.

- Кто тут?
- Монашенка.
- Зачем?
- За монахом.
- Как звать?
- Можешь за руку взять.

Воробушек.

Песня во время игры:

Воробушек молоденький,
Твоя жена — как барыня,
Ничего делать не хочет,
Ни точет, ни прядет.

Только песенки поет,
Поскакивает, поплясывает,
Кого надо по себе —
Того выберет себе.

Выбирают.

Становятся парами, шеренгами. Поют «При долинушке стояли» — и пляшут *польку* под эту песню.

Девишник.

Приходят девки с готовой яичницей в дом жениха и угощают жениха и гостей, за что они расплачиваются. В то же время привозят *постель*.

Разговоры:

— Сват, принимай товар. Уж он примерз.

Сват подносит. Выкупает сват со стороны жениха. Запращивает 300, сторгуются за рубль.

Как только просватали, поют:

Перепелочка — красна девица,
Что из родительского дома рано вылетаешь?

(И это поют до венца.)

Накануне свадьбы — ужин и выпивка у жениха (без *пьесы*).

Свадьба.

Собирается к жениху *поезд*. Жених приезжает за невестой, но в дом не пускают его очень долго: там *рядят* невесту. Когда готова — благословение. За столом жених и невеста рядом. Обед. Ложки жениха и невесты — кладутся *обратным концом*: они не обедают. Над чашкой со щами — устраивается *галубь*, набитый солью и пшеном, он качается на нитке, и жених должен его поймать. Если не поймает — плохая примета. В это время дружки поют «Как друженька мужик-богатырь». Потом женатым мужикам поют девки:

Как Иванушку жена соряжала,
Гриву ему завязала,
Станут девицы корити —
Было бы чем подарити.

Слышишь ли, Иван:
Мы тебе песню поем?
Слышишь ли, Иваныч,
Тебе честь воздаем?

Мужики отдаривают. Холостым поют:

Розан мой, розан,
Виноград зеленый.

.....
.....

Он лугами идет.
Луга зеленые,
Цветы расцветают,
Пташки распевают...

Едут в [деревню] <церковь>. Жених и невеста на отдельных подводах; жених — на 2-й. Во дворе невесты обходят трижды с иконой весь поезд. Из церкви молодые едут уже вместе. По приезде из церкви — еще раз благословение. Потом жениху и невесте — дают *молока*. Затем — *показ* невесты: жених откидывает на ней фату, за что платят невесте.

После конца пира *дружки* и *сваха* отводят молодых в клеть, *учат* молодых, конфузят.

Наутро, на рассвете, приходят и у жениха в доме — «сыр кланяют». Жених и невеста — сидят рядом и гостям на свадьбе — предподносят подарки, купленные женихом. За это отдаривают деньгами. Вечером жених с родней идут на «отзывной пир». Теща подносит жениху *яичницу* и *блины*.

На 3-й день девки *рядят садок* (елку, на которой бумажки, конфеты, ягоды — сад). «Садок» должен купить жених у невесты. «Садок» продают ряженные («собака», «сторож»). Гуляют с «садком» кругом всего села. Несущий «садок» пляшет. Ходят с «садком» по гостям. Это — конец свадьбы.

Песня:

Зеленая роща надо мной шумела,
Я пьяна-пьянешенька под кустом сидела.
Тут ко мне подходит паренек фабричный
И со мной заводит разговор приличный...

«Калитки» из житной муки с пшеном.

Сруб из бревен, выложенных венцами и связанных по углам вырубками «в лапу», «в чашку», «в крюк», «в ус», «в обло».

Клеть была убрана хозяином *по угожеству* молодой жены.

Крыша церкви была украшена *подзорами, закомаринами, теремками, балясами, выкружками*. Крыша — *шатром*, а *полища* — *реяная*.

Образ Святой Троицы в *чудесех*, Иоанна Предтечи в *житии*.

Перекладыны на иконостасе расписаны *по левкасу красками травы*.

Образ *Похвалы Богородицы*: Богоматерь с младенцем на троне, у подножия — лазоревые и алые цветы, травы светлые, деревья с птицами, поющими гласом сладким. А к подножию трона припадают пророки, апостолы, святители...

НАБРОСКИ К РАССКАЗАМ

АНГЛИЯ

Housewives...

Студенты стесняются носить книги открыто: ходят с чемоданчиками, чтобы to be more business-looking – ведь с 14 лет надо работать...

– Господи, убей лорда Девенпорта!

На воскресном базаре – тележка замороженного доктора, продающего собственного приготовления лекарства. Дергает зуб за шиллинг. Это – не в деревне, а в городе.

Удивительно, что хлеб здесь растет в поле, а не делается на станках.

– О, зато мы столько сделали в области спорта! (О музыке).

Royal Punch and Judy – Петрушка.

Все наоборот: свист в театре, свой шар в лузу, левая езда на улицах.

Издательство Аксенова и Кольцова.

Налеты Zen'ов. Старая дева, бегущая в халате в подвал.

БАБЕНЧИКОВСКОЕ

Ярославль. Старорусское, цветные, синие, звездные главы. Купеческий род Вахрамеевых. Размножились в городе: «мучные» Вахрамеевы, «табачные» Вахрамеевы. После революции: отец бежал – и кончил в Ялте дьячком. Дети живут с поваром – дядей Мишей – около него (он – единственный теперь умеет и может), почти за его счет, и он теперь – как старший в семье. Дядя Миша – в короткой ватной кацавей-

ке, безбородый, розовый (гермафродит), картуз — блином, замасленный, глаза — мелкие, не видать. Говорит — как китайскую молитвенную машинку крутит, наматывает и наматывает. Котлеты из мяса с душиком. Это и есть — Миша.

Варфоломей — светлые солома-волосы, маленькие ручки. Играет Бетховена, плачет:

— Так-то ведь некогда о себе в жизни подумать, а тут — играешь и думаешь.

А дома бабушка, тяжелая, и тяжелые комоды и сундуки. И бабушке не дает Варфоломей денег, не дает бархату на воротничок (мечтает о бархатном воротничке). Постепенно кухня стала центром, вокруг которого все, и повар — царь. Нет дров зимой, запирались зеленая и китайская гостиная, столовая, ходили греться на кухню. И повар доставал муку. Варфоломей с братом сидели и голодали, а мать носила мимо пирожки для своей компаньонки... (между ними). И в конце концов — Варфоломей жил с дядей Мишей.

NB. Повар дядя Миша — ходил, размахивал руками, и вообще было так, как будто он все время на пароходе во время качки.

Церковь так и называлась — Вахрамеевский Спас.

NB. ...Хотел, чтобы вид был хороший. На том берегу — деревня мешала. Так купил всю деревню, снес долой и избы мужикам выстроил на другом берегу.

Один из Вахрамеевых — был городской голова. Женат на англичанке — Беатрисе; все зовут ее в городе Милитриса. Теперь содержит всю семью уроками музыки.

Отец Сильвестр, франт, в красном кашне и зеленом под-
ряльнике.

В Музее — содержалась коза, паслась во дворе, на ночь — в самый Музей. В углу — рукописи; под рукописями — топор, пила, продукты.

Ездил в Египет. Спрашивают:

— Ну, как там? Расскажи что-нибудь.

— Да что ж? Вот, помню, в Каире, в отеле граммофон играл... Вот играл!

— А еще?

— Да что ж, ничего особенного.

«Союз поэтов». Во главе — Лев Мурогин. Капка; представляется — теряет честь. «Губенот». Раньше держался при игуменьях женских монастырей, произносил проповеди. В

комнате у него — обстановка, коготки и портрет Ленина на туалете.

Х. — бывший вивёр <жуир>. Теперь — в пальто из мешка, но галантные манеры те же. Собирал эротику; жена не позволила — держал в сарае: крысы съели.

НВ. Очень тоненький месяц в 6 часов утра: такая у нее улыбка.

Архитектор, который работает по восстановлению разрушенных храмов. Тип: противник культуры: «Через 15 лет вся эта железобетонная культура должна погибнуть. Чем проще материал, чем грубее — тем лучше; все остальное — разрушится...»

Он и Д. поделили всю Россию: он — проповедует Ветхий завет, а Д. — Новый. По его мнению — три новых святых: Николай II, Распутин и Серафим Саровский. Его предшественник поступил в священники; он тоже поступит, но сперва должен найти себе преемника.

...Его привели в гимназию. Математику знает. А отец говорит:

— Вы его не заставляйте читать, ему очень трудно. Ему надо вникать в каждое слово, и чтобы книгу прочитать — 1¹/₂ года требуется.

«Все погибнет, что от разума...» (архитектор).

БЕЛЫЕ НОЧИ

Тонкие вечера в конце апреля или начале мая, когда белые ночи еще юны, еще не измучены бессонницей. Только ради Бога — не нужно, не нужно зажигать лампы. Откройте окно и слушайте. Где-то тоже откроют окно и будут тихонько играть на рояле. И далекий шум экипажей.

Без слов — ждете ночи, усталости, темноты. Но это не приходит. Еще час, и еще час — и светло все-таки...

Изумленно просыпаетесь от своей усталости и вглядываетесь в белые еще стены и улицу, странно и тихо пьянеете — и вот уже хочется этой улицы — с движущимися людьми и экипажами, хочется бледных зеркал воды в каналах и в Неве.

На улице вздрагиваете от свежести или от чего-то еще, от какого-то ожидания, и вмещиваетесь в поток экипажей. Конечно, на острова, на Стрелку.

Ходите среди с чуть заметной зеленью деревьев, молчаливых, среди толпы, в которой говорят, кажется, только шепотом. Лодки в розовой воде. Скамейки на берегу. Далекий в тумане рыбачий затон.

В далеких аллеях — лягушки, мостики, и на скамейках под деревьями — обнявшиеся. Ни на минуту они не изменяют позы. Идете мимо, смотрите на песок, улыбаетесь, да, улыбаетесь. Но руки становятся холодными. Сыро? Да.

На другой день забудете обо всем. Но разве будет день? Разве только ночью, на Стрелке — белая ночь.

Да оглянитесь — и днем она где-то тут — незаметная или чуть заметная, как побледневший дневной месяц.

И оттого улицы — так томны, после вчерашнего — мысли завешены легким туманом, приятно ехать на пароходике и смотреть в прохладную воду. Ах — не все ли равно, куда привезет он. Быть может — Ораниенбаум, Петергоф — парк и фонтаны: под шорох воды так хорошо читается книга и так спокойно.

Но попробуйте только на минуту закрыть глаза — и опять вы во власти белой ночи, и творится что-то странное с днем, с солнцем, вашей волей, землей под ногами. Но падать не страшно — сейчас с вами падает все — бредит с закрытыми глазами — все кругом. Вода — разве это ее настоящий цвет — такой сверкающий, режущий, грубый? Не дневная ли это броня, а под нею ночное из нежных полутонов тело, открытое умеющим любить намеки и тени. Деревья — смешные, четкие и звонкие, как глупые воробьи; деревья — разве не притворяются? Те, другие, молчаливые, недвижимые, лирические, ласково-сумеречные — разве не они настоящие майские деревья?

А люди? Эти торопливые, насмешливые, кричащие громко? Напомните им, какими они были вчера ночью — они откажутся: нет, нет. Но сегодня ночью — будут такими же.

В ПУСТЫНЕ

Неделю они просидели в подполе у мужика в поповом доме. Мужик сторожил у попа сад, и поп, убегая, умолял его поселиться в его доме. Он принял их троих.

Они прошли сначала в сад, куда раньше всегда ходили покупать яблоки, грушовку, <нрзбр>. Они знали, что там была злая собака, и удивились, что пес не лаял. Мужик:

– Испугался стрельбы, сорвался, в горы убежал.

В подполе ели яблоки, хлеб и мед. Ночью выходили в сад – подышать. Нина вышла одна, вернулась перепуганная: пес был в саду, вернулся, он укусил Нину. Пес был странный, укусил молча. Реплика:

– Все замолчали, а взглянет – как укусит... Вот и он...

Мужчины. Один – голубые глаза на тонком лице. Другой – одутловатый, все держал большой палец зажатым.

Выехали переодетые: офицеры – в рясах, Нина – простой бабой. Как она хороша была в платочке! У «священников» были револьверы в карманах... Их остановили. Нина сказала, что везет попа с дьяконом – соборовать мужа, муж в слободе умирает. Так они выехали.

Лошадь оставили, дальше пошли пешком. Сначала – весело: спаслись! И смешны были оба «священника». Потом – усталость, только – идти, идти...

Саксаул. Вихри. Даже мираж. Из револьвера убили... зверя. Нина после еды сунула <нрзбр> кусочек сахара. Она захромала: укушенная нога.

Радость: колодец верблюжий. Пить! Но Нина не могла пить. Ужас...

...Она подмигивала и смеялась: это было самое страшное. Когда у нее было просветление, она умоляла:

– Убейте меня, ведь я же больна – от этого нет средства, все равно... Убейте и идите одни...

Обнаруживается, что <нрзбр> любовник: он, не боясь, целует, когда она попросила...

«Что это значит?»

Дуэль в рясах...

ВАХАН

Невеста изменила ему, пока он сидел в тюрьме. Это была какая-то весенняя случайность, она плакала, каялась. Но Вахан не захотел ее увидеть – и после этого возненавидел женщин.

– Их только два сорта – ангелы или куртизанки.

Ангелов он боялся коснуться, куртизанок – было противно.

Позже у него была еще невеста. Это было на Кавказе во время армянских погромов. Невесту Вахана турки взяли, изнасиловали у него на глазах, потом убили. Его увели, чтобы

засадить в тюрьму: опасный дашнак. Его везли под конвоем в повозке; он выбрал момент, когда переезжали через ущелье по мосту — и кинулся вниз, в пропасть. Решили все, что он, конечно, убит. Но он только был изуродован: переломаны руки, ноги. Он дополз до города, до госпиталя, а оттуда сел в бест в персидском посольстве. Там жил, лечился, не выходя, год.

Наконец, выздоровел. Он теперь был хром как Тамерлан, но оставался все таким же красавцем. Он бежал через Тегеран, добрался до Праги. На Кавказе он кончил только духовную семинарию, решил, что надо пройти университет — и 40-летним поступил в Пражский университет. Студент...

Он, впрочем, был юн несмотря на проседь. Он оставался девственником, аскетом. Его собственность состояла из двух предметов: трубки и флейты. Трубку он не выпускал изо рта целый день, к флейте он прикладывал губы раз в две недели — но тогда играл, не отрываясь, полдня — играл песни кавказских пастухов. Женщинам он нравился, и женщины — ему, его тянуло к ним, особенно к блондинкам. Но всегда кончалось какой-нибудь юмористической трагедией.

Женя, студентка. Начало романа. Однажды шли с нею по улице, Вахан остановился против витрины:

— Скажите, Женя, что это такое? Я все смотрю и никак не пойму, зачем это самое? — показывает на бюстгальтер.

Женя — истерика от смеха. Вахан обиделся...

Приехал в Париж. Его отправили с приятелем в Casino de Paris. На утро собрались в кафе — ждут Вахана: он, вероятно, пронзен Casino. Ко всеобщему изумлению, Вахан заявляет, что ему «очень понравилось: вспомнил детство...»

— Детство — в Casino de Paris?!

— Да, как меня ребенком мать водила в женские бани с собой...

Вахан знал пять восточных языков — и ни одного европейского, кроме русского...

Кронштадт. 30.X.1926.

ГИБЕЛЬ «НАДЕЖДЫ»

Гибель «Надежды»... Стоило только сказать это — и уж я вижу, как вы вспоминаете:

— Позвольте, позвольте... как будто что-то такое...

Ну да, конечно: есть «Гибель “Надежды”», пьеса Гейерстама, я знаю. но ведь там «Надежда» — театральная, придуманная (пусть даже очень хорошо), а тут — настоящее, непридуманное судно «Надежда», класс А1 английского Ллойда, водоизмещение — 3500 тонн, машина — 420 сил, приписано к Архангельскому порту, <хозяин> — К. Н. Собакин. Если бы не мое желание рассказать все так, как было — мне, конечно, ничего не стоило бы окрестить судно не «Надеждой», а «Верой» или «Любовью» — как угодно. Но Надеждой звали покойную (вторую) супругу К. Н. Собакина, многие знали — в честь ее было названо судно — это тоже знали, и тут уж выдумывать как-то неловко.

ДЖОАН СКОТТ

Х., писатель, забыл, что он приглашен к обеду, перепутал — пришел на другой день. Скандал... Чтобы как-нибудь выбраться из положения, он сказал, что у него было свидание с Мисс Скотт (взял первую попавшуюся фамилию).

— Какая это Скотт? — спросила хозяйка.

Х-у пришлось выдумать имя, какие-то детали...

— Вы же ее, вероятно, знаете?

Хозяйка:

— Да, да, конечно!

Хозяйка заинтересована романом — и простила писателя.

Хозяйка не преминула рассказать по секрету одной, другой, третьей — и слух о романе писателя с Джоан Скотт пошел по городу.

Приятель-журналист звонит по телефону, где он может разыскать Джоан, чтобы получить у нее интервью. Писатель говорит, что она слишком застенчива для этого, но он, если приятель настаивает, может дать кое-какие сведения о ней.

На другой день — фото в газете: «Мисс Джоан Скотт, известная своими купальными костюмами etc. возвращается из Канн...» На фото — действительно снятая на вокзале какая-то женщина со спины...

Дальше — больше. Наконец — однажды Х. находит в газете свое фото — и рядом портрет молодой девушки. Подпись: «Писатель Х. и его невеста Джоан Скотт...»

На другой день — звонок по телефону:

— Кто?

— Джоан Скотт...

Писатель пытается объяснить, что этого не может быть, что он выдумал Джоан Скотт.

Та настаивает, что она — Джоан Скотт и предлагает Х-у убедиться в этом. Тот просит ее приехать к нему: он боится устроить свидание в публичном месте.

Приезжает очаровательная молодая девушка. Она объясняет, что увидела в газете портрет Х-а и какой-то девушки, неясный, с подписью Джоан Скотт. Это — она, и сколько она знает — она единственная Скотт со странным именем Джоан (или другим). Ее бабушка в ужасе, хочет затевать суд. Но она решила попробовать кончить дело так.

Дело кончается тем, что Х. влюбляется, едет к ее бабушке...

Приятелю-журналисту сообщает, что у Джоан был accident автомобильный, что она — погибла...

ДО И ПОСЛЕ

Где он жил? Везде: в деревне Бугаи возле Тулы, в Москве, в Петербурге, в Лондоне, в Париже. Он был всюду, где пахло лошадыми, конским путем, где согнувшись неслись разноцветные жокеи, где вскочив с мест и сами не слыша своего крика тысячи людей следили за каким-нибудь неожиданно выскочившим вперед аутсайдером. Мужики его звали: «Наш Степан Степаныч», в Лондоне на Дерби он был «Sir Stephan», на парижском Гран-при его называли «Comte Bougaeff», хотя он был просто богатый тульский помещик, страстный лошадиник, кентавр. И всюду — в деревне, в Париже и в Лондоне — с ним хромой цыган Митя, его кучер. Что-то цыганское было, пожалуй, и в самом Бугаеве: черные агатовые глаза, черная шерсть на руках из-под белоснежных манжет, густая синева чисто выбритых щек. И особая примета: большой полукруглый шрам на подбородке, появившийся в это лето, когда объявлена была война.

На Троицу в тот год лил теплый дождь. Бугаев со своим цыганом еще накануне уехал на конскую ярмарку в Лебедянь и вернулся оттуда с покупкой: тонконогий вороной жеребец Бзик. На ярмарке красавца Бзика никто не хотел покупать из-за его бешеного норова — Бугаев, как только увидел его, сейчас же взял не торгуясь.

БУГАЕВЫ

Три дня, не переставая, лил какой-то небывалый дождь, перед окнами стояла водяная стена. Утром на Троицу, когда в деревенской церкви зазвонили к обедне, вдруг выглянуло солнце. Это было как выход дирижера на эстраду: хрустальными люстрами засияли деревья, запели в парке птицы, неистово заблагоухала сирень. Три дня не открывавшаяся дверь широко распахнулась, и с букетами в руках вышли все Бугаевы, чтобы идти в церковь. Впереди была старшая Лида. Горбоносая, легкая, она шла как породистая лошадь на пробежке перед заездом, привычно позволяя любоваться собой. За ней, стараясь попадать в ее следы на песке, шел кузен Гога в белом студенческом кителе. Затем Бугаева-мать, с серыми волосами и совсем молодым еще лицом, ее пятеро маленьких и грудастая акушерка Попкова, известная под кличкой «Клавиатурное сопрано» (так она называла свой голос).

Не было только самого Бугаева: вдвоем с кучером, хромым цыганом Митей, он еще на рассвете уехал в город, где сегодня была конская ярмарка.

Когда кончилась обедня, он вернулся оттуда с покупкой: тонконогий вороной жеребец Бзик. На ярмарке около красавца Бзика собралась целая толпа любителей-лошадников, но из-за его бешеного норова никто не хотел покупать жеребца. Бугаев только переглянулся с хромым Митей и, не торгуясь, взял Бзика.

Теперь Бзик стоял на бугаевском дворе, привязанный к железному кольцу у каретного сарая, косясь на людей бешеным черным с красными искрами глазом. Размокший чернозем чмокал под его копытами, и это походило на звук поцелуев, когда губы с трудом отрываются от губ. Должно быть, Лида так и услышала это: она оглянулась на студента Гогу и засмеялась. Бзик прыгнул в сторону, из-под его копыт полетели комья чернозема, один прилип к персиковому шелку ее лондонского платья (лондонские модели она предпочитала парижским). Цыган Митя подскочил к ней, стал перед ней на колени прямо в грязь и счистил с шелка комок. Лида даже не взглянула на него.

— Ну, что ж, Митя, попробуем? — сказал Бугаев, потирая руки как от холода: так он всегда делал, когда в игре бросал тысячи на карту, когда подходил к незнакомой понравившей-

ся ему женщине, когда на пожаре лез в чью-то горящую избу, чтобы вытащить там насадку с цыплятами — словом, когда начинал «озоровать», как говорили про него мужики.

Митя запряг Бзика в легкую беговую двуколку, подвел его к воротам. По зеленой улице шли из церкви мужики с троицкими цветами, они несли их как веники, подмышкой. Бугаевские ворота вдруг раскрылись, Митя, сверкнув белками, крикнул:

— Берегись!

Мужики живыми шпалерами раздались в стороны и остановились: ну, должно быть, сейчас будет потеха...

Цыган Митя уже сидел в двуколке с Бугаевым, разбиравшим вожжи. Что-то цыганское было и в самом Бугаеве: черные угли глаз, черная шерсть на руках из-под обшлагов белой шелковой поддевки, чистая синева бритых щек. Бугаев, как скрипач в первый раз пробующий смычком новый инструмент, легонько тронул вожжой Бзика. Жеребец только оглянулся, злобно оскалив зубы. Бугаев, натянув вожжи, гикнул, хлестанул его. Бзик ударил задними ногами в передок двуколки, но не тронулся с места, и что дальше не делал Бугаев, жеребец только храпел, вставал на дыбы, но ни за что не хотел сделать ни шагу вперед. Бугаев весело, жадно дышал, у него, как у Бзика, тоже были оскалены зубы, это было единоборство, и Бугаев должен был бы во что бы то ни стало одолеть, тем более, что он увидел в окне лицо жены, с которой он уже месяц был в ссоре.

— Давай сена! — крикнул он Мите.

Митя, хромая на правую ногу (эта хромота как будто помогала ему бежать быстрее), принес охапку сена. Бугаев бросил ее на землю под задние ноги жеребцу. Мужики за воротами и Митя глядели, ничего не понимая.

— Зажигай! — приказал Мите Бугаев.

Митя вытащил из кармана коробок спичек и остановился, с опаской покачал черной лохматой головой. Бугаев, сверкнув зубами, выхватил у него спички, чиркнул и нагнулся к сену. Сено вспыхнуло, жеребец высоко взметнул задними ногами, подковой ударил Бугаева в подбородок слева, брызнула кровь. Крикнула жена Бугаева в окне, ахнули мужики и Митя — и еле успели отскочить в сторону: обожженный Бзик пронесся мимо них в ворота на улицу, мелькнула белая поддевка Бугаева, на ходу вскочившего в двуколку, видно было, как он ухватился обеими руками за передок, чтобы удержаться на крутом повороте...

Уж смеркалось, со стеклянным писком ласточки чертили в воздухе кругом колокольни, а Бугаев все не возвращался — да и вернется ли? Может быть, уже лежит где-нибудь? Раздумянившаяся от волнения и еще более помолодевшая Бугаева сверху, с балкона своей спальни, смотрела на дорогу. Сначала лакей, потом акушерка Попкова прибежали сказать, что уже собираются гости, но Бугаева, даже не оборачиваясь, только сказала:

— Пусть, мне все равно, я не могу.

Гостей принимала Лида, спокойно, уверенно двигаясь под взглядами мужчин, глядя мимо всех на кого-то, кого здесь не было.

Она села за стол на хозяйское место. Лакей внес блюдо с огромной коричнево-лоснящейся кулебякой. Едва закрывшись, дверь снова открылась — вошел Бугаев. Все закричали, задвигаями стульями, вскочили. Вся грудь и левый рукав поддевки у Бугаева были залиты кровью, кровь засохла на ране в подбородке, но он сверкал зубами, глазами...

ДОКТОР ОРЛОВ

...Убегая из Сибири от Колчака, он получил подложный паспорт на имя доктора Орлова и командировку «за медикаментами для армии». Он должен был пробраться в Америку, чтобы вести там пропаганду против признания Колчака.

Это — сейчас же по окончании войны, пароходы дальних рейсов еще не ходили, пришлось пробираться из порта в порт. На первом же пароходе — стало известно, что едет доктор — и начались приключения. Два японца, один заболел, пришлось осматривать. Насморк, лихорадка, боли — а кто его знает, что это? Чтобы избавиться от пациента, «Орлов» проделал такой трюк. На пароходе была англичанка. «Орлов» под страшным секретом рассказал ей, что один из пассажиров болен испанкой — он боится, чтобы больной не заразил всех. К вечеру секрет был известен всем, волнение среди пассажиров — и по их требованию несчастного японца высадили...

На следующем пароходе «Орлов» решил держаться буйкой, в стороне от всех. Сидел один и читал — толстые фолианты («Монте-Кристо» из паровой библиотеки). Это оказалось еще хуже: слух — что едет доктор молодой, но страш-

но ученый (фолианты!) и знаменитость. Чтобы предупредить нашествие пациентов «доктор» заявил, что он — специалист только по нервным болезням, но это не помогло.

Ехала жена голландского негодяя с мужем, беременная. Ей стало плохо. Был на пароходе судовой врач — рамоли, пьяница, который ничего не хотел знать, кроме бриджа. Голландец умолил Орлова посмотреть его жену. Как будто ничего особенного. Но через день — хуже, показалась кровь... консилиум с судовым врачом, спор, кому первому исследовать. «Орлов» оказался скромным и убедил судового врача начать, а затем — в точности повторил то, что сделал тот... В порту, к счастью, сел на пароход известный французский хирург. Новый консилиум. Хирург нашел, что необходима немедленная операция, и настоял, чтобы «Орлов» ассистировал. Потом хвалил его «дисциплинированность» и «скромность».

В Сингапуре села какая-то молодая красавица-англичанка. Села в жестоком нервном припадке, в слезах. Конечно — вызвали «Орлова». Она рассказала, что у нее был незаконный ребенок от любовника, ребенка она оставила в Сингапуре и едет в Европу — разводиться с мужем. Это признание — уже объяснило все (Фрейд). «Орлов» разговорил, отвлек ее, она уверовала в его «обтирания», «прогулки» — поправилась. А «Орлов» — заболел — любовью... Скоро всем стало известно: доктор влюблен. В столовой он пересел за ее столик. Но она все смотрела на него как на доктора. За нею ухаживали все, особенно — один. Столкновение с «доктором Орловым», вызов на дуэль. «Орлов» предложил отложить до Марселя. Встреча с людьми, которые узнали «Орлова». Тогда он пошел на риск: признался пациентке, что он — не доктор, а если ей стало лучше, так это потому, что он любит ее... Выиграл: это потрясло англичанку, она тогда влюбилась... Марсель — она уже не хочет ехать к любовнику. Дуэль...

DOLORES

— ...Руки вверх! — уже кажется, он погиб. Но держа руки вверх, заставляет коня брыкнуть задними ногами врага — и тот... убит...

Стал на лошадь, простившись с ней. Перепрыгнул через стену — и в саду. Лошадь поскакала, погоня за ней.

Он слышит в саду, как хозяин посылает за собаками. Он зарывается в сено. Слышит разговор хозяина с дочерью.

Полдень. Все спят. Он пытается бежать. Вылез — на дорожке человек. Снова, кажется, герой погиб, но человек оказывается слепой...

Дальше: спят собаки — хозяин... И дочь — в гамаке. Герой подходит к дочери. Забывшись, свистит... Дочь проводит его к себе в комнату.

...Он потерял в саду вещь, по которой узнают о его присутствии.

Он проводит ночь в комнате девушки. На утро она вбегает: отец позвал солдат — обыскать весь дом! Чтобы его не нашли у девушки, он выходит из ее комнаты и сдается. Ко-нец!

Его рассказ. Он едет с одной из своих жертв в дилижансе. Они спорят о Бахе и Моцарте.

Спасение из тюрьмы — обманом. Дочь губернатора ревнует...

Тень летучей мыши в тюрьме.

...В отчаянии. Он пьет. Еще!..

«Еще — я выйду на улицу и буду кричать: вот я! берите!»

Кабатчик выхватывает у него бутылку — и об стену...

Поддельное письмо от отца к настоятелю монастыря.

Отказ Микаэлы: она поклялась выйти замуж за другого. Это во время попытки похищения ее из монастыря. Похищена вместо Микаэлы — дочь врага.

ЕВА

Когда она проходила мимо, разговоры обрывались на полуслове, вслед ей смотрели, не отрываясь. Она шла медленно, как будто ей трудно было тащить за собою тяжелую сеть мужских взглядов. Но в опущенных глазах и в еле заметной улыбке было другое:

«Да, вот она — я, смотрите!»

И все смотрели — может быть, именно на ее губы, верхняя была чуть припухшая, в углу справа виднелась маленькое темное пятнышко — такие бывают на самых сладких яблоках.

Так она проходила через залы блестящих петербургских балов, вернисажей, через белые ночи, через годы, через люб-

ви — нисколько не меняясь, все с той же своей улыбкой. И совершенно так же, опустив глаза и чуть улыбаясь, она медленно шла сейчас по бесконечному, выстланному железом, тюремному кирпичу. Она знала, что на нее смотрит и ее следователь Милкин, и этот новый, высокий, из Ленинграда, и надзиратель с добродушной мужицкой бородой, и юркоглазый уголовник Ваня с медным чайником. Надзиратель, почесывая бороду ключом, ждал ее у открытой двери камеры. Входя, Ева на пороге подняла глаза на надзирателя. У него из бороды навстречу ей выскочила улыбка — и сейчас же кинулась назад в бороду как в кусты: он покосился на начальство из ГПУ — и молча захлопнул дверь, не поговорив с Евой, как обычно.

Тот, высокий — был новый, присланный из Петербурга начальник. Милкин, не глядя, слышал, как он ненужно, насильно посвистывал, потом спросил...

ЕВА

В офицерском собрании полка, где служил ее брат, был устроен бал. Это было в мае, балкон в парк был открыт. Снизу шло дыхание ночных трав, в мягком черном небе с разбегу остановилась крупная красная звезда, около нее дрожа толпились голубые. Ева быстро повернулась от балкона в зал, блеснула глазами, крикнула:

— Кто со мной — вниз, в парк? — и, не оглядываясь, пошла к выходу.

Ковер. Тот... насильно насвистывает.

У Евы — росинки пота на верхней губе.

КОМНАТА № 2

Эта комната была не в Париже, а в Москве. И следовательно, — это был выигрыш, удача, счастье, воплотившаяся в жизнь мечта долгих лет.

Московский человек Иванов ждал этой комнаты два года. Несколько месяцев он жил в ванной (ночью он ворочался, покаясь на досках, уложенных сверх ванны). Затем его переселили в бывшую кладовую с маленьким зарешеченным око-

шечком (ночью там бегали крысы). Напротив кладовой была комната № 1 — резиденция могущественного властителя: Председателя Домового Комитета. Иванов каждое утро нежно справлялся у него о состоянии его геморроя. Иванов каждый вечер играл в дурачки с его женой и проигрывал. Но в конце концов он выиграл комнату № 2 (председательша попросила мужа).

Для московского человека, прошедшего через чистилище темной кладовки и ванной, это был рай. В раю с утра сияло божественное солнце. Кроме того, в раю был умывальник с проточной водой и зеркало. Для Иванова начиналась новая жизнь. Он каждый раз брился, он смотрелся в зеркало, он наслаждался водой, он рычал, он делал гимнастику, он бегал, он молодец.

НА ОСТРОВЕ

Чувствовалось именно так: на острове, отрезаны — как Робинзоны. Кругом — серое Северное море, полное стальных акул. Кругом — чужие, чудные Пятницы. Пятницы слышат знакомые английские слова, но понимают их только внешне: так же вчера в мюзик-холле слушали дрессированного тюленя. Тюлень говорил человеческие слова, дивились:

— Говорит, а? Ну, сделай одолжение...

Но за словами, конечно, не слышали души тюленьей. Мы для тех — для рядовых англичан — только чудо природы: говорящие тюлени.

— Послушайте, да вы одеты совершенно по-английски...
— оглядывал меня Пятница с ног до головы.

— Да? Благодарю вас.

— Ну, а как же вы одеваетесь у себя на родине, в России?

— То есть как — как? Да все так же.

Но Пятница хитрит; Пятницу не проведешь.

— Нет-нет: этот костюм вы, конечно, по пути, в Норвегии купили. А как же вы там в России ходите, какие у вас одежды?

Слова у нас общие. Но разве нам в чем-нибудь сговориться?

Тут, на острове, среди чужих Пятниц, встретил я дни Февральской революции.

Русские газеты получались через месяц. Письма не доходили. Английские газеты о внутренних делах своих доблестных союзников вежливо молчали. Никогда ни единого искреннего слова, одни сухие телеграммы: назначен Трепов, убит «таинственный монах» Распутин.

ОНА

Тонкое лицо, японские глаза и брови, и — блондинка; неожиданный какой-то профиль. Была медичкой, работала по психиатрии — на Удельной. Там была дама, которая видела чертика, привыкла к нему — все только сгоняла его как муху, очень просто.

Однажды идут с ней, с Мери — и больная видела его на пороге. Мери:

— Где? Где?

Больная показала — и Мери тоже увидела: маленький, с мышонка — чуть побольше, весь, как маленький человечек — только в серой шерсти. Нырнул за угол — и по коридору. Мери за ним — и с размаху наткнулась на молодого доктора.

— Куда вы?

— Да не мешайте вы: мне надо чертенка догнать...

Ей запретили работать в госпитале...

В Финляндии вышла замуж. Он — дезертир, но не из трусости:

— Мне не интересно, если в меня ахнут сверху бомбой — или гонят на пулеметы, как стадо баранов. Врага — даже не видно.

Сидели в гостях у Х., тот — озабочен, рассказывает, что погиб его последний разведчик: только что женился — и пошел туда последний раз, больше не вернулся...

Он предлагает свои услуги. Х. отказывается:

— У вас жена и 3-месячный ребенок.

Он:

— А что ж из этого? Мне все равно...

Когда жена услышала это «мне все равно»...

Хождения эти были для него как азартная игра, он уже больше не мог без них жить: надо было два раза в месяц — ходил два раза в неделю. Еще жил с женой и ребенком. Ухо-

дит вечером — в полдень вернется. А то уходит на неделю, возвращается через месяц.

— Где пропадал так долго?

— А так, в Царском — концерты интересные, решил весь цикл прослушать...

Переходил по льду. Заметил разъезд. Не меняя направления, стал выбрасывать из карманов все письма, оружие и затаптывать в снег. Подошел прямо к разъезду:

— Ну, слава Богу! Ведите меня к своим — я ушел оттуда, не могу там больше, тошно.

Его посадили, добивались от него три месяца: ничего, улик никаких, его не знали — ни разу еще не попадался. Через три месяца следователь (испытующе глядя):

— Ну вот не знаем, не то в Сибирь вас отправить, не то — назад.

Он:

— В Сибирь!

Следователь:

— Почему?

Он:

— А потому, что если туда, назад отправите — так я опять к вам прибегу. Не могу я там!

Следователь:

— Ах, так!

И обратно.

При одном из следующих переходов — его выдали, сейчас же после перехода, ночью, в лесу — окружили. Отстреливался; сидел без пищи и питья несколько дней. Сняли наконец облаву: решили, что он перебежал на ту или другую сторону. Расстреляли 19 человек его знакомых и родственников, у которых он бывал в Петербурге. Он спасся (год пролежал в лечебнице — чтобы замести следы). Теперь играет в клубах в карты — больше ничего делать не может...

ПАССАЖИР

Ревизор ледокола Х. получил секретный приказ: провезти нелегально пассажира. Знали на судне об этом только двое: ревизор и капитан. Капитан — знал и не знал: все свалили на ревизора. Все нужно было сделать одному: команда — англичане, почти все. Немного русских — ненадежных...

— «Пассажир» будет в серой шляпе, непромокаемой, с чемоданом — ждать в Джарроу.

В серой шляпе, с чемоданом — таких тысячи. Ревизор попросил дать другие приметы.

— Хорошо, с двумя чемоданами, один — в правой руке — плоский.

Лучше. Но вдруг, случайно, попадетсЯ другой с плоским чемоданом в правой руке? Нельзя ли показать раньше «пассажира»?

— Нельзя, за ним следят.

Все-таки уговорились: на такой-то скамейке Трафальгар-сквера...

Увидел: черненький, не англичанин. Он был аргентинец...

Знал, что с таким-то поездом «пассажир» приедет на вокзал в Нью-Кастль. Подождал, увидел. И увидел субъекта за ним. «Пассажир» ловко ускользнул от сыщика. Ревизор за ним. Сели в вагон — на Джарроу: ревизор в одно купе, «пассажир» — в другое.

Когда вышли в Джарроу из вокзала на темно-серую улицу, ревизор подошел к «пассажиру» и сказал ему:

— Follow me.

Тот подошел... В порт... Дождь, ветер, огни, расколотые в лужах...

Катер с ледокола. Сели, поехали. На судне ревизора ждали представители разных фирм. «Пассажир» донес вещи ревизора в каюту, тот поблагодарил — при посторонних, глянул в кошелек (нет мелочи), сказал:

— Сейчас.

Вышел — вместе с посторонними. Вернулся — и быстро объяснил «пассажиру», чтобы лез в шкаф.

Затем продолжил прием. Дверь каюты ревизора была открыта, толкался народ, подписывались счета. А в шкафу...

Нужно было избавиться от police-officer'a, который должен был делать осмотр. У officer'a — рождение жены, он веселый. Ревизор покупает у него медные часы за £7.

— Я не знал — не уверен, — что это золотые. Но мой приятель выиграл это на лотерее уличной — как золотые за 1½ shillings. Затем уговорились с officer'ом, что он пришлет ему на дом список команды...

Таможенный осмотр [Банка captain'a с фунтами сверху..] Угощение. Осмотр. Прячет «пассажира» в водяной цистерне.

Выходят из Банка. Принимают лоцмана на судно.

— Ледокол, стоп!

Сердце сперло. Оказалось:

— Message for you...

<Нрзбр> «пассажир» — уже не пассажирский. Ни за что не хотел ехать даром. Стал помогать стюардам мыть посуду. Подозрения.

Либава и Ревель. Осмотры. В консульский список «пассажир» не записан. Кое-как сошло.

Лица: Капитан, Юнга, Старый машинист — любит машины — обожает их, они живые.

Сюжет. *Гибель всех надежд.*

Капитан подрядился потопить судно — за крупную сумму. Молодой юнга поступает на этот корабль. Прощается с невестой, с матерью... Уходит в море. Разыгрывается метель, все черно, одни белые хлопья на огне береговых фонарей. Буря все сильнее, надвигается трагедия...

Капитан топит судно. Паника — спокойная. Водопаро-впускные двери: старый машинист успел выбить клинья (капитан об этом не знает). На шлюпках — к берегу. Пустынно, рыбаки. Запасы у команды: масло, белая мука, спирт. Подгребли сквозь ночь и бурю к берегу, высушились. (На берегу — на черном белая дырочка — огонек.) Обсушились, выпили спирту. Капитан весел: все благополучно.

Утро. Солнце. Когда капитан проснулся и вылез на берег — он увидел... судно не утонуло...

И так две недели оно торчало у всех перед глазами. Каждое утро он ждал, что сегодня наконец его не будет: нет, проклятье, не тонуло.

...Вечером однажды стали вспоминать всю историю (каждый вечер ели блины и пили спирт). Старый машинист рассказал, как он закрыл двери. Капитан (пьяный) кинулся на него — бить. Так обнаружилось, что капитан хотел потопить. Когда пришел пароход — его арестовали.

* * *

Кипа упала в трюм на грузчиков. Помощник капитана вбежал туда: оба стоят. Один — совсем цел, другой орет.

— Что ты?

— Нога, спина. Нога горит, мочи нет...

Вытащили наверх, в лазарет, идет, переступает ногой — ну, значит, не сломана. А привели в лазарет — вся нога — штанина — мокрая.

— Что это с тобой?

— А я помочился на ногу, чтоб не так горела...

* * *

Засыпало углем грузчиков в угольной яме. Откопали через 5 часов (они стучали в переборку).

* * *

Враль-моряк. До того заврался, что:

— Во время шторма такие были волны, что нас перекинуло через судно.

3000 тонн.

* * *

Вели на берег полковника — начальника Иоконгской тюрьмы.

Только в Мурманске ждали на берегу. Завыли, заулюлюкали. Какая-то баба подскочила с поленом, замахнулась на полковника — он прикрыл голову руками и взвизгнул по-пороссячьи. И так, нагнувшись, орал, пока она била его. Ударила раза 4—5, он упал...

* * *

Сражение: «Минин» полным ходом удирал от «Канады», а «Канада» — от «Минина».

* * *

На палубе, занесенной снегом, проступают черным — тает — болты...

Утром море — как цинковые тусклые листы, и светлые и желтые разом.

Дым из трубы — пригибает к воде.

Поплевывает циркуляционный насос.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Профессор Подъегоров – химик, который в конце концов тоже поверил. Философ (позитивный идеалист).

Ефетов. Какаулин. Ларри-Энам. Дача Штекера. «Рай» Сарибана.

Виктор Францевич Погода.

Семен Кубарь. Носил всегда все просторное: сапоги всегда загибались на носках, картуз накрывал уши, из рукавов рук не видно.

Попадья. Губы – как жопа куриная. Глаза – маленькие, глупые, но делает умный вид. Туфли не по ноге, шикарные; тело из них выпирает.

«Критик» – который пишет на всех доносы в «Севастопольский вестник». Кто-то сделал ошибку в <нрзбр>: донос.

– Позвольте: что же тут некрасивого, я же делаю доносы на большевиков? По адресу большевиков я готов быть не только Булгариным...

– Да, мы с таким охотно протянем друг другу руки...

Другие белые:

– Да, он прав... но все-таки руку ему подавать неприятно.

Напился – и кается в последний день.

«Большевик», который поссорился с приставом. Пристав его выслал, большевик обещал:

– Вы меня еще вспомните!

Жена Грибачева. После его покаяния – изменяет ему.

Вера, которая теряет веру.

Просто – женщины. Приборы <нрзбр>.

Матросы стали продавать по 1000 за коробку.

Ветры: (одесские) Кинбуры, Гиршляк, Молдованка, Низовка.

«Шкарпы» (колышки вместо ключин); «прорва» – пес. Коммерческое судно, обращенное в крейсер – «Шмага». В Севастополе офицеры работают в порту.

Дыня – 2500

Хлеб – 300 рублей

Виноград – 1000

Миллионы.

Офицеры получали 10 000 в месяц.

Белые: одни — за царя, другие — за Учредительное Собрание, третьи — не знают.

Белых в просторечии называют «кадетами»:

— «Кадеты» идут.

Пограничники говорят барышне:

— Мы умрем. Это — страшно в первый раз, а уж мы привыкли.

А как доходит до дела...

Город снабжается водою из трех колодцев: речка загрязнена.

Стахеевская набережная. Городская набережная со скамьями... Кафе «Поплавок».

Мраморная доска на даче Голубева.

Деревня Кербеклы вверху...

Скалы Бабугана.

Горный проход Кебир-богаз.

«Помните, как 1 июня ездили на память Керзон-Де... в монастырь».

Видел Сатыр-Даг.

Аюдаг. Гора Делорджи.

КУПЧИХА

Лица:

Профессор Подъегоров и его жена. Нежная любовь. Они друг для друга — те же, что 30 лет назад. Из-за страха за нее («а вдруг?») Подъегоров верит в катастрофу.

Грибачев и его жена. Идеальный прохвост. *Les extrémités se touchent*. Жена — на волосок от осени, другого ей уже не найти. Цепляется поэтому за мужа, оправдывает, выгораживает его. После пьяного покаяния Грибачева, когда он отрекается от своих *extrémités* — изменяет ему.

Попик, который спокойно верит и спокойно ждет.

Юрий Юрьевич Мисс, заведующий отделением Центросоюза, эсер. «Чистоплюй». В ужасе, когда узнает, что приглашен и Какаулин. Потом — примиряется.

Борис Борисыч Сливкер, спекулянт, валютчик. Использует положение и тут: у него спешно покупают валюту, николаевские, «думки» — хотя, казалось бы, не все ли равно при

светопреставлении? Он соблазняет жену Грибачева перинами, деньгами.

Капитан Какаулин, начальник контрразведки. Всегда — один. Тут вдруг ему захотелось людей — с людьми... Вспомнилось: кадетский корпус, Святки...

Вера. Персик поливают, он растет — чтобы кому-то отдать плод. Так Веру поливали, она росла — для любви. Персик уже покрылся пушком, зарумянился. Он бережет себя для настоящей любви. И тут — не дождавшись, отдается — только бы не пропасть даром.

Семен Кубарь, «красных дел мастер и пр.». Спокоен. «Мы и на кочках проживем». Нечего терять.

Татары. Офицеры-пограничники. Даты — «аппараты» для...

НАБРОСОК К РАССКАЗУ

Подъегоров был рассеян. Вернее, дело обстояло так, что жил он не в Петербурге, а в Атлантиде. Свастика, дольмены, пирамиды у мексиканцев, урундические, пирамиды в монгольских степях — остатки культуры, дошедшей перед гибелью до... истончившейся как мыльный пузырь — и лопнувшей... Атлантида была и сейчас, Подъегоров чувствовал. Что она скоро потонет — и что, что уцелеет от нее?..

Он жил в Атлантиде. Атланты вокруг него, спасаясь, цеплялись за подножки трамваев — только бы уехать, торопливо бежали куда-то с мешками, саквояжами, корзинками, ранцами. Что-то постукивало, постреливало, подтрескивали какие-то подпорки у стены...

Подъегоров был поэтому рассеян. Это с ним вышел известный всему университету случай: он не уцепился за подножку трамвая, он щел на лекцию пешком, задумался, кругом — Атлантида, время перескочило назад, сбилось — так сумасшедшие часы, которые бьют два, пять и одиннадцать, потом — три... Был мороз, солнце висело как красный флаг. На термометре Подъегоров увидел: 11 и крикнул спутнику:

— Что же это я? Одиннадцать! А у меня лекция в десять начинается...

...На лекции он вдохновился, забыл все... После лекции подошла к нему девушка и сказала:

— Спасибо вам!

Щеки у нее горели. Профессор Подъегоров, только что размахивавший, гремевший с кафедры, снял очки — и стал такой... мальчик, такой сконфуженный, красный, как гимназист...

Уходя, он взял (из туфли) часы, потом вспомнил:

— Ах, да, бишь, книгу ей... — полез за книгой...

Потом на улице он вспомнил, как вынимал из туфли часы...

СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ

Рассказ

Подгорняя улица — внизу: зеленая мурава, белый козлик к колышку привязан. А на горе — город, губернаторский красный дом, городские в перчатках, и все торопятся, и фонари горят всю ночь.

От этих-то фонарей, может, и рехнулся Петя Пупыкин. Выйдет на крыльцо ночью: наверху фонари, мигают и манят, и музыка издали, и жизнь ни с чем не сравненная — не эта, не настоящая, а как в книгах.

А днем в лавке — старик Пупыкин Петю пилит:

— Дубина ты, уголотень, опять галок ловишь? Сколько раз говорёно: летошний засол кончится — тогда за новый берись, а ты что, а? Погоди-и, доберусь я до тебя, и до книжек до твоих...

А белая щетина таращится (брился старик по субботам), а сам подпрыгивает — Петьку за виски ухватить, да не достать уж: вытянулся Петька, как на ходулях...

По будням на Подгорней торговля не бойкая, и повальжничать можно: в двенадцать уходил старик обедать. И тотчас из-под бочки с воблой Петя Пупыкин вытаскивал книгу, и мигали далекие фонари, музыка манила, к храброму корсару входил капеллан, внезапно сдергивал бороду...

— Графиня, вы? — и забыл корсар обо всем, но в душистых объятьях палач стучал уже в дверь.

— Селечку голландскую маринованную, за 7 копеек... — хрипел палач...

— К черту! К чертям собачьим! — орал корсар.

Перепуганный покупатель, отродясь на Подгорней улице не видевший гневных корсаров, бежал к «самому», к старику Пупыкину, на Петьку жалиться: совсем малый рехнулся.

Топорщи́лась щетина седая, бегал старик, шариком катался, ножки маленькие — в бабьих полусапожках, никаких недомерков на его ногу в лавках не находилось, катался, как шарик*.

— Ах ты горе мое горькое, да что же это за страм такой, мать Пресвятая, ширьшая небес, Пёт-Павел... Дьявол окоянный, беспортошник, леший...

— Жен-нить его, прохвоста, Петьку твоего, — кричал покупатель, и было ясно: женить и пороть — одно и то же.

— Жа-жанить, говоришь?

— Жен-нить его, собачьего сына! Небось, кувашёнок один заведется, да другой закувакает, да третий родится — ошаление-то и пройдет это самое.

— А и верно, ведь, а? Чтобы тебя намочило! Ведь и правда — пройдет...

Материалы.

РАССКАЗ <неокончен>

Из письма К. Едыткина:

Любящий дядя...

И я, как чиновник, в случае своей собственности... Ужели для Вас не было бы это наградой и семейным удовольствием... освобождение себя от независимости... Почувствовали себя кругом чужбиной... Почему я остался на всю жизнь недоразвитым парнем в умственных и иных способностях... Я читал Ваши письма, по которым видно, что Вы просите вернуть тетю Евдокию Сергеевну приехать, так как оказываетесь очень слабым в настоящее время. Жаль, что служба тормозит, я приехал бы разделить с Вами, быть может, последние минуты...

Вышло как-то — забежал ночью на Подгорнюю улицу чиновник Соколов: за своей тенью с поленом гнался, находило на него такое. И-и гонит, и гонит, и орет во всю глотку:

— Д-держи ее, треклятую! А-а, те-те-те, я те ошарашу! Я те-те...

* Покупатель должен быть лицом определенным, с именем (поп).

А у себя на крыльчке старик Пупыкин сидел: на ночь в лавке замки проверил и, по обычаю своему, присел на сон грядущий о суете земной поразмыслить.

Увидел старик Соколова с поленом — кинулся в двери, да нет было.

— А-а, ты вон куда треклятая? Ну, не-ет, <нрзбр>, будет... И-и-я те... — да как в старика таррахнет поленом — и наутёк.

Выскочили из дому молодой Пупыкин да Степаныч-кучер, подняли старика, в зале на диван положили.

К утру старик в память пришел, чаю выпил, заворошил-ся было — в лавку идти, а куда там идти, когда голова проломлена.

— Ну нельзя — так нельзя. Давай, Степаныч, в свои козыри играть, — любил старик «в свои козыри», стал с кучером играть, а Петя в лавку сидеть пошел.

Вернулся — старику худо; душа ничего не принимает, все тошнит да тошнит.

— Ой, Пётюшка, тошно, помру я. Пообещай ты мне жениться скорей, только сорокоуст пережди. А то, больно, неспокойно, тихий ты у меня, завертит тебя какая вертихвостка — и все прахом пошло...

Кой-как, сквозь слезы, обещал Петя жениться. Полегчало старику, и тошнить перестало, и опять стали в свои козыри с Степанычем дуться. Везло старику так, как в жизни никогда не везло. Еще бы один кон — и обставил Степаныча, да на последний кон силы не хватило. Бросил карты и языком цокнул:

— Тц, эх! — пожалел о чем-то, да так, в свои козыри не доиграв, Богу душу и отдал...

СУМАСШЕДШИЙ

Все ничего, провожает девушку — и вдруг на улице ей:

— Не ездите никогда в красных такси: это — *они*.

Потом в метро:

— Видите — человек вон там, в очках? Это он надел, чтобы видно было, что он за мной следит.

В отеле, в комнате над ним поставили радио, он совсем забеспокоился:

— Это *они* волнами Герца хотят меня убить, как К.

Пригласил полицейского инспектора, все объяснял так разумно. Полицейский все же понял:

— Поедемте к Кьяппу.

Отвезли в сумасшедший дом.

Платило за него государство — франков 30 в день. Он никому был не нужен. Чтобы от него избавиться, перевели его в провинциальный дом на границе с Бельгией. Он не хотел, он просил, чтобы за него хлопотали. Все-таки перевели. Последнее письмо оттуда — совершенно разумное: как отобрали все деньги, не на что газеты купить, сахару, чаю; кормят так, что свинья не станет есть; отобрали ботинки, приходится босиком ходить по каменному полу, бьют... Через два дня — мертв. Жена нашла его с рассеченным лбом и с кровоподтеком, огромной опухолью на теле слева. Ей объяснили, что он упал с кровати — лбом о ночной столик. Она попросила показать ей палату. Там была только кровать: ни столика, ни даже стула...

ЧАСЫ

Профессор Иванов читал будущим инженерам лекции по теоретической механике. Это было великолепное зрелище. Послушные своему великому вождю, формулы маршировали, как солдаты, вздваивали ряды, строились в колонны, кидались в атаку на иксы и игреки — и эти страшные враги, запертые в скобки, бросали оружие и превращались в простые, смиренные цифры. Студенты приветствовали аплодисментами гордо возвышавшегося на кафедре Цезаря, Наполеона, Суворова.

Но как только Суворов выходил из аудитории в коридор — он превращался в маленького человечка Иванова. Он никогда не шел посередине кафедры: с тетрадами и книгами подмышкой, он жался всегда к левой стене. Были видны редееющие волосы на затылке, и под ними на шее — косицы, какие бывают у подрастающих гимназистов.

Последние следы величия исчезали, когда профессор Иванов возвращался домой. Здесь не было уже ни профессора, ни даже просто господина Иванова: для няньки Дарьи он был все тот же Миша — как 20 лет назад, когда с зеленого

берега Волги он уезжал учиться в Петербург, в университет. Мишина мать согласилась отпустить его в Петербург только под конвоем няньки Дарьи: Дарья должна была опекать Мишу и присматривать, чтобы «в этом Вавилоне с мальчиком, избави Бог, чего не случилось».

Няньке Дарье было тогда под 30. От нее пахло парным молоком, ее обильное тело рвалось из платьев на волю: по вечерам, после пятой чашки чаю, у нее выступали росинки на верхней губе, и она расстегивала пуговицы на груди — и там перед математическими взорами Миши мелькали отрезки каких-то соблазнительных розовых кривых. Дарья несколько раз перехватывала робкие, голодные Мишины взгляды, она услышала, как беспокойно ворочался он в своей комнате на постели — и так же деловито, хозяйственно, как она кормила его обедами, она пришла в ту ночь к нему и накормила его собою.

Так побеждено было самое коварное неизвестное, именуемое любовью. В жизни Миши, затем доцента, затем профессора Иванова все было теперь просто и точно. Лекции, вкусные Дарьины щи, божественные формулы механики, розовые кривые теплых Дарьиных грудей.

ЭПИКУР

Пока мы живы — смерти нет. Когда пришла смерть — нас нет, следовательно, мы и смерть — не существуем одновременно. Смерти нет для нас.

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том включено написанное Замятиным более чем за 20 лет, однако им самим не публиковавшееся в силу своей специфики.

Содержание тома делится на три раздела: 1 — Блокноты; 2 — «Лекции по технике художественной прозы»; 3 — Из незавершенного.

В первый раздел входят записи, которые вел писатель, начиная с 1914 года и до конца жизни, в блокнотах (по-русски — в записных книжках, но коль скоро он неоднократно сам употреблял слово «блокнот», мы сохраняем это название). Записные книжки, как правило, служат писателям подсобным материалом, который не предназначен для прямого использования в конкретном произведении. Бывают, конечно, исключения, как, например, книжки Ильи Ильфа, которые строились в расчете на издание. Блокноты Замятина ближе к аморфному хламу, о котором Анна Ахматова риторически вопрошала: «Когда б вы знали из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Блокноты — это как бы слепок с живой жизни, где есть все — и плохое, и хорошее, и поэзия, и мрак, и преступление, и наказание, и мусор, и жемчужные зерна мудрости...

В свое время Замятин заметил, что самое трудное для писателя заключается в умении писать между строк. Возможно, сам о том не ведая, он писал о себе. Ибо даже в записях блокнотов мы находим больше того, что выражено словами.

Блокноты Замятина позволяют не только увидеть разнообразие внешнего мира, но и заглянуть во внутренний мир писателя, увидеть подмеченные его зорким взглядом события тех лет, когда делались записи, познакомиться с замыслами и процессом отбора героев, деталей, сюжетов, с поиском изобразительно-выразительных средств. Записи делались Замятиным в отрывных блокнотиках разной величины и толщины, часто изготовленных из бумаги плохого качества. Писал Замятин то простым, то химическим карандашом, то синими, то зелеными, а то и красными чернилами, нередко расплывающимися по бумаге. Судя по почерку, Евгений Иванович часто делал записи, находясь в неудобной позе и в неподходящих условиях, тогда прочитать то, что

он писал, очень трудно. Почерк его менялся от записи к записи. А сами его заметки располагались не в хронологической последовательности, так что в одном и том же небольшом блокноте можно найти записи, относящиеся к разным годам. Объясняется это тем обстоятельством, что, отправляясь куда-нибудь (в поездку, в гости, по делам, на прогулку), Замятин брал первый подвернувшийся под руку блокнотик, а иногда покупал по пути новый и продолжал в нем запись, начатую в старом блокноте; иногда его записи относились к прошлому (он вспоминал о каком-либо событии, факте или человеке). Так что записные книжки ни в коей мере нельзя считать дневником. Они носят характер именно рабочих материалов. Обложки блокнотов зачастую исписывались именами, фамилиями, адресами и телефонами, которые порой намеренно стирались. Судя по сохранившимся корешкам блокнотов, Замятин часто вырывал оттуда листки, и судьба их неизвестна.

Некоторые записанные адреса и телефоны читаются хорошо и дают дополнительные сведения о круге общения Замятина. Вот часть имен из блокнотов: А. П. Чапыгин, Р. В. Иванов-Разумник, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, О. Дм. Форш, П. Е. Щеголев...

Находим мы в блокнотах названия некоторых книг и журналов, которые Замятин читал и на которые опирался, скажем, при работе над историческими сюжетами.

Для писателя, для настоящего художника жизнь и творчество неотделимы. Биолог, врач, инженер-конструктор, химик, выйдя из лаборатории, как правило, легко переключается на повседневную жизнь: идет играть в карты, спешит домой к жене и детям, обегает ближайшие продовольственные магазины, идет в кино или театр, на свидание с девушкой — да мало ли что. Писатель может проделывать все то же самое. Но... при этом он живет еще и в другом, параллельном мире, а иногда и в параллельных мирах: там, где работают, любят, страдают, умирают, мечтают и побеждают его герои, герои его будущих, еще не созданных произведений. Разумеется, писатель не может выплеснуть на читателей весь этот клубящийся поток образов, картин, разговоров, действий. Он должен их как-то ограничить, организовать, дать им рамку. Придать форму. Найти главное, стержень. Тогда это будет произведение. Кусок глины — это просто кусок глины. А в руках скульптора он может превратиться в образ прекрасной девушки или ужасного старика... Жизнь для художника — тот же кусок глины, который требует обработки, чтобы обрести новую форму, пребывать в форме произведения искусства.

Записные книжки для писателя — это уже начало, подступы к работе, поиски форм, деталей, красок, варианты каких-то тем, сюжетов, снимки с натуры, мысли, идеи, которые могут подтолкнуть к созданию того или иного произведения.

Необычайно широка и тематика записей, и их география, и их практическая и творческая целесообразность. Замятин записывал не только то, что видел сам, но и случаи из жизни других людей, которые могли бы стать основой, сюжетом рассказа или повести, ярким эпизодом произведения, чертой характера. Записи в его блокнотах можно лишь условно выстроить хронологически, хотя время в них ощущается едва ли не материально, и записи конца 10-х годов, конечно же, легко отличимы от записей годов 20-х или 30-х.

«Солдат пришел в землянку, просит офицера взять его из лазарета:

— ...Да там ваш'скорodie, чистота дюже меня одолевает».

Это уже — Первая мировая война.

«Деревня — как стадо белых дремливых овец».

Такой образ специально не придумашь, он рождается внешне спонтанно, лишь тогда, когда эту деревню окидывает взглядом внимательный и чуткий художник. Эту запись Замятин мог сделать и в последних своих набросках, когда вспышка памяти вырвала из прошлого увиденную картину. Но запись эта — в одной из первых его книжек.

Монастыри, религиозная жизнь, православные обряды, праздники — все это с детства было знакомо Замятину. В своем творчестве он не раз обращается к теме взаимоотношений человека с богом, с религией — где-то мельком, на периферии произведения, где-то эта тема ставится в центр повествования: «Полуденница», «Знамение», «Сподручница грешных», «Наводнение», «Уездное», «Ловец человеков»... Очевидно, подспудно здесь зарождался какой-то большой замысел, но он не был воплощен. Зато в блокнотах остались замечательные фрагменты, ценные сами по себе, подобно тому как многочисленные эскизы к картинам больших мастеров живописи живут сами по себе, обретают самоценность как произведения искусства...

А вот — частушка:

Мине кстили
У трактире-кабаке,
Окурнали
У виноградном
У вине...

Частушка эта займет свое место в рассказе «Землемер» (1918).

Повесть «Уездное» (1912), принеся Замятину известность (М. Горький считал ее самым значительным достижением молодого писателя), уже была напечатана, но Замятин не считал тему исчерпанной, и на страницах блокнотов мы неоднократно встречаем обращение к «уездному» — к теме российской глу-

бинки, которая начиналась не столь уж далеко, за десяток-другой верст от большого города.

Но вот прокатилась по Руси революция, а затем жестокая братоубийственная война, и в блокнотах появляются страшные картины тех лет.

Эпизоды Гражданской войны на Украине, перипетии банды Христового — это, пожалуй, материал по крайней мере для остро сюжетной повести.

«Военком с рыжей бородой:

— Я к вам хорошо отношусь... А если прикажут — расстреляю».

«Женщина спокойно рассказывает: «Махновцы пожгли меня каленым железом за то, что брат и отец были мобилизованы в Красную армию».

Почти каждая фраза, почти каждый абзац — уже сюжет. Но нужно было все это переварить, сконцентрировать, сжать в тугую пружину, и лишь тогда мог появиться такой шедевр, как «Рассказ о самом главном», где вся эпоха, и любовь, и классовая борьба, и ненависть, и долг, и дружба, и прошлое, и настоящее, и будущее спрессованы так плотно, как атомы в ядерной бомбе на грани критической массы.

Сюжет «Фельдшер». Полстраницы. Но это тип. Это зеркало эпохи.

В записных книжках не только сюжеты, не только наброски будущих произведений, но и размышления о творчестве, о писательском искусстве, о литературной технике, «трудном мастерстве». Литература не может топтаться на месте, не может идти след в след за классиками русского реализма, но она и не должна останавливаться на пришедших им на смену символистах, футуристах и пр.

В блокнотах Замятина можно найти и то, что воплотилось в художественных произведениях, и то, что писатель не мог выразить в публикациях советского периода (а потому эти сюжеты и мысли остались только в записных книжках), здесь есть и те замыслы, которые Замятин просто не успел осуществить.

Наброски будущих произведений и замыслов перемежаются в блокнотах с записями частушек, анекдотов, народных обрядов, услышанных в трамвае или на улице разговоров, с лаконичными, но точными, запоминающимися описаниями путешествий, с записями слов и выражений, характерных для той или иной области России; а во время кратковременного пребывания в Чехословакии Замятин записывает чешские слова и выражения, сходные по звучанию с русскими, но противоположные по значению.

Яркие документально-образные картины России и некоторых европейских стран той эпохи, запечатленные в этих записях

зачастую не менее красочно, объемно, чем в художественных произведениях Замятина. Так что эти записные книжки можно рассматривать не только как подготовительные материалы к будущим книгам, но и как самостоятельное произведение, как еще одну форму в многообразном творческом наследии писателя.

В блокнотах писателя, как и в его законченных произведениях, нет ни одной второстепенной детали, как не было второстепенных деталей у ледоколов, которые строил инженер Евгений Замятин.

Вошедшие в настоящий том «Лекции по технике художественной прозы» представляют собой своеобразный ответ писателя на запросы времени. В них реализовалось то свойство писателя и человека Замятина, которое можно назвать учительством. Не всякий писатель к этому предназначен и не каждому это дано. Замятин же хотел поделиться своим опытом с теми, кто после Октябрьской революции потянулся к знанию и творчеству. И здесь его желание совпало с задачами, которые ставила перед собой интеллектуальная и образованная часть общества новой России. Его первая лекция — попытка объяснения смысла литературы в новое время — прочитана в Лебедяни, на родине писателя, остальные — уже в Петрограде совсем перед другой аудиторией. И несмотря на почти вековую отдаленность от нас, лекции эти сохраняют и познавательный, и практический интерес сегодня.

В третий раздел тома включены наброски незаконченных произведений. Они были собраны из отдельных листков недошедших до нас блокнотов или же из вырванных листков блокнотов, входящих в настоящий том. Они сложены в более или менее логичном порядке вдовой писателя Людмилой Николаевной Замятиной. Опубликовать в первые годы после смерти писателя эти фрагменты не удалось. Лишь в 1980-е годы началось их печатание в нью-йоркском «Новом журнале», а затем и в России. Инициатором публикации стал А. Н. Тюрин.

Все материалы печатаются по авторским рукописям, а также рукописным или машинописным копиям, хранящимся в фонде Замятина Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк). Некоторые из них печатались ранее по другим источникам (в частности, как указывает А. Н. Стрижев в преамбуле к публикации «Лекций по технике художественной прозы», он пользовался копиями, полученными из-за рубежа благодаря содействию Н. Б. Соллогуб (см.: Литературная учеба, 1988. № 5. С. 119; «Лекции» печатались в том же году в этом журнале в № 5 и 6). Полностью и в соответствии с рукописями Замятина «Лекции» в настоящем издании печатаются впервые.

Ранее частично лекции были напечатаны в четвертом томе Сочинений Е. И. Замятина (Мюнхен, 1988), а также в «Новом журнале» (Нью-Йорк).

Что касается раздела «Из незавершенного», то на родине писателя были напечатаны лишь «Дубы (Наброски к роману)» (Новый журнал. СПб., 1993. № 2. С. 13—50; вступительная статья В. Туниманова). Все публикации этих работ Замятина осуществлены А. Н. Тюриным, который выполнил текстологическую подготовку их к печати и произвел сверку вариантов. Ранее А. Н. Тюрин опубликовал в нью-йоркском «Новом журнале» наброски небольших рассказов, помещенных в настоящем издании.

Печатаются тексты с учетом современной орфографии и пунктуации, при этом сохраняются некоторые особенности авторского написания имен и названий.

Цитаты из различных источников даются в том виде, в каком они приведены у автора.

БЛОКНОТЫ (с. 3)

Впервые: частично — Из блокнота 1931—1936 гг. Новый журнал (Нью-Йорк), № 168—169; Из литературного наследия. Новый журнал. № 170; Из блокнотов 1914—1928 гг. Новый журнал. № 172—173, 175 (публикации подготовил А. Тюрин); Записные книжки. М., 2001 (составление, вступительная статья, примечания С. Никоненко, А. Тюрина).

Полностью «Блокноты» публикуются впервые, с исправлениями и уточнениями, внесенными в ранее печатавшиеся фрагменты.

1 (с. 5)

Блокнот зеленого цвета. Обложка оторвана. Все страницы обложки исписаны адресами и телефонами лиц, с которыми общался и находился в каких-либо отношениях Замятин в те годы, когда делались записи в блокноте. Первые записи относятся к 1914 г., остальные к разным годам. Здесь мы находим имена писателей, издателей, библиотекарей, просто знакомых. В 1913 г. после общей амнистии по случаю 300-летия дома Романовых Замятин вернулся в столицу (он был выслан из Петербурга в 1911 г. за нелегальное проживание). В этот период он знакомится с Разумником Васильевичем Ивановым-Разумником, Алексеем Павловичем Чапыгиным, Вячеславом Яковлевичем Шишковым, Ольгой Дмитриевной Форш, Алексеем Михайловичем Ремизовым, Михаилом Михайловичем Пришвиным, библиотекарем Государственной Публичной библиотеки, библиофилом Яковом Петровичем Гребенщиковым, людьми, близкими ему по духу. Чуть позже в блокноте были записаны имена Николая Клюева и Сергея Есенина.

С. 8. *Богородица — «Ширьшая Небес»*. — О чудотворной иконе Владычицы, Ширьшей Небес, пойдет речь в рассказе «Знамение» (1916) (см. наст. изд. Т. 1. С. 446—456).

С. 9. *Шадринский уезд*. — Далее идут слова и выражения, записанные, очевидно, Замятиным во время высылки в Комь в 1915 г. Однако Комь находится в Архангельской губернии, а г. Шадринск — восточнее, в Пермском крае. Возможно, у Замятина была некоторая свобода передвижения в восточном направлении.

С. 13. *Криптогоссарий* — от греч. тайный, скрытый и *лат.* glossarium (словарь): толковый словарь редких и малоупотребительных слов; у Замятина приводится толкование местных жаргонных слов и выражений.

С. 15. *...искусные баклуши* — здесь: мелкие изделия из куска дерева.

С. 19. *...Ты, брат, что-то моншерить...* — Моншерить (от *фр.* *mon cher* — мой дорогой) — любезничать (жаргон).

С. 19. *Мюр-и-Мэрэлиз, Пэрэвэрэнис...* — Мюр и Мерилиз — большой универсальный магазин, находящийся на пересечении улиц Петровка и Кузнецкий мост в Москве (ныне ЦУМ — Центральный универмаг). Торговый дом «Мюр и Мерилиз» был основан шотландцами Эндрю Мюром (1817—1899) и Арчибальдом Мерилизом (1797—1877), переселившимися в Россию в первой половине XIX в.

С. 21. *Нищенская артель каргополов*. — Каргополы — жители Каргопольского уезда Олонецкой губернии, соседней с Архангельской губернией, куда был выслан писатель.

С. 24. *На бесптичье и 7—1 соловей*. — Если пронумеровать буквы русского алфавита, то получим: 7 — ж, 1 — а. Тогда легко прочесть слово: ж...а, а следовательно, и пословицу, аналогичную известной русской пословице — «На безрыбье и рак — рыба».

Много Рейну, мало вейну — выражение характеризует плохое вино; Рейн — река, вейн — вино, т. е. много воды, мало вина. Рейнвейн — общее название вин, производимых из винограда, выращенного на берегах Рейна: гохгеймер, штейнбергер и др.

2 (с. 25)

Страницы обложки блокнота исписаны адресами и телефонами различных лиц, в том числе режиссера МХТ Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

С. 25. *ЦЕКУБУ* — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР, первоначально была создана по инициативе М. Горького в Петрограде в 1920 г., в 1921—1931 гг. ее возглавлял А. Б. Халатов. Впоследствии была преобразована в Комиссию содействия ученых при СНК СССР (до 1937 г.).

Наличие этой записи в блокноте свидетельствует, что Замятин пользовался им в 1920-е гг.

С. 26. *На Сухаревке: в Москве...* — имеется в виду крупный рынок, существовавший вблизи Сухаревской площади с середины XVIII в. до 1925 г., когда в связи с необходимостью расширить Садовое кольцо, он был переведен в другое место.

Тройку назначили. — В первые годы после Октябрьской революции для управления различными организациями создавались обычно комиссии из трех человек, куда входили наиболее авторитетные, политически грамотные люди. Тройки управляли на предприятиях и в деревне; особое значение приобрели тройки при вершении правосудия (вплоть до создания новой судебной системы).

С. 28. *...O, cette crapule...* — О, эта негодяйка, сволочь, подлюга! (*фр.*).

...Елена Сергеевна — из фарса... и фарса уже нет. — Фарс — водевиль (*фр. farce*), вид «комедии положений» с песнями и танцами, а также театр, где ставятся фарсы.

...ожерелья из ситного. — Очевидно, имеются в виду бусы, слепленные из мякиша ситного хлеба, окрашенные в разные цвета.

С. 29. *...заканчивал образование у Максима...* — «Максим» — дорогой ресторан в Париже. Здесь, очевидно, имеется в виду: вел разгульный образ жизни.

...бросил пить ханжу. — Ханжа — китайская хлебная водка.

С. 30. — *А Чайковский — он кого убил?* — Видимо, девочке ранее рассказывали, что улицы Каляевская, Желябова, Разина, Рылеева, Мархлевского, Воровского и др., были названы в честь революционеров и бунтавщиков, которых в официальных кругах называли разбойниками и убийцами.

Атилла... — Следующие листки из этого блокнота до слова «лыкодеры»... находятся среди материалов романа-тетралогии, над которым размышлял Замятин. Писатель последовательно называет героя своего романа Атиллой, чтобы его не отождествляли с историческим персонажем Аттилой. Листки содержат различные исторические, этнографические, географические сведения о времени и местах действия будущего романа.

С. 31. *...бортьевое пчеловодство.* — Борть — улей, представляющий собой дупло или выдолбленный чурбан. Занимавшихся пчеловодством в старину называли бортьниками.

3 (с. 32)

С. 32. На второй странице обложки — имена и адреса знакомых Замятина, в том числе известного критика и литературоведа Виктора Осиповича Перцова.

С. 35. *Ю.М. — Кемблу* — отсюда и вплоть до пункта V — размышления Замятина о пьесе по повести «Островитяне».

С. 40. *Делегат Африки...* — Здесь и далее в этом блокноте содержатся наброски комедии «Африканский гость», завершённой Замятиным в 1929 — 1930 г. (см. наст. изд. Т. 3. С. 420—472).

...старается доказать, что он plus royaliste... — Plus royaliste — большой роялист (*фр.*) — часть выражения «Большой роялист, чем король»: «Être plus royaliste que le roi». Выражение возникло в конце XVIII в. во Франции. Так говорят о человеке, который идет в своих действиях дальше того, чьи интересы он представляет.

С. 41. *...qui pro quo* — буквально: «одно вместо другого» (*лат.*); путаница, неразбериха.

С. 42. «*Грибок*» — или «*жучок*»... — Рассказ на этот сюжет был написан в конце 1926 г. Пантелеймоном Романовым (1884—1938) и напечатан в журнале «Красная нива» (1927, № 1). Возможно, и Романов, и Замятин почерпнули эту тему из одного источника — какой-то газетной публикации.

С. 43. *Рассказ «Марс»*. — Сюжет использован Замятиным в рассказе «Слово предоставляется товарищу Чурыгину» (см. наст. изд. Т. 2. С. 111—120). Этого сюжета писатель касается на многих страницах «Блокнотов» («Планета Маркс и ее обитатели» и т. п.).

С. 46. *R.* — Здесь и далее этой буквой Замятин помечал, по всей вероятности, различные фрагменты и материалы к будущему роману, наброски к которому помещены в настоящем томе в разделе «Из незавершенного».

С. 47. *Он грудь ему рассек мечом...* — Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826). У Пушкина:

И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул...

...нотация (Фома Опискин). — Фома Опискин — персонаж повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), моралист-резонер.

...накрыл голову листом «Нового Времени»... — «Новое время» — влиятельная газета, выходившая в 1868—1917 г. в Петербурге, отражала интересы дворянско-чиновничьих кругов; владельцем издания с 1876 г. был Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912).

С. 48. *...рука наткнулась на велосодог...* — Велосодог — карманный револьвер для защиты велосипедистов от собак, сконструированный французским оружейником Шарлем-Франсуа Галаном (1832—1900) в 1894 г.

Блокнот изготовлен на фабрике им. Клары Цеткин в Гомеле.

С. 49. *Пещеры. Лавра.* — На следующих страницах впечатления о поездке на Украину, которые начинаются записями, посвященными Киево-Печерской лавре.

«*Перукарь. Перукарня*» — «Парикмахер. Парикмахерская» (укр.).

Во время поездки на Украину Замятин списал несколько вывесок. Далее следуют:

«*Кровець чоловічий*». — «Мужской портной» (укр.).

«*Дитячий садок*». — «Детский сад» (укр.).

«*Идальня вегетарианська*». — «Вегетарианская столовая» (укр.).

С. 50. «*Хатина*» — комнатка (укр.).

Музей им. Гоголя (Сорочинцы). — Замятин в написании села Сорочинцы использует народные рассказы о происхождении этого названия. У Гоголя и в исторической традиции принято написание «Сорочинцы».

...макитры... «пивни»... «по копийці» — глиняные миски, «петушки»... «по копейке» (укр.).

С. 51. ...2 карбованца. — 2 рубля (укр.).

...здесь-то был Даниил-апостол, ставленник Екатерины I... — Сведений о Данииле Апостоле, ставленнике Екатерины I (у Замятина вообще историческое смещение на целую эпоху — Екатерины Великой), нигде не обнаружено. Возможно, Замятин неверно записал имя, сообщенное ему в Сорочинцах.

...не зазначив... — не укажете ли (укр.).

«*Fear God Honor the King. Grip fast*» — «Бога бойтесь, царя чтите. Крепко усвойте эту заповедь» (англ., фрагмент 1-го Соборного Послания Петра, гл. 2, ст. 17). «*Ita cursus consummavi*» — «Так закончился путь» (лат.).

С. 52. ... *собрание комнезама*... — Комнезам — комитет бедноты (незаможний, укр. — бедный).

С. 54. Он в... *спидницах* — он в... подштанниках (искаж. укр.).

Курень — шалаш (укр.).

С. 55. *Клуня* — рига, место для просушки снопов.

С. 56. ...*были бы так ласкові*... — были бы так любезны (укр.).

С. 57. ...*начальник комдез'а*. — Комдез — комитет по борьбе с дезертирством (КДЗ).

С. 58. ... *ходили в «спидницах» и «хустках»*... — здесь: спидница — юбка (укр.), хустка — платок (укр.).

С. 59. ...*приехал... ловить Потана*. — У Замятина в этом месте описка — «ловить Мандыка».

С. 61. ...*Там было вбито нівіску и її сына.* — Там были убиты невестка и ее сын (укр.).

С. 62. ...*мусите быти в лісу* — должны быть в лесу (укр.).

С. 65. ...*группа куркулей* — группа кулаков (укр.).

5 (с. 66)

Блокнот изготовлен на фабрике им. Клары Цеткин в Гомеле.

С. 66. *Разговор.* — Над записанным далее разговором Замятин, очевидно, думал уже давно (см. предыдущие записи). Здесь он уже приобретает законченную форму, в которой воплощены не только мысли будущих персонажей, но и, несомненно, самого автора.

...и полиелей... — Полиелей — составная часть чинопоследования, воскресной или праздничной службы; состоит из торжественного песнопения, чтения Евангелия и Псалтыри.

Голод на Волге. — Характерные для дореволюционной России периодические засухи и другие природные катаклизмы часто приводили к голоду населения. Лев Толстой посвятил целую книгу борьбе с голодом в России. В послереволюционной России самыми трудными в этом отношении были 1921—1922 гг. Предшествующие годы войны, революции, Гражданской войны значительно разрушили сельское хозяйство. Грандиозная засуха 1921—1922 гг. поразила 35 губерний. Люди двинулись на юг, где, по рассказам, был хлеб. Писатель Александр Неверов опубликовал роман «Ташкент — город хлебный» (1923), ярко отобразив события тех лет. В блокнотах Замятина также нашли отображения отдельные моменты этой всероссийской катастрофы.

С. 67. ...*пес Рикэ учил...* — цитируется XI параграф новеллы А. Франса «Мысли Рике» (1900), представляющей собой пародию на свод прописных человеческих истин, изрекаемых здесь псом Рике.

С. 68. «*Мы — вовсе не врачи...*» — Замятин цитирует высказывание А. И. Герцена из «Письма второго» (1862) цикла его статей «Концы и начала», публиковавшегося в «Колоколе». Герцен в своем письме размышлял о судьбах и роли писателя в России.

...*истребить гусей, чтобы взять Рим* — реминисценция по поводу предания: гуси своим гоготаньем разбудили римлян в тот момент, когда галлы, подкравшись ночью, взбирались на стены Капитолия, городской крепости, и тем самым спасли Рим.

С. 70. *В гости ходили к «86-му году, к Гелиосу»...* — В последние десятилетия XIX в. в Петербурге существовало несколько стационарных электростанций: «Общество электрического освещения 1886 года», Общество «Гелиос» из Кёльна, Бельгийское анонимное общество. В 1919 г. 4 национализированные

электростанции Петрограда объединили в ОГЭС (Объединение государственных электрических станций). В 1922 г. образовался трест «Петроток», через 2 года его переименовали в «Электроток», а в 1932 г. на базе треста было создано РЭУ Ленэнерго.

Ленторгсин. — Поскольку в первые годы после Октябрьской революции в Советской России существовал огромный дефицит иностранной валюты, была создана сеть магазинов Торгсина (сокращение от «торговля с иностранцами»), в которых дефицитные товары продавались только за валюту. В основном расчет был на иностранцев, однако и советские граждане, продав имевшиеся у них драгоценные изделия в этих магазинах за валюту, могли затем на нее приобретать необходимые товары. Магазины Торгсина существовали во всех крупных городах, в том числе и в Ленинграде — Ленторгсин.

С. 72. ...слон, который был на самом деле... — Идея была реализована в середине 1920-х гг. в рассказе «Видение», однако впервые рассказ был опубликован лишь в 1962 г. в мюнхенском журнале «Мосты» (см. наст. изд. Т. 2. С. 205—208).

С. 73. «Мадонна» Рафаэля да Лоретто — имеется в виду Рафаэль Санти и его картина «Мадонна», похищенная французами из собора в итальянском городе Лоретто; была возвращена в Италию Наполеоном в 1798 г. Весь рассказ В. Н. о судьбе «Мадонны» в России представляется чистейшим вымыслом. Подобных историй множество ходило после революции.

6 (с. 74)

Блокнот синего цвета.

С. 75. *Сход. Громада* — здесь «громада» (*укр.*) в значении «община», т. е. «сельская сходка» или «собрание общины».

7 (с. 78)

Блокнот с артикулом «Сокол».

С. 78. — *Wie viel?* — Сколько? (*нем.*)

— *Fünfzig* — пятьдесят (*нем.*)

На пляже поставили два шеста... — запись, очевидно, относится к 1923 г. и воспроизводит рассказ самого Максимилиана Александровича Волошина, поэта, критика, художника. В сентябре — октябре 1923 г. Замятин отдыхал в доме Волошина в Коктебеле. Известно, что Волошин своим гостям не только читал свои стихи, не только делился с ними мыслями об искусстве, политике, мироздании, но и много рассказывал о Коктебеле. К числу таких рассказов принадлежит и записанный Замятинным.

С. 83. ...*приехала в Петербург учиться в Академии — ВХУТЕМАС...* — здесь Замятин допускает неточность: ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские были созданы в Москве в 1920 г. на базе Государственных свободных художественных мастерских. В 1926—1927 гг. реорганизован в Высший художественно-технический институт (ВХУТЕИИ), упраздненный в 1930 г.

Кустопром — сокращение от «кустарная промышленность». В 1920—1930-е гг. различные промысловые артели объединялись в более крупные подразделения: кустопром, местпром, рыбопром и т. п.

...*выбрать кандидата для отправки в Ливадийскую здравницу...* — Ливадия — бывшее царское имение на берегу Черного моря, в 3 км от Ялты. После Октябрьской революции, как и большинство владений царской семьи, было превращено в курорт для трудящихся. Путевки на курорт выделялись, во-первых, остро нуждающимся по медицинским показаниям, во-вторых, передовикам производства в различных отраслях народного хозяйства. В Большом Ливадийском дворце в феврале 1945 г. состоялась Крымская конференция, посвященная мирному устройству послевоенной Европы.

С. 84. *Сны... Будто Сологуб приговорен к повешению...* — С Федором Сологубом Замятин часто встречался в начале 20-х гг. Впоследствии, в 1924 г., он посвятит ему статью «Белая любовь» и выступит с речью на его похоронах в 1927 г. В снах отражены некоторые моменты биографии Сологуба: его служба учителем в течение четверти века, его любовь к книге...

Монах, рясофорный (с крыльями?)... — Ряса — верхнее одеяние с длинными ниже ладоней рукавами, преимущественно темного цвета; относится к повседневным облачениям духовенства. Начальная степень монашества, трехлетний искуc, или степень послушества, называется рясофором, то есть ношением рясы. Рясофорный монах — это послушник, получивший право носить рясу (одежду покаяния) и камилавку, головной убор цилиндрической формы, обтянутый бархатом. Вопрос Замятина относительно слова «рясофорный», очевидно, связан с тем, что он пытался сам разобраться с происхождением этого слова.

С. 87. *Я принимаю души Шарко из его нежности, конфет и цветов...* — Душ Шарко — одна из процедур, разработанных французским невропатологом: бьющая под сильным давлением подвижная струя воды. В данном тексте автор письма явно не понимает смысла словосочетания «душ Шарко». Душ Шарко зарекомендовал себя в практике лечения болезней нервной системы и широко применяется по сей день.

С. 88. *Русские древности...* — эта и следующие четыре книги явно входят в список тех публикаций, которые Замятин намеревался использовать при работе над романом «Бич Божий».

Блокнот без задней обложки.

С. 91. *Notre-Dame de Vassili Blajenni...* — буквальный перевод этого выражения с французского звучит так: «Богоматерь Василия Блаженного». Существует предположение, что этот анекдот придумали не недруги Алексея Толстого, чтобы посмеяться над его скудными познаниями во французском языке, а сам писатель.

С. 92. «...трансформатор, 10 человек в одном!» — В дореволюционном цирке и на эстраде существовали ампула актера, который принимал различные обличья, быстро переодевался, менял маски. Такой актер назывался трансформатором. Здесь комизм в различных толкованиях понятия «трансформатор».

Quelle belle cuve vous avez! — Какая у вас прекрасная ванна! (фр.).

С. 94. *Она не приехала из-за Черубины.* — Черубина де Габриак — героиня одной из мистификаций Максимилиана Волошина. Настоящее ее имя — Васильева Елизавета Ивановна (1887—1928), поэтесса. Вместе с Волошиным они придумали псевдоним, под которым она публиковала свои стихи во многих журналах 1910-х гг. У Н. Гумилева и М. Волошина даже была дуэль в связи с этой мистификацией.

Живоцерковец, дьякон в галстучке. — Живая церковь возникла в 1922 г. как оппозиционная традиционной православной церкви, возглавляемой патриархом Тихоном. Она поддерживала советскую власть, приняла революцию. Представители живой церкви, живоцерковцы, составляли почти половину православных страны. Однако это не остановило раскола церкви, он продолжал принимать все новые формы в зависимости от политической ситуации в стране.

«*Мористо было*» — выражение означает удаленность от суши в сторону моря.

С. 96. *Флоренский. О мнимости...* — Корней Чуковский, описывая пребывание в Коктебеле у Волошина вместе с Замятиным в сентябре 1923 г., сообщает об интересе Замятина к работе Павла Флоренского «Мнимые величины в геометрии»: «Читая, он приговаривал, что в его романе «Мы» развито то же положение о мнимых величинах, которое излагает ныне Флоренский» (Чуковский К. И. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 248).

С. 98. *Нэпман может сидеть не иначе, как «на лужах»...* — имеется в виду стулья (или кресла) эпохи Людовика XIV.

Замятин — 6 час.; Чуковский — 10 час. — возможно, имеется в виду количество часов лекций, которые читали Замятин и Чуковский перед молодыми литераторами.

Сюжет. Анаша. — Анаша — наркотическое средство; в период Гражданской войны и позднее анашой обычно называли дикую коноплю, из высушенных цветов и листьев которой изготавливали наркотический порошок для курения.

9 (с. 102)

С. 103. *В Англии — кусочек гимна между 2-х канканов.* — Канкан — танец с фривольными движениями, пользовался успехом во Франции (где возник) с начала XIX в. Замятин здесь, очевидно, вспоминает посещение кабаре в Англии во время Первой мировой войны, когда с эстрады между различными номерами периодически звучали звуки гимна для поднятия патриотических чувств.

Господин с длинным носом. — Замятин неоднократно обращается в блокнотах к этому сюжету. Идея была им реализована в киносценарии «Нос» (см. наст. изд. Т. 4).

С. 105. *«Кувыркинцы» финны...* — имеется в виду одна из религиозных сект, представители которой жили главным образом на севере.

С. 106. *Пиратствуют в Китае (Одоевский)* — видимо, Замятин имеет в виду один из фантастических сюжетов русского писателя Владимира Федоровича Одоевского.

Фешionaблы — модники (англ.:)

С. 107. *...значки МОПР, ОДВФ...* — В 1920–1930-х гг. существовало множество различных добровольных организаций, в частности Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Общество друзей воздушного флота (ОДВФ), и др.

С. 108. *«Д-р Феноменов. Прием от 5 до 7»* — запись использована в рассказе «Икс», опубликованном впервые в журнале «Новая Россия» (1926. № 2. С. 49–62. В наст. изд. см.: Т. 2. С. 109 (с некоторыми изменениями).

Шкрабам, учившимся на курсах... — Шкраб — сокращение от «школьный работник».

С. 109. *...сатана комолый* — сатана безрогий.

С. 111. *«Подробности завтра» (Чехов).* — Замятин цитирует фрагмент из записной книжки Чехова (см.: *Чехов Антон. Записные книжки.* М., 2000. С. 45).

10 (с. 113)

Блокнот собран из рассыпанных страниц.

С. 115. *...все млыны позапечатаы* — все мельницы позакрывали (*укр.:*).

С. 118. *Илиодоровцы* — последователи иеромонаха Илиодора (Труфанова), одного из лидеров черносотенцев в начале XX в.

С. 119. ...идут к иорданьской проруби... — Иордань — так в России называют прорубь, вырубленную для освящения воды во льду в праздник Крещения на реке или озере.

С. 121. *Narcotptesse* — Замятин попытался дать офранцузенное наименование жены наркома.

С. 122. *Революция — локомотив истории.* — Почти дословно приведенная фраза из работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850); у Маркса: «Революции — локомотивы истории» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 86).

С. 124. *Чуйка агитирует...* — Чуйка — верхняя мужская одежда в виде кафтана, распространенная в мещанской среде. Чуйкой обычно называли мещан.

С. 125. ...*построен каким-то целовальником...* — Целовальник — в старину продавец вина в питейном заведении, кабаке.

Целковый — в старину так называли рубль.

С. 128. *Ханаан* — согласно Библии, земля, дарованная Богом Аврааму и его потомкам (Бытие, гл. 16, ст. 8).

С. 134. ...*бириби и каваньоль* — азартные карточные игры, пришли из Италии.

Экипаж: визави — коляска с расположенными друг против друга сиденьями (фр. vis-à-vis).

С. 138. ...*en flagrant délit.* — ...на месте преступления (фр.).

11 (с. 139)

Блокнот без обложки. Переписан рукой Замятиной.

С. 140. *Фамилии* — по алфавиту расположены составителями.

С. 142. *В лесу... светятся гнилушки.* — Слово «гнилушки» вписано рукой Замятина.

С. 148. *Society of vice suppression* — Общество борьбы с пороками (англ.).

Появляются «immoral pictures»... — появляются «аморальные картинки» (англ.).

В книге стихов Addison («Abyss») нашли immoral passage... — В книге стихов Аддисона («Бездна») нашли безнравственный фрагмент (англ.).

Несмотря на то, что формально во многих цивилизованных странах печать считается свободной, фактически посредством дополнительных судебных решений можно запретить к публикации по соображениям религиозным или моральным любое произведение. Так, произведения В. Набокова («Лолита»), Д. Джойса («Улисс»), Д. Лоренса («Любовник леди Чаттерли») и многие другие произведения мировой литературы были запрещены к печатанию на территории США на протяжении десятилетий, а в некоторых штатах — по сей день.

С. 150. *К «Полуденнице»* — фрагмент повести «Полуденница». Повесть написана в 1916 г., но по цензурным соображениям была отвергнута тогда рядом журналов; впервые опубликована в 1988 г. в Мюнхене.

С. 152. *К М.* — письмо явно адресовано Замятиной Людмиле Николаевне, жене, которую писатель называл Мила Николаевна, Мила.

С. 153. *Психическая зараза* — этот текст получил свое развитие в романе «Мы» (1920) (см. наст. изд. Т. 2. С. 211–368).

С. 156. ... *tea party* — чайная вечеринка (англ.).

...*обед в grillroom'e*... — ...обед в ресторане (англ.); *grillroom* — буквально: помещение, где в присутствии клиента жарят мясо на металлической жаровне.

...*сечь альфонсов.* — Альфонс — мужчина, живущий на средства своей любовницы или любовниц (по имени героя драмы А. Дюма-сына (1824–1895) «Господин Альфонс», 1873).

...*5 strokes в неделю*... — Stroke — удар (англ.).

O, no, I am innocent — здесь: О, нет, я невинна, непорочна (англ.).

С. 157. *Армия спасения* — международная религиозно-филантропическая организация, созданная в 1865 г. для проповеди среди беднейших слоев в Лондоне. Реорганизована по военному образцу в 1878 г. методистским проповедником У. Бутсом, ставшим ее первым генералом. Сегодня действует в десятках стран мира, помогает неимущим, строит ночлежные дома, больницы, столовые. Получающие помощь обязаны участвовать в религиозных делах.

...*спорят о Lord Christ*... — спорят о Господе Христе (англ.).

High streets. — Верхние улицы (англ.).

...«*Little Jack close*», «*Big Jack close*» — «Маленький Джек рядом», «Большой Джек рядом» (англ.).

С. 158. *Петрушка на Princess Street.* — Очевидно, имеется в виду народное представление на улице Принцессы.

Ставили в Лондоне (Stage Theater)... — Stage Theater — буквально: «Театральная сцена», один из наиболее крупных театров в Лондоне.

...*в Stage Theater* — имеют право ставить всякие пьесы, без цензуры. Здесь... *идут «Огни Ивановой ночи», «Саломея» Уайльда.* — В России некоторые пьесы, которые цензура считала аморальными, запрещались к показу. Хотя решение цензора могло и меняться. Так пьеса немецкого драматурга Германа Зудермана (1857–1928) «Огни Ивановой ночи» (1900) в России была несколько лет запрещена к постановке, как и драма Оскара Уайльда «Саломея». Впоследствии и одна, и другая пьеса были поставлены.

...*А про чудо, как Иисус Христос насытил 5 человек 1000 хлебами.* — В Евангелии от Матфея (гл. 14, ст. 17 – 21), а также в

других евангелиях, рассказывается о чуде, когда Иисус Христос 5 хлебами накормил 5 тысяч человек.

С. 159. *Февральская революция. К роману* — этот текст написан слева на полях до абзаца: «Фамилии». Очевидно, имеется в виду незавершенный роман, наброски к которому помещены в настоящем томе в разделе «Из незавершенного».

С. 168. *Украина* — текст до начала следующего блокнота переписан на машинке.

12 (с. 169)

Блокнот изготовлен на фабрике «Светоч».

С. 171. *Нажил «колеса»...* — украл сапоги (воровской жаргон).

«Филоны» — симулянты (блатной жаргон).

Те, кто раньше ютились в Хитровке... — Хитровка (названа по фамилии генерал-майора Н. З. Хитрово) — площадь в центре Москвы, существовавшая с 1824 г., неподалеку от реки Яузы, ул. Солянки, в средоточии многочисленных переулков. Здесь располагался рынок в окружении одноэтажных и двухэтажных домов с разношерстным людом, вплоть до бродяг, воров и бандитов. Место, естественно, пользовалось дурной репутацией. Гиляровский ярко описал его в главе «Хитровка» в книге «Москва и москвичи».

С. 172. *Swan* — очевидно, имеется в виду писатель Кремлев-Свен Илья Львович (1897—1971) — автор многочисленных романов; печатался с 1916 г., начинал с юмористических рассказов и афоризмов.

С. 178. «*Вход в антре*». — Антре (*фр.*) — вход. Замятин записывал забавные и безграмотные вывески и объявления.

С. 179. *Фамилии* — расположены составителями в алфавитном порядке.

С. 181. *К комедии* — имеется в виду комедия «Африканский гость», написанная в 1929—1930 гг. (см. наст. изд. Т. 3. С. 420—472).

С. 182. *Рѣпин* — *Рёпин*. — Эта запись основана на рассказе Корнея Чуковского о поездке к Репину с предложением вернуться на родину. На что художник, фамилия которого писалась через ять: Рѣпин, резко возразил: я не хочу быть Рёпиным. Дело в том, что после упразднения буквы «ять», которая произносилась только как «е», сменившая ее буква «е» могла произноситься и как «ё».

В трамвае едет пьяный мастеровой — этот набросок лег в основу небольшого рассказа, опубликованного Замятиным под заглавием «Десятиминутная драма» в сборнике «Гул Земли»,

выпущенном ленинградской «Красной газетой» в 1928 г. (см. наст. изд. Т. 2. С. 140–143).

С. 184. *Imaginez-vous?* — Представляете? (фр.).

Sauvez-vous ces vши... partout... — Представляете, эти вши... повсюду... (фр.).

C'est affreux. — Это ужасно (фр.).

...passez-moi le mot... — ...мне передали... (фр.).

С. 188. *Dessous* — нижнее белье (фр.).

С. 189. *...пришел в булочную... Портрет.* — *Это — Филиппов? — Нет... — То же — булочник?* — Эта анекдотичная история основана на широкой известности хлебной торговли булочника И. М. Филиппова. В Москве огромной популярностью пользовалась филипповская булочная (большое красивое здание, построенное в начале XX в. на Тверской улице, д. 10). Вплоть до конца XX века всем москвичам было знакомо это имя.

Экспедиция Пушторга. — Пушторг — трест по торговле пушниной.

С. 190. *...ничего... кроме лошадей, ремонта... не знал.* — Ремонт (в прошлые века) — пополнение и замена ставших негодными кавалерийских лошадей другими. Ремонтер — офицер, уполномоченный на покупку лошадей для пополнения полков.

С. 191. *...выбрал себе девку... По руководству: «Коннозаводство» и «Евгеника».* — «Коннозаводство» — учебное пособие по разведению и улучшению пород лошадей. «Евгеника» — здесь, видимо, имеется в виду одно из руководств по улучшению человеческой природы. Евгеника — теория о наследственном здоровье человека и методах его улучшения. Принципы евгеники, сформулированные английским ученым Ф. Гальтоном в 1869 г., получили развитие в начале XX в. В Советской России в 20-х гг. возникли многочисленные школы и институты, где исследовались возможности исправления наследственности, разрабатывались методы улучшения биологических показателей личности. Евгеника пользовалась популярностью. Получение улучшенного потомства от браков талантливых и красивых людей казалось заманчивым и перспективным, ученые-генетики увлеклись этой теорией. Однако вскоре евгеника была признана расистской наукой, и на ее разработку был наложен запрет, особенно в связи с тем, что в фашистской Германии она стала практической основой для создания новой «высшей» расы. В Германии ею обосновывались неполноценность тех или иных народов (цыган, евреев, славян) и политика их планомерного уничтожения. Провозглашалось главенство арийской расы, к которой причисляли себя немцы.

С. 192. *Сюжет: Нос* — сюжет был реализован в киносценарии «Нос» (см.: наст. изд. Т. 4. С. 139–149).

С. 194. *Православный лев.* — Рассказ «Лев» на эту тему опубликован в наст. изд. Т. 2. С. 193–198.

С. 195. *Знаменитый пример Энгельса — о невозможности объяснить экономически изменения гласных...* — Замятин неточно цитирует фрагмент письма Энгельса Й. Блоху, написанного 21—22 сентября 1890 г. Фраза Энгельса звучит так: «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных...» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395*). Письмо Энгельса было вызвано необходимостью выступить против вульгаризации марксизма, дискредитирующей его как науку, сводя к примитивным формулам. «Избранные письма К. Маркса и Ф. Энгельса», выпущенные в начале 1930-х гг., помогали бороться против такой вульгаризации. Однако примитивное представление о марксизме сохранилось, особенно у нас в стране, по сей день.

С. 196. *...Ансельм... учил... что понятия существуют вне нашего ума...* — Ансельм Кентерберийский (1033—1109) — богослов и философ, представитель ранней схоластики и средневекового реализма, согласно которому общее понятие о вещи, универсалия, существует прежде самой вещи: *universalia sunt realia (лат.)*.

«Здесь очень в попдан...» — Замятин иронизирует над безграмотным употреблением иностранных выражений. Здесь имеется в виду пандан (*фр. pendant* — соответствие).

С. 197. «Женщина». «Десять». — Сюжет реализован в киносценарии «Одиннадцать и одна» (1929) (см. наст. изд. Т. 4. С. 10—14).

С. 198. *Его выдвигают на рабфак...* — Рабфак — сокращенное от «рабочий факультет»; общеобразовательные учреждения, существовавшие в СССР в 1919—1940 гг., для молодежи, не имевшей среднего образования. Окончившие рабфак могли поступать в высшие учебные заведения.

Люнель — мускатное ликерное вино, производимое во Франции в окрестностях Люнеля, департамент Эро.

С. 201. *Du hast einen Isolator?* — Есть ли у вас изолятор? (*нем.*). Очевидно, имеется в виду изоляционная лента, либо фарфоровый изолятор.

13 (с. 205)

Производство фабрики «Светоч». На обложке написано № 27.

С. 209. *...за войну — до конца.* — За войну до победного конца вопреки настроениям широких масс, в том числе и армейских, в середине 1917 г. выступали многие партии. Армейское же командование — М. В. Алексеев, А. А. Брусиллов и др. — для поддержки военных действий призывали добровольцев. За прекра-

шение войны, по сути дела, агитировали только большевики и отдельные представители интеллигенции.

С. 210. *Хорей* — длинный шест для управления оленьими и собачьими упряжками.

С. 211. *Реалистом встретил помещика...* — здесь имеется в виду — учеником реального училища (они были созданы в 1872 г. на базе реальных гимназий), где основой обучения были естественно-научные и технические дисциплины.

С. 213. *Эпоха военного коммунизма...* — период первых лет советской власти в условиях Гражданской войны и разрухи 1918—1921 гг. Отличался определенными особенностями: мобилизация всех ресурсов для обороны страны; национализация всей крупной и средней промышленности и бывших частных мелких предприятий, максимальная централизация руководства промышленностью и транспортом, распределительная уравнивательная система по карточкам, уничтожение свободной торговли и всеобщая трудовая повинность, продразверстка — изъятие «излишков» продуктов у крестьян, уравнивательный принцип оплаты труда. Эта политика была отменена в марте 1921 г. (после Кронштадтского мятежа) на X съезде ВКП(б), провозгласившего переход к нэпу.

С. 214. *Для «Ёлы»*. — Рассказ «Ёла» был впервые напечатан в альманахе «Писатели Крыму» (М., 1928). См. наст. изд. Т. 2. С. 121—139.

С. 224. *...парни уже в тройках...* — имеется в виду костюм-тройка, т. е. пиджак, брюки и жилетка.

С. 229. «*Pse*» = «*please*» — «пожалуйста» (англ.).

С. 232. *Сделали налет на... сельраду...* — Сельрада — сельский совет (укр.).

С. 236. *... батальон замерзших аскеров...* — Аскер (тюрк.) — воин, солдат.

С. 237. *Двенадцатиминутная драма* — имеется в виду рассказ «Десятиминутная драма».

С. 238. *Уравнение Дирака*. — Замятин во все времена не оставял своего интереса к естественным наукам. Поэтому он не мог пройти мимо статьи В. Е. Львова «Разгадка положительного электричества и последние события в физике» (Новый мир, 1931. № 4. С. 180—187). Замятин понимает важность этого открытия английского ученого Поля Дирака (1902—1984) и коротко его формулирует. Уравнение Дирака указывало не только на возможность существования отрицательных энергий, но и открывало дальнейшие возможности экспериментальной и теоретической физики. В 1933 г. Дирак вместе с Э. Шрёдингером был удостоен Нобелевской премии.

С. 239. *Закон Паули*. — Еще одно свидетельство проницательности Замятина. Он увидел значимость закона Паули за-

долго до его оценки научным сообществом. Австрийско-швейцарский физик Вольфганг Паули (1900—1958) был удостоен Нобелевской премии в 1945 г.

14 (с. 240)

Блокнот светло-зеленый, фабрики «Светоч», с эмблемой «Серп и молот»; исписан красными и зелеными чернилами; на обложке надпись «№ последний».

С. 240. *Лебедянь* — родина Замятина. Сюда он приехал незадолго до того, как навсегда покинул Россию. В июне 1931 г. Замятин написал письмо И. В. Сталину, а уже в ноябре выехал в Берлин. На Успение (28 августа) он еще в Лебедяни.

С. 241. *Сергей Маров... бывший буфетчик в Астапове.* — Л. Н. Толстой после ухода из Ясной Поляны умер 22 ноября 1910 г. в доме начальника железнодорожной станции Астапово. Ныне и поселок и станция названы именем писателя.

Он... «старой» церкви, не «живец». — Под старой церковью подразумевается традиционное православие, под словом «живец» — приверженец «живой церкви».

С. 242. *Странник Ларивон («вечный жид»).* — Вечный жид (согласно христианскому преданию) — осужденный на вечные скитания еврей Агасфер, отказавшийся помочь Иисусу нести крест на распятие. Образ Вечного жида широко использовался в мировой литературе.

...учился в хасидской школе... — Хасидизм — религиозное движение среди евреев Польши и России, зародившееся в начале XVIII в. Хасидизм представлял собой религиозную форму социального протеста низов против финансовой верхушки общин и раввинов. По представлениям хасидов Бог присутствует во всем окружающем. Постепенно хасидизм превратился в мистическое учение. Хасиды стали открывать свои школы, где ведется проповедь прямого контакта с Богом, осуждается аскетизм и превозносится культ радости.

...побывавшая в Оптине. — Оптина пустынь — один из наиболее почитаемых в православии монастырей (основан в XII в.), куда за советом к старцам по сей день идут паломники со всей России.

С. 243. *...двое разговаривают о выступлении Литвинова...* — Поскольку запись относится к 1931 г., очевидно, имеется в виду выступление наркома по иностранным делам М. М. Литвинова на одной из международных конференций.

С. 244. *Красивая Мечь: загнутая дугой лента реки...* — имеется в виду та самая река, о которой идет речь в рассказе И. С. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи».

С. 245. ...*статья Рыклина...* — имеется в виду статья фельетониста Григория Рыклина «Смех в зале».

Из стенограммы Ярославского... — Е. М. Ярославский участвовал в работе XVI съезда ВКП(б) 26 июня — 13 июля 1930 г., выступал как член Центральной контрольной комиссии с докладом о чистке партии и советского аппарата. Замятин приводит выдержки из его выступления. Чистка партии и советского аппарата проводилась для того, чтобы избавиться от тех членов партии и сотрудников органов власти, которые не соблюдали партийную дисциплину, партийные установки и моральные принципы. В результате чисток из партии были исключены сотни тысяч ее членов, которые вступали в ее ряды ради своекорыстных интересов, получения какой-то личной выгоды. Разумеется, при этом допускались и злоупотребления, когда начальство стремилось избавиться от критиков и конкурентов.

15 (с. 247)

Блокнот заграничного изготовления. Очевидно, куплен уже после отъезда писателя за границу. В нем начинаются записи, сделанные после выезда из СССР.

С. 248. «*Серебряное*» и «*золотое*» воскресенья. — «Серебряное» воскресенье — накануне Рождества; «золотое» — после Рождества.

... *толпы народа...* у Тица, у Вертгейма... — Тиц, Вертгейм — владельцы крупных универмагов, по именам которых магазины и названы.

Саламандра — название крупной обувной компании с большой сетью магазинов, сохранилась до сих пор.

Neue Welt (Neue Köln) — Новый мир (Новый Кёльн) — название газеты (нем.).

Kranzwürstchen — венцы сосисок (нем.).

С. 249. *Wahrdichter* — предсказатель, оракул (нем.).

Licht на лестнице... — *Licht* — свет (нем.). Нажимая на кнопку, входящий освещает лестницу до следующего пролета.

С. 251. *У Гитлера в программе...* — об этой программе Замятин мог узнать из газет или из книги Гитлера «Моя борьба» («*Mein Kampf*»).

С. 252. «*Знаки*» на домах... — На некоторых домах в Праге сохранились со времен средневековья металлические доски с теми или иными символами, указывающими на принадлежность их владельцев к определенному цеху.

И.тогда — гофмановское... — имеются в виду фантазмагорические картины, которыми насыщены произведения немецкого писателя-романтика, фантаста, сказочника, а также композитора Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776—1822).

Град — центральная часть Праги на невысоком холме, где во дворце находится резиденция главы государства. Дворец в первой половине XVII в. принадлежал Альбрехту Валленштейну (1583—1634).

С. 253. «*Татинек*» — *Масарик*. — Президента Чехословакии Масарика называли Татинек (Папаша).

С. 254. ... *изобрел essence для авто...* — Здесь: горючее, бензин (*фр.*).

С. 256. *Он был заведующим всеобучем.* — Всеобуч — всеобщее военное обучение, предварительная военная подготовка рабоче-крестьянской молодежи, подлежащей призыву в Красную Армию; в 1923 г. заменен вневоинской допризывной подготовкой.

С. 259. *Feu* — огонь, выстрел (*фр.*).

Прилавок для première fois... — буквально: для «первого раза» (*фр.*), то есть здесь: для посетителей казино, которые пришли впервые.

...*trente-et-quarante* — тридцать и сорок — азартная карточная игра (*фр.*).

Rien ne va plus! — Ставок больше нет! (*фр.*).

С. 260. ...*полуразбитый автобус: accident.* — Accident — несчастный случай (*фр.*).

С. 261. *Expulsé* — изгнанник (*фр.*).

С. 262. ...*при petite église russe...* — при маленькой русской церквушке... (*фр.*).

С. 263. ...*играют в «буль»...* — играют в шары (*фр.*).

С. 264. *Выбросило на камни у Зонгулдака.* — Зонгулдак — город на Черноморском побережье Турции.

Принкипо — «английский»... — Принкипо — небольшой островок вблизи Стамбула (Константинополя) в составе архипелага Принцевы острова.

С. 267. *Луна в тот месяц... была... красная, жуткая* — «*кровавая*». — В Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе) говорится о снятии печатей с книги: и когда Агнец снял шестую печать, «...произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» (гл. 6, ст. 12).

...«*труба архангела*». — Об ангеле с трубами рассказывается в 8—11 главах Апокалипсиса.

... *началось светопреставление: революция в Турции...* — имеется в виду национально-освободительная война против оккупировавших страну войск Антанты в 1918—1923 гг., возглавляемая Мустафой Кемалем (Ататюрком) (1881—1938), ставшим после победы революции первым президентом Турецкой республики (1923—1938).

«*Куполь*» — большой ресторан в Париже на бульваре Монпарнас, напротив не менее известного кафе «Ротонда», и там и здесь собирается художественная богема Парижа — художни-

ки, писатели, артисты, музыканты. Стены и даже потолок ресторана испещрены рисунками и автографами знаменитостей. Многие туристы и обыватели стремятся сюда попасть в надежде увидеть кого-нибудь из живых кумиров.

С. 269. ...*представительство Farbenfabrik AG...* — представительство Акционерного общества по производству красок (нем.).

С. 270. ...*ездит на... Rolls Royce по Champs Élysées...* — ... ездит на... роллс-ройсе по Елисейским полям. Роллс-ройс — одна из самых дорогих машин английского производства. Елисейские поля — самый знаменитый проспект Парижа, тянется от площади Согласия до Триумфальной арки. Прокладка улицы началась в XVII в. На Елисейских полях находится резиденция французских президентов — Елисейский дворец.

С. 271. *Gallerie Lafayette* — Галери Лафайет — один из самых крупных универсальных магазинов-пассажей в Париже, расположен на бульваре Османн, № 38—46.

С. 272. *Флит-стрит* — улица в Лондоне, где расположены редакции большинства влиятельных английских газет.

«*Don't disturb my digestion!*» — «Не мешайте моему пищеварению!» (англ.).

...*une amie* — подруга (фр.).

Как произошла революция 1918 года (9 ноября). — Замятин записал чей-то рассказ о том, как проходила революция в Германии в 1918 г. Ход событий воспроизведен с некоторыми неточностями. В действительности восстание матросов военного флота началось в Кильском порту 3 ноября. 9 ноября рабочие Берлина объявили всеобщую забастовку. Рабочие и солдаты захватили почту, телеграф, правительственные здания, вокзалы и т. д. Монархия рухнула. Кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. При огромном стечении народа один из основателей Коммунистической партии Германии Карл Либкнехт провозгласил Советскую республику. Через два часа один из правых лидеров Социал-демократической партии Германии Филипп Шейдеман провозгласил демократическую республику. Пост рейхсканцлера принял от Макса Баденского еще один правый лидер социал-демократии — Фридрих Эберт, избранный в 1919 г. президентом Германии. В созданный 10 ноября 1918 г. Совет народных уполномоченных, помимо Шейдемана, Эберта, вошли также правый эсдек Густав Носке, представитель Независимой социал-демократической партии Германии Г. Ледобур и другие правые. В Совет отказался войти Либкнехт, так как его условия — объявить Германию социалистической республикой и др. — не были приняты.

С. 273. *Halles (Les Halles)* — центральный рынок в Париже (чрево Парижа).

Châtelet — буквально: небольшой укрепленный замок; здесь: один из центральных районов Парижа.

С. 274. ...кафе «*Le Chien qui fume*» — кафе «Курящая собака» (фр.).

С. 275. ...выкрикивает: «*Intransigeant!*» — «*L'Intransigeant illustre. Quotidien politique*» — ежедневная политическая газета, выходящая в Париже с 1880 г.; первоначально была газетой левой оппозиции, периодически скатывалась вправо. После 1948 г. слилась с «*Paris-Presse*» и придерживается умеренно либеральных позиций. *Intransigeant* — непримиримый (фр.).

14 июля... На улице танцуют — толпа, *peuple*. — 14 июля — национальный праздник День взятия Бастилии. *Peuple* — народ (фр.).

Доне-муа ле сизо... — Дай мне ножницы (фр.).

С. 276. Потом — Галлиполи... — Галлиполи — область на западе Турции, куда в 20-е гг. пустили беженцев из России, остатки врангелевских войск.

С. 278. Член английского трейд-юниона... — Трейд-юнион — профессиональный союз (англ.).

Snake — змея (англ.).

С. 281. ...*coup de théâtre* — неожиданная развязка (фр.).

С. 282. «Сон в летнюю ночь» — комедия У. Шекспира (1596).

...флорентийский тенет — здесь: аншлаговая пьеса (ит.).

Баски говорят на языке... — Некоторые филологи утверждают, что у баскского языка много общих корней с языком современных абхазов.

Пещерные росписи кроманьонов — «*galop volant*» зверей... Альтамирский бизон... Фон-де-Гомский пещерный медведь... — Эта запись отражает интерес Замятина к доисторическому человеку и искусству. Он отмечает наиболее важные моменты открытий ученых, начиная с середины XIX в.: обнаружение предшественника современного человека — кроманьонца, пещерная живопись, найденная в пещере Альтамира (Испания) — *galop volant* (летающий галоп, фр.) зверей, там же реалистическое изображение бизона; живопись пещеры Фон-де-Гом (департамент Дордонь, Франция) принадлежит к числу лучших созданий эпохи палеолита — здесь изображения бизонов, лошадей, мамонтов, северных оленей, быков и каменных баранов.

С. 283. ...Соболевский доказал, что это были гунны... — Замятин имеет в виду труды А. И. Соболевского, посвященные древнерусской литературе, в частности «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии» (1910) и «Русско-скифские этюды» (1921–1924).

С. 284. Эваграй. — Далее записи следуют в том порядке, в каком они идут у Замятина.

С. 286. Отдельные листки. — На отдельных листках из блокнотов сохранились записи сюжетов, отдельные выражения, идеи новых произведений; так, видимо, Замятина заинтересовала история танцовщиков Вестрисов, в связи с этим он делает не-

сколько заметок. Реализована эта идея не была, хотя какие-то моменты из истории танцовщиков использованы в его кино-сценарии «Бог танца», где действие перенесено в XX век.

С. 292. *«L'âme dans les jambes»*. — «Душа — в ногах» (фр.).
«Amours des Dieux»... — «Любимец богов» (фр.).

ЛЕКЦИИ ПО ТЕХНИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ (с. 293)

Очерк новейшей русской литературы (с. 295)

Лекция была прочитана в Лебедянском народном университете 8 сентября 1918 г.

Напечатана: Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988 (под редакцией Е. Жиглевич и Б. Филиппова при участии А. Тюрина); Литературная учеба, 1988. № 5. С. 131—136 (публикация А. Стрижева).

Конспект лекции (с. 295—296) публикуется впервые.

С. 296. *З<ахолустные> офицеры; у попа была...* — Замятин приводит пример из своей повести «На куличках» (1914) (см. наст. изд. Т. 1. С. 136—211).

С. 298. *...печатавшиеся в «Знании» и «Земле»*. — «Знание» (1903—1913) — литературный сборник, издававшийся при активном участии М. Горького. В нем печатались писатели, демократически настроенные: Горький, Куприн, А. С. Серафимович, И. А. Бунин, В. В. Вересаев и др. Вышло 40 сборников. «Земля» (1908—1917) — литературный альманах, вокруг которого группировались преимущественно писатели, близкие к натурализму, — М. Арцыбашев, Ф. Сологуб, Е. Н. Чириков, одновременно здесь печатались и сотрудники «Знания».

С. 299. *«Я не либерал, не консерватор...»* — Замятин цитирует письмо Чехова А. П. Плещееву от 4 октября 1888 г.

С. 306. *...двуличный характер адвоката Семена Семеныча Моргунова*. — Замятин обращается к примеру из своей повести «Уездное».

С. 308 *... в городе Алатыре*. — Замятин приводит пример из своей повести «Алатырь».

Психология творчества (с. 315)

Лекция впервые прочитана перед молодыми литераторами в литературной студии Дома искусств (Петроград) в 1919 г.

Напечатана: Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988 (под редакцией Е. Жиглевич и Б. Филиппова при участии А. Тюрина); Литературная учеба, 1988. № 5. С. 136—139 (публикация А. Стрижева).

Конспект (от слов «Искусство *большое* и искусство *малое*» до слова: «Неожиданность») публикуется впервые.

Судя по содержанию эта лекция явилась первой в семинаре «Как писать рассказы», который вел Замятин.

Студия, открывшаяся 10 декабря 1919 г., явилась приемницей студии при издательстве «Всемирная литература» (организована в начале февраля; тогда же в число ее основных руководителей и лекторов вошел Е. Замятин; одной из основных целей студии было прокламировано: «литературное образование молодых поэтов и беллетристов»).

Корней Чуковский вспоминает о лекциях в студии Дома искусств в своем дневнике 29 марта 1922 г.: «В период черных годов 1919–1921 я давал оглушенным и замученным людям лекции Гумилева, Горького, Замятина, Блока, Белого...» (Чуковский К. И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 203).

С. 317. ...у Гейне в его «*Gedanken*» есть такой афоризм... — «*Gedanken*» — букв.: «Мысли» (нем.) — сборник афоризмов и кратких высказываний Генриха Гейне, впервые собранных и изданных А. Штротдтманом уже после смерти поэта под названием «Мысли и идеи» — в 1869 г. В 1925 г. было выпущено исправленное и дополненное издание в составе тома «Прозаическое наследие Гейне».

С. 318. ...человек уже не в состоянии сотворить этого чуда в Кане Галилейской. — О чуде, которое сотворил Иисус Христос во время свадьбы в Кане Галилейской, превратив воду в вино, рассказывается в Евангелии от Иоанна (гл. 2, ст. 3 — 11; гл. 4, ст. 46).

С. 319. ...в письме к Л. Гуревич... — Замятин цитирует с неточностями письмо к редактору «Северного вестника» Л. Я. Гуревич от 22 мая 1894 г.

О сюжете и фабуле (с. 321)

Впервые: Новый журнал (Нью-Йорк). № 75.

«О сюжете», конспект, от слов «Откуда сюжет?» до звездочек (с. 321–322) и конспект от слов «В драме...» до звездочек (с. 327–328) публикуются впервые.

С. 321. *Дедукция* — à thèse. — А <la> thèse — здесь: тенденция (фр.). Аналогично используется это выражение и в других произведениях Замятина.

С. 322. *Idem*. — То же самое, тот же, такой же (лат.). В тех же значениях Замятин употребляет это слово и его сокращение *id*. и в других своих произведениях.

Черновики — «Африка», «Землемер». — Замятин в качестве примеров называет свои рассказы (см. наст. изд. Т. 1. С. 323–333, 457–468).

Ex.: *Мак-Интош*. — В качестве примера Замятин называет одного из персонажей своей повести «Островитяне» (см. наст. изд. Т. 1. С. 389—441).

С. 324. *Однажды Андреев прочитал в записках Уточкина...* — имеется в виду воспоминания одного из первых русских летчиков Сергея Исаевича Уточкина о своем вечернем полете, опубликованные в газете «Одесские новости» в 1907 году. Под тюрмой здесь подразумевается Земля. Леонид Андреев под впечатлением воспоминаний Уточкина вскоре написал большой рассказ «Мои записки» (1908), который считал лучшим своим рассказом.

С. 326. *...если он не рамоли...* — Рамоли — расслабленный, немощный, слабоумный (*фр.*).

С. 330. *...держат читателя на forte...* — Forte — громко, в полную силу звука (*ит.*), музыкальный термин.

С. 333. «Север» — повесть Замятина (1922); см. наст. изд. Т. 1. С. 506—540.

О языке (с. 333)

Впервые: Новый журнал (Нью-Йорк). № 77.

С. 334. *...мы имеем стихи без определенного ритма — vers libre.* — Vers libre — свободный стих (*фр.*), строящийся на интонационно-синтаксической основе, не связанный ни рифмой, ни определенной метрикой.

С. 344. *...оказываются homunculus'ами, а не homo...* — Homunculus — человечек (*лат.*), homo — человек (*лат.*). По представлениям средневековых алхимиков, в лабораторной колбе можно искусственным путем получить некое существо, подобное человеку — homunculus.

С. 345. *... «Le feu» Барбюса...* — «Le feu» — «Огонь» (*фр.*), один из самых известных романов Анри Барбюса (1873—1935).

С. 348. *...индивидуализации диалогов — Чехов, «Степь», IV...* — Замятин ссылается на наиболее доступное и авторитетное Собр. соч. А. П. Чехова (СПб., 1901), в 4-м томе которого напечатана повесть «Степь». Страницы им указаны именно по этому изданию.

С. 349. *Мышление идет двумя основными путями: либо путем... силлогизмов...* — Силлогизм — рассуждение, в котором две посылки связаны центральным термином, который обеспечивает замыкание понятий, вывод.

С. 354. *После них были пуантилизм, интимизм, ташизм, лучизм...* — Пуантилизм (*фр.*) — манера живописи мазками в виде

точек (point). Интимизм (от *лат.* *intimus*) — самый глубокий, внутренний; разновидность жанровой живописи, получившая развитие в работах художников-неоимпрессионистов; частная жизнь, сцены обедов, бесед, прогулок, веселых игр, чтения книг и занятия рукоделием — вот основные сюжеты их работ. Для передачи атмосферы домашнего уюта и тепла интимисты использовали палитру сложных цветовых оттенков. Важную роль в их картинах играл свет. Ташизм (от *фр.* *tache* — пятно) — одна из разновидностей абстракционизма (абстрактный экспрессионизм); стремясь достичь острой эмоциональности колорита, ташисты превращают живопись в сочетание цветовых пятен, свободное от преднамеренной композиции и рисунка. Лучизм — разновидность абстракционизма, основателем которой явился русский художник Михаил Федорович Ларионов (1881—1964). Вот как он характеризовал созданное им новое направление в живописи в своей книге «Лучизм» (1913): «Лучизм имеет в виду пространственные формы, которые могут возникать от пересечения отраженных лучей различных предметов, формы, выделенные волею художника».

...что называется *plein-air*... — *Plein air* (вольный воздух, *фр.*) — пленэр, живопись на открытом воздухе (в отличие от живописи в мастерской); обычно пленэрной называется живопись, стремящаяся к передаче естественного освещения и воздушной среды и воспроизводящая реальные оттенки цвета, непосредственно наблюдаемые в природе.

...воспроизведение мгновенных *impressions*... — *Impressions* — впечатления (*фр.*).

С. 355. *Мир, как мое представление* — центральное положение философии А. Шопенгауэра (1788—1860); в своем произведении «Мир как воля и представление» (1819—1844) он доказывал, что весь мир, предстающий перед нами, есть созерцание того, кто созерцает, то есть представление; нет объекта без субъекта и субъекта без объекта. Следовательно, познавать мы можем лишь свои представления.

Ding an und für sich. — «Вещь в себе и для себя» (*нем.*) — понятие, обозначающее вещь как она существует сама по себе, независимо от познающего субъекта, одно из важнейших понятий, выдвинутых И. Кантом в своей работе «Критика чистого разума».

...*om realiora нашли realissima*... — *Realiora* — реальнейший (*лат.*); *realissima* — реальнейшая реальность (*лат.*).

Инструментовка (с. 357)

Впервые: Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988.

Конспект лекции от слов «Вот туманной фатою...» до звездочек публикуется впервые.

О ритме в прозе (с. 363)

Впервые: Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988.

С. 364. ... 4-й пэон с двумя краткими слогами. — Пэон (*ареч.*) — стихотворный размер греческих песен в честь богов. В русском стихосложении различают четыре вида пэонов. Четвертый пэон с ударением на четвертом слоге стопы часто встречается в четырехстопном ямбе и народных частушках.

О стиле (с. 369)

Впервые: Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988.

Краткий конспект от слов: «1. Литература — сложнейшее...» и до слова «дирижабль» публикуется впервые.

С. 375. «*Disappointment, discomfort, danger and decease*» — «Разочарование, смущение, опасность и смерть» (*англ.*).

«*If after I am free a friend of mine gave a feast*» — «Как только я освобожусь, мой друг закатит пир» (*англ.*).

С. 376. «*War in the air*» — «Война в воздухе» (*англ.*).

Футуризм (с. 387)

Лекция, прочитанная перед молодыми прозаиками и переводчиками в 1920 г.

С. 387. *Неореализм от философов неореалистов... от Лосского* — Н. О. Лосский (1870—1965) в своем учении сочетал персонализм и интуитивизм.

С. 389. ...*reductio ad absurdum* — доведение до абсурда (*лат.*), способ доказательства.

Чехов (с. 391)

Впервые: Литературная учеба. 1988. № 6 (подготовка текста А. Стрижева).

Данный вариант, включающий, помимо лекций, материалы к ним, публикуется впервые.

С. 392. *Он ясно видит... скуку, безвыходность жизни (Неведомский: 260—262)* — здесь и в других местах Замятин пересказывает фрагменты, касающиеся Чехова, из книги литературного критика М. Неведомского (наст. имя и фам. Михаил Петрович Миклашевский, 1866—1943) «Зачинатели и продолжатели» (1919), страницы указываются по этой книге.

С. 393. ...разговор зоолога фон Корена и дьякона (Измайлов, стр. 540) — здесь и далее Замятин ссылается на книгу писателя и литературного критика Александра Алексеевича Измайлова (1873—1921) «Чехов. 1860—1904. Биографический набросок» (М., 1916).

С. 394. ...вторые — милы (Чуковский, 1, 2, 6, 7, 8). — Замятин ссылается на книгу К. И. Чуковского «От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики». СПб.; М., 1908.

С. 395. *Il ne faut pas faire du bruit, la Sophie est dormee deja. Vous etes un ours.* — Не шумите, Софи уже спит. Вы — медведь (фр.).

С. 396. *Чувствительней всего для Чехова пошлость...* (Айхенвальд, 353). — Замятин приводит суждения о Чехове из книги известного критика Юлия Айхенвальда «Силуэты русских писателей», где Чехову посвящены три очерка: «Чехов», «Дети у Чехова», «Пьесы Чехова».

С. 400. *Вот рассказ «Беда» — о купце, которого засудили за то, что был членом ревизионной комиссии.* — В рассказе «Беда» речь идет о купце и члене ревизионной комиссии банка Авдееве, который проговорился на именинах у знакомых, что ему уже давно было известно о махинациях в банке. На следующий же день кто-то из присутствующих донес на него. Его арестовали и присудили к ссылке. Так что Замятин не вполне точно излагает суть рассказа: его засудили не за то, что он был членом ревизионной комиссии, а за недоносительство.

С. 404. *«Начал пьесу forte, кончил pianissimo'm».* — *Pianissimo* — очень тихо (ит.), музыкальный термин.

Из незавершенного (с. 411)

В раздел вошли сохранившиеся фрагменты из задуманных Замятиным произведений. Все материалы печатаются по рукописям, находящимся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк).

Наброски к роману (с. 413)

Впервые: Новый журнал. СПб., 1993. № 2. С. 13—50. Публикация А. Тюрина. Вступительная статья В. Туниманова (под заглавием «Дубы. Наброски к роману»).

Наброски к рассказам (с. 477)

Англия; Бабенчиковское; В пустыне; Вахан; Джоан Скотт; Доктор Орлов; Dologes; Ева; Ева; Комната № 2; На острове; Она; Пассажир; Гибель всех надежд; Последний день; Семь с половиной; Сумасшедший; Часы.

Впервые: Новый журнал (Нью-Йорк), 1989. № 176. С. 109–133 (публикация А. Тюрина; общее заглавие: Незаконченное).

Белые ночи; До и после; Бугаевы.

Впервые: Новый журнал, 1988. № 170. С. 72–88 (публикация А. Тюрина под общим заглавием: Из литературного наследия).

Гибель «Надежды»; Купчиха; набросок к рассказу; Эпикур.
Публикуются впервые.

Англия (с. 477)

С. 477. *Housewives* – жены-домохозяйки (англ.).

...to be more business-looking – выглядеть более деловыми (англ.).

Налеты Zen'ов – налеты цеппелинов (дирижабли времен Первой мировой войны).

Вахан (с. 481)

С. 482. *Дашнак* – член армянской националистической партии «Дашнакцутюн» (буквальное значение слова – союз, единение); возникла в начале 1890-х гг. на Кавказе, боролась за национальную самостоятельность Армении.

...сел в бест... – Бест (перс.) – основанное на старинном обычае право неприкосновенности некоторых мест (мечети, гробницы, посольства); *сесть в бест* – укрыться от преследований.

Пассажир (с. 493)

С. 494. *Follow me* – следуйте за мной (англ.).

Police-officer – офицер полиции (англ.).

Captain – капитан (англ.).

С. 495. *Message for you* – сообщение для вас (англ.).

Купчиха (с. 498)

С. 498. *Les extrémités se touchent* – крайности сходятся (фр.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин Аврелий (354—430), христианский теолог и церковный деятель — 167
- Авраамов Александр Михайлович — 6
- Адам, в Ветхом Завете прародитель человечества — 36, 114, 291, 295, 297, 300
- Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928), литературный критик — 396
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель — 50
- Александр Невский (1220—1263), князь Новгородский (1236—1251), великий князь Владимирский (с 1252), полководец — 376
- Алкей (кон. VII—1-я пол. VI вв. до н. э.), древнегреческий поэт-лирик — 382
- Альбов Михаил Нилович (1851—1911), писатель, беллетрист — 408
- Альбуин (Альбоин) (ум. 572), первый король лангобардов в Италии — 166
- Аминадо — см. Дон Аминадо
- Анакреон (Анакреонт) (ок. 570—478 до н. э.), древнегреческий поэт-лирик — 382
- Андреев Леонид Николаевич (1871—1919), прозаик, драматург, публицист — 192, 295, 300, 309, 315, 319—321, 324, 336, 403, 404, 406, 408
- Анна, в Новом Завете мать Пресвятой Девы Марии — 430
- Анненков Юрий Павлович (1889—1974), график и живописец — 111
- Ансельм Кентерберийский (1033—1109), христианский теолог и церковный деятель — 196
- Антоний Великий (ок. 250—356), основатель христианского монашества, канонизирован — 49, 336
- Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф, государственный и военный деятель — 237, 286
- Арганд Эме (1755—1803), английский фабрикант, изобретатель — 96
- Аретино Пьетро (1492—1556), итальянский писатель, публицист — 388, 440
- Арнобий (кон. III—нач. IV вв.), христианский писатель — 282
- Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927), прозаик, драматург, публицист — 295, 298, 324, 347
- Асенеф, в Ветхом Завете египетская жена патриарха Иосифа — 36
- Ататюрк Мустафа Кемаль (1881—1938), первый президент Турецкой республики (с 1923) — 281
- Атилла (Аттила) (?—453), предводитель гуннов (с 434) — 30, 31, 87, 283
- Ахматова (наст. фам. Горенко) Анна Андреевна (1889—1966), поэтесса — 296, 302, 308
- Аэций Флавий (ок. 390—454), римский полководец — 31
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт-романтик — 316
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942), поэт, прозаик, критик, переводчик — 295, 300, 302, 362, 363, 386

- Барабаш М. П. (?–1905), помощник исправника Миргородского уезда – 50
- Баранцевич Казимир Станиславович (1851–1927), писатель – 408
- Барбюс Анри (1873–1935), французский писатель и общественный деятель – 345
- Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), востоковед – 88
- Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), поэт – 344
- Бах Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор, органист, клавесинист – 489
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), литературный критик, публицист, общественный деятель – 400
- Белый Андрей (наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев) (1880–1934), поэт, писатель, теоретик символизма – 295, 296, 300, 302, 306, 308, 311, 322, 331, 363, 364, 366, 374–376, 380, 382
- Бёрне Людвиг (1786–1837), немецкий публицист и литературный критик – 164
- Бёрнс Роберт (1759–1796), шотландский поэт – 103
- Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор, пианист и дирижер – 315, 316, 478
- Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт – 28, 32, 195, 295, 296, 300, 303, 308, 317, 334, 364, 374, 383, 386, 440
- Богарне Жозефина (1763–1814), первая жена Наполеона I – 73
- Бодлер Шарль (1821–1867), французский поэт – 374, 377
- Боженко Константин Никанорович (1878–1939), журналист, публицист – 88
- Брак Жорж (1882–1963), французский живописец – 451
- Браманте Донато (1444–1514), итальянский архитектор эпохи Высокого Возрождения – 323
- Брейгель (Старший) Питер (между 1525 и 1530–1569), нидерландский живописец и рисовальщик – 280
- Брем Альфред Эдмунд (1829–1884), немецкий зоолог, просветитель – 167
- Брова (?–1921), атаман – 126
- Брусиловский Исаак Казимирович (Киселевич) (1865 или 1866–1933), писатель – 5
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед – 295, 300
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859), журналист, писатель – 497
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), писатель – 296, 298, 308, 331, 332, 338
- Бурже Поль Шарль Жозеф (1852–1935), французский писатель – 328, 332
- Бурлюк Давид Давидович (1882–1967), поэт, художник, критик, мемуарист, издатель – 388
- Буслаев Федор Иванович (1818–1897), языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства – 36, 97
- Бутурлина (урожд. Гагарина) Мария Сергеевна (1815–1902), владелица усадьбы в Ясенево – 147
- Буше Франсуа (1703–1770), французский живописец – 360, 371
- Валерская (наст. фам. Мельницкая) Елизавета (Елена) Константиновна (1888–1966), актриса – 111
- Валленштейн Альбрехт (1583–1634), полководец, главнокомандующий имперскими войсками во время Тридцатилетней войны (с 1625) – 252
- Ван Гог Винсент (1853–1890), голландский живописец, представитель постимпрессионизма – 452

- Васенко Тихон Андреевич, крестьянин — 76
- Василий Блаженный (?—1569), московский юродивый — 91, 103
- Василий Печерский (?—1098), преподобномученик — 49
- Вахрамеевы, старинный купеческий род в Ярославле; Вахрамеев Иван Александрович (?—1913), городской голова Ярославля — 477, 478
- Вейган Максим (1867—1965), французский военный деятель — 271
- Вербицкая (урожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна (1861—1928), прозаик, драматург — 332
- Верлен Поль (1844—1896), французский поэт — 377
- Вертгейм Георг (1857—1939), немецкий торговец, основатель сети универмагов — 248
- Вестрис Гаэтан (1729—1808), французский танцовщик — 291
- Вестрис Огюст (1760—1842), французский танцовщик, сын П Вестриса — 292
- Вийон Франсуа (1431 или 1432—после 1463), французский поэт — 274
- Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918) — 455
- Винниченко Владимир Кириллович (1880—1951), писатель — 347
- Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, художник, критик — 78, 79, 96, 300, 301
- Вольтер (наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ-просветитель — 394, 441
- Вяземский Леонид Дмитриевич (1848—1909), князь, генерал от кавалерии, коннозаводчик — 35
- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт, критик — 344
- Галилей Галилео (1564—1642), итальянский естествоиспытатель и мыслитель — 74
- Гамилькар Барка (?—229 до н. э.), карфагенский полковник периода 1-й Пунической войны (264—241 до н. э.) — 336
- Гамсун (наст. фам. Педерсен) Кнут (1859—1952), норвежский писатель — 315, 320
- Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель — 391
- Гастев Алексей Капитонович (1882—1939 или 1940), прозаик, публицист — 365
- Гаусс Карл Фридрих (1777—1855), немецкий математик — 96
- Ге (наст. фам. Голберг) Александр Юльевич (1879—1919), анархист — 268
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ — 251, 390, 400, 451
- Гейерстам Густав (1858—1909), шведский писатель — 483
- Гейне Генрих (1797—1856), немецкий поэт, публицист — 136, 164, 167, 168, 194, 315, 317, 335, 364, 374, 383, 391
- Геккель Эрнст (1834—1919), немецкий биолог — 387
- Герц (Херц) Генрих Рудольф (1857—1894), немецкий физик — 503
- Герцен Александр Иванович (1812—1870), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 68
- Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель — 136, 334, 364, 374, 383
- Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945), поэтесса, прозаик, мемуаристка, литературный критик — 295, 296, 300, 303, 355, 404, 408
- Гитлер (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889—1945), фюрер

- (вождь) Национал-социалистской партии (с 1921), глава германского фашистского государства (с 1933 — рейхсканцлер) — 251
- Глаубер Иоганн Рудольф (1604—1670), немецкий врач, аптекарь — 95
- Глез Альбер (1881—1953), французский художник и писатель — 351, 451
- Глюк Кристоф Виллибальд фон (1714—1787), немецкий композитор — 291
- Гобино Жозеф-Артюр (1816—1882), граф, французский писатель и дипломат — 136
- Гоген Поль (1848—1903), французский живописец — 351
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 50, 136, 303, 317, 321, 327, 330, 331, 335, 361, 362, 364, 367, 368, 374—376, 381—385
- Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941), литературный критик, публицист, переводчик — 344, 355
- Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967), прозаик, критик, переводчик — 296, 302, 308, 310, 311, 355
- Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868—1936), прозаик, драматург, публицист — 167, 200, 295, 298, 299, 301, 303, 317, 320, 321, 323, 324, 341, 347, 392, 393, 464
- Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), писатель, композитор, художник — 252, 320—322
- Градовский Григорий Константинович (1842—1915), публицист и общественный деятель — 396, 408
- Гребенщиков Яков Петрович (1888—1935), библиотековед — 5, 6
- Грегоровиус Фердинанд (1821—1891), немецкий историк — 88
- Грибов Алексей Николаевич (1902—1977), актер, народный артист СССР (1948), с 1924 — во МХАТе — 30
- Григорьев Борис Дмитриевич (1886—1939), живописец и график — 351
- Гумилев Николай Степанович (1886—1921), поэт, переводчик, литературный критик, теоретик акмеизма — 296, 302, 372
- Гуревич Любовь Яковлевна (1866—1940), литературный и театральный критик, прозаик, переводчица — 319, 398
- Гуревич Яков Яковлевич (псевд. Яков Крюковской) (1869—1942), драматург, прозаик, педагог — 199
- Гюисманс Шарль Мари Жорж (1848—1907), французский писатель — 318
- Давид Жак Луи (1748—1825), французский живописец — 360, 371
- Даниил, пророк — 51
- Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938), итальянский писатель — 345
- Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт — 156
- Дега Эдгар (1834—1917), французский живописец, график и скульптор — 354
- Демидов Анатолий Николаевич (1812—1870), князь, коллекционер — 73
- Деникин Антон Иванович (1872—1947), военный деятель, писатель, генерал-лейтенант — 54, 210
- Державин Гавриил (Гаврила) Романович (1743—1816), поэт — 344
- Диккенс Чарлз (1812—1870), английский писатель — 335, 386
- Дирак Поль Адриен Морис (1902—1984), английский физик — 238, 239
- Дойл Артур Конан (1859—1930), английский писатель — 328, 332
- Дон Аминадо (наст. имя и фам. Аминад Петрович (Аминодав

- Пейсахович) Шполянский) Людмила Николаевна (1888—1957), поэт, фельетонист, мемуарист — 167
- Досифей (Димитрий Колченков) (1810—1874), отец обители в Глинской пустыни — 97
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель и мыслитель — 200, 298, 305, 317, 322, 330, 332, 365, 380, 394, 397
- Дуров Владимир Леонидович (1863—1934), клоун, дрессировщик — 91
- Дыховичный Абрам Ионович (1882—?), инженер-строитель и проектировщик — 170
- Дюма Александр (1824—1895), французский писатель — 168, 332
- Ева, в Ветхом Завете жена Адама, праmaterь рода человеческого — 114, 291
- Екатерина I (1684—1727), российская императрица (с 1725) — 51, 179
- Екатерина II Великая (1729—1796), российская императрица (с 1762) — 195
- Елисеус Григорий Григорьевич (1858—1942), петербургский купец, владелец магазинов на Невском проспекте в Санкт-Петербурге и на Тверской улице в Москве — 466
- Есенин Сергей Александрович (1895—1925), поэт — 6, 302, 311
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, переводчик, критик — 344
- Зайцев Борис Константинович (1881—1972), прозаик, переводчик — 404, 408
- Замятин Евгений Иванович (1884—1937), прозаик, драматург, эссеист, литературный критик — 98, 147, 151, 158, 170, 363, 507—538
- Замятина (урожд. Усова) Людмила Николаевна (1883—1965), врач, жена Е. И. Замятина, его литературный секретарь — 139, 153
- Заратустра (Заратуштра) (между X и 1-й пол. VI вв. до н. э.), пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризм — 359, 370
- Зенкевич Михаил Александрович (1891—1973), поэт, переводчик — 302
- Зингер Исаак (1811—1875), американский изобретатель — 51, 154
- Зиновьев (наст. фам. Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936), политический деятель — 181
- Золя Эмиль (1840—1902), французский писатель — 167, 360, 371
- Зосима (?—1478), один из основателей и первый игумен Соловецкого монастыря (с 1435), канонизирован — 430
- Иаков (Иаков-праведник), сын Иосифа и Марии, брат Иисуса; вероятный автор Послания Иакова — 36
- Иван (Иоанн) Богослов, в Новом Завете апостол и евангелист — 430
- Иван IV Грозный (1530—1584), первый русский царь (с 1547), из династии Рюриковичей — 323
- Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949), поэт, мыслитель, филолог, переводчик — 295, 300, 355
- Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов) (1878—1946), критик, публицист, историк литературы и общественной мысли, мемуарист — 5
- Игорь Святославич (1150—1202), князь Новгород-Северский (с 1178), Черниговский (с 1199) — 283

- Игумнов Иван Николаевич, врач — 104
- Измайлов Александр Алексеевич (1873—1921), литературный критик, поэт, прозаик — 111, 336, 393, 394, 398, 404
- Иисус Христос — 94, 128, 133, 157—159, 166, 202, 242, 301, 392, 393, 430, 431, 445
- Илья, ветхозаветный пророк — 358, 361
- Иностранцев Константин Александрович (1876—1941), историк-востоковед — 88
- Иоаким, в Новом Завете отец Пресвятой Девы Марии — 430
- Иоанн Мосх (ум. 619), византийский (палестинский) монах, религиозный писатель — 284, 285
- Иоанн Предтеча, в Новом Завете предшественник Иисуса Христа, провозвестник его прихода — 476
- Иоанникий (Иван Филиппович Юсов) (1850—1921), настоятель Соловецкого монастыря (1895—1917), архимандрит — 43, 211
- Иосиф, в Ветхом Завете старший сын патриарха Иакова — 36, 464
- Иуда Искариот, в Новом Завете апостол, предавший своего учителя (Иисуса Христа) за 30 сребреников — 37
- Иулиания, мученица, жена Даниила-пророка — 51
- Каблуков Сергей Платонович (1881—1919), математик, музыкальный критик, секретарь Религиозно-философского общества — 188
- Казарновский Юрий Алексеевич (1904—1956), поэт — 32
- Казенин — 170
- Каменский Василий Васильевич (1884—1961), поэт, прозаик, драматург — 190, 388
- Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ — 389
- Карамзин Григорий (наст. имя Андрей Николаевич) (1814—1854), младший сын Н. М. Карамзина — 73
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), историк и писатель — 291, 292, 344
- Карамзина Аврора Карловна (Ева Аврора Шарлотта Шернваль) (1808—1902), фрейлина — 73
- Каронин С. (наст. имя и фам. Николай Елпидифорович Петропавловский) (1853—1892), писатель-народник — 391
- Качалов (наст. фам. Шверубович) Василий Иванович (1875—1948), актер, народный артист СССР (1936), с 1900 — в МХТ — 345
- Кейтон (Китон) Вильям (1879—?), американский наездник-жокей — 35
- Кемаль — см. Ататюрк
- Керенский Александр Федорович (1881—1970), политический и общественный деятель — 209, 210
- Кикоть Григорий Васильевич, последний станичный атаман, выбранный в 1920 г. в Кременчугском уезде — 99
- Киплинг Джозеф Редьярд (1865—1936), английский писатель — 375
- Клавдиан Клавдий (ок. 375—после 404), римский поэт — 284, 285
- Клерамбо Луи Никола (1676—1749), французский композитор и органист — 246
- Климов Михаил Михайлович (1880—1942), актер, народный артист СССР (1937), с 1909 — в Малом театре — 72
- Клодель Поль (1868—1955), французский писатель — 374, 375
- Клюге Герман Августович (1871—1956), зоолог — 282
- Клюев Николай Алексеевич (1887—1937), поэт — 6, 296, 302, 309, 311, 342, 344, 440
- Козьма Прутков, коллективный псевдоним, под которым в жур-

- налах «Современник», «Искра» и др. выступали в 50–60-х гг. XIX в. поэты А. К. Толстой и братья Жемчужниковы – 200
- Колчак Александр Васильевич (1874–1920), военачальник, один из организаторов Белого движения в Гражданскую войну – 43, 245, 458, 487
- Кольцов (наст. фам. Фридлянд) Михаил Ефимович (1898–1942), писатель, журналист, общественный деятель – 176
- Конан Дойл А. – см. Дойл А. К.
- Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства – 88
- Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал от инфантерии (1917), командующий белогвардейской Добровольческой армии (декабрь 1917–апрель 1918) – 434
- Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель и публицист – 295, 398
- Коши Огюстен Луи (1789–1857), французский математик – 96
- Крученых Александр (Алексей Елисеевич) (1886–1968), поэт, теоретик футуризма – 337, 388
- Крылов Иван Андреевич (1769–1844), баснописец – 147, 200
- Куланж – см. Фюстель де К.
- Куперен Франсуа (1668–1733), французский композитор – 434
- Куприн Александр Иванович (1870–1938), прозаик – 295, 298, 301, 337
- Курбе Гюстав (1819–1877), французский живописец – 451
- Лавров Петр Лаврович (1823–1900), филолог, социолог и публицист – 6
- Лазаревский Борис Александрович (1871–1936), писатель – 408
- Лафайет Мари Жозеф (1757–1834), маркиз, французский политический деятель – 271, 275
- Лашков Владимир (Василий) Лукич (1861–1932), поэт, драматург, журналист – 201
- Лев I Великий (ок. 401–474), византийский император (с 457) – 282
- Левитан Исаак Ильич (1860–1900), живописец – 324
- Левкеева Елизавета Ивановна (1851–1904), актриса Александринского театра (с 1871) – 406
- Ледебур Георг (1850–1947), немецкий деятель рабочего движения, адвокат – 272
- Лежнев Владимир Михайлович (1869–?), саратовский коннозаводчик – 35
- Лейкин Николай Александрович (1841–1906), писатель-юморист, издатель журнала «Осколки» (1882–1905) – 398
- Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), политический деятель и теоретик марксизма, основатель партии коммунистов и Советского государства – 72, 75, 83, 114, 136, 229, 466, 479
- Леонардо да Винчи (1452–1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер – 195
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт и прозаик – 73, 201, 302, 382
- Лесаж Ален Рене (1668–1747), французский писатель – 330, 332
- Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель – 328, 332, 333, 341, 445
- Лесли Юрий Федорович (?–1737), генерал-майор, участник русско-турецкой войны – 51
- Либкнехт Карл (1871–1919), один из основателей компартии Германии – 273
- Лисовый Никипор Микитич, атаман – 50, 55
- Лисовый Семен Микитич, атаман – 50, 55

- Лист Ференц (1811—1886), венгерский композитор, пианист, дирижер — 184
- Литвинов Максим Максимович (наст. имя и фам. Макс Баллах) (1876—1951), государственный деятель — 243
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), естествоиспытатель, поэт, художник, историк, общественный деятель — 344
- Лондон Джек (наст. имя и фам. Джон Гриффит) (1876—1916), американский писатель — 376
- Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965), философ — 387, 451
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), политический деятель, писатель, публицист — 91
- Львов Владимир Евгеньевич (1904—?), писатель — 238
- Людовик XII (1462—1515), французский король (с 1498), из династии Валуа — 166
- Магнус Эрикссон (1316—1374), король Швеции (1319—1363, формально до 1371) и Норвегии (1319—1355) — 151
- Магомет (Мохаммед, Мухаммед) (ок. 570—632), основатель ислама, в котором почитается как пророк, глава первого теократического мусульманского государства (с 630) — 349
- Майкельсон Альберт Абрахам (1852—1931), американский физик — 96, 97
- Макарий Калязинский (Матвей Васильевич Кожин) (1402—1483), святой Русской церкви, почитаемый в лике преподобных, основатель Троицкого Калязинского монастыря — 104
- Мамонтов Константин Константинович (1869—1920), генерал-лейтенант, участник Белого движения на Дону — 110
- Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938), поэт, прозаик — 302
- Мандык Максим (?—1922), атаман Зеньковского уезда — 57—60, 62
- Мане Эдуар (1832—1883), французский живописец — 354
- Манн Генрих (1871—1950), немецкий писатель — 332
- Мариенгоф Анатолий Борисович (1897—1962), поэт, прозаик, драматург, теоретик имажинизма — 386
- Мария (Дева Мария), в Новом Завете Богоматерь, мать Иисуса Христа — 193
- Мария Антуанетта (1755—1793), французская королева, жена (с 1770) Людовика XVI — 292
- Мария Стюарт (1542—1587), шотландская королева в 1542 (фактически с 1561) — 1567 — 157
- Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884), прозаик, публицист, критик — 332
- Маркс Карл (1818—1883), мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма — 120, 181, 463, 466
- Масаинов Алексей Алексеевич (1888—1971), поэт, критик — 388
- Масарик Томаш Гарриг (1850—1937), президент Чехословакии (1918—1935) — 253
- Матисс Анри (1869—1954), французский живописец, график — 351
- Матюха-Тюха (?—1923), атаман — 58, 230—233, 291
- Махно Нестор Иванович (1888—1934), руководитель анархо-крестьянского движения на Украине (1918—1921) — 51, 63, 88, 169
- Махонин Иван Иванович (1895—1973), инженер-конструктор, изобретатель — 254
- Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930), поэт — 314, 344, 388

- Мельников-Печерский (Павел Иванович Мельников, псевд. Андрей Печерский) (1818 — 1883), писатель — 341
- Менелик II (1844—1913), император Эфиопии (с 1889, с 1909 г. фактически не правил из-за болезни) — 153
- Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941), поэт, прозаик, драматург, религиозный философ, литературный критик — 399
- Месонье (Мейссонье) Эрнест (1815—1891), французский живописец — 360, 371
- Милле Жан Франсуа (1814—1875), французский живописец и график — 451
- Милюков Павел Николаевич (1859—1943), политический деятель, историк, публицист — 209
- Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889), поэт-сатирик, пародист, фельетонист, переводчик — 201
- Минский (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1856—1937), поэт, драматург, философ, переводчик — 300, 324, 404, 408
- Михаил, в Библии архангел, предводитель небесного воинства — 140
- Могучий Епимах Васильевич, рыбопромышленник в Мурманске и Архангельске — 43, 73
- Моисей, в Ветхом Завете предводитель израильских племен, пророк — 435
- Моисей Угрин (ум. 1043), преподобный, монах Киево-Печерского монастыря — 49
- Мошотт Якоб (1822—1893), немецкий физиолог и философ — 387
- Молоховец (урожд. Бурман) Елена Ивановна (1831—1918), автор книг по кулинарии — 253
- Моммзен Теодор (1817—1903), немецкий историк — 251
- Моне Клод (1840—1926), французский живописец — 354
- Мопассан Ги де (1850—1893), французский писатель — 315, 319, 328, 332, 336, 397
- Морли Эдвард Уильямс (1838—1923), американский физик — 96
- Моцарт Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор — 489
- Мстислав Святополкович (ум. 1099), князь Владимиро-Волынский, сын великого князя Святополка Изяславича — 49
- Мурильо Бартоломе Эстебан (1618—1682), испанский живописец — 51
- Мусина-Пушкина (урожд. Шернваль) Эмилия Карловна (1810—1846), жена графа В. А. Мусина-Пушкина — 73
- Мюссе Альфред де (1810—1857), французский писатель — 167
- Нагроцкая (урожд. Головачёва, в первом браке Тангиева) Евдокия Аполлоновна (1866—1930), прозаик, поэтесса — 332
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814, март—июнь 1815) — 73, 295, 297, 322, 503
- Неведомский М. (наст. имя и фам. Михаил Петрович Миклашевский) (1866—1943), публицист и литературный критик — 392, 397, 398
- Некраш Ликарион Витольдович (1886—1949), экономист, статистик — 5
- Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943), режиссер, критик, писатель, драматург, педагог — 25
- Нестор (1056—1114), монах Киево-Печерского монастыря, писатель, летописец — 49
- Никандров (наст. фам. Шевцов) Николай Никандрович (1878—1964), прозаик — 296, 298
- Никифоров Александр Исаакович (1893—1942), фольклорист, эт-

- нограф, историк литературы — 223
- Николай I (1796—1855), российский император (с 1825) — 73
- Николай II (1868—1918), последний российский император (1894—1917) — 439, 479
- Николай Николаевич (Младший) (1856—1929), великий князь, сын Николая Николаевича (Старшего), генерал от кавалерии (1901) — 255
- Николай Чудотворец (IV в.), архиепископ Мирликийский (г. Миры в Ликии, Малая Азия), христианский святой, почитаемый в Восточной и Западной церкви — 447
- Ницше Фридрих (1844—1900), немецкий философ — 168
- Новиков Иван Алексеевич (1877—1959), поэт, прозаик, драматург, эссеист — 302
- Носке Густав (1868—1946), германский социал-демократ — 272, 273
- Нотович Осип (Иосиф) Константинович (1847, по др. сведениям 1849—1914), писатель, публицист, издатель — 396, 408
- Ньютон Исаак (1642—1727), английский математик, физик, астроном и философ — 111
- Овсянко-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920), литературовед и языковед — 380, 402, 406, 407
- О. Генри (наст. имя и фам. Уильям Сидни Портер) (1862—1910), американский писатель — 345
- Одоевский Владимир Федорович (1803/1804—1869), князь, писатель, философ, музыкальный критик — 106
- Олаф II, святой (ок. 995—1030), король Норвегии (1015 или 1016—1028), при нем было завершено введение христианства в стране — 166
- Олеарий Адам (1603—1671), немецкий путешественник, автор «Описания путешествия в Московию...» (1643) — 424
- Олимпия (Олимпиада) (ум. 309 или 316 до н. э.), жена македонского царя Филиппа II, мать Александра Великого — 167
- Осинский Н. (наст. имя и фам. Валериан Валерианович Оболенский) (1887—1938), политический деятель, экономист — 170
- Оттон I Великий (912—973), король Германии (936—973), король Италии (951—973), первый король Священной Римской Империи (962—973) — 167
- Папини Джованни (1881—1956), итальянский писатель и журналист — 345
- Паули Вольфганг (1900—1958), швейцарский физик-теоретик — 239
- Переверзев Валерьян Федорович (1882—1968), литературовед и критик — 170
- Перцов Виктор Осипович (1898—1980), критик и литературовед — 32
- Петлюра Симон Васильевич (1879—1926), политический и военный деятель — 93, 287, 290
- Петр I Великий (1672—1725), царь (с 1682), первый российский император (с 1721) — 311, 341, 456
- Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939), живописец — 354
- Пикассо (наст. фам. Руис-и-Пикассо) Пабло (1881—1973), французский живописец; по происхождению испанец — 276, 451
- Пильняк (наст. фам. Вогау) Борис Андреевич (1894—1938), прозаик — 88
- Пимен Печерский, игумен Киево-Печерского монастыря (1132—1141) — 49
- Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), публицист, литературный критик — 201

- Пифагор Самосский (VI в. до н. э.), древнегреческий философ и математик — 335
- Пифия, в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах — 448
- Платон (428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 196
- Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт — 396, 408
- Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), государственный деятель, обер-прокурор Синода (1880—1905), публицист, переводчик — 306
- Покровский Михаил, звонарь в Угличе — 66
- Полонский (наст. фам. Гусин) Вячеслав Павлович (1886—1932), критик, журналист, историк — 170
- Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929), писатель, фельетонист, критик — 408
- Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954), писатель — 296, 302, 304
- Прутков — см. Козьма Прутков
- Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), донской казак, предводитель казацко-крестьянского восстания (1773—1775) — 88, 195
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт и прозаик — 50, 192, 253, 315, 319, 320, 340, 364, 374, 381, 382, 384
- Пшибышевский Станислав (1868—1927), польский писатель — 318
- Расин Жан (1639—1699), французский драматург, поэт — 360, 371
- Распутин (наст. фам. Новых) Григорий Ефимович (1872—1916), крестьянин Тобольской губернии, фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны — 118, 209, 479, 492
- Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (Бартоломео Франческо) (1700—1771), архитектор — 315, 321
- Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский живописец и архитектор — 73
- Рейнхардт (наст. фам. Гольдман) Макс (1873—1943), немецкий режиссер, актер — 282
- Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957), писатель — 71, 296, 302, 304, 308, 309, 311, 319, 331, 342, 344, 345, 357, 358, 361—363, 366, 368, 458
- Репин Илья Ефимович (1844—1930), живописец — 182, 315, 321, 323, 360
- Рёскин (Раскин) Джон (1819—1900), английский писатель, теоретик искусства — 441
- Ретиф де ла Бретон Никола (1734—1806), французский писатель — 360, 371
- Решетников Федор Михайлович (1841—1871), писатель — 391
- Риман Георг Фридрих Бернхард (1826—1866), немецкий математик — 96
- Ричардсон Сэмюэл (1689—1761), английский писатель — 373
- Роллан Ромен (1866—1944), французский писатель — 246
- Ротер (Роджер II) (1095—1154), король Сицилийский (с 1130) — 167
- Рыклин Григорий Ефимович (1894—1975), писатель — 245
- Саваоф, одно из имен Иеговы (Яхве) — 241
- Савватий (?—1435), инок Кирилло-Белозерского монастыря, один из основателей, наряду с Зосимой, Соловецкого монастыря (1429) — 430
- Сад Донасьен Альфонс Франсуа (1740—1814), маркиз де, французский писатель — 103
- Саккетти Франко (1330—1400), итальянский писатель — 88

- Салтыков (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович (наст. фам. Салтыков; псевд. Н. Щедрин) (1826–1889), писатель, публицист – 201, 361, 379, 380
- Сафо (Сапфо) (VII–VI вв. до н. э.), древнегреческая поэтесса – 382
- Северянин Игорь (наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарёв) (1887–1941), поэт, переводчик, мемуарист, очеркист – 344, 388
- Сезанн Поль (1839–1906), французский живописец – 451
- Сёра Жорж (1859–1891), французский живописец – 439
- Серафим Саровский (Прохор Исидорович Мошнин) (1754, по др. сведениям 1759–1833), один из наиболее почитаемых в Русской православной церкви святых – 148, 175, 479
- Сергеев-Ценский (наст. фам. Сергеев) Сергей Николаевич (1875–1958), писатель – 296, 302, 307, 308, 355
- Сергучев Илья Дмитриевич (1881–1956), прозаик, драматург – 298
- Симеон Столпник (ок. 390–459), христианский монах, аскет, отшельник – 282
- Сирано де Бержерак Савиньен (1619–1655), французский писатель – 195
- Скрябин Александр Николаевич (1871/1872–1915), композитор, пианист – 317, 359, 369, 370, 403, 404
- Соболевский Алексей Иванович (1856/1857–1929), филолог-славист – 283
- Сократ (469–399 до н. э.), древнегреческий философ – 167
- Соллогуб Владимир Александрович (1813–1882), прозаик, драматург, поэт, мемуарист – 365, 380
- Соловьев Иван Николаевич (1890–1924), сибирский атаман – 105
- Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), поэт, прозаик, драматург, переводчик – 295, 296, 300–302, 307, 308, 324, 364, 366, 367
- Соломон, царь Израильско-Иудейского царства (965–928 до н. э.) – 36
- Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677), нидерландский философ – 28
- Станиславский (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938), режиссер, актер, педагог, теоретик театра – 336
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800), полководец, генералиссимус (1799) – 503
- Сюрваж Леопольд (наст. имя и фам. Леопольд-Фридерик Леопольдович Штюцваге) (1879–1968), французский живописец и график, по происхождению русский – 351
- Тайров Александр Яковлевич (1885–1950), режиссер, организатор (1914) и руководитель Камерного театра – 261
- Тамерлан – см. Тимур
- Теккерей Уильям Мейкпис (1811–1863), английский писатель – 272
- Телегин Николай Васильевич, коннозаводчик в Орловской губернии – 35
- Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957), прозаик, театральный и литературно-общественный деятель – 295, 298
- Теодорих I (Теодерих I) (ум. 451), король вестготов (кон. 418–451) – 31
- Тимур (Тамерлан) (1336–1405), полководец, эмир (с 1370) – 482
- Тиц Герман (1837–1907), немецкий торговец, владелец универсальных магазинов – 248, 250
- Толстой Алексей Николаевич (1882/1883–1945), прозаик, драматург – 91, 296, 302, 304, 308, 311

- Толстой Иван Иванович (1858—1916), граф, археолог, нумизмат — 88
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), писатель и мыслитель — 151, 241, 243, 319, 321—323, 325, 332, 341, 360, 380, 381, 398, 400
- Траян (53—117), римский император (с 98), из династии Антонинов — 31
- Тренев Константин Андреевич (1876—1945), прозаик, драматург — 296, 298, 302, 342
- Трепов Александр Федорович (1862—1928), государственный деятель — 492
- Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940), политический деятель — 107, 111, 466
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель — 234, 335, 379, 398
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873), поэт, публицист, дипломат — 302, 396
- Уайльд Оскар (1854—1900), английский писатель и критик — 158, 375, 377
- У Пэй-фу (1878—1939), китайский военный и политический деятель — 277
- Урбинская Елизавета Гонзага, супруга герцога Гвидо де Монтефельтро, одного из покровителей П. Аретино — 440
- Урицкий Моисей Соломонович (1873—1918), политический деятель, юрист — 442
- Усов Дмитрий, инженер-химик, исполнитель цыганских романсов — 253
- Успенский Плеб Иванович (1843—1902), писатель — 234, 391, 407
- Успенский Николай Васильевич (1837—1889), писатель — 234
- Уточкин Сергей Исаевич (1876—1915/1916), летчик, популяризатор авиационного дела в России — 324
- Уэллс Герберт Джордж (1866—1946), английский писатель — 328, 332, 372, 376
- Федин Константин Александрович (1892—1977), писатель — 88
- Федор (?—1098), первый инок в Киево-Печерском монастыре — 49
- Федоров Александр Митрофанович (1868—1949), писатель — 340
- Федр (ок. 15 до н. э.—ок. 70 н. э.), римский поэт-баснописец — 382
- Федра, в греческой мифологии дочь критского царя Миноса — 178
- Фейербах Людвиг (1804—1872), немецкий философ — 387
- Фигнер Вера Николаевна (1852—1942), революционная работница, писательница — 247
- Филипп II (ок. 382—336 до н. э.), царь Македонии (с 359) — 167
- Филиппов Иван Максимович (1824—1878), владелец магазинов и пекарен на Тверской улице в Москве и в других городах России — 189
- Финн Александр, наездник — 35
- Флобер Гюстав (1821—1880), французский писатель — 315, 319, 325, 332, 336
- Флоренский Павел Александрович (1882—1937), православный священник, философ, ученый-инженер — 96
- Фолкнер Уильям (1897—1962), американский писатель — 247
- Фома Аквинский (1225 или 1226—1274), христианский богослов и философ — 103
- Форш (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна (1873—1961), прозаик, драматург — 6
- Франс Анатолий (наст. имя и фам. Анатолий Франсуа Тибо) (1844—1924), французский писатель — 82, 194
- Фрейд (Фройд) Зигмунд (1856—1939), австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа — 488

- Фридрих Вильгельм II (1744—1797), прусский король (1786—1797) — 251
- Фюстель де Куланж Ньюма Дени (1830—1889), французский историк — 284, 285
- Хейнель Анне-Фридерике (1752—1808), французская балерина, по происхождению немка — 291
- Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович) (1885—1922), поэт, теоретик футуризма — 388
- Христовый Леонтий Остапович (1898—?), атаман Гадячского уезда Полтавской губернии — 51—53, 55—59, 63, 231
- Христос — см. Иисус Христос
- Цезарь Гай Юлий (102 или 100—44 до н. э.), римский диктатор, полководец, писатель — 503
- Ценский — см. Сергеев-Ценский С.Н.
- Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель — 167
- Цукколи, итальянский писатель — 345
- Чайковский Петр Ильич (1840—1893), композитор — 30, 370
- Чапыгин Алексей Павлович (1870—1937), прозаик, драматург, публицист — 5, 6
- Чехов Антон Павлович (1860—1904), писатель — 111, 201, 295, 297—301, 303, 310, 315, 319, 321, 324, 327—329, 331, 332, 337, 340, 341, 348, 350, 353—357, 391—409, 440
- Чжан Цзо-линь (1876—1928), китайский генерал, глава Фынтяньской клики милитаристов — 277
- Чинизелли Гаэтано (1815—1881), итальянский артист цирка, в 1877 г. открыл стационарный цирк в Санкт-Петербурге — 465
- Чириков Евгений Николаевич (1864—1932), писатель — 295, 298
- Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков) (1882—1969), писатель, литературовед — 98, 324, 336, 375, 394, 395
- Чулков Георгий Иванович (1879—1939), писатель — 295, 300
- Шаляпин Федор Иванович (1873—1938), певец (бас), народный артист Республики (1918) — 466
- Шарко Жан Мартен (1825—1893), французский врач, один из основоположников невропатологии и психотерапии — 87
- Шейдеман Филипп (1865—1939), один из лидеров Социал-демократической партии Германии — 272, 273
- Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893—1942), поэт, прозаик, переводчик, литературный критик — 388
- Шишков Александр Семенович (1754—1841), государственный деятель, адмирал, писатель — 344
- Шкловский Виктор Борисович (1893—1984), прозаик, литературовед, критик, сценарист, киновед — 111
- Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950), прозаик, публицист — 296, 302, 342
- Шопен Фридерик (1810—1849), польский композитор, пианист — 184
- Шопенгауэр Артур (1788—1860), немецкий философ — 168
- Шоу Джордж Бернард (1856—1950), английский писатель — 82, 372
- Штраус Рихард (1864—1949), немецкий композитор, дирижер — 359, 370
- Шуба (наст. фам. Приходько) (?—1920), атаман — 54
- Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931), литературовед, историк — 5
- Щедрин Н. — см. Салтыков М. Е.
- Щур (1890—1920), казак — 52, 53

- Эберт Фридрих (1871–1925), президент Германии (с 1919), лидер Социал-демократической партии – 272, 273
- Эваграй (Евагрий Понтийский) (346–399), христианский церковный писатель – 284, 285
- Эйнштейн Альберт (1879–1955), физик-теоретик – 387
- Энгельс Фридрих (1820–1895), немецкий мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма – 181, 195
- Эпикур (341–270 до н. э.), древнегреческий философ – 504
- Эпимах – см. Могучий Е. В.
- Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), писатель – 95
- Юденич Николай Николаевич (1862–1933), генерал от инфантерии (1915), один из руководителей Белого движения на Северо-Западе России – 262
- Юрьев Юрий Михайлович (1872–1948), актер (с 1893), художественный руководитель (1922–1928) Александринского театра – 335
- Юхкум Вальтер Леопольдович (1898–1934), эстонский писатель – 187
- Якубовский Петр Филиппович (1860–1911), поэт, народоволец – 391
- Ярославский Емельян Михайлович (Миней Израилевич Губельман) (1878–1943), политический деятель – 245
- Addison (Аддисон Джозеф) (1672–1719), английский писатель – 148
- Allard Paul (1841–1916), французский археолог, историк и юрист – 283–285
- Bardy Gustave (Барди Густав) (1881–1955), церковный историк, философ, богослов – 283, 285
- Baudrillard André (Бодрильяр Анри Жозеф Леон) (1821–1892), французский публицист и политэконом – 283, 285
- Baupard Louis (1828–1919), французский прелат – 283, 285
- Breuil (Брей Анри) (1877–1961), французский священник и археолог – 282
- Brogie (Брольи Жак Виктор Альбер) (1821–1901), французский публицист, историк и государственный деятель – 283, 285
- Budé Guillaume (1467–1540), французский гуманист – 283, 285
- Burry – 283, 285
- Cahun Léon, французский писатель, автор «Введения в историю Азии...» – 283, 285
- Copeau J. (Копо Жак) (1879–1949), французский режиссер, актер, драматург – 282
- Duruy Victor (Дюрюи Жан Виктор) (1811–1894), французский историк и государственный деятель – 283, 284
- Guizot (Гизо Франсуа) (1787–1874), французский историк – 284
- Harzfeld Adolphe – 284, 285
- Jean Chrysostome (Хризостом), Иоанн Златоуст (между 344 и 354–407), византийский церковный деятель, архиепископ Константинополя (397–404) – 284, 285
- Jullian Camille (1859–1933), французский историк – 284
- Imbert de Saint-Amant (Эмбер де Сент-Аман, барон Артур-Леон) (1834–1900), французский писатель – 28
- Keith A. (Кейт Артур Берридал) (1879–1944), английский санскритолог – 282
- Kurth Godefroid (1847–1916), бельгийский историк – 284, 285
- Lord Nugent (Нуджент Лорд Роберт-Креггс) (1702–1788), ир-

- ландский политический деятель и поэт — 292
- Morgan J. de (Морган Жак Жан Мари де) (1857—1924), французский археолог — 282
- Mouret Fernand (1854—1938), английский историк — 284, 285
- Régnier Adolphe (Ренье Жак Огюст Адольф) (1804—1884), французский ориенталист и политический деятель — 284, 285
- Régnier Henri de (Ренье Анри де) (1864—1936), французский писатель — 28
- Rémusat de (Ремюза Клер-Элизабет де) (1780—1821), графиня, французская писательница — 28
- Saint-Athanase (Афанасий Александрийский) (ок. 295—373), христианский богослов, епископ г. Александрия; отец Церкви — 283, 285
- Saint-Simon (Сен-Симон Луи де Рувруа) (1675—1755), французский писатель — 28
- Sidoine Apollinaire (Сидоний Аполлинарий) (?—483), галло-римский писатель — 283
- Thierry Aimé (Тьерри Амедэ) (1797—1873), французский историк — 284
- Vacandard Elphège-Florent — 284, 285
- Vasilij Blajennij — см. Василий Блаженный

Составители

А. Н. Тюрин и Т. И. Шагова

**АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. И. ЗАМЯТИНА
В СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ. Т. 1–5**

- Австралиец – 1, 442
Автобиография – 1, 21; 2, 3; 3, 3; 4, 3
Алатырь – 1, 255
Анатоль Франс (Некролог) – 3, 73
Ангел Дормидон – 2, 11
Андрей Белый – 3, 55
А. П. Чехов – 2, 474
Апрель – 1, 303
Арапы – 2, 20
Атилла – 3, 358
Африка – 1, 323
Африканский гость – 3, 420
Actualités soviétiques – 4, 353
- Белая любовь – 3, 24
Бернгард Келлерман. Сочинения.
Т. I–IV – 4, 279
Беседы еретика – 4, 312
Бич Божий – 2, 369
Блокноты – 5, 3
Блоха – 3, 309
Бог – 2, 7
Бог ганца – 4, 131
Большим детям сказки. Сборник –
2, 5
Борис Григорьев – 4, 341
Будущее театра – 4, 208
Бунт капиталистов – 4, 309
Буриме – 2, 510
Былины – 4, 413
Бяка и Кака – 2, 29
- В Передвижном театре – 4, 296
Великая любовь Гойи – 4, 117
Великий Ассенизатор – 4, 310
Верешки – 1, 359
«Вестник литературы» – 4, 327
Вешние воды – 4, 98
Видение – 2, 205
- «Включение скоростей» Воскре-
сенского – 4, 341
Война в воздухе – 4, 381
Война и мир – 4, 102
Воспоминания о Блоке – 3, 13
Все – 1, 567
Встреча – 2, 199
Встречи с Б. М. Кустодиевым – 3, 43
Вторая сказка про Фиту – 2, 38
- Г. Д. Уэллс – 4, 387
Георгий Куклин. Краткосрочники –
4, 339
Герберт Уэллс – 3, 75
Глаза – 1, 469
«Грядущая Россия» – 4, 322
- Д-503 – 4, 37
Девушка – 1, 67
Дездемона – 4, 124
Десятиминутная драма – 2, 140
Детская – 1, 550
Для сборника о книге – 3, 186
Добрыня – 3, 197
Домашние и дикие – 4, 298
Дракон – 1, 473
Дрянь-мальчишка – 2, 27
Дьячок – 2, 18
- Елизавета Английская – 4, 281
Ёла – 2, 121
- Жизнь начинается снова – 4, 150
Житие Блохи – 3, 545
Журнал для пищеварения – 4, 271
- Завтра – 3, 114
Закулисы – 3, 187
Заметки из журнала «Современ-
ный Запад» – 4, 403

«Записки мечтателей» — 4, 376

Землемер — 1, 457

Знамение — 1, 446

Иваны — 2, 9

Из незавершенного — 5, 411

Икс — 2, 94

Инструментовка — 5, 357

История одного города — 3, 487

Картинки — 2, 28

<Кинематографические параллели> — 4, 260

Кино — 4, 259

Колумб — 1, 361

Колумб (повесть) — 1, 366

Краткая история «Всемирной литературы» от основания и до сего дня — 2, 526

Кряжи — 1, 316

Куны — 2, 56

Л. Андреев — 3, 39

Л. Борисов. Четыре с плюсом. Рассказы — 4, 338

Лев — 2, 193

Лекции по технике художественной прозы — 5, 293

Лица (сборник) — 3, 13

Ловец человеков — 1, 484

М. Горький — 3, 60

Мазепа — 4, 177

Мамай — 1, 475

Москва — Петербург — 4, 233

Мученики науки — 2, 144

Мы — 2, 211

На дне — 4, 161 (418)

На куличках — 1, 136

Наводнение — 2, 157

«Над пучиной» Энгеля — 4, 297

Надежное место (В Задонск на богомолье) — 1, 443

Народный театр — 4, 203

Невидимка — 4, 401

Непутевый — 1, 212

Неугасимый огонь — 4, 396

Ник. Никитин. Сейчас на Западе — 4, 336

Новая русская проза — 3, 125

Нос — 4, 139

О белом угле — 4, 302

<О кончине Блока> — 4, 330

О лакеях — 4, 301

О литературе, революции, энтропии и о прочем — 3, 173

О моих женах, о ледоколах и о России — 4, 348

О равномерном распределении — 4, 304

О ритме в прозе — 5, 363

О романе «Машина времени» — 4, 393

О святом грехе Зеницы-девы — 1, 571

О сегодняшнем и о современном — 3, 140

О синтетизме — 3, 164

О служебном искусстве — 4, 295

О стиле — 5, 369

О сюжете и фабуле — 5, 321

О том, как исцелен был инок Еразм — 1, 575

О художественной прозе — 5, 380

О чуде, происшедшем в Пепельную Среду — 1, 587

О языке — 5, 333

Общество Почетных Звонарей — 3, 249

О'Генри — 3, 109

Огненное А — 2, 33

Огни Св. Доминика — 3, 205

Один — 1, 31

Одиннадцать и одна — 4, 10

Они правы — 4, 308

Островитяне — 1, 389

«Островитяне»: примеры — 5, 377

Очерк новейшей русской литературы — 5, 297

Первая сказка про Фиту — 2, 35

Перегидам. От редакции «Русского Современника» — 3, 154

Петр Петрович — 2, 21

Пещера (рассказ) — 1, 541

Пещера — 3, 473

Пиковая дама — 4, 59

Письменно — 1, 352

Письмо в редакцию — 2, 546

Письмо Сталину — 2, 550

Подземелье Гунтона — 4, 14

Полуденница — 1, 334

- Пора — 4, 328
 Последняя сказка про Фиту — 2, 42
 Последняя страница — 4, 312
 Правда истинная — 1, 357
 Предисловие <к книге: Джек Лондон. Сын волка и другие рассказы> — 4, 373
 Предисловие <к повести Г. О. Куклина «Краткосрочники»> — 4, 339
 Презентисты — 4, 283
 Приветственное слово к 50-летнему юбилею М. Горького — 2, 509
 Приветствие от месткома покойных писателей — 2, 541
 Психология творчества — 5, 315
 Пушкин — 4, 356
- Размер в прозе — 5, 380
 Рай — 4, 315
 Рассказ о самом главном — 2, 63
 Расстановка слов — 5, 379
 Речь на вечере памяти А. А. Блока — 4, 331
 Речь на похоронах Ф. Сологуба — 3, 30
 Рифма в прозе — 5, 380
 Ричард Бринсли Шеридан. 1751—1816 — 2, 495
 Роберт Майер — 2, 435
 Рождение Ивана — 3, 536
 Русская литература — 4, 359
 Русь — 2, 47
- Север — 1, 506
 Север (киносценарий) — 4, 7
 Серапионовы братья — 3, 181
 Сибирь — 4, 28
 Симфония Бородина — 4, 200
 «Сирин» — 4, 276
 Сказка об Ивановой ночи и Маргаритке — 2, 555
 Сказки — 4, 417
 Скифы ли? — 4, 285
 Слово предоставляется товарищу Чурьгину — 2, 111
 Советские дети — 4, 342
 Современный русский театр — 4, 213
 Сподручница грешных — 1, 559
- Старшина — 1, 311
 Стенька Разин — 4, 41
 Стихотворения — 4, 411
 Студенческий сынок — 1, 254
- Театр в Советской России. Два великана: Станиславский и Мейерхольд — 4, 230
 Театр и кино в Советской России — 4, 257
 Театральные параллели — 4, 263
 Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева — 2, 511
 Третья сказка про Фиту — 2, 40
 «Трехмерный фильм» — 4, 260
 Три дня — 1, 234
 Тулумбас — 1, 503
- Уездное — 1, 80
 Уэллс — 4, 377
- <Фрагменты> — 4, 418
 Футуризм — 5, 387
- Халдей — 2, 23
 Херувимы — 2, 32 (544)
 Хряпало — 2, 14
 Художник и общественность — 5, 389
- Царь в плену — 4, 76
 Цель — 3, 116
 Церковь Божия — 2, 25
- Часы — 2, 184
 Четверг — 2, 30
 Чехов — 3, 32
 Чехов (лекции) — 5, 391
 Чингиз-хан — 4, 193
 Чрево — 1, 289
- Шесть девяток — 4, 338
- Электричество — 2, 16
 «Энергия» — 4, 273
 Эпитафии 1929 года — 2, 542
 Эренбург — 4, 333
- Я боюсь — 3, 120

СОДЕРЖАНИЕ

БЛОКНОТЫ

3

ЛЕКЦИИ ПО ТЕХНИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Очерк новейшей русской литературы	295
Психология творчества	315
О сюжете и фабуле	321
О сюжете	321
О фабуле	327
О языке	333
Инструментовка	357
О ритме в прозе	363
О стиле	369
«Островитяне»: примеры	377
Расстановка слов	379
Рифма в прозе	380
Размер в прозе	380
О художественной прозе	380
Футуризм	387
Художник и общественность	389
Чехов	391

ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОГО

Наброски к роману	413
Наброски к рассказам	477
КОММЕНТАРИИ	505
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	540
АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. И. ЗАМЯТИНА В СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ. Т. 1–5	556

559

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЗАМЯТИН

Собрание сочинений в пяти томах

Том 5

ТРУДНОЕ МАСТЕРСТВО

Редакторы *П. П. Апрышко, А. П. Маринин, Т. И. Шагова*

Художник *И. А. Шиляев*

Технический редактор *Т. А. Новикова*

Корректор *Е. Н. Светлова*

Часть тиража – в суперобложке

(художник *А. В. Дружинин*)

Подписано в печать 04.10.10. Формат 84×108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 29,40. Уч.-изд. л. 28,25. Тираж 3000 (1-й завод 1–1000) экз.

Заказ № 5506.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Республика»

ОАО Издательство «Республика»

Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Министерства связи и массовых коммуникаций

Российской Федерации.

Ул. Пилота Нестерова, 5, Москва, А-167, ГСП-3 125167.

Издательство «Дмитрий Сечин»

123298 Москва, а/я 33. Д. Е. Сечин

E-mail: sechinbook@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»

610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: pto@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-904962-02-9

9 785904 962029